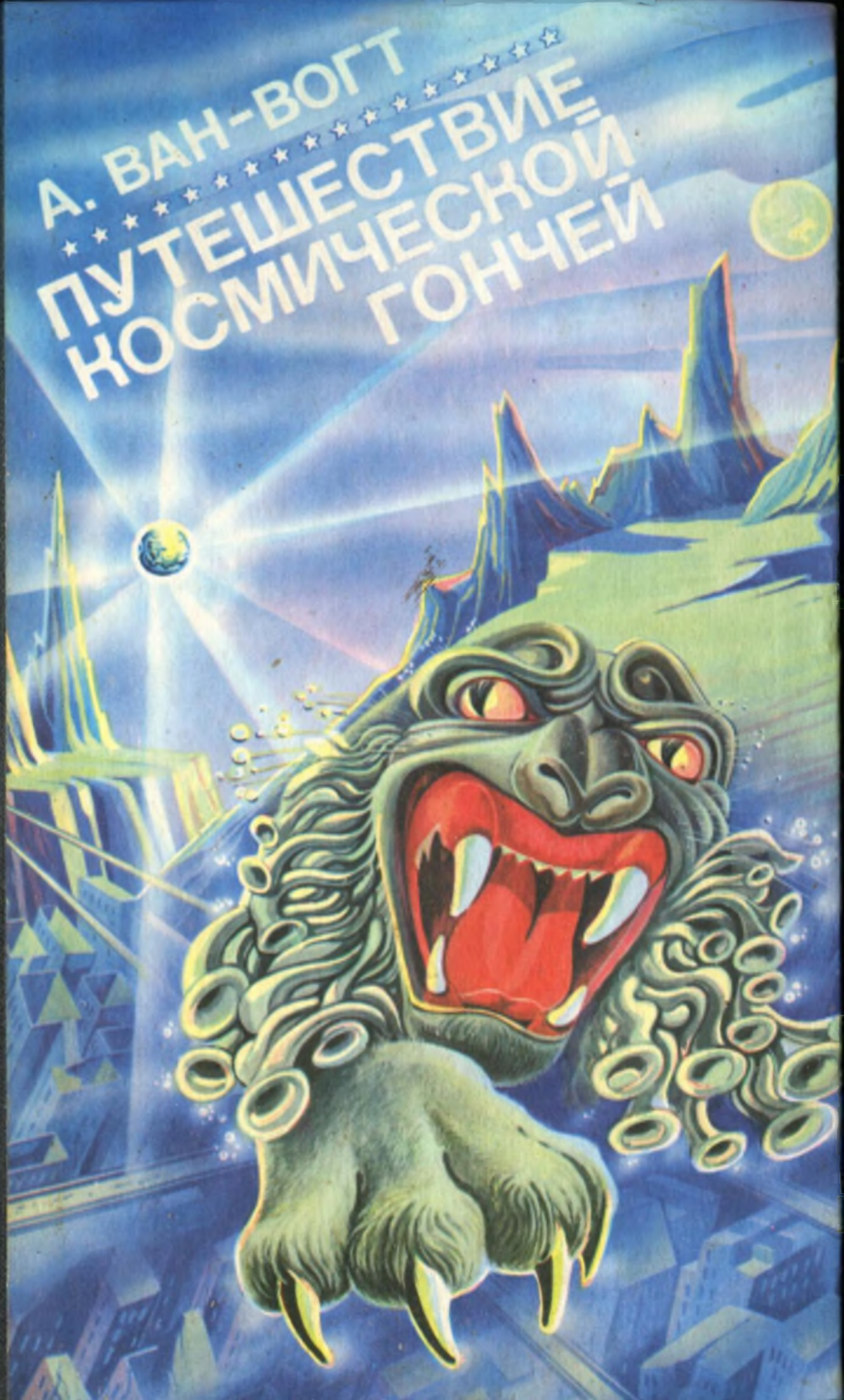
ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА



ЗАРУБЕЖНАЯ ФАНТАСТИКА

Альфред Элтон Ван-Вогт

ПУТЕШЕСТВИЕ «КОСМИЧЕСКОЙ ГОНЧЕЙ»

Перевод с английского

«ЭЯ»
КИШИНЕВ
1993

В 12

Составитель *В. П. Кирчев*

Альфред Элтон Ван-Вогт

В 12 Путешествие «Космической Гончей»: Перевод с англ. Сост. В. П. Кирчев — Кишинев. «ЭЯ», 1993 г. — 544 с. (Зарубежная фантастика, вып. 27.).
ISBN 5—86892—100—3

Альфред Элтон Ван-Вогт принадлежит к старшему поколению американских фантастов. Из-под его пера вышло более пятидесяти романов. Во многих из них он пытается предугадать, что ждет человечество через тысячи лет. Его прогнозы кажутся необычайно убедительными. Ван-Вогт прекрасно разбирается в достижениях науки своего времени — истории, археологии, биологии, физики. Поэтому фантастические миры, которые он создает в своих книгах, воспринимаются как реальные. Это происходит еще и потому, что в центре каждого из них — человек, которому приходится сталкиваться с предательством и коварством, преодолевать ненависть, побеждать врагов, завоевывать друзей и не бояться ответственности за будущее человечества и его судьбы.

ISBN 5—86892—100—3

© Сост. В. П. Кирчев, 1993
© Художник О. Полищук, 1993.

КНИГА ПТА

Он был Пта. Таким было не только имя. Он был Пта и ощущал это в себе, как часть тела, как руки и ноги, как землю, по которой он сейчас шел. Нет, не совсем верно. Земля не была его частью. Связь между ними, конечно, существовала, он чувствовал ее, но она не была столь явной и прямой. Итак, он был Пта и шел по земле по направлению к Пта, после долгого отсутствия возвращаясь в город Пта — столицу великой империи Гонволан.

То немногое, что он пока знал о себе, то малое, что вспоминал, не задумываясь, казалось очень важным. Так, он чувствовал, что ему нужно пройти этот путь,— и шел мерным быстрым шагом, не сбиваясь и не останавливаясь. Вскоре Пта миновал очередной изгиб реки и свернул к западу.

На западе лежала огромная равнина, поросшая травой. Изредка на ней встречались деревья, а вдали, подернутые туманной дымкой, высились горы, к которым, как он догадывался, ему и нужно было двигаться.

С некоторой досадой он поглядывал на реку, которая то и дело петляла, преграждая ему путь, отнимая силы и время. Он весьма смутно сознавал, почему, но всем своим существом стремился как можно быстрее добраться до гор. А уж там... Когда он окажется у их подножий... Ему казалось, что он будет смеяться, кричать и чуть ли не прыгать от радости!..

И тут же он поймал себя на том, что все же не до конца уверен в своих действиях.

Да, он — Пта, возвращающийся к своему народу. Но что это за народ? И какая страна — Гонволан?

Ничего из этого он не помнил. И как ни напрягал память, не мог получить ответа.

Вот снова нужно переправляться через реку. Дважды он подступал к самой воде, увязая по щиколотку в мокром и мелком прибрежном песке, и каждый раз отходил назад, чувствуя впереди что-то чуждое и почти угрожающее. Неожиданно больно кольнула мысль, что нечто подобное было известно ему прежде, чем он появился из мрака неведения. В замешательстве Пта оглянулся на горы, которые окаймляли горизонт с юга, востока и севера. Они выглядели точно так же, как и горы на западе, с той только разницей, что они его не интересовали.

Снова он устремил взгляд вперед, к западным горам. Нужно

идти к ним, невзирая на все препятствия. Ничто не сможет остановить его. Вперед, через реку, туда, к величавому манящему миру!..

Мгновение он помедлил, затем вошел в темный и страшный водоворот течения. Вода, подхватившая его, показалась Пта живым существом. И она ведь передвигалась по земле, не принадлежа ни ему, ни земле...

Так он рассуждал, пока не провалился вдруг в глубокую яму. Вода алчно взметнулась вверх, захлестнула уши, рот, ноздри. Он понял, что вот-вот захлебнется. Пришлось нырнуть и сильно оттолкнуться от дна руками и ногами. После нескольких судорожных попыток ему удалось выбраться на более мелкое место.

Пта не испугался, только почувствовал сопротивление воды. Ему нужно попасть к горам, а река хотела остановить его. Но он не позволит ей задержать себя. Если кто-то и будет побежден, то не он. И он бесстрашно двинулся вперед.

Не обращая внимания на судороги в икре,он шаг за шагом одолевал плотную толщу воды, которая, как женщина, обнимала его, останавливала, удерживала, цеплялась за него... И, наконец, боль отпустила, стало легче. Теперь вода поддерживала его, ноги мягко касались дна, и каждый раз, выныривая, Пта замечал, что стал немного поближе к противоположному берегу.

Когда он уже почти добрался до мелководья, снова сильно прихватило ногу. Он даже застонал от судороги. Наглотался воды, закашлялся и, с трудом выкарабкавшись на берег, без сил повалился на траву.

Наконец приступ кашля прошел. Пта поднялся и долго смотрел в темноту бурлящего потока. Потом отвернулся, потому что догадался: с этой минуты он не любит воду.

Он вышел на дорогу и в раздумье остановился. Похоже, она уходит на запад. Ясно, что дорога куда-то приведет, но вот куда? Он подумал о реке, которая петляла и бурлила, но в то же время казалось, будто она никуда не стремится и никуда не течет. Тут он сообразил, что эти сравнения бесплодны и дальше разбираться не стоит. Нужно идти вперед. И как только он принял такое решение, послышался какой-то странный шум.

Пта насторожился. Шум приближался с севера, с участка дороги, скрытого за холмом, поросшим деревьями. Первое время он ничего не видел, потом из-за холма показался тарахтящий предмет странной сложной формы. Сверху он различил нечто, внешне напоминавшее его самого. Туловище, голова, руки-ноги. Он обратил внимание, что лицо было почему-то светлей всего остального существа. Но сходство на этом и заканчивалось. Ниже было непонятное деревянное сооружение с двумя большими кругами по бокам. Впереди на четырех лапах гигантскими скачками двигалось огромное красное существо, а на лбу у него торчал рог!

Пта бесстрашно вышел навстречу зверю, ничем не выдавая своего удивления и стараясь не упустить никакой мелочи,—

в этом незнакомом мире все могло оказаться очень важным. Он услышал, как верхняя, подобная ему часть издала пронзительный звук, затем морда зверя с выступающим над ней рогом уперлась ему в грудь. Сооружение остановилось.

Пта морщил лоб, чувствуя, что вот-вот разгадает секрет встретившегося ему предмета. Верхнее существо все еще продолжало орать на него, и, наконец, он догадался, что весь предмет не является чем-то единым целым, а состоит из отдельных частей! И в ту же минуту вдруг ясно разобрал, что именно кричит подобное ему существо.

— Ты что, больной, что ли?! Лезешь прямо под колеса повозки! И чего тебе вздумалось расхаживать нагишом? Может, хочешь, чтобы тебя в таком виде поймали стражники богини?..

Какой-то большой смысл таился в том, что вопил возница, но слов было слишком много, и они громоздились одно на другое. Пта с трудом улавливал их значение. Он сосредоточился и попытался разобраться в словах.

— Ко-ле-са? — повторил он чуть ли не по слогам.— Повоз-ки? Боль-ной?

Возница уставился на него как на какую-то невидаль.

— Ты и в самом деле нездоров, приятель,— медленно сказал он.— Отправляйся-ка лучше со мной в Линн, в замок. Это всего в пяти канбах отсюда. Там тебя накормят и подлечат. Давай руку, я помогу тебе влезть.

Когда повозка тронулась с места и с тарахтеньем потащилась по дороге, возница с любопытством спросил:

— Слушай, а где твоя одежда?

— Одежда? — не поняв, переспросил Пта.

— Ты что, хочешь сказать,— хмыкнул человек, разглядывая его,— будто не знаешь, что разгуливаешь голяком, да? Ты голый, понял? Вот, посмотри на меня.

Пта угрюмо повернулся к вознице. Ему не понравился смысл того, что тот говорил, а еще больше не понравился тон сказанного. При этом он разобрал лишь намек на то, что с ним что-то не совсем в порядке.

— Голяком? Одежда? — повторил Пта непонятные слова.

— Погоди-погоди,— заторопился возница.— Смотри... одежда... вот такая, как у меня!

Он выпустил вожжи, взялся обеими руками за полы своей брезентовой куртки и, оттянув их от туловища, помахал в воздухе.

Пта перестал сердиться и теперь внимательно разглядывал человека. А тот все пытался ему растолковать, что темное ниже головы — это не его туловище, что темное только укрывает тело от солнца или непогоды. Для вящей убедительности возница сбросил с себя куртку и повертел ее из стороны в сторону, чтобы Пта мог получше рассмотреть ее. Когда Пта помял одежду пальцами, брезент зашуршал, и Пта радостно засмеялся.

Тут человек опять закричал пронзительно:

— Эй, ты чего, оставь ее в покое...

Пта удивленно посмотрел на него. Отчего это создание,

такое шумное и крикливое, больше не хочет показывать ему свою оде-ж-ду? Вдруг он нащупал на спине куртки большую дыру, кое-как прикрытую заплатой, и не смог удержаться от широкой улыбки. Возница в ответ злобно прищурился, подозрительно поджал губы и прошипел:

— Да ты вовсе не больной. И отлично знаешь, что такое одежда. Может, ты просто дурачишь меня?..

Его лицо искривилось. Неожиданно он хлестнул курткой красное животное, да так, что оно рвануло с места в карьер. Повозка подскочила на ухабе, и Пта, не ожидавший такого поворота, вылетел из нее на землю.

Он все еще лежал на дороге, а повозка стремительно удалялась на запад, продолжая тарахтеть. Все дальше и дальше уносили ее большие круги по бокам, а возница, крича что-то неразборчивое, все нахлестывал несущееся галопом животное.

Пта встал и пошел по дороге. Пешком. Теперь он мог сравнивать и оценивать: передвигаться на повозке с животным было гораздо удобнее. Он ничего не понимал и чувствовал себя раздосадованным.

Прошло довольно много времени, и впереди на дороге показались крупные животные. Он разглядывал их с нарастающим любопытством, особенно когда заметил, что верхом на них сидят какие-то люди. Всадники без труда одолевали расстояние между ними и быстро приближались. Он с нетерпением ждал, когда они подъедут поближе. Когда животные — он насчитал трех — подскакали, он лучше смог их рассмотреть.

Они были намного крупнее, чем казались издали. Почти вдвое выше, чем он, и гораздо массивнее. У них были неестественно длинные шеи, на которых покачивались небольшие, пышущие жаром треугольные морды наподобие лошадиных. По контрасту с зелеными туловищами и пышными длинными хвостами невообразимого фиолетового цвета шеи были ярко-желтые.

Животные нетерпеливо перебирали лапами и все кружили вокруг, осаждаемые седоками. Несмотря на большие размеры и вес, они двигались быстро, легко и красиво. Над дорогой стояли клубы поднятой ими пыли.

— Кажется, это он,— сказал один из всадников.— Фермер так его и описывал.

— Хорош на загляденье,— отозвался другой.— Ничего не скажешь. Такого и задержать не грех.

Третий нахмурился.

— Где-то я его видел. Наверняка! Вот только вспомнить не могу, где именно.

Значит, они прискакали за ним потому, что им описали, как он выглядит. И сделал это, конечно, человек в повозке, который почему-то стал его врагом. Сам не зная, как и почему, Пта догадался об этом.

Он подумал, что по длинным волочащимся хвостам нетрудно взобраться на животных. Наверно, именно так всадники и садятся в седла. Да, неплохо было бы прокатиться верхом, а не месить ногами пыль.

И Пта сказал то, что знал уже хорошо и в чем не мог ошибиться:

— Не поможете ли вы мне? До Линна всего пять канб. В замке меня накормят и подлечат. Помогите мне взобраться наверх. Я болен и раздет...

Ему самому понравилось, как прозвучала просьба — вполне убедительно. Он ждал ответа, готовый запомнить каждое слово и жест, чтобы использовать их в будущем. Наездники молча переглянулись между собой, потом один из них улыбнулся вполне дружелюбно:

— Не беспокойся, парень, мы тебя понимаем. Конечно, поможем, о чем разговор. За этим мы сюда и явились.

Другой добавил:

— Ты только немного напутал, незнакомец. Линн в трех, а не в пяти канбах отсюда,— он ухмыльнулся.— Твое счастье, что ты оказался такой безобидной овечкой. А мы-то уже подумали, что тут скрывается какой-то беглый мятежник. Вот одежда для тебя... Дальярд!

На траву у дороги упал сверток. Пта с недоумением оглядел рассыпавшееся по траве тряпье, в то же время краем глаза посматривая, во что одеты стражники. Но, как на грех, их мундиры совсем отличались от вещей, которые дали ему.

— Ну и болван же ты! — в сердцах воскликнул один из всадников.— В первый раз, что ли, шмотки видишь? Вот, смотри,— исподнее, сперва его натяни, а уж потом верхнее надевай.

Теперь Пта соображал быстрей. Как будто рассыпанные кусочки мозаики постепенно собирались в картинку. Подгоняемый сердитыми понуканиями, он оделся за считанные минуты и не без удовольствия оглядел себя в новом виде. Потом подошел к одному животному и протянул руку стражнику, тому самому Дальярду, который дал ему одежду.

— Подняться,— попросил он.— Помоги мне подняться.

Как он и ожидал, Дальярд с готовностью ему помог.

— Хватайся за мою руку и по хвосту забирайся на круп.

Оказалось, это совсем не трудно. Ах, как легко. Легче легкого. Пта ухватился за протянутую ему руку, другой рукой перехватывая пышный фиолетовый хвост. И как только очутился наверху, тут же сбросил Дальярда наземь. Оторопевший стражник кубарем покатился на дорогу.

Пока он с ругательствами и проклятьями подымался на ноги, Пта, усевшись в седло и хлестнув скакуна, помчался на запад. В том же направлении, куда раньше уехал сбросивший его и донесший на него, черт возьми, возница.

Стремительный бег животного приводил его в восторг. Да, это не тарахтелка. Не трясло, не качало, не болтало из стороны в сторону, не мотало вверх-вниз, как в повозке. Медленный, плавный, равномерный ритм. Так он готов был проскакать весь оставшийся путь.

Он с любопытством то посматривал на мощные лапы несущегося во весь опор животного, то оглядывался на струящийся

по ветру хвост, за которым далеко позади тянулись облака пыли.

Тут он заметил, что на некотором расстоянии за ним гонятся всадники и обратил внимание, что на самом последнем животном их двое.

Великолепное это было зрелище — скачки наперегонки на огромной скорости! Однако постепенно преследователи настигали беглеца. Пта догадался, что неверно рассчитал время и скорость и вряд ли успеет догнать человека в повозке. Всадники все ближе, ближе... Он уже ясно слышал их неистовые крики. И вот они уже совсем рядом. В нем вскипел гнев, когда он увидел, что всадники окружают его. Может быть, доставшееся ему животное было не слишком резвым, но, скорее всего, наездники знали способ увеличивать прыть скакунов. Так или иначе, но два ближайших животных вытянули длинные шеи и уже почти касались его своими распаленными мордами.

Внезапно животное под ним взвилось на дыбы, да так, что он с трудом удержался в седле, и встало как вкопанное.

Сердито и неподвижно сидел Пта в седле, ожидая, что теперь предпримут его преследователи. Он попал в странное и новое положение. Чувствовал себя совершенно беспомощным и думал только о том, как будет защищаться, когда его начнут стаскивать со скакуна.

Один из всадников сказал:

— Ну, поймали мы его. А дальше что?

— Как что, как что? — закипятился Дальярд.— Дайте мне поквитаться с ним! Уж я раскваша эту смазливую физиономию!

Пта не сводил с него глаз. Он не был уверен, что правильно истолковал слова Дальярда, но мускулы у него непроизвольно напряглись и он весь подобрался, ожидая самого худшего. У него созрел неясный план. А что если повышибать стражников из седел, ударяя своим животным, как тараном, в бока скакунам?

Он увидел, что один из стражников вытягивает из продолговатого кожаного чехла, лежащего поперек седла, какой-то длинный предмет наподобие палки. Стражник поднял его вверх — и на солнце ярко вспыхнуло отточенное каменное острие.

— Слезай! — заорал он.— Слезай сам, или я насажу на копье твою глупую башку!

— Проткни, проткни его! — подливал масла в огонь Дальярд.— Шутника этого... Проучим его, ребята, чтобы в другой раз неповадно было...

Пта охватил гнев. Но не ослепил его, нет. Наоборот, он был тверд, сосредоточен и готов к действиям. Прежде всего нужно разделаться с Дальярдом и вторым человеком, сидящим с ним в одном седле.

Животное, на котором они гарцуют, совсем рядом, на расстоянии вытянутой руки. Схватить его за уздцы, одним ударом вышибить седоков и... тут же, не теряя времени...

В лицо Пта ударили кулаком.

Очень неприятное ощущение. Не из-за боли — ему не было больно. Просто он ощущал себя непривычно и как-то нехорошо.

И потому он решительно ринулся в бой. Резко выбросив ногу, нанес мощный удар в голову человеку, сидевшему в седле позади Дальярда.

Хрустнули кости, брызнула кровь. Стражник охнул, с воплем откинулся назад и, как мешок, упал на дорогу. Точно так же Пта расправился и с Дальярдом. От могучего толчка тот вывалился из седла, грохнулся оземь и покатился в пыль, крича:

— Проткни его, Бир, проткни! Он убил Сэна!

Пта быстро повернул скакуна в сторону. Он ожидал ответного удара, но никто и не думал атаковать его. Человек с копьем уже умчался далеко вперед по дороге. Пта подстегнул свое животное и попробовал его догнать. Куда там! Когда он добрался до края лощины, в которую углубился беглец, то увидел, что силуэт Бира мелькает между деревьями далеко-далеко, на другом конце лощины. Пта махнул рукой и огляделся.

У входа в лощину дорога плавно сворачивала направо. Поблизости в поле работали люди, пропалывая посевы.

Пта в изумлении придержал скакуна. Перед ним разворачивалось невиданное зрелище. Дорога раздваивалась, превращалась из одной в две, совершенно одинаковые! Вот загадка так загадка.

Эта неожиданная перемена несколько ослабила напряжение, в котором он был до сих пор, и он смог расслабиться наконец. Подумать только! Минуту назад здесь была одна-единственная дорога, теперь же она разделилась. Одна ее часть плавно уходила направо, а другая вела на запад, к бескрайней равнине.

Опомнившись, он вернулся к своей цели. Пта довольно далеко проехал по западной дороге, когда в небе послышался гул.

Низко, едва не задевая его голову, над ним пронесся летящий зверь. Вверх и вниз мощно взмахивали огромные серо-голубые крылья, треугольной формы голова свешивалась вниз, на ней сверкали огненные глаза. Пта заметил на спине зверя двоих людей, один из них был Бир. Пта замер на месте. Его новый враг на необычайном летающем чудище! Ничем не рискуя сам, он сможет раз за разом нападать на беззащитного Пта. Что за напасть! Почему они все так упорно преследуют его? Это становится уже невыносимым. Пта погрозил в небо кулаком и прокричал:

— Оставьте меня в покое, иначе с вами будет то же самое, что и со всадниками!

Неизвестно, подействовала угроза или что-то другое, но летающий зверь сделал еще один круг, потом взмыл вверх и полетел на запад. Вот он превратился в маленькую точку, вот совсем исчез...

Пта продолжал скакать. Солнце стояло уже над самым горизонтом, скоро закат. Вдруг огромный красный диск заслонило облако пыли. Облако росло и ширилось, приближаясь. А когда клубы пыли развеялись, Пта увидел длинную цепь таких же длинношеих животных, как и то, что было под ним. На каждом сидел наездник. А в небе над скакунами парило великое множество серо-голубых летающих зверей.

И вся эта огромная масса неслась прямо на Пта. Со всех сторон его окружила сплошная толпа животных. Что-то длинное и тонкое, похожее на вожжи, свистнуло в воздухе и захлестнуло его. Пта оказался связанным и не мог шевельнуть даже пальцами. Рывок! Совершенно ошеломленный слетел он с животного на землю и упал в пыль на локти и колени. Животные кружили вокруг него, его оглушали крики, свист, гвалт, шум... В первые секунды он ровным счетом ничего не соображал.

Наконец, немного прийдя в себя, Пта вскочил, схватил захлестнувшую его веревку и голыми руками разорвал ее. Освободившись, он понял, как его вышибли из седла. Что ж, придется начинать все сначала и снова захватывать скакуна.

Пта стал присматриваться, не видно ли среди всадников Бира. Нет, он не заметил никого похожего. Это хорошо, значит, они еще ничего не знают об известной ему уловке. На мгновение он задумался, подыскивая подходящие слова, потом сказал:

— Помогите мне взобраться в седло. До Линна всего три канба. Там меня накормят и подлечат. И...

Тут он замолк, потому что вдруг понял, что обращается... не к мужчине. Это была женщина, вместо штанов, как у других, на ней было длинное темное платье. Она сидела не в седле, как остальные, а в небольшом ящике, закрепленном на спине животного. А животным управлял человек, сидящий впереди ящика. Женщина заговорила звучным и глубоким голосом:

— Милорд,— сказала она,— что за странные речи? Он что, сумасшедший?

Высокий мужчина с серебряными волосами ответил:

— Похоже, что так. Однако хочу предупредить вас, дочь моя: стражник, встреченный нами, утверждает, что этот человек убийца. Капитан, передайте донесение миледи.

Пта с любопытством прислушивался к словам. Многие из них были ему незнакомы, но он чувствовал, что в них кроется какая-то угроза для него.

Почему они все, начиная с человека в повозке, то и дело пытались захватить его? Это, конечно, злило и раздражало Пта, но повторялось уже столько раз, что, пожалуй, не стоит обращать внимания. Он пойдет дальше. Приняв такое решение, он повернулся, как ни в чем не бывало обошел зеленое туловище животного и зашагал по дороге.

Подул прохладный ветерок и немного освежил его разгоряченное лицо. Однако не успел Пта отойти далеко, как вдруг мимо пронеслось животное и на всем скаку сбило его с ног. Он оказался лежащим на траве на обочине дороги. И снова его окружили со всех сторон.

Женщина негромко произнесла:

— Он ведет себя необычно даже для сумасшедшего. Что вы намерены сделать с ним, милорд?

Высокий седой пожал плечами:

— Велю казнить. Убийца и есть убийца,— он кивнул капитану.— Выделите шестерых стражников, отведите его в поле

и заройте там. Трех футов вполне хватит для могилы.

Пта с тревогой наблюдал, как спешиваются шестеро всадников. В словах милорда он кое-что разобрал. И все же в них было столько новых сведений, что они никак не складывались в целую картину. Однако то, что он понял, а самое главное тон седого, не оставляли сомнений в том, что положение у него очень серьезное и шаткое.

Он вернулся к реальности, когда двое стражников, не замеченные им, подошли сзади и крепко схватили его за локти. Это показалось ему не только неприятным, но и крайне оскорбительным, и Пта с силой отшвырнул их в стороны. Стражники отлетели в дорожную пыль. Пта отвернулся, гневно раздувая ноздри, и в ту же минуту к его коленям подныряул третий. Но не успел стражник и пальцем прикоснуться к ногам Пта, как тот яростно ударил его по голове сцепленными в замок руками. Бедняга безмолвно рухнул на землю и остался лежать недвижимо.

Пта гордо наступил ногой на грудь поверженного врага. Тут его и схватили трое других стражников: двое за руки, а третий за колени. Им удалось повалить его на землю. Этого Пта совсем уж не мог стерпеть. Напрягшись, он высвободил одну ногу и с силой пнул ею человека, державшего колени. Затем мощным рывком разорвал тиски заломивших ему руки стражников, вскочил и, ухватив обоих за шиворот, стукнул их друг о друга головами и отшвырнул прочь.

Он бросил исподлобья взгляд на седого, потом посмотрел на женщину, затем опять на седого. Так Пта гневно водил глазами, как будто измеряя расстояние между ними. Все молчали, обескураженные такой молниеносной и сокрушительной схваткой, молчал и он, с трудом переводя дыхание.

Наконец женщина нарушила молчание:

— Мне кажется, я где-то видела его раньше. Как зовут тебя, незнакомец?

Он оторопел, услышав вопрос. Как его зовут? Пта, безусловно. Пта из Гонволана, Трижды Величайший Пта. И все же вопрос почему-то застал его врасплох. Тем не менее он встряхнулся и назвал себя. Но из-за шума, поднятого товарищами пострадавших стражников, никто ничего не расслышал. Тут седой крикнул: «... стрелы...», сделал знак рукой — и в тот же миг Пта ощутил слева в груди какую-то непонятную боль.

Он нагнул голову и увидел, что в груди торчит тонкий прутик. Пта посмотрел на него с недоумением, выдернул и отбросил. Вторая стрела пригвоздила его руку к туловищу. Он выдернул и ее и сердито повернулся к человеку, который причинял ему столько беспокойства...

Вдруг он услышал, как женщина закричала:

— Милорд, остановите их! Остановите! Неужели вы не слышите, Ч Т О он сказал? Неужели не видите, кто это?!

— Миледи? — повернулся к ней высокий.

Разъяренный Пта выдернул третью стрелу. Что-то в словах женщины тревожило его:

— Разве вы не видите? — не унималась женщина.— Это он! Тот, «чья сила неисчерпаема, кто не знает усталости, не ведает страха...»

Голос мужчины щелкал, как удары хлыста:

— Что за глупая болтовня? Дочь моя, оставьте эти сказки для толпы. Мы с вами выше этого... Сколько раз я вам повторял и повторяю сейчас: богиня Инезия пользуется именем Пта лишь для того, чтобы держать в повиновении чернь. Ну и, наконец, это просто невозможно...

Она воскликнула:

— Остановите их, милорд, умоляю! Прошли века, и он вернулся к своему народу. Присмотритесь! У него лицо... точь-в-точь как статуя во дворце.

— А я замечаю у него больше сходства с принцем Инезио, любовником богини,— упорствовал мужчина.— Прошу вас не вмешиваться. Это не женские дела. Пусть они скорей закончат.

Женщина зажмурилась от испуга.

— Только не здесь,— быстро сказала она.— Велите хотя бы доставить его в замок. Прошу вас...

Высокий отдал своим людям какое-то приказание, а затем обратился к Пта:

— Пойдешь с нами в замок Линн. Там тебя накормят и вылечат, а потом дадут тебе летающего скрира — и отправляйся на все четыре стороны, куда только пожелаешь...

Величавая темноволосая женщина скорбно вздохнула. Словно откликаясь на вздох, зазвенели цепи, которыми она была прикована к стене. Каменный пол в подземелье дворца-крепости, на котором она лежала, свернувшись клубком, чтобы сохранить хоть остатки тепла, был сырым и холодным. Однако за долгие века неволи она еще ни разу не простудилась.

В подземелье царил полумрак. Но со своего места у стены она хорошо видела кресло, в котором сидела золотоволосая красавица. На ее губах играла торжествующая улыбка. Красавица снисходительно обратилась к женщине, закованной в цепи:

— Все еще не веришь в мои возможности, милая Лоони? О небо, как давно началась эта старая история. Помнишь, ты сомневалась, смогу ли я заточить тебя в темницу. И что же? Ты здесь...

...А помнишь, как я пришла сюда и сказала тебе, что намерена низвергнуть могущественного Пта? Ты тогда напомнила, что только мы вдвоем обладаем достаточной силой, чтобы отбросить его в прошлое. Дескать, для этого я должна использовать тебя как полюс власти, но потребуется твое согласие. Возможно, теперь ты наконец поняла, что зря надеешься и ждешь своего ненаглядного Пта. Ему придется прожить еще миллиарды человеческих жизней, а я тем временем освою все возможные пределы божественной силы, которая досталась мне от него.

Цепи звякнули. Темноволосая женщина шевельнулась и еле слышно прошептала:

— Ты предательница, Инезия!

В полумраке было заметно, как губы другой женщины зазмеились в улыбке.

— Как же ты наивна, дорогая,— сказала она нежным мелодичным голосом.— Твои слова лишь подтверждают, что мне поражение не грозит. И что бы ты там ни болтала, это все пустое, когда Пта мертв и ты мертва навсегда.

Темноволосая приподнялась с пола. Дух ее, видимо, окреп, и это чувствовалось по властно зазвучавшему вдруг голосу:

— Ошибаешься, мы оба еще живы! Что бы иначе так выводило тебя из равновесия, а, Инезия? Да, ты отправила Пта в прошлое Гонволана, да, ты лишила его власти и ввергла в ничтожество... Однако,— добавила она почти язвительно,— однако ты все же боишься его великой бессмертной сущности!

Она помолчала, как бы собираясь с силами, и продолжала:

— И не забудь, дорогая Инезия, не забудь, что у Пта есть семь уровней защитных чар. Долгие века они хранили его от опасностей и оберегали от твоих козней. Он надежно укрыт за семью защитами, Инезия, за семью — и не меньше. И снять их с себя может только он сам.

Передохнув, Лоони закончила словами:

— Ты возомнила о себе слишком много, если полагаешь, что сможешь сделать пешкой в своей игре свободного, справедливого и неукротимого Пта. В каждом новом человеческом воплощении, с каждым днем и каждым часом он обретает все больше опыта и мудрости. А время уходит, Инезия, драгоценное, невозвратимое время!

В тесном каменном мешке, вторя звону цепей, странно прозвучал ее слабый смех.

И сразу же смолк. Видимо, Лоони поняла, что не стоит понапрасну растрачивать силы. Она снова опустилась на пол.

Между тем выражение юного лица Инезии изменилось. Теперь на нем можно было прочитать откровенное злорадство. Еще бы! Ей удалось спровоцировать беспомощную жертву, раздразнить, задеть...

— Мне жаль тебя,— ответила она,— ибо на все твои колкости у меня есть ответы. Я играла бы с огнем, если бы позволила Пта развиваться свободно и усваивать опыт и мудрость так, как на это способен только он! Но ты, возможно, забыла, что каждое человеческое воплощение слабее и меньше великого бога. Я перенесу сюда его последнюю человеческую оболочку, и она будет у меня под рукой. Тогда-то я сумею ее поработить, покорить, подчинить себе, заморочить, отнять волю...

...Ах, с какой легкостью я разрушу все его защитные чары! Как тебе известно, во дворце Нушира Нуширванского стоит магический трон. Мне нужно завладеть им. И я сделаю это руками Пта! Пошлю его завоевать Нуширван, дам ему войска, запутаю, сделаю так, что сам он, без моей указки и без моего ведома не сможет предпринять ни одного шага. Но самое глав-

ное... До тех пор, пока существует магический трон, мне не дано обладать безграничной властью в Гонволане. А это значит, что Пта все еще сильнее меня!

...Я или очарую его, или силой заставлю переправиться через поток бурлящей лавы, который все эти века мешал мне добраться до магического трона. Но уж когда я доберусь до Нушир-вана, то, уверяю тебя, сумею уничтожить трон за считанные часы!..

...Я околдую его, пущу в ход все чары. И пусть только попробует не признать мое превосходство! Обольщенный мною, в молитвенном восторге, он забудет обо всех грозящих ему опасностях, пролетит сквозь царство тьмы и, как я уже говорила, переправится через поток бурлящей лавы... А теперь, милая Лоони, мне пора. Оставляю тебя наедине с твоими размышлениями. Мои первые прогнозы уже сбываются. И в эту минуту люди, захватившие Пта, уже приближаются к замку Линн. Мне нужно поскорей войти в оболочку молодой хозяйки замка, подчинить ее разум и управлять ею. Я окажусь в самой гуще событий...

Лоони в бессильном гневе смотрела, как Инезия поудобнее устраивается в кресле и закрывает глаза. Но тут же темноволосая богиня почувствовала облегчение: она хотя бы на время освободилась от тяжелой, давящей энергии золотоволосой Инезии. В подземелье медленно сгущался мрак. Тьма все больше укрывала силуэты сидящей в кресле Инезии и лежащей на полу закованной в цепи Лоони.

День прошел. Наступала ночь.

Замок был угрюмым и мрачным местом. Низкие потолки и тесные стены словно бы давили со всех сторон. Пта чувствовал себя здесь не слишком уютно. И тут он увидел еду на столе.

Над блюдами поднимались пар и тепло. Пряный аромат приятно щекотал ноздри. С противоположного конца стола лорд предложил Пта сесть. Растерявшись, тот подчинился.

По пути в замок Линн он старался ничего не упускать. Все чувства были обострены, все мысли возбуждены. Он замечал каждую мелочь. Вдруг это пригодится в дальнейшем? Он запомнил, что замок был высокий. Строили его когда-то из белого камня, но от времени камень приобрел грязно-серый оттенок. По-видимому, замок давно не ремонтировали и потому вид у него был не слишком-то приглядный. Он был окружен небольшими посадками деревьев, а за ними виднелись городские строения.

Теперь он разглядывал людей, сидящих за длинным столом. Кроме хозяина замка Пта заметил его дочь: ее распущенные волосы струились по плечам, как волны реки, которая недавно причинила ему боль. Но теперь ему было хорошо и совсем не больно. В глубине столовой он заметил еще нескольких мужчин. Эти безымянные существа все казались на одно лицо. Они бесшумно сидели на своих местах и бесстрастно следили за

ним одинаковыми темными глазами. Может быть, это слуги? Или специально приставленные к нему соглядатаи?

— С ним все в порядке...— это сказала женщина.— Просто он никогда не видел еды.

Пта бросил на нее быстрый взгляд. В том, к а к она это сказала, что-то ему не понравилось. Но женщина ответила ему такой чарующей улыбкой, что его досаду как рукой сняло.

Лорд заметил:

— Спокойно начинайте есть и посмотрим, станет ли он делать то же самое.

— Мне кажется,— добавила женщина,— нам не нужно перешептываться между собой, даже если он случайно допустит какую-либо оплошность. Ведь он вернулся, ничего не помня и ничего не зная. Только взгляните на него...

Впервые в жизни он почувствовал во рту вкус пищи. И теперь весь был поглощен новыми ощущениями. Пта стал есть, ни о чем не думая и ни на кого не обращая внимания. Еда была теплая, вкусная, каждый кусочек так и таял на языке. Ел он руками, не замечая приборов, лежащих рядом с тарелкой. И только насытившись, отодвинулся от стола и посмотрел вокруг.

— Где скрир? — спросил он.— Теперь я полечу в Пта.

Женщина улыбнулась:

— Вон там, я покажу...

Лорд положил ей на плечо руку:

— А вы уверены...

— Мы можем лишь погибнуть,— горячо зашептала она отцу.— Но если нам повезет, вы станете королем, я принцессой, а наш замок превратится в столицу огромной империи. Кроме того, уверяю вас, я знаю, что делаю.

И дочь хозяина замка снова улыбнулась Пта, который слушал разговор между ними, не вполне понимая, что происходит.

— Иди за мной,— сказала она так повелительно и многообещающе, что ему не захотелось переспрашивать.— Скрир ждет тебя внизу, у входа. Нужно только спуститься по ступенькам!

У нее была привлекательная улыбка. И вообще, молодая хозяйка замка нравилась ему, хотя он не мог бы определить, почему.

Пта кивнул. Мысленно он уже видел себя летящим по воздуху на скрире, как Бир. Так отчетливо представлял себе эту картину...

Когда они входили сюда, ступенек, как ему показалось, было меньше, а сейчас они все спускались и спускались. Наконец, сошли в подвал с простым каменным полом. Через равные промежутки, вдоль широкого коридора у каждой запертой двери из стены торчали горящие факелы. Или светильники? Женщина остановилась перед открытой дверью.

— Входи,— улыбнулась она, легко прикоснувшись к нему ладонью. Ее рука была мягкой и теплой. Это было приятно. И он снова почувствовал к ней необъяснимую симпатию.

Пта вошел в дверной проем и оказался в крохотной ком-

натушке с низким потолком. Она была освещена факелом. Вдруг за спиной послышался тяжелый грохот захлопываемой двери. Пта обернулся: дверь и в самом деле заперли! В ней открылось маленькое окошко, в котором он разглядел лицо женщины.

— Не волнуйся, Пта,— успокаивающим тоном сказала она.— Мы изменили свое решение и отправили гонца за твоей супругой, божественной Инезией. Скоро она прибудет и заберет тебя с собой в великую столицу...

— ... к Аккадистрану! — донесся из коридора голос лорда.— Уж не надеетесь ли вы, что он станет сидеть тут и терпеливо ждать, пока...

Окошко мгновенно захлопнулось. Голосов больше не было слышно. И факел — или светильник? — погас. Стало темно и тихо.

Пта так и продолжал стоять там, где застала его темнота. Ему казалось, что вот-вот откроется дверь и объявят о прибытии божественной Инезии — он хорошо запомнил имя, которое назвала женщина,— и супруга возьмет его с собой в Пта.

Шло время. В нем росло нетерпение: он мог бы уже добраться до Пта, если бы пошел пешком. Он вытянул руку, нащупал стену и сел. Пол был холодным и жестким, но он сидел и ждал, что будет дальше.

В его голове, как дым, клубились видения, образы — бесформенные, странные, оборванные, без начала и конца, без смысла. Неужели правда то, что говорила о нем женщина, и он сумасшедший?

Нет, думать так не годится. Нужно срочно действовать. У Пта ушло немало времени, прежде чем он принял такое решение. Наконец он встал и попробовал вышибить дверь. Он налегал на нее всей своей силой, но дверь даже не шелохнулась.

Он снова сел на пол... «Странно,— подумал Пта,— сколько у меня оказалось запасов терпения. Может быть, мне когда-нибудь уже приходилось сидеть в тюрьме и мне знакома эта невольная праздность?»

Шло время. По-прежнему было темно и тихо. Вдруг он почувствовал, что внутри у него нарастает что-то неведомое. Мозг как будто разрывался на части. Сознание раздвоилось, хотя воля Пта и противилась этому.

— Не останавливай танк. Следи за двигателем... Мы почти... Мы почти у... Внимание... Над нами... бомбардировщик...

И тьма.

Долгие века тело Холройда боролось с тьмой, в которой не было ни прошлого, ни настоящего, ни будущего, а были только тесные сырые камни, которые слепо и беспощадно давили на него со всех сторон. Безликая и неумолимая сила — против него. Безжалостный холод тьмы медленно, но верно высасывал из него остатки тепла.

Холройд очнулся. После кошмарного сна он чувствовал себя усталым и разбитым, словно вовсе и не спал.

Он нащупал пальцами грубый каменный пол и попытался сесть. Ничего не получилось — в непроглядной тьме рассудок отказывался воспринимать тюрьму как что-то реальное, где есть пол, потолок, стены... Наконец он окончательно пришел в себя, оттолкнулся от пола и все-таки сел.

Вдруг на него накатила слепая ярость. Почему он должен находиться здесь? За что? Кто имел право упрятать его сюда?!

— Черт побери! — только и повторял он.

Поначалу у него не было слов. Но понемногу они выплывали из темноты сознания, и он, наконец, заговорил бессвязно:

— Где я? Что это? На что похоже? На Америку? Или на область Германии, где мы воевали? А может, это Северная Африка?.. Нет!

Бред, фантастика, безумие... Все эти замки, темницы, люди, животные... Безумие не оставляло его ни на минуту. Даже во сне, ночью, неопределенные мысли и образы теснились в голове. Он вспоминал события, названия городов, известные и неизвестные языки. Чаще всего появлялись слова: Америка, Германия, Северная Африка — они стучали в мозгу, как тяжелый, сокрушительный молот.

— Эй ты, называющий себя Пта, отзовись! — вдруг оглушил его чей-то голос.

Обращались к нему. Голос был мужской.

Холройд резко подался в темноте в ту сторону, откуда раздавался звук. Холод пронизывал его, словно его вморозили в ледяную глыбу. Он лихорадочно подбирал слова. Наконец разлепил губы и пробормотал:

— Холройд Пта! Нет, неправильно. Должно быть Пта Холройд. Опять не так. Холройд — американец. Питер Холройд, капитан, двадцать девятая танковая бригада... Но кто же Пта в таком случае?

Этот вопрос стал ключом, отворившим дверь памяти. Он стал вспоминать. И от изумления отчетливо произнес вслух:

— Я — сумасшедший?

Из глубин измученного и потрясенного сознания выплыло: Пта, Трижды Величайший бог Гонволана, в последнем человеческом воплощении Питер Холройд, капитан танковых войск США.

— Черт побери! — воскликнул он.— Я Холройд. Это как дважды два. И я же...

Холройд замолчал, охваченный ужасом: у него есть вторая, неизвестная ему половина! Неужели это раздвоение личности?

«Безумие,— снова подумал он.— Я сумасшедший, только и всего!»

Что же это с ним? Темная камера, чудовищный холод, чужой разум, сознание, что жив, хотя бомба угодила прямо в танк... И еле брезжущая догадка, к которой подталкивал голос, сказавший ему, что он Пта. Нет, неверно. Голос не называл его Пта. Голос окликнул его: «Эй ты, называющий себя Пта!»

В этом была едва заметная разница, но Холройд, тем не менее, уловил ее. Лежа на полу, он стал перебирать в памяти

все, что видел Пта до того, как попал в замок Линн. Его начало лихорадить. Но уже через несколько секунд он взял себя в руки и постарался как-то свыкнуться с мыслью, что в нем — в нем! — внутри уживаются два разных существа. На миг он представил себе чудовище с двумя головами, четырьмя руками и четырьмя ногами... Нет, это ничего общего не имело с физическим ощущением. Просто второй стал его частью, точнее, он сам стал частью своего второго. Но почему-то сейчас преобладали его мысли, его характер, он... сам. Ему стало немного легче, и он расслабился.

Тишину нарушало только его прерывистое дыхание.

— А где же тут свет? Ага... Кажется, в углу...

Вспыхнул невероятно яркий свет и на миг ослепил Холройда. Когда он полуоткрыл глаза, то увидел камеру с простым каменным полом. Возле двери в полу была сдвинута небольшая плита. Наверно, там был вход в какой-то туннель.

Медленно, жмурясь, Холройд с усилием повернулся к свету. Рядом с отодвинутой плитой стоял маленький толстый человечек. Он был в шортах и рубашке навыпуск. Круглое добродушное лицо. Блестящие глазки. Он оглядел камеру и встретился взглядом с Холройдом.

— Да,— сказал он, смерив его критическим взглядом.— Паршиво ты выглядишь. Не знал я, куда тебя упрятали, а то бы раньше пришел. Тебе еду приносили? Нет, не приносили. Да ты не беспокойся! У меня тут есть немного супу, ничего супчик, тебе понравится,— он присел и нырнул в дыру, а через некоторое время показался опять.— На-ка, подкрепись.

Суп, горячий, прекрасный, живительный суп! Тепло разлилось по всему телу Холройда. Он почувствовал, как потихоньку тает внутри проклятый холод. На душе стало легче и спокойней. Наевшись, Холройд стал прислушиваться к изливаемому на него потоку слов.

— Меня зовут Тар, приветствую тебя от лица узников замка Линн, добро пожаловать в наши ряды. Наша группа наладила связь с восставшими. А предательство у нас карается смертью, запомни это на всякий случай. Мы, конечно, все разузнали о тебе,— тараторил человечек без передышки.— Ты требуешь, чтобы тебя считали Пта... Что ж, неплохая легенда. Это ново. Никто прежде не додумывался до такого. Возможно, восставшие и смогут использовать тебя, если, разумеется, ты будешь твердо держаться своей линии и сумеешь к тому же доказать, что ты на самом деле Пта. Но скорее всего у тебя просто потеря памяти. вот и все, как говорил фермер...

Довольно долго, переваривая пищу и наслаждаясь забытым ощущением сытости и тепла, Холройд не особенно вникал в слова незнакомца. Но вдруг он понял, и это показалось ему странным и пугающим,— нечто в нем... точнее, некто... слушает *через него* все, что говорит Тар. Слушает внимательно и вдумчиво, осмысливая и взвешивая все сказанное. Не без удивления он догадался, что этот *некто* был он сам.

Холройд ощутил холод камня, на который опирался. Пальцы

были еще теплыми после съеденного им супа. А вокруг по-прежнему теснилась темная, ледяная, грозная тюрьма. Сейчас он почему-то почувствовал это острее, чем за все время, прошедшее после пробуждения, и всего лишь потому, мрачно подумал он, что другой, великий, тесно слился с ним в его оболочке.

Двое стали единым целым и вместе с тем были двумя одновременно. Холройд глубоко вздохнул: это и в самом деле похоже на потерю памяти... когда ты помнишь свою вторую половину. Или на раздвоение личности... если при этом заболевании осознаешь обе части. Он сосредоточился и попытался распутать этот запутанный клубок. Необходимо осознать себя самого, идентифицировать собственную личность и в то же время, как того требует другая его половина, вспомнить все, что было с ним раньше.

Дочь хозяина замка говорила, что они послали за кем-то, кого величали богиней Инезией. До этого мгновения названное миледи имя таилось где-то в глубине памяти рядом с обычными воспоминаниями. Но теперь рассудок насторожился: послали за к е м?

Появилась новая тема для размышлений — богиня Инезия!

Богиня... Почему богиня? — мысленно вопрошал он и не находил ответа. И тут его поразила одна догадка, как остро отточенный нож пронзает плоть...

Он должен выбраться отсюда.

Неважно, кем был Пта. Он, Питер Холройд, сидя здесь, ничего не может предпринять и никак не может воздействовать на события. Нужно бежать. Если еще не поздно.

Холройда снова залихорадило. Он почувствовал, как все волоски на руках разом встали дыбом. Догадку можно проверить. Он изучающе посмотрел на человечка.

— Сколько времени,— собственный голос эхом отозвался в его ушах,— сколько времени я нахожусь здесь?

Едва произнеся это, он сообразил, что прервал говорящего, но, как оказалось, Тар уже готов был отвечать.

— Вот что я скажу тебе, парень. Говорят, ты силен, как гримб, и уже семь дней ничего не ел и не пил... Целую вечность... Не знаю, так это или не так... Практически мертвый...

Тар говорил еще что-то, но Холройд уже не слушал.

«Семь дней,— размышлял он,— семь дней бог Пта лежал в камере, чувствуя себя сумасшедшим, но что-то — или кто-то? — заставило его вернуться в последнее воплощение. Мозг протестует, потому что очень истощен... семь дней? Это невозможно».

Прошло семь л е т или даже с е м ь с о т л е т. Для Пта, который потерял представление о времени и лежал во вневременной тьме, время летело во много раз быстрее, чем для простых смертных. Только так можно объяснить все, что с ним произошло. И снова мысль Пта была как бы насильно прервана извне. Он сел, удивленно вслушиваясь в себя: откуда взялось такое объяснение? Вернулось безумие? Семьсот лет за семь дней?.. Он облизал внезапно пересохшие губы и вернулся к семи дням.

— Сколько займет,— спросил вслух,— займет времени...— язык человека двадцатого столетия запинался на незнакомых словах, но он переборол себя и с усилием произнес: — ...дорога на летающем скрире в Пта и обратно?

Блестящие глазки Тара так и впились в него.

— А ты парень с юмором,— сказал он наконец.— Говорят, ты собирался пешком дойти до Пта! Но это только подтверждает, насколько ты был не в себе, когда тебя сюда упрятали...

Он покачал головой, и у Холройда появилось ощущение, что Тар разочарован. Ему вдруг захотелось схватить толстячка обеими руками и трясти его до тех пор, пока он не вытрясет из него все необходимые сведения. Рассудок боролся с этим диким желанием. Но он чувствовал, что в нем разгорается совершенно не характерная для Холройда дикая ярость. Сдерживаясь, он тем не менее переспросил с угрозой:

— Сколько времени... сколько времени уйдет на дорогу?

— Ты не понял,— пустился в объяснения человечек.— Это бессмысленный вопрос. Дело в том, что в природе не существует скрира, который мог бы за один перелет покрыть расстояние от Линна до Пта даже по прямой. Это слишком далеко. Миледи там уже бывала. Сперва она добралась до прибрежного города Тамардин, потом прилетела в Лаписар, затем посетила чудесный Гей и так вдоль всего побережья. И все-таки путешествие заняло два месяца. Хотя,— добавил Тар,— есть и чрезвычайно быстрые птицы. Рассказывают, что некоторые из вестовых богини на специально обученных скрирах долетают в другой конец Гонволана за восемь дней без перерыва. А до Пта за шесть. Послушай, но это...

Холройд так и ахнул.

«Шесть дней туда, шесть дней обратно. Богиня уже все знает, и знает ц е л ы е с у т к и! Через пять дней она будет здесь».

Итак, у него в запасе всего пять дней, чтобы выбраться отсюда.

Какое-то время он чувствовал себя крайне подавленным. Холройду не хотелось ни двигаться, ни думать, пока Тар не принес ему еще порцию супа. От запаха супа и закуски, которую выложил перед ним Тар, он немного оживился. И тогда пришедшая накануне на ум догадка испугала его.

Одна его часть вовсе ни о чем не беспокоилась и бесстрастно ждала прибытия богини. Другая — холодная, решительная и не подвластная ему — подчинила себе сознание Холройда, но в равной мере и открыла перед ним новые невероятные возможности.

Теперь он видел это ясно и безошибочно. Больше он не сомневался ни в чем. Пта, Трижды Величайший бог Гонволана, и Питер Холройд были заключены не только в одну камеру, но и в одно тело, и бог считал Холройда частицей самого себя. Холройд хотел испугаться, потом передумал и просто разозлился.

— Идиот! — закричал он, обращаясь к своему второму «я».— Не ты ли заварил всю эту кашу и перемешал нас так, что теперь не разобрать, кто есть кто?! Не ты ли позволил первой встречной хорошенькой мордашке заманить нас в тюрьму?! Черт знает что! Какой-то феодализм... замки, милорды, миледи, принцы, мятежники и вдобавок ко всему всемогущая богиня! Да самый последний олух только раз посмотрел бы на все это и сразу понял — да они все боятся тебя как огня! Ты для них все равно как фитиль для бочки с порохом! Сам посуди, что тут можно...

Он замолчал на полуслове.

В тесном пространстве эхо его голоса отражалось от потолка и гулко отдавалось вокруг. А когда стихло эхо, Холройд криво усмехнулся: «Что толку кричать, будто я и впрямь сумасшедший? Чем это поможет?» Но крик помог ему разрядиться. Кроме того, он ощутил, что вполне владеет собой, что рассудок в порядке и голосовые связки подчиняются ему не хуже, чем всегда.

Он понял, что божественный Пта передоверил ему свое тело, и раздвоенность перестала причинять боль. Не ранило больше и то, что он был частицей самого себя. Теперь он не сомневался в своих новых возможностях и собирался жить дальше с полной уверенностью в своих правах на жизнь. Оказалось, это совсем не страшно — чувствовать себя богом, чувствовать себя бессмертным.

Еще раз к нему наведался Тар, снова принес супа и еще каких-то крупных зеленых плодов, по-видимому, цитрусовых. Они оказались удивительно сочными и душистыми, а на вкус не напоминали фрукты, какие Холройду доводилось пробовать раньше. Лакомясь плодами, он поймал себя на еще одном вопросе и удивился, почему раньше он не приходил ему в голову. Где находится Гонволан? Где раскинулась земля, на которой есть такие города, как Пта, и Тамардин, и Лаписар, и Гей? Чудесный Гей, как сказал Тар. Холройд попробовал представить прекрасный незнакомый город и не смог. Эти названия ничего не говорили ему, ничего для него не значили. А перед глазами вставали города, которые он видел на земле в тысяча девятьсот сорок четвертом году: руины, развалины, пустынные, безлюдные улицы, угасающая жизнь... Он громко нараспев повторил: Гонволан, Лаписар, Пта, Тамардин, Гей... В словах был свой ритм, странная сладость звучания, как в экзотической музыке.

Ему вдруг захотелось узнать о Гонволане как можно больше. Он порывисто обернулся к Тару и увидел, что остался один. Плита была задвинута.

Довольно долго Холройд пролежал у стены, но вот, наконец, плита покачнулась и из отверстия вышел Тар. Он снова принес плоды. И немного хлеба — мягкого, пышного, белого, только что испеченного. Хлеб! Холройд схватил драгоценную знакомую горбушку, и невольные слезы застлали ему глаза. Он сам удивился и устыдился такой сентиментальности. Но чувство стыда быстро прошло. Как хорошо сознавать, что здесь, в Гонволане, двести миллионов лет спустя, есть где-то хлеб. Может быть,

и сейчас, как в далеком прошлом, на земле растут пшеничные поля — бескрайние колосящиеся нивы, золотые, полновесные колосья, белоснежная мука, свежие ароматные булки ноздреватого аппетитного хлеба... Хлеба, которого так не хватало в годы войны. Хлеба, которым можно накормить миллионы людей... Он хотел что-то сказать, но первым заговорил Тар.

— Что мне непонятно,— заметил маленький человечек,— так это твоя амнезия. На вид ты вполне крепкий и здоровый парень. А что же случилось с твоим котелком? Вот если бы ты умел читать, может быть, кое-что вспомнил бы...

— Читать? — эхом отозвался Холройд. И поразился. Ему почему-то даже в голову не приходило узнать, есть ли в Гонволане книги, газеты или что-то в этом роде.

— А как же... смотри! — и Тар вытащил из-за пазухи какую-то листовку. Холройд взял в руки шелковисто-гладкую, без единого сгиба бумагу и разглядел шрифт, напоминающий что-то наподобие коммунистических манифестов:

«НЕ ИСКЛЮЧЕНО
НАШЕ НАСТУПЛЕНИЕ
НА
АККАДИСТРАН

...Из достоверных источников стало известно, что Зард Аккадистранская возглавляла грязную акцию по похищению граждан Гонволана при посредничестве отделившегося штата Нушырван. Мы требуем немедленного начала ответных военных действий самого широкого масштаба. Правительство богини Инезии ответит ударом на подлый удар.

Наша задача — помочь людям избавиться от предрассудков, представляющих угрозу божественной власти Инезии. Каждый обязан...»

— Недурно, читать ты умеешь,— толстячок бесцеремонно забрал у Холройда листовку.— Я заметил, как ты шевелишь губами. У меня найдется для тебя несколько книг.

Он нырнул в дыру и вскоре вернулся, неся под мышкой две обычные на вид книги.

— Буду приносить их тебе после завтрака. И читай сколько захочешь, хоть до самого вечера, пока не уснешь. Может, они и не будут тебе на пользу, но и вреда не принесут. Давай сюда кожуру от фруктов.

Трясущимися от волнения руками Холройд схватился за книги. Сперва он их просто перелистал. Охваченный нетерпеливой жаждой, он вначале набросился на иллюстрации, пропуская текст. А ведь это был настоящий печатный т е к с т, отчетливый черный оттиск на белом фоне. Бумага была твердая, глянцевая, страницы скреплялись чем-то наподобие клея. И вот Холройд, как ребенок, разглядывал картинки. Это были цветные фотографии или рисунки, но с такой четкой проработкой линий и деталей, что производили впечатление фото-

снимков. И сколько он их ни рассматривал, так и не пришел к однозначному выводу, что же это — снимки или рисунки.

Одна книга называлась:

«ИСТОРИЯ ГОНВОЛАНА С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН».

Холройд машинально перевернул страницу и прочитал:

«Вначале был Единый Сияющий Пта, бог суши, моря и пространства, которые были хаосом. И все имеющие веру вот уже миллионы лет ждут второго пришествия Пта, дабы, вернувшись, он слился воедино со своим народом, возвеличил человеков и укрепил их дух. О Дайан, о Колла, о божественный Ред!»

Холройд смотрел на слова, мало что понимая, затем перечитал то, что было написано про миллионы лет. Потом медленно усмехнулся. Ему показалось, что автор тонко иронизирует. Вторая глава как будто подтверждала его вывод.

«Земля — древняя планета, издавна населенная человеческими существами. Моря и континенты претерпели многочисленные катаклизмы. Древний материк Гондвана разделился, и его части медленно разошлись в разные стороны...»

Холройд проглотил всю книгу от корки до корки, отложил ее в сторону и немедленно взялся за второй том.

Его заголовок гласил:

«ИСТОРИЯ МИРА В КАРТАХ С КОММЕНТАРИЯМИ».

Земля на картах была показана с отдаленнейших времен, а искусно выполненные рисунки (или все-таки фотографии?) континентов в древнейшие эпохи были такого неправдоподобного качества, что это мешало ему сосредоточиться на главном. В конце атласа был изображен современный Гонволан. Оказалось, это огромный континент: он занимал почти половину южного полушария, мощно вдавался в северное, а на востоке доходил до широт, где более ста миллионов лет назад, как следовало из комментария, располагалась древняя Австралия.

Итак, Гонволан раскинулся на одиннадцать тысяч канб в длину и на пять тысяч канб в ширину, а на севере граничил с отделившимся штатом Нуширван, расположенным на узком, всего в тысячу канб шириной, горном перешейке. После несложных подсчетов Холройд пришел к выводу, что один канб равняется примерно миле с четвертью. И снова вернулся к странице.

Земля к северу от Нуширванского перешейка — там, где находились когда-то огромные древние континенты Америга и Бретония,— носила имя Аккадистран. Всего лишь несколько крупных озер остались на месте Атлантического океана. Водное пространство между Аккадистраном и Гонволаном называлось морем Тета. Население Гонволана составляли пятьдесят четыре миллиарда человек, Аккадистрана — девятнадцать миллиардов, а Нуширвана — пять. Нуширван был самым молодым государством планеты, а перешеек поднялся с морского дна всего лишь около тридцати миллионов лет назад.

Замок и город Линн, как определил Холройд, находились на крайнем востоке огромной южной части континента. Город Пта лежал от него на расстоянии восьмидесяти трех сотен

канб к северо-западу, если лететь напрямую на скрире, и располагался на берегу древнего моря Тета у залива Большого Утеса — в двенадцати сотнях канб от ближайшей границы с Нуширваном.

Все больше волнуясь, Холройд вскочил и стал расхаживать по камере взад-вперед. Книгу он не выпускал из рук. Читал и перечитывал главы истории. Империя, управляемая богиней, была столь огромна, что он не в силах был представить ее всю целиком. Теперь он был точно уверен, что не безумен. Ни одному солдату из 1944 победного года не могло примерещиться такое даже в несусветном предсмертном бреду.

Он был мертв. И если бы не воскресивший его бог, то лежал бы в сожженном танке на поле боя и был бы давным-давно забыт вместе с самой памятью о столь отдаленной эпохе.

Скрежет отодвигаемой плиты прервал его размышления. Что-то там застопорилось. Холройд нагнулся и одним рывком без особого труда сдвинул плиту. Он был собран и готов действовать. У него созрел план — простой, насколько только возможно.

В отверстии показалась голова Тара.

— Благодарю,— пропыхтел тот.— Эти упражнения даются мне не так-то легко. У меня для тебя завтрак.

— У тебя для меня что? — переспросил Холройд. Он был весь погружен в обдумывание своих планов. Всю ночь он не смыкал глаз. Читал, даже не помышляя о сне. Он глубоко вздохнул. Причина, конечно, в том, что здесь у него не устают ноги, по крайней мере, они не просят отдыха. Возможно, он заснул бы, если был бы утомлен. Тут он заметил, что Тар смотрит на него с немалым удивлением.

— В чем дело? — спросил Тар.

Холройд помотал головой.

— Да ничего особенного. Сразу не сообразил... Просто спал слишком долго.

Толстячок усмехнулся.

— Это добрый признак. Ты стал хотя бы похож на человека. Я оставлю завтрак. А позже мне бы хотелось потолковать с тобой.

— Мне тоже,— откликнулся Холройд.

Тар нырнул было уже в туннель, но вернулся и какое-то время внимательно разглядывал Холройда. Потом заметил:

— Для человека, который еще вчера был наполовину мертв, ты проявляешь слишком большой интерес к жизни. Что у тебя на уме?

— Вот позавтракаю, тогда и отвечу,— уклончиво ответил Холройд.— Это связано с тем, о чем ты упоминал раньше.

— Я упоминал только одно,— со странной отчужденностью произнес Тар,— в чем ты особенно заинтересован, учитывая твое положение. Я говорил, что восставшие могут разыскать тебя и использовать, раз уж ты выдаешь себя за Пта. Так?

Холройд молчал. Он думал, конечно, не о пудинге, принесенном толстячком на завтрак. Другое заботило его. Странно, что Тар — заключенный. Надо все тщательно взвесить. Все за

и против. Ибо Тар каким-то образом связан с внешним миром.

— Что еще? — спросил Холройд.

Тар вздрогнул.

— Извини, дружище, что я молчал до сих пор. Были на то свои причины. Понимаешь, они передумали. Ломают голову и не знают, как тебя можно использовать. Нужно ведь сделать, чтобы ты потом исчез. Поверь, я говорю искренне.

— Но они могут меня освободить?

Человечек замер, словно его смертельно испугали только что прозвучавшие слова. Он подозрительно посмотрел на Пта, наконец, неохотно кивнул.

— Ладно,— сказал Холройд.— Передай им, чтобы забрали меня сегодня ночью.

Тар расхохотался, и его смех нарушил тягостную тишину. Он нырнул в отверстие, напоследок снова обернувшись к Холройду. Глаза его были теперь ехидно прищурены, губы стали злыми и тонкими, словно их прорезали бритвой. Весь он в эту минуту напоминал какое-то ощетинившееся лесное существо. Тар бросил:

— Отличный способ все хорошенько разузнать и донести по начальству, как нашим удалось спасти тебе жизнь...

Что ж, он имеет право на подозрения. Холройд уже знал, что нравственность здесь не особо популярна. И учитывал это. Трижды Величайший Пта превыше всякой ограниченной морали. Он будет поступать по законам, принятым здесь.

— Послушай,— сказал он,— вожди восставших отказали мне, даже не потрудившись разобраться, что я за человек. Должно быть, по недостатку воображения они считают меня сумасшедшим, слова которого нельзя принимать на веру...

Он перевел дыхание:

— Передай им, что я могу так сыграть роль Пта, что никто и не заподозрит подделки. Все подумают, что я и в самом деле Пта. Если у мятежников хватит сил захватить замок Линн, я устрою здесь генеральный штаб. Скажи им, что без меня им никогда не собрать сильной армии. Воины без колебаний пойдут в бой и умрут с моим именем на губах. Мне известно достаточно, чтобы перехитрить всех, включая...

Он уже собирался сказать «включая богиню», но передумал. Пока такое смелое заявление не имело бы никакого веса.

— ...включая самые высокие сферы.

— Пустая болтовня,— холодно отозвался Тар.— Болтовня человека, который любой ценой хочет избавиться от опасности.

— Я был болен,— сказал Холройд.— Очень болен...

Тар нахмурился:

— Я помогу тебе. Постараюсь связаться с ними. Но на это может уйти целая неделя.

Холройд отрицательно покачал головой. Он не хотел, чтобы Тар становился его недругом. Но тянуть больше нельзя. Было бы сущим безумием откладывать час побега, когда вот-вот должна появиться богиня.

Она появится. Он был уверен в этом. Может быть, уже появилась.

— Сегодня ночью,— непреклонно сказал он.— Только сегодня и ни днем позже.— Его взгляд скользнул в туннель.— А что, если этой дорогой?

Никто не ответил ему. Тар скрылся. Как только он исчез из виду, Холройд наклонился и исследовал зазубрины на нижней стороне плиты. Потом он выпрямился, мрачно улыбаясь. Чуть позже Тар выставил на пол немного фруктов, стакан с питьем и хлеб.

— Помоги мне задвинуть камень,— сказал он.— Там поглядим, что я смогу сделать для тебя.

Холройд расплылся в улыбке.

— Извини,— примирительно произнес он,— но я заметил, там есть зубцы, которые не позволяют подымать плиту из камеры. Я буду чувствовать себя в большей безопасности, если плита останется на прежнем месте.

Тар пристально посмотрел на него, ничего не ответил и скрылся. Потом он возвращался. Приносил обед, ужин, но по-прежнему упорно молчал. Холройду не оставалось ничего другого, как перейти к действиям.

В узком туннеле свет перемежался с мраком. Маленькие факелы горели под самым потолком, до того низким, что Холройду приходилось почти складываться вдвое, когда он шел. По сторонам виднелись темные ходы, через которые, как ему казалось, человек не мог бы даже проползти. Холройд старался не обращать на них внимания, опасаясь сбиться с пути и напрочь заблудиться в этом лабиринте. Нужно держаться лишь главного туннеля, тогда не заблудишься.

Он с любопытством рассмотрел один из факелов. Как и другие, он был сделан из древесины. На ощупь казался холодным. Холройд убедился в этом, слегка коснувшись его. В ответ факел замигал, как будто повернули выключатель. Под потолком он крепился на деревянном же шарнире. Свет не зажегся снова до тех пор, пока Холройд не вернул стержень в прежнее положение. Должно быть, энергия, заставляющая его работать, шла откуда-то из толщи земли.

Холройд хотел уже двигаться дальше, как вдруг его внимание привлекла прикрепленная к шарниру табличка. На ней было написано:

«Камера № 17
Заключенный: амнезия.
Особые отметки: никаких».

Табличка на другом светильнике гласила:

«Камера № 16
Имя: Нрад.
Особые отметки: пытался напасть на стражника со спины».

Холройд прочел эту краткую надпись и нахмурился. Единственное, что ему было понятно, это провинность неизвестного Нрада.

За камерой № 1, там, где кончалась цепочка факелов и было темно, вверх вела крутая лестница. Холройд стал подыматься по ней по направлению к слабо освещенному коридору. Он как бы смотрел на самого себя со стороны. Что он тут делает, в подземелье замка? Как вообще он очутился здесь, на планете, отделенной от его жизни двумя сотнями миллионов лет? Запутанное время ничего не значило и казалось безысходней, чем сама смерть. Странно, когда прошлое ничего не значит. Только и остается, что карабкаться вверх по полуосвещенному подъему... ступенька за ступенькой... десять, одиннадцать, двенадцать этажей...

Он добрался до последнего двенадцатого этажа и стал лихорадочно искать выход, ведущий наружу, а когда ничего не нашел, осторожно на цыпочках вышел в коридор. Потолок был достаточно высокий, и он смог распрямиться. Но и здесь, как в тунеле, повсюду были боковые ответвления, на которые он старался не отвлекаться, следуя все тому же правилу, что, если держаться прямых коридоров, не заблудишься.

«Садра, кухарка, сочувствует мятежникам, один из ее любовников — младший сержант Гэн. Смотровая щель, хода нет».

Обычная надпись. В каждой каморке жила какая-нибудь служанка, все имели любовников, все сочувствовали восставшим и все спали мертвым сном, как отметил Холройд.

Одиннадцатый этаж занимали слуги, тоже беспробудно спящие. Холройд бесшумно ступал по узкой лестнице. Восьмой этаж был отведен под какой-то общественный зос, седьмой — под общественный фезос. Что это такое? Темные одежды, аккуратно сложенные на спинках стульев и кроватей, подсказали ему ответ: да это же монахи и монахини! На четвертом этаже располагался лорд, хозяин замка, а прямо напротив него табличка гласила: «Четыре прим — Гия, дочь его сиятельства».

Гия, злобно подумал Холройд, коварная, вероломная, опасная, алчущая власти Гия. Стиснув зубы, он заглянул в окошко на двери и увидел часть покоев миледи. Как ни узок был обзор, все же одним взглядом он окинул просторную, устланную коврами комнату. Кресла, столики, тумбочки... В дальнем конце комнаты была раскрыта дверь, по-видимому, в спальню, и то, что он там увидел, было по-настоящему интересным.

За кроватью и узким полированным трюмо справа от двери стояло кресло, отражавшееся в зеркале трюмо. В кресле сидела Гия. Ее губы шевелились.

Холройд приложил к окошку ухо и прислушался. Но разобрал лишь невнятное, монотонное бормотание бессмысленных слов. Прошла минута. Так ничего не поняв, Холройд оставил свое занятие. Как бы там ни было, сводить счеты ему просто некогда. Во что бы то ни стало нужно улететь отсюда в Гонволан.

Не уверенный, что не сбился с пути, он двинулся дальше

по коридору. И часа через два обнаружил, что снова оказался на четвертом этаже. Заглянув в окошко, он убедился, что Гия по-прежнему все еще что-то шепчет. Приоткрыв дверь, он беззвучно подошел к ее спальне. Она была одна. Удивленный Холройд смотрел, как она шевелит губами, и вдруг ясно и отчетливо разобрал слова:

— ...да будут его минуты днями, да станут его часы годами, а дни — столетиями. Да познает он бесконечность времени, покамест лежит во тьме... минуты... дни... часы... годы...

Слова звучали как мелодия, подчинялись определенному ритму, и вначале Холройд подумал, уж не молитва ли это, одна из тех молитв, которые повторяют без конца, бессмысленная, затверженная наизусть.

Но первое впечатление быстро рассеялось. Холройд почувствовал, что у него кружится голова, как только догадался, что все это значит. О чем она говорит? О чем она говорит?

«Да станут дни его столетиями...» Они уже стали — для него, для Пта!

Слишком поздно Холройд спохватился. Его собственный разум перестал управлять телом, над ним взял верх другой, не знающий страха, не ведающий сомнений. Когда же он осознал, что его руки распахивают дверь в спальню, дело уже было сделано. Он ворвался, да с таким грохотом, что женщина вскочила с тигриной быстротой и гибкостью в движениях и встретила его лицом к лицу.

«Что с ней происходит?» — подумал Пта-Холройд. В окошко он не мог разглядеть ее хорошенько. Кроме того, даже не подозревал, что именно увидит. Трудно сказать точно, когда произошло превращение. Должно быть, в тот самый миг, когда Гия узнала бога Пта. Его образ, запечатленный ее глазами, должен был одолеть гигантское расстояние в восемь тысяч триста канб до города Пта — и богиня мгновенно перенеслась в замок Линн, вселившись в тело молодой хозяйки замка. Как это случилось? Теперь оставалось лишь гадать. Да и какое это имеет значение? Получилось, что он невольно предал Тара и раскрыл секрет подземных переходов. Холройд разозлился на неведомую силу внутри него, которая так беззастенчиво пользовалась им и совершенно не считалась с опасностями и не желала предвидеть последствий опрометчивых действий. Но тут же охладил свой пыл.

Перед ним была сама богиня Инезия.

Гия была теперь совсем не такой, как запомнил ее Питер Холройд по первой встрече. В памяти у него осталась хорошенькая молодая женщина, которая расточала ему улыбки, а потом, правда, заманила в темницу. Но ведь Пта не так-то просто поддался бы человеческому обаянию. Впрочем, Холройд пока не имел четкого представления о том, кто и что может нравиться непостижимому богу.

От женщины, стоящей перед ним, исходило сияние. Вот бы удивился лорд, увидев такую перемену в дочери! Ее глаза свер-

кали, подобно лучам, а очертания тела терялись в невероятно сильном свечении ауры. Холройду показалось, что он стоит рядом с мощным прожектором, и он непроизвольно прищурился. Лишь голос, зазвучавший в спальне, был таким же мягким и нежным, как у Гии, но никогда человеческий голос не вмещал еще в себя столько величия, страстности и гордости.

— Питер Холройд,— промолвила она,— о, Пта, это величайший миг нашей жизни. Пусть тебя не пугает и не тревожит, что я узнала твой божественный лик. Знай же — мы восторжествовали. Мы одержали победу, хотя богиня Инезия еще не раз попытается уничтожить тебя...

...Она извлекла тебя из параллельной спирали времени для того только, чтобы окончательно расправиться с тобой. Лишенный могущества и мудрости, ты был бы переправлен во дворец-крепость и там убит...

...Погоди! Не отвечай! — ее голос стал вдруг сильным и зазвенел, как стрела, спущенная с тетивы. Холройд хотел только выразить свое удивление, но она повелительным жестом приказала ему молчать. «Не богиня»,— мелькнула у него мысль. Да, это была не богиня. Выделяя каждое слово, женщина вновь заговорила:

— Мне удалось расстроить все ее замыслы. Пользуясь тайной божественной силой, о которой она ничего не подозревала, я перенеслась в эту отдаленную точку Гонволана, завладела телом хозяйки замка и спрятала твой божественный разум в глубину сознания твоего последнего человеческого воплощения. Мне удалось сделать это. А отныне, Питер Холройд,— ее голос загремел, как колокол,— начинай свою собственную борьбу за жизнь. Веди себя так, будто ты внезапно попал на территорию противника и действуй, как в тылу врага. Не теряй осторожности, но откажись от всех своих прежних намерений, что бы ты ни хотел совершить.

...Вот что тебе предстоит. Ты должен завоевать Нуширван и для этого годятся любые достижимые способы. Сегодня ночью полетишь в Пта. У тебя слишком мало времени, чтобы рассуждать, насколько необходимо немедленное наступление...

...Вот все,— она печально улыбнулась,— вот все, что я могу пока тебе открыть. Ибо уста мои запечатаны той же магической цепью, которая держит мое тело в темнице дворца-крепости бессчетные века. Пта... Питер Холройд... твоя вторая жена, давно забытая тобой Лоони, попытается помочь тебе и спасет тебя от всех опасностей. А теперь тебе пора. Во двор, к пернатым скрирам, ты попадешь через мой балкон. И помни...

Ее голос дрогнул, широко раскрытые глаза что-то увидели за спиной Холройда. Он обернулся и увидел за дверью Тара, пожирающего глазами полуобнаженную грудь женщины. И хотя она по-прежнему улыбалась Холройду, он заметил, что лицо ее стало жестким. Она шепнула:

— Пусть это тело умрет. Иначе оно запомнит... слишком много... Прощай! И удачи тебе!

Сзади Тар закричал:

— Поторопись, парень! Захвати одежду. Пора тебе уносить ноги...

В отдалении послышались какие-то крики.

Когда Холройд снова посмотрел на Гию, она неподвижно лежала на ковре. Теперь это была просто хорошенькая молодая женщина, потерявшая, по-видимому, сознание. Вскочив на спину замершему скриру, он забыл о ней, как о далеком прошлом.

Как у ветряной мельницы, захлопали мощные крылья, поднимая волну воздуха, когда птица взмыла в ночное небо. Они полетели. И вдруг...

До Холройда донесся отчаянный вопль погонщика скрира:

— В меня попали! — он покачнулся в седле и покатился вперед по спине птицы. Когда Холройд перебрался туда, где раньше сидел погонщик, седло было уже пустым, а далеко внизу затихал крик: «А-а-аааа...»

Он остался один. Один в странном, фантастическом мире. Один на огромной, неуправляемой птице.

Из-за тяжелых плотных облаков выглянула луна. Ее диск футов десяти в диаметре показался Холройду непривычно большим, намного больше, чем он когда-либо видел. К тому же луна висела так низко, что он подумал: похоже, Земля и ее серебристая спутница приблизились друг к другу за время, пролетевшее после двадцатого века. Низкий и странно близкий шар разливал вокруг свое бледное сияние. И в лунном свете Холройд в последний раз увидел Линн.

Город мягко светился в омывающих его лучах. А посреди города высился замок. Сверху он казался не заброшенным и потемневшим от времени, а сверкающим и белоснежным. Вокруг темнели деревья парка, дальше тянулись городские строения. Постепенно все отодвигалось и уменьшалось. И, наконец, город превратился в бесплотную нереальную тень на огромной, смутно различимой земле. Так Холройду и запомнилась эта картина — крохотный городок, сливающийся с землей.

Теперь мысли его были заняты тем, что случилось несколько минут назад. И внезапно его охватила такая тоска, что он усилием воли должен был отогнать от себя видение человеческого тела, стремглав летящего вниз с немыслимой высоты. Необъяснимая смерть погонщика скрира потрясла его больше, чем он сам признавался себе. На своем веку он потерял немало друзей и соратников, истребил множество врагов. Но даже убивая противника, он знал, что не несет за это личной ответственности.

Но это был друг, хотя и не знакомый ему. Больше, чем друг,— освободитель, который благородно пожертвовал своей жизнью ради его спасения. И вот от этого человека не осталось ничего, даже имени,— только видение тела, летящего вниз, да последний отчаянный крик...

«Еще одна жертва,— сурово думал Холройд,— еще одна живая плоть разбилась вдребезги и смешалась с земным прахом.

Сколько людей погибло за двести миллионов лет? И сколько еще обречено на гибель?..»

Скрир снова взмахнул огромными крыльями, и поток воздуха обдал Холройда. Тьма, плотнее непроглядных облаков, окружала его со всех сторон. Ночь казалась бесконечной. Непроницаемый мрак стал уже раздражать его.

«Когда, наконец, рассветет? — устало подумал Холройд.— И почему все в замке спали непробудным сном, как будто их опоили сонным зельем или заколдовали?» Сбежав из Линна, он был в полете на огромной летающей птице уже долгие томительные часы. А ночь все тянулась и тянулась. Немыслимый полет сквозь бесконечную ночь. В этом было что-то неестественное.

Стремительно летел скрир, и тьма неслась навстречу. Холройд беспокойно заворочался в седле. Лоони, кем бы она ни была, обещала ему помочь. Стоило ли ожидать от нее какого-либо подвоха? Это казалось маловероятным. Но она твердила, что он должен напасть на Нуширван и покарать изменников. Холройд с горечью вспомнил об этом. О Н один должен напасть на Нуширван с населением в пять миллиардов человек, могучими и коварными воинами, бесконечными горами и вулканами... Невольно он усмехнулся. Смешок сорвался с его губ на ветру и унесся в безбрежную ночь. Но неотвязная мысль все не оставляла его — и через минуту он понял, что подразумевала Лоони и почему нападение было возможно.

Во все века среди множества людей было всего только несколько человек, обладающих железной волей, способных править, принимать решения и управлять толпой. Все просто и логично: полубог Пта-Холройд должен добраться до нуширванской границы, взять на себя командование всеми войсками и разгромить Нуширван прежде, чем богине Инезии станет известно о том, что произошло.

Холройд глубоко вздохнул. Он должен встретиться с мятежными командирами. Это несомненно. И узнать, что же означает фраза из листовки Тара о том, что верующие всегда были источником божественной энергии Инезии. Ведь если это правда, то откуда в таком случае черпал свою силу Пта?

Он почувствовал, что где-то тут кроется разгадка всего, что с ним случилось. В нем все больше нарастало волнение.

«Рассудок сорок четвертого года,— подумал он, вздрогнув,— берет верх над телом гонволанского бога».

Но теперь его уже не удивляло, когда из глубин сознания появлялось другое существо и дарило ему открытия и озарения, на которые он вряд ли был бы способен сам. Он только старался фиксировать, когда в нем говорит собственный внутренний голос, а когда включается другой, великий разум.

А странная бесконечная ночь все длилась.

Рассвело внезапно, как в тропиках. Солнце поднялось над горизонтом и озарило селения, одинокие фермы, леса, густотой напоминающие джунгли. Земля, раскинувшаяся под ним, была зеленой и плодородной. Далеко на севере поблескивало темное

море, а прямо по курсу, тоже довольно отдаленно, раскинулся огромный город. Он был так велик, что Холройду была видна только его часть. Поодаль, как различил Питер, возвышался гигантский утес, подобный башне. Утес? Холройд нахмурился. Город у Большого Утеса... Да это же Пта! Однако ему сказали, что в природе не существует скрира, которому было бы под силу одолеть за одну ночь расстояние минимум в семь дней полета! Как же так?

И все же Холройд склонялся к первому предположению. Да, скорей всего это город Пта. Верный ответ подсказывала фантастическая бесконечность минувшей ночи. Кто-то ускорил его путь к Пта. Может быть, это дело рук Лоони?

Теперь не мешало бы определиться, как поступать дальше. Нужно посадить скрира на землю. Да, здесь. Сейчас. Сию же минуту. Холройд заколебался. И в этот миг скрир, как гигантский ястреб, камнем рухнул вниз туда, где кончались джунгли.

Места внизу казались необитаемыми. Лишь в последнее мгновение Холройд разглядел под зелеными кронами деревьев, чем-то напоминающих пальмы, маленький домик под красной крышей. Затем массивная птица мягко спланировала и оказалась за линией джунглей. Она легко опускалась, время от времени взмахивая мускулистыми крыльями. Пока скрир приземлялся, Холройд с любопытством разглядывал хохолки перьев на его рубчатой, кожистой шее. Он невольно задумался, не был ли и в самом деле ястреб предком скрира в двадцатом веке. Однако Холройду нечем было подкрепить свою догадку. За двести миллионов лет все так изменилось. И размеры, и строение костей, и оперение... Не мешало бы более подробно изучить птицу. Впрочем, он никогда не был в состоянии различить по внешним признакам более дюжины пернатых.

Так он задумчиво разглядывал скрира, как вдруг за спиной раздался серебристый смех.

— Спускался ты лучше бы на землю, Питер Холройд-Пта.

Холройд обернулся и смущенно поерзал в седле. На узкой тропинке футах в двадцати пяти от него стояла девушка. Ее темные глаза смотрели весело и уверенно, а по особому сиянию, исходившему от смуглого лица, он безошибочно распознал Лоони. Хорош он, новоявленный орнитолог!

— Быстрее! — посоветовала эта новая Лоони.— Летающий скрир не имеет привычки долго засиживаться на одном месте. Будь осторожен, спускайся сбоку или сзади, чтобы он тебя не заклевал. Кроме того,— торопила она,— у нас в запасе есть только час. Не будем терять времени понапрасну.

Очутившись на земле, Холройд почувствовал некоторую неловкость. Трудно было однозначно определить, чем она вызвана, но через миг он разобрался. Дело в том, что она воспринимает его только как Пта, не обращая внимания на какого-то ничтожного типа по имени Холройд, который временно распоряжается телом великого Пта. А для него слияние стало уже настолько полным, совершенным и привычным, что он не чувствовал никакого дискомфорта. Пта был Холройдом. Воз-

можно, это был Холройд, который взял от настоящего хозяина чуть больше, чем следовало. Если Холройд все же находился действительно в собственном теле, тогда по нему явно плачет гонволанская разновидность сумасшедшего дома. И все же, несмотря на то, что слияние бога и человека стало в нем абсолютным, божественная память была пока весьма туманной. В этом и заключалось превосходство женщины. В этом была причина его некоторого смущения, когда он подходил к ней.

Она стояла неподвижно как бы давая возможность себя разглядеть. Лицо обычной деревенской девушки. Но темные глаза сияют неземным блеском. Черные волосы небрежными волнами спадают на спину. Хорошо сложенное юное тело. С легкой загадочной улыбкой на губах она наблюдала, как он рассматривает ее.

— Не обращай внимания на форму,— сказала она наконец.— Это всего лишь крестьяночка по имени Мура. Вместе с отцом и матерью она живет неподалеку, в четверти канба отсюда.

Не обращать внимания? Легче сказать, чем сделать. От нее так и веяло жизнью и молодостью. Когда она повернулась и зашагала вперед по тропинке, Холройд невольно залюбовался ее упругой легкой походкой. Затем поспешил за ней. Несколько минут они двигались молча. Потом он спросил:

— Куда мы идем? И что делать со скриром?

Она ничего не ответила. Они углублялись в лес. Тропинка вилась среди деревьев. Лиственные кроны над ними были настолько густыми, что солнце почти не проникало под их сень. Вокруг был таинственный полуосвещенный мир.

— Как получилось,— снова не удержался от вопроса Холройд,— что я смог долететь до Пта всего за одну ночь?

— Погоди с расспросами,— последовал краткий ответ.— А что касается скрира, то он тебе больше не понадобится.

Она продолжала идти. Холройд вспомнил, как бесконечно тянулась ночь. И невольно насторожился. Обостренное чутье подсказывало, что впереди его ждет какая-то неведомая опасность. Да, здесь каждая минута могла таить в себе неожиданные сюрпризы. Может быть, она заманивает его в ловушку? И он, следуя за женщиной, напорется на засаду?

— Послушай...— окликнул ее Холройд и умолк. Узкая тропинка расширялась. Открылось свободное пространство, и там, справа, оказался маленький домик под красной крышей, который Холройд видел во время снижения. Никаких признаков жизни. Полная тишина кругом.

Безлюдно и тихо было и в самом доме. Это была простая добротная постройка из тесаных досок. Она выглядела чисто и опрятно, словно здесь жили добрые хозяева. Только где они? Странное отсутствие жильцов подчеркивал половичок на крыльце. Стоя на пороге, Холройд заглянул внутрь, в комнату — девушка была уже там.

— Я понимаю,— нетерпеливо сказала она,— почему ты колеблешься, прежде чем войти. Но сам посуди, что тебе здесь

может угрожать? Да, мне нужно было завлечь Пта в темницу замка, чтобы он снова воплотился в Холройда. Что же касается до остального, не сомневайся: я первой пойду туда, куда попрошу тебя следовать за собой.

«В самом деле,— подумал Холройд,— она не лукавит, так все и было. Но зачем я попал сюда?»

Он покрутил головой, озираясь по сторонам.

Комната была обставлена скудно: сундук, коврик, стол, стулья. С потолка свешивался деревянный светильник. А в углу, на возвышении, сверкал металлический стержень. Он стоял вертикально и излучал слабый фиолетовый свет. Девушка перехватила взгляд Холройда.

— Это молитвенный жезл! — объяснила она.

Молитвенный жезл. Источник божественного могущества Инезии. Холройд подошел к возвышению. Ага, значит, это что-то вроде алтаря. А сам жезл напоминает фаллические символы древности. И что же с ним следует делать? Как обращаться с жезлом? Как заставить его действовать? Он в растерянности обернулся к девушке и понял, что она все еще что-то говорит:

— Родителей Муры нет дома. Мы одни здесь, Пта, впервые наедине с тобой...

Она немного замялась, потом вздохнула:

— Время не имеет значения,— промолвила она томно.— Оно тянется так долго, что я сто миллионов раз умирала без тебя.

Ее голос становился все более страстным:

— Снова я стану всеми женщинами сразу для тебя, ради тебя. Сегодня ты сможешь обладать мною как свежей крестьяночкой Мурой, завтра я буду прелестной незнакомкой, которую ты встретишь на улице серебряного города Тринадо, послезавтра в твоих объятиях окажется изысканная придворная дама... Но на самом деле все это буду я, я — твоя счастливейшая супруга! Все повторится, как было встарь, все вернется к нам. Если только не вмешается негодная Инезия...

Холройд с трудом разбирал, что она несет. Слова он отчетливо слышал, но значение каждого из них было ему мало понятно. Он припомнил, что точно так же не понимал надписей на табличках в подземелье. Но как солдату ему нередко приходилось бывать в атаке, ничего не зная о силах противника.

— Послушай,— расслышал он собственный недоверчивый голос,— ты хочешь сказать, что и в самом деле вселяешься в других женщин, чтобы...

Он замялся. Девушка удивленно взглянула на него и разочарованно скривила губы.

— О, Пта! — рассердилась она.— Неужели ты так изменился, что считаешь чем-то неестественным то, чем мы занимались прежде? Ты всегда был немного волокитой. Я всего лишь не противилась твоим желаниям. Исполняла твою волю — и только. Что бы ты ни пожелал...

Он молчал, не находя слов для ответа. Может быть, не

стоит думать ничего плохого. В ее признании проявляется всего лишь необычная уступчивость характера: женщина готова исполнить любую, пусть даже самую небывалую прихоть своего мужа. «Это Лоони,— подумал Холройд,— Лоони, живущая маленькими радостями чужой плоти. Впрочем, в этом нет ничего удивительного, если ее собственное тело заковано в цепи и томится в подземелье дворца-крепости. Заключенный, который сбегает на часок, чтобы получить хотя б немного удовольствий».

— Послушай,— медленно произнес Холройд,— ты что, привела меня сюда, чтобы мы здесь занимались любовью? И при этом твердишь, что у нас времени в обрез... Хотелось бы мне узнать, как ты сделала, чтобы скрир прилетел прямехонько сюда, где его одиноко поджидает милая крестьянская девушка. Кроме того,— подчеркнул он,— несчастный случай с погонщиком, сбитым со скрира... А это в самом деле был несчастный случай?

— Погоди! — прервал он ее, готовившуюся ответить, потому что вдруг заметил, как фиолетовое свечение в углу усилилось.— Молитвенный жезл! Как им пользоваться? На вид он как будто из стали. Странно, но это первый металлический предмет, который мне встретился в Гонволане. Ну?

Она была спокойна. Лишь в глазах мелькнула и тут же исчезла легкая усмешка. Но Холройд заметил это и снова насторожился. «Нужно быть внимательным,— сказал он себе.— Женский характер — это такая штука... Все намного сложнее, чем может показаться с первого взгляда. И опасней». Она все еще не отвечала, только испытующе смотрела на него, и в ее глазах опять мелькнуло неуловимо-насмешливое выражение. Она как будто собиралась ему что-то предложить и размышляла, чем он ответит на ее предложение. Неожиданно она вскочила на возвышение, из которого вертикально торчал молитвенный жезл. И повелительно поманила к себе Холройда:

— Возьми меня за руку, и я покажу тебе, как молятся крестьяне. Очень важно, чтобы ты научился делать это. Подобных жезлов миллиарды, но лишь этот единственный заключает в себе божественную энергию.

Холройд кивнул. Но это не означало согласия. Он не хотел отказывать сразу. Питер уже понял, что она не вполне искренна, и воля в нем окрепла. Теперь он знал, что не сделает ложного шага по чьей-либо указке, не собьется с верного пути и не примет на веру ничьих заверений. Он шагнул к выходу. Нескольких дней хватит на то, чтобы сориентироваться и спланировать будущие действия. А Лоони пусть сама догадается, почему он не пожелал следовать ее советам и сделал все наоборот. Девушка спрыгнула с алтаря и бросилась за ним.

— .Не делай глупостей,— с досадой сказала она.— У нас нет времени. Любое промедление может оказаться роковым.

Холройд не ответил. Лучше ошибиться и преувеличить опасность, чем ошибиться и преуменьшить. То, чего она хочет от него, делу ничем не поможет. К тому же не в его натуре изменять раз принятое решение. Его молчание можно было бы принять

за внутреннее колебание. Видимо, девушка так и решила, потому что схватила его за руку и потянула к себе.

— Идем,— торопила она,— тебе нужно сделать это во что бы то ни стало. Ты должен научиться этому.

Она оказалась такой сильной, что он с трудом удержался на ногах.

— Думаю,— ответил он,— что я не останусь в долгу перед тобой и расплачусь за дорогу из Линна до Пта в первую очередь.

Он повернулся и, не сказав больше ни слова и не ожидая ее, вышел из домика. Дважды по пути он оборачивался, но сзади не было заметно ни малейшего движения. Домик как будто вымер. И тишина, мертвая, нечеловеческая тишина стояла вокруг. Он вошел под зеленые кроны деревьев и перестал видеть яркое утреннее солнце.

В джунглях было тепло и душно, и он без передышки шел на запад, чтобы выбраться из них. Теперь время от времени Холройд делал короткие остановки. Наконец он вышел на открытый холм и увидел, что от лежащего в отдалении Пта его отделяет целая цепь таких же холмов. На севере слегка поблескивало темное море, но он едва различал его.

Его внимание привлекла долина внизу. Там размещался военный лагерь. В огромном количестве сновали туда-сюда люди и животные... Мужчины... Женщины? Присутствие в лагере женщин привело его в замешательство. Но через некоторое время он догадался, в чем тут дело. Ну, конечно! Это, вероятно, постоянное поселение, удобное для семейных.

Тут же неподалеку проходили различные маневры и маршировки. Холройд с любопытством смотрел на непривычные действия. Во всем было что-то чрезвычайно невоенное. Кавалерия верхом на огромных животных гарцевала как-то буднично-равнодушно, всадники с длинными деревянными копьями то и дело нарушали строй и направлялись в сторону, к стайке женщин, чтобы перекинуться с ними словцом-другим. Затем лениво возвращались к основному отряду. Со стороны это выглядело как вопиющее нарушение дисциплины, хотя и всадников можно было понять.

В противоположном конце долины Холройд увидел солдатские палатки, отсвечивающие на солнце беленым полотном. И все же не остается ничего другого, как пройти через долину. Если прибегнуть к обычной тактике Пта, он сможет пройти, никем не замеченный. Он прикинул расстояние — миль пять, где-то полтора часа ходу.

Холройд миновал уже треть пути и проходил мимо группы мужчин и женщин, когда услышал приближающийся грохот несущихся скакунов. В футах десяти от него остановилась длинная цепь оседланных гримбов. Увидев его, всадники засмеялись. Но один из них, высокий и нарядно одетый, с цветными перьями на шляпе, оглядел его в немом изумлении, затем оторвался от кавалькады и подъехал поближе.

— Принц Инезио! — воскликнул он.— Вы удостоили армию высочайшей чести. Я немедленно доложу маршалу.

Он унесся прочь, а Холройд вспомнил, что Пта похож не только на статую во дворце, но и на человека по имени Инезио. Принц Инезио. Пока что это имя не таило в себе никакой угрозы.

Холройд незаметно огляделся. В долине полно скачущих гримбов и людей. Палатки и солдаты, выстроившиеся возле них. А поблизости толпа офицеров и их жен.

Все пути к бегству отрезаны. Придется и дальше разыгрывать роль принца. Что ж, зато ему представится возможность досконально изучить армию, а потом взять на себя командование ею и повести ее прямо на Нуширван! Внезапно его охватило сильное возбуждение, в котором нетерпение смешивалось со страхом. Неважно, насколько точно ему удастся изобразить Инезио. Почти наверняка его голос ненамного отличается от голоса принца. Да и не в этом дело. Он Пта, Трижды Величайший Пта Гонволана. Равен самому себе, мелькнуло у него в уме. Он надменно оглядел офицеров и их жен, приблизившихся к нему и ожидавших распоряжений.

Холройд громко объявил:

— Я желаю наблюдать за подготовкой к военным действиям. Продолжайте маневры.

Прозвучало превосходно. Это было сказано не Холройдом, а Пта. Даже не совсем Пта. Высокомерный тон продиктовала мысль Пта. С каждым часом Пта все больше набирался опыта, хитрости, находчивости. Он видел, что его узнают, и держался непринужденно. Женщины были молодыми и хорошенькими, они разглядывали его с нескрываемым любопытством. Один из офицеров с десятью белыми и пятью красными перьями на шляпе вышел вперед. Он был средних лет, выделялся гордой осанкой и волевым лицом. Офицер сказал с достоинством:

— Вы оказали нам честь, повелитель. Наверно, вы не помните нашей встречи во дворце, когда меня представляли вашему высочеству? Осмелюсь напомнить. Я маршал Нанд, командующий 9430-ми усиленными корпусами, которые вскоре отправятся на границу с Нуширваном.

Он говорил что-то еще, но, вопреки своему желанию, Холройд не мог слушать его. Влияние Пта прошло. Его собственный рассудок закружило, как пробку в водовороте. Подумать только! Девять тысяч четыреста тридцать армейских корпусов! В его время армейский корпус состоял из сорока-девяноста тысяч человек. На его взгляд, в этой зеленой долине было больше. Но и это явно заниженная цифра. Сорок тысяч человек в одном корпусе... Значит, в девяти тысячах четырехстах тридцати в грубом приближении насчитывает... Четыреста миллионов человек!

Было чему поражаться. Но на самом деле это небольшая армия для страны с населением в пятьдесят четыре миллиарда человек. Нуширван из своих пяти миллиардов способен выставить на поле боя от силы один миллиард воинов. Холройд

перевел дух. Как солдат он восхищался военными возможностями таких огромных страшных армий. Он подумал: можно применить тактику блицкрига, пользуясь скрирами вместо аэропланов и гримбами вместо танков.

Как необъятна эта страна! Здесь можно остаться в живых и жить. Он должен жить в этой стране, Холройд-Пта, божественный правитель Гонволана...

— Если вы пожелаете перейти вот сюда, ваше высочество,— между тем говорил маршал,— я прикажу провести перестроение корпуса. Надеюсь, это доставит вам удовольствие. Из трехсот пятидесяти тысяч офицеров и рядовых...

— Трехсот пятидесяти?..— беззвучно прошептал потрясенный Холройд. То, что он услышал, подавляло. Человеческий рассудок не мог справиться с непривычными масштабами, и он снова почувствовал себя рангом не выше маршала. Приблизительные подсчеты следует умножить еще на девять... Итого: в эту армию входит три и шесть десятых миллиарда солдат! Воинов здесь едва ли не вдвое больше, чем людей на земле в 1944 году. Величайшая армия, которая когда-либо существовала на свете. Его воины на его земле... Если бы он мог взять на себя командование, расстроить планы коварной Инезии и получить то, что принадлежит ему по праву!

За спиной послышался мягкий женский голос:

— Я здесь, Пта, в новом теле, чтобы помочь тебе... советом?..

Эти слова произвели на него странное действие. Потому что он внезапно был застигнут на непривычной мысли. Он, Питер Холройд, американец — властитель мира! Чертовски недемократичная чушь! Но, рассуждая так, мог ли он надеяться разгромить огромную армию противника или хотя бы ее часть? Отбросив сомнения, он не без раздражения оглянулся на новое воплощение Лоони. На этот раз она оказалась довольно привлекательной женщиной средних лет. Не дожидаясь его ответа, Лоони снова шепнула:

— Я жена маршала Нанда. Слева от тебя — его любовница. Армию нужно реорганизовать, Пта. Пока Инезия не решила уничтожить тебя, женщинам не разрешали находиться в лагере. Но она хотела, чтобы армия была дезорганизована и не смогла атаковать Нуширван, вот и довела ее до такого состояния. Впрочем, многие офицеры недовольны отсутствием дисциплины и стараются поддерживать войска в лучшей боевой готовности, чем полагает богиня...

— Моя дорогая,— вмешался маршал крайне деликатно,— ради бога, не отвлекайте его высочество...

— У меня важное сообщение,— недовольно поморщилась женщина,— не правда ли, принц Инезио?

Улыбнувшись, Холройд кивнул. Он вдруг почувствовал себя вполне в своей тарелке. Сведения, сообщенные женщиной, кое-что объясняли. Многое в характере Лоони ему не нравилось, но она все же п ы т а л а с ь ему помочь. Для него это значило поддержку, а для нее? Он представил себе ее собственное по-

ложение. Она говорила, что ее настоящее тело заключено в темницу. Трудно даже вообразить, какая это мука. Он должен освободить ее. Пока у него не было определенных планов осуществления этого, как и планов предстоящего нападения на Нуширван. Он даже не знает, где ее прячут. А она не может сказать ему об этом.

Действительно, атака на Нуширван предстоит еще не скоро. Но она вполне осуществима. Теперь он знает, что делать в ближайшее время. Возможно, надо начать с освобождения узницы.

— Пта! — снова шепнула Лоони.— Тебе нельзя здесь больше оставаться. Самое важное ты уже увидел. Узнал главные недостатки армии. Слабая дисциплина, усугубляемая тем, что рядом с каждым воином находится его жена или любовница. Положение все ухудшается, ибо богиня стремится уничтожить тебя. Теперь ты знаешь положение дел. И не трать здесь больше времени. Тут всего лишь один участок огромной армии, которую тебе предстоит перестраивать. Клянусь, дорог каждый час, каждая минута. Помни, Пта, все это время мое тело томится в подземелье. Если Инезия застанет мою плоть лишенной духа, она сразу поймет, что я помогаю тебе, и уничтожит мое тело. Тогда ты сможешь вернуть мне мое могущество только тогда, когда сам захватишь власть. Пта, ради твоего и моего спасения позволь мне сразу перенести тебя на следующую ступень, которую ты должен одолеть. Позволь, Пта, провести тебя через царство тьмы.

Холройд внимательно выслушал женщину. Он был согласен с тем, что увидел главные недостатки армии и не знаком лишь с деталями. Но когда она произнесла последние слова, он удивленно спросил:

— Царство тьмы? Что это такое?

Она беспечно махнула рукой:

— Это только способ исчезнуть из долины. Все, что ты открыл для себя сегодня, ты мог узнать еще вчера. Впереди целый день. А за все утро ты сделал всего два открытия: слабость армии и твое сходство с Инезио. Я могла бы рассказать тебе об этом за две минуты. Пта, посвяти мне остаток утра. Выслушай то, что я скажу тебе, чему могу научить. А затем ступай своей дорогой. Ответь мне, что ты сделаешь это — пройдешь через царство тьмы. Ты должен мне сказать. Я всего лишь слабая женщина и не могу принудить тебя... Иначе бы я заставила тебя немедленно сделать это!

Холройд колебался, крайне заинтригованный. Она была права. С самого появления в Гонволане ему больше всего недоставало информации. Он сам отказался следовать за ней, не пожелал подходить к молитвенному жезлу. Кто мешает ему сейчас задавать ей вопросы и получать на них ответы? Возможно, он поторопился бросить ее в том домике под красной крышей. К тому же это было не очень-то вежливо с его стороны.

К нему почтительно приблизился маршал Нанд:

— Мы готовы, принц. Назовите подразделения, которые вы желали бы увидеть в действии.

Назвать подразделения! Холройд усмехнулся. Теперь перед ним не было выбора. Ведь стоит только переврать название того или иного подразделения, как сразу же выяснится его полное невежество. И обман раскроется. Он обернулся к женщине и поспешно кивнул:

— Я согласен пройти через царство тьмы. Что теперь?..

Ответом стала реальность.

Вокруг стеной стоял мрак, густой и непроницаемый. Через миг он почувствовал, что Лоони где-то рядом с ним. Тени, подумал Холройд, мы всего только тени в ночи.

Что дальше?

Слова коснулись его мозга, хотя были совершенно беззвучны и к нему никто не обращался. Он не мог понять, как вообще уловил ее мысль. Телепатия? Все остальное было вполне ясно, хотя бы то, что он сам существовал в этом абсолютном мраке. Все его нервы были напряжены. Разум стал восприимчив свыше всех человеческих возможностей. Весь напрягшись, как струна, он ждал ее ответа.

Отклик долетел издалека. Пространство и время выдохнули ответный импульс, отзвуки заполнили черный водоворот, кружащийся вокруг темных силуэтов мужчины и женщины.

Дальше ты станешь рабом!

На долгие годы.

Они для тебя станут еще длиннее...

Ночь времени разрасталась. Века растворились в темноте, и к Холройду пришло безграничное ощущение, что вечность так же близка к нему сейчас, как и эта всепоглощающая ночь. Он заметил, что часть его рассудка, подвластная женщине, пугающе разрастается. Впервые он понял, что его сознание четко поделилось на две доли. Одна корчилась от бессильной ярости, оттого что его заставляли подчиняться. Другая покорилась без сопротивления, готовая рабски следовать приказам хозяйки. Лишенная света Вселенная качалась на волнах страха, гнездившегося в подчиненной доле мозга. Все кончено, все потеряно, надежда должна умереть в этом черном нигде — вдруг он отчетливо понял это.

Что дальше?

Дальше ты превратишься в ничто!

Пройдет сто миллионов лет...

Больше, намного больше...

И в тот миг, когда порабощенный женщиной ум наконец готов был смириться, затихнуть и сдаться ей, бесконечная ночь закончилась.

Это была странная греза темноты. Холройд балансировал на краешке мрака и ясного сознания, поражаясь тому, что открыл в самом себе. Что произошло с ним? Стараясь отделаться от необычного ощущения, он чуть задел за что-то, точнее, коснулся чего-то. Наконец он открыл глаза.

Он вовсе не лежал и не парил, как ему казалось. Он стоял

на полу в том же домике под красной крышей, из которого ушел несколько часов назад. А перед ним так же находилась крестьянская девушка по имени Мура. Ничего не изменилось? Холройд очнулся. Она вернула его назад, перенесла туда же, где они уже были. И для этого надо было пройти через царство тьмы?

Он растерянно спросил:

— Я спал?

— Это было воспоминание,— ответила девушка.

В ее словах, казалось, не было никакого смысла. Холройд внимательно посмотрел на нее, но лицо девушки ничего не выражало. Потом она добавила:

— Это было воспоминание о том, как Пта впервые попал в Гонволан. Только с твоего согласия и лишь на короткое время я могла показать тебе, как это произошло. Согласись, что это нужно знать.

Холройд молчал, перебирая в памяти подробности своих невероятных ощущений, пережитых в царстве тьмы.

— Но ты была там! — сказал он наконец, и на какой-то миг у него появилась абсолютная уверенность, что вот-вот ему удастся разобраться во всей этой истории.— Ведь это ты перенесла меня сюда.

Он замолчал, припоминая, как часть его разума была полностью порабощена, а другая часть корчилась, неистово протестуя против приказов, которые отдавал голос хозяйки. Девушка тихо промолвила:

— Да, я была там, но не по своей воле. Возможно, теперь ты лучше представляешь то могущество, которое противостоит тебе...

Холройд молча кивнул и заметил в себе крайне неприятную мелкую нервную дрожь. Объяснение никак не сходилось с тем, что он уже знал, но это все же лучше, чем ничего.

Существо, которое приказывало издалека, была женщина. Богиня Инезия!

Без всяких сомнений, то была она. Теперь Холройд осознавал, что борьба предстоит не на жизнь, а на смерть.

Непослушными ногами, как бы против своей воли, он двинулся к возвышению с молитвенным жезлом. Подойдя к нему, он вопросительно посмотрел на девушку. Девушка дружески кивнула ему и поспешно приблизилась к жезлу. Собственная уступчивость заставила Холройда внутренне усмехнуться. Похоже, что так он просит у Лоони прощения за свое прошлое поспешное бегство от нее. Уж очень она стремится показать ему действие молитвенного жезла. Ничего не подозревая о причинах его ухода, она решит, что он искупает свою вину. Конечно, какая-то доля риска остается, но, на его взгляд, она уже доказала свою искренность. Девушка стояла возле него:

— Молитвенный жезл передаст тебе заряд энергии. Но прежде мне хотелось бы объяснить, почему тебе нужно было вернуться в Гонволан. Еще тебя, наверно, удивляет, для чего необходимо завоевать Нуширван. Так вот, напасть на отделившийся штат

нужно ради великого магического трона власти. Раньше трон стоял во дворце-крепости, но его перевезли в Нуширван, и, заметь, это только к лучшему, потому что в тот же миг, когда ты займешь магический трон, к тебе вернется все твое былое могущество...

...Инезия перевезла трон в Нуширван с согласия Нушира. Она надеется уничтожить тебя раньше, чем ты доберешься до трона и завладеешь им. Пта, не могу давать тебе советы... Это всего лишь мое мнение, но... Только завоевав Нуширван с помощью могучей армии, ты сможешь достигнуть таинственной безымянной столицы отделившегося штата и вернуть магический трон власти Пта...

Девушка умолкла, как будто была не в силах совладать со словами или словно что-то мешало ей говорить, потом продолжала с нарастающим воодушевлением:

— Пришло время для самых решительных действий. Пора начинать борьбу. Я покажу тебе, как действует молитвенный жезл, а потом объясню, что ты должен делать дальше. Теперь возьми меня за руку.

Холройд осторожно взял ее за руку. Рука была теплая, мягкая, в ней, как живой огонь, пульсировала жизненная сила. Неожиданно у него мелькнула шальная мысль: а что, если поцеловать эту девушку, такую свежую, юную, прекрасную? Он бросил на Муру быстрый взгляд. Не исключено, что это хитро замаскированное внушение, переданное ею через руку. Хотя... Нет, вряд ли... Ему и самому могло прийти в голову такое. Он улыбнулся.

Теперь Холройд с интересом следил, как свободной рукой Мура касается верхушки молитвенного жезла. Вот сейчас... Но она вновь обернулась к нему:

— Хочу напомнить тебе: ты должен быть больше уверен в себе. Ты схож с принцем Инезио как две капли воды, даже тембр голоса точно такой же...

— Зачем мне,— спросил Холройд,— это сходство?..

И в ту же секунду пальцы девушки плотно обхватили и сжали металлический стержень. Ему показалось, что он держит не руку Муры, а оголенный электрический провод!

Холройд молча корчился в судорогах. Он попытался освободиться, но было уже поздно. В него хлынул мощный поток энергии, вливаясь в беззащитное тело.

У него едва хватило времени сообразить, что его обманули...

Лежа на холодном каменном полу дворцового подземелья, Лоони смотрела на богиню Инезию. Полуосвещенное тело богини неподвижно покоилось в большом кресле, которое Инезия велела принести сюда несколько дней назад. Она лежала, откинувшись, с головы ниспадали сверкающие золотые локоны, руки неподвижно свисали с подлокотников — сущность покинула тело.

Но по мере того, как Лоони смотрела на неподвижную Инезию, в подземелье стало нарастать напряжение, словно подул невидимый ветер. Стало светлее. Теперь на полу рядом

с креслом можно было различить силуэт человека, который был в беспамятстве и только время от времени издавал слабый стон. Одновременно золотоволосая женщина шевельнулась в кресле. Ее бессильно склоненная голова встрепенулась, она открыла глаза...

Инезия взглянула себе под ноги, на фигуру лежащего человека, потом перевела взгляд на темноволосую Лоони. На ее губах появилась улыбка, а мелодичный голос зазвучал торжеством:

— Что ж, милая Лоони, мой замысел осуществляется. Он полагает, что я — это ты. Мне удалось провести его через царство тьмы и подавить его волю. Так я рассеяла тот уровень защитных чар, который необходим ему для того, чтобы узнать, как его перенесли в Гонволан. Вдобавок Пта познал энергию молитвенного жезла, но не напрямую, как ему следовало бы, а опосредованно, через меня. Я профильтровала энергию, и разряд лишил его второго уровня защиты, способного оживить его память.

Громко рассмеявшись, она сказала:

— Как легко мне удалось его обмануть! Теперь разрушены почти три уровня защитных чар. Еще до наступления на Нушрван я сниму все остальные. А уж когда я доберусь до магического трона власти, он просто превратится в ничтожество! Уж я сделаю все, чтобы Пта не довелось сесть на трон!

Напоследок она промолвила.

— Чуть не забыла, милая Лоони,— я включила твое имя в длинный список людей, которые будут казнены. И Пта, не догадываясь об истинном назначении списка, подпишет твой смертный приговор. После этого ему не останется ничего другого, как напасть на Нушрван.

Лоони с тревогой смотрела на свою мучительницу. Юное лицо Инезии выражало безграничное торжество. Ее глаза сверкали, губы растянулись в улыбке. Страстность сквозила в каждой ее черточке, хотя она и пыталась надеть маску равнодушия, силы и значительности.

Лоони сдержанно отметила про себя: две защиты сломлены. Две из семи. Она воображает, как искусно все это было проделано. Инезия выдала себя за нее, Лоони, сбила Пта с толку и одну за другой разрушила чары, спасающие его от смерти.

Лоони заставила себя заговорить, как и прежде, с насмешкой:

— Так ты мечтаешь стать мною? Бедняжка Инезия! Какая это, должно быть, трудная роль для тебя! И он уже полюбил тебя, Инезия? Можешь ли ты разрушить эту защиту Пта?

Золотоволосая тряхнула головой:

— Я и не собиралась скрывать от тебя свою неудачу. Этот болван как был, так и остался страшным моралистом.

— Но ведь Пта всегда был таким. Неужели не помнишь? — голос Лоони окреп, зазвучал сильней.— Он никогда не пользовался украденными тобой чужими телами. Как ты ни старалась...

В глазах Инезии вспыхнул опасный огонек гнева. Она тяжело дышала. Потом взяла себя в руки и рассмеялась деланным смехом:

— Ты, кажется, не понимаешь, Лоони, что здесь, во времени Гонволана, Пта умирает естественной смертью. Больше того, им управляет разум смертного — сильный ум, не стану спорить, но не настолько, чтобы успеть приспособиться к гонволанским условиям и помешать моим замыслам...

...Завтра он проснется, и я велю ему стать моим любовником, принцем Инезио. Прикажу немедленно напасть на Нушырван. Он не сможет долго сопротивляться психологическому нажиму, который я приберегла для него. Что касается упомянутой тобой защиты, то когда Пта переспит со мной, то признает все мои права и мое превосходство...

Ее смех оборвался, она сказала нежным и томным голосом:

— Когда мы останемся с ним наедине в моих покоях, разве он сможет противиться мне — м н е! — и моим желаниям? Он решит, что пока он во дворце, считаться принцем Инезио — его единственная надежда.

Передохнув, она сказала с иронией:

— Возможно, теперь ты понимаешь, почему все эти годы я покровительствовала безмозглому красавчику Инезио, даже позволила ему зваться моим именем. Он до мельчайших черточек схож с Пта, и мне это сослужило неплохую службу... А сейчас, Лоони, мне пора. Я велю перенести его в комнаты принца. Там до завтра он будет приходить в себя. А мне пока есть чем заняться: что-то меня беспокоит спираль времени, необходимо вернуть ей равновесие.

Она щелкнула пальцами. Немедленно открылась тяжелая дверь и вошли четверо мужчин. Они преклонили колени перед креслом, затем встали и подняли неподвижно лежавшего на полу Холройда. Богиня последовала за ними, но у двери остановилась.

— Хочу предостеречь тебя,— вкрадчиво сказала она.— Я вынуждена использовать тебя как второй полюс власти. Поэтому впервые за долгие века у тебя появится некоторая, весьма ограниченная сила. Однако не вздумай выходить из своего тела. Время от времени я буду навещать тебя и если не застану твоей сущности на месте, немедленно уничтожу твою настоящую оболочку! Не стану напоминать, насколько это гибельно для тебя. Ты впадешь в зависимость только от той энергии, которая была в тебе и которая будет постепенно истощаться. В конце концов у тебя не хватит силы, чтобы оставить тело, в которое ты войдешь, поэтому после длительной агонии ты умрешь в нем. И, сама понимаешь, ты не сможешь вселиться ни в одно тело во дворце, чтобы я об этом не узнала...

И еще! — угрожающе сказала Инезия.— Я знаю, что ты тешишь себя призрачной надеждой, что Пта оправится от нанесенного мной ущерба и поймает меня в западню. Но если я обнаружу такую ловушку хоть где-нибудь в потоке времени — а уверяю тебя, я узнаю это немедленно,— я тотчас уничтожу

настоящее тело Пта и вновь попытаю успеха в его следующем воплощении. Мне не грозит неудача. Я останусь . вечным и единственным правителем Гонволана. Оставляю тебя наедине с этой приятной мыслью.

Последние слова она бросила уже выходя. Подземелье вновь погрузилось во мрак.

Долгое время Лоони лежала на полу почти без сознания, ощущая только сырость камня и гнетущую тяжесть цепей. Однако, расхвастався по своему обыкновению, Инезия выболтала немало важных сведений. Итак, Пта в комнатах принца Инезио. К тому же золотоволосая богиня не солгала: Лоони и в самом деле почувствовала в себе небольшую энергию. Вполне достаточную, чтобы убить Пта сейчас и ускорить его следующее рождение.

Выйти из тела оказалось трудно — труднее, чем она думала. Стремясь сохранить свою оболочку в целости и сохранности, Лоони потратила слишком много сил из своих малых запасов. В тюрьме было очень холодно. За каждую минуту жизни, за каждую каплю тепла нужно было расплачиваться, Но вот она вышла. И теперь ее тело, знала она, осталось лежать там, внизу, в подземелье. В том мраке, где она оказалась, были бесполезны глаза, уши, даже осязание. Ориентироваться помогало только великолепное, полное живой радости могущество, которое сохранилось на самом донышке ее сущности. Было время, очень давно, правда, когда она легко выходила из тела и могла управлять им на расстоянии. Но могущество, дававшее ей такую возможность, теперь ей не принадлежало.

Сквозь стены она просочилась довольно быстро. И теперь уверенно продвигалась сквозь толщу утеса. Как часто в далеком прошлом играючи шла она этой дорогой и попадала на самую глубину, врезаясь в воду, которая в этом месте подхватывала тела утопленников и самоубийц и выносила их на берег при высоком приливе...

Теперь главное не торопиться. Чутье подсказало ей, что вода уже близко. Еще ближе. Вот и береговая линия. Вода понесла ее к морю, а потом мягко повернула к берегу. Дважды она соприкасалась с некогда живой материей. Но каждый раз чувствовала разочарование. Видимо, смерть этих тел наступила слишком давно.

Потом... она нашла новое тело. Невозможно было сказать, как давно жизнь покинула эту девушку, но каждая ее клетка все еще излучала сильнейший ток жизни, который, казалось, перекрывает слабые излучения моря и суши... Лоони стала переливаться в эту оболочку и наконец оказалась внутри, ее сущность постепенно растекалась по оцепеневшим нервам. Тело облекло ее, немного сопротивляясь, как слегка заржавевший механизм. Ей казалось, что она двигается в зыбучих песках. Смерть была для человеческого существа окончательной и бесповоротной.

Как долго Лоони пролежала так, в бессрочной ночи, она не могла бы определить. Не было времени, существовали только

спокойная определенность смерти и бедное, истерзанное тело.

Первое ощущение жизни пришло с прерывистым шумом и движением воды, бьющейся о скалистый берег. Затем появился слабый пульс — она каждый удар поддерживала своим сознанием и ждала следующего. Потом вернулось осязание — и она почувствовала гальку, песок и камни, обступающие ее новое тело со всех сторон. Вслед за тем она попробовала пошевелиться. Мышцы сократились — и у нее согнулись ноги в коленях, пальцы напряглись и задвигались локти. Все обычные отправления организма пробуждались после неподвижности смерти.

Последним восстановилось зрение. Она увидела, что вокруг ночь, что небо затянуто облаками, а рядом высится утес. Камни удерживали ее новое тело между берегом и бушующей бездной моря, рядом плавали другие, более мертвые тела. А на противоположной стороне залива горели огни города. В ней шевельнулась ностальгия, но Лоони справилась с тоскливым чувством и энергично поработала кистями и ступнями. Она продолжала колыхаться в воде, с каждой волной прикасаясь к утесу. Он громоздился над ней, она видела бесконечную отвесную стену и подумала, что ни один человек не в силах выбраться из этой немыслимой пропасти.

Но подняться необходимо. Нужно убить, чтобы спастись. Она нашла оружие в том же месте, где спрятала его во время одной из печальных прогулок вдоль скалистого берега, в которые она пускалась, когда ей вконец надоедала темница, вдоль берега, где ненадолго задерживались утопленники, прежде чем их уносило в открытое море и там навсегда поглощала пучина. Как давно она не бывала в этих местах!

Она проверила, все ли в порядке — тетива, стрелы, меч,— и начала медленно карабкаться вверх. Облака над морем плыли на северо-запад. В разрывах облаков слабо сияли звезды, но и этот еле заметный свет помогал ей взбираться на гигантский утес. Вдруг налетел сильный порыв ветра. Облака повернули вспять, стали темными, словно вмиг набухли влагой, и тут же хлынул дождь. Поток воды тяжело обрушился на нее, тело и руки стали холодными и мокрыми, на глаза, застилая зрение, налипли пряди волос.

Когда дождь наконец закончился, начало светать. Из-за горизонта появилось солнце в красной сверкающей короне лучей. Лоони одолела уже немалое расстояние. Но еще больше ей предстояло пройти, напрягая все силы утомленного тела. Смерть для человека — только недостижимая надежда. Долгий, долгий, бесконечный путь, когда же он кончится, наконец...

Время для Холройда остановилось. Последнее, что он помнил,— как через руку Муры из молитвенного жезла в него вливается страшная электрическая волна, с которой он тщетно пытается бороться.

Очнувшись, он почувствовал, что лежит на полу. Открыл глаза — и в самом деле, он лежал посреди большой, залитой солнцем комнаты.

Она была футов в сто шириной и, по меньшей мере, вдвое длинней. Но уже через миг он забыл про ее размеры. Вызывающая роскошь, подавляющее, расточительное великолепие — и все это сверкало в потоках ослепительного солнечного света, льющегося в оконные проемы. Розовые, золотые, белые блики играли на полированной до блеска поверхности мебели, скользили по столикам, креслам, шкафам превосходной работы. Отделанные панелями стены отливали мягкой голубизной ценных пород дерева. В противоположном конце роскошной залы сверкали полупрозрачные двери, сделанные, казалось, из алмазов. Через них тоже лился свет, и Холройду показалось, что там, за дверями, шелестит сад, но только показалось, потому что разглядеть что-то отчетливо за дверями было невозможно...

Холройд был восхищен. Он полюбовался таинственной алмазной иллюзией, потом подался немного назад, потому что боковым зрением заметил какое-то смутное движение. К нему подходила юная и прекрасная золотоволосая женщина. Это было самое великолепное среди всего великолепия зала. Теперь он уже не видел ничего, кроме этой женщины. Голубые глаза, небольшого роста идеальная фигурка, которую, как влитое, облегало белоснежное платье. Потом он услышал голос, нежный, настойчивый и тревожный.

— Инезио! — промолвила она.— Что случилось с тобой? Ты упал, как подкошенный врил...

Она ждала ответа, а он думал о том, что она сейчас сказала. Инезио! Он ухватился за это имя, как за спасительную соломинку. «Так вот оно что! Она доставила меня во дворец, подменив мною принца Инезио».

В памяти мелькнули слова Лоони: «... пришло время решительных действий». В нем снова проснулось мужество. На смену растерянности вернулось самообладание. Он сказал:

— Прости, я потерял сознание.

Он встал. Молодая женщина помогла ему подняться. Ее руки, нежные и мягкие, оказались на удивление сильными. «Как тигрица»,— подумал Холройд, глядя, как она вкрадчивым пружинистым шагом двинулась к выходу. Она остановилась в дверном проеме на фоне беломраморного зала и произнесла:

— Сегодня утром Бенар собирался принести тебе списки подлежащих казни. Надеюсь, ты не станешь упрямиться и подпишешь их,— ее глаза сверкнули.— Пора, наконец, покончить с так называемыми патриотами, толкающими Гонволан на войну с Нуширваном, а затем и с Аккадистраном. Позже я вернусь, и мы обсудим этот вопрос.

Она удалилась. Холройд стоял неподвижно, бессильно опустив руки, как будто от одного неосторожного движения она могла вернуться. Как понять то, что она сказала? Списки подлежащих казни... Долгое время он ничего не соображал. Значит, так. Лоони перенесла его во дворец, подменив им принца Инезио. Зачем? Чтобы предотвратить казнь? Или чтобы дать ему понять, что он балансирует на грани жизни и смерти? Только одно было ему совершенно точно известно. Он сам, собственной персоной, оказался во дворце-крепости.

Холройд по камерной привычке ходил взад-вперед по устланному коврами полу. Теперь, по-видимому, нужно внешне выказывать покорность. Он должен сначала выяснить все, что нужно, а уж потом составить план действий. Шаги привели его в другой конец зала. Он заглянул за дверь.

Алмазный витраж лишь смягчал сияние солнечных лучей, лившихся с террасы. Там, за террасой, шумел сад, наполненный деревьями, цветами, зеленью... Дальше он разглядел очертания города.

Холройд распахнул двери и вышел на террасу. Здесь дул ветерок. Он приятно освежал лицо и доносил свежие ароматы сада, смешанные с легким запахом соленой воды. Он посмотрел на город. Те кварталы, которые были видны, повторяли очертания берега. Сине-зеленое море так сверкало на солнце, что глаз с трудом различал за кронами деревьев городские строения.

Холройд остановился. Что-то тут было не так. Ручей, рядом с которым он стоял, как-то странно внезапно обрывался. Вода текла, журчала, огибала каменистый уступ и куда-то исчезала. Он осторожно двинулся вперед, спотыкаясь о камни. Сад был окружен барьером фута в три высотой, а дальше... Он наклонился. Обрыв!

За каменистым выступом ручей отвесно падал вниз. Холройд заглянул в пропасть и не увидел ее дна. Здесь, по меньшей мере, полмили в глубину. Где-то там, далеко внизу, пресная вода ручья сливалась с солеными водами моря. Потрясающая высота! Этому месту как нельзя лучше подходит название Большой Утес. Далеко внизу он различил усеянный скалистыми обломками залив моря. Там не было ничего напоминающего гавань, только доносился мощный рев прибоя. Меж двух скалистых уступов пенящиеся волны накатывали из бескрайнего моря и образовывали бухту площадью примерно две на три мили. А на внутреннем берегу залива стоял город.

Море и громадный утес, принимающий на себя яростные удары волн, были ярким и сильным впечатлением. Но и город, открывавшийся Холройду, поражал воображение. Он был белым, но сверкал на солнце всеми цветами радуги. Голубой, зеленый, красный, желтый... Под лучами солнца он переливался, как огромный драгоценный камень. Ему не было видно конца. Башни, купола, колокольни, арки, шпили уходили куда-то за горизонт, тянулись вдоль берега, повторяя свои очертания в воде, и город казался вдали, на расстоянии, своим собственным искаженным отражением. Дальше Холройд смутно различил зеленую стену леса — где-то там, должно быть, стоял домик под красной крышей, откуда его перенесли во дворец.

Холройд коротко хмыкнул. Следует опасаться этой женщины, Лооны. Уже дважды из-за нее он подвергался огромной опасности.

Вдруг о камень с ним рядом ударила стрела. На короткий миг застряла в трещинке, потом медленно полетела вниз, в пропасть, откуда только что стреляли. Холройд проследил за ней взглядом и не поверил собственным глазам.

Футах в пятидесяти ниже него вверх по стене обрыва ползла маленькая фигурка. Вторая стрела едва не угодила ему в голову, но он успел вовремя отклониться. Затем опять нагнулся. Теперь уже можно было ясно различить человека, стрелявшего в него. Это была молодая женщина, высокая и худощавая.

Когда страх, вызванный внезапностью нападения, миновал, Холройд перестал беспокоиться. Он улегся за каменным барьером и стал с любопытством рассматривать женщину. Фут за футом она поднималась вверх, цепляясь за длинные темные корни, свисавшие вниз из отвесной стены. Теперь лук, из которого она стреляла, был перекинут через ее плечо. Она была подпоясана широким поясом, к которому на ремне крепились ножны с мечом. В какой-то момент он заметил, что ее ноги заскользили, а пальцы лихорадочно шарят по камню в поисках новой точки опоры. В этот миг она была настолько близка к гибели, что Холройд невольно напружинился и даже протянул руку в ее направлении, как бы желая помочь вот так, на расстоянии. Он окликнул женщину:

— Эй, ты кто? И что тебе надо от меня?

Но ответом был лишь шорох осыпающихся камешков и комьев земли, да еще затрудненное дыхание скалолазки. Фут за футом женщина приближалась к нему. Вдруг Холройда охватило странное чувство. Он ощутил себя страшно, невыносимо одиноким в этом непонятном, чуждом мире. Город на фоне смутно вырисовывающегося залива показался ему отдаленным и чужим, как на другой планете. Что он делает здесь, на земле двести миллионов лет спустя, как и зачем его сюда занесло? Он невольно оглянулся на дворец. Сквозь зелень сада ему было видно длинное белое приземистое здание. И в самом деле крепость. Дворец-крепость. Ни единого движения. Ни звука. Ни признака жизни. Дворец возвышался над беспокойным, бушующим морем, как старый безжизненный обломок минувших эпох, реликт, остов какого-то огромного вымершего животного. Старый и мертвый. И все здесь старое и мертвое. И только он да еще эта женщина, почему-то пытавшаяся убить его, были в этой безжизненной пустыне живыми и реальными.

Он посмотрел вниз и увидел, что женщина отдыхает, придерживаясь за скальный выступ. Она была уже совсем близко и, как он заметил, тоже разглядывала его. Ее лицо показалось ему таким измученным, что ему стало как-то не по себе.

Женщина перехватила его взгляд и поспешно сказала:

— Не бойся и не удивляйся. Я устала после долгого подъема. И, пожалуйста, будь добр, прими мои извинения. Я не узнала тебя, и мне показалось, что меня обнаружил стражник.

Холройд слегка улыбнулся. Физически бессмертному Пта не страшны стрелы. Но зачем женщине понадобилось покушаться на принца Инезио? И почему она теперь просит прощения? Он смотрел на нее, она — на него. Женщина была уже всего в десяти футах — грязное, исцарапанное, совершенно непонятное существо. Волосы взъерошены, блузка и шорты вымазаны землей и тиной, кроме того, она насквозь промокла в струях ручья,

падавшего на нее сверху, пока она карабкалась по скале. Казалось, силы ее на пределе. Холройд нахмурился. Что с ней делать? Он учитывал, что она может опять выстрелить. Тело Пта нельзя уничтожить, но ему можно причинить боль. Когда женщина добралась до самого каменного барьера, он спокойно и миролюбиво сказал:

— Бросай сюда свое оружие. Пока оно у тебя, мне будет трудно вытащить тебя наверх. Ну, давай сюда скорей лук и меч, и я помогу тебе перелезть через барьер.

Женщина решительно покачала головой:

— Ну уж нет, меч я не отдам. Лучше броситься живой вниз со скалы, чем попасться в лапы дворцовой охраны. Отдам тебе, пожалуй, лук и стрелы, чтобы ты не опасался, что я выстрелю с расстояния. Но меч я оставлю у себя...

Ему нечего было возразить. Он взял у нее лук и стрелы, и через минуту странное существо оказалось наверху.

Она двигалась быстрее и проворней любого животного. Перелезла через барьер и шагнула на тропинку... Но это была всего лишь уловка с целью выиграть секунду времени и ловко и незаметно вытянуть клинок из ножен. Она сделала молниеносный выпад в его сторону. Холройд едва успел отскочить, от удивления выронив лук и рассыпав стрелы. Женщина тут же схватила их и бросила вниз со скалы. Оружие полетело в пропасть. И тут она снова прыгнула на него. Ее худощавое тело изогнулось дугой, когда она нанесла удар. Холройд отбил его, подставив ногу, и клинок скользнул мимо. Он попытался схватить ее, но гибко, как кошка, она выскользнула из его рук... Ну и быстрая же чертовка! И только сейчас до него дошло, что означало странное ощущение, которое он испытал, отражая удар. Меч был сделан не из металла, а из отполированного до блеска дерева. Дерева! Д е р е в а!

Поняв, что оружие не металлическое, он от удивления несколько замешкался. Это было ошибкой. В ту же секунду по его правому боку скользнуло острие. Оно не вонзилось, а только задело его по касательной. Он ощутил боль — не сильную, скорей символическую, нежели настоящую. Холройд, разозлившись, перехватил клинок за середину, дернул на себя и с легкостью вырвал из рук женщины. Она растерянно посмотрела на оружие, оказавшееся в руках противника. И смущенно пробормотала:

— Магический прокол... Он совсем не повредил тебе...

— К а к о й прокол? — переспросил Холройд. И тотчас же понял, что именно она имела в виду. Клинок меча бился и пульсировал в его пальцах, как нечто живое. В нем ощущалась какая-то внутренняя работа, как будто в середине действовал моторчик, он весь вибрировал, как автоматическая сенокосилка. Меч становился все теплее, горячее и уже начинал обжигать кожу. Казалось, через его отполированную поверхность в Холройда вливается такая же энергия, как и та, что через руку Лоони передалась ему от молитвенного жезла, только несколько слабее. Когда жар, идущий от клинка, стал невыносимым, Холройд

разжал пальцы. Женщина подняла упавший на землю меч и отправила его в пропасть, вслед за луком и стрелами. Потом обратилась к Холройду:

— Выслушай меня,— сказала она.— Разряд мог бы поразить тебя насмерть. Однако этого не произошло. Значит, там,— она указала рукой куда-то далеко на юго-восток,— несколько женщин все еще молятся у своих жезлов. Их, может быть, немного, но ведь прошли долгие века с тех пор, как женщинам запретили молиться за своих мужей и возлюбленных,— задумчиво говорила она.— Это вселяет надежду. Ты должен знать об этом, Пта. Ты должен...

— Пта! — повторил пораженный Холройд. До сих пор он считал, что женщина принимает его за принца Инезио и потому пытается нанести ему смертельную рану... Вот новая загадка! Как он, принц Инезио, должен воспринимать такое разоблачение? Ведь ее слова, казалось, прогремели на весь сад.

Незнакомка владела его тайной, и вдруг это показалось ему настоящей катастрофой. Он был изумлен до глубины души. Он угрюмо взглянул на женщину, и, наверно, очень уж изменился в лице, потому что она торопливо сказала:

— Не делай глупостей! Если убьешь меня, это ни к чему хорошему не приведет. Приди в себя и выслушай все до конца, а потом уж принимай решение. Я могла бы... помочь... тебе... Но не здесь и не сейчас. Мне нельзя оставаться во дворце. Если ты дашь мне документ на право пользоваться скриром... Бланки есть в твоем кабинете. Следуй за мной...

Холройд как во сне пошел за ней. Женщина отлично знает, кто он такой, пытается убить его и совершенно точно рассчитывает, что он должен делать в дальнейшем. И вот она заставила его безоговорочно подчиниться!

Он смотрел, как женщина беспрепятственно проходит в раскрытые с террасы двери в уже знакомый ему зал. Она скрылась в каких-то других дверях и вскоре вернулась со свитком плотной, украшенной гербами, бумаги, забавной стеклянной ручкой и массивным металлическим перстнем в руках.

— Надень это,— повелительно сказала она, протянув ему перстень.— Это большая печать принца Инезио. Она дает ему власть, вторую по значению после власти самой Инезии.

Кто же она такая? И почему так уверена в том, что перед ней не принц Инезио? Отрицать что-либо было уже поздно. Он взял перстень, невольно отметив про себя, что она назвала Инезию просто по имени, без божественного титула. И снова подумал: «Кто же она?» Нет, это не Лоони. В ней было слишком много от человека, и это никак не укладывалось у него в голове и не совпадало со сложившимся у него представлением о той Лоони, которую он узнал.

Женщина заполнила бланк документа и уверенно сказала:

— Поставь печать здесь.

Холройд, не говоря ни слова, подчинился. А вдруг здесь кроется какая-то опасность? — размышлял он про себя. Женщина владеет его тайной. Если ее подослали, то ему несдоб-

ровать. Однако он был твердо уверен, что не позволит ей уйти, пока не выяснит окончательно, кто же она такая. Он держал документ в высоко поднятой руке, как можно дальше от женщины. И уже собирался задать вопрос, который так и вертелся у него на языке, как вдруг в дверь постучали.

Холройд обернулся на стук, и в ту же секунду женщина выхватила бумагу из его пальцев. Он протестующе замахал руками, но женщина уже бежала к двери, открытой на террасу. В проеме она остановилась вполоборота — высокая, худощавая, в изорванных шортах и блузке, с голыми ногами в грязных подтеках:

— Прости, Пта, что я могу сказать тебе так мало. Мои губы запечатаны, так же запечатаны, как... как...— казалось, что-то мешает ей говорить. Затем, справившись с голосом, она поспешно сказала:— Помни, Пта, что о н а более опасна, чем может показаться по ее словам или поступкам. Берегись! И будь осторожен! Кем бы ты себя ни считал, Пта, ты станешь равен самому себе, своему «я», только если вернешь себе свое былое божественное могущество. Обладая им, Пта, ты сможешь совершить все, что только пожелаешь. Но первое, что ты должен сделать,— вернуть себе божественную силу. Подумай...

Голос ее снова прервался, как будто что-то извне мешало ей говорить. Она помотала головой, слегка виновато улыбаясь:

— Видишь, я не могу помогать тебе... здесь. Удачи тебе, Пта,— и дверь за ней закрылась.

Холройд снова услышал настойчивый стук. Он был раздосадован. Его раздражало, что он вынужден отвлекаться ради каких-то мелочных, незначительных дел. Какая разница, кто и зачем стучит. Он Пта. Впервые с появления во дворце, впервые за все это время, впервые он осознал это и вернулся на свою собственную стезю. Холройд был Пта. Пта был Холройдом. Любая победа Пта обернется его победой. Он обязан победить. По его спине внезапно пробежал холодок. Какая великая, ни с чем не сравнимая судьба!.. Снова постучали. Холройд вздрогнул.

— Войдите,— надменно сказал он.

Вошла крупная дородная женщина с копьем в руке. Она отсалютовала копьем, щелкнула подошвами сандалий и произнесла:

— О великий Инезио, торговец Мирв утверждает, что богиня направила его к вашему высочеству. Пригласить его?

Холройд почувствовал себя собранным и холодным, холодней, чем сталь. Он стал бесстрастным и отстраненным и ощущал это в себе как реальную физическую силу. Итак, торговец Мирв. Что ж, и из этого можно кое-что извлечь. Перенеся его во дворец-крепость, Лоони не могла не знать, что здесь у него будет возможность встречаться с различными людьми и набираться опыта и хитрости. Этим он и займется. Холройд будет учиться.

Сперва он услышал звуки, напоминавшие гудение неисправного сопла. Сопение раздавалось пока откуда-то издалека, из не видимой Холройду зоны, но постепенно становилось все ближе и ближе. Наконец в поле зрения появился тучный муж-

чина, страдающий, по-видимому, одышкой. Он протиснулся, наконец, в дверь, приблизился тяжелой слоновьей поступью и услужливо пропыхтел:

— Принц Инезио...

Холройд высокомерно поглядел на него.

— Ну?

Перемена, произошедшая с торговцем Мирвом, была поистине удивительной. Подобострастие слетело с него, как маска, как будто он получил позволение показать свое скрытое до поры до времени настоящее лицо. Он протопал к двери, плотно притворил ее, затем, похожий на огромную грушу, бочком подкатился к Холройду и заговорщически прошептал:

— Мой повелитель, вы тверды во всем, что касается обещаний. Мне три дня подряд оказывают здесь почести, достойные Зард Аккадистранской. Я только что встретил богиню в приемной. Ее божественность были очень любезны и пообещали, что сегодня вы, наконец, уделите мне внимание. Могу ли я рассчитывать на это?

— А как же,— ответил Холройд без всякого выражения.

Он снова почувствовал одиночество и безразличие. Его мало трогало, что это за дела и почему он должен заниматься ими. Пока еще он не слишком хорошо разбирался в деталях, чтобы делать какие-то выводы и принимать решения. Он заметил, что грушеподобный тип улыбается. Затем толстяк сказал:

— Если бы вы соблаговолили отправиться со мной в торговую палату и поставили свою печать на передаточном свитке, как обычно...

Они вышли в приемную и прошли мимо женщин-воинов, охраняющих вход. В огромной светлой комнате — наверно, это и была торговая палата — несколько грузчиков подносили мешки к большим каменным весам. Рядом с весами стоял горбоносый человек с полуопущенными веками, всем своим видом напоминающий стервятника. Он вкрадчиво произнес:

— Пожалуйте сюда, ваше высочество. Как только вы прикажете, мы начнем.

Грузчики стали выкладывать перед Холройдом какой-то хлам: грубые куски, обломки темно-коричневого металла. У него мелькнула догадка, что это сырое железо, железная руда. Холройд сразу утратил все свое равнодушие. Он заинтересовался.

Еще бы! Железо — немалая ценность. В Гонволане настоящий голод на металл. Значит, стоит посмотреть на все это богатство. Металл идет здесь исключительно на религиозные цели — на жизненно необходимые молитвенные жезлы, благодаря которым держится власть богини. Да, за двести миллионов лет расточительный человек растранжирил и исчерпал все богатейшие рудные залежи планеты.

Холройд спросил торговца Мирва:

— Где передаточный свиток, о котором ты говорил?

Напоминающий стервятника горбоносый человек принес свиток и передал ему из рук в руки со словами:

— О высокородный принц Инезио, не соизволите ли вы отнести его в ваши покои, следуя заведенному порядку... Я вижу, что мы получим за свое железо сполна...

Мирв назойливо преследовал его до самых дверей:

— Я немедленно пошлю человека известить Зард Аккадистранскую, что вы обещали... Ах, вот Бенар, военный министр. Он будет удовлетворен не меньше самой Зард. Мои наилучшие пожелания, Бенар.

Холройд тоже молча кивнул склонившемуся перед ним в поклоне старику. И мысленно отметил: «Эта птица более редкая. Он один на тысячу таких, как Мирв».

У старика были сухие поджатые губы, щеки обвисли, под глазами темнели круги. Холройд обошелся с ним не менее сухо и холодно, чем с Мирвом и его помощниками. От встречи с торговцем в памяти Холройда отложилась одна-единственная, но цепкая мысль: Зард Аккадистранская будет довольна... его обещанием. Что все это значит?

Он нахмурился. А старик заговорил громким пронзительным голосом. Он говорил о каких-то угрозах со стороны Зард Аккадистранской, которая, если верить одной только листовке мятежника Тара, была повинна в незаконных похищениях людей. Угроза в обмен на какие-то обещания... Знать бы еще всю подоплеку этих хитросплетений...

Голос Бенара звучал все более резко и неприятно.

— Я рад, что вы согласились. Давно пора расправиться с вольномыслящими. Истребить одним ударом всю эту шайку — вот единственный способ сохранить...

— Что ты, старик? — грубо перебил Холройд.— О чем это ты?

Старик внимательно посмотрел на него, потом сказал:

— Но без этой хирургической операции не обойтись. Списки уже составлены. В них внесены имена всех офицеров, замеченных в том, что они хотя бы дважды высказывались за нападение на Нушрван. Это снимает с нас все возможные подозрения. Одновременно мы на деле выполняем все свои обещания. Наши войска остаются в стороне от этого дела, а основную работу выполнят наемники Зард — они захватят изменников вместе с семьями.

Безразличие Холройда как ветром сдуло. Теперь у него появилась цель, правда, еще не до конца ясная. Пока же она была столь неопределенной, что больше походила на сильное беспокойство. Он сам себе казался похожим на человека, который в абсолютном мраке пытается бороться с невидимой стеной, через которую можно пройти, только разрушив ее до основания.

Он направился в кабинет. Стены здесь были увешаны картами. Он узнал Гонволан, Нушрван, Аккадистран. Только все было в гораздо большем масштабе, чем изображено в книгах Тара. Бросив на карты беглый взгляд, Холройд уселся за стол и увидел перед собой толстый фолиант наподобие конторского гроссбуха. Он еще раз мысленно взвесил все, что ему известно. Значит, Зард прислала ценный подарок в обмен на

похищенных граждан Гонволана. И все это ради того, чтобы не развязывать военный конфликт? Или чтобы загладить предательство богини по отношению к своим подданным? Ему стало холодно и страшно, как от предчувствия какой-то беды. Это было то, что имела в виду Лоони. Она полагала, что ему непонятна причина, по которой так важно напасть на Нушир-ван. И это было верно. Тогда он еще не понимал. Бенар тем временем говорил:

— Как видите, списки обширны. Мы никого не упустили...

Холройд заподозрил, что Бенар рассчитывает на похвалу, а может быть, даже и на награду. Списки, составленные военным министром, были гигантскими. Старик явно был доволен и горд собой. Его глаза ловили каждое движение Холройда.

Холройд раскрыл книгу примерно посредине. Страницы были испещрены микроскопическими письменами — семь, восемь, девять... Он насчитал десять колонок. Имена, имена, имена... Он скрупулезно подсчитал имена только в одном столбце — ровно сорок. Значит, на каждой странице четыреста человек. Он перевернул страницу и вздохнул. Другая сторона листа была так же тщательно заполнена бесчисленными именами осужденных на казнь. Сколько их всего? Ему предлагали массовые убийства. Точное число предполагаемых жертв невозможно даже представить. Тем не менее он спросил...

— Восемнадцать сотен страниц,— отчеканил в ответ старик.— Заверяю вас, принц, мы никого не пропустили. Пора вытоптать всю нелояльную сволочь самым решительным образом...

«Четыреста на тысячу восемьсот,— тем временем с болью думал Холройд.— Умножить...»

Нет, нет, невозможно получить ответ. Шестнадцать дюймов на десять дюймов и еще на четыре. Шестьсот сорок кубических дюймов мертвецов.

Холройд попытался приподнять фолиант. Он оказался тяжелым, что-то около восьми фунтов весом. Тяжесть книги подсказала ему верный ответ.

Он сказал:

— Списки я возьму с собой,— как ему показалось, он нашелся по чистой случайности,— тут есть несколько имен, которые попали сюда по ошибке, как вы сами понимаете. Проверка не займет много времени, а вероятность недосмотра уменьшится...

Он встал и уже собирался выйти, в твердой уверенности, что все уладил, но Бенар остановил его:

— Смею утверждать, принц, что списки досконально проверены в отношении офицеров, вхожих в высшие круги или удостоенных вашего внимания. Сюда попали лишь такие имена, как генерал Маарик, полковник Дилин...

— Тем не менее,— ледяным тоном прервал его Холройд,— я возьму книгу к себе. И проштудирую у себя в покоях.

Он повернулся и вышел в зал. И уже закрывая за собой дверь, увидел золотоволосую богиню.

Она сидела за маленьким столиком у огромных распахнутых окон. Стол ломился от яств. Богиня промолвила, улыбаясь:

— Присаживайся, Инезио. Поговорим с тобой о казнях. Кстати сказать, министр полиции недавно внес предложение, которое привело меня в восторг. Поэтому, я думаю, не послать ли тебя на Нуширванский фронт? Ты предпримешь ложное наступление, и это заставит замолчать всех недовольных. Садись, мой дорогой, обсудим план кампании за чашечкой горячего нира...

Холройду понадобилось какое-то время, чтобы разобраться, что предлагает ему богиня. Сначала он вообще ничего не понимал, но затем что-то неясно забрезжило.

Прежде всего Холройда ошеломило ее внезапное появление. С той поры, как он впервые очнулся во дворце, все вокруг напоминало ему картину, в которой недостает множества важных деталей. Понемногу он осваивался в этом полупонятном мире, и то новое, что ему с большим трудом удавалось найти по крупинке, постепенно заполняло пустоты. Из первой встречи с богиней он вынес немногое. Юное лицо, изящная точеная фигурка, голубые глаза — вот все, что ему запомнилось. Да еще, пожалуй, белоснежное платье и длинная, до полу, голубая мантия, которая так удачно подчеркивала цвет ее глаз. Но самое главное — раньше она была для него какой-то отвлеченной фигурой, скорее понятием, чем действующим лицом. Теперь же она стала реальной. Она была живая богиня Инезия.

Она мягко сказала:

— Садись, Инезио. Сегодня утром ты что-то сам на себя не похож, какой-то немного странный, задумчивый...

— Я обдумываю то, что ты сказала,— услышал Холройд собственный голос. На самом деле он еще не разобрался в ее словах. Но интуитивно нашел правильный ответ. И сел к столу. Она продолжала разглядывать его — и в ее загадочных прекрасных глазах он различал нечто опасное, что совсем не вязалось с ее юным лицом и наивным видом. Она изменилась с тех пор, как он ее видел в первый раз. Он поймал себя на том, что напряженно пытается определить, в чем разница между прежней Инезией и этой. И не мог.

Но присмотревшись к ней повнимательней, он сказал себе: «Не будь идиотом и не расслабляйся ни на миг!» Ведь это не обычная земная женщина. Нельзя поддаваться ни ее обаянию, ни ее красоте, нельзя ни на минуту утрачивать бдительность. С ней надо все время держаться настороже. Предостережение, которое он сделал себе сам, заставило его дрогнуть от непонятного волнения. Он догадывался, что она не должна понять, в чем причина его «странности». Но и дальнейшее молчание было бы ошибкой.

— Зачем ты хочешь послать меня на фронт? Для обманного маневра? Я должен создать видимость наступления на Нуширван? — спросил он и прервал сам себя. Теперь только он осмыслил все, что она предлагала, а это был немалый шаг вперед. Вдруг из ее ответа можно будет узнать что-то новое?

Он подумал: «Это, оказывается, совсем не так трудно, как мне казалось».

Богиня отвечала:

— Вперед я отправлю наемников, и они объявят, что ты со своим генеральным штабом завтра отправляешься на фронт. Всем замкам будет приказано поддерживать тебя своими силами, призывать и вооружать ополченцев. Центральные резервы пищи и снаряжения постепенно будут перемещаться поближе к переднему краю. Все эти меры должны будут убедить всех, что с этого наступления начинается большая война. Кроме того, необходимо убедиться, что все выявленные в высшем эшелоне офицерства бунтовщики назначены на левый фланг — там они будут уничтожены противником или погибнут во время сложнейших переходов по горам и вулканам, занимающим в том районе сотни квадратных канб. Через минуту я покажу тебе, что имела в виду...

Холройд слышал слова, но не вполне ясно понимал их. Его как будто окружило мягким, дурманящим туманом. Он попеременно ощущал то радость, то тревогу, то холодную ярость, то удовлетворение. Эта смена чувств почти причиняла боль. Но наконец все обуревающие его чувства, достигнув предела, улеглись и слились в одну сильную, нечеловеческую радость! Ведь она сама предложила наступление на Нуширван! Ну и что, если для Инезии это не более чем военная хитрость. О Даиан, о Колла, о чудесный Ред! Наступая на Нуширван по приказу богини, можно, не пробуждая ничьих подозрений, добиться всего, что ему необходимо...

Тонкая белая ручка протянулась к нему через стол. Указательный палец богини почти касался его виска.

— Пойдем со мной,— обволакивал его голос Инезии,— и я покажу тебе то, чего ты раньше не...

Палец парил теперь над его лбом.

— Держи голову прямо, не опускай ее и следуй за мной.

Первым его побуждением было уклониться от того неизвестного, что она предлагала. Однако он почему-то не осмеливался. Потому что знал: божественная сила Инезии так велика, что даже Лоони, умеющая изменять ткань времени, боится ее. Палец уперся в лоб Холройда.

— И д и с о м н о й!

Но все оставалось без изменений. Богиня все пристальней смотрела на него, напрягая взгляд так, что он увидел на ее белках покрасневшие кровеносные сосуды. Тонкая кожа у глаз Инезии собралась в морщинки.

— Странно,— сказала она.— Что такое? Почему я ничего не могу? Я чувствую сопротив...

Она оборвала фразу, сдавленно вскрикнув. Затем уселась в кресло и удивленно посмотрела на него.

— Что-нибудь случилось? — спросил Холройд.

— Ничего-ничего,— недоуменно покачала она головой, будто бы пытаясь убедить в этом самое себя.

Холройд ждал. Ему было непонятно, что произошло и на

что она намекала. Но он догадывался, что озадачить богиню может только могучий Пта, погруженный ныне в личность Питера Холройда. Да, с такой необычной комбинацией человека и бога нельзя обращаться как с простым смертным. Что бы она ни подразумевала, повелевая ему следовать за собой, чего бы она ни добивалась, Пта и Инезио были настолько различны между собой, что и богиня должна была по-разному применять свое могущество. Вот-вот она может разоблачить его. При одной мысли об этом его бросило в жар, потом в холод. Затем напряжение понемногу спало.

— Инезио, чем ты занимался с тех пор, как мы виделись с тобой в последний раз?

Ее голос звучал властно и повелительно, глаза метали молнии, искрясь, как голубая вода в солнечных лучах. Ему стало трудно смотреть ей в лицо без прищура. Ее лицо, казалось, превратилось в световое пятно, и свет этот пульсировал, как будто сияние излучал сам воздух вокруг нее.

— С тех пор, как ты видела меня в последний раз? — переспросил Холройд, чтобы выиграть время. Он говорил таким холодным и дерзким тоном, что его самого пробрала дрожь.— Дай-ка вспомнить. Ну, во-первых, я выходил в сад. Затем, вернувшись, я застал торговца Мирва, ожидавшего, пока я освобожусь. Потом мы с ним отправились в торговую палату принимать дары драгоценного металла, присланные Зард Аккадистранской, а после...

Он умолк. Ее поразительно изменчивые глаза снова стали другими. Теперь они превратились в круглые свинцовые круги, лишь где-то в их глубине мелькали голубые электрические вспышки. Она все еще смотрела на него, но теперь ее взгляд был устремлен не на его лицо, а на руку. На его левую руку.

— Кто дал тебе э т о? — спросила она гневно.— Кто? Кто дал тебе к о л ь ц о в л а с т и?

— Кольцо,— повторил Холройд. Он опустил глаза на перстень-печатку. Опять он не понимал ничего. Почему столько гнева по такому ничтожному поводу? И он спросил:

— Зачем тебе это знать?

Она расхохоталась. От смеха ее удивительно юное лицо и все молодое прекрасное тело как бы ожили и потеплели. Лишь глаза продолжали жить своей отдельной жизнью. Теперь они были огненно-синими и сверкали от нечеловеческой ярости, как штормовое море. И голос ее хлестал, как бурный ливень, пронзительно и неистово:

— Кто дал тебе его? Кто? Отвечай!

— К чему тебе это, Инезия? — спокойно поинтересовался Холройд. Он не только наблюдал за сменой ее настроений, но и почувствовал, что они как бы поменялись ролями и теперь он сам стал хозяином положения. Это было даже интересным, и он поглядел на нее почти насмешливо.— Все очень просто,— продолжал он, в твердой уверенности, что т о л ь к о о д и н Холройд не был бы так спокоен перед демоническим взрывом ее божественного негодования.— Продолжу со встречи с Мир-

вом,— объяснил он.— Торговец спросил меня, почему я без перстня-печатки. В спешке я, наверно, забыл о нем.

Да, прозвучало не слишком-то убедительно. Кольцо, вероятно, должно все время находиться там, в кабинете, откуда высокая худощавая женщина принесла чистые бланки приказов. Впрочем, зачем такое опасное кольцо богиня доверила принцу Инезио? Но это уже другой вопрос.

Голубые глаза снова изменили свое выражение. Теперь они стали спокойными и безмятежными. Такими же неестественно спокойными, как и Холройд. Теперь она говорила тихо и размеренно:

— Прошу, извини меня за вспышку, Инезио. Некие силы, о которых я пока не могу сказать тебе, недавно расстроили важное дело. А теперь сними кольцо, и я возьму тебя с собой в мысленное путешествие. Потом,— она нежно улыбнулась и ласково произнесла: — Потом я попрощаюсь с тобой так, как расстаются любовники. Ну, пойди же, положи кольцо туда, где ты взял его...

Холройд, не торопясь, прошел в кабинет. Переступив порог, он закрыл за собой дверь и почувствовал неодолимое желание убежать через второй выход. Это чувство посетило его точно так же внезапно, как тогда, в джунглях, в маленьком домике под красной крышей. У него так много дел, нужно спешить. Он должен взять тайм-аут и оценить положение, все взвесить. Но не сейчас. Позднее. Придется отложить побег.

Итак, он принял решение. Но все еще колебался. Мысленное путешествие. И любовь, которую она сулит вслед за этим. Холройд подумал, что ему придется нелегко. Не в любви, разумеется. До прибытия в Гонволан ему было тридцать три года, и если бы кто-то вздумал составить список мужчин, невинных, как ангелы, то имя Холройда в него явно бы не попало. Нет, любовным приключением его не испугать. Беспокоило другое — совершенно не известное мысленное путешествие. Что бы это могло быть?

Инезия говорила, что большинство бунтарей погибнет в марше по горам и вулканам Нуширвана. Потом она сказала... что-то важное. Что она сказала? Точно он не помнил. Нужно вспомнить, что же это было? Но времени на обдумывание уже не остается. Ладно, у него есть еще несколько козырей, не известных Инезии. Вполне удовлетворенный, он положил перстень в маленькую прозрачную ячейку в стене кабинета, рядом с письменным столом. И медленно двинулся назад в зал с огромными окнами.

Через весь зал по покрытому толстыми коврами полу Холройд шел к богине. Она не слышала его шагов и сидела спиной к нему. Теперь он смог разглядеть ее лучше и внимательней, чем тогда, когда они были друг против друга и она не спускала с него глаз. Инезия была небольшого роста, не выше пяти футов, однако держалась гордо и осанисто, с поистине королевским величием. Белокурые волосы венчали ее голову, словно

золотая корона. Она, как школьница, носила их распущенными, и чудесные локоны рассыпались по плечам и ниспадали на спину, отливая мягким шелковисто-золотистым блеском. Холройд подумал с внезапной нежностью: «Как она похожа на ребенка...» Но это впечатление мгновенно улетучилось, как только он увидел, что она держит на коленях. Огромный фолиант, содержащий бесчисленные имена тех, кого она приговорила к смерти...

Горько усмехнувшись, Холройд прошел мимо богини и сел в свое кресло. Инезия задумчиво подняла на него голубые глаза.

— Вижу, Инезио, ты не подписал...

Прежде чем Холройд успел что-либо сказать в свое оправдание, богиня обратилась к нему доверительно, как к близкому человеку:

— Ну почему, милый, ты не хочешь понять, насколько это важно — обезопасить себя от мятежников? Наша молодежь совсем отошла от религии, ни во что не верит и склонна к безмерному эгоизму. Разгромить бунтарей, уничтожить их верхушку — главных зачинщиков мятежа — просто необходимо! А после того наша стратегия будет заключаться в следующем: мы сорвем их планы, не оставим им ни малейшей лазейки. Если достаточно искусно использовать открывающиеся возможности, мы можем объявить во всеуслышанье, будто всему виной их пренебрежение молитвами, и тем самым вернем к молитвенным жезлам миллионы ослабших верой. После этого все волнения останутся позади. Полагаю, что память об изменниках и отступниках продержится не больше нескольких поколений. Если желаешь, я готова посвятить тебя в детали своего плана...

Холройд внимательно выслушал ее, потом взял свой кубок. Нир еще не остыл, это было приятно. Но даже через минуту после первого глотка он не смог бы сказать, что за вкус у этого нового для него напитка. Перед его мысленным взором предстала ужасная картина разгрома и подавления восставших: люди, мужчины, женщины и дети, отброшенные назад, в доисторические времена, в мрачные безысходные могилы, без всякой надежды выбраться оттуда, пока золотоволосая богиня продолжает править железной безжалостной рукой, угнетая порабощенных подданных при помощи своих замков, лордов, наемников, стражников и огромных армий... Это было похоже на то, как если бы он заглянул в... Это был АД!

Почти физически, как лошадь, рвущаяся из слишком тугих уздцов, он боролся с этим выводом, но больше никаких сравнений не было и не могло быть.

Богиня между тем продолжала:

— Ну уж если ты не подписал списки — не захотел подписать, скажем прямо,— для большинства осужденных, как ты сам понимаешь, это означает помилование. Однако,— голубые глаза впились в него,— однако здесь есть страница, Инезио, которую ты о б я з а н подписать непременно! Таковы мое желание и повеление. Ибо за каждой строкой, за каждым именем

на этой странице — отъявленный головорез, негодяй и убийца. Пока они остаются безнаказанными, попирается закон и над моим правительством все просто смеются! Ты подпишешь ее, дорогой, не правда ли?

Она говорила все быстрей, все горячей.

— Ты ведь не хочешь рассердить меня, Инезио? Тебе прекрасно известно, что ты, как и другие, входишь в правительство и управляешь государством только с моего позволения и по моей милости. На мою долю выпадают лишь самые важные решения. Так вот — это одно из таких решений. Ты должен подписать смертный приговор!

Пока она долго и взволнованно говорила все это, Холройд успел подготовиться к ответу. Он медленно сказал:

— А ты ни разу не задумывалась, что массовые убийства как раз и вызовут возмущение людей, которых ты якобы желаешь успокоить?

Того, что произойдет дальше, он никак не мог предположить. Богиня пришла в такую бешеную ярость, какой он не ожидал. Она схватила лежавшую на столе ручку и в гневе бросила ему через стол, поверх фолианта, раскрытого на странице, которую, по ее повелению, он должен был подписать. Задыхаясь, она безмолвно ткнула пальцем в пустое пространство внизу под перечнем имен. Вцепившись рукой в страницу, она рывком выдрала ее из книги и сунула ему под нос:

— Подпиши,— прошипела Инезия, яростно сверкая глазами,— подпиши — и отсрочишь им всем казнь на шесть месяцев!

Ни слова не говоря, Холройд взял ручку. Он прочитал начертанную ею резолюцию, затем подписался чужим именем: «Инезио...» и так же молча вернул лист. Это условие его устраивало. Полгода — немалый срок. За шесть месяцев он или станет Пта или умрет. В конце концов, он не подписал ничего, кроме одной только страницы из тысячи восьмисот. У него просто не было другого выхода, видит бог. Будем считать, что ему еще легко удалось выпутаться из этой невероятно сложной ситуации.

Палец коснулся его лба. И снова голову объял сладкий дурманящий туман. Голос богини нежно ласкал его слух:

— Пойдем со мной... Пойдем со мной!

Первое, что почувствовал Холройд,— стремительное движение в пространстве. Он почему-то ждал боли. Но ее не было. Проходили секунды, движение на громадной скорости все продолжалось, потом последовала настолько резкая остановка, что у него перехватило дыхание. Теперь он увидел под собой землю в таком отдалении и ракурсе, как будто смотрел на нее с высоты птичьего полета или из аэроплана. Горы! Горы без конца и края! Огнедышащие вулканы! Поразительная, устрашающая и величественная картина!

Насколько хватало зрения, тянулись горные вершины, пики, мощные вертикальные столбы дыма, извергаемые вулканами в мглистое небо. Сотни вершин, сотни вулканов, а между ними

темнели глубокие ущелья, дна которых не достигал человеческий глаз. Из темных трещин угрюмой и прекрасной земли клубился пар.

«Нуширван! — догадался Холройд и с горечью понял, что допустил страшную и уже не поправимую ошибку.— Нельзя было посылать сюда людей. Это значит обречь их на верную гибель».

Однако прошло некоторое время, и он уже иначе расценивал обстановку. Страна вулканов оказалась не настолько неприступной, какой выглядела с первого взгляда. Теперь он был уверен, что армия сможет штурмовать горы. Потому что разглядел и удобные перевалы, и зеленые благодатные долины, в которых тянулись фруктовые сады и что-то наподобие виноградников. Очарованный красотой этих мест, он стал высматривать, не видно ли поселений. Да вот же они! Дома лепились у подножия гор, теснились в долинах, располагались неподалеку от быстрых и бурных горных рек. А вдалеке, там, где бескрайняя долина уходила за горизонт, он различил шпили и башни какого-то города и загорелся: «Летим туда! Побываем в городе!»

«Нет! — донеслось в ответ.— Как ни велико мое могущество, но мне не под силу переправиться через поток бурлящей лавы...»

«Но почему?»

Молчание. Но почему же? Холройд почувствовал острое любопытство. И вдруг... Поток бурлящей лавы! Эти слова целиком завладели его воображением. Он посмотрел вниз. Странно, как же он не заметил сразу эту кипящую грязевую реку. Серпантином, змеей через всю огромную долину извивалась темно-серая масса примерно в четверть мили шириной. На ее поверхности появлялись, лопались и исчезали едва заметные пузыри.

Но ведь пришедшая с плоскогорий Гонволана армия рано или поздно тоже должна будет пересечь лавовую реку... И снова Холройд почувствовал укоры совести: имел ли он право посылать людей в эдакий ад? Но одновременно он с облегчением понял, что воины смогут пройти и непременно пройдут кипящую серую массу. Он воочию увидел даже тип понтонного моста, который можно использовать для переправы. Такой мост можно будет навести довольно быстро, и он окажется достаточно прочным, чтобы выдержать тяжелые танки... или гримбов. Какой солдат, прошедший вторую мировую войну, не переправлялся по подобным же мостам сотни раз, к тому же нередко под обстрелом противника?

Мысленное путешествие продолжалось. Исследуя лавовый поток в западном направлении, Холройд сумел определить скорость своего передвижения: приблизительно четыреста миль в час. Довольно быстро. Однако он все же успевал брать на заметку высокие пики, чтобы в дальнейшем использовать их как ориентиры. Он был сосредоточен, собран, предельно наблюдателен. Ему удалось разглядеть город, наполовину скрытый вдалеке. Но подлететь к нему ближе было невозможно. Почему-то

все, что лежало там, за потоком бурлящей лавы, было недоступно даже при таком, почти идеальном способе разведки.

После того, как они миновали лежащий вдали за лавовой рекой следующий город, поток круто свернул на север. В этом крылась какая-то загадка. Теперь он понимал, насколько важно изучить таинственное препятствие, против которого был бессилен Гонволан. Следуя вдоль течения иззилистого бурлящего потока, он убедился, что лава как бы окружает и защищает центральный густозаселенный район Нуширвана. Чтобы увериться в этом, Холройду хватило часа. Удивительная река лавы свернула на восток, затем после долгого пути устремилась на юг... Это казалось странным, и в нем проснулся интерес военного человека.

Солнце, стоявшее еще недавно, как ему казалось, в самом зените, уже склонилось к краю горизонта. Ярко запылал закат. Он невольно залюбовался косыми лучами и длинными вечерними тенями. Господи, как красиво! До чего же поразительная, ужасная и прекрасная страна Нуширван!.. Вдруг последовал неожиданный рывок скорости и такая же резкая остановка, как в самом начале мысленного путешествия. И он оказался во дворце. Невероятный маршрут со всеми сопутствующими наблюдениями и выводами завершился.

В зале теперь было гораздо темнее. Его огромные окна выходили в сторону все еще озаренного запада, но, по мере того, как опускалось солнце, сгущались ранние сумерки. Бросившись в кресло, полный впечатлений и совершенно измученный мысленным путешествием, Холройд скорей почувствовал, чем понял, что богиня рассматривает его со слабой улыбкой на губах. Ее глаза были спокойны и безмятежны, как у довольного собой ребенка. Удобно устроившись в кресле напротив, она глядела на него... И прежде, чем Холройд заговорил, она произнесла:

— Я показала тебе отдаленные районы Нуширвана, граничащие с Аккадистраном, ибо уверена, что их изучение поможет тебе при наступлении.

Почему? Холройд совершенно не представлял. Он хотел было высказать свои сомнения, но передумал. Поскольку ему ничего не было известно о прошлых беседах принца и богини, он мог задавать лишние вопросы и не раз уже этим пользовался. И она отвечала, бывала недовольна, однако вынуждена была отвечать. Так он сделает и на сей раз. Он спросил:

— Этот поток бурлящей лавы... Почему мы не могли переправиться через него?

Женщина покачала головой. От движения ее волосы загорелись в лучах заката, словно золотой сноп. У них был сейчас прелестный оттенок живого пламени. Ее нежный голос, казалось, струится к нему прямо из сумерек.

— Есть вещи, Инезио, о которых ты не должен спрашивать. Они просто лежат за пределом моих возможностей.

Она встала. Обошла стол, склонилась к нему, и теплые мягкие руки обвили его вокруг шеи. Сперва полуоткрытые губы

женщины показались ему прохладными, потом они стали горячими и требовательными. И все трудные, неразрешимые вопросы, над которыми Холройд ломал голову, мигом отступили прочь.

«Позже,— подумал он растерянно.— Обдумаю все это позже...»

Холройд взял ручку и записал на листке бумаги:

«Самым великим могуществом обладает в Гонволане богиня Инезия. Для того, чтобы уничтожить Пта, она перенесла его сюда. Как это было сделано, мне показали».

Он взглянул на первый пункт с удовлетворением. Сама возможность сделать запись и перечитать ее принесла ему облегчение. Весь вчерашний день он добивался такой минуты. В своей прежней жизни по утрам он никогда не торопился и, памятуя о том, что утро вечера мудренее, все свои дела решал на ранней заре. Вот и сейчас он сидел за письменным столом совершенно один и никто не мешал ему обдумывать свои проблемы в привычной для него манере. В итоге, казалось, общая картина проясняется. Лоони против ее воли послали вернуть его в Гонволан. Что она и сделала. Изложив все разрозненные фрагменты событий на бумаге, он сможет связать их в единое целое и сделать соответствующие выводы. Холройд обмакнул ручку в чернила и записал дальше:

«Вторая в Гонволане по могуществу, ныне значительно ограниченному,— Лоони. Она сорвала попытку богини Инезии захватить Пта в замке. Как этот захват происходил, мне показали и...» Холройд перестал писать и перечитал второй пункт. Нет, все было не так. Ему не п о к а з а л и. Ему с к а з а л и, что так было. Он тихо присвистнул. Затем медленно начал писать. Через полчаса ни в одном пункте не было ни одной ошибки, ни одного противоречия. Он стал записывать выводы:

«Нет никакого сомнения в том, что женщина, которую я принимал за Лоони, была на самом деле Инезией. Значит, все, что говорили мне хозяйка замка Гия, и крестьянская девушка Мура, и жена маршала Нанда, есть или неполная правда или искаженная правда или полная ложь. А вот худощавая высокая женщина, которая пыталась убить меня и дала кольцо, так разъярившее Инезию, должно быть, и есть настоящая Лоони. Косвенное подтверждение тому — то, с каким трудом она говорила».

Холройд откинулся от стола и снова перечел запись. Он был изумлен своим открытием. Тысячи вопросов теснились у него в голове, приводя его в полнейшее недоумение. «Почему, почему она поступила так, а не иначе?»

На это не было однозначного ответа. Инезия не пожелала дать ему ключа к разгадке. Она поступила так потому, что должна была поступить так, а не иначе. Холройд пожал плечами. Пта, готовясь к своему второму пришествию и слиянию со своим народом, тоже не рассчитывал на авось. Он окружил себя защитными чарами. Холройд стал перечислять их одну за другой:

«Первое. Пта призвал свое прежнее человеческое воплощение, точнее, его разум. Я вернулся Питером Холройдом,— он сделал паузу и добавил справедливости ради. Кажется невероятным, что Пта пришлось прибегнуть к столь жалкой защите. Но, тем не менее, это так — первая защита есть Питер Холройд.

Второе. Мне показали царство тьмы. Точнее — провели меня сквозь него. Третье. Мне продемонстрировали действие молитвенного жезла. Четвертое. Мне дали возможность совершить мысленное путешествие, которое помогло мне сделать интересное открытие: оказывается, богиня не может проникнуть в Нуширван дальше потока бурлящей лавы, который, как ров, окружает центральную густозаселенную часть отделившегося штата. Пятое...»

На пятом пункте Холройд несколько замялся, ибо он казался ему самым неясным. Но вряд ли Холройд ошибался, поскольку богиня вела себя в этом пункте более чем настойчиво. Еще в домике под красной крышей в джунглях она пыталась его соблазнить под видом крестьянской девушки Муры. Холройд нахмурился. Все-таки она своего добилась. Он вынужден был согласиться, поддался искусительным попыткам богини, пусть бездумно, но уступил.

Оказывается, любовь и секс были великой основой этого загадочного мира. Здесь сделали когда-то огромное открытие: если мужчина б о г о т в о р и л женщину и совершал определенную, строго оговоренную церемонию, то женщина становилась б о г и н е й не только на словах, но и на деле. И наоборот, если женщина б о г о т в о р и л а мужчину, он становился богом. В таком мире у секса должна была существовать теснейшая связь с величайшим божественным могуществом, например, с таким, как у Инезии, поработившей государство в пятьдесят четыре миллиарда душ. Несносная мужская склонность воздавать и принимать почести в качестве героев, королей и прочих кумиров имела целью сотворение божества или собственное превращение в божество.

«Шестое. Эта защитная чара,— писал Холройд,— имеет какое-то отношение к странице из книги со списками людей, подлежащих истреблению. Если бы такой связи не было, Инезия не стала бы так настаивать на моей подписи».

Он задумчиво нахмурился. И вдруг молнией мелькнула догадка. Как безумный он вскочил на ноги и заметался по комнатам. К счастью, фолиант все еще лежал на столе в зале. Он поспешно раскрыл его и долистал до страницы на букву «Л». Так оно и есть! Последнее имя на предыдущей странице было «Линра», а следующая страница начиналась с «Лотибар». А между ними оборванные зубцы: отсюда Инезия в ярости вырвала лист!

Ошибки не могло быть. Он сам своей собственной рукой подписал смертный приговор Лоони... Мрачный и растерянный, Холройд стоял у стола и обдумывал, какие могли быть последствия такого опрометчивого, непродуманного шага. И

все-таки еще оставалась надежда, пусть слабенькая, но надежда. «Слава богу,— подумал он,— что мое сопротивление заставило Инезию оттянуть дату приведения приговора в действие на шесть месяцев».

Можно побороться. Есть и кое-что другое из козырей. Например, впереди туманно маячил магический трон. И еще — поток бурлящей лавы неподвластен Инезии. Да, кстати, что там слышно о наступлении на Нуширван?

Стук в дверь прервал его размышления. Женщина-гвардеец доложила, отсалютовав копьем и щелкнув подошвами сандалий:

— Маршал Гора посылает вашему высочеству свои приветствия и нижайше сообщает, что генеральный штаб готов немедленно отправиться на Нуширванский фронт.

Теперь во избежание конфуза Холройд всегда отвечал заранее приготовленными фразами. Это позволяло выигрывать время и легче ориентироваться в малознакомых ему ситуациях. Вот и сейчас он, не моргнув глазом, ответил:

— Обеспечьте эскорт для моего отбытия из дворца-крепости. Я немедленно отправляюсь.

Он вернулся в кабинет и поспешно собрал свои заметки. Вдруг его осенила неожиданная мысль. Он почувствовал себя холодным, твердым и решительным. Из прозрачной ячейки в стене за письменным столом Холройд достал перстень-печатку, оставленный там по требованию Инезии, вышел в зал и захватил фолиант со списками приговоренных бунтовщиков. Книга могла ему пригодиться.

Против него плетутся нити заговора? Что ж, пожалуйста. Он готов к этому. В голове у Холройда молниеносно созрел великолепный план. Старый Пта не даст заманить себя в ловушку и сам расставит западню против своих противников. Со временем у него, может быть, появится план и получше, но пока что годится и этот. А пока... пока нужно наступать на Нуширван. И захватить там магический трон, даже если пока нет необходимости садиться на него. Но если ничего другого не останется, Пта сядет на трон власти. Времени было очень мало, а проволочки еще никогда не приводили к победам в сражениях. Кроме того, что еще ему оставалось делать?..

Ручей журчал, струился и пенился. Лоони сидела на тразе у ручья и расчесывала мокрые волосы. Она сняла одежду перед тем, как искупаться, и высокая худощавая оболочка однажды умершего тела сверкала на солнце коричневым загаром и полоской незагорелой кожи. Лоони склонилась над водой, стараясь разглядеть свое отражение. И рассмеялась, не совсем разочарованная.

Мертвое тело, которое она случайно заняла, после недели тщательного ухода и загара под теплыми лучами солнца все заметней начинало проявлять признаки самостоятельной жизни. Хорошо промытые и расчесанные гребнем волосы отливали прекрасным темным блеском. В воде отразился уверенный и

зоркий взгляд зеленых глаз, сияющих мягким светом. Как изумруды... Лицо? Она еще поработает над ним, конечно, насколько это удастся. Но, к сожалению, уж очень оно скуластое и простенькое.

Она все еще вглядывалась в свое отражение, но внутреннее чутье подсказывало ей, что к ней кто-то приближается. Лоони оглянулась. Футах в десяти от нее над водой кружился и мерцал огромный голубовато-туманный шар, внутри которого играли радужные переливы. И как будто ниоткуда возник смутный силуэт, постепенно принимающий вид богини Инезии. Точеная обнаженная фигурка какое-то мгновение словно балансировала на грани света и тьмы, затем отделилась от шара и не то упала, не то спрыгнула в воду. Так выглядела со стороны материализация.

Инезия не спеша вышла на мелководье. Лоони настороженно следила, как богиня выбирается на берег. Вот она отряхнулась от воды и села на траву ярдах в двух от Лоони. Инезия сказала, презрительно сощурясь:

— Тебе, наверно, кажется, что ты поступила очень мудро, отдав ему кольцо власти, не так ли?

Лоони пожала плечами. Она могла бы ответить, но зачем? Вопрос Инезии звучал вполне риторически и не требовал ответа. Лоони посмотрела прямо в лицо золотоволосой богини и прочла на нем невысказанное, но с трудом сдерживаемое торжество. Она тихо сказала:

— Так значит он подписал... мой смертный приговор? Я чувствовала, что ты сейчас появишься. Сколько же мне осталось жить теперь, милая Инезия?

Богиня залилась благодушным звонким смехом.

— Уж не рассчитываешь ли ты, что я сообщу тебе точную дату?

— В таком случае,— твердо ответила Лоони,— я буду жить и действовать, словно мне ничего не грозит.

Она заметила, как с нежного лица Инезии исчезает самодовольное выражение. Это была маленькая, но победа. Тем не менее богиня парировала выпад:

— И все же я могу стереть с лица земли твое настоящее тело в ту же минуту, когда пожелаю.

Хороша победа! Лоони ахнула:

— Так значит, ты еще не уничтожила его?

Она с трудом заставила себя замолчать. Лоони охватила нервная дрожь. Ее настоящее тело! Глупо было даже вспоминать о нем сейчас, когда она не может оставить временную оболочку и ничем не в силах ему помочь. Полагая, что ее настоящее тело уничтожено, Лоони отбросила все сомнения и шла вперед напропалую. И вот теперь узнала...

Ее настоящее тело! Великолепная одухотворенная плоть, дивная красота которой так привлекала всегда могучего и пылкого Пта... Ее плоть — полюс божественной власти... Если поторопиться, может быть, удастся вернуть его? Захватить силой... Она хмуро сказала:

— Ты хитрее, чем я предполагала, Инезия, но все-таки недостаточно мудра. Я живу или умираю с Пта.

— Ты умрешь... очень скоро,— холодно отозвалась другая женщина.— Пять чар уже разрушены. Пять из семи. Мне кажется, он что-то подозревает, но это уже не имеет никакого значения. Мои сети уже накинуты на него, петля сжимается, и шестая защита вот-вот рухнет. У меня есть небольшой план, который сделает бессмысленным любой его самостоятельный, не подведомственный мне шаг. Новый план... а по существу очень старый, я задумала это давным-давно. И через день-другой осуществлю. Ну что,— повернулась Инезия к Лоони,— ты и теперь тешишь себя несбыточными надеждами? Все еще думаешь вернуть себе могущество и свободу и воплотиться в прежнее тело?

Лоони утомленно молчала. Разговор с Инезией требовал от нее постоянного напряжения всех сил. Но это была единственная надежда узнать что-либо. Она не нарушала молчания, пока не собралась с духом. Ее победа оказалась совсем не такой значительной, как ей показалось вначале. Эта неделя измотала ее. Она все время ожидала появления Инезии и вынуждена была держаться поблизости от воды: вода служила катализатором для материализации и по ней всегда было легче прийти. Характер у золотоволосой богини был забавно-тщеславный. Жизнь Лоони стала бы совсем невыносимой, если бы время от времени к ней не наведывалась Инезия, желающая получше почувствовать свое торжество.

Лоони тихо сказала:

— По правде говоря, мне не верится, что он сможет успешно провести наступление в вулканических горах. Вулканы, горы, крутые склоны... К чему эти испытания? Ты семижды попытаешься достигнуть магического трона Пта и семижды потерпишь неудачу.

Инезия протестующе замахала руками и издала странный гортанный крик, нарушивший окрестную тишину. В этом крике Лоони скорей угадала, чем расслышала торжество, венчающее долгие усилия, триумф победительницы, какой ощущала себя Инезия. Что-то произошло именно сейчас... Что именно? Что заставило Инезию выдать себя?

«Ее план сработает через день-другой,— подумала Лоони.— Или это уже случилось день-два назад? А возможно, происходит сейчас, в эту минуту, пока мы тут беседуем. Что она говорит?»

Инезия в упоении от себя вещала:

— ...на следующий день после прибытия на фронт он выступил с речью, обращенной к десяти тысячам маршалов и их жен. Я была в оболочке одной из жен. И все, что он говорил, повторяло мои собственные соображения относительно военной стратегии: нужно изменить соотношение между числом грузовых скриров и гримбов. Это особенно важно потому...

Инезия запнулась на мгновение и нежно улыбнулась сопернице:

— Ты одна, моя дорогая Лоони, знаешь о б э т о м. Но твой язык крепко запечатан, не так ли, милая? И все-таки ты догадываешься, что я имею в виду, когда произношу ключевое заветное слово А К К А Д И С Т Р А Н!

Не сдерживая больше клокочущей в груди ненависти, Лоони закричала:

— Ты дьявол! Ты демон! Ты подлая убийца!

Ей в ответ прозвенел нежный мелодичный смех. Постепенно он перешел в насмешливый визгливый хохот, не оставляющий никаких сомнений в безжалостности его обладательницы. Отсмеявшись, Инезия пренебрежительно сказала:

— Ох-ох-ох! Как мы чувствительны и сентиментальны. Что можно поделать, если человеческое существо обречено погибнуть за несколько лет до своего естественного конца.

Она легла спиной на траву. В лучах утреннего солнца совершенное тело Инезии блистало белизной. Но когда Лоони ловила ее взгляд, обращенный на ручей и долину, тянущуюся до самых северных гор, глаза Инезии напоминали голубой лед. Казалось, она гипнотизирует скрира Лоони, который, подобно огромному пеликану, то и дело погружал голову на длинной шее в поток и всякий раз выуживал оттуда серебристую рыбину.

Лоони казалось, что она читает мысли Инезии, все еще глядящей на птицу, ручей, долину. Но было совершенно очевидно, что золотоволосая богиня была занята делами поважнее, нежели гипноз скрира. Вздохнув, Инезия сказала:

— Плохо, что Пта выступил с речью после того, как назначил на высшие посты мятежных офицеров. Он слишком уверен в себе и всех заражает своей уверенностью. Ему почти что удалось рассеять всю их подозрительность. Должна признать, что меня удивляет смелость, с которой он берется командовать такой огромной армией,— задумчиво произнесла она.— Сомневаюсь, что человек Холройд догадывается о том, что только Пта под силу распорядиться такой властью, какая есть у него. Конечно, теперь это не играет уже никакой роли. Я одним ударом расправлюсь и с мятежниками и с Холройдом. Есть у меня небольшой трюк...

Перехватив взгляд Лоони, она весело улыбнулась. И хотя Лоони понимала, что и торжество, и веселье соперницы скорее напускные, чем настоящие, и все это игра, рассчитанная на нее как на зрителя, ее все же охватило отчаяние.

— Трюк? — эхом отозвалась она.

Инезия продолжала:

— Вчера он отправился вместе с мятежными офицерами и чертежниками проводить рекогносцировку на скрирах. Сегодня утром уже с другой группой он отправится изучать ту же территорию уже на гримбах и уточнит наброски, сделанные вчера.

— Но я не вижу...— начала было Лоони.

— Увидишь, моя дорогая,— выразительно произнесла богиня,— когда я скажу, что два дня назад в руки генерала мя-

тежников — теперь маршала Маарика — попали документы, будто бы направленные принцем Инезио ко мне: в них наступление разоблачается как обманный маневр, направленный на уничтожение мятежников. Все это, конечно, подстроено мной, как ты понимаешь...

Она лениво поднялась, и от этого движения длинные белокурые волосы золотом вспыхнули на солнце.

— Сегодня утром мятежники должны предпринять ответные действия. В результате моей встречной акции... шестая защита разрушится. Да, это произойдет сегодня, а может быть, уже произошло. К вечеру магический трон окажется у меня в руках.

Она улыбнулась Лоони.

— Порадую тебя: я вынуждена торопиться, чтобы ты не успела помешать мне. Все ж таки как-никак благодаря моей доброте ты располагаешь пусть небольшой, но силой. Прощай же, моя дорогая.

Она вошла в воду и скрылась из виду.

Лоони долго смотрела ей вслед. Всего неделю она дала себе, всего неделю позволила себе выхаживать и оживлять это полумертвое тело... И неделя оказалась слишком долгой. Время упущено. Она стала медленно одеваться, с трудом заставляя себя соображать, что же теперь делать. Она считала, что нападение на Нуширван потребует длительной, основательной подготовки. Она весьма туманно планировала помогать Пта в постижении новых истин, с которыми он столкнулся... И вот теперь все летело в пропасть. Все планы следовало немедленно изменить, уточнить и приспособить к новой ситуации. Вот ее ближайшая цель.

Нужно отыскать Пта. Где бы он ни находился, чем бы ни занимался, она должна найти его. Его штаб расположен где-то на центральных горах напротив нуширванского города Три. Где-то там, среди бесчисленных гор и долин, среди огромного количества людей, животных и птиц ей надо найти Пта. Ему угрожает смертельная опасность. Она завязала потуже ремешки сандалий, свистом подозвала скрира, оседлала его и через минуту уже держала курс на север.

— Эй, осторожней! Приближаются нуширванцы! — закричал кто-то.

Холройд, сидящий в седле, резко обернулся. Присмотревшись, он различил длинную цепь всадников, двигающихся через долину. Он нахмурился. После всех предпринятых им предосторожностей... Как противник оказался здесь, в самом тылу армии? За его спиной раздался негромкий голос:

— Нас около пяти сотен. Их вдвое больше. Как себя чувствует великий Инезио? Вы рассчитывали, ваше высочество, на спокойное и методичное разграбление Нуширвана, не так ли? А теперь столкнулись с реальной опасностью, не предусмотренной планами обманного маневра...

Холройд не без удивления посмотрел на человека, гово-

ревшего это. Это был довольно молодой невысокого роста мужчина в мундире полковника, однако его дерзкий тон не соответствовал чину. Повелительная манера говорить также подсказывала, что в некой другой иерархии он занимает гораздо более высокую должность. Холройд судорожно сглотнул. Все это время он был так погружен в собственные замыслы, что не принимал всерьез возможность подозрений со стороны мятежников. Между тем восставшие, получив в руки бумаги богини, разоблачающие якобы его подлинные намерения, делали вид, будто не знают правды о предстоящем наступлении. И вот — жестокая ирония судьбы! — они сговорились с нуширванцами захватить в плен человека, которого считали принцем Инезио. Должно быть, на лице Холройда отразился ужас, потому что молодой полковник невольно рассмеялся. Потом твердым голосом произнес:

— За неделю, которую вы пробыли здесь, вы не сумели придумать ничего умнее, как назначить на командные посты людей, давно лелеявших мысль о нападении на Нуширван. И вот ваша ложь привела только к тому, что теперь высшие должности занимают наши люди. Общие приказы известны всем офицерам. Однако у нас нет привычки доверяться кому попало. Теперь мы располагаем подлинными письмами, подписанными вашей рукой, неоспоримо доказывающими, что на самом деле вы задумали подлый обман. Атака состоится, но она окажется фальшивой. А по-настоящему армии двинутся всего через месяц...

Когда прошло первое потрясение, помрачневший Холройд немного успокоился. Он следил за приближающейся цепью противника. Казалось, нуширванцы не спешат, вполне уверенные в своей победе. До них оставалось полмили. Да, не самое выгодное расстояние. Что такое полмили для гримба? Богу Пта с его нынешними силенками не справиться.

Но самое главное — он не должен попасть в плен. Как доказать этим жалким глупцам, что гонволанская армия пока не готова к наступлению на горную твердыню Нуширвана? Для перегруппировки войск необходимо по меньшей мере три-четыре месяца, а то и все пять. Требует времени и подтягивание резервов. И жизненно важно для вторгшихся в эту малодоступную страну организовать транспорт, в который вошли бы две трети из всех имеющихся в Гонволане скриров и гримбов. Только такая подвижная и стремительная система сможет одолеть гигантские горы, извергающиеся вулканы, пузырящиеся потоки зыбкой лавы — все сюрпризы, которыми их встретил труднопроходимый Нуширван. У него вырвался сухой смешок. Кто из бесчисленных офицеров сможет управиться со ста миллионами птиц и животных?

Полковник, стоявший рядом с Холройдом, заметил:

— Глупо даже помышлять о сопротивлении. Посмотрите сами. Их на пятьсот человек больше, чем нас всех. Вам не вырваться из ловушки.

Холройд даже не обернулся. Краем глаза он уловил какое-то

движение с правого фланга, на крутом склоне зеленой долины. Всадники противника прошли по краю склона и отчаянно зарысили вниз с обрыва. Великолепное зрелище, потрясающая отвага! Он быстро взглянул налево — и другой фланг был перерезан вынырнувшими из узкого ущелья наездниками. Он попал в сплошное кольцо. Превосходящие силы противника окружили их со всех сторон.

Теперь изменить ход событий не представлялось возможным. Холройд никуда уже не спешил. Он взвешивал свои позиции. Было по меньшей мере два варианта. Он развернул своего гримба и поскакал к стройному офицеру, наблюдавшему за приближающейся цепью нуширванцев. Тот, заметив Холройда, встретил его серьезно, хотя и не слишком приветливо. Холройд понял, что ничего особенно хорошего ждать не придется. Он осадил скакуна и повелительно сказал:

— Маршал Уубриг, прикажите людям рассредоточиться по разным направлениям. Это запутает неприятеля и позволит спастись хотя бы части наших воинов.

Он заметил неприязненные насмешливые взгляды остальных.

— Вы обращаетесь ко мне, ваше высочество? — наконец выдавил из себя маршал.— Полагаю, что отдать такой приказ можно, только вот станут ли его выполнять? Как вам известно, эта спецгруппа — отборные воины. Каждый из них потерял попавших к нуширванцам брата или сестру, отца или мать. Они знают, что Нуширван недоверчив. Пожертвовав собой, они не заслужат снисхождения. Однако понимают, что спастись и рассчитывать на помилование могут только в одном случае — если сдадут вас. Как вы полагаете, о великий принц Инезио,— в голосе маршала зазвучала неприкрытая ирония,— станут ли воины при таком настрое исполнять мои приказы, если я передам им, что это в а ш и распоряжения?

Холройд промолчал. Эх, зря он не изучил как следует психологии мятежников и воинов отделившегося штата. В памяти он не находил почти ничего, что касалось бы Нуширвана. Он не знает, что это за люди, чего хотят, чем их можно подкупить. Мог судить лишь о том, что они напористы, как немцы, опьяненные первыми успехами.

Сделай вид, что наступаешь на Нуширван,— сказала Инезия, и ее постоянное лавирование, постоянные попытки сорвать наступление только подкрепляли его убежденность, что нужно захватить горную страну. Теперь-то, конечно, ясно, что Инезия ловким обманным маневром заманила его в ловушку.

Ближайшие всадники были уже в трех сотнях ярдов от него. Нужно торопиться. Кто помог бы ему осуществить второй план? Он развернул гримба и уже открыл было рот, чтобы выкрикнуть приказ, как вдруг заколебался. Потому что хорошо помнил физическое ощущение невыносимой боли.

Всадники были уже в сотне ярдов.

— Найдется ли среди вас хоть кто-нибудь, кто пронзит мое сердце стрелой?! — прокричал Холройд.

Никто не ответил. Никто не двинулся с места. Офицеры в

блестящих мундирах переглянулись между собой, потом посмотрели в сторону нуширванцев.

— Видите ли,— около него снова оказался полковник,— мы обещали им передать вас живым. И теперь у нас вся надежда только на то, чтобы сдать вас живым, а не мертвым!

Холройд искал в себе следы отчаяния или безнадежности — и не находил их. Он был холоден, собран и решителен. Во что бы то ни стало нужно избежать позорного плена. Другого выхода у него не было. И ради этого можно вытерпеть адскую боль, которую он уже испытал однажды и память о которой заставляла его содрогаться.

Он увидел в руках полковника превосходную тонкую пику с каменным отполированным наконечником на древке из прочного дерева. Вот то, что нужно. Холройд направил к нему гримба, но офицер уже знал о его намерении. Между ними последовала короткая борьба за обладание оружием. Офицер широко раскрыл глаза, когда Холройд легко, как у ребенка, вырвал у него из рук пику. Времени почти совсем не оставалось. Холройд едва успел отвернуть гримба, развернул пику и с силой глубоко вогнал ее острием в левую половину груди. Все. Теперь он весьма смутно сознавал, что его со всех сторон окружают полторы тысячи всадников противника.

В какой-то миг боль стала невыносимой. Потом немного поутихла. Холройд теперь только чувствовал тяжесть и давление пики в том месте, где она вонзилась в тело. Нужно терпеть, терпеть эту неприятную тяжесть столько, сколько он сможет выдержать. Он повалился на круп животного и стал медленно сползать, не отпуская, впрочем, прочных кожаных стремян. Кто-то поблизости разразился отборной бранью. Он не видел, кто это, но язык был гонволанский.

— Так вот как вы держите свое слово! К Аккадистрану! Нам не нужен труп. Он был нужен нам живым, а эта дохлятина годится только на кормежку скрирам. Ничего, вы заплатите Нуширу за все это. Не отпускайте их, грязных предателей.

Полковник — Холройд узнал его голос — запротестовал:

— Тут нет нашей вины. Вы ведь сами видели, как он набросился на меня, насильно вырвал пику и закололся. Кто ожидал от изнеженного любовника Инезии такого поступка?

Холройд почувствовал к нему невольную симпатию. Недовольство заговорщиков было в основном справедливым. Отчаянные ребята! Кто еще был способен выступить против самой бессмертной богини и религиозного рабства, поддерживаемого многочисленными отрядами владельцев замков? Каждый, кто принимал участие в заговоре, знал, чем рискует и чем все это может для него кончиться.

— Живого или мертвого, но я его забираю! — проревел предводитель нуширванцев.— А теперь убирайтесь отсюда подобру-поздорову. Нам некогда с вами валандаться...

Раздался скрежет когтистых лап, царапающих землю, затем движение перешло в бег. Они могли хотя бы вытащить пику

из его тела. Тяжесть и давление оружия страшно раздражали его. Неужели пика так целый день и будет торчать у него в груди? Конечно, значительного урона тело Пта не понесет, но уж очень неприятные приходится терпеть ощущения.

Холройд приоткрыл глаза и попытался осмотреться. Он лежал все в том же положении на крупе скрира, слегка свисая вниз. Крайне неудобно. Ему было видно только небо, покрытое небольшими облаками, и вдруг что-то темное на миг заслонило солнце.

Присмотревшись, он разглядел большого скрира с одиноким наездником, держащим курс на север. Холройд подумал: «Если бы этот болван на скрире соображал получше, что происходит, он понял бы, и у него было бы время доставить сообщение в штаб, чтобы отряд перехватили до того, как он достигнет границ Нуширвана». Он безмолвно и неподвижно следил взглядом за скриром, пока тот не скрылся за холмом.

Желая избавиться наконец от пики, Холройд начал медленно скользить, словно мертвое тело сдвигалось от тряски во время скачки. Он успешно проделал несколько незаметных, осторожных, мельчайших телодвижений и, наконец, острие пики стало колоть незащищенную кожу животного. Теперь он как бы продавливал пику сквозь себя, все сильнее давя острием на гримба. Боль стала нестерпимой, но он стиснул зубы и продолжал давить. От скачки один конец пики раскачивался в воздухе, а другой покалывал гримба.

Сквозь полусомкнутые ресницы Холройд посмотрел по сторонам. Вокруг скакали мятежники. Никто ничего не замечал. Наконец, соседний всадник стал поглядывать на его гримба. Потом совсем близко он услышал голос:

— Эй, стойте! — прозвучала команда.— Вытащи пику, она раскачивает труп. Еще немного, и он свалится!

Давящая тяжесть в груди исчезла. Холройду стало легко и хорошо. Он уже был готов праздновать победу. «Вечером,— предвкушал он,— когда ни одна собака ничего не различит под покровом темноты и вулканического дыма, я потихоньку вылезу оттуда, куда меня сунут, и в побег!..»

Но тут раздался крик:

— Эй, начальник, смотри! На пике нет крови. Острие как новенькое. Сдается мне, что тут что-то нечисто...

В самом деле! Через минуту гримб Холройда был остановлен. Грубые руки схватили его, стащили с животного на землю и стали ощупывать. Потом предводитель довольно сказал:

— От раны и следа не осталось. По-моему, это все проделки любовника богини. Он просто притворяется мертвым. А ну-ка, вставай, кому говорят, принц Инезио!

Ни слова не говоря, Холройд поднялся и взобрался на своего гримба. Сейчас он мог безбоязненно разглядывать везущих его людей. Нуширванцы оказались крупными, рослыми мужчинами, многие носили усы или бороду. Неудачная попытка Холройда прикинуться мертвым могла хотя бы у кого-нибудь вызвать улыбку. Однако никто не смеялся, не улыбался. Они смотрели

на него, но стоило Холройду перехватить чей-либо взгляд, они тут же отворачивались. Нуширванцы следовали той же дорогой, которой прибыли. Неплохо было бы сделать их своими союзниками. И все ж таки они как-то странно посматривали на него. Еще бы! Представить только: лежит на седле труп, пронзенный пикой, потом встает как ни в чем не бывало, отряхивается и едет дальше жив-живехонек!

Длинная кавалькада пересекла широкий холм, не останавливаясь на привал. Один из мятежников передал Холройду небольшую плетеную корзинку с провизией. Другие пленники, как он заметил, не получили ничего.

Он с любопытством заглянул в корзинку. В ней лежали фрукты трех видов. Два были ему знакомы, а третий он ни разу не видал. Плод был круглый, около трех дюймов диаметром, сочный и мягкий. Кожура снималась с него, как с банана. По вкусу он чем-то напоминал виноград. Кроме фруктов, в корзинке не было ни хлеба, ни другой еды.

Заметив, что к нему приближается нуширванский офицер, Холройд протянул ему корзинку и дружелюбно сказал:

— Если хотите есть, возьмите это. Я могу обходиться без пищи,— он запнулся и улыбнулся, как бы сетуя на слабую память,— лет семьсот, не меньше.

Офицер выругался:

— К Аккадистрану!

Уже темнело. Холройд не притрагивался к фруктам. Эта пища больше подходила изголодавшемуся человеку, чем богу. Он поделился фруктами со своим гримбом и обратился к другому офицеру — генералу Ситейлу. Холройд с трудом выговорил его имя.

— Генерал Ситейл,— спросил он, едва сдерживая нетерпение,— далеко ли отсюда до потока кипящей лавы?

Худощавый офицер с ястребиным носом, слегка поколебавшись, все же ответил:

— Мы доберемся до него раньше, чем наступит ночь. Двенадцать мостов ведут через поток лавы к городу Три, который лежит всего в восьми канбах за лавовой рекой.

Холройд кивнул благодарно. Он был обеспокоен. Ему ни в коем случае нельзя переправляться через эту преграду. Ведь не случайно Инезия даже в мысленном путешествии не могла ее преодолеть. Нужно обдумать это и немедленно. Он взглянул на ястребиный профиль нуширванского генерала и понял, что дальнейшие расспросы ни к чему не приведут. Этот человек просто не станет отвечать. Ну что ж, ничего не поделаешь. Нельзя терять времени! А времени оставалось катастрофически мало.

Подняв голову, Холройд оглядел горы. Теперь они казались ему выше, чем в начале пути. Вблизи он мог рассмотреть новые пики и уступы, скрытые доселе густым дымом, извергаемым вулканами. Приближающийся Нуширван был мрачным и темным местом.

Холройд повернулся к офицеру:

— Клянусь,— настойчиво повторил он, перекрывая голосом грохот тяжелых гримбовых лап,— клянусь, я не собираюсь есть эти фрукты. Пожалуйста, не хотите есть вы — отдайте их кому-нибудь, кто не знает, что они побывали у меня. Еда — она и есть еда, она не имеет ничего общего с ненавистью и враждой, ей плевать на политику и идеологию. Пожалуйста!

На сей раз человек принял от него корзинку и передал ее другому всаднику. Холройда уже не интересовало, что будет с фруктами дальше. Ведь это был для него только повод, чтобы возобновить разговор.

— Полагаю, ваше отношение ко мне не изменится даже в том случае, если я поклянусь, что прибыл на фронт не для того, чтобы драться или пытаться завоевать Нуширван?

В ответ он услышал:

— Что бы вы ни говорили, никто не примет всерьез ваши слова. Все хорошо знают, что принц Инезио — не более чем игрушка в руках богини. Нам известно, что сам он полное ничтожество.

— Понимаю,— сурово ответил Холройд.— В таком случае я заявляю следующее. Я не принц Инезио. Я Пта.

Офицер недоверчиво посмотрел на него. Потом рассмеялся:

— Неглупо придумано. Однако это неправда. Никто не сможет убедить нас, что такая личность существовала на самом деле,— и он перевел разговор на другое.— Кажется, я недооценил нашу скорость. Впереди поток бурлящей лавы. К ночи мы будем в городе Три.

Вскоре они приблизились к лавовой реке. Через поток был перекинут каменный мост. Холройд свесился с гримба и почувствовал тепло, подымающееся с пульсирующей поверхности лавы. Через полчаса они оказались уже на другом конце моста. Лавовый поток остался позади. И теперь они все дальше и дальше, все глубже и глубже уходили по территории Нуширвана.

Как только каменный мост остался позади кавалькады, в Холройде стало неудержимо нарастать чувство радостного возбуждения — как у человека, подумал он, на пути к камере пыток. Но мрачное сравнение мелькнуло и исчезло, не омрачив радости. У него по-прежнему было ощущение, что он стоит на пороге глобальных, великих событий. Мог ли простой смертный желать большего, чем быть полубогом на фантастической земле в двухсотмиллионнолетнем будущем?

Пта! Могучий Пта! Как только ему удастся вернуть себе былую силу и власть, он камня на камне не оставит от ненавистной бесчеловечной цивилизации, держащейся на феодальных замках, вооруженных до зубов стражниках и слепом поклонении богине Инезии, подумал Холройд. Странно, но до тех пор, пока он по мосту не пересек реку бурлящей лавы, он не чувствовал этого желания столь сильно, столь страстно. Он посвободнее устроился на широком крупе гримба и постарался расслабиться, успокоиться и хотя бы отдохнуть. Но внутреннее на-

пряжение не спадало. Холройд как будто ждал какого-то знака, знамения, подтверждающего, что к нему возвращается былое великое могущество. Однако не ощущал ровным счетом ничего, кроме утомительной тряски огромного животного.

Холройд разозлился. Неужели так ничего и не случится? Он был скорей нетерпелив сейчас, нежели сдержан, и ожидал более существенных перемен. Взгляд его случайно упал на кольцо, которое вручила ему Лоони и которое вызвало неудержимую ярость богини Инезии. На память невольно пришли сказки, памятные с детства. А что если?.. Неуверенно улыбаясь, он тронул кольцо. Потом повернул его вокруг пальца три раза и прошептал:

— Кольцо, кольцо, немедленно перенеси меня в генеральный штаб Гонволана...

И снова ровным счетом ничего не произошло. Он посмеялся над собой, но опять попытался сделать то же самое. Безрезультатно! Он так и знал, что ни детская вера, ни детские сказки ни к чему не приведут. Да, магическая энергия — это не ловкий фокус-покус. Она вырастает из самых затаенных глубин личности. Это с давних пор известно всем властителям умов — тем, кого покорно слушалась толпа. Когда-то давным-давно владыка по имени Пта раскрыл в себе состояние божественной гениальности, научился управлять ею — и первый подданный распростерся у ног первого посвященного.

Но, конечно, как только была обнаружена эта сокрушительная сила, другие люди разведали про нее, определили ее земное, а не небесное происхождение и стали страстно бороться за право обладать величием, полагая, что и им может улыбнуться удача. Однажды открытая великая сила не может быть уничтожена, она в состоянии только трансформироваться. Новый божественный правитель занимает место свергнутого. Загадка власти теперь никогда не перестанет волновать людей. Пта же верил, что, окончательно слившись со своим народом, достигнет блаженства и покоя.

Но почему же Пта так глупо попался? Угодил в первую же жалкую ловушку... Неужели плен был так уж неизбежен? На это можно будет легко ответить, анализируя теперь произошедшее. Но Холройд искал ответ и не находил его. Размышления вконец измучили его, измотали больше, чем тяжелые скачки гримба. Кавалькада между тем продолжала свой путь, пленники и сопровождающие их нуширванцы подымались все выше и выше в горы.

Вот и первая крепость. Это было строение из темного дикого камня на вершине укрепленной горы. Среди других зданий, окружавших его, оно казалось особенно приземистым и массивным. Разглядывая крепость, Холройд вздрагивал от жгучего нетерпения. Он уже догадывался, какую военную тактику применить против такого мощного укрепления в этом мире, не знающем осадной артиллерии. Посаженные на скриров войска массированно опускаются сверху в боевом порядке, разъединяя каждый обороняющийся форт и уничтожая их поодиночке. Если провести бой достаточно быстро, можно обойтись небольшими, в сущности, потерями. Такое наступление можно про-

вести дня на три раньше атаки основных военных соединений и парализовать коммуникации противника. В исторических книгах, которые он читал, описаны семь величайших сражений, однако ничего подобного там ему не встречалось. Ну и слава богу, он успеет в общих чертах набросать свой план и изложить хотя бы нескольким маршалам.

Тени в долинах стали удлиняться. Вечерело. На западе пылало заходящее кроваво-красное солнце, как бы погружаясь в жерло курящегося вулкана. Поток повозок с впряженными в них дотлами полз по дороге и растекался среди фортов и построек, окружавших крепость. Вдруг раздался громкий крик, подхваченный многими глотками и переданный по всей цепи:

— Нушир! Из столичного дворца прибывает Нушир! Нушир прибывает для допроса принца Инезио...

Через минуту гримб Холройда был на вершине холма — и он увидел распростертый внизу город Три. Весь Нуширван называл так это древнее поселение, однако, как говорил несколько дней назад один из офицеров, настоящее имя города было другое: что-то вроде Уит, или Иуир, или Уик. Но на всех гонволанских военных картах он значился все-таки как Три. Только два города отделившегося штата были ближе к границе, чем город Три,— один из них был далеко на западе, а другой так же далеко на востоке.

Три стоял на небольшом плато, а с тыла был защищен горами. В сумерках он напоминал легендарный Эйм — темную, таинственно-болезненную грезу древних времен. Ветер донес до Холройда городской шум и обдал его мешаниной разнообразной вони: кухня, навоз гримбов, помет скриров... Эти запашки проникали повсюду, от них невозможно было скрыться. И когда кавалькада поскакала по улицам, зловоние стало воздухом, которым дышали люди: вполне нормальным, свежим и — тут Холройд невесело усмехнулся,— по всей вероятности, здоровым.

— Принц,— он услышал, что к нему обращается генерал Ситейл.

Холройд повернулся. И прежде чем офицер с ястребиным носом произнес что-либо, он уже знал, что именно тот скажет.

— У меня из головы не выходит то, что вы говорили там! — генерал сделал движение головой в сторону Гонволана.

— Так вот, если вы и в самом деле Пта, почему бы вам не воспользоваться своим могуществом?

Холройд ответил не сразу. Он совершенно забыл, честно говоря, о своей недавней попытке уговорить этого человека. Забыл о том, какой разговор происходил между ними, когда они перебирались через поток бурлящей лавы. Все тщательно взвесив, он понял, что необходимо рассказать генералу все. Так Холройд и сделал. Офицер удивленно прервал его объяснения:

— Вы хотите сказать, что когда мы пересекли мост над лавовым потоком, разрушились чары, которые до тех пор не пускали богиню Инезию в Нуширван?

— Мне не известно, к а к это произошло,— ответил Холройд,— но я все же попытаюсь понять, в чем причина, несмо-

тря на ухищрения, к которым прибегает Инезия, чтобы сохранить в тайне все, что связано с ее могуществом или пределами ее возможностей.

Стало так темно, что он уже не видел лица своего собеседника. Улицы освещались лишь маленькими огоньками факелов, которые скупо светили сквозь мглистую тьму и вулканический дым, висящий над городом. С гор тянуло холодом, и прохлада приятно освежала после знойного трудного дня. Путешествие подходило к концу.

Холройд поспешно спросил:

— Генерал, что со мной сделают в крепости?

Ситейл промолчал, и Холройд ощутил неловкость. Молчание затягивалось, становилось уже тягостным, когда офицер ответил:

— Мне кажется, что вас, как и остальных пленных, отправят в Аккадистран. Но что делает Зард с похищенными гонволанцами? Это мне неизвестно...

В его словах проскользнул страх. Генерал продолжал:

— Зард, по-видимому, нужны колонисты. Но пока что еще не было ни одного пленного, которому бы удалось бежать, и поэтому мы подозреваем самое худшее. Ходят невероятные рассказы... Никто не знает, верить им или не верить. Возможно, впрочем, что слухи преувеличивают реальную опасность... Вот почему я повторю вам: независимо от того, кто вы такой на самом деле, ваше утверждение, что вы являетесь Пта, кажется нам небезынтересным. Кстати, как вы догадываетесь, ваши слова о мятежнике Таре из подземелья замка Линн нетрудно проверить.

Генерал поспешно закончил:

— Думая об этом и оценивая ваше положение, я прихожу к выводу, что ситуация все время незаметно меняется,— он мягко улыбнулся, Холройд понял это по изменившемуся тембру голоса.— О, мы, кажется, отстаем!

Вот и конец пути. Огромные звери, без всяких понуканий и без принуждения, встали как вкопанные, давая людям возможность спешиться. Холройда сразу же окружили люди.

— Пожалуйте сюда, принц Инезио. Вас желает видеть сам высокородный Нушир Нуширванский.

Через широкий мраморный коридор его ввели в просторный зал. В дальнем конце зала стоял огромный трон, на котором восседал довольно плотный мужчина. Чуть позади на двух тронах поменьше сидели две женщины в пышных нарядах.

Нушир Нуширванский оказался еще молодым человеком, довольно крупным и полным, с голубыми неопределенными глазами. Чуть позади и правее его трона стояли тронные кресла его жен.

Когда Холройда ввели в тронный зал, обе женщины тут же переглянулись и зашептали, потом в унисон кивнули. Одна из них была стройной и темноволосой, другая пухленькой и белокурой. Их движения были такими слаженными и согласован-

ными, будто они думали, говорили и действовали как один человек. Холройд не мог глаз оторвать от этой забавной пантомимы. Поэтому ему стоило немалых усилий переключить внимание на Нушира и на то, что тот говорил. Стражники между тем с поклонами удалились и закрыли за собой дверь.

Полный мужчина произнес мелодичным голосом:

— Ты и в самом деле принц Инезио?

Проявляя совсем не царственное нетерпение, Нушир весь подался вперед, держась за подлокотники. Его глаза были скорей бесцветными, с легким голубым оттенком. Холройд настороженно кивнул. У него не оставалось сомнений, что главный правитель мятежного штата вступил в сговор с гонволанскими бунтовщиками-офицерами для того, чтобы захватить Инезио в плен. Холройд ждал продолжения, и мужчина спросил:

— Так ты не желал нападать на мою страну?

Напряженные нервы Холройда обостренно воспринимали все происходящее. Прищурившись, он разглядывал своего допросчика, пытаясь определить, что это за человек, как себя с ним вести и как поступать в создавшемся положении. Если Нушир находится под влиянием своих жен, то Холройд сможет освободиться уже через десять минут. Он набросал в воображении план действий. Любые незаметные вибрации человеческого духа и тела были ему внятны теперь.

Бесцветно-голубенькие глазки Нушира излучали откровенную неприязнь. Крупные пухлые руки непроизвольно сжимались и разжимались, будто бы он хотел что-то схватить своими толстенькими, как сардельки, пальцами. Полные губы отвисли, обнажая зубы и десны, широкие мягкие ноздри прерывисто раздувались. Нушир был весь как раскрытая книга: по его лицу можно было прочитать все его тайные мысли. Нушир Нуширванский желает знать правду о наступлении. Несмотря на то, что вторжение сорвано, его встревожила и напугала возможная угроза со стороны Гонволана и богини. Холройд сдержал дыхание, сделал его по возможности ровным и сказал:

— Если вы приняли оборонительные меры, то вам нечего опасаться.

— Что ты имеешь в виду?

— Наступление,— ровным голосом ответил Холройд,— было всего лишь обманным маневром для умиротворения недовольных. Доводить его до конца никто и не собирался. Захватив меня в плен, вы только сыграли на руку тем, кто всей душой стремится развязать войну.

— Он лжет!

Это пронзительным тонким голосом заговорила брюнетка. Она схватила своего повелителя за руку:

— Он слишком долго колебался, прежде чем отвечать, кроме того, он явно что-то скрывает. Прикажи пытать его, о властитель. Только так мы узнаем всю правду.

— Угу,— заметил Холройд презрительно,— я вижу, правительство в Нуширване ничем не отличается от гонволанского...

Пустые голубоватые глазки пристально изучали его. В них

теперь ясно читались озадаченность и неуверенность. Наконец Нушир произнес, отдуваясь:

— Объясни свои слова.

— И той, и другой страной управляют женщины,— холодно бросил Холройд.

Женщины в унисон ахнули. Они снова переглянулись, на их вытянутых лицах была написана явная досада.

Нушир неподвижно сидел на троне и казался внешне вполне безразличным, он только недовольно отвернулся, когда брюнетка снова попыталась взять его за руку. Кажется, она не разобралась в настроении своего повелителя, потому что сказала, обращаясь наполовину к нему, наполовину к Холройду:

— В Нуширване только один владыка, да будет он благословен. Но мы — его жены. В наших сердцах живет забота о нем и его благополучии. Мы всего лишь отражаем свет его величия. Когда мы осмеливаемся давать советы своему властителю, то поступаем лишь как правая и левая рука великого Нушира. В этом смысле мы всего только орудия для разоблачения твоей лжи. Поэтому мы рекомендуем пытки... и немедля...

Она почти прошипела последние слова, сверля глазами Холройда. Холройд пытался сдержать свое слишком бурное дыхание, чтобы не выдать своих чувств. Его атака с целью внести раскол между мужем и женами была отбита, хотя и не без труда. Он удивлялся самому себе. Разве он боится пыток? Что могут сделать пытки с его бессмертным телом?

Вдруг он обратил внимание на то, как меняется лицо блондинки. Казалось, в ней происходит какая-то внутренняя борьба. И вот она взглянула на него вполне доброжелательно. Ее тронное кресло стояло вторым за троном брюнетки. Значит, она младшая жена. Между тем она менялась на глазах. Метаморфоза происходила не только с выражением лица — она вся как будто вытянулась, стала выше и гибче, глаза загорелись осмысленным блеском, румянец прилил к щекам. Она уселась в кресле поудобнее, как будто что-то решив для себя, и звонко сказала:

— Послушай, Найа. Если принц говорит правду — а из Гонволана поступают сведения, подтверждающие его заявление,— тогда он нам союзник, а не враг, и это так же верно, как то, что завтра утром взойдет солнце. Мое предложение — оказать нашему гостю почести, соответствующие его положению, отвести ему на ночь покои и дать женщину, которая угождала бы всем его желаниям.

Воцарилось молчание. Дважды Найа, брюнетка, поворачивалась к блондинке, дважды она открывала рот и пыталась заговорить, но, казалось, была так поражена, что не могла вымолвить ни слова. Наконец, она обратилась лицом к своему господину и стала ждать его решения.

Нушир задумчиво поглаживал свой пухлый подбородок. Наконец он кивнул в знак согласия и произнес:

— Да будет так. Я тоже пришел к такому же выводу. Ввиду высокого ранга нашего гостя он может выбрать себе

на ночь одну из пребывающих в тронном зале моих жен. Утром поговорим, а затем, если переговоры пройдут успешно, принц Инезио на скрирах в сопровождении почетного эскорта отправится в расположение своих войск.

Он помолчал и спросил не без любопытства:

— Какую из моих жен ты желаешь, о великий принц?

Об отказе нечего было и помышлять. Это было бы равносильно подписанию себе смертного приговора. К тому же при выборе, согласно этикету, нельзя было долго колебаться. Холройд отважился:

— Я выбираю ту, которую нарекли Найей, и благодарю вас, высокородный Нушир, за оказанную мне великую честь. У вас не будет оснований сожалеть о проявленном вами доверии.

А сам подумал:

«Какую бы глупость я совершил, если бы оставил склочную брюнетку на ночь с мужем и дал ей возможность настроить его против меня...»

Нушир был явно заинтригован выбором Холройда:

— Я полагал, великий принц, что ты, как и другие, кто удостаивался подобной чести, выберешь белокурую Калию,— он запнулся и рассмеялся добродушно. — Это будет интересный эксперимент для тебя, Найа!

Правитель дернул за шелковый шнурок, свисающий с потолка.

Тотчас же в зале засновали слуги. И минут через десять Холройд остался наедине со старшей женой Нушира.

С пристальным вниманием темноволосая женщина наблюдала за Холройдом. Он не обращал на нее внимания. В дальнем конце зала было большое, украшенное резным орнаментом окно. Холройд подошел к нему и выглянул наружу. Он увидел раскинувшийся перед крепостью город Три. Улицы были скупо освещены факелами и световыми трубками. И вся эта картина немного напоминала старый европейский город при ночном освещении.

Холройд почувствовал, что радостное возбуждение, появившееся в нем после перехода по мосту через поток бурлящей лавы, ничуть не уменьшается, а, напротив, растет. Несмотря ни на что, он был удовлетворен собой. Да, это правда, он потерпел поражение, преодолев реку кипящей лавы, и все же отвоевал себе свободу и сможет вернуться в Гонволан. В таком случае что за разница между победой и поражением? Ему было пока известно не очень многое, и он не знал, может ли он надеяться на суд. Вероятно, он еще в опасности, но по крайней мере свободен, у него есть шанс все обдумать и приготовиться к будущим яростным схваткам. Наверно, сейчас нужно подвести черту и сказать как на духу: все, дальше ни шагу. И с этих пор ничего не предпринимать без полной информации и глубочайших размышлений.

Холройд сухо рассмеялся. Подумать только! Он, совершенно одинокий в этом чуждом мире, о котором почти ничего не

знает, обладает таким огромным желанием что-то сделать и в то же время лишен элементарной возможности узнать самые необходимые сведения. И все же отлично чувствовать себя свободным, черт возьми!

Он выбросил из головы все эти неуместные мысли и тут только вспомнил про Найу. Естественно, раз ему ее предложили, надо овладеть ею. Любое пренебрежение с его стороны не останется незамеченным — об этом тотчас же доложат и сочтут, что у него плохие манеры. Да это и опасно. Так что не стоит рисковать. Он отвернулся от окна и с немалым удивлением увидел, что брюнетка стоит, прижавшись ухом к ведущей в коридор двери и напряженно прислушиваясь. Глядя на Холройда, она многозначительно округлила глаза и приложила палец к губам, древним жестом призывая его к молчанию... к тайне, может быть... Потом плавным изящным движением скользнула к Холройду.

— Нельзя терять ни минуты,— прошептала она.— Ты не слишком благоразумно поступил, выбрав Найу вместо Калии, в чье тело я вселилась, чтобы заставить ее заступиться за тебя. Теперь мне пришлось срочно перебраться в оболочку Найи, но блондинка запомнила, пусть и не слишком отчетливо, как я принуждала ее свидетельствовать в твою пользу. Поэтому времени у нас очень мало, нужно спешить.

Она замолчала, а Холройд гневно выдохнул:

— Что ты ме...

Он сверлил ее взглядом, а лицо у него стало тяжелым как камень. Голос его звучал грозно:

— Кто ты такая?

Женщина прошептала:

— Я та, кто вскарабкался по скале, кто пытался убить тебя, кто дал тебе кольцо власти, Пта. Поройся в памяти: разве ты говорил кому-либо, что видел меня? Если не говорил, тогда ты должен знать, что я не Инезия.

Он хотел ответить, но она оборвала его энергичным взмахом руки.

— Клянусь, медлить нельзя. В этот самый миг Инезия в главном дворце Нушира пытается навсегда уничтожить магический трон Пта. Трон — это последняя надежда...

Что-то мешало ей говорить. Как будто язык стал с трудом поворачиваться во рту. Она снова заговорила, но с огромным трудом.

— Мы должны немедленно отправиться туда. Час промедления, даже минута могут оказаться решающими. Пта, ради всего святого, заклинаю тебя, отбрось все сомнения. Они ни к чему...

Холройд никогда бы не подумал, что его незыблемо твердое, окончательное решение может поддаться одному только словесному натиску. Но то, что она говорила, было правдой. Ведь он никому не рассказывал про худощавую высокую женщину. Затем Инезия страшно разгневалась, увидев кольцо у него на пальце. И Инезия н е з н а л а, что эта женщина при-

ходила к нему, даже если и догадывалась, от кого к нему попало кольцо. Несомненно, это была настоящая Лоони, заключенная в темницу. И если Лоони утверждает, что нельзя терять ни минуты, значит, действительно, нужно торопиться.

Теперь, когда он вспоминал свое похищение, спровоцированное и организованное Инезией, он понимал, что ее планы как никогда близки к исполнению. Защитные уровни, которыми много веков назад окружил себя Пта, были разрушены. Зная это, было бы безумием оставаться здесь. Но он ничего не мог с собой поделать. Он не мог забыть о цели своего второго пришествия, потому и колебался. Ему сказали, что он должен занять магический трон Пта и что только так он вернет себе былое утраченное могущество.

Это выглядело нелепо, смешно, как детская забава, как его игры с перстнем на руке. Но обе, Инезия и Лоони, твердили ему, не сговариваясь, одно и то же. Почему Инезия, опутавшая его сетью мелких обманов и интриг, сообщила ему одну величайшую истину? Зачем она вообще говорила с ним про трон? Ведь в своем стремлении уничтожить его любой ценой она не допускала никаких случайностей... Значит, у нее были веские причины приоткрыть перед ним завесу тайны. Кроме всего прочего, у нее, по-видимому, был точный психологический расчет. Она нацелила его мозг на конечный результат, а сама пока что не теряла времени даром. И вот теперь она вышла на финишную прямую. И потребуются самые отчаянные усилия, чтобы опередить ее.

Он видел, что Лоони следит за каждым его движением широко раскрытыми трагическими глазами. И Холройд был благодарен ей за то, что она не вмешивается в ход его размышлений. Он пришел к определенному выводу и торопливо спросил:

— Как мы сможем там оказаться?

— Ты как будто выйдешь со мной на прогулку. И мы немедленно отправимся в путь,— ответила женщина.— Жена правителя Найа уже приготовила верхнюю одежду и уложила ее в седельные сумки скриров. Как Найа я имею право отдавать команды охране скриров в любое время дня и ночи, не вызывая лишних расспросов. Пойдем!

Холройд двинулся за ней к дверям, но вдруг остановился:

— Погоди! — вспомнил он.— Среди пленных есть генерал Ситейл. Нельзя ли и ему дать одного скрира, чтобы он смог сбежать? Мне кажется, за это время он мог бы проделать в Гонволане немало полезной работы...

Лоони оборвала его:

— Это невозможно! Такие действия несвойственны ему. Да и времени у нас совсем не остается. Поторопись!

Минут через пятнадцать они поднялись в воздух.

Становилось все холоднее. Впереди вверху можно было различить горы — голые, темные и дикие, под чужими, слишком близкими к земле, звездами. В этом непонятном ледяном мире

не было совершенно темно: среди мрака то и дело сверкало пламя, извергаемое то одним, то другим кратером. Алое пламя и красно-черный дым. Тысячи вулканов. Ночь казалась какой-то ужасной, безобразной, дьявольской кухней. Каждый огнечный конус был виден издалека, и тьма от этого казалась еще чернее, горы еще более темными и страшными. Скриры облетали каждое жерло вулкана стороной, стремясь подальше от дымных испарений к чистому воздуху и прохладе.

Холройд отчетливо чувствовал, что огромная птица, на которой летели они с Лоони, становится все медлительней, тяжелей — скрир уставал. Два раза он с тревогой наблюдал, как наездники из их сопровождения на своих скрирах с трудом преодолевают отвесные горные кручи.

Когда они начали снижаться, у него мелькнула неясная догадка. Может быть, это случилось потому, что он всеми силами разума стремился забежать вперед событий и понять, чем закончится путешествие. Птица стремительно опускалась, воздух становился теплей.

А вот уже прямо под ними огни городов. Блеснуло одно скопление огней, другое, третье. Земля между городами не была погружена в абсолютный мрак, а изредка озарялась вспышками одиноких светлых точек. Первые поселения теснились в долинах между горными грядами, но вскоре неровная горная цепь перешла в плоскогорье, потом превратилась в равнину. Воздух здесь был тихим и спокойным. Города теперь шли один за другим. Огни предыдущего оставались на виду до тех пор, пока не показывались смутно озаренные очертания следующего.

Часа полтора миновало с той поры, как они оставили за собой плоскогорье. Лоони обернулась в седле и крикнула Холройду:

— Котахей, столица!

В этом экзотическом названии звучала чарующая музыка. Но во мраке город выглядел совершенно так же, как прочие, разве что был побольше других: огни тянулись между горами на севере вплоть до широкой реки на востоке. Лоони снова закричала:

— Вчера я почти долетела до Котахея вместо...

Название, которое она произнесла, унес ветер.

— Когда я не смогла найти тебя ни у одного из двенадцати мостов через поток бурлящей лавы... Меня охватила паника... Раз за разом я пускалась на поиски, и когда это удалось... я узнала, что у тебя разрушена шестая защита... что я прозевала тебя... Но самое главное — мне было не уследить за многолюдными перемещениями... Но когда я полетела над городом... сразу почувствовала... что ты там... Взяла направление на центральный форт крепости... немедленно проникла в тело служанки... А уж из него не составляло труда... вселиться в оболочку... Калии...

Холройд внимательно слушал рассказ Лоони. Теперь он знал, как она жила с тех пор, когда он видел ее в последний раз. Они приближались к столице Нуширвана. Позабыв обо

всем, он весь обратился во внимание. Там была Инезия. И там был магический трон Пта.

Ему нелегко было представить Инезию здесь. Нежное, страстное, капризно-прихотливое создание, златокудрая богиня, жена Пта — она казалась нереальной в этой ночи, где был только воющий ветер от взмахов темных могучих крыльев птицы, на которой сидели они с Лоони, обдуваемые вихрями и отданные во власть стремительного движения.

Магический трон... Он пытался представить его и не мог. Ничто в нем не откликалось на эти слова. И даже воображение отказывалось нарисовать образ загадочного предмета. Но там, внизу, трон где-то существовал, должен был существовать! Лоони верит в это. Да и Инезия во всех своих кознях руководствуется уверенностью, что трон вполне реален. Давным-давно, наверно, сам Пта рассказывал им, своим женам, об этом магическом троне. Хотя не исключено, что он ввел их при этом в заблуждение. Как знать?

«Если бы я был Пта...» — подумал Холройд и сам улыбнулся несообразности своей мысли. Он б ы л Пта. По крайней мере другого Пта он не знал. «Если бы я был Пта,— повторил он про себя,— то для своей безопасности не доверял бы ни одной женщине и обеим вместе взятым. Тогда и все уровни защиты остались бы неуязвимыми. Впрочем, что сейчас рассуждать. Дело уже не в том, что и как было предпринято для уровней защитных чар и в чем ошибка. Я должен попытаться рассчитать все возможные варианты... создать для себя модель, как расстраивать и разрушать все враждебные планы... И, право же, ради моей цели не стоит пренебрегать ничем, даже если придется залезать на трон или сделать что-либо еще в таком же роде!»

Устремившиеся вниз скриры пронзительно заклекотали. Внизу замелькали огни, озарившие широкий двор. Одна за другой птицы опускались наземь и садились с небольшими пробежками, точно авиалайнеры при посадке.

Слуги узнали Найу — и тотчас захлопали двери, появились факелы.

— Не нужно будить никого во дворце,— приказала Лоони-Найа.— Гость Нушира и я последуем в покои без эскорта.

Гвардейцы, стоявшие в охранении вдоль длинного, мерцающего при неровном свете коридора, завидев их, оживились, вытянулись по стойке «смирно» и так и стояли навытяжку, пока мужчина и женщина следовали мимо. Холройд прошептал:

— Ты знаешь, где он находится? Где магический трон?

Он ощущал тревогу и волнение. Как будто все, чего он ожидал в последнее время, вот-вот должно свершиться. Как будто в нем самом назревал какой-то важный перелом...

Лоони шепнула в ответ:

— Мне точно известно, где он. Найа знала... где он... за дверью в конце коридора...

Вот этот вход. Тяжелые, украшенные узорной затейливой резьбой двери были заперты. Холройд попробовал их на проч-

ность. Он со всего размаху ударил всем телом в прочное дерево, но двери даже не шелохнулись.

— Погоди! — быстро сказала Лоони.— Ну конечно же, она внутри! Как же я сразу не догадалась! Но у меня в подчинении полно гвардейцев, стоит им только приказать и они сметут любые преграды на нашем пути,— обрадовалась она.— На этот раз на нашей стороне явное преимущество. Во дворце нет ни единой оболочки, которая была бы рангом выше Найи... Кого бы она не попыталась занять, все женщины подчиняются жене повелителя. Я...

Она отшатнулась и тихонько ахнула.

Легко и бесшумно распахнулись двери. В проеме за небольшим порогом стояла Инезия. Она была на этот раз в черном бархатном платье, а по плечам и спине золотым каскадом ниспадали роскошные золотые локоны. Инезия промолвила с легкой улыбкой:

— Прошу. Я давно жду вас. Входите...

На губах богини Инезии играла легкая улыбка, а ее голубые глаза лучились золотистыми искорками. Казалось, она несказанно счастлива встретиться со своими старыми друзьями и вся так и светится от радости.

Она дружелюбно сказала:

— Как вы понимаете, я наблюдала за вами, хотя это и нелегко сделать без воды. Чтобы по-настоящему повелевать д у х о м, находящимся в н е т е л а, нужна вода. Ну, входите же, я расскажу вам об этом.

Пта насторожило ее настроение. Так она могла вести себя только в том случае, если была уверена в своем превосходстве. В ее словах ему слышалось невысказанное торжество. Угрюмо улыбаясь, он сделал несколько шагов вперед и остановился. Нет, не потому, что чего-то боялся. Скорей, он был удивлен и насторожен, а все вокруг, как и получасом раньше в воздухе, казалось ему несколько нереальным. Он был почти уверен, что многое ему просто чудится. Может быть, так и есть: он, Питер Холройд, лежит, умирая, в разбитом танке на своем последнем поле боя и перед его глазами всего лишь мелькают фантастические предсмертные видения?

Так он стоял, внимательно вглядываясь в нежное лицо Инезии с чудесной мерцающей улыбкой. Богиня была хороша как никогда. И все же, с невольной неприязнью подумалось ему, женщин никогда не красит злорадство.

Инезия тем временем продолжала щебетать:

— Только не прожигай меня насквозь взглядом, Лоони, дорогая! Что за мелодрама! Да, вам неприятно проигрывать. Но и поражение надо уметь принимать с достоинством. Согласна? Вот и хорошо. Ты все еще сомневаешься в моей победе? Уверяю тебя, нас никто здесь не побеспокоит. И я позволю вам взглянуть на магический трон. Не опоздай вы часиков на шесть — и он был бы ваш...

«...Сказал паук мухе,— подумал Холройд.— Но когда же мы

войдем наконец?» Упоминание о магическом троне никак его не задело. Но почему Инезия так уверена в том, что их никто здесь не потревожит? Ведь он отчетливо видел по отражению в ее зрачках, что по коридору идут служанки. Потому и сомневался в ее искренности. И вдруг догадался. Холройд стремительно обернулся к Лоони:

— Меня совершенно потрясает ваша способность управлять чужими человеческими телами. Ты можешь мне объяснить...

Лоони хмурилась, словно старалась уловить какую-то ускользающую мысль. Она вопросительно взглянула на него. И ответила:

— Да, мы можем вселяться. Но не в любую оболочку, а только в тела женщин или самок животных. Есть физический закон, который...

Она замолчала, увидев, как Инезия медленно и бесшумно опускается на пол. Вдруг она заплакала:

— Пта, она ушла в чье-то тело.

Служанки — их оказалось пятеро — были уже совсем близко. У одной из них что-то топоршилось под передником. Вдруг ярко блеснуло остро отточенное лезвие каменного ножа, и Холройда осенила догадка. Он поспешно оттолкнул Лоони, а нож перехватил за лезвие и дернул на себя. Мрачно улыбаясь, он швырнул нож в сторону неподвижно лежавшей Инезии, но богиня по-прежнему не подавала никаких признаков жизни. Она, однако, все еще была здесь и могла оказаться в оболочке любой из служанок. Обостренным чутьем он остро ощущал опасность, подстерегающую их с минуты на минуту.

— Лоони, не медли,— торопливо закричал он.— Прикажи женщинам уйти. Та, что не повинуется и попытается убить Найу, и есть Инезия. Быстрее!

Однако Лоони все мигом поняла и раньше, чем отзвучали его слова, резко приказала:

— Немедленно убирайтесь!

Трое служанок тут же бросились прочь по коридору. Четвертая замерла на месте, оцепенев от страха. А пятая закричала:

— Вернитесь, глупые курицы! Это не королева Найа, а самозванка! Куда вы? Мы ведь знаем, что Найа в этот час находится рядом с повелителем Нуширом!

Эта служанка была рослой и сильной. По-видимому, она была рангом выше остальных, потому что в ответ на ее призыв беглянки неуверенно остановились и одна из них спросила дрожащим голосом:

— Если это так, то почему бы не позвать гвардейцев?

Лоони шепнула Холройду:

— Что делать? Звать стражу?

Холройд колебался. Он не знал, что опасней. К тому же его мозг занимало сейчас совсем другое — те необыкновенные возможности, свидетелем которых он стал. Раньше он не сталкивался с ними так непосредственно и теперь был поражен способностью Инезии и Лоони перемещаться из тела в тело. Они могли проникнуть куда угодно, лишь бы там были женщины

или самки животных,— в любой дворец, в любую неприступную крепость, могли безнаказанно убивать направо и налево! Он чувствовал себя почти подавленным. Как можно сопротивляться этим многоликим демонам, этим чудовищам в человеческом обличье? Крепость за крепостью падут перед такой фантастической силой, сдадутся без всякого сопротивления, если внутрь проникнет всеразрушающая энергия подобного божества.

Ему стало ясно, что дни Нуширвана как независимого государства сочтены. С тех пор как Инезия смогла преодолеть барьер кипящей лавы, горная страна утратила свою неприкосновенность. Ведь это была та укрепленная граница, которая только и удерживала Инезию и мешала ей распространить свое могучее влияние на гигантскую территорию Аккадистрана. Теперь и эта страна станет беззащитной перед ее жестокой и неумолимой алчностью.

Наконец он понял, что произошло. Они с Лоони все же успели прибыть сюда раньше, чем Инезия смогла что-либо предпринять. Хотя она и утверждала обратное, но за столь короткий срок даже она не могла лишить силы магический трон. Как она, должно быть, перепугалась, когда он попробовал выломать дверь! И предпочла сама открыть им. Но лишь для того, чтобы ввести их в заблуждение, занять тело какой-либо высокопоставленной особы и окружить их как можно большим числом женщин. Затем незаметно вернуться в собственное тело, снова запереться и всерьез заняться магическим троном. И вот результат: пять служанок, если Инезия умело использует их, могут убить Лоони в оболочке Найи.

Потом Инезия уничтожила бы их одну за другой или заставила их убить себя. Одна, оставшаяся в живых, утверждала бы потом, что Найу убил он, Холройд, чтобы беспрепятственно попасть в зал с магическим троном. И пока бы шло разбирательство, Инезия успела бы осуществить свой коварный план.

Такова была точная, пусть и упрощенная схема ее действий. Безжалостная со своими подданными в Гонволане, богиня ни минуты не колебалась и здесь.

Холройд прошептал Лоони:

— Зови стражу. Пусть приходят. Мы сможем доказать, что ты — Найа, а эскорт, сопровождавший нас, подтвердит твои слова.

Через минуту гвардейцы схватили служанок. Ни одна из женщин даже не пыталась утверждать, будто бы Найа — самозванка или будто бы Лоони не была Найей. Взвесив создавшуюся ситуацию, Холройд пришел к выводу, что план Инезии оказался не слишком-то удачным, потому, видимо, что она его сочинила молниеносно под давлением случайных обстоятельств.

Лоони приказала:

— Заприте женщин в их комнатах, а утром освободите. Позднее они понесут наказание за свою дерзость.

Один из гвардейцев увидел в руке Холройда подобранный им с полу нож. А сам Холройд смотрел только на Инезию,

которая подымалась на ноги и поправляла платье. Гвардеец подозрительно спросил:

— Что прикажете делать с этой, повелительница?

Лоони ответила:

— Она потерпевшая. Оставь ее.

Через мгновение они снова были втроем. Женщины напряженно смотрели друг на друга. Холройд прошел мимо них и подошел к резным дверям зала, пронзительно ощущая, что он никогда еще так не был близок к разгадке. Он молча обернулся и посмотрел на Инезию и Лоони. Что-то они затихли... Но вот Лоони нарушила молчание. И произнесла каким-то не своим голосом:

— Ну что, милая Инезия, как твои завоевательские планы? Удалось прыгнуть выше головы?

Вдруг она сказала совершенно другим тоном:

— Одну минутку, Пта, я осмотрю порог зала. Если он облицован защитным металлом...

Она опустилась на колени и пощупала пальцами сквозь ковер пол. Потом двинулась к двери. Тут Инезия с тигриной быстротой бросилась на нее и сбила наземь. Падая, Лоони успела сильно пнуть соперницу ногой. Холройд кинулся к Инезии и оттащил ее назад. Лоони поднялась и подошла к двери.

Инезия прошипела:

— Через шесть месяцев я сотру тебя в порошок...

Лоони негромко рассмеялась:

— Так у меня в запасе, значит, есть еще полгода? Спасибо, милая, что сообщила мне эту новость,— и, все еще нервно посмеиваясь, повернулась к Холройду: — Теперь, по-моему, нам никто и ничто не помешает войти в зал.

Внезапно лицо ее стало серьезным:

— О Пта, нам удалось одержать победу, и все потому, что мы успели вовремя...

Наверно, на физиономии Холройда выразилось полное непонимание, потому что она стала горячо и торопливо объяснять ему:

— Она добивалась,. чтобы ты напал на Нуширван. Тогда она смогла бы переправиться через поток бурлящей лавы. На то, чтобы штурмовать с войсками горные кручи, у тебя ушли бы недели и месяцы. А когда, наконец, ты сумел бы добраться до этого дворца, было бы уже поздно. Ведь все это время она смогла бы заниматься изучением магического трона. И не исключено, что нашла бы способ его уничтожить...

...Однако сперва ее испугало кольцо, которое ты получил от меня. Это всего лишь перстень-печатка принца Инезио, но, пока я находилась в кабинете, мне пришло в голову зарядить его частью своей энергии. Инезия поняла, что я объявила ей непримиримую войну не на жизнь, а на смерть. И все же у меня оказалось немало времени, чтобы помешать ей. Вот почему она не всегда могла обдумывать свои действия, часто принимала поспешные решения и выполняла их впопыхах. Все остальное тебе известно.

Лоони засмеялась веселым смехом темноволосой Найи. Инезия все это время стояла неподвижно. Ее лицо было бело, как мел, голубые глаза сразу как-то выцвели, казались тусклыми, мертвыми и холодными. Она сказала без всякого выражения:

— Надеюсь, ты понимаешь по крайней мере, что скоро, очень скоро умрешь в муках, Лоони. Могущество Пта не в силах извлечь из трона всю его магическую энергию. Магическая сила исходит лишь от верующих, а я долгие века делала все от меня зависящее, чтобы о Пта забыли в Гонволане. К тому же, помни, твое тело в темнице, и никакой Пта не спасет тебя...

Видимо, угрозы в адрес соперницы несколько утешили Инезию, потому что она продолжала с некоторым облегчением:

— У него, возможно, будет энергии побольше, чем та,— она рассмеялась,— которой ты обладаешь сейчас. Вот и все. Что ж, я признаю свое частичное поражение. Но не более того. У меня есть еще в запасе ключевое, заветное слово — АККАДИСТРАН!

— Ты демон, ты зверь! — ответила Лоони.

Они все еще стояли друг против друга, тяжело дыша и сталкиваясь взглядами. Две богини, темноволосая и золотокудрая. Холройд едва ли понимал, о чем они говорят. Но глядя на них, он понял, что ему не следует быть здесь и нельзя слышать все, что в сердцах выпаливают друг другу разгневанные могучие богини.

Он сделал над собой усилие и стряхнул охватившее его оцепенение. Постарался собраться — не только физически, но и умственно — и остановился у порога в большой зал. Он, не глядя назад, чувствовал, что Лоони не спускает с него глаз, а Инезия обернулась, чтобы видеть, что произойдет дальше. Потом он забыл о них обеих.

Зал, в котором оказался Холройд, был целиком вырублен в камне. Каменный пол, каменный потолок, каменные стены... Поверхность плит была тщательно отшлифована, однако сильно потемнела от времени. Он понял, что этим камням, этой каменной пещере великое множество веков. На него повеяло глубокой древностью.

Слева от входа Холройд увидел магический трон. Он светился, и сияние его было настолько сильным, что у Холройда заболели глаза. Это было нечто нематериальное — мерцающая мистическая структура. Трон сверкал, как огромный кристалл. Перед глазами поплыли круги, и ему показалось, что сквозь прищуренные веки он может различить внутри, в кристалле, сверкающие прожилки опала и янтаря, рубиновые разводы, малахитовые вкрапления, брызги цвета светлой охры.

Присмотревшись, Холройд заметил, что по форме трон представлял собой абсолютно правильный куб, каждое ребро которого было размером примерно футов в пятнадцать. Трон не стоял на полу, а как бы парил над ним. Он манил, притягивал

к себе, сулил несбыточные надежды и в то же время не был ничем вещественным. Холройд немного придвинулся к трону и с восхищением смотрел на него. Теперь он был немало поражен, обнаружив, что магический трон висит так высоко в воздухе — его нижняя грань оказалась приблизительно футах в десяти над его головой.

Холройд огляделся по сторонам, раздумывая, как и с помощью каких предметов можно было бы забраться так высоко. Ему ведь необходимо сесть на магический трон! Тут он снова вспомнил о женщинах, потому что увидел устремленные на него две пары сверкающих, равно потрясенных и восхищенных глаз. Обе они, и Инезия, и Лоони, ожидали рождения божества.

Глаза женщин как бы гипнотизировали его, и он с трудом сумел отвести от них взгляд. Ему казалось, что на его хрупкий человеческий мозг внезапно обрушилась лавина! Перед глазами все еще плыли круги. Но вот круги разошлись, чары развеялись, и он прозрел. И неожиданно для себя увидел слева от трона выбитые в каменной стене потемневшие от времени древние каменные же ступени. Холройд удивился, как это не замечал их раньше. Они вели вверх, прямо к потолку, а потом... п о п о т о л к у !

Ступени заканчивались прямо над троном. Если взобраться наверх, а потом раскачаться, как на перекладине турника, то можно прыгнуть сверху на магический трон. Любой ребенок, мало-мальски занимающийся спортом, проделал бы этот путь безо всякого труда. Тот, Кто Владеет Могуществом, совершил бы то же самое без малейшего колебания. Но его, Питера Холройда, сомнения одолевали даже тогда, когда он медленно шел по направлению к высеченной в стене лестнице, ведущей н а п о т о л о к.

Однако все его колебания и сомнения не имели ничего общего со стремлением сесть на магический предмет власти. Холройд должен сделать это. У Холройда нет другого выхода. У Холройда нет права выбора. Даже если бы он знал наверняка, что им управляет богиня, то и тогда должен пройти это нечеловеческое испытание, поскольку против своей воли находится в теле великого Пта. Итак, не стоит ломать голову, садиться или не садиться на магический трон. Однако сейчас ему было совершенно ясно, что мало сделать только этот шаг. Отныне он знал, что божественная сила исходит от молитв верующих и что один только трон не в силах вернуть ему былое утраченное могущество и превратить в Трижды Величайшего Пта.

Сам трон, по-видимому, служит чем-то наподобие фитиля или, может быть, детонатора. А может быть, это аккумулятор тайной накопленной энергии, которая даст начальный толчок другой силе, которую наполняют и умножают божественным могуществом миллиарды женщин, искренне и истово молящихся за мужей и возлюбленных. Да, Инезия хитро и долго отвлекала людей от молитв. Скорее всего энергия просто иссякла

за невообразимые века. И все же в нем теплилась надежда — ведь религиозные обычаи и традиции у всех народов и во все времена были консервативны по сути своей и не имели ничего равного себе по силе в человеческом обществе.

Он подумал: «У меня есть еще по меньшей мере один уровень защитных чар»,— и начал подыматься вверх по каменным ступеням. Его собственная жизнь в любом случае в безопасности. Но неужели Лоони суждено погибнуть? Неужели бездушная, жестокая и страшная замковая цивилизация будет продолжаться еще долгие века?

Вдруг ему показалось, что все усилия напрасны, что он только зря тратит время. Он через плечо оглянулся на женщин, стоящих внизу и не спускающих с него глаз. Трудно было даже представить, что когда-то давным-давно обе были его женами. Страстная и капризная, жестокая и коварная, прелестная и юная золотоволосая Инезия. И смуглая, темнокудрая, вся напрягшаяся, как струна, Лоони. Какая она в своем настоящем облике? Ведь он не видел ее с самого своего изгнания из Гонволана. Это он знал точно.

Возможно, он колеблется оттого, что все больше приближается к заветному трону. Он был уже под самым потолком и теперь медленно двигался, перехватывая руками уступы ступеней и раскачивая тело, как на турнике. И вдруг магический трон оказался прямо у него под ногами. Сверху он казался Холройду огромным зеркалом, излучающим драгоценное сияние. Через какое-то мгновение он станет богом.

Холройд завис под потолком, глядя на манящую зеркальную поверхность, потом разжал руки и прыгнул вниз. Он оказался на верхней грани куба. И стал погружаться в него... Потом Холройд исчез. Проходили долгие томительные мгновения. Наконец из нижней грани куба, из днища магического трона, показалась стопа. Холройд прошел магический куб насквозь и обрушился на пол, упав с высоты в шестнадцать футов. Еще мгновение трон мерцал. Затем раздался слабый звук хлопка, и магический трон растаял, как лопнувший мыльный пузырь!

Холройд неподвижно, как мертвый, лежал на полу.

Напряженную тишину прервал звонкий смех Инезии. Лоони резко повернулась к золотоволосой богине. На ее юном нежном лице она увидела нескрываемую радость. Глаза Лоони расширились. Слабо вскрикнув, она бросилась к распростертому на полу неподвижному телу, полулетя к нему, полупадая на него. Холройд лежал на спине, запрокинув голову. Лоони принялась трясти и тормошить его, пытаясь поднять неподвижные веки. Она увидела неживые глаза и отдернула трясущуюся руку. Веки, слабо подрагивая, закрылись. И все это время, пока она пыталась вернуть возлюбленного к жизни, в ее ушах, не смолкая, гремел хохот Инезии.

Краска прилила к ее помертвевшим щекам.

— Он жив! — выдохнула она. И, стоя на коленях, склонилась над Холройдом, не в силах сдержать радостного изумления. Смех за ее спиной оборвался на визгливой ноте.

— Разумеется, он еще жив,— надменно сказала Инезия.— К сожалению, мне не удалось отыскать на пульте магического трона единственной смертоносной кнопки. Кстати говоря, я обнаружила этот пульт, когда пыталась уничтожить трон.

Голос золотоволосой богини звучал таким самодовольством, что это привело Лоони в возбуждение, граничащее с яростью. Она вскочила:

— Только не приписывай себе несуществующих заслуг! А то можно подумать, будто и это твоих рук дело!

— Я ни на что не претендую,— холодно возразила Инезия.— И удивлена не меньше тебя. Но теперь, когда уже все позади, мне совершенно ясно, что без моего вмешательства все же не обошлось.

Лоони не хотела верить, что это так. Если бы она сама хотя бы что-то подозревала, то любой ценой предотвратила бы катастрофу. Она уже хотела попросить Инезию объяснить ей, что же все-таки произошло, но, взглянув на торжествующее лицо соперницы, передумала. Инезия никогда не отвечала на вопросы. Зато она любила похвастаться. Так что сейчас или минутой позже Лоони все узнает без расспросов.

— Для меня очевидно,— высокомерно продолжала Инезия,— что Пта никогда не осмелился бы испытать энергию трона до того, как обретет полную магическую силу. Я нарушила изоляцию, и трон просто-напросто перегорел! — она поморщилась.— Мне трудно подобрать более удачное сравнение. Однако меня крайне удивило бы, если после всего этого Пта снова смог бы встать в круг власти.

Лоони горячо возразила:

— Зачем ему трон, если он привлечет на свою сторону миллиарды верующих женщин? Что, нечем ответить? Но было бы неплохо вспомнить то, что ты изо всех сил стараешься забыть: Пта всегда был более велик, чем любые, самые могучие его противники.

Инезия равнодушно пожала плечами. Глядя на нее, Лоони понимала, что они говорят на разных языках, ибо каждая была поглощена своим. Инезия, к примеру, с трудом сдерживала торжествующий крик. От нее сильно искрило. Все ее тело, казалось, дрожит, словно ее охватил неудержимый трепет, она была как в экстазе. Радостное возбуждение привело к тому, что даже пальцы ее дрожали. Странно, как при этом ей удалось сохранить нежный, мелодичный голос:

— Конечно, если бы он не боялся меня, у меня не оставалось бы ни одного шанса. Теперь я перевезу его в свою великую столицу Гадир, в Аккадистран, и ему придется пройти тропой всех гонволанцев, которых похищали и увозили в Аккадистран.

Ее хохот проскрежетал так же, как звон металла о стекло.

— Любопытно будет взглянуть, как божественное тело расчленят на части, разрубят, растерзают на куски.— Она сделала паузу и не без издевки закончила. — Пусть эти болваны-

бунтовщики начнут наступление на Нуширван, и я пущу в дело своих небесных всадников!

Побелев как полотно, Лоони не могла отвести от Инезии глаз. Дважды она пыталась что-то сказать, но дважды не могла пошевелить пересохшими от страха губами. Инезия, отсмеявшись, посулила кровожадно:

— И не пытайся меня переубедить. Между Аккадистраном и Гонволаном отныне возможны только отношения полного сокрушительного разгрома!

Напоследок она сказала:

— Я повелю моим боевым летунам взять под наблюдение каждый молитвенный жезл в Гонволане. Пусть все поклоняются и возносят молитвы великой богине Инезии! А из всех верующих в Пта дур в Гонволане вскоре не останется ни одной. И на этом для Пта закончится вечная игра и круг власти. К тому времени он будет по-настоящему мертв.

Она замолчала. Ее глаза сверкали как звезды, ее лицо сияло молодостью и красотой. Инезия с воодушевлением воскликнула:

— Я еще окончательно не решила, какую установлю форму правления, когда подавлю последние очаги сопротивления. У замковой системы есть свои плюсы и минусы. Ее главный недостаток — она порождает слишком много бунтарей! И эти наглые негодяи осмеливаются выступать против меня!

Помолчав, Инезия мрачно продолжала:

— Не выношу, когда мне прекословят. Если бы не это... Да еще были бы у меня организаторские способности старины Пта, я могла бы даже не устоять перед искушением и вернуть ту старую форму правления, которая была при нем. Честно говоря, я никогда не могла до конца понять, зачем она. Однако в бытность Пта владыкой Гонволана это правление было весьма впечатляющим, но без него стало совершенно не управляемым, и все развалилось. Помнишь, дорогая Лоони, что произошло после того, как я свергла тебя? Мы поссорились, и я поняла, что правление двух независимых богинь — не более чем парадокс.

Вдруг Лоони смутно уловила, что Инезия, продолжая обволакивать ее словами, подбирается все ближе. Теперь она разгадала намерение коварной Инезии. Она вскочила, приготовилась к отпору... Но было слишком поздно! Инезия набросилась на безжизненное тело Пта-Холройда и принялась терзать его — и так до тех пор, пока Лоони не удалось с трудом оттащить ее.

— Пусти меня,— яростно отбивалась Инезия,— пусти, нам пора...

Лоони ничего не могла с собой поделать. Она почувствовала в себе перемену. Она стала меняться, превращаться. Без воды это происходило необычно медленно, но уже через несколько минут она почувствовала, что продвигается сквозь плотную тьму. И вскоре была уже на жесткой поверхности. Лоони открыла глаза и увидела...

Со всех сторон Лоони охватил ужас. Нет, она сама не испытывала страха. Ужас был вокруг, обступал ее плотной стеной. Ужас исходил от рыдающих и стенающих женщин, кричащих детей, надломленного ропота мужчин. Она оказалась посреди многотысячной толпы людей, вопящих от страха и отчаяния.

Лоони вскочила и огляделась. Инезия бесследно исчезла. А на носилках у самых ее ног лежал неподвижный Пта. Он по-прежнему был совсем как мертвый. Лежал не шевелясь, и сколько она ни вглядывалась в его лицо, он не подавал никаких признаков жизни. Что делать? Лоони снова посмотрела по сторонам.

Они с Пта оказались в пространстве, битком набитом людьми и окруженном стенами. Это было что-то наподобие загона размером с квадратный канб. За одной из стен на довольно большом расстоянии она заметила обученных боевых скриров — знаменитых небесных всадников Зард Аккадистранской: звено за звеном они совершали маневр и улетали, исчезая из виду. Лоони вздрогнула от страха, ненависти и отвращения. Здесь, на одном из тысяч тренировочных полигонов боевых скриров, завершалась тропа похищенных из Гонволана людей. Завершалась гибелью.

Лоони перевела взгляд на то, что было поблизости. И впервые заметила, что они с Пта находились внутри особо отгороженной площадки. Это было что-то вроде «больницы». На земле стояли носилки, и на каждой из них лежало по одному-два человеческих существа. Время от времени какие-то люди вставали и бесцельно перемещались с места на место, но тут же находились другие — они подходили и занимали освободившиеся носилки.

Мужчины. Женщины. Дети...

Лоони присела на краешек носилок Пта, обхватила голову руками и стала ждать. Чего она ждала? Пожалуй, этого не знала и она сама. Может быть, чуда? Лоони была в отчаянии: Инезия не станет медлить, особенно сейчас, когда они совершенно беспомощны. И как на грех именно тогда, когда так много зависит от него, Пта лежит без движения и невозможно определить, в сознании он или нет. Судя по всему, полагала Лоони, Инезия прежде всего вернула свое настоящее тело домой, в столицу Гонволана Пта — она ведь ни за что не станет рисковать в городе, где так много металла. Затем, по-видимому, она переправила свою сущность во дворец столицы Аккадистрана Гадир, вошла в оболочку правительницы Аккадистрана Зард и стала отдавать первоочередные приказы. И воины, и стражники бросятся исполнять их так быстро, насколько позволяют скриры и гримбы.

Волнуясь, Лоони стала теребить безжизненное тело Пта.

— Очнись, Пта! — молила она, приглушая голос.— Открой глаза!

Но тело великого бога оставалось все таким же неподвижным. Оно находилось в покое, подобном покою смерти, и было

безвольно податливым в ее руках. Если бы она знала, что он умер и нет больше никакой надежды, Лоони оставила бы его, вышла из тела Найи и отправилась назад в Нуширван. У нее есть своя цель и своя задача, которую, кроме Лоони, решить больше некому. И даже если бы она сумела каким-либо образом остановить террор и смерть, замышляемые Инезией, все равно она не могла больше оставаться здесь, когда континенты балансируют на краю гибели. Тем не менее она колебалась и не решалась покинуть Пта. С востока подымалось солнце. Лоони определила время: часов одиннадцать утра. Пыль от полумиллиона неустанных ног пленников клубилась в воздухе, как серый туман. День обещал быть жарким и душным.

Двое мужчин проталкивались к ней, неся на руках третьего, который, вероятно, был без сознания. Один из них сказал:

— Фу, кажется, и здесь не найдется места для моего больного брата. Что будем делать?

Другой кивнул на того, что был без сознания, и устало произнес:

— Ну и что? Ему во всяком случае уже легче, чем нам. Счастье, что он ничего не видит и не понимает...

— А я все-таки займу носилки,— сказал первый.— Брату так плохо, что выбирать не из чего...

Он оборвал себя на полуслове, заметив, что стоит спиной к женщине. И повернулся к Лоони:

— Ты, наверно, не будешь против, если я стащу его,— он указал на Холройда,— с лежака. Мой брат без сознания и ему нужней...

Лоони взглянула на него. Ее так поразило его наглое требование, что в первую минуту она решила, что ослышалась. Она хотела ответить, но мужчина уже наклонился и, пыхтя, стал стаскивать Холройда с носилок.

Лоони схватила его за руки и оттолкнула. Но он вцепился в нее и, падая на спину, увлек за собой. Он был силен и зол и хотел во что бы то ни стало добиться своего. Лоони боролась с ним, но не могла справиться с тяжестью мужского тела. Через мгновение оболочка любимой жены Нушира, нежной Найи, была изрядно помята. У Лоони уже иссякали силы, когда она услышала еле различимый шепот:

— Отправляйся в Нуширван! — шептал человек, с которым она дралась.— Отправляйся в Нуширван! Я встречусь с тобой во дворце Котахея... позже...

Лоони вся похолодела. Потом, придя в себя, принялась трясти мужчину, заглядывать ему в лицо... Но он смотрел на нее круглыми от изумления глазами, а на физиономии у него был написан неподдельный ужас.

— Я, кажется, сошел с ума. Сам не знаю, что на меня накатило. Покорнейше прошу прощения...

Лоони была слишком обессилена, чтобы почувствовать досаду. Она устало откинулась на носилки и тут же подскочила в испуге. Тело Пта исчезло!

Довольно долго она приходила в себя. Когда прошло первое

потрясение, она все поняла. Теперь она удивлялась, как не догадалась сразу, к т о мог сказать ей слова о Нуширване и скорой встрече. Пока Инезия была поблизости и могла их услышать, Пта не смел обратиться к Лоони, хотя слова, наверно, так и вертелись у него на кончике языка. Он не хотел, чтобы золотоволосая богиня узнала, что отныне он может перемещать себя из одной оболочки в другую. Не желал, чтобы Инезия заподозрила, что он уже обладает божественным могуществом Пта. Поэтому он и подстроил это неожиданное приключение, а сам тем временем незаметно скрылся.

— Так вы не станете возражать, если я положу брата сюда? Место все равно освободилось...— сказал мужчина довольно робко.

Лоони пристально вглядывалась в измученное лицо этого человека. Увы, в нем и следа не оставалось от того, что она желала бы высмотреть. И понятно, почему. Пта вышел из него. И мужчина, послуживший великому богу несколько минут, снова стал самим собой — несчастным пленником, озабоченным лишь одной мыслью: где бы положить больного или, может быть, умирающего брата.

Теперь Лоони знала, что делать дальше. О т п р а в л я й с я в Н у ш и р в а н ! — гремело у нее в ушах. И тем не менее она все еще колебалась. Ведь Инезия обязательно захочет убедиться, что она все так же непобедима. И убедит ее в этом она, Лоони.

Эта мысль сверкнула у нее в уме подобно лезвию кинжала.

Справа от себя на высокой стене она заметила какую-то суету. То же самое повторилось слева.

Замелькали приставные лестницы, и минут через пять вооруженные воины проникли в огороженное пространство, перекрыли все ворота и выстроились вдоль стен. Они безжалостно расчищали себе путь, расталкивая людей и отбрасывая с дороги носилки вместе с лежащими на них больными. Теперь заработали огромные пилы. Центральная стена начала крошиться и осыпаться, из нее посыпалась каменная мелкая пыль. Всего через десять минут в стене было прорезано огромное отверстие шириной в пятнадцать футов. И в образовавшемся проеме верхом на гигантском гримбе появилась всадница.

Женщина, сидящая верхом, была высокой и стройной. Ее карие, казавшиеся почти янтарными глаза ярко сверкали. Тонко очерченное узкое породистое лицо выражало гордость и надменность. По этому выражению Лоони безошибочно узнала соперницу. В том, что Инезия избрала для своего физического воплощения Зард Аккадистранскую, не было ничего удивительного. Каждая жилочка, каждая клетка правительницы свидетельствовала и подтверждала: да, она королева, да, она владычица двадцати миллиардов подданных. Так стоило ли удивляться тому, что в этом теле и была сейчас Инезия?

Гримб остановился. Повелительница спешилась. Воины двинулись вперед, образовав вытянутое сплошное кольцо, внутри которого Зард Аккадистранская грациозной походкой прошла вперед. Вот она остановилась и с ласковой улыбкой наклони-

лась к мужчине, лежащему на носилках. Но когда она разглядела его... Правительница отшатнулась, ее глаза широко раскрылись от испуга и недоумения. Она пыталась что-то сказать, но с ее полуоткрытых губ срывались только какие-то нечленораздельные звуки. Зард непроизвольно протянула руки к лежащему на носилках незнакомцу, будто бы надеялась мановением руки изменить чужое лицо на то, которое она так страстно желала увидеть.

Вдруг она встретилась взглядом с Лоони. С заметным усилием сдерживая себя, Зард злобно прошипела:

— Где он, этот немыслимый глупец? Куда он исчез?

У нее перехватило дыхание. Отдышавшись, она продолжала:

— Ведь всего несколько минут назад он был здесь!

Сейчас, подумала Лоони, именно с е й ч а с, в эту минуту, она должна убедить обезумевшую богиню, что магический трон ничего не изменил в сущности Пта. Пусть Инезия и дальше пребывает в заблуждении и даже не подозревает о его новых возможностях. В то же время Лоони до дрожи захотелось высказать колкости, которые вряд ли доставят Инезии удовольствие. Что ж, впервые за долгие века подневольного заточения в темнице она, Лоони, может торжествовать!

Следовало говорить быстро, коротко, без всякой подготовки, чтобы побольней уколоть соперницу. Тряхнув головой, Лоони промолвила:

— У тебя все те же прежние затруднения, Инезия? Даже богиня не может находиться в двух местах одновременно.

Теперь ей было легче решиться на следующий шаг. Она продолжала, внезапно почувствовав все утомление последних дней:

— Но не об этом речь. Я решила, что предоставлю ему такой же шанс умереть или выжить, как и этим бедным смертным,— Лоони обвела рукой вокруг.— Я отправила его в толпу, Инезия...

Она умолкла, потому что в ней происходила внутренняя борьба. И все же разум возобладал. Лоони сказала себе: не будь самодовольной дурочкой, речь идет о жизни и смерти. Пта не хочет, чтобы Инезия узнала о его новых способностях. Значит, у него еще нет достаточного могущества, чтобы противостоять богине. Ему, кроме всего прочего, требуется время для обдумывания и планирования своих будущих действий. Дело не в том, чего этот разговор будет ей стоить, а в том, чего она сумеет добиться. И Лоони взволнованно обратилась к сопернице:

— Благодарю тебя, Инезия. Понимаешь, я страшно благодарна тебе за то, что ты не начала бессмысленную войну. Ты победила. Хочешь властвовать и над Гонволаном, и над Аккадистраном? Ради всего святого! Ты можешь слить их в одинединый народ — для этого есть сколько угодно бескровных способов. Ну, хотя бы смешанные браки, если есть необходимость в них. Но только не массовые убийства! Умоляю тебя, Инезия, умоляю и заклинаю — не начинай войну!..

Лоони увидела, как янтарные глаза правительницы ярко блеснули. Инезия-Зард снисходительно и насмешливо поглядела на нее:

— Бедняжка Лоони! Как всегда, ты не способна подняться выше эмоций. Все-таки в тебе слишком много человеческого. А твои слова выдают плохо замаскированную истерику. До чего ж ты сентиментальна! Знай, моя дорогая, богиня должна быть вне всего земного. Мы, божества, подобны ветрам, несущим неуловимые неземные ароматы, подобны запахам роскошных садовых, а не полевых цветов. Уверяю тебя, я отнюдь не своенравна и не так кровожадна, какой кажусь тебе. Просто мне известно, что чужой народ нельзя поглотить естественным путем, вернее, на это уходит слишком много времени. И вот я объявляю, что с этой самой минуты дни отдельных народов сочтены...

Лоони прошептала почти беззвучно:

— Значит, происходит то, чего в стародавние дни больше всего опасался великий Пта. Он видел, что вокруг все больше становится жестокости и несправедливости, все меньше жалости и любви к народу, из которого мы, все трое, когда-то в незапамятные времена вышли. И вот оно торжествует, царство злобы и несправедливости. Это то, что мешает Трижды Величайшему богу слиться со своим народом. Он все это предвидел...

Лоони умолкла, заметив, что правительница перестала ее слушать. Зард, в чьей оболочке была сейчас Инезия, бросала по сторонам такие пронзительные взгляды, как будто пыталась разглядеть каждого из огромной массы людей, теснившихся в загородке. Затем богиня в задумчивости произнесла:

— Как же он сбежал? Ну нет, ускользнуть от меня ему не удастся. Отсюда еще никто не выходил живым. Я раздам стражникам портреты Инезио и рано или поздно его задержат. А как только он будет схвачен, меня немедленно известят. Ибо я своими глазами хочу удостовериться, что он мертв,— она повернулась к Лоони и ее губы искривились в зловещей усмешке.— Надеюсь, тебя обрадует такая новость: сегодня поутру я отдала приказ о нападении на Гонволан. И теперь уже никто не в силах остановить махину, пришедшую в движение. События ускоряют ход и развиваются сами по себе. И даже если бы я вдруг передумала, мне самой не удалось бы ничего поделать.

Усмешка превратилась в злобную гримасу.

— А теперь посмотрим, что произойдет, когда один главнокомандующий, хотя и в двух лицах, одновременно разрабатывает стратегию и тактические операции двух враждующих армий... Ну, прощай, дорогая Лоони. Пока что я сохраню твое тело, но только лишь для того, чтобы потом уничтожить вас обеих вместе.

Она повернулась и быстро зашагала к стене, где неподвижно ожидал хозяйку оседланный гримб. А через минут десять множество каменщиков уже споро заделывали дыру в ограждении.

Лоони в нерешительности не знала, что ей делать. Она стоя-

ла у ворот, борясь с желанием броситься в толпу людей, заполнявших загородку. Конечно, это бессмысленно и бесполезно. Даже Инезия при всем своем диком желании немедленно найти и схватить Пта, только поглядев на бескрайнее море людских голов, сразу же поняла, что легче отыскать иголку в стогу сена, чем пускаться здесь на поиски одного-единственного человека. Довольно глупостей. Нужно отправляться в Нуширван, чтобы выполнить свою миссию, решила Лоони, и там уже дожидаться Пта. Ему ведь еще ничего не известно о том, что Инезия объявила войну. И до тех пор, пока они не встретятся в условленном месте, она не сможет рассказать об этом Пта всю правду. Что он предпримет, узнав страшную новость? Этого она не знала. Но самой Лоони нападение Аккадистрана на Гонволан казалось страшной, непоправимой бедой, окончательным смертным приговором, только не одному человеку, а целой стране. Больше того, война может уничтожить даже потенциальное могущество бога Пта, которое он должен черпать из молитв и которого сейчас ему так не хватало.

Лоони охватило безнадежное отчаяние. Неужели ничего нельзя придумать? Однако события приобретали размах, с которым не справиться в одиночку. Итак, уже отдан приказ о наступлении. Богиня дошла до верха злодейства. За ночь тренированные боевые скриры-убийцы Зард Аккадистранской перелетят через древнее море Тета. Для них это невеликое расстояние. Хватит думать об этом. И все же...

Лоони почувствовала острую жалость к телу Найи, которое она вынуждена была оставить здесь. И отправилась в Нуширван.

То и дело перешагивая через носилки, занятые больными, обессиленными людьми, Холройд, тем не менее, за считанные секунды добрался до ближайших ворот. По самому краю территории, отделяющей «больницу», теснилась плотная человеческая масса. Он безжалостно втиснулся в толпу. Но перед этим в последний раз оглянулся.

Холройд увидел, что Лоони все еще борется с человеком, который пытался уложить на носилки брата. Больше никакого движения заметно не было. Особенно пристально Холройд разглядывал женщин: если Инезия была там в оболочке какой-либо больной гонволанки, она все равно не смогла бы проследить, куда он подевался.

Здесь, похоже, он в безопасности. Холройд попробовал выбраться на более свободное место. Там, позади, на один квадратный фут приходилось по одному человеку, впереди — по одному человеку на каждые два квадратных фута. На первый взгляд, разница несущественная, однако теперь он смог передвигаться гораздо свободнее. Ему казалось, что он перемещается в песке или морской воде. Толпа больше не могла задержать его или остановить. Однако чем больше он задумывался над своим положением, тем больше склонялся к выводу, что следует найти какое-то убежище, укрытие, короче говоря, место, где бы он смог без опаски оставить на время свое настоящее тело. Здесь, в

океане бесчисленных двигающихся людей, это сделать невозможно.

Темнело. А он все еще не мог определить, оставаться ли ему около высокой главной стены, огораживающей одну сторону «больницы», где его легко могла затоптать толпа, или же поискать что-то другое. Наверняка все существующие входы и выходы из лагеря охраняют стражники. Он искал себе союзника. И, наконец, подошел к мужчине, который казался не таким испуганным, как все остальные, и смотрел более осмысленно, чем другие. Холройд крикнул ему:

— Эй, приятель, послушай, как бы нам выбраться отсюда? И куда идти? Не знаешь, случайно?

Мужчина мельком взглянул на него и отвернулся.

Он ловил абсолютно бессмысленные взгляды десятков людей. Они были напуганы до бесчувствия и не способны на самостоятельные поступки. Ему казалось, что он бьется головой о непробиваемую стенку. Холройд перестал сопротивляться и пассивно отдался течению толпы. Теперь он медленно дрейфовал в ее круговороте, пытаясь определить свое местонахождение.

Неотступно преследовала мысль: нужно во что бы то ни стало найти место, где его безжизненное тело не затопчут и не раздавят. Физически он был подхвачен людским потоком. Но это до той поры, пока он не найдет надежного убежища, которое оградит бесценную оболочку Пта от внешних опасностей. Свою сущность он сбережет в любом случае, но и над телом нельзя утрачивать власти. Особенно страшная участь ждет его тело, если оно попадется в руки Инезии. А сейчас его плотно держала чудовищная масса людей. И все-таки должен быть какой-то выход, не может не быть.

Услышав чей-то голос, усиленный рупором, он начал озираться по сторонам. И мигом определил направление, откуда раздавался голос. На самом верху центральной стены, футах в пятидесяти от Холройда, стоял какой-то человек и держал в руке рупор. Но что он говорил, разобрать было невозможно. Пока звуки доходили до Холройда, их заглушал равномерный гул толпы. Долетали только обрывки искаженных рупором и расстоянием фраз. Холройд с трудом разобрал:

— Каменщики... столяры... умеющие обращаться с боевыми скрирами... к плотницкой яме... за тем склоном...

Человек расхаживал по стене и все повторял в рупор свой призыв. Сосед Холройда проворчал:

— За тот склон... Да они просто хотят нас заманить. Ищите дураков! Это ловушка... Я с места не сдвинусь...

Ловушка, подумал Холройд, протискиваясь в направлении, указанном человеком с рупором в руках, ловушка так ловушка. Всякую хитрость можно перехитрить. И обреченные все равно рано или поздно изобретут способ защищаться от скрировубийц. Холройд знал, что генеральный штаб Аккадистрана максимально приближал к реальным условиям тренировочные полигоны для огромных птиц.

Плотницкая яма оказалась идеальным местом, откуда ночью

можно будет отправить свою сущность в Нуширван. А между тем совсем не мешало бы познакомиться с боевыми скрирами на практике. Чтобы добраться до дальней стены, ему понадобилось гораздо больше времени, чем он рассчитывал. На последнем квадратном канбе толпа была совсем уже реденькой. Самые отважные мужчины и женщины, рисковавшие приблизиться к крутому склону, добивались единственного — их хватали и уводили первыми. Мощные вооруженные воины разбивали несчастных на группы по сто человек и вели к лазу в стене. Люди отчаянно сопротивлялись, и волли жертв, раздающиеся из-за стены, сливались с криками будущих жертв.

Холройд увидел то, что называли «плотницкой ямой». Это было пространство рядом с дальней стеной, также огороженное со всех сторон. Пока он разглядывал «яму», копьеносец чуть было не загнал его в очередную сотню обреченных. Тогда без раздумий и без всякого стыда Холройд бросился бежать, расталкивая встречных локтями. Прямо перед входом в «яму» стояла толпа ремесленников, а сквозь нее к нему доносился стук деревянных и каменных орудий. В Холройде проснулась надежда, а вместе с ней и присущая ему ярость, и он напролом бросился к входу в «плотницкую яму». Его остановил грубый окрик:

— Назад, кому говорят! Жди своей очереди! Не то проткну, как миленького!

Со всех сторон на него посыпались удары, толчки, пинки. Но напор у Холройда был теперь как у хорошего экскаватора. И минут через пять он оказался у самого входа. Там стояла дюжина могучих воинов. Некоторые из них были вооружены легкими копьями с каменными наконечниками, другие держали в руках луки со стрелами, готовыми в любой момент сорваться с натянутых жильных тетив. На головах у них красовались украшения из перьев — своеобразные знаки различия. Один из них, судя по наибольшему количеству перьев, был офицером. Этот подходил.

Холройд напрягся и вошел в оболочку офицера. Сперва он почувствовал его незначительное сопротивление... Затем:

— Этот человек следующий! — зычно крикнул он и указал на собственное тело, высокое, худое и загорелое, которое бессознательно стояло, зажатое со всех сторон другими людьми. Он дождался, пока два копьеносца схватят тело Пта, вернулся в него и оказался в «плотницкой яме».

Она занимала что-то около двух сотен квадратных ярдов. И тянулась вдоль толстой центральной стены ярдов на сто. Холройд потихоньку осваивался, желая получше разобраться, что здесь происходит. Рядами стояли скамьи, и подле каждой из них работали по одному-два человека. У каждого был горшок с клеем и блестящая пила. Они что-то делали с деревом и камнем. Работающих было больше чем достаточно, и ему стало понятно, зачем на каждого из них приходится по несколько аккадистранских воинов.

Холройд как зачарованный смотрел на человека у ближайшей скамьи, наблюдая, как тот пилит камень. Инструмент

не оставлял никаких следов на пальцах, зато сквозь камень проходил, как горячий нож сквозь масло. Во вспомогательных подразделениях гонволанской армии он видел что-то подобное, но тогда не проявил интереса, теперь же на это не оставалось времени. А жаль.

К нему подбежал какой-то толстяк.

— Ты новенький, что ли? Двигай сюда! Покажу тебе, что делать, и живо за работу. Твой номер триста сорок семь.

Такой же номер был написан на повязке, которую толстяк быстро повязал на левую руку Холройда чуть выше локтя.

— Смотри не потеряй. И никому не позволяй сорвать ее с себя. Каждый, кто отлынивает от работы, и каждый, кого поймают без номера, рискует отправиться к скрирам в числе первых. А так мы идем по числам. Здесь, в яме, нас две сотни одновременно. Все, кроме боссов, сменяются за два месяца. Зато мы получаем кормежку три раза в день, а те, другие, только раз, и то по утрам, и никогда не протягивают больше месяца. Есть разница, верно? Значит, так: с последней партией ушел сто сорок седьмой. Есть еще вопросы?

Холройд невольно посмотрел на номер толстяка. Сто пятьдесят три. Это означает... Это означает, что, возможно, сегодня последний день его жизни. Он не мог оторвать глаз от проклятых цифр и чувствовал, что весь холодеет от жгучей жалости, желания помочь и невозможности это сделать.

— Мил-человек,— сказал Холройд,— я вижу, что ты и в аду не теряешь присутствия духа. Как тебя зовут?

— Мое имя Кред, господин,— автоматически ответил мужчина. И тут же разразился хохотом:

— Хорош бы я был в Нуширване, называя тебя господином! Ладно, пошли со мной.

Холройд тоже усмехнулся и последовал за толстяком. Нет, он все-таки не ошибся, поступил верно, не проявляя могущества своего тела после того, как оно побывало на магическом троне. Теперь он словно очнулся для постижения истины. Все его чувства были обострены, точно у загнанного в угол и вынужденного обороняться зверя. Только тут не было и не могло быть никакого зверя. И никакой обороны. Только наступление! Потому что он был не зверь, а человек — Питер Холройд, капитан танковых войск США, приобретший чудесную и невероятную способность проецировать в кого угодно свою сущность, или душу, или что там есть у него внутри.

Это было потрясающее могущество. Он убедился в этом еще тогда, когда воочию увидел метаморфозы, продемонстрированные Инезией, тогда, когда понял обреченность некогда суверенного Нушируана. Но ему самому это могущество нужно было только для того, чтобы стать равным Инезии, умевшей управлять своим телом и сущностью точно так же, и не только стать наравне, но и справиться с ней, победить ее, уничтожить этого злого демона.

Сейчас он понимал, что и прежде рассуждал достаточно логично. Так и оказалось, как он предполагал: трон — это

всего лишь аккумулятор накопленной энергии и в то же время что-то наподобие детонатора. Магический трон можно было использовать всего только один раз. А настоящее могущество, божественную власть ему помогут получить только искренние молитвы верующих женщин.

Эх, если бы он мог раздвоиться! И подслушать беседу Инезии и Лоони. Никогда раньше запечатанные уста Лоони еще не говорили ему так много. Теперь перед ним смутно вырисовывался мрачный и зловещий план Инезии. Так неужели же она развяжет войну? Если бы ему удалось предотвратить вторжение в Гонволан, богиня уже была бы обречена на гибель.

Она могла быть богиней, колдуньей, дьяволом, кем угодно! Но одну великую истину, касающуюся человеческой натуры, она забыла. Или не принимала во внимание. Или никогда не знала: люди с а м и уничтожат богиню Инезию, если только...

— Ну все, мы пришли,— сказал Кред.

Холройд увидел, что у крутого склона стоит высокий сероглазый и седоволосый человек. Кред отрапортовал:

— Разрешите доложить, маршал,— это новенький. С вашего позволения, я покажу ему, что и как?..

— Да,— сказал старик равнодушно.— Покажи.

Поначалу Холройд заметил только скриров, летающих над огромной ареной взад-вперед. Все пространство вокруг арены было битком набито людьми, словно бы наблюдающими какой-то захватывающий спектакль. Но все, что было вокруг, он едва разглядел. Все его внимание было поглощено скрирами, стаями скриров, роями скриров. Скриры летали звеньями из десятка птиц. Наездник восседал на спине лишь одной птицы из десятка, но и остальные в звене летели слаженно, как самолеты в строю. Вдруг, как будто по неслышимому сигналу, десяток скриров метнулся вниз и спикировал на поверхность арены. И только сейчас Холройд увидел, что под клювами и когтями птиц мечутся обреченные. Сотни мужчин... женщины там были тоже, но их меньше... Жертвы... Голову Холройда как будто обхватил раскаленный металлический обруч. Он не мог оторвать глаз от жуткого, душераздирающего зрелища. Обреченные защищались. На арене разгорелась настоящая битва. В руках этих невольных гладиаторов были щиты наподобие зонтов, которыми они закрывались сверху и сквозь которые тыкали в своих прожорливых противников длинными пиками. Однако гигантские птицы уклонялись от ударов с натренированным проворством и ловко выхватывали с арены мужественных борцов, так же ловко, как малиновка выдергивает червяков с грядки... Все это длилось минуты четыре, не больше. Справа, под высоким навесом, жадно разевая клювы, попискивали сотни птенцов скриров. У них начиналась трапеза.

— Они откармливают молодняк человеческим мясом? — внезапно охрипшим голосом спросил Холройд. Казалось,

маршал не расслышал его вопроса, но Кред оглянулся на Холройда и хотел что-то ему объяснить. Но Холройд яростно закричал:

— О небо! Что за дьявол придумал эту бойню?! И что они могут поделать? Какие-то зонтики и пики?.. Разве это оружие против скриров-убийц?..

Кред пытался что-то возразить, но в это время седой угрюмо произнес:

— А могу ли я узнать...

Он повернулся к Холройду и смолк, широко раскрыв глаза, как будто увидел его впервые. Собственно говоря, так оно и было, потому что вначале маршал даже не взглянул на новенького. Он ахкачал головой, как будто не верил собственным глазам...

— Принц! — выдохнул он.— Принц... Инезио?

Старик упал на колени. Слезы градом покатились по морщинистому лицу. Он схватил руку Холройда и стал ее целовать.

— Я знал, я верил,— бормотал он,— верил, что богиня рано или поздно непременно кого-нибудь пришлет. Я знал, что это бесчинство не может продолжаться без конца. О, хвала богине, хвала богине!

Холройд с трудом сдерживал себя. Это было нелегко, потому что его душила бешеная ярость, и в таком состоянии он был способен разнести все кругом. До сих пор ему более или менее удавалось держать себя в руках. Сам себе он напоминал вулканы Нущирвана — ледяные снаружи, огненные внутри. Две гигантские противодействующие силы как бы уравновешивали одна другую. Но вот равновесие было нарушено. Хвала богине! Что за чудовищная нелепость! Благодарить богиню? За что? Гнусная, бесстыжая, похотливая ведьма! Беспощадная, алчная, кровожадная дьяволица!

Приступ безумной ярости прошел. Он понял, что маршал узнал в нем Инезио. Что ж, вера старика в мудрую и справедливую богиню еще может пригодиться в дальнейшем. Он мягко сказал:

— Встаньте, маршал. И постарайтесь сохранить свою веру живой на все предстоящие дни. Богиня действительно послала меня сюда,— солгал он без малейшего зазрения совести,— и наделила огромными полномочиями для борьбы со всеми этими ужасами...

И снова страстно спросил:

— Но неужели, маршал, вы, с вашим огромным военным опытом, не могли придумать против птиц-убийц оружия получше, чем жалкие деревянные зонтики и пики?!

Маршал выпрямился. Удивительно, как изменилось выражение его лица. Под глазами у него все еще блестели слезы, но он решительно вытер их и твердо сказал:

— У нас кое-что есть получше, мой господин. Да... Я здесь вот уже семь лет — с тех самых пор, как эти негодяи начали похищать граждан Гонволана. И я придумал, как бороться

со скрирами. У меня есть опытный образец, который можно дать людям,— он указал на арену, где в кровавом месиве еще копошились гигантские птицы,— чтобы испытать в деле. Извольте взглянуть!

Он быстро сбежал по ступеням и вернулся, неся в руках легкий шест с развилкой на конце.

— Взгляните! Шест из обычного гандового дерева. Он длинный, прочный и легкий. Один конец в виде рогатки. Когда скрир нападает, защищающийся захватывает рогаткой шею птицы, затем втыкает конец шеста в землю. Смею заметить, скрир — птица очень интересная, но не слишком умная, с ограниченными способностями к самообучению. Вот тех,— он снова указал вниз,— тренируют так, чтобы они уклонялись от ударов пикой. Однако если их поражают, они все же падают вниз на арену и давят людей своей массой и жесткими кожистыми панцирями, служащими им защитой. Я не исключаю, что и того бойца, который захватит скрира рогаткой, птица может раздавить своей тяжестью. И все же скрира, пригвожденного к земле, легче поразить стрелой или пикой. Многие, конечно, погибнут, но, как вы сами убедились, у них появится реальная возможность обороняться. Если вы прикажете, то со следующей сотней я пошлю несколько человек, вооруженных шестами.

— Добро,— сказал Холройд,— пошлите пока двоих. Они, разумеется, не смогут сдержать натиск полчищ скриров, но мы хотя бы увидим шесты в деле.

Не следовало этого делать, подумал он, нельзя, чтобы богиня как-то связала перемену в тактике гладиаторов с моим исчезновением в толпе. И все же он не мог удержаться от радости, когда увидел, что вооруженные рогатками бойцы убили четырех скриров, прежде чем их атаковали со всех сторон и заклевали огромные птицы.

Это было то, что нужно.

Теперь он был уверен в этом. Конечно, пройдет еще немало времени, прежде чем гонволанцы успеют изготовить достаточное количество шестов с развилками. Но и это пригодится в дальнейшем. Эх, жаль, что у него не остается хотя бы одного лишнего дня. Сегодня ночью он должен непременно бежать. Каждый час промедления дает богине лишний шанс для его поисков. Если его поймают, все будет кончено! Ночью он обязательно сбежит — сегодня ночью!

По приказанию Холройда его уложили на носилки. Маршала и Креда он предупредил заранее, и поэтому они не выразили ни страха, ни удивления. Для начала Холройд занял тело старшего офицера, командовавшего людьми, раздающими пищу. Затем Холройд-офицер приказал, чтобы носилки подняли и понесли. Два стражника беспрекословно выполнили распоряжение, остальные приняли его как должное.

Они пошли по коридору, который вел в ярко освещенное здание, где сильно пахло кухней — видимо, там и готовили

сду для пленников. Дальше коридор раздваивался — одна часть градусов на сорок пять отклонялась вправо, другая, создавая с первой прямой угол, вела влево. Большинство снующих по коридору людей сворачивали налево, поэтому Холройд велел нести носилки со своим телом направо. Они подошли к двери и уже стали спускаться по каменным, слабо освещенным ступенькам, как вдруг дежурный охранник привстал со своего места и посмотрел на лежащее на носилках тело. Он пытался что-то сказать, но сущность Холройда уже успела перетечь в его сознание.

Решительным шагом дежурный вошел в здание и возглавил процессию, двигаясь по коридору по направлению к открытой двери, которую Холройд заметил чуть раньше, проходя мимо со своими людьми. Там, в комнате, сидели какие-то люди и пили из кружек какую-то бледно-красную жидкость, что-то наподобие виноградного сока. Тут Холройд оставил тело дежурного охранника и перешел в другую оболочку. Человек, в которого он вошел на этот раз, был, по-видимому, рангом повыше и управлял другими. Ведомый Холройдом, он торопливо зашагал вслед за несущими носилки стражниками.

Они вышли на длинную широкую улицу, еле озаренную светом. С одной стороны улицы вела высокая и толстая сплошная стена. Вид этой стены заставил Холройда похолодеть. Он почувствовал нервную дрожь. Стена! Это была внешняя сторона лагеря гонволанцев, из которого ему первому и единственному удалось вырваться живым. Он заметил, что по верхнему краю стены вышагивают патрульные охранники. Один из них остановился и подозрительно посмотрел сверху на неподвижную фигуру Пта, лежащую на носилках.

— Вперед по улице! — скомандовал Холройд ожидающим дальнейших приказаний носильщикам.— Там есть повозка, она и приберет эту падаль...

Он уверенной походкой шагал впереди стражников, окидывая окрестности быстрыми цепкими взглядами. Они оказались на холме. Справа заканчивалась стена, отделяющая страшную арену, за ней начиналось открытое пространство. Налево расходились несколько улиц с разбросанными там и сям домами. Улицы вели прямо к городу, за которым просматривалась гавань со стоящими на приколе кораблями.

Холройд бросил взгляд в сторону города. Можно было, конечно, двигаться прямо по дороге и добраться через город до гавани. Путь займет немало времени. И все же... Донести носилки до берега, завладеть оболочкой капитана одного из судов и... Нет, погоди! — остановил он сам себя. Черт побери! Холройд почему-то совсем забыл о своем сверхъестественном свойстве переносить свою сущность в других людей. В самом деле — что такое захватить корабль? Этого мало. Скорость судов относительно невелика. Можно ведь завладеть скриром и долететь до Гонволана всего за несколько часов. Корабли и все прочее слишком медлительны по сравнению с подобным способом передвижения.

Холройд заметил, что вышел в сопровождении стражников, несших носилки, на открытое пространство. Он указал людям на небольшую рощицу невдалеке.

— Положите его там, внизу,— велел он и отпустил стражников. Они отправились обратно по дороге с чувством хорошо выполненного долга, в полной уверенности маленьких людей, что они все сделали как положено, а иначе и быть не может.

Как только они исчезли из виду, Холройд отправил за ними следом и офицера. Весь путь назад мимо стены до самого здания он оставался в нем, затем вернулся в тело Пта. Усмехнувшись, он вскочил с носилок и стал легко спускаться с холма вниз. Темнело, здесь, в стороне от городских кварталов, освещенных факелами, его никто не увидит. Это вполне устраивало Холройда.

Он удивился, что офицер, в оболочке которого он только что был, прежде чем выполнять его мысленные приказания, обдумывал их. Это очень странно. Обычно так не бывает, когда управляешь кем-либо. И если у офицера в памяти все-таки остались какие-то смутные воспоминания о совершенных поневоле действиях, он сумеет убедить себя, что действовал не по чужой указке, а сам себе был хозяином. Честно говоря, в глубине души Холройд очень рассчитывал на такой исход.

Он свернул на проселочную дорогу, вдоль которой стояли какие-то строения, напоминающие фермы. Вот то, что ему надо. Он взглянул на запад, где вовсю полыхал закат, и понял, что самое большее через полчаса над землей опустится кромешная мгла. Холройд понаблюдал за фермами и только в одном здании заметил какое-то движение.

Довольно долго ему пришлось повозиться с засовами загона для скриров. Наконец он открыл загон и проскользнул внутрь, никем не замеченный. В темноте он увидел сверкающие глаза птицы — они двигались то вверх, то вниз, то направо, то налево. Холройд догадался, что птица раскачивает длинной шеей. С трудом сдерживая нетерпение, Холройд подошел поближе. Скрир не сопротивлялся, когда он надел на него седло и набросил удила. Оно и понятно. Это было домашнее животное, смирное и послушное, а не боевой скрир-убийца. Он вывел птицу из загона и после нескольких неудачных попыток все-таки взобрался в седло.

Когда Холройд взлетел, держа курс на море Тета, на востоке взошла здешняя, непривычно низкая луна. Стало светло, как днем. Скрир держался поблизости лесистого берега. Потянулись нескончаемые холмы и леса. А может быть, ему так только казалось. Ведь вот уже который час он летел на скорости не меньше, чем миль сто в час.

Если бы, думал Холройд, если бы только ему удалось найти хоть какое-то убежище, любое укрытие в любом месте, лишь бы он был спокоен за свое тело, пока спроецирует сущность в Нуширван!

Прошло еще полчаса, а ничего подходящего он так и не придумал. Вдруг в голову Холройду пришла неожиданная идея.

Он оглянулся на хвост скрира. Отлично! Намотав на ноги стремена и раскинувшись на широкой спине птицы, он оказался в идеальном убежище и находился в большей безопасности, чем где-либо на земле! Придя к такому выводу, уже через минуту Холройд оставил свое тело далеко позади.

Теперь он как бы зондировал своей сущностью тьму, исследуя бесконечное пространство в окружающей его ночи. Да, он научился многому. Знал, что такое передвижение отличается от любого другого, и понимал, в чем разница. Самыми простыми и легкими были короткие сориентированные броски на расстояние в несколько ярдов.

Он чувствовал, что его несет вперед как бы сама ж а ж д а движения, та радость, которую доставляло ему перемещение без всякой оболочки. Холройд сделал остановку, уравновесился и прощупал все вокруг. Может быть, он рассчитывал хотя бы на какой-то ориентир. Но вокруг не было видно света, не было слышно шума — вообще ничего вещественного. Как будто вся Вселенная была соткана из одной только черной безмолвной пустоты. Он был совершенно один в необозримой пустыне.

Поколебавшись, Холройд вернулся в свое тело. Некоторое время он спокойно лежал на спине скрира, потом повернул голову в ту сторону, где должен был, по его расчетам, располагаться Нушырван, и снова начал зондировать мрак.

Вдруг ему пришло в голову... Чего он добивается? Почему так поступает? И откуда ему известен такой способ передвижения? Инезия что-то говорила об этом... Что невозможно без воды как катализатора управлять своей сущностью, когда она... да, когда она вне тела... А может быть, подумал Холройд, я просто очень высоко в воздухе?

Он насильно заставил себя отправиться в н и з. Ему показалось, что он падает стремглав с огромной высоты, но он пересилил себя. Плавно скользя вниз, Холройд почувствовал наконец какое-то сопротивление среды. Что это? Что-то очень знакомое. По мере того как он опускал свою сущность, сопротивление становилось все сильнее и сильнее. Вода? Он не был в этом уверен. На первый взгляд, немного напоминало ощущение, возникавшее, когда он входил в тела или покидал их. Но первое впечатление быстро рассеялось. Тут было что-то совершенно другое. Более глубокое и неприятное воздействие: соприкосновение казалось недоброжелательным и почти насильственным. Все-таки это вода. Он все еще над морем Тета.

Холройд проверил себя и убедился, что под ним действительно была вода. Тогда он заторопился. Наверно, он все-таки был неподалеку от противоположного берега, потому что всего через несколько минут он уже почувствовал отличие. Земля!

Нельзя было останавливаться — ведь впереди горы, на сотни миль отделяющие его от великой столицы Котахей. Он точно рассчитал расстояние и опустил свою сущность туда, где клубились сильные и грубые сгустки плоти, выдавая наличие живых существ. Он приблизился к первому же встреч-

ному живому существу и вдруг получил сокрушительный удар, наподобие удара электрическим током!

Это была женщина! Осторожней, подумал Холройд. К следующему существу он подбирался уже с опаской, но там не было чужеродной ауры и не было противодействия. Он вошел в тело и очутился в кабачке маленького городка. Немного освоившись, Холройд понял, что находится милях в двадцати пяти к северу от столицы Нуширвана.

Следующая оболочка принадлежала стражнику, идущему по рыночной площади в пригороде Котахея. Потом было недолгое стесняющее ощущение от разноцветных строений и звонких детских голосов, и он тут же поменял тело. И вот он во дворце Нушира. Холройд вошел в оболочку одного из секретарей Нушира, крупного усача, которому было точно известно, что в сию минуту правитель находится в соседних покоях вместе со своей супругой Калией.

Со своей женой Калией, улыбнулся Холройд, немного волнуясь, и заставил усача удалиться. И через минуту смотрел на Калию уже глазами самого Нушира. Жена правителя тоже улыбнулась ему. Она говорила:

— ...Важно во всех крепостях и фортах ввести такой порядок, чтобы женщинам не давали никакого оружия и размещали их отдельно от мужчин. Немедленно отправьте полномочных послов к вождям мятежников — маршалу Маарику, маршалу Дилину, полковникам Ларго, Сарату, Клауду и другим. Обещайте им возвращение всех похищенных граждан Гонволана и свободный проход через нашу страну. Объясните, что не можете противостоять Зард Аккадистранской, которая одновременно является Инезией...

Холройд мягко прервал ее:

— Повремени с инструкциями, Лоони. Я прибыл сюда только для встречи с тобой. Наконец мы сможем быть вместе... как люди. И обнять друг друга после долгих веков разлуки...

Лоони долго ничего не отвечала. Потом на глазах белокурой пухленькой Калии блеснули слезы. Руки у нее задрожали. Она подалась на троне вперед и прошептала:

— Пта!

Она вскочила, бросилась к нему, схватила за руку.

— Пта! — вскрикнула она.— Пта, Инезия отдала приказ о нападении. Понимаешь, что это значит? Она уже отдала приказ.

— Что ж, это неплохо! — ответил Холройд.

Должно быть, эти слова, произнесенные голосом Нушира, прозвучали иначе, чем если бы говорил он сам, потому что Калия вдруг отшатнулась от него и с ужасом поглядела в блеклые голубоватые глазки Нушира.

— Не делай глупостей! — предупредил Холройд Лоони.— Сейчас мы все равно ничем не сможем помешать ей. Пусть... Пусть пытается добиться своего. Но если я правильно все понимаю, что бы она ни сделала, все обернется против самой

Инезии. Жаль, конечно, тех бедняг, которые уже обречены на гибель, но мы не должны давать волю эмоциям и не можем себе позволить опрометчивых поступков.

И не давая ей опомниться, продолжал:

— Поскольку Нуширу теперь известен наш секрет, нужно точно определить, на чьей стороне он намерен держаться в дальнейшем. Я надеюсь только на то, что дьяволица, замышляющая нападение Аккади...рана на Гонволан, не станет тратить времени на мысли Нушира Нуширванского. В конце концов я пообещаю ему, что он будет править до глубокой старости. Хотя и ему не помешает провести кое-какие реформы в системе правления. Я имею в виду ограниченную парламентом пожизненную монархию. Хотя что это за парламент такой — восемьдесят—восемьдесят пять миллионов человек! Ладно, не в том беда, что их так много. Гораздо хуже, что они давным-давно оторвались от интересов своих избирателей...

...Местные правительства, мне кажется, работают лучше. Не вижу причины, почему бы не сделать династию Нушира наследственной. Он может принять это предложение или отвергнуть. Но, я уверен, у него есть основания согласиться.

Холройд замолк, уловив устремленный на него трагический взгляд Лоони. Он вспомнил, что его тело находится на спине огромной летящей птицы. Да, если бы он знал, что эскадроны боевых скриров Зард уже выступили в поход, то вряд ли оставил свое тело привязанным к спине птицы. Это оказалось вовсе не такое уж надежное место, как ему чудилось недавно. Он поспешно сказал:

— Главное — нам нужно соединиться физически. Чтобы сделать это, мне необходимо определить, где сейчас находится мое тело. Мне потребуется твоя помощь.

Холройд рассказал Лоони, как похитил скрира, как полетел от фермы на юг через море Тета, как свернул потом на запад к безлюдным берегам Гонволана. Лоони подхватила:

— Ну, конечно, там, на востоке от города Пта, есть огромный лесной массив. Если ты последуешь прежним курсом, то вскоре окажешься над заливом. Там сливаются три реки и впадают в древнее море Тета. У южного берега в дельте есть несколько небольших островков. Жди меня там. Я появлюсь в теле, в котором ты видел меня, когда я карабкалась на Большой Утес,— она улыбнулась,— это единственное свободное тело, которое я могу свободно занимать пока...

Помолчав, она спросила:

— Есть ли у тебя план, Пта? Я говорю о н а с т о я щ е м плане, который поможет навсегда низвергнуть или уничтожить богиню Инезию.

Холройд задумчиво ответил:

— Видишь ли, у меня есть одна теория... Я твердо верю в человеческую натуру, которую всегда недооценивала Инезия. Кроме того, мне удалось наладить изготовление оборонительного оружия, которое спасет и сбережет миллиарды человеческих жизней. И еще... Теперь я обладаю великолепной воз-

можностью проникать в мозг любого человека, где бы он ни находился и кем бы он ни был, хоть стражником, хоть правителем. И все же... Если Инезия ухитрится захватить мое настоящее тело, прежде чем я буду готов действовать против нее, это погубит нас с тобой обоих. Вот пока все, что я могу тебе ответить.

Голубые глаза Калии смотрели на возлюбленного с тревогой и заботой, но гладкое лицо Нушира ничего не выражало. Лоони спросила:

— Сколько тебе потребуется времени, чтобы начать действовать против Инезии?

Холройд вздохнул. Как бы ему хотелось, чтобы Лоони не задавала подобного вопроса! На него слишком сложно ответить. Первоначально он рассчитывал на четыре-пять месяцев. Но если принять во внимание, что он собственноручно подписал смертный приговор Лоони с отсрочкой на полгода, и учесть прошедшее с тех пор время, оставалось не больше пяти месяцев. Вспомнив об этом, он невольно вздрогнул. Через пять месяцев боевые скриры Зард учинят на севере Гонволана большую бойню. Погибнут сотни миллионов людей. Мужчины, женщины, дети... Он представил себе города, сдающиеся на милость захватчиков и стертые с лица земли. Бедствия, разруха, голод, эпидемии... Воцарится хаос, и это будет не поддающимся описанию концом света.

Страшно! И все же дело может обернуться именно так. Достаточно вернуться в памяти к сорок четвертому году, к концу второй мировой войны. Человечество уже прошло через подобный ад. И он не должен повториться. Нельзя только поддаваться панике, нужно убить в себе страх и терпеливо готовить час, когда с дьяволицей Инезией будет покончено одним решающим и сокрушительным ударом.

Холройд оторвался от воспоминаний и торопливо сказал:

— Ладно, увидимся в дельте на одном из островков, и там я посвящу тебя во все подробности. А теперь мне пора. До свидания, родная...

Через несколько минут он вернулся в свое тело. А вскоре увидел впереди внизу серебряный блеск трех рек, сливающихся в одну перед впадением в древнее море Тета.

Через два дня к нему прибыла Лоони.

На островке царила мирная идиллия. Это был небольшой зеленый рай, совершенно изолированный от большого мира. Деревья в леске ломились под тяжестью фруктов. Здесь не было хищных зверей и птиц, и ничто не нарушало покоя новых Адама и Евы, скрывавшихся на острове,— худощавой загорелой женщины и высокого темноволосого мужчины. Они ждали, когда к Пта вернется былое и утраченное могущество, которое означало бы, что женщины всей страны у своих молитвенных жезлов молятся за мужей и возлюбленных... Если бы такое произошло, то вероятная победа стала бы совсем близкой. Дни шли за днями, недели сменялись неделями...

Время растянулось до беспредельности. Лоони и Пта проецировали себя в чужие тела на всех континентах земли. Они становились правителями и маршалами, высокопоставленными чиновниками и их женами, замковыми владыками и мятежными командирами. Это была медленная, нелегкая, кропотливая работа, напоминающая Холройду рытье окопов и траншей. Континенты были огромны, на земле жили миллиарды людей. И слишком у многих мозги были оболванены и порабощены, слишком многие мыслили скудно и несамостоятельно, слишком многие жили в рабском страхе, слишком многие уже ничего не желали. В провинциальных городках и селениях люди твердили с пеной у рта:

— Но ведь богиня не объявляла о войне с Аккадистраном! Но ведь богиня не уведомила нас! Где свиток с высочайшим указом? Ты говоришь неправду!

«Богиня не уведомила нас!»

Да, богиня не уведомляла. Однако слухи просачивались, как вода сквозь пальцы. Торговцы, чьи междугородные караваны скриров и гримбов возвращались с пустыми седельными сумками, начинали все громче роптать. И никто не мог заткнуть им рты и заставить молчать о том, что творится на границах страны. Беженцы, тащившиеся с котомками на плечах, разносили по всем дорогам с севера на юг вести о терроре. Но от богини Инезии все еще не было никаких официальных сообщений. Холройд представлял, как она сидит где-то вдали, плетет сети интриг и плевать хотела на то, что думают о ней люди.

Однажды Лоони и Холройд были в Пта. Той ночью на мегаполис обрушилась беда. Лоони и Холройд занимали в это время тела некоей супружеской пары. Они стояли на холме и любовались прекрасным видом города и моря. Но вот они заметили приклеенный на стенку дома плакат и стали читать его:

«Чтобы боевые скриры Зард не имели ориентиров, ночью в городе будет полностью отключено освещение. Война обрушилась на нашу землю из-за бессмысленных призывов безбожных мятежников к нападению на Нуширван. Верьте в богиню! Хвала богине! О Дайан! О Колла! О великий Ред! О Пта!»

Холройд сказал с горечью:

— Странно, как она раньше не додумалась, что нападать нужно в темноте. Ведь это будет только на руку атакующим и сильно затруднит оборону. Но мы многое еще увидим...

Лоони очень хотелось поскорей войти в дом и запереть дверь изнутри. Однако она промолчала. Становилось все темней. Облака заволокли небо над головой. Лежащий внизу город погрузился во мрак. Вот тьма накрыла уже ближайшие выступы зданий. Но где-то там, во мраке, пусть невидимый и неосязаемый, город все еще жил. Вечный город Пта, город Сияющего, древнее жилище Трижды Величайшего, божественного владыки веков...

И вот этот город лежал теперь во тьме! Впервые за всю

его многовековую историю в Пта не было света. Мегалополис растворился в ночи, потерял очертания, слился с темными бесформенными силуэтами западных гор.

Из темноты к Холройду медленно подошла Лоони. При свете звезд, еле различимых в разрывах облаков, он разглядел ее странное, печальное лицо.

Лоони прошептала:

— Давай что-нибудь придумаем! Нельзя же оставаться просто зрителями, Пта! Девять золотых городов на западе уже пали. На востоке разрушены до основания Лира, Гали, Ристерн, Танис... На северо-востоке нет больше сорока четырех городов. На восточном побережье не сохранилось ни единого. На севере уцелел только величественный Калурн...

— А сегодня ночью падет и сам город Пта,— внешне бесстрастно сказал Холройд.— Нет, Лоони, мы ничего не можем сделать. Даже если вмешаемся и попытаемся кого-то спасти, польза от нас окажется ничтожно малой...

Он замолчал. Лоони почувствовала, как он весь напрягся. Его темный смутный силуэт повернулся: Холройд вглядывался в сторону северной окраины.

Потом Холройд сказал:

— Ты слышишь?..

Лоони прислушалась. Сперва ей показалось, что это вой ветра, предвещающего циклон. Но нет! Это был не вой ветра. С черного неба на севере долетал ужасающий клекот:

— Ск-к-к-р-р-р-и-и-и-р-р-р...

Первый звук прозвучал как сигнал. Потом по округе пронесся громом страшный, чужой, грубый крик огромных прожорливых птиц. Сто тысяч, пятьсот тысяч, д е с я т ь м и л л и о н о в летающих скриров-убийц орали в поднебесье. Ночь превратилась в кровавый кошмар, в страшную бойню.

Позже, когда все осталось уже позади и они очутились на своем тихом зеленом острове, Холройд неистовствовал:

— Пусть только попадется мне в руки, я разорву ее на мелкие кусочки, я смешаю ее...

Потом его ярость поутихла. Теперь он и в самом деле знал, что собирается сделать с Инезией, женщиной-демоном, когда она попадет к нему в плен.

Но не везде города были так же беззащитны перед захватчиками, как Пта. В битве за Гонволан большие и малые отряды сражались со скрирами с помощью шестов-рогаток и пик... Подтягивалась регулярная армия. Холройд знал о больших успехах на востоке, где подразделения на скрирах защищали от оккупантов каждый квартал, каждую улицу, каждый дом... Иной раз они побеждали, держались день, неделю, пока генеральный штаб нападавших не собирал силы для удара и превосходящими силами боевых скриров подавлял любое сопротивление.

Холройду казалось, что в истории войн еще не было столь огромной армии, подобной той, какую удалось собрать Гонволану. Она была так велика, что любых запасов продоволь-

ствия хватало от силы на несколько дней. Огромные количества людей, оголодавших и обезумевших от голода, начинали поедать своих гримбов и скриров, с подозрением косясь друг на друга. Два раза Холройду привелось увидеть, как люди ели человечину...

И все же ему не оставалось ничего другого, как только ж д а т ь и ж д а т ь. Не раз они вдвоем с Лоони устраивали военный совет, не раз разрабатывали планы: женщина в мертвом теле утопленницы и мужчина, в чьем божественном теле поселился дух давным-давно развеявшегося в прах танкиста из сорок четвертого года двадцатого века... Темные глаза Холройда с каждым днем горели все более неистовым огнем. Потому что он видел: каждый день увеличивает и множит ужасы вокруг. В нем нарастал божественный гнев Пта. Настанет день, когда этот могучий гнев изольется на Инезию.

— Меня все мучает загадка этого пресловутого божественного могущества,— со вздохом сказал Холройд как-то ночью, когда они с Лоони сидели на пригорке, поросшем мягкой травой, у себя на островке.— На самом деле все это достаточно просто. Во-первых, ты обладаешь способностью проецировать свою сущность, которую в мое время называли душой, в других людей. Во-вторых, можешь переносить свое тело в любую точку пространства. Вот, собственно говоря, и все. К этому мало что можно добавить. Разве что способность оказывать воздействие на ткань времени, соединяя п р о ш л о е и б у д у щ е е. В недавнее прошлое можно проникать — с трудом, медленно. Но, используя спирали времени, гораздо легче перескакивать с параллельной точки одного витка на другой. Вот так Инезия заставила меня совершить п р ы ж о к в двести миллионов лет. Есть и другие виды могущества. Например, мысленное путешествие, в которое брала меня с собой золотоволосая богиня. Но самое удивительное для меня — это уровни магической защиты Пта. Ведь это не более чем гипноз! Всего лишь игра воображения, имеющая значение лишь для тебя и Инезии. И несмотря на то, что Инезия верит в свое всемогущество, даже она не в силах прыгнуть выше головы, выйти за рамки возможного...

Лоони тихо откликнулась в темноте:

— Знаешь, старый и мудрый Пта хорошо понимал природу человеческого мышления. Он обнаружил, что человеческое сознание на протяжении долгого времени не может следовать больше, чем шести-семи программным установкам. Если ты задумаешься над защитными чарами, которыми окружил себя Пта, то поймешь, насколько тщательно он их выбирал.

Холройд устало кивнул. Больше в ту ночь они на эту тему не говорили.

Однако почти через месяц Холройд вернулся к той давней беседе:

— Ты хорошо знала прежнего Пта... Ответь мне: что он любил? Зачем ему нужно было воплощаться в человека? И

для чего он стремится к слиянию со своим народом? Судя по внешним проявлениям и ничтожным результатам, это было величайшей ошибкой... Ни к чему хорошему не привело...

Худощавая женщина покачала головой:

— Ты не видишь себя со стороны, Питер Холройд. А я вижу. Ты становишься Пта, каким я его знала, прежним Пта, великим, мудрым, неукротимым Пта. Погляди на себя, говорю я тебе, и ты увидишь Пта таким, каким он был,— она закончила совсем беззвучно,— и таким, каким он станет.

Холройд хотел было возразить, но Лоони ему не позволила:

— Разве все эти ужасные бедствия произошли из-за стремления Пта слиться со своим народом? Пта говорил: в мире становится все больше бесчеловечного, злого, темного, несправедливого, ложного... И все это можно перебороть, только вернувшись к источнику божественной благодати — жизненной стойкости людей. Если чаяния Пта сбываются, то не надо бояться бедствий: чем больше вокруг греха и гибели, тем сильнее это подтверждает, что впереди возрождение надежды. А что касается твоих сомнений, могу смело ответить тебе: все, чего желал бы сам Пта, я вижу теперь в тебе. Ты без рассуждений чутьем ощущаешь, что такое истина, а что — всего лишь ее видимость, ты борешься за справедливое дело и веришь, что зло будет наказано, ты умеешь применяться к обстоятельствам и побивать врага его же оружием и в то же время не жертвуешь ни одним из своих добрых свойств. Не терпишь пороков, но не теряешь честных намерений.

Холройд почувствовал, что она затаила дыхание. Потом, осмелев, еле слышно спросила:

— Пта, ты чувствуешь себя... сильнее? Твое могущество... р а с т е т?

Холройд ответил не сразу. Он искал ответа в самом себе. И, кажется, нашел его:

— Да... да, я чувствую...

Так прошло сто двенадцать дней и ночей. Каждый день Холройд с помощью Лоони устраивал себе проверку. И вот, наконец, у него получилось то, чего он раньше не умел делать. Теперь он мог п е р е м е щ а т ь с в о е т е л о в любую точку пространства. И на сто тринадцатое утро они с Лоони смогли отправиться в путь, не используя воду в качестве катализатора.

Перед тем как пуститься в дорогу, они прошли по своему островку, где пережили самые счастливые часы своей близости. Холройд и Лоони посмотрели друг на друга и сдержанно улыбнулись.

Время действовать пришло.

Подобно привидениям, они прошли сквозь толстую каменную стену запечатанной темницы, где долгие века томилось в заточении настоящее тело Лоони.

Немало времени они потратили на то, чтобы расковать

цепи. Пила не могла перегрызть магический металл. И все-таки им удалось освободить безжизненное тело темноволосой богини. Потом они поместили на место Лоони оболочку худощавой утопленницы, чтобы в первую минуту казалось, что в цепях кто-то есть.

— Не кажется ли тебе,— спросила Лоони,— что ради моего тела не стоило так рисковать? Разве оно столь уж важная птица? Смотри, с каким трудом мы освободили его из оков! В конце концов ты сможешь дать мне другое тело, и я заняла бы его и в нем встала бы в круг власти. И все же я уверена — как только Инезия узнает, что ты жив, она явится сюда, чтобы уничтожить мое настоящее тело.

— Не будь столь безрассудной и неосторожной,— проворчал Холройд.— Твое настоящее тело необходимо нам хотя бы для того, чтобы подстеречь Инезию и заманить ее сюда. Ну, дорогая, давай вступай во владение своей законной собственностью! А потом мы просочимся в соседнее помещение. Тела нам снова понадобятся, когда путешествие закончится. И вообще... Бросать свои тела где попало — просто опасно сейчас!

— Следующая станция,— мысленно пошутил он,— дворец Гадира в Аккадистране...

И сразу же оказался у окна, из которого открывался вид на величественную столицу Аккадистрана. Холройд повидал уже немало городов, и этот, как ему показалось, почти ничем от них не отличался — богато украшенные постройки из бетона и мрамора... Здесь, во дворце, Холройд очутился в оболочке важного государственного чиновника по имени Дальд. Это давало ему возможность осуществить задуманное. Вдруг краем глаза он заметил, что одна из женщин, находящихся в том же зале, небрежно скрестила пальцы на руке. Холройд обернулся и посмотрел на нее более внимательно. Ошибки быть не могло, это подавала ему знак Лоони. Обычно они договаривались заранее о системе знаков, чтобы не случилось недоразумений. Вот и теперь они загодя определили, что будут делать во дворце.

Холройд подошел к Зард с льстивой улыбкой царедворца и, как только она узнала Дальда, вонзил ей в сердце кинжал. Он не испытывал никаких укоров совести. Да, это был коварный и безжалостный удар! Но нанося его, Холройд помнил о миллионах погибших, о миллионах жертв, разорванных скрирами на куски. Он думал: неважно, кем и как будет уничтожено тело, занимаемое Инезией, гораздо важнее было сделать это!

Придворные в ужасе отшатнулись. Кто-то рядом с ним закричал нечеловеческим голосом:

— Дальд, ты убийца!

Холройд даже не пытался защититься, когда подбежали со всех сторон стражники. Копья пронзали тело чиновника, причиняя Холройду страшную боль. Каждый удар отдавался в мозгу, каждый нерв кричал от невыносимой боли.

В зал вбежал первый министр Аккадистрана и запричитал

при виде распростертого тела бездыханной правительницы. Ошалевший от боли Холройд немедленно переместился в его тело. После недолгой паузы первый министр сделал заявление:

— Немедленно соберите кабинет. Маршал, поручаю вам поставить перед генеральным штабом вопрос о выводе наших войск из Гонволана. Стража, сию же минуту очистите помещение. Главное — удалите отсюда всех женщин. Я разрешаю остаться только брату и сестре покойной.

Лоони была сестрой Зард.

Одна из женщин оказала стражникам яростное сопротивление. Она закричала:

— Ты опоздала, Лоони, опоздала! Ты слишком долго раздумывала и упустила время. Через три месяца Гонволан будет оккупирован весь целиком. А теперь, глупая девчонка, я отправляюсь во дворец-крепость и там, наконец, уничтожу твое настоящее тело!

«Женщина, ты переоценила свои возможности,— с мрачным удовлетворением подумал Холройд.— Тебе даже в голову не приходит, к т о убил Зард, иначе ты бы не считала этого человека всего лишь жалкой игрушкой в руках Лоони».

Вслух он обратился к окружающим:

— У этой дамы, должно быть, истерика! Она сама не ведает, что говорит...

Лоони в облике сестры Зард подошла к нему и шепнула:

— Смотри-ка, она даже не подозревает, что ты на самом деле жив. Сейчас она отправится во дворец-крепость, а там спустится в запечатанную камеру подземелья. Мы должны оказаться там раньше нее. Давай оставим этих людей на время.

В одно мгновение ока и даже быстрей — так быстро, что это не поддается человеческому воображению, они пронеслись сквозь пространство, заняли свои собственные тела и очутились в полумраке темницы.

Они ждали прибытия и появления Инезии. Вдруг в камере стало немного светлей. Над полом закружился голубоватый мерцающий шар, потом от него отделился неясный силуэт женщины, нечто наподобие тени. Затем Инезия материализовалась и оказалась лицом к лицу перед Холройдом и Лоони.

Лоони обратилась к ней:

— Как мило, дорогая Инезия, что ты не заставила себя ждать, не обманула наших ожиданий и пришла сюда сама.

Золотоволосая богиня удивленно распахнула голубые глаза. Не в силах произнести ни слова, она молча смотрела на Лоони, потом перевела взгляд на Холройда. На лице у нее отразился ужас.

— И не пытайся выйти из своей оболочки,— сурово предупредила ее Лоони,— не пытайся звать на подмогу. Во всех внутренних покоях мы разместили стражников и приказали не пропускать никого, кроме богини. Ни одна другая женщина не пройдет сюда...

Лоони присмотрелась к Инезии и закричала:

— Не медли, Пта! Давай сюда цепи! Она пробует растаять...

Время, казалось, растянулось во много раз, секунда равнялась часам. Холройд, как безумный, бросился к Инезии и схватил ее... Нет, то была уже не она, то была ее ускользающая, растворяющаяся плоть. Виток за витком он набрасывал на тающее тело холодные и неразрушимые магические цепи. Тошнота подступила у него к горлу, когда Лоони поспешно поднесла ему расплавленное металлическое звено. Не теряя времени, Холройд запаял его и тут же остудил холодной водой, чтобы держалось покрепче.

Что и говорить, работенка на их долю выпала не из самых приятных. Однако теперь ни один человек в мире не смог бы разорвать магические цепи.

Облегченно вздохнув, Лоони обратилась к поверженной сопернице:

— Ни о чем не беспокойся, дорогая. Ты останешься здесь, в заточении, до тех пор, пока Пта не станет достаточно могущественным, чтобы окончательно уничтожить твою способность находиться в круге власти. Затем ты снова станешь простой смертной женщиной, и тебе будет позволено жить так, как ты пожелаешь и где ты пожелаешь. Тебя окружат роскошью и комфортом. Ответь, могла ли ты рассчитывать на столь мягкое наказание, ничем не ущемляющее твое достоинство богини?

Инезия безмолвно смотрела на Лоони и Холройда, время от времени скрежеща зубами в бессильной ярости. Но теперь она никому не могла причинить вреда.

— Пойдем отсюда,— пробормотал Холройд, обращаясь к Лоони.— Мне что-то нехорошо...

Но в дверях он обернулся и заглянул в пустые бессмысленные глаза злобного дикого зверя, закованного в магические цепи.

— Напоследок я вот что скажу тебе, Инезия,— сказал он.— Ты забыла самое главное. А может быть, никогда не знала или не желала знать. Когда вокруг кровь и смерть, когда гибнут близкие и рушится дом, в котором живет человек, когда теряется опора под ногами... Что в таком случае остается людям? Чем больше опасность для жизни, тем вернее люди возвращаются к своей древней вере. Твои наемники напрасно охотились за молитвенными жезлами — их только подальше прятали. Ты никогда не задумывалась над тем, что такое религия? Нет? Так вот, я отвечу тебе. Это не только обожание, не только слепое поклонение божеству, будь то богиня или бог. Религию порождает страх. Страх перед необоримой силой. Страх перед непроглядной тьмой. Страх перед неуверенностью в завтрашнем дне и перед безверием. В минуту смертельной опасности в душе человека, как искра последней надежды, высекается вера. Только она способна удержать людей тогда, когда им больше не за что держаться. Ты сама развязала страшную войну, ты залила землю потоками крови, ты отбросила цивилизацию на многие века в

прошлое. И тем самым ты только погубила сама себя! Потому что чем больше ты принесла горя и сгубила живых душ, тем горячее молились женщины за своих защитников — за мужей и возлюбленных. И так было всегда, так есть и так будет до скончания веков. В этом парадоксе и заключается источник вечного могущества древнего бога Пта, бога истины и справедливости. Я могу быть только бесконечно признателен людям, поддержавшим меня в трудной и долгой битве с тобой — исчадием ада. Помогая мне, люди тем самым спасали самих себя. Мой народ уцелел, победил и восторжествовал. Мне пора сливаться с этими людьми. Они никогда не пожалеют об этом, клянусь!

Злобно что-то ворча, Инезия сжимала кулаки, и в ответ на каждое ее движение грохотали тяжелые цепи.

Не дождавшись от нее ни слова, Холройд повернулся и вышел за дверь. Там его ждала Лоони. Вместе они довершили свою работу — закрыли и запечатали магическими печатями двери подземелья.

Вместе они поднялись по ступенькам. И вышли — из темноты к свету.

ИМПЕРИЯ АТОМА

Готовые возвестить о появлении на свет ребенка, младшие ученые весь день дежурили у веревок колоколов. Ночью они обменивались грубыми шутками о причине задержки. Однако опасались, чтобы их не услышали старшие или посвященные в тайну. Ребенок родился за несколько часов до рассвета. Он был слабым и худым. Несуразное его тельце привело в отчаяние отца. А мать, леди Таня, прийдя в себя, некоторое время слушала его жалобный плач и затем ядовито заметила:

— Кто напугал маленького негодяя? Он как будто боится жить.

Ученый Джоквин, принимавший роды, расценил ее слова как дурное предзнаменование. Он решил, что мать не должна видеть уродца до следующего дня, ему казалось, что только так можно предотвратить бедствие, и он действовал решительно и быстро. Прежде всего он приказал рабыням прикрыть колыбель, закутав ее со всех сторон, чтобы отразить любое злое излучение, которое может проникнуть в спальню. Когда удивительная процессия начала протискиваться в дверь, леди Таня оторвала голову от подушки и, приподнявшись, посмотрела на нее с тревожным удивлением. В прошлом она родила мужу четверых детей и поэтому понимала, что на этот раз происходит нечто необычное. Леди Таня не была женщиной кроткой и присутствие ученого не очень ее смущало.

— Что происходит, Джоквин? — возмущенно спросила она.

В глазах у Джоквина было отчаянье. Ну разве она не догадывается, что каждое слово, произнесенное сейчас зло, обрекает ребенка на нелегкую судьбу? Женщина не собиралась молчать, и ученый, мысленно попросив атомных богов не слушать ее, быстро подошел и закрыл ладонью ее рот. Как он и ожидал, леди была так изумлена его поступком, что сначала не стала сопротивляться, но когда пришла в себя и начала слабо бороться, колыбель все-таки наклонили, и она впервые увидела ребенка. Собиравшаяся в ее голубых глазах буря рассеялась, и Джоквин отошел от колыбели. Он был напуган своим поступком, но так как молния потухла, а грома не последовало, он успокоился и еще раз понял, что поступил верно. Он был доволен и впоследствии утверждал, что, насколько это возможно, спас положение, если его вообще

можно было спасти. Чувствуя удовлетворение, ученый размышлял обо всем этом, но леди Таня оторвала его от размышлений, спросив:

— Как это все случилось?

Джоквин уже хотел было пожать плечами, но вовремя спохватился, что делать этого не следует, тем более что женщина говорила резко и сердито:

— Конечно, я знаю, что все это сотворили атомные боги, но когда они это сделали? Как ты думаешь?

Джоквин был осторожен. Ученые храмов знали, что боги иногда действуют случайно, не по заранее продуманному плану. Как можно их замысел ограничить датами? Тем не менее мутации не совершаются, пока плоду в чреве матери не исполнится месяца, и поэтому начало изменений в организме эмбриона можно определить приблизительно. Ученый подсчитывал, вспоминая дату рождения четвертого ребенка леди Тани. И уже вслух закончил свои подсчеты:

— Несомненно, не раньше 529 года после варварства.

Женщина теперь разглядывала ребенка внимательней. И Джоквин тоже. Он глядел и удивлялся, что прежде увидел не все изъяны новорожденного. У ребенка была слишком большая голова и слишком хрупкое тельце. Плечи и руки его пострадали от деформации более всего. Плечи спускались от шеи под острым углом, делая тело почти треугольным. Руки были перекрученными и напоминали кости скелета, обтянутые сморщенной кожей. Каждую руку теперь нужно развернуть, чтобы придать ей обычный вид. Грудь ребенка казалась чрезвычайно плоской, и все ребра торчали сквозь кожу. Грудная клетка опускалась гораздо ниже, чем у нормальных детей. И все. Но вполне достаточно, чтобы леди Таня с трудом проглотила комок, подкативший к горлу. Джоквин, взглянув на нее, понял, о чем она думает. А думала она о том, что допустила ошибку, похваставшись за несколько дней до родов в тесной компании, что пятеро детей дадут ей преимущество перед сестрой Чрозоной, у которой только двое, и над сводным братом лордом Тьюсом, которому его язвительная жена родила только троих. Теперь преимущество будет на их стороне, потому что, очевидно, у нее больше не может быть нормальных родов, и соперницы догонят или даже перегонят ее. Будет, и она тоже думала об этом, пущено немало язвительных слов в ее адрес. В общем, причин для дурных мыслей было немало. Все это Джоквин прочел на ее лице, пока она твердеющим взглядом смотрела на ребенка. Он торопливо сказал:

— Это худший период, леди, его надо пережить. Через несколько месяцев, а может даже лет, все наладится.

Последовала пауза. Ученому пришлось выдержать тяжелый взгляд роженицы. Он со страхом ждал бури. Но она только спросила его:

— Лорд-правитель, дед ребенка, видел его?

Джоквин наклонил голову.

— Лорд-правитель видел ребенка спустя несколько минут после его рождения. Единственное его замечание сводилось к тому, что я должен установить, если это возможно, когда и за что вы были наказаны.

Она молчала, но глаза ее сузились еще больше. Тонкое лицо застыло. Наконец она взглянула на ученого.

— Я думаю, вы знаете,— сказала она,— что причиной всего этого может быть только небрежность одного из храмов.

У Джоквина уже возникала такая мысль, но теперь он отверг ее, хотя, кто его знает, может быть, боги были недовольны тем, что эти люди не помогали «божьим детям», наверняка Линны будут именно так определять этот случай. Он медленно ответил:

— Пути атомных богов неисповедимы.

Женщина, казалось, не слышала его. Она продолжала:

— Я полагаю, ребенок будет умерщвлен, даже если это вызовет недоумение ученых мужей.

Рассерженная леди Таня Линн, сноха лорда-правителя, выглядела в этот момент весьма неприглядно. А вообще-то было нетрудно установить действительную причину мутации. Прошлым летом леди Тане надоело отдыхать в одном из семейных имений на западном берегу, и она вернулась в столицу раньше, чем ее ожидали. Муж леди, главнокомандующий Крэг Линн, реставрировал в это время городской дворец, и работа эта обошлась в копеечку. Ни сестра, живущая на другом конце города, ни мачеха, жена лорда-правителя, не пригласили леди Таню к себе. Волей-неволей она вынуждена была остановиться во дворце, больше напоминавшем стройку. Он уже несколько лет был нежилым. Город за эти несколько лет сильно разросся, и вокруг дворца выросли коммерческие дома. Бывшие правители не догадались объявить земли, окружавшие дворец, государственной собственностью, и теперь было бы неразумно отбирать их у людей силой. Особенно раздражало нынешних хозяев неумение их предков предвидеть выгоды одного из близлежащих участков. На нем был расположен храм, вплотную примыкавший к дворцовому крыльцу. Леди Таню очень тревожило то, что единственная уютная комната чуть ли не вплотную упирается в храм, а три лучших дворцовых окна выходят прямо на его свинцовую стену. Ученый, построивший храм, принадлежал к группе Рахейнла, враждебной Линнам. Весь город был возбужден, когда об этом стало известно. Это было явным оскорблением Линнов — храм как бы отобрал у дворца участок в три акра. Агенты лорда-правителя при первом же обследовании установили, что участок свинцовой стены радиоактивен. Они не смогли определить источник радиации, потому что стена в этом месте была довольно толстой. И вот на второй день после рождения ребенка, незадолго до полуночи Джоквин был вызван, чтобы доложить совету правителей, что он думает в связи с рождением ребенка. Это было совсем небезопасно.

— Правитель,— сказал ученый, обращаясь к великому

человеку,— справедливый гнев может привести вас к серьезной ошибке. Ученые, научившиеся контролировать атомную энергию, обладают независимостью ума и поэтому не воспримут наказание за случайный проступок. Мой совет: оставьте ребенка в живых или хотя бы спросите по этому поводу мнение совета ученых. Я порекомендую им покинуть храм, который стоит рядом с вашим дворцом, и, думаю, они согласятся.

Джоквин взглянул на лица сидевших перед ним и понял — то, о чем он сказал, не понравилось присутствующим. В комнате находилось двое мужчин и три женщины. Мужчины — это строгий лорд-правитель и полный лорд Тьюс, единственный сын леди Лидии от первого брака. Лорд Тьюс в отсутствие лорда Крэга, мужа леди Тани, который тогда воевал на Венере, исполнял обязанности главнокомандующего. Здесь были также леди Таня, которая еще полулежала на кушетке, ее сестра Чрозона и их мачеха, жена лорда-правителя, Лидия. Леди Таня и ее сестра не разговаривали друг с другом, но общались через лорда Тьюса. Тот легко справлялся со своей ролью посредника и, как казалось Джоквину, искренне забавлялся раздором между женщинами. С беспокойством смотрел Джоквин на леди Лидию, пытаясь понять ее отношение к предмету обсуждения. Он знал, что она необыкновенно злая женщина. С ее появлением характер поведения семьи Линнов радикально изменился. Красивая, средних лет, с тонкими чертами лица, она была опаснее любого хищника. Постепенно ее интриги, как щупальца, охватили все правительство, и каждый, кто хоть однажды имел с ней дело, понимал, что ее следует остерегаться. Контринтриги, заговоры, коварные планы, насилие, ощущение постоянной опасности, которая может обрушиться в любое время, такова была цена вражды с ней или ее расположения. Каждодневное напряжение отрицательно сказалось на Линнах. В них накапливался яд. Озабоченные, несчастливые и сомневающиеся, сидели они в комнате; мысли их были скрыты, но поступки предсказуемы, потому что властвовала над всем и всеми эта коварная женщина. Поэтому именно в леди Лидии искал Джоквин ключ к тому решению, которое будет принято. Высокая, стройная, поразительно хорошо сохранившаяся, она была главным двигателем разрушения. Если у нее есть по этому поводу какое-либо мнение, а у нее всегда было свое мнение, то что-то тягостное непременно произойдет. И хотя казалось, что еще ничего не случилось, но она уже начала свои закулисные действия. И Джоквин знал, что стоит ей убедить своего склонного к компромиссам мужа что-то предпринять — и тотчас сцена будет готова для разрушения. И хотя ученый по поведению Линнов определил, что его вызвали по чисто психологическим соображениям, он заставлял себя верить, что с ним советуются. Так было легче, хотя эту веру трудно было сохранять долго. У него сложилось впечатление, что они слушают его, как бы соблюдая пустую формальность, не обращая ни малейшего внимания на то, что он говорит. Лорд

Тьюс взглянул на мать и слегка улыбнулся. Она опустила веки, как бы пряча за ними свои мысли. Две сестры с застывшими лицами не сводили с Джоквина глаз. Возникла тяжелая пауза. Лорд-правитель ослабил напряжение, кивком отпустив ученого. Джоквин вышел, ощущая страх. У него появилось желание предупредить об опасности храмовых ученых. Но он отказался от него, понимая всю безнадежность положения. Его просто не выпустят из дворца. В конце концов он прошел в свою комнату, лег, но уснуть так и не смог. На утро ужасный приказ, которого он боялся больше всего, был вывешен для всеобщего сведения. Джоквин читал его, и сердце у него падало вниз. Приказ был прост и безоговорочен. В соответствии с ним все ученые храма Рахейнла должны быть повешены до наступления сумерек. Имущество храма конфискуется, само здание сравняют с землей. Три акра храмовой территории превращаются в парк. В приказе не говорилось, что парк отходит к городскому дворцу Линнов, но мыслилось именно так. Приказ был подписан твердой рукой самого лорда-правителя. Прочитав его, Джоквин понял, что война храмовым ученым уже объявлена.

Ученый Олден не обладал даром предчувствия, и ничто не омрачало его спокойные мысли в тот ранний час, когда он медленно шел к храму Рахейнла. Вокруг расцветало утро. Взошло солнце. Мягкий ветерок веял с улицы Пальм, где стоял его новый дом. Душа ученого была похожа на разноцветный калейдоскоп счастливых воспоминаний и спокойной радости, оттого что простой деревенский парень за десять лет сумел стать человеком — главным ученым храма Рахейнла. Было лишь одно-единственное мрачное пятно в этих воспоминаниях. И надо же, именно это неприятное событие стало истинной причиной его быстрого продвижения. Более одиннадцати лет назад он как-то сказал своему приятелю, тоже начинающему ученому, что уж коль атомные боги передали некоторые тайны механической силы людям, надо задобрить их новыми экспериментами, а вдруг они в ответ раскроют еще какие-нибудь тайны. В конце концов, может, и вправду существуют где-то легендарные города и планеты, на которых жизнь преобразил раскрепощенный атом. Олден невольно вздохнул при этом воспоминании. Лишь с течением времени он понял размеры своего богохульства. И когда на следующий день приятель холодно сказал ему, что передал их разговор главному ученому, это показалось ему концом всех надежд. Как мог он, смертный, торговаться с богами! Но, к его удивлению, именно эта неосторожность оказалась началом его карьеры. Через месяц его вызвали для разговора с приехавшим ученым Джоквином, который жил во дворце Линнов.

— Мы поощряем молодых людей, чьи мысли не идут по проторенным дорогам,— сказал Джоквин.— Мы знаем, что для молодежи характерны радикальные идеи, а по мере того как человек становится старше, он обретает равновесие между

своей внутренней сущностью и потребностями мира. Другими словами,— закончил, улыбаясь ему, ученый,— имейте свои мысли, но держите их при себе.

Вскоре после этого разговора Олден был назначен на Восточный берег. Оттуда год спустя он перебрался в столицу. Взрослея и обретая все большую власть, он обнаружил, что радикализм среди молодежи встречается реже, чем говорил Джоквин. Годы власти научили его иначе относиться к жизни и заставили отречься от слов своей молодости. В то же время он гордился ими, они делали его непохожим на других. И он понял, почему Джоквин решил, что радикализм — это единственный критерий для человека науки. Потому что только тот, кто нестандартно мыслит, способен что-то открыть в мире, который человеку еще неведом. Он знал это правило, но не всегда пользовался им. Он вообще был строг и не прощал молодым людям мыслей, которыми в юности грешил сам. Существовало мнение, что карьеру в храме можно сделать, понравившись жене Олдена. Хотя это и было не совсем так, юные поэты храма читали свои стихи молодой жене главного ученого, навещали ее, когда он отсутствовал. Но так ничего и не добились. А когда они обнаружили, что ее обещания ничего не стоят, их визиты прекратились. Олден обрел мир в доме, а жена его стала неожиданно пылкой и нежной супругой. Обо всем этом думал ученый, подходя к храму. Но мысли его прервал необычный гул, и он увидел толпу беспокойных людей у своего храма. Наверное, это несчастный случай, подумал он, и заспешил туда, где толпился народ. Олдена озадачило то, что люди не уступали ему дорогу. Разве они не понимают, что он главный ученый? Он увидел в нескольких десятках футов от себя верховных стражников дворца и уже, было, махнул рукой, зовя их на помощь, но что-то остановило его. До сих пор он смотрел на храм, а сейчас оглядеался и увидел окруженный стражей парк. Пятеро юных поэтов Розамунды свисали с ветвей дерева на краю храмовой территории. На другом дереве шестеро младших и трое ученых еще судорожно дергали ногами. Олден застыл на месте, парализованный ужасом. Несколько посвященных, кому на шею набросили веревки, в ужасе закричали. Их крик оборвался в тот миг, когда телега, на которой они стояли, выехала из-под них. Ученый Олден пробирался сквозь толпу на ватных ногах. Он наталкивался на людей, шатался, как пьяный, и лишь смутно сознавал окружающее. Если бы он единственный в толпе вел себя так, его тут же заметили бы и потащили на виселицу. Но казнь захватила людей врасплох. Каждый новый прохожий, подошедший, чтобы посмотреть, что происходит, испытывал ужас. Женщины падали в обморок. Нескольких человек тошнило, другие стояли со стеклянными глазами. Выбравшись из толпы, Олден вновь приобрел способность думать. Он увидел открытую калитку, пригнувшись, нырнул в нее и, казалось ему, поплыл между кустами, только сейчас сообразив, что находится на территории городского дворца лорда

и леди Крэг Линн. Это было ужасно и нелепо. Самому попасться в ловушку, где в любой момент его могут обнаружить. Олден упал в кусты, почти теряя сознание. Потом, придя в себя, он понял, что перед ним длинное надворное строение и путь к нему защищен деревьями. Олден не смел вернуться тем путем, которым пришел сюда, оставаться же на месте он тоже не решался. Его еще не заметили, значит боги были с ним. Вскоре он нашел длинный узкий амбар, где хранилось сено, и спрятался там, съежившись за перегородкой и затаив дыхание. Укрытие это тоже было не слишком надежным. Амбар оказался почти пустым, и только в дальнем конце, примыкающем к конюшне, было немного сена. В него он и забился. Едва ученый успел спрятаться, как дверь конюшни открылась. Сверкнули вилы с четырьмя остриями и унесли груду сена. Конюх пинком затворил дверь, послышался звук удаляющихся шагов. Олден лежал, затаив дыхание. Он только начал приходить в себя, как — бум! — открылась другая дверь, вилы выхватили еще одну груду сена и исчезли. Несколько минут спустя произошло новое событие. За тонкой стеной, отделявшей это помещение от конюшни, остановились рабыня и конюх. Конюх, очевидно, солдат, а не раб, спросил:

— Где ты спишь?

— В западной рабской казарме,— рабыня отвечала с неохотой.

— Какой матрац?

— Третий.

Он, казалось, задумался. Потом небрежно бросил:

— Я приду в полночь и лягу с тобой.

— Это против правил,— дрожащим голосом возразила девушка.

— Не будем думать о правилах,— грубо отрезал солдат.— Пока.

Он ушел, насвистывая. Девушка не двигалась. Потом послышались чьи-то быстрые шаги. Девушка зашептала что-то, но слова ее были едва слышны. Ответила другая женщина:

— Это второй раз с момента его появления на прошлой неделе. В первый раз мы подсунули ему старую Эллу. Он в темноте не заметил, а она охотно пошла. Но, очевидно, придется им заняться. Я скажу мужчинам,— и они разошлись в разные стороны.

Олден, которого разгневало поведение солдата, теперь рассердился еще больше... «Ничтожные рабы! Заговорщики!» Его поразило, что между рабами существует связь. Он слышал и раньше, что мелкие рабовладельцы стали очень осторожны, опасаясь бунта и даже гибели. И вот теперь Олден неожиданно получил доказательства того, что слухи правдивы. Олден, как будто разговаривая с богами, подумал: «Мы должны повышать мораль хозяев и,— глаза его сузились,— с помощью силы сломить организацию рабов. Нельзя допустить распада общества!» Гнев его мгновенно исчез, когда в ста футах от него открылась другая дверь. Олден инстинктивно сжался и

больше не думал о рабах. Уцелеть бы самому. Постепенно нервное потрясение начало проходить, он усилием воли вернул себе спокойствие и способность нормально размышлять. Он наконец понял, почему ему удалось избежать облавы, в которую попали все остальные. Лишь две недели назад он переехал в новый дом на улице Пальм. Солдаты, очевидно, вначале явились по старому адресу, ну а потом, чтобы арестовать его, им нужно было пересечь весь город. Вот так они, к счастью, и разминулись. Эта случайность и спасла ему жизнь. Олден содрогнулся от ужаса — он мог бы сейчас висеть со всеми, потом в глубине его души поднялся гнев несправедливо осужденного. Ярость подкрепила его силы, и он наконец оказался способным думать, как обычно,— четко и логично. Ясно, что ему нельзя оставаться в пределах городского дворца. На помощь пришли воспоминания, незначительные детали, которые он замечал в прежние годы, не сознавая этого. Он вспомнил, что через каждые несколько ночей в амбар через ворота дворца привозят сено. Судя по тому, что сейчас амбар был пуст, новый запас скоро прибудет. Он должен выбраться отсюда до этого. Олден начал пробираться к воротам. Он знал, что ворота были справа от него. Однажды ему довелось видеть их издалека. Если проникнуть в конюшню, а оттуда — в ворота... И хорошо бы переодеться! Здесь, кажется, должны висеть рабочие комбинезоны. Лучше натянуть на себя женскую одежду. Ей будут соответствовать длинные волосы, которые обычно отпускали ученые. В углу хлева, отведенном для дойных коров, Олден нашел все, что ему было нужно. И животные молчали, пока он торопливо натягивал рабочую одежду, которую молочницы надевают поверх платья. Городской дворец, переставший быть резиденцией Линнов, превратился в сельскохозяйственный и чиновничий центр. У ворот дежурили солдаты, но они не удосужились расспросить неуклюжую рабыню, вышедшую уверенным шагом, куда она идет, видно, хозяева послали ее с важным поручением, решили они. Вечером Олден подошел к храму Ковиса с тыла, перед ним показались свинцовые стены, и он снова начал нервничать, боясь, что сейчас, когда спасение близко, что-нибудь да и произойдет. Робко постучал он в боковую дверь и, затаив дыхание, ждал. Дверь открылась неожиданно, но Олден был так напряжен, что отреагировал немедленно, и мимо удивленного младшего прыгнул в затененный коридор. Лишь когда закрылась дверь, и они остались почти в полной темноте, Олден назвал себя удивленному молодому человеку.

Медрон Линн, лорд-правитель, шел по улице Линна. В последние годы он все реже выходил в город. Лорд испытывал возбуждение — как всегда, когда у него была определенная цель. А цель у него была, и только это оправдывало, казалось бы, бесполезную трату времени и усилий. Его окружали обычные телохранители. Они были специально обучены для таких выходов. Как солдаты в увольнительной, они шли впереди

него и за ним так, будто их совсем не интересовал этот худой болезненный человек с каменным лицом, любой приказ которого становился законом на Земле и других планетах. Лорд-правитель отыскивал рынки в наиболее населенных районах. Разноцветные мануфактуры на прилавках напомнили ему о молодых годах, когда эти районы города казались тусклыми и бесцветными, а уровень мастерства ремесленников был чрезвычайно низок. Торговцы ворчали и сердились, когда в первые годы своей власти он приказал, чтобы дома́ сдавались лишь тем, кто будет их ярко раскрашивать. А торговые лицензии получали только те, кто торговал высококачественным товаром. Забытый кризис. Благодаря конкуренции весело раскрашивались дома. И вскоре это совершенно изменило вид города. Появившиеся в лавках товары радовали глаз. Их не сразу и не просто научились делать ремесленники. Лорд-правитель Линн пробивался сквозь толпу покупателей и продавцов. Рынок заполнили люди с холмов и из-за озера, было здесь и множество жителей других планет с удивленными глазами. В такое время разговоры завязываются лучше всего. Он заговаривал только с теми, кто не узнавал в этом небритом человеке, одетом в мундир отставного солдата, своего правителя. Немного времени потребовалось ему, чтобы убедиться в том, что тысячи агентов, которых он разослал с заданием пропагандировать его взгляды, провели большую работу. Он и сейчас встретил здесь не одного из таких агентов. Они сами завязали с ним разговор. Пятеро фермеров, трое торговцев и двое работников, с которыми он заговорил, на критические замечания лорда-правителя ответили проправительственными лозунгами, которые они могли услышать лишь от разосланных им людей. «Неплохо»,— сказал он себе. Первый вызванный им кризис разрешился благополучно. Лишь одно поколение отделяло Линновскую империю от длительной гражданской войны, которая привела его семейство к власти. Сборщики налогов все еще давали мало денег. Одной из причин тяжелого финансового положения правительства служили храмы. Ученые крепко держали народ в своих руках. Так казалось лорду-правителю. Храмовые обряды обладали над всеми гипнотической властью, а специально подготовленные учеными люди внушали каждому, что пожертвования делать необходимо. В особенности это действовало на женщин, так что частенько приходилось даже сдерживать их, иначе они отдали бы все свое имущество. Мужчины же, то и дело занятые на войне, меньше поддавались влиянию ученых. За счет своих огромных доходов храмы содержали орды ученых — старших, младших и посвященных. Армия храмов была огромна: почти в каждой семье кто-то был или должен был стать ученым. Лорду-правителю начало казаться,— и Лидии совсем не нужно было напоминать об этом,— что пора наконец нарушить эту гипнотическую власть. Пока они не справятся с храмами, финансовое положение останется напряженным. В самом Линне торговля расцветала, но в

других городах она восстанавливалась гораздо медленнее. Продолжались объявленные бог знает когда завоевательные войны, три из них вслись на Венере против венерианских племен. Цель, которую поставил перед собой правитель,— объединение Солнечной системы, требовала, чтобы такие экспедиции обеспечивались любой ценой. Что-то нужно было принести в жертву. И лорд-правитель выбрал храмы как единственного реального конкурента правительства, перекачивавшего в свою казну доходы. Лорд-правитель остановился перед лавкой керамики. У хозяина была внешность линнца. Он, подумал лорд, несомненно, наш гражданин. Только мнение граждан имеет значение. Рассуждения остальных — пустота, ветер. Хозяин обслуживал очередного покупателя. Ожидая, когда он освободится, лорд-правитель думал о храмах и дворцах. Казалось ясным, что ученым не удалось восстановить престиж, утерянный во время гражданской войны. За немногими исключениями, они поддерживали Рахейнла до того самого дня, когда он был захвачен и убит. Ученые тут же присягнули новому режиму, и тогда у него не было достаточно сил, чтобы отвергнуть эту присягу. Однако он никогда не забывал, что их временная монополия на атомную энергию чуть не привела к восстановлению прогнившей республики. И если бы это им удалось, то казнен был бы он, лорд-правитель. Торговец заключил сделку и двинулся навстречу новому покупателю. Но тут лорд-правитель заметил, что один из толпившихся у лавки узнал его. Не сказав ни слова торговцу, лорд отвернулся и торопливо зашагал по улице. Члены Совета ученых ждали его, когда, убедившись в прочности своей позиции, он вернулся во дворец. Встреча была нелегкой. Из семи членов Совета присутствовало шестеро. Седьмой, поэт и историк Коурайн, как сообщил Джоквин, заболел. На самом же деле он испытал приступ страха, узнав об утренних казнях, и немедленно выехал в отдаленные храмы. Из шестерых по крайней мере трое явно не надеялись выйти живыми из дворца. Оставалось трое других: Мемлис, историк и воин, смелый седовласый старик лет восьмидесяти, Тиор, логик, волшебник арифметики, который, как говорили, получал сведения о числах непосредственно от богов; и, наконец, сам Джоквин, который много лет служил посредником между храмовой иерархией и правительством. Лорд-правитель осмотрел своими желтыми глазами собравшихся. Годы власти придали его лицу сардоническое выражение, которое даже скульпторы не могли устранить со статуй, опасаясь нарушить сходство с оригиналом. Ему в это время было около пятидесяти и, несмотря на худобу, он обладал отличным здоровьем. Он начал с холодного, обдуманного и уничтожающего обвинения храма Рахейнла. А закончил так:

— Завтра я выступлю перед Патронатом с объяснением по поводу своих действий относительно храма. Надеюсь, Патронат примет мои объяснения.

И впервые за все это время он позволил себе чуть заметно

улыбнуться... Никто лучше него не знал, что раболепный Патронат не осмеливается даже мигнуть без его разрешения.

— Я предприму это,— продолжал он,— так как одновременно попрошу рассмотреть многочисленные петиции о реорганизации храма.

Молчаливые слушатели зашевелились. Три члена Совета, ожидавшие смерти, со слабой надеждой взглянули друг на друга. Один из них, Горо, человек средних лет, сказал: «Ваше превосходительство может рассчитывать на нас...» Его остановил гневный взгляд Мемлиса. Он, хотя и подчинился, но время от времени храбрость возвращалась к нему, и он сказал то, что думал. Лорд-правитель знает, что он на его стороне, и не сомневается в его верности, особенно тогда, когда каждый спасает свою шкуру.

Джоквин учтиво заверил:

— Как уже подчеркнул Горо, мы все будем счастливы одобрить ваши предложения.

Лорд-правитель угрюмо улыбнулся. Он достиг критического момента в своей речи и заговорил с точностью юриста:

— Правительство,— сказал он,— наконец согласно разделить храмы на четыре обособленные группы, как того давно хотят ученые (они впервые услышали о таком плане, но ни один из них ничего не сказал в ответ). Как утверждают ученые,— продолжал лорд-правитель,— противоестественно, что четырем атомным богам: Урану, Плутонию, Радию и Эксу,— поклоняются в одних и тех же храмах. И, соответственно, ученые разобьются на четыре самостоятельные организации и распределят между этими организациями все храмы. Каждая группа будет поклоняться только одному богу, продолжая выполнять свои практические функции по поставке превращенной энергии в соответствии с распоряжениями правительства. Каждая группа будет возглавляться не советом равных, как в современных храмах, а единым руководителем, для которого будет подобран соответствующий титул. Руководители четырех групп будут избираться пожизненно объединенным комитетом из представителей правительства и делегатов храмов.

Речь продолжалась, но дальше шли детали. Совету был предъявлен ультиматум. И Джоквин не тешил себя никакими иллюзиями. Четыре раздельных группы храмов, каждая управляется ученым, ответственным только перед лордом-правителем, навсегда покончат с надеждами, которые питали наиболее просвещенные ученые. Сам Джоквин считал храмы собранием знаний, и у него были свои надежды на преобразование общества, которое будет осуществляться храмами в будущем. Он торопливо встал, чтобы никто из перепуганных членов Совета не заговорил первым, и серьезно сказал:

— Совет будет счастлив рассмотреть ваше предложение. Мы считаем огромной удачей, что правителем является человек, который посвящает свое драгоценное время заботам о благополучии храмов. Ничто не может...

Он надеялся получить отсрочку. Лорд-правитель решительно заявил:

— Поскольку завтра я лично буду делать сообщение Патронату, Совет ученых сердечно приглашается остаться во дворце для обсуждения подробностей реорганизации. Я полагаю, что на это потребуется от недели до месяца, а может, и больше, поэтому приказал приготовить для всех вас помещения.

Он хлопнул в ладоши. Открылась дверь. Вошли дворцовые стражники. Лорд-правитель приказал:

— Покажите почтенным господам их помещения.

Так был арестован Совет.

На четвертый день ребенок был еще жив. Как ни страшно было смотреть на него, Таня никак не могла принять решение.

— Я выдержала тяготы беременности и боль родов,— гневно говорила она,— ни одна женщина не может не принимать это во внимание. К тому же...

Она умолкла. Противоречивые чувства разрывали ее сердце. Ей казалось, что у сына, которого боги сотворили по-своему, будет своя судьба. И она не имеет права прерывать ее. Поэтому уговоры Джоквина находили отголосок в ее сердце. А ученый говорил с ней о ребенке все утро четвертого после его рождения дня.

— Ошибочно считать, что дети богов могут быть только идиотами,— говорил он.— Это пустая болтовня бессмысленной толпы, преследующей тех, кто отличается от нее. Им не дают возможности получать образование, они постоянно находятся под очень сильным давлением, и потому неудивительно, что мало кто из них доживает до совершеннолетия.

Его аргументы приняли более личный характер.

— В конце концов,— мягко продолжал ученый,— он Линн. В худшем случае он будет вашим верным помощником, который никогда не захочет уйти от вас и жить самостоятельно, как все нормальные дети. Тайно сохраняя его для себя, вы получите лучшего из всех возможных рабов — преданного сына.

Джоквин знал, когда остановиться. В тот момент, когда он увидел, что глаза женщины задумчиво сузились — она взвешивала его аргументы, он решил предоставить ей самой разрешать оставшиеся сомнения и вежливо удалился. А позже, на утреннем совете у лорда-правителя, продолжил свои уговоры.

Глаза великого человека оставались настороженными, пока Джоквин говорил. Затем возражения сменились удивлением. Наконец лорд-правитель прервал Джоквина:

— Старик, с какой целью ты защищаешь жизнь урода?

У Джоквина было несколько причин для таких уговоров. Одна чисто личная. Он верил, что жизнь ребенка может принести пользу храмам. Логика была проста. Уже само рождение ребенка обострило кризис. Его смерть ужесточит кон-

фликт в обществе. Если же ребенок будет жить, мстительные действия Линнов до некоторой степени смягчатся. Но Джоквин не стал говорить об этом, не упомянул и о своих личных надеждах, связанных с ребенком. Он только сказал:

— Никогда раньше сына богов не убивали злонамеренно. Всегда считалось, что у богов есть свои тайные причины для создания чудовищ в облике человека. Смеем ли мы сейчас подвергать это сомнению?

Этот аргумент заставил властного собеседника изумленно взглянуть на ученого. Войны, которые вел лорд-правитель, были связаны с дальними полетами и дали ему возможность встретиться с выдающимися мыслителями отдаленных планет, среди которых были и атеисты. Кое-чему он научился у них и считал богов лишь средством для сохранения контроля за мятежными подданными. Он не отрицал их существования, но сомневался в их сверхъестественной власти.

— Ты на самом деле веришь в то, что говоришь?

В жизни Джоквина было время, когда он ни во что не верил. Однако постепенно он убедил себя, что могучие невидимые силы, вызываемые крошечными радиоактивными частицами, есть не что иное, как божественное вмешательство, и другого объяснения быть не может. Он осторожно сказал:

— В молодости я путешествовал и видел первобытные племена, поклоняющиеся богам дождя, рек, деревьев и разнообразных животных. Видел и более развитые народы, в том числе здесь, на Земле, чье божество — невидимое, всемогущее существо, живущее где-то в пространстве, которое они называют небом. Я наблюдал и слушал, как в каждом племени рассказывали о начале Вселенной. В одной легенде говорится, что все вышло из пасти змеи. Таких змей я не видел. В другой легенде говорится о потопе, затопившем все планеты. Не знаю, можно ли это сделать имеющейся в мире водой. Третья легенда — человек сделан из глины, а женщина сделана из мужчины.

Он взглянул на своего слушателя. Лорд-правитель кивнул:

— Продолжай!

— Я видел народы, обожествляющие огонь и воду. Однажды я посетил долину, где, как говорят, живут боги. Я находил их резиденции на каждой планете. Это те боги, которым поклоняемся мы: Уран, Радий, Плутоний и Экс. С безопасного места я наблюдал за их смертоносным танцем, в котором соединились ярость и величие, уродство и красота. И я сказал себе: «Конечно, это самые могущественные боги Вселенной. Никто, находясь в здравом уме, не станет отрицать их божественной сути».

Лорд-правитель, который в своих странствиях тоже видел дома богов — огромные, выжженные пространства с бушующей энергией внутри, ничего не мог возразить в ответ. Да у него и не было времени продолжать беседу. Неожиданно где-то совсем рядом послышался оглушительный гром. И сразу за ним последовал рев такой яростный, что весь дворец затрясся. Резкий звук стих, но тишина не наступила. Со всех сторон слышался

звон стекла — это из рам вылетали стекла. Потом раздался еще один взрыв и почти сразу за ним — новый. Этот последний был такой силы, что всем стало ясно: наступил конец света.

Когда Олден в полдень третьего дня после рождения ребенка Линнов вошел в большой храм Ковис, это был усталый, голодный, загнанный человек, думающий только о бегстве. Он упал в кресло, предложенное младшим. И пока молодой человек оценивал ситуацию, Олден приказал никому не сообщать о своем прибытии, за исключением Горо, главного ученого храма Ковис.

— Но Горо нет в храме,— возразил младший.— Он совсем недавно уехал во дворец правителя.

Олден стал стягивать с себя женское платье. Вместе с одеждой он как будто снимал со своего тела и усталость. «Нет в храме» — соображал Олден. Это означает, что до возвращения Горо он главный ученый в храме. Для человека в его положении это была как бы отсрочка смертного приговора. Он приказал, чтобы ему принесли еду. Занял кабинет Горо и стал задавать вопросы. Впервые узнал ученый причину казней в храме Рахейнла. Олден обдумывал все случившееся. И чем больше он думал, тем больше негодовал. Он сознавал, что мысли его еретичны с точки зрения правителей. Но он принимал вызов. Он готов был отомстить за оскорбление, нанесенное богам в их храмах. Ему казалось, что боги и сами должны постоять за себя; неужели они не накажут тех, кто пытается вознестись выше их. К концу вечера ученый стал обдумывать план возмездия. С незапамятных времен боги покровительствовали дальним странствиям. И в ответ капитаны и владельцы космических кораблей дарили храмам железо. После определенного церемониала это железо помещалось рядом со спрятанным в укромном месте божьим веществом. Через четверо суток энергия божьего вещества перемещалась в железо. Тогда его возвращали на корабль, где хранили в металлическом отсеке. Там с помощью фотоэлектрических ячеек — это приспособление было известно с древних времен так же, как огонь, меч, копье и лук,— можно было произвести серию взрывов заданной мощности. Это и была та энергия, с помощью которой корабль мог лететь в отдаленные части галактики, перемещаться во вселенной от планеты к планете. С самого начала новых времен божье вещество разделяли на небольшие куски, которые старались не приближать друг к другу. Было известно, что когда богов соединяют, они очень гневаются. Олден решил воспользоваться этой особенностью божьего вещества и велел младшим перенести металлический цилиндр из испытательной пещеры в сад, что находился за храмом. Он подключил к своей работе другие храмы, и тщательно разрабатывал операцию, ожидая подходящий момент. Ему было известно, что шестеро из семи членов Совета ученых находятся во дворце, и он понимал, что их удерживают там насильно. В кабинете Горо он написал приказ, адресованный исполняющим обязанности главных ученых, возглавивших храмы, пока члены Совета арестованы. Он подробно описал свой план и кончил послание

так: «Полдень будет часом протеста». Письма были разосланы в соседние храмы. Он не сомневался, что боги должны покарать тех, кто их предал. К полудню следующего дня Олден поместил зерна урана, радия, плутония и экса в систему фотоэлектрических реле. Спрятавшись в безопасном месте, ученый нажал на кнопку, соединившую вещества, скрывающие внутри себя энергию богов. Раздался страшный взрыв. За ним последовало еще три. Только два храма не подчинились приказу беглеца и остались благодаря этому невредимыми. Первый взрыв разрушил храм Ковис. Там, где он стоял, осталась только груда камней. Ни в одном из четырех храмов люди не уцелели. Они погибли все до одного. Ушел из жизни и Олден, превратившись в ничто, он вознесся к небесам, стал частью уплывающего облака. К двум часам у подножия дворцового храма собрались толпы горожан. Дворцовая стража еле сдерживала напор, постепенно отступая к воротам. Охрана правителя уже была готова отразить осаду. Джоквин по тайному туннелю вернулся в это время из города во дворец. Он сразу же пришел к лорду-правителю.

— Только я смогу убедить толпу,— доказывал он,— вы должны дать мне возможность выступить перед ней.

Как всегда, выдержав паузу, лорд кивнул. Когда открылись дворцовые ворота, толпа загомонила с новой силой. В воротах показался ученый. Он вышел на холм и спокойно заговорил с людьми. Голос его был негромким, но особая система усилителей доносила слова до каждого из толпы, даже до тех, кто стоял в отдалении.

Толпа зашумела:

— Ученый! Это ученый!

Джоквин поднял руку. И наступившая тишина показала ему, что людьми управлять еще можно. Конечно, старик понимал, что эти люди никогда не свергнут своих правителей, что толпа обречена. Он знал, что уже посланы голуби в казармы трех легионов, расположенных сразу же за городскими стенами. Скоро по улицам пройдут войска, проскачет кавалерия далеких племен, чей бог — гигантская мистическая птица Эрплан. Важно, чтобы толпа рассеялась до появления этих тренированных убийц.

— Жители Линна! — сказал он ясным уверенным голосом.— Сегодня вы еще раз убедились во всемогуществе наших богов.

Крики и стоны последовали за его словами. Джоквин продолжал:

— Но вы неправильно истолковали поданные ими тайные знаки.

После этих слов площадь окончательно затихла. Ученый добился своего, толпа ему подчинялась.

— Если бы боги рассердились на лорда-правителя,— продолжал Джоквин,— они так же легко уничтожили бы его дворец, как уничтожили четыре храма. Боги покарали ученых, которые хотели расколоть нашу веру, разделить людей, и в то же время заставить их в каждом храме поклоняться только одному богу. Это и только это — причина гнева богов.

Послышались крики:

— Твой храм тоже уничтожен!

Джоквин задумался. Ему совсем не хотелось превращаться в мученика. Он знал о письме Олдена. В двух храмах ему удалось уничтожить его: он был человеком верующим и не мог пойти против своих убеждений. А сейчас он был убежден в том, что боги не возражают, если им всем четверым будут поклоняться в одном храме. Еще он понимал, что именно сейчас народу нельзя утратить веру. Он опустил голову.

— Друзья,— коротко сказал он.— Каюсь, я был среди тех, кто отстаивал раздельное поклонение. Мне казалось, что боги будут рады, если каждому из них станут поклоняться в каком-то одном храме. Я ошибался.

Он обернулся к дворцу, где его слушал гораздо более могущественный человек, чем вся эта толпа.

— Я знаю, кто, как и раньше, проповедует ересь, отныне убедится, что мы должны поклоняться всем четырем богам вместе. А теперь, чтобы не было больших неприятностей, расходитесь по домам,— он повернулся и медленно ушел во дворец.

Лорд-правитель сумел оценить услугу, оказанную ему. И уже совсем другим голосом, сдержанно улыбаясь, он спросил ученого:

— Сделай милость, ответь, почему ты так уговариваешь нас сохранить жизнь ребенку моей невестки?

Джоквин ответил просто:

— Я давно хотел узнать, что случится, если сыну богов дать нормальное обучение и воспитание.

Видимо, ответ понравился, так как лорд-правитель удовлетворенно кивнул.

Еще не научившись говорить, Клэйн чувствовал: «Я никому не нужен. Меня никто не любит». Рабыни, пеленавшие его, исполняли свою работу с отвращением, видимо, поступая так же, как и родители мальчика. Они прекрасно видели, что отец и мать редко навещают новорожденного. Бывало, часами маленький мутант оставался один. А когда замечали, что ребенок плачет в мокрых и грязных пеленках, не испытывали желания помочь маленькому человеку. Руки, способные на нежность, грубели, прикасаясь к нему. И никто не замечал, что ненависть и отвращение, окружавшие ребенка, скапливались в этом маленьком существе, наполняли его душу и заставляли иначе, чем другие дети, смотреть на окружающий мир. Странно, но когда слова в его сознании начали обретать смысл, в его жизни наступили некоторые изменения. Клэйн, никому не желая причинить вреда, пожаловался как-то Джоквину, что рабы плохо обращаются с ним. Ученый попросил рассказать обо всем этом подробнее, и рабы поняли, что мальчик не так уж и безобиден, и они могут быть наказаны за насмешки над маленьким уродцем. После этого издевательства взрослых хамов прекратились. Но неокрепшее сознание получало новые жизненные уроки, и это была печальная наука. В три года мальчик понял, что он не такой, как все. В пять

лет почувствовал, что его боятся. В семь — со всех сторон посыпались удары, и душа сжалась, спряталась, забилась в темный уголок этого скрюченного тельца. Старший ученый, как мог, старался отвести страдания от неокрепшей души. Но что он мог сделать? И Джоквин понял, что нужны более решительные действия.

— Дети жестоки,— сказал он, сдерживая гнев, лорду-правителю.— Они мучают его. Они стыдятся его. И сводят на нет все, что я делаю.

Линн Линнский с любопытством смотрел на ученого:

— Но я тоже стыжусь его, стыжусь самой мысли, что у меня есть такой внук,— и добавил. — Боюсь, Джоквин, твой эксперимент не удался.

Джоквин любил разговаривать с правителем. Он к нему относился совсем не так, как шесть лет назад. Выведя страну из кризиса, лорд показал себя незаурядным политиком. Империя при нем сделалась монолитной. Это был человек, достигший почти полной объективности во взгляде на мир. И, конечно же, сделать Клэйна полноценным поможет только он, лорд-правитель. Лорд понял, что посещение Джоквина имеет особую цель. Он нехотя улыбнулся.

— Что же я должен сделать? Отослать мальчика в провинцию, где он может расти в полной изоляции, окруженный рабами?

— Это было бы смертельно,— ответил Джоквин.— Рабы презирают мутантов так же, как свободные рыцари и патроны. Борьба за разум должна вестись здесь, в городе.

Правителю надоело ворчание Джоквина:

— Ну что ж, забирай его в храм и делай там с ним, что хочешь.

— Храмы полны шумных посвященных и младших,— ответил Джоквин.

Лорд-правитель сердито посмотрел на старика.

— Боюсь,— серьезно сказал правитель,— ты слишком неравнодушен к калеке. Мальчишка станет похож на оранжерейное растение. Нельзя из детей выращивать мужчин таким путем. Они смолоду должны уметь выдерживать жизненные тяготы, как бы трудно им ни было. Каждый должен видеть себя, как в зеркале. Реальная жизнь — вот самый лучший, хотя и жестокий, учитель.

— Но ведь ваши дворцы больше напоминают теплицы, где молодые растут, не зная тягот существования,— ответил Джоквин.

Правитель улыбнулся, признав правоту Джоквина:

— Скажи, чего ты хочешь? Если это возможно, я постараюсь исполнить твое желание.

Джоквин не колебался. Он сказал, что во дворце у Клэйна должно быть убежище. Святыня, куда другие дети не смели бы входить под страхом сурового наказания.

— Вы здесь, во дворце, выращиваете своих внуков,— говорил Джоквин.— И других детей — сыновей заложников,

союзных вождей и патронов. Перед этой толпой нормальных детей, грубых и бесчувственных, как все мальчики, Клэйн совершенно беззащитен. Они все спят в одной спальне, поэтому у него нет убежища, куда он со своей уязвимой душой мог бы спрятаться, чтобы в одиночестве зализать полученные раны. Пусть по-прежнему ест и спит с остальными, но у него должно быть место, где его не станут преследовать.

Джоквин замолчал и ждал, затаив дыхание. Он понимал, насколько необычна его просьба. Он просил, чтобы высокомерных, гордых маленьких людей, из которых в будущем вырастут руководители Линна,— патроны, генералы, вожди и даже лорды-правители,— чтобы их в чем-то ограничили. И ради чего? Чтобы бедный мутант мог быть один на один со своими мыслями, которые в общем-то никого не интересуют? Джоквин видел, что лорд-правитель хмурится. Сердце его сжалось. Однако он совсем неверно истолковал озабоченность лорда. На самом деле ученый не мог бы выбрать для своей просьбы более подходящего времени. Накануне, гуляя по саду, правитель увидел бегущую за ним ораву мальчишек. Дети выкрикивали грубые слова, потешались над лордом. Такое случалось уже не первый раз, и, вспоминая об этом, лорд нахмурился. Потом он решительно поднял голову и сказал:

— Этих юных негодяев необходимо приструнить. Небольшое ограничение пойдет им на пользу. Строй свое убежище, Джоквин. И я поддержу тебя.

Дворец правителя размещался на Капитолийском холме. Вершину холма занимали террасы, на которых были разбиты сады и виноградники, так что старики, вроде Джоквина, не узнавали прежнего холма. На западном склоне высился дворец, воздвигнутый на скале. Чтобы добраться до него, нужно было пройти узкой тропой по крутому склону, затем подняться по вырубленным в откосе ступеням. Большая часть скалы оставалась голой, пока ею не занялся Джоквин. Под его руководством рабы принесли из долины плодородную почву, садовники насадили кусты, траву и цветы, и теперь в жаркий полдень появилась защита от горячего солнца, во все стороны разбежалась густая зелень, на которой можно было поваляться, любуясь садом, неузнаваемо изменившим легендарный холм. Была поставлена прочная ограда, преграждавшая вчерашнюю скалистую тропу, а у ворот появился широкоплечий великан — солдат с неожиданно добродушным лицом. Он был назначен сторожить ворота, потому что его жена четыре года назад тоже родила сына богов. Служивый оказался веселым парнем, но случались минуты, когда он становился суровым. Это происходило тогда, когда сорванцы-мальчишки пытались проникнуть в заповедные места. Он становился в воротах, и его огромная фигура заполняла весь проем. Через месяц после того, как было построено орлиное гнездо и юным разбойникам вход туда был запрещен, они собрались все вместе, чтобы громогласной руганью выразить свой протест. Часами стояли они у ворот, выкрикивая угрозы

и оскорбления. Но спокойствие и добродушие стражника в конце концов заставило их отступить. Наконец-то бедный мальчишка, всегда преследуемый жестокими сверстниками, смог обрести покой в своей маленькой крепости. Постепенно на него перестали обращать внимание. Никто больше не играл с ним, и, хотя это равнодушие тоже было жестоким, оно по крайней мере дало ребенку возможность жить своей жизнью. Раненое сознание, затравленный интеллект, уязвимые чувства погружались в бездну одиночества. Тысячу раз пытался он бежать от него, но всякий раз возвращался к месту своего добровольного заточения. Джоквин придумывал различные способы, чтобы отвлечь мальчишку от тяжелых мыслей. Рассказывал ему о великих людях, великих сражениях, сочинял волшебные сказки с продолжением. Он давал мальчику возможность успокоиться, а потом незаметно переходил к серьезным разговорам. Рассказывал о политической атмосфере внутри дворца, и убедительно доказывал, что рождение мутанта — важное событие, которое должно изменить мир. Любой человек может родиться нормальным, но мало кто бывает избран богами атома. Джоквин понимал, что опасно возвышать мальчика над другими членами семьи Линнов, но делал это постоянно, оставаясь верным своему тайному замыслу.

— Ничего, он быстро узнает свое место в обществе, когда станет старше,— объяснил как-то Джоквин лорду-правителю.— Важно то, что теперь его душа, его разум пятилетнего ребенка могут противостоять преследованиям мальчиков. Он получил передышку. Малыш все еще заикается, когда волнуется, и любой контакт со взрослыми для него болезнен. Но если его не затравят, он победит свои комплексы. Я хочу,— заключил Джоквин,— чтобы мальчик мог изредка навещать вас.

Он часто повторял эту просьбу и всегда получал отказ. Джоквину уже исполнилось восемьдесят лет, и он боялся не самой смерти, а того, что будет с несчастным ребенком, когда он покинет сей мир. Джоквин приглашал в дом известнейших ученых, прославленных поэтов и историков. Все они давали уроки юному уроду. И старик был счастлив, что его усилия дают свои плоды. Обучение мальчика оказалось чрезвычайно дорогостоящим: денег, которые давали дед мальчика, лорд-правитель, и его отец, лорд Крэг, едва хватало на оплату учителей, нанимаемых Джоквином. Когда же старик умер, как раз перед одиннадцатилетием Клэйна, по его завещанию часть доходов от его имений шла на эти же цели. Джоквин оставил десять миллионов сестерциев младшим, посвященным и старшим различных храмов. Пять миллионов он завещал своим личным друзьям, еще два миллиона — историкам и поэтам, чтобы они завершили начатые им работы, и, наконец, его пятеро праправнуков получили по миллиону сестерциев каждый. Это было денежное наследство, но кроме него осталась сельскохозяйственная ферма, которая давала около пятисот тысяч сестерциев в год. Все имения вместе с тысячами рабов были завещаны Клэйну. Однако новый владелец, сам

того не ведая, оказался на грани банкротства. Об этом доложили лорду-правителю, и он выкупил в пользу внука пошатнувшееся хозяйство. Предпринял он и другие шаги. Узнав, что рабы Джоквина недовольны тем, что принадлежат мутанту, он разослал своих шпионов, чтобы узнать, кто именно мутит воду. Четверо рабов были казнены. До лорда-правителя дошло также, что правнуки Джоквина, рассчитывавшие получить имения, угрожают неожиданному наследнику. В наказание лорд-правитель конфисковал часть их наследства и отправил всех пятерых в армию лорда Крэга, которая готовилась ко вторжению на Марс. Лорд все это делал, исполняя желание ученого. Самого же его судьба внука беспокоила мало. Лишь однажды, увидев мальчика из окна своего кабинета, он заинтересовался. В тот же день правитель отправился к орлиному гнезду, где жил самый странный отпрыск из семьи Линнов.

Когда он добрался до подножия скалы, дыхание его стало тяжелым. Это удивило лорда. Клянусь четырьмя атомными богами, подумал он, я старею. Через два месяца ему исполнялось шестьдесят четыре года. Шестьдесят четыре. Он взглянул на свое худое тело. Ноги уже ослабли, подумал он, конечно, как и у других в этом возрасте, но, несомненно, расцвет позади. Крэг был прав, вздохнул он огорченно, и для меня пришло время подумать о себе. Больше никаких войн с Марсом, за исключением оборонительных. И пора произвести Крэга в наследники и соправители. Мысль о наследнике напомнила ему о том, где он сейчас находится. Там, наверху, в орлином гнезде, один из его внуков. Он слышал голоса учителя и мальчика. В гнезде шла обычная работа. В этом уединенном доме, убежище отверженного, шло познание мира со всеми его сложностями и странностями. Лорд-правитель думал об огромности этого мира и малочисленности его семьи. Он знал, зачем пришел сюда сегодня. Чтобы удержать власть, нужно собрать воедино всех Линнов. Даже тупоумные, даже мутанты должны исполнять обязанности, каждый по своим способностям. Страшно было сознавать, что он приближается к самой одинокой вершине своей жизни, где можно полагаться только на кровных родственников. К сожалению, держатся они вместе лишь тогда, когда обстоятельства вынуждают их к этому. Старый человек сухо и угрюмо усмехнулся. Улыбка неожиданно преображала его лицо, которое, казалось, было сделано из камня и стали. Выдвинутая вперед челюсть, острый спокойный взгляд. Да, это был человек, выигравший битву при Атмуме, потеснивший всех Линнов, равнодушно смотревший, как его солдаты боевыми топорами разрубили на куски Рахейнла. Рахейнл. Вот это была личность. И через тридцать лет лорд удивлялся его мужеству. Он пошел на смерть, отказываясь от всех предложений своего врага. Впервые в истории гражданской войны была сделана попытка перемирия. Я предложил ему пойти на компромисс, вспоминал лорд. А он хотел завое-

вать весь мир. Мне казалось, что путь к империи должен быть другим. Мы стали врагами. Волей-неволей пришлось убить его, чтобы спасти свою жизнь. Почему человеку нужно все или ничего? Конечно, Рахейнл должен был осознать тщетность своих стремлений. Должен был понять, что его песенка спета. Что его армия уничтожена, а солдаты противника не будут милосердны. Однако он отвернулся от протянутой руки и сам выбрал топор палача. Правитель решил с первого же удара избавить его от унизительных мучений. Толпа хотела пытки, зрелища. Она как будто и получила то, чего желала, но на самом деле перед орущим народом разрубили тело мертвеца. Зрелище смерти великого Рахейнла навсегда оставило холод в душе правителя. Сам он никогда не чувствовал себя убийцей. Убийцей была толпа. Толпа, с ее безмозглыми эмоциями, с ее силой большинства, которую ни один человек не может игнорировать, не подвергая смертельной опасности себя и свою семью. Толпа с ее примитивной кровожадностью пугала его, хотя он и презирал ее, но всегда использовал ее гнев в своих целях. Ужасно осознавать, что каждый шаг его жизни связан с настроением толпы. Он родился в мире, опустошенном двумя могучими враждующими группировками. Перед ним не стоял вопрос, к какой из них присоединиться. Когда оппозиция захватывала власть, она убивала, обесчещивала и изгоняла всех членов семей другой партии. В такие времена детей прославленных ученых, военачальников и правителей тащили по улицам на крючьях и швыряли в реку. Позже, если вам удавалось выжить, приходилось покориться новой власти и ждать случая, глубоко затаив свои чувства. Существовали группки внутри групп, они тайно убивали тех, кто мог соперничать в борьбе за власть. Убийства и предательства становились все изощренней. Лорд-правитель с трудом оторвался от своих раздумий и начал взбираться по ступеням на скалу. Вершина скалы — площадка длиной футов в двадцать и почти такой же ширины. Деревья, посаженные рабами, уже разрослись и буйно цвели, наполняя воздух ароматом. Мутант и его учитель сидели в легких креслах в тени и не заметили появления лорда-правителя.

— Хорошо,— говорил учитель, ученый по имени Неллиан,— это верно, что водная система Марса никуда не годится. Каналы, по которым течет вода аж с северного полюса,— единственный источник водоснабжения на планете. Неудивительно, что в марсианских храмах поклоняются воде, как мы атомным богам. Неплохо бы,— продолжал Неллиан,— подробно рассмотреть, как использовать эту слабость Марса. Каналы на этой планете так широки и глубоки, что их невозможно отравить, даже временно. Столько яду не доставишь на Марс.

— Макроскопически рассуждая,— согласился мальчик,— это верно. Молекулярный мир легко самовозрождается, человеческий организм в неземных условиях тоже приобрел эту способность.

Лорд-правитель удивленно посмотрел на говорящего. Пра-

вильно ли он понял и расслышал? Неужели тринадцатилетний мальчик может так рассуждать? Он хотел подойти, но теперь передумал и, притаившись, ждал продолжения. Перейдя к другой теме, Клэйн продолжал:

— Беда моего отца в том, что он слишком доверчив. Я не знаю, почему он считает, что ему просто не везет в этой войне. На его месте я внимательно отнесся бы к возможности предательства и тщательно проверил бы свое ближайшее окружение.

Неллиан улыбнулся.

— Вы говорите с убежденностью юности. И если вам когда-нибудь доведется побывать на поле битвы, вы увидите, что мыслями трудно охватить реальность. Смутные теории опрокидываются под дождем стрел и копий, под ударами мечей и топоров.

Мальчик невозмутимо возразил:

— Никто не захотел сделать выводы после взрывов космических кораблей, перевозящих воду. Только Джоквин мог бы задуматься над этим.

Разговор, как показалось лорду-правителю, приобретал недетский характер. Правитель вышел из укрытия и кашлянул. Ученый обернулся и, увидев лорда, с достоинством встал. Реакция мутанта была более быстрой. Он мгновенно оглянулся на правителя и замер. Несколько мгновений Клэйн оставался неподвижным. Лицо его было спокойным и у лорда-правителя было время рассмотреть внука. Он его не видел со дня рождения. Голова мальчика стала нормальной, у него был явно линнский нос, голубые глаза их рода. Но было и нечто большее. Тонкая красота матери все же передалась мальчику: ее рот, ее уши и подбородок. Выражение лица было ангельским. Только оно и сумело вырваться из мрака уродства. Тело же было искажено. Руки, ноги, плечи — все искорежено, вывернуто. Казалось, что они не подчинились голосу наследственности. Лорду-правителю пришла в голову мысль, что если мальчик наденет длинную одежду ученого, а руки спрячет в складки платья, никто не догадается о его недостатках. Лицо же было настолько прекрасно, что сама природа требовала отчеканить его на серебряной или золотой монете для распространения ее среди отдаленных племен. Ангельское лицо Клэйна согрело бы сердца варваров. Слава богам, что у него не четыре руки или ноги, подумал правитель. И в это мгновение мальчик очнулся от оцепенения. Произошла мгновенная трансформация. Прекрасный облик страшно изменился. Глаза остекленели, рот дернулся и утратил правильную форму. Выражение лица стало таким идиотским, что на него было больно и неловко смотреть. Тело мальчика сползло со стула, и он застыл, согнувшись и глядя на деда. Ребенок что-то неразборчиво забормотал. Неллиан резко сказал:

— Клэйн, владейте собой.

Эти слова были как ключ. С криком мальчик метнулся вперед и промчался мимо лорда-правителя на невероятной

скорости, почти скользя, сбежал он по каменным ступеням и исчез за поворотом тропы. Наступило молчание. Немного погодя Неллиан спокойно спросил:

— Можно мне обратиться к вам?

Правителя резануло, что ученый обращается к нему не по форме. Он криво улыбнулся. Демократ, подумал он. Потом почувствовал раздражение — ох уж эти проклятые республиканцы! Однако кивнул: обращайтесь.

— Он так же вел себя и со мной,— сказал Неллиан,— когда Джоквин впервые привел меня к нему. Это возвращение к тому душевному состоянию, которое он испытывал ребенком.

Лорд-правитель ничего не ответил. Он смотрел на город. День был туманный, и дымка затягивала пригороды. С высоты они, казалось, расплывались в этой дымке — дома, улицы. Но все же за ними он видел извивающуюся реку и равнину, скрытую вуалью тумана. Кругом виднелись воронки — большая война истощала человеческие ресурсы Земли, население которой достигло громадного числа — шестидесяти миллионов человек. За время его жизни население Земли почти удвоилось. Удивительно, как громада человечества устремлялась вперед, глядя своим коллективным взглядом в ослепительно яркое будущее, скрытое за горизонтом. Лорд-правитель возвратился на скалу. Не глядя на Неллиана, он спросил:

— Что он имел в виду, когда сказал, что мой сын, лорд Крэг, должен опасаться предательства в своем окружении?

Неллиан пожал плечами.

— Вы слышали это? Я могу не предупреждать вас, что мальчик окажется в опасности, если еще кто-нибудь услышит его слова. Откровенно говоря, я не знаю, где он черпает информацию. Но у него хорошее представление о дворцовых интригах и политике. Он очень скрытен.

Лорд-правитель нахмурился. Скрытность он понять мог. Люди, слишком много знающие о делах других, имеют обыкновение умирать неожиданно. Если мутант действительно знает, что с марсианской войной связано предательство, он в опасности, даже намека на это достаточно, чтобы тебя уничтожили. Правитель колебался.

— А что он говорит о космических кораблях с водой, взрывающихся перед посадкой? Откуда он знает о таких вещах?

Теперь настала очередь ученого колебаться. Наконец Неллиан решился:

— Он говорил об этом несколько раз. Несмотря на всю осторожность, мальчик нуждается в собеседнике. Ему необходимо иметь рядом хотя бы одну душу, которой он доверяет. Хорошо, что рядом с ним я.

Ученый из-под бровей взглянул на лорда-правителя.

— Естественно, я держу все это при себе. Я не занимаюсь политикой.

Великий человек слегка поклонился.

— Я вам очень признателен за это,— заверил он.

После небольшой паузы Неллиан заметил:

— Он много раз говорил о происшествии в храме Рахейнла, случившемся при его рождении. Тогда взорвалось четыре храма. Я узнал, что Джоквин рассказывал ему об этом. Джоквин оставил в своем имении тайный архив, к которому мальчик имеет доступ. Он трижды навещал главное имение после смерти Джоквина.

Лорд-правитель смутно припомнил, что давал по просьбе Неллиана разрешение на эти поездки.

— Мне нет необходимости говорить,— продолжал Неллиан,— что у мальчика, несмотря на эмоциональные срывы, вполне взрослый интеллект. Это сознание двадцатилетнего человека, а не ребенка.

— Гм...— задумался лорд-правитель.

Во взгляде его появилась решительность.

— Мы должны вылечить его от этой эмоциональной слабости. Есть несколько методов.

Он улыбнулся, вспоминая.

— На войне, когда мы хотим покончить со страхами солдата, мы подвергаем его повторяющейся опасности в сражениях. Конечно, он может быть убит. Но если выживет, то приобретает уверенность и храбрость. Точно так же оратор вначале тренирует свой голос, но только настоящие выступления дают ему уверенность.

Правитель задумчиво продолжал:

— На войну его, пожалуй, не пошлешь. Солдаты, к сожалению, считают появление в своих рядах мутанта дурной приметой. Что касается публичных выступлений, то можно поместить его в один из отдаленных храмов. В одеянии ученого он сможет читать ежедневную службу, вначале только наедине с атомными богами, потом в присутствии младших ученых и посвященных, и наконец перед публикой. Я прикажу, чтобы подготовку начали завтра же. И ему вовсе необязательно жить в храме. Примерно через год мы отведем ему отдельную резиденцию и закрепим за ним привлекательных рабынь, кротких мягких девушек, которые не будут пытаться управлять им. Я сам их отберу и поговорю с ними. Позже их можно будет продать в отдаленные районы.

Лорд-правитель помолчал и пристально взглянул на Неллиана.

— Что вы думаете, если мы начнем лечение таким образом?

Ученый кивнул.

— Прекрасно. Я рад, что вы лично заинтересовались мальчиком.

Лорд-правитель был доволен.

— Будете сообщать мне о нем раз в три месяца.

Неожиданно взгляд его остановился на каком-то странном предмете, спрятанном в кустах.

— Что это? — спросил он.

Неллиан выглядел смущенным.

— Это... гм... это... прибор, сооруженный Джоквином.

Замешательство ученого удивило правителя. Он подошел ближе и увидел металлическую трубу, уходящую вниз. Ее почти скрывали лианы, но кое-где на склоне ее можно было разглядеть.

Правитель все еще рассматривал трубу, когда из нее послышался хриплый женский голос.

— Целуй меня, поцелуй меня снова.

Лорд-правитель прикрыл травой отверстие трубы и встал.

— Подслушивающее устройство, другой конец размещен где-то в месте свиданий.

Неллиан сказал:

— Да, по другую сторону скалы.

Лорд-правитель уже хотел уходить, когда заметил возле трубы блокнот. Он поднял его и раскрыл. Страницы чистые. Вначале он удивился, потом увидел в траве бутылочку чернил и ручку. Теперь он по-настоящему заинтересовался. Взяв бутылочку, он вытащил пробку, долго разглядывал чернила, потом понюхал. Затем с улыбкой закрыл бутылочку и поставил ее в траву. Спускаясь, он думал: «Джоквин был прав. Мутант может быть нормальным, даже сверхнормальным».

К этому времени марсианская война велась уже два года и оказалась наиболее дорогостоящей из всех предыдущих войн. С самого начала, еще на стадии планирования, она вызывала невероятный накал страстей. Воевать или не воевать. Три года назад этот вопрос расколол правительство на две группы. Лорд Крэг Линн, отец Клэйна, был с самого начала и полностью против войны. Он прибыл в город с Венеры три года назад на своей космической яхте в сопровождении всего штаба. И затем целые месяцы спорил со своей семьей и различными влиятельными патронами.

— Пришло время империи прочно стоять на всех своих границах,— говорил он слушателям.— Из города-государства мы превратились в государство, охватывающее всю землю, за исключением некоторых горных территорий. Четыре из одиннадцати островных континентов Венеры — наши союзники. И нам не нужно вмешиваться в дела обитаемых спутников Юпитера, потому что они населены варварами. Марсиане управляют своей планетой по своим обычаям, но разумнее всего оставить и их в покое. Племена, завоеванные ими, постоянно восстают, поэтому марсиане все время заняты. Они для нас не опасны, и этим мы должны руководствоваться в своей внешней политике, когда речь заходит о марсианах.

Если сообщения верны, многие патроны и рыцари были склонны согласиться с его доводами. Но, увидев, что лорд-правитель настаивает на войне, они тут же изменили свои взгляды, по крайней мере, публично. Жена лорда-правителя Лидия и лорд Тьюс, сын Лидии от предыдущего брака, особенно настаивали на вторжении. Их основной аргумент, постепенно ставший убеждением и лорда-правителя, заключался в следующем: марсиане сами обрекли себя на войну, полностью

отказываясь от торговых и культурных связей с остальной частью Солнечной системы. Кто знает, какие планы они вынашивают, какие армии тайно готовят, сколько космических кораблей строится на планете, которая уже свыше десяти лет не допускает посетителей извне? Лорд Крэг утверждал, что марсиане осторожничают, помня, как был завоеван венерианский остров Кимбри. А завоеван он был вот как. Кимбри, подозрительное племя, после ультиматумов, в свое время согласилось принять посетителей. И кимбрийцы очень забеспокоились, когда увидели, что в течение нескольких месяцев в одиночку и группами, на остров прибыло около тридцати тысяч дюжих молодцов. Беспокойство оказалось оправданным. Однажды ночью «туристы» собрались в трех главных городах кимбрийцев и одновременно напали на центры управления. К утру было перебито около ста тысяч венериан, и остров был захвачен. Этой экспансией, по настоянию матери, командовал Тьюс, позднее Патронат проголосовал за триумф для лорда Тьюса. Естественно, что группа Лидии-Тьюса считала, будто Крэг завидует блистательной победе. Одни утверждали, что Крэгу не хватает решительности, чтобы стать выдающимся человеком. Другие говорили, что собственные его войны велись неудачно. Некоторые заходили так далеко, что вообще не верили в боевые качества линнских армий, возглавляемых лордом Крэгом, и тут же добавляли, что он просто трус. Для лорда Крэга, постоянного в своих взглядах, величайшим открытием было то, что его жена также на стороне противников. Он так огорчился и рассердился, что тут же послал ей приказ о разводе. Леди Таня, которая поддерживала партию войны только чтобы ускорить карьеру мужа, испытала сильнейшее нервное потрясение. Неделю спустя она частично оправилась и в обеденный час приехала в лагерь мужа на окраину города. На виду у сотен офицеров на четвереньках она подползла к нему и умоляла взять ее обратно. Изумленный Крэг поднял ее с колен, и они помирились. После этого леди Таня изменилась, ее высокомерие исчезло. Она отошла от политической деятельности и посвятила себя богу. Ее гордая ослепительная красота как бы погасла, она стала просто хорошенькой. Заботливая жена поцеловала мужа, провожая его в очередной поход, и долго смотрела, как его яхта взлетала, чтобы присоединиться к космическому флоту, ожидающему на другой стороне Земли вылета к Марсу.

Даже космические корабли, самое совершенное, что создало человечество, в бою бывают уязвимы. Конечно, это быстрейшее средство передвижения, доступное человеку. Но разве в космосе можно рассчитать, за какое время корабль покорит огромные пространства. Во время вторжения на Марс считалось, что космические корабли способны развивать в безвоздушном пространстве скорость в тысячи миль в час. Поскольку полет к Марсу требовал от сорока до ста дней, в зависимости от взаимного расположения планет, самое короткое расстояние до Марса расценивалось в миллион миль. Ученые

сомневались, соответствует ли это число действительности. Если оно верно, то звезды должны быть удалены на сотни миллионов миль. Это казалось невероятным. Космический корабль длиной в сто пятьдесят футов мог перевезти двести человек на Марс за шестьдесят дней. Можно было бы взять людей и побольше, но им не хватило бы воздуха. Воздух очищать научились, однако процесс этот был сложен. Двести человек в корабле — столько вез каждый транспорт в первом десанте. Всего в нем было пятьсот кораблей. Высадились они в огромной пустыне, известной под названием Киммерийское море. По краям этой пустыни проходил канал шириной в милю, и на сотни миль по обе стороны канала тянулась зеленая растительность, питаемая тысячами крошечных распределительных канальчиков. Ослин, один из крупнейших городов марсиан, располагался в большой долине, там, где канал извивался, как река. В определенном смысле каналы и были реками. Весной вода по ним перемещалась с севера на юг, постепенно замедляя свой бег, и к середине лета совсем останавливаясь. Население Ослина превышало миллион марсиан. Его взятие означало бы огромную утрату для марсиан и давало большие выгоды завоевателям. Флот достиг Марса в установленное время. Лишь один корабль не появился в месте встречи. Ждали его сорок восемь часов. В полночь на второй день корабли группами по десять устремились к каналу и городу. Была избрана площадка примерно в пяти милях от города, и одна за другой линии кораблей выстроились среди редких кустов марсианской поверхности. Они немедленно начали разгружаться; были выгружены войска, большая часть лошадей, оборудование и запас пищи. Это были опасные шесть часов. Разгружающиеся корабли весьма уязвимы для нападения особого типа судов, снабженных длинными металлическими таранами, которые легко разрывают тонкие пластинки корпуса космических кораблей. Для атакующего корабля застать транспортник в воздухе означало удачу. Атакующий, приблизившись сбоку, ударял и переворачивал транспорт. Поскольку на верхней стороне транспортника не было двигательных труб, поддерживающих корабль в воздухе, он обычно падал как камень. Периодические попытки установить двигатели вверху или внизу корабля вызывали радиоактивные ожоги у экипажа и пассажиров, и никакое количество свинцовых прокладок не спасало от этого. Шесть часов прошли мирно, никто не нападал. Примерно за два часа до рассвета армия начала двигаться вдоль канала по направлению к городу. Через час авангард поднялся на холм, за которым лежала большая долина, а в ней Ослин. Солдаты остановились, осадив коней. К лорду Крэгу был отправлен курьер с невероятным сообщением. В долине расположилась марсианская армия, такая огромная, что ее палатки и сооружения терялись в дымке за горизонтом. Командующий выехал вперед, чтобы увидеть неприятеля. Сопровождавшие утверждали, что он был совершенно спокоен. Но надежды на легкую быструю победу рас-

сеялись в одно мгновение. Впереди стояла основная марсианская армия численностью в шестьсот тысяч человек. Ею командовал сам король Винатгин. Лорд Крэг решил атаковать немедленно, но вражеский воздушный флот пролетел над холмом, осыпав стоящих там дождем стрел и ранив примерно пятьсот солдат. Командующий остался невредим, но противник знал уже слишком много. Лорд Крэг отдал необходимые распоряжения. Цель его была проста. Король Винатгин и его штаб, несомненно, знали о приближающемся нападении. Но одно дело иметь информацию, и совсем другое — передавать ее в огромную, разбросанную по широкой долине армию. Это была единственная причина, ставившая под сомнение исход сражения. Марсиане превосходили атакующих в шесть раз. Оборона вначале была неуверенной, но таким же было и наступление. Уж слишком велико было превосходство обороняющихся. Позже стало известно, что марсиане потеряли сто тысяч убитыми и ранеными, в маленькой линнской армии было убито, ранено и пропало без вести тридцать тысяч солдат. И когда к полудню не удалось продвинуться вперед, лорд Крэг приказал отступать. Но беды на этом не кончились. Когда его войско растянулось вдоль канала, пятитысячный кавалерийский отряд ударил в тыл, отрезал армию от лагеря и повернул отступавших от канала в сторону пустыни. Только опустившиеся на воюющих сумерки спасли армию от полного уничтожения. Отступление длилось до полуночи, только потом солдаты смогли лечь и уснуть. Но для лорда Крэга отдыха не было. Он связался с флотом, ожидающим особых указаний в космосе. Осторожно приземлились сто кораблей, выгрузив добавочное оборудование и рацион. Опасались, что корабли подвергнутся нападению, однако этого не произошло, и каравану удалось благополучно взлететь до рассвета. Слишком быстро защитная темнота сменилась ярким дневным светом. Привезенные запасы помогли армии выдержать и этот день. Вражеское войско теснило их час за часом, но лорду Крэгу было ясно, что король Винатгин не слишком умело использует свои превосходящие силы. Наступление велось неуклюже и нерасторопно. Врага удалось перехитрить, и к вечеру, оставив защитный кавалерийский заслон, линнская армия оторвалась от противника. Ночью удалось отдохнуть, и лорд Крэг снова начал надеяться. Он понял, что в случае необходимости сумеет погрузить свои войска и убраться с планеты без дальнейших потерь. Это была соблазнительная перспектива. Она соответствовала его убеждениям, ведь он всегда утверждал, что марсианская война не имеет шансов на успех. Но вместе с тем он сознавал, что возврат линнской армии невозможен. Его будут считать несостоятельным полководцем. Ведь это он выбрал место нападения. И еще, чего доброго, вспомнят, что он противился войне, и будут говорить, что он сознательно проиграл сражение. Нет, он не мог возвращаться в Линн. К тому же нужно ждать, когда второй флот через две недели доставит еще сто тысяч человек. Две недели? На четвертый

день тонкие нити распределительных каналов начали пересыхать. К вечеру солдаты увязали в песке. Впереди расстилалась красная пустыня. На востоке, примерно в девятнадцати днях пути, находился другой канал, но лорд Крэг и думать не мог о таком опасном путешествии. Семьдесят тысяч человек начала мучать жажда. Впервые Крэг с армией оказались в пустыне. Положение стало угрожающим, когда одиннадцать из двенадцати космических кораблей, посланных за водой, взорвались при приближении к лагерю и залили пустыню и несчастных, оказавшихся под ними, кипятком. Один корабль приземлился, но вода в нем закипала, и его удалось спасти только срочно выпустив воду в песок. Почти сварившийся командир с трудом выбрался из рубки и доложил лорду Крэгу:

— Мы выполнили ваш приказ, сэр. Выбросили почти все оборудование и погрузились в канал, использул корабль как танкер. Вода немедленно начала греться.

Он выругался.

— Это проклятые водяные боги, которым поклоняются марсиане.

— Чепуха,— отрезал лорд Крэг и приказал отвести командира на его собственный корабль под арест.

Но это не помогло. У многих солдат возникла та же мысль. Марсианские боги заставили воду закипеть, поэтому корабли и взорвались. Лорд Крэг в своей речи, обращенной к легионам, указал на то, что в баках остальных кораблей с водой ничего не произошло.

Его прервал голос:

— Почему же тогда не привезти эту воду сюда?

Солдатам понравилась эта идея и очень непросто было доказать им, что нельзя рисковать флотом. На седьмой день жажда стала невыносимой. Лорд Крэг понял, что не может ждать прибытия второго флота. Он начал осуществлять план, о котором подумывал еще тогда, когда выбрал для нападения Ослин. Ночью он вызвал свои двести кораблей и погрузил в них армию, почти по триста пятьдесят человек на корабль. Он предполагал, что шпионы марсиан надели мундиры убитых линнских солдат и проникли в лагерь, поэтому не сообщал, куда будут следовать корабли. План его основывался на наблюдениях, которые он сделал, когда посетил Марс еще в юности. Во время путешествия по каналу в Ослин он приметил город Маггу. В этот город, расположенный в труднодоступных горах, можно было пройти по четырем узким дорогам, которые легко было защищать. Двадцать лет назад здесь располагался гарнизон. Но лорд Крэг справедливо решил, что легко справится с этим гарнизоном, если ударит по нему неожиданно. Кроме того, король Винатгин не верил, что его атаковало главное звено армии Линна. Он ожидал высадки больших сил и удерживал свое войско у Ослина. Маггу захватили вскоре после полуночи. Воды было предостаточно. Когда, неделю спустя, прибыл второй флот, он тоже высадился в Магге, и вся экспедиция была спасена.

Даже сторонники Крэга не сумели оценить его оборонительную победу. Всем казалось, что армия зажата в тиски в маленьком городе и обречена. Даже лорд-правитель приказал тайно проверить сообщение сына и его утверждение, что войско в безопасности. Армия оставалась в Магге все лето и зиму. Весь год она просидела в осаде, а лорд Крэг упрямо требовал от Патроната еще двести тысяч человек. Патронат отказывался слать войска на верную гибель. Однако лорд-правитель наконец понял, что положение Крэга прочное, и лично потребовал отправки подкреплений. В тот день, когда лорд-правитель задумчиво спускался из убежища своего внука-мутанта, на пути к Марсу находилось еще четыре легиона.

Лорд-правитель не очень удивился, когда две недели спустя Неллиан передал ему письмо от Клэйна. В письме говорилось:

«Моему деду, почтеннейшему лорду-правителю.

Я крайне сожалею, что не справился со своими эмоциями, когда вы пришли ко мне. Позвольте заверить, что я горжусь оказанной мне честью, и что ваше посещение изменило мое мнение относительно многих предметов. До вашего прихода в орлиное гнездо я не считал, что у меня есть обязательства перед семейством Линнов. Теперь я решил поддержать имя Линнов, которое вы сделали великим. Приветствую Вас, мой высокодостойный дед, величайший из живших когда-либо людей.

Восхищенный Вами ваш внук Клэйн».

В письме содержались мелодраматические нотки. Так, лорд-правитель почувствовал фальшь в утверждении, что он величайший из людей. Кто знает, какое место он занимает,— второе, третье... «Мой мальчик, подумал он, ты забыл моего дядю, полководца из полководцев, и его противника, тоже яркую личность. Ему и двадцати не минуло, а уже было официально разрешено величать его титулом «великий». Я знал их обоих и знаю, чего стою я». Тем не менее письмо было приятно лорду-правителю. Но оно и удивило его. В письме был некий подтекст, будто решение принято человеком, обладающим властью и правом принимать решения. Он вложил письмо в раздел семейной корреспонденции и начал им новый подраздел: «Клэйн». И забыл о нем. Но неделю спустя вспомнил, когда жена показала ему два послания. Одно, адресованное ей, второе, незапечатанное,— лорду Крэгу на Марс. Оба послания были от Клэйна. Лидия забавлялась.

— Тебя здесь кое-что заинтересует,— заметила она.

Лорд-правитель прочел адресованное ей письмо:

«Моей благородной бабушке.

Досточтимая леди, чтобы не обременять своими просьбами вашего мужа, моего деда, почтительно прошу Вас отправить обычной почтой письмо моему отцу, лорду Крэгу. В нем молитва, которую я прочту на следующей неделе в храме, молитва о даровании победы над марсианами. В следующей

почте моему отцу будет послана металлическая капсула, освященная на этой церемонии прикосновением богов — металлов Радия, Урана, Плутония и Экса.

Почтительнейше ваш Клэйн».

— Ты знаешь,— говорила Лидия,— получив это, я сначала не поняла, кто такой Клэйн. Мне почему-то казалось, что он мертв. Но, я вижу, он жив и стал взрослым.

— Да,— с отсутствующим видом согласился лорд-правитель,— да, он вырос.

Он рассматривал молитву, которую Клэйн посылал лорду Крэгу. У него было странное чувство, что есть в этом что-то, чего он пока не понимает. Почему письмо передается через Лидию? Почему не непосредственно через него?

— Ясно,— сказала Лидия,— раз письмо будет освящено в храме, надо его послать.

Да-да, подумал лорд-правитель. Они должны послать письмо. Они должны послать металл, освященный богами. Но почему же все-таки информация передавалась через Лидию? Он прочел молитву, поражаясь ее стилю. Такая заурядная, такая незначительная... Но что-то в ней было, какая-то магия сквозила между ее строчек.

— Что ж,— рассмеялся лорд,— я отошлю письмо.

Придя к себе, он зажег свечу и подержал письмо над огнем. Через две минуты между строками действительно появилась запись, сделанная невидимыми чернилами. Шесть строк из тесно подогнанных слов между каждыми двумя строками молитвы. Лорд-правитель, поджав губы, прочел подробную точную инструкцию. Это был план действий марсианской армии, не столько военный, сколько магический. И несколько раз упоминался взрыв храмов, произошедший много лет назад. В конце было оставлено место для его подписи. Он не стал сразу подписывать, но в конце концов подписал, положил письмо в конверт и приложил большую государственную печать. Потом сел и снова подумал: «Но почему Лидии?» В сущности, не надо было долго размышлять, чтобы догадаться, что предательства преследуют легионы лорда Крэга в течение всех трех лет войны. В такой семье, как наша, угрюмо подумал лорд-правитель, заговорщики есть повсюду, есть они и в шестидесяти футах от орлиного гнезда, где ребенок богов, приставляя ухо к трубе, слушал голоса предателей и записывал услышанное невидимыми чернилами в блокнот, листы которого оставались чистыми. Лорд-правитель знал, что его жена разводит бесконечные интриги за его спиной. Он женился на ней, чтобы оппозиция была представлена в правительстве. Она была дочерью одной из благороднейших семей Линна; все взрослые мужчины этой семьи погибли, сражаясь на стороне Рахейнла. Двое из них были схвачены и казнены. Ей тогда исполнилось девятнадцать лет, она была замужем и имела сына, впоследствии лорда Тьюса, когда лорд-правитель организовал самый скандальный бракоразводный процесс,

а за ним последовало новое бракосочетание человека, именем которого уже называлось государство. Женитьба на Лидии — это был ход в опасной игре, и этот ход оказался мудрым. Лидия была как бы клапаном для всех сжатых сил оппозиции. По ее действиям он узнавал о намерениях оппозиции. И шел им навстречу, насколько это было возможно. Будто бы следуя советам жены, он привлек на свою сторону сотни способных администраторов, солдат и патронов, которые помогали ему управлять все возрастающим населением Земли и ее колоний. С каждым годом все больше и больше оппозиционных членов Патроната поддерживали его законы. Они смеялись над его привычкой читать речи. Они высмеивали его любимые выражения: «Быстрее, чем сварить спаржу», «Слова изменяют мне, джентльмены», «Будем довольны синицей в руках». И другие. Но они снова и снова поддерживали его в интересах империи. И когда его агенты докладывали о готовящихся заговорах, расследование показывало, что в этих заговорах не участвует ни один влиятельный человек. Не раз ругал он Лидию за ее темные дела. Она не могла не быть в оппозиции, как и он не мог, будучи еще юношей, не быть втянутым в водоворот политических амбиций своей группы. Ее убили бы сами оппозиционеры, если бы она показалась им слишком «нейтральной». Нет, он не винил ее за действия в прошлом. Но этот случай был особым. Огромная армия была поставлена на карту только для того, чтобы доказать, что лорд Крэг воюет хуже, чем лорд Тьюс. Тут действовали личные интересы, и лорд-правитель понял, что перед ним тупик. Необходимо спасти Крэга. Спасти, однако не потревожив при этом Лидию и остальных. Несомненно, у них есть возможность просматривать его личную переписку с Крэгом. Посмеет ли он запретить делать это? Поступить так было бы неразумно. Все должно казаться обычным и разумным, иначе они могут предпринять попытку убить лорда Крэга. Пока армия лорда Крэга держится, его противники не будут делать решительных шагов. Сумка с почтой для лорда Крэга должна попасть в их руки, как и в предыдущих случаях. Если письмо будет вскрыто, вероятно, будет предпринята попытка убить Клэйна... Что из этого следует? Лорд-правитель разместил стражников во всех местах, где появлялся его внук, окружив ими также основание орлиного гнезда. Чтобы оправдать появление стражников он вывесил такой приказ:

«Мне надоело наталкиваться на бесстыдно целующиеся в общественных местах пары. Это не просто дурной вкус. Это общественное падение нравов, которое требует решительных действий. Стражники будут сняты примерно через неделю. Я рассчитываю на здравый смысл всех, особенно женщин, и надеюсь, в будущем такие спектакли не повторятся».

Неделя понадобилась лорду, чтобы защитить Клэйна до посвящения его в храме. В день посвящения лорд-правитель сказал Неллиану:

— Я думаю, он должен поездить по Земле. Без всякого

заранее намеченного маршрута. И инкогнито. И пусть выедет завтра же.

С Клэйном все. В этот день лорд-правитель посетил также военный лагерь, расположенный за городом. Для солдат этот день стал праздником. Правитель раздал миллион сестерциев. Были организованы бега, состязания в скорости и других видах спорта, и победители получали награды; даже побежденные, которые боролись честно, получили денежные вознаграждения. День удался. Уезжая, лорд-правитель до самых городских ворот слышал приветственные крики. Потребуется несколько недель, если не месяцев, чтобы вызвать у этих солдат недовольство. Приняв все возможные меры предосторожности, лорд-правитель отправил почту и стал ждать результатов. Группа Лидии действовала быстро. Рыцарь опустошил почтовую сумку. Рыцарь и патрон просмотрели каждое письмо, разложив их в две стопки. Одна из стопок была снова помещена в сумку. Вторую просматривал лорд Тьюс. Отобрав несколько писем, он передал их матери. Лидия просматривала их одно за другим и протягивала те, которые нужно было распечатать одному из рабов, искусному в обращении с химикалиями. Именно эти рабы распечатывали письма.

Седьмым из отобранных было письмо Клэйна. Лидия взглянула на подпись на конверте, увидела имя адресата, и губ ее коснулась легкая улыбка.

— Скажите мне,— проговорила она,— может быть, я ошибаюсь, но разве в армии карлики, мутанты и другие уроды не считаются дурным предзнаменованием?

— Именно так,— ответил один из рыцарей.— Увидеть его накануне битвы, значит проиграть ее. Иметь дело с ним, значит потерпеть неудачу.

Леди-предводительница улыбнулась.

— Мой благородный муж не интересуется такими феноменами. Нужно проследить, чтобы армии стало известно, что лорд Крэг получил послание от своего сына-мутанта.

Она бросила письмо в сумку.

— Я уже читала его.

Спустя три четверти часа курьер был на пути к кораблю.

— Ничего важного,— сказала Лидия сыну.— Твой отчим, по-видимому, занимается только сохранением морали во дворце.

Лорд Тьюс задумчиво сказал:

— Хотел бы я знать, зачем ему понадобилось подкупать охранный легион.

Еще более удивили заговорщиков события следующего дня, когда лорд-правитель объявил объединенное заседание обеих палат Патроната. Как только об этом было объявлено, леди Лидия отправилась к мужу с расспросами. Но великий человек покачал головой, улыбнулся и бесхитростно сказал:

— Моя дорогая, это будет приятным сюрпризом для всех. Ты должна позволять мне такие простые удовольствия.

Заседание должно было состояться через несколько дней.

К этому времени шпионы Лидии ничего не сумели выяснить. И она и лорд Тьюс встречались с лидерами Патроната в надежде, что у тех может быть «щепотка информации». Но поскольку те расспрашивали ее саму, Лидии стало ясно, что они были в таком же неведении, как и она. И вот, впервые за много лет, она сидела в своей ложе в Патронате, не зная повестки заседания. Решающий момент наступил. Она видела, как ее муж прошел по проходу и поднялся на помост. В раздражении она схватила лорда Тьюса за руку и яростно прошептала:

— Что у него на уме? Вся история становится фантастической.

Тьюс ничего не ответил. Лорд-правитель начал с предписанного обычаем обращения:

— Благородные члены моей семьи, мудрые и щедрые лидеры Патроната, благородные патроны и их достойные семьи, рыцари империи и их леди, почетные члены, представители доброго народа империи Линна, я с радостью объявляю вам о своем решении и не сомневаюсь в вашей единодушной поддержке...

Аудитория затихла. Лидия закрыла глаза. Слова ее мужа означали, что не будет споров, не будет обсуждения. Патронат формально ратифицирует решение, но на самом деле оно станет законом, как только правитель произнесет свои слова. Тьюс склонился к матери:

— Обрати внимание, он же читает свою речь.

Лидия не заметила этого. А следовало бы, подумала она. Ее шпионы среди домашней прислуги сообщали, что не нашли ни клочка бумаги, никакого черновика в частных владениях правителя и в его кабинете. На помосте Линн продолжал:

— Нелегко человеку, ведущему, подобно мне, активную жизнь, осознать, что годы проходят. Я старею, физически сегодня я уже не так крепок, как десять лет назад. Пришло время подумать о наследнике, причем я имею в виду не только преемника, но и соправителя. Он будет соправителем, пока я остаюсь правителем, и станет единоличным правителем после моей смерти или отставки. Размышляя об этом, я сообщаю вам с радостью, что возлагаю эту важную должность на моего возлюбленного сына, лорда Крэга, чье долгое и честное служение империи в последние годы было подкреплено значительными военными достижениями.

Один за другим перечислил он успехи лорда Крэга в его карьере. Затем подчеркнул:

— Его первым большим достижением в марсианской кампании, так злополучно начатой, стало спасение нашей армии. Он нашел выход из тяжелого положения, в которое она попала в момент высадки, когда, по случайному совпадению, ей противостояла намного превосходящая вражеская армия. Потом ему чудом удалось провести армию в тайное место, где она могла защищаться. А теперь мы уверены, что он одержит победу, которую два года назад вырвал у него случай.

Он помолчал, и, пока Лидия слушала, открыв глаза и осознавая глубину своего поражения, твердо сказал:

— На своего сына, лорда Крэга, я возлагаю совместное со мной управление Линнской империей и даю ему титул лорда-правителя. Этот титул не подчинен моему, так же как лорд Крэг не подчинен мне, за исключением моральных правил, связанных с подчинением сына отцу.

Лорд-правитель снова помолчал, улыбнулся странной бледной улыбкой, потом продолжил:

— Я знаю, что вы вместе со мной будете радоваться этому счастливому известию и сегодня же утвердите это назначение, чтобы мой сын обладал всей полнотой власти накануне решающей битвы.

Он поклонился и сошел с помоста. Наступила тишина. Аудитории, казалось, потребовалось время, чтобы понять, что он кончил. Но когда начались аплодисменты, они звучали яростно до тех пор, пока он не покинул мраморный зал.

Лорд Крэг читал письмо Клэйна с хмурой улыбкой. Он понял, что молитва была использована мальчиком, чтобы замаскировать более важное сообщение, и необходимость в такой уловке удивила его. Она придавала вес документу, с которым такие планы обычно не связываются. Важной особенностью плана было то, что он требовал лишь незначительных изменений в расстановке войск. Целью плана была атака. Но добавлялся невероятный психологический фактор. В пользу плана говорил взрыв одиннадцати космических кораблей с водой. Со времени взрыва прошло два года, но феномен так и остался необъясненным. Крэг долго размышлял над тем местом письма, где утверждалось, что присутствие армии короля Винатгина в Ослине не было случайностью, а вызвано предательством. «Я просидел взаперти два года,— горько подумал он,— сражаясь с превосходящими силами противника, потому что моя мачеха и ее толстяк-сын стремятся к неограниченной власти». Он видел себя мертвым, а лорда Тьюса — наследником лорда-правителя. Мысль эта показалась ему отвратительной. Он резко и решительно вызвал к себе храмового ученого, прикомандированного к армии, человека, известного своим знанием Марса.

— Как быстро в это время года движется вода по каналу в Ослин?

— Примерно пять миль в час,— был ответ.

Крэг обдумал его. Примерно сто тридцать миль в марсианский день. Достаточно трети, даже меньше. Если освященный металл бросить примерно в двадцати милях к северу от города, эффект будет достигнут как раз в момент давно планируемого наступления. Никакого вреда не принесет такое изменение плана, успокаивал он себя. Армия еще готовилась к наступлению, когда с Земли пришла новость, что Крэг назначен лордом-соправителем. Новый правитель Линнской империи сообщил об этом в скромном коммюнике и тут же удивился

результату. Куда бы он ни шел, солдаты встречали его приветственными криками. Служба безопасности доносила ему, что войско оценило то хладнокровное мастерство, с каким он вывел армию из западни после первой высадки. Но теперь он чувствовал себя объектом личного преклонения. В прошлом он изредка встречал офицеров, вызывавших дружеские чувства у подчиненных. Впервые он сам вызвал их. И сразу оказались оправданными годы тяжелой полевой жизни, напряженная работа среди множества измен. Как друг и старший товарищ, как главнокомандующий и собрат по оружию, лорд-соправитель Крэг Линн в день наступления обратился к своим людям со специальным посланием.

«Солдаты Линна! День и час победы близки. У нас достаточно сил и вооружения для достижения любой цели. В эти мгновения перед решающей битвой вспомним еще раз, что цель победы — объединенная Солнечная система, один народ и одна Вселенная. Наша цель — немедленный и полный успех. Но помните: победа — всегда результат несгибаемой целеустремленности, соединенной с искусством бойцов. Поэтому прошу вас: ради вашей жизни и нашей победы стойте на месте прочно и, когда можете, идите вперед. Как солдаты с самыми чистыми и правдивыми намерениями, мы посвятили себя атомным богам и победе. Каждому из вас желаю успеха.

Крэг Линн, лорд-соправитель».

Исход второй битвы при Ослине никогда не вызывал сомнения. В утро битвы, проснувшись, жители города обнаружили, что канал шириной в милю и все мелкие каналы заполнены кипятком. Пар густыми облаками поднимался над городом. Он скрывал космические корабли, спускавшиеся прямо на улицы. Он скрывал солдат, выгружавшихся из кораблей. К середине утра солдаты короля Винатгина начали сдаваться так быстро и в таких количествах, что королевская семья не успела бежать. Монарх, плача от стыда, попросил защиты у линнского офицера, который под охраной отвел его к лорду-соправителю. И побежденный король упал к ногам Крэга, а затем, помилованный, но закованный в цепи, стоял как пленник на холме рядом с победителем и смотрел на крушение военной мощи Марса. Через неделю сдались все крепости, кроме одной, в далеких горах, и Марс был завоеван. Но в один из дней триумфа, в сумерках, отравленная стрела вылетела из здания в Ослине и пронзила горло Крэга. Он умер через час в страшных мучениях, а убийца так и не был найден. И когда три месяца спустя известие о его смерти достигло Линна, обе стороны действовали быстро. Лидия приказала убить двух рабов, знатоков химии, и курьера, принесшего весть о победе Крэга. Теперь она послала убийц к двум рыцарям и патрону, помогавшим ей вскрывать письма. Одновременно она велела Тьюсу покинуть город. Когда солдаты старого лорда-правителя явились, чтобы арестовать Тьюса, он, предупрежденный матерью, уже находился на борту своего

космического корабля. И его бегство вызвало первый приступ ярости у правителя. Он решил отменить свой визит к Лидии. Медленно тянулся первый день, и в нем постепенно крепло мрачное восхищение женой: он понял, что теперь, после смерти Крэга, не может разорвать с ней отношения. Он решил, что не она организовала убийство Крэга. Какой-нибудь испуганный приверженец, боясь за себя, действовал на свой страх и риск; а Лидия, прекрасно понимая ситуацию, лишь постаралась смягчить ее. Для империи разрыв с Лидией мог бы оказаться роковым. Когда она явилась со свитой, чтобы выразить ему соболезнование, он уже принял решение. Лорд-правитель со слезами на глазах взял ее за руку.

— Лидия,— сказал он,— для меня это ужасный момент. Что ты предлагаешь?

Она предложила объединить государственные похороны и триумф. Она добавила:

— К несчастью, Тьюс болен и не сможет присутствовать. Похоже, что болезнь удержит его надолго.

Лорд-правитель понял, что она смиряет свои честолюбивые устремления относительно Тьюса, по крайней мере, на время. Это была большая и необходимая уступка в связи с его решением замять все дело. Он наклонился и поцеловал ее руку. На похоронах они шли за гробом рядом. И поскольку правитель мучился сомнениями относительно будущего, он продолжал спрашивать близких, как жить теперь. Это была агония нерешительности, сознание ограниченных возможностей стареющего человека. Он все еще не знал, что делать ему дальше, когда взгляд его остановился на мальчике, одетом в траурное одеяние ученого. Мальчик шел рядом с Неллианом, и это позволило правителю узнать его: Клэйн.

Лорд-правитель шел за сверкающим гробом, в котором лежал его сын, и впервые за последнее время боль его слегка отступила, и он задумался. Надеяться на мутанта нельзя. И все же он вспомнил слова Джоквина о том, что мальчику нужно дать возможность вырасти. И тогда он себя покажет, говорил покойный ученый. Он предсказывал, что Клэйн займет свою нишу в линнском «зале славы». Медрон Линн угрюмо улыбнулся. Обучение мальчика должно продолжаться. Нужно распорядиться об эмоциональной добавке. Хотя Клэйн едва достиг половой зрелости, вероятно, пора ему узнать, что женщины представляют собой клубок эмоций, опасный, но восхитительный. Опыт общения с женщинами поможет ему достичь физического и душевного равновесия, иначе его существование станет односторонним.

Несколько недель спустя после похорон лорда Крэга стоял теплый летний день. И учитель, и ученик сидели под большой смоковницей во дворе имения, унаследованного Клэйном от Джоквина.

— Семья Деглет, позже переименованная в Линн,— гово-

рил ему Неллиан,— вступила в банковское дело около пятидесяти лет назад.

Но четырнадцатилетний мальчик, не отвечая, приподнялся со своего сидения. Он смотрел на дорогу, которая вела в Линн. На горизонте виднелось облачко пыли, один раз солнце блеснуло на металле. Возможно, повернулось колесо, но это было еще слишком далеко, чтобы разглядеть того, кто приближался. Клэйн понял это и опять сел.

— Разве неправда, что основатель семьи сидел на углу улицы и давал проходящим деньги в обмен на заклад — драгоценности, кольца? — спросил он.

— Я считаю, что ваш предок,— ответил старый ученый,— был замечательным ростовщиком и знал толк в благородных металлах. Постепенно он завел свое дело.

Мальчик хмыкнул:

— Однокомнатное деревянное сооружение, плохо защищенное от дождя и холода.

— И все же это был собственный дом,— возразил учитель,— с которым связано представление об определенном достатке. История говорит, что позже, когда он смог купить рабов, он построил себе несколько домов, и в каждом проводил по одному дню, соответственно переодеваясь. В разные дни недели он встречался с разными слоями населения. В один день он, сидя на скамье, ссужал деньги работнику, в другой — имел дело с обанкротившимися рыцарскими семьями, которые закладывали свои замки, чтобы продлить свое существование. Ваш предок понял неразумность ложной гордости и использовал ее в своих целях. Вскоре он владел большим количеством домов и имений, имел врагов, которые неразумно закладывали свою собственность, чтобы на месяц-два оттянуть выплату долгов,— Неллиан замолчал и вопросительно взглянул на ученика. Потом сказал:

— Выражение вашего лица свидетельствует, что вы задумались над моими словами, молодой человек.

Клэйн молчал, слегка покачивая головой.

— Я думаю о гордости, которая послужила причиной падения многих семей и империй.

Он вспомнил, как испытывал эмоциональный шок в присутствии посторонних. Может быть, он так выражал свою гордость?

Он объяснил это Неллиану.

— Я чувствую при этом, как во мне накапливается сознание, что я — личность. В такие минуты я могу жалеть себя, но не стыдиться.

Он покачал головой, потом вспомнил и посмотрел на зеленые холмы, где в облаке пыли теперь был ясно различим блеск металла. Но разобрать все еще ничего было нельзя, и Клэйн сказал:

— Раньше со мной это случалось так часто, что, я думаю, и сейчас, если начнется припадок, я не справлюсь с собой.

— Но вы с каждым разом все лучше владеете собой,— быстро заверил Неллиан.

— Это верно,— мальчик кивнул и оживился.— Я как солдат, который с каждой битвой все больше становится ветераном.

Он нахмурился.

— К несчастью, есть войны, в которых я не участвовал.

Неллиан улыбнулся.

— Вы должны продолжать преодолевать ограниченные препятствия так, как вы это делали с Джоквином. Способность к самоограничению — это ваша наследственная черта. Такова же и политика вашего деда.

Клэйн взглянул на него сузившимися глазами.

— Почему мой дед обратил на меня внимание только с недавнего времени?

На длинном морщинистом лице учителя появилась улыбка.

— Это вполне закономерно.

— Закономерно?

— Ваш статус после провозглашения вашего отца лордом-соправителем соответственно изменился.

— Ах это! — Клэйн пожал плечами.— Но это не имеет практического значения. Меня, горбуна-мутанта, терпят лишь из-за кровного родства. Когда я вырасту, то смогу интриговать за кулисами. В лучшем случае выполнять роль посредника между храмами и правительством. Мое будущее стереотипно и стерильно.

— Тем не менее,— возразил Неллиан,— у вас, как у одного из троих сыновей лорда-соправителя Крэга Линна, имеются законные права в правительстве, и вам придется ими воспользоваться, хотите вы этого или нет.

Он сварливо закончил:

— Позвольте сказать вам, что вы пренебрегаете своими правами. Мы с Джоквином зря тратили на вас время. В беспокойной империи вы либо будете жить в соответствии со своим рангом, либо погибнете от руки убийцы.

Мальчик холодно отрезал:

— Глубокопочтенный Старик, продолжайте урок истории.

Неллиан улыбнулся.

— В какой-то степени ваша судьба напоминает судьбу вашего предка. Вы презренный мутант. Он — презренный ростовщик. Перед ним стояли не меньшие, если не большие, препятствия, чем перед вами. И все же, мой мальчик, мы говорим о человеке, который основал семью Линн. Когда вы заглядываете вперед, вы видите только трудности. Оглядываясь же назад, на жизнь своего прадеда, вы видите, что для храброго человека, действовавшего среди неразумных людей, все было просто. Благородные семьи, занимавшие у него деньги, старались как можно дольше сохранить видимость благополучия. И когда истекал срок, они винили в своих бедах не себя, а, конечно же, его — молодого Гована Деглета. А чем он был виноват, что приходилось нанимать телохранителей и отнимать

у должников, которым нечем было больше платить, их имущество. К тридцати годам он был уже настолько богат, что смог искать себе невесту в семьях разоренных патронов. Его предложение потрясло патронов до глубины их аристократических душ. Но патрон Сеппер был человеком, считавшимся с реальностью. Чтобы спасти себя от гибели, он пошел на брак своей прекрасной дочери Пиикарды Сеппер с презренным ростовщиком. И она делила с ним постель и рожала ему детей, хотя всю жизнь не любила их. Она называла их, включая вашего прапрадеда, «рабьим отродьем».

Тонкое лицо мальчика исказила циничная усмешка.

— Если она была так настроена, думаю, что дети были не его. Вспомните, Неллиан, в своем убежище во дворце я годами был свидетелем любовных свиданий самых известных придворных дам. Внешне все они респектабельны, все замужем, но переходят от одной связи к другой. Не раз я слышал признания, что ребенок, которого носит дама, совсем не от ее мужа. Конечно, неважно, являемся ли мы, Линны, прямыми потомками Гована Деглета. Мы унаследовали его деньги, а связи Сеппера дали благородство... Но...— он пожал плечами.

— Гован знал аристократок и их мораль. Он все время следил за женой; будучи страстной женщиной, она вскоре поняла, что единственным источником мужской ласки для нее является муж. История утверждает, что он был счастливым и довольным мужем.

Ученый встал.

— Молодой человек, я думаю,— сказал он,— пора закончить наш урок. Через несколько минут здесь будет ваш дед, лорд-правитель.

— Мой дед! — Клэйн, дрожа, вскочил. Мгновенно самообладание покинуло его. Крайним напряжением воли овладев собой, он спросил: — А чего он хочет?

— Он везет с собой несколько недавно захваченных на Марсе девушек. Они будут вашими любовницами. Мне сказали, что девушки очень хорошенькие.

Он замолчал. Клэйн его не слышал. Для Клэйна слова Неллиана превратились в бессмысленные звуки, а потом... Чернота! Позже, может быть, в тот же вечер, он осознал себя. Он лежал на полу в своей спальне. Из постели на него смотрела испуганная девушка. Она истерически говорила:

— Не хочу! Убейте меня, но он ненормальный. Я не хочу!

Откуда-то, вне поля зрения Клэйна, донесся холодный голос лорда-правителя:

— Выпорите ее. Четыре хлыста. Но не калечьте.

Когда в следующий раз Клэйн пришел в себя, девушка склонялась над ним:

— Бедный! Тебе так же плохо, как мне... Иди в постель. Придется пройти через это.

Жалость в ее голосе снова вызвала его беспамятство. Жалости он не выносил. Он чувствовал, что проходило время.

У него было несколько любовных видений, которые казались ему нереальными. В этих видениях он был яростным и ненасытным, а девушка робкой и нежной. Потом другие видения. Появилась другая девушка. Он слышал слова Неллиана:

— Поразительно! Я не знал, что у мужского тела такие огромные возможности для любви.

Но все это было как сон. Он узнал, что первую девушку зовут Селк. Имя второй он так и не узнал, не узнал имен и других, да и не был уверен, что они были. Потому что вскоре ему нужна была только Селк. В этот момент он достиг наибольшей остроты сознания. Его поучал дед, одну из фраз он запомнил навсегда. «Мой мальчик, если ты настаиваешь, чтобы была только одна, тогда тебе придется приспособиться к ее возможностям». Клэйн смутно помнил, что согласился с лордом-правителем. Он приспособился. Он полностью пришел в себя за обедом. Да так, что задумался и застыл с поднятой ложкой. Это привлекло внимание ученого.

— Что, Клэйн?

Мальчик кивнул.

— Я хотел бы продолжить разговор, который мы недавно вели,— сказал он,— о моем предке Говане. Что было с его детьми?

Неллиан облегченно вздохнул и мысленно продиктовал письмо лорду-правителю: «Ваше превосходительство,— молча сочинял он.— Через год и восемь месяцев лорд Клэйн полностью оправился от эмоционального шока, вызванного знакомством с женщиной. Мозг, действительно, странный инструмент».

Вслух он сказал:

— Ваш предок Гован Деглет был банкиром и патроном. Отделения его банка были во всех главных городах...

Историю семьи Деглет-Линн изучал и другой, более взрослый ученик. Семь лет после убийства Крэга лорд Тьюс прожил в Аваях на Норе. У него было небольшое имение на главном острове архипелага, и мать посоветовала ему избрать именно его для жительства, а не большие поместья на материке. Умный, осторожный человек, Тьюс понял ценность ее совета. Понял даже большее: если он хочет остаться живым, его удел — власяница и пепел. Вначале это был сознательный обман. Лидия объяснила при дворе, что ее сын устал от политики и удалился, чтобы на покое предаться размышлениям. Долгое время ее вздохи были убедительными, она так расписала свои чувства, будто сама стремилась избавиться от обязанностей, которые исполняла благодаря положению жены правителя. И ей верили. Патроны, губернаторы и послы на пути из Линна через океан останавливались, чтобы отдать дань уважения сыну Лидии. И постепенно они начали сознавать, что он в немилости. Напряженное молчание лорда-правителя при упоминании имени Тьюса вскоре стало известно всем администраторам и политикам. После этого все сразу поумнели. Вспомнили, как торопливо удалился из Линна

Тьюс, когда было получено сообщение о смерти лорда Крэга, сына лорда-правителя. В то время его отъезд был едва замечен. Теперь о нем вспомнили и сделали выводы. Большие корабли, несущие правительственных чиновников, перестали останавливаться на острове. Изоляция глубоко повлияла на Тьюса. Он стал наблюдательным. Впервые заметил, что островитяне купаются в океане. Заходят в воду, которая с легендарных времен была отравлена атомными богами. Значит, вода больше не смертоносна? Он отметил это для будущих исследований и впервые заинтересовался, почему жители острова называют океан таким странным именем — Тех. Жители континентов передвинулись подальше от берегов, чтобы уйти от смертоносных испарений моря и забыли древнее название. Он размышлял о возрасте цивилизации, которая претерпела такую ужасающую катастрофу, что забыты даже названия океанов. Сколько же ей лет? Сто? Тысяча? Десять тысяч? Однажды он написал матери: «Ты знаешь, раньше это меня не интересовало. Но теперь я впервые задумался над происхождением нашей культуры. Возможно, вместо того, чтобы заниматься бесконечными интригами, мы должны были бы поинтересоваться своим прошлым и выяснить, какие смертоносные силы высвободились на этой планете давным-давно. Меня беспокоит вот что: те, кто действовал против Земли, были готовы буквально уничтожить планету. Такая безжалостность для меня удивительна и непонятна, и хотя все это отвлеченные рассуждения, я с некоторым беспокойством смотрю в будущее... Возможно ли, чтобы борьба за власть между группами достигла такого размаха, что весь мир содрогнулся бы от ее безумия? Я хочу внимательнее приглядеться к этим проблемам, чтобы выработать здравую философию власти». В другом письме он заявлял: «Мне всегда досаждала примитивность нашего оружия. Я склонен верить сказкам о существовании в древности различных типов огнестрельного оружия. Как ты знаешь, в нашей культуре имеется очень странный парадокс. Мы владеем машинами, которые так тщательно сконструированы, что могут быть герметично закрыты для путешествий в безвоздушном пространстве. Знание металлов, которые делают это возможным, унаследовано Линном, но истинное происхождение этого знания неизвестно. С другой стороны, наше оружие — луки, копья, стрелы. Я думаю, в прошлом это примитивное оружие было заменено другим, совершенно новым, которое, в свою очередь, сменилось еще более новым. Это означает, что промежуточные виды вооружения просто исчезли из нашей культуры, тайны их производства просто забылись. Эти сложные устройства было трудно производить,— я все еще рассуждаю,— и поэтому умение передавалось от отца к сыну, что произошло и со знаниями в металлургии. Мы знаем, что даже во времена варварства храмы были хранилищами производственных знаний, и похоже, что кто-то сознательно уничтожил некоторые виды древних знаний. Мы знаем также, что с древних времен храмы противятся

войнам. Возможно, в них сознательно была уничтожена информация, касающаяся оружия».

Среди прочего, Тьюс тщательно изучал происхождение семьи Линн. Как и Клэйн, Тьюс отметил, что Косан Деглет, сын основателя династии, был изгнан из Линна врагами семьи. Изгнанный формально с конфискованной Патронатом собственностью, он переселился на Марс, и там с помощью своего банка сумел возобновить дело и на Земле. Как и многие проницательные люди до него, он предвидел изгнание. Когда Косана Деглета схватили, то в его доме нашли на редкость мало сокровищ. Враги Косана были вынуждены повысить налоги. Эти налоги оказались столь обременительными, что деловые люди, как это ни парадоксально, все сильнее хотели возвращения Косана Деглета. Это желание, отметил Тьюс, мудро стимулировалось с Марса самим Косаном. В нужный момент представители народа формально пригласили Косана вернуться из изгнания, подавили попытку части благородных семей силой захватить власть и провозгласили Косана лордом-правителем. В течение тридцати лет Косан был фактическим правителем Линна. Тьюс вспомнил, как однажды посетил дом, где жил Косан Деглет. Теперь это было торговое здание, но у входа висела медная доска с надписью: «Прохожий. Когда-то это был дом Косана Деглета. В нем жил не только великий Человек, но само знание обитало в этом доме». Погоня за знаниями и банковское дело — таковы были краеугольные камни власти Деглетов. Так решил лорд Тьюс. В ключевые моменты банковские интересы семьи были такой притягательной силой, что подавляли всякое сопротивление. И во все годы их роста страсть к собиранию произведений искусства и связь с учеными приносили им уважение и восхищение, что помогало уменьшить влияние случайных ошибок. В течение долгих месяцев изучения и одиночества, последовавших за изгнанием, Тьюс много думал об этом и постепенно стал критически оценивать свою жизнь в Линне. Он начал видеть ее безумие и бесконечное надувательство. Он со все большим удивлением читал письма матери. Это был рассказ об обманах, заговорах и убийствах, написанный простым, но эффективным кодом, поскольку он был основан на значениях слов, известных только матери и ему самому. Удивление перешло в отвращение, а отвращение вызвало понимание величия семьи Деглет-Линн сравнительно с ее противниками. Нужно было что-то делать с этой бандой невежественных воров и рвущихся к власти негодяев, понял Тьюс. Его отчим, лорд-правитель, предпринял решительные действия. Его озарило. Такой подход больше не является правильным. Для объединения Вселенной больше не нужно сосредоточивать власть в руках одного человека или одной семьи. Старая Республика также невозможна, ее губят бесконечные раздоры. Но теперь, после десятилетия всеобщего, но разделенного на партии патриотизма под руководством лорда-правителя, мож-

но восстановить республику, и весьма вероятно, она уцелела бы, если бы не занималась интригами...

Некоторое время спустя Неллиан получил приказ немедленно прибыть к лорду-правителю. Неллиан повиновался.

— У нас странная семья,— задумчиво сказал ему лорд-правитель.— Сначала ростовщик, потом проницательный Косан Деглет, который сумел стать единоличным лордом-правителем. К сожалению, слабость Парили-старшего позволила вырасти оппозиционным силам. Но кризис наступил в большой битве за контроль над храмами во времена Парили Деглета и его брата Лорана. Их не любили и потому, что они действовали деспотично, и потому, что заметили то, чего почти никто тогда не замечал,— растущую власть храмов. Жрец-политик, действуя через храмовую конгрегацию, все более и более влиял на государство, и почти всегда его влияние было нереалистичным и узколобым, направленным только на усиление храмов. Парили и Лоран совершенно сознательно,— я в этом не сомневаюсь,— вели затяжные войны, главной целью которых было удержать большие массы людей подальше от храмов и одновременно придать им солдатскую философию, противостоящую власти храмов. Группа, позже связавшая себя с Рахейнлом, пользовалась поддержкой, открытой и тайной, храмовых ученых. И следует отдать должное Лорану, моему отцу, и его брату Парили: они сумели удержать власть и влияние, хотя все их ненавидели, и против них постоянно выступали храмы. Они были изгнаны, но через пятнадцать лет вернулись. Во время этих пятнадцати лет в Линне действовал закон, по которому смертной казни подлежал каждый, кто хоть раз заикнулся о том, что неплохо бы Деглетам вернуться в Линн. По этому обвинению были повешены и обезглавлены некоторые друзья нашей семьи.

Лорд-правитель угрюмо помолчал, как будто чувствовал боль от смерти давно изгнанных. Немного погодя он оторвался от своих раздумий и сказал:

— Парили и Лоран вернулись в Линн во главе армии шестьдесят лет назад. Они были решительными и жестокими правителями. Они отказались полагаться хоть в чем-то на толпу, истерически приветствовавшую их возвращение. В атмосфере убийств и казней они удерживали свою власть безжалостным контролем. Парили был замечательным полководцем, Лоран — выдающимся администратором, естественно, именно он вызывал гнев врагов семейства. Как сын Лорана я много раз наблюдал его методы. Они были жестоки, но необходимы, и все же неудивительно, что несмотря на все предосторожности, он был убит. Дядя моего отца удержал власть до возвращения с Венеры Парили во главе нескольких легионов. Парили быстро восстановил положение нашей семьи, став лордом-правителем. Первое, что он сделал,— это встретился со мной. Мне тогда было семнадцать лет, и я оставался единственным прямым наследником Деглетов. То, что сказал Парили, встревожило меня. Он предвидел свою смерть, так как

был болен, а это означало, что я буду еще очень молод, когда наступит кризис. Об этом и был наш разговор. И вот в семнадцать лет я стал лордом-правителем со всей полнотой власти. Мне было двадцать два, когда он умер, и через несколько месяцев начались ожидаемые восстания. Так как в стране было много дезертиров, они оказались даже опаснее, чем мы думали. Потребовалось восемь лет гражданской войны, чтобы выйти из тупика. Стареющий правитель устало помолчал, потом сказал:

— Если это возможно, нужно предотвратить такую же катастрофу, когда придет и мое время уходить из жизни. Поэтому необходимо использовать всех членов семьи. Даже Клэйн должен сыграть свою роль.

Неллиан, который терпеливо сидел и ждал, когда же правитель скажет о цели вызова, спросил:

— Что же вы ему предназначили?

Лорд-правитель поколебался, потом глубоко вздохнул и резко сказал:

— Мы не можем ждать, пока храмовые ученые завершат его образование. Спроси Клэйна, готов ли он немедленно надеть мантию главного ученого и тем самым стать членом внутренней храмовой иерархии.

— В шестнадцать лет! — выдохнул Неллиан. И это все, что он мог сказать.

В сущности, он не видел ничего плохого в предложении сделать шестнадцатилетнего юношу одним из руководителей храмов. Представление о правах семьи укоренилось в нем не менее прочно, чем в лорде-правителе. Но как сторонник храмов, он чувствовал беспокойство от явного стремления использовать Клэйна для подчинения храмов семье Линнов. Если я правильно учил мальчика, с тревогой подумал он, Клэйн не будет полностью на стороне семьи, а постарается самостоятельно использовать свое положение в храмовой иерархии. Тем не менее, это было лишь предположение. Клэйн по-своему высокомерен. Вслух Неллиан сказал наконец:

— Ваше превосходительство, интеллектуально мальчик готов. Эмоционально...— и он с сомнением покачал головой.

Лорд-правитель, присевший ненадолго, вскочил и остановился перед учителем, глядя на него сверху вниз. Он заявил безапелляционным тоном:

— Клянусь атомными богами, он должен пройти и через это. И передай ему, что я не позволю ему оставлять единственной своей любовницей эту девушку, Селк. Нельзя допускать, чтобы он оставался влюбленным в одну женщину. Это не значит, что он обязан прогнать ее, просто при нем должны быть и другие. Передай ему, что когда через десять дней он войдет в храм Джоквина, то войдет как главный ученый, и я хочу, чтобы он действовал соответственно.

Он отвернулся, показывая, что решение окончательное. Потом снова повернулся к учителю и добавил:

— Напоминаю тебе об опасности убийства. Посоветуй ему держаться в стороне от Лидии. Все. Можешь идти.

И он вышел из комнаты. Через три месяца Неллиан вторично был приглашен в Капитолийский дворец. На этот раз лорд-правитель казался менее напряженным.

— Я кое-что слышал о мальчике,— сказал он.— Но предпочитаю прямую информацию. Что за лечебные методы, которые он использует в своем главном храме?

Учитель нахмурился.

— Весьма предосудительная практика,— холодно заявил он.— Однако лорд Клэйн заверил меня, что у него чисто экспериментальные дела, поэтому я остаюсь наблюдателем.

Лорд-правитель, расхаживавший по комнате, остановился и взглянул на старого ученого. Он вспомнил, что Неллиан в прошлом республиканец и сохранил республиканские взгляды. Поскольку приверженцы республики связали себя с пагубной храмовой практикой массового внушения, их неодобрение чего-либо было совершенно неприемлемо для лорда-правителя. Особенно верно это было в делах, связанных непосредственно с храмами. Он уже хотел было так и сказать, но передумал и спокойно спросил:

— Что же случилось и чего ты не одобряешь?

Неллиан тепло ответил:

— Ваш внук давно интересовался храмовыми ритуалами и их воздействием на множество людей. В качестве эксперимента в храме Джоквина, который он, как вы знаете, теперь возглавляет, он поместил причудливую машину, которую извлек из древних раскопок. На машине множество циферблатов и движущихся частей, так что она вызывает суеверный страх. К моему удивлению, ваш внук заявил, что он будет лечить больных и раненых, но предварительно их должна зарегистрировать эта машина. Это означает, что больной должен сидеть и смотреть на циферблаты, очевидно, настраиваясь на их целительную радиацию. Я сам слышал, как лорд Клэйн говорил одному больному, что с этого момента все его ощущения будут исходить из машины, и что он будет днем и ночью чувствовать ее целительную силу.

Старый ученый помолчал.

— Ваше превосходительство, мне больно видеть, как ваш внук использует почтение людей к храму. Меня беспокоит такой цинизм.

— И каков же результат? — спросил лорд-правитель.— Я не верю услышанным рассказам, слишком они благоприятны. Лечит ли машина больных и раненых?

— Конечно, нет,— Неллиан говорил нетерпеливо.— Но, ваше превосходительство, вы не поняли. Использовать авторитет храма для таких мирских целей явно...— он запнулся в поисках слов,— ... кощунственно.

Медрон Линн с любопытством взглянул на него.

— Вы говорите, что Клэйн использует храмовые ритуалы внушения. А как, по-вашему, их можно использовать?

Неллиан был тверд.

— Только в духовных целях. Чтобы привести мужчин и женщин к большему почитанию богов. Использовать же в целях лечения...— он содрогнулся, покачал головой и решительно сказал: — в будущем я не хочу иметь ничего общего с этим экспериментом.

Линн Линнский прогуливался у окна, пытаясь скрыть улыбку. Потом он остановился и спросил:

— Сам ли Клэйн исполняет ритуалы? Кажется, это слишком трудная задача для одного человека?

Учитель, неожиданно повеселев, покачал головой.

— Вначале он так и делал. Но вы наверное знаете, что он давно слыл покровителем мутантов. Самых разумных из них он обучил ритуалам, связанным с машиной. Теперь они работают с ней долгие часы, ваш же внук посещает храм лишь раз в неделю. Есть и положительная сторона — в обществе изменилось отношение к мутантам. Оно стало гораздо терпимей. Потребуется немало времени, чтобы изменения проникли в низшие классы. Однако процесс начался.

— Что ты предлагаешь? — мягко спросил у него лорд-правитель.

— Сейчас ничего,— ответил Неллиан, но я не сомневаюсь, что можно найти метод, который не будет связан с таким святотатством.

Правитель задумчиво кивнул и сказал серьезным тоном:

— Я полностью тебе доверяю, Неллиан, и ты это знаешь. Но меня очень беспокоит проблема мутантов. Я хочу, чтобы ты отнесся доброжелательно к деятельности моего внука, а тем временем подумал бы о другом методе воспитания терпимости к уродству. И не будем волноваться об отношении к этой проблеме высших классов,— спокойно закончил он.— Как только придумаешь что-то новое, приходи ко мне, и, если твое предложение будет приемлемым, я полностью поддержу тебя.

Неллиан угрюмо кивнул.

— Очень хорошо, ваше превосходительство. Я не хочу казаться прямолинейным. Всем известна моя терпимость, но для принципиального человека это уже слишком. Я подумаю над вашим предложением. Желаю вам всего наилучшего, сэр.

Неожиданно Медрон Линн сказал:

— Да, вот еще что, скажи Клэйну, чтобы он не попадался на глаза моей жене.

Учитель остановился в дверях:

— Хорошо, ваше превосходительство.

Лорд-правитель добавил:

— Что же касается лечащей машины, я сожалею, что не поддаюсь внушению. Быть немного попроще мне бы сейчас не помешало.

Неллиан почтительно спросил:

— Почему бы вам не посетить храм обычным порядком, сэр? Я уверен, что боги дают успокоение всем.

— В этом мы с тобой не согласимся,— последовал насмешливый ответ.— Хорошо известно, что атомные боги интересуются только невежественными, простыми верующими и, конечно, своими верными слугами, храмовыми учеными. До свидания.

Он повернулся и быстро вышел из комнаты.

Прогуливаясь по улице Линна в сопровождении рабыни Селк,— охранник незаметно шел футах в пятидесяти сзади,— Клэйн увидел молодого художника за работой и остановился. Художник улыбнулся зрителям и продолжал наносить быстрые искусные мазки на полотно. Картина представляла веселый водоворот красок, создающий впечатление городской улицы. Клэйн, чье художественное образование было исключительно религиозным, удивился.

— Сколько? — спросил он.

— Пятьсот сестерциев.

Мутант заплатил половину и сказал:

— Когда картина будет окончена, принеси ее мне домой.

Он написал на карточке свое имя и адрес и протянул художнику. У того поднялись брови при виде подписи, но он ничего не сказал. На следующий день он пришел в городской дом Клэйна со своими друзьями — темноволосой подвижной девушкой и приземистым растрепанным молодым человеком. Все они были очень приветливы, обсуждали, в какую раму поместить картину. Клэйн, повинуясь неожиданному порыву, пригласил их остаться на обед. В ожидании обеда он следил за девушкой. Она непрерывно двигалась, доставала из бара напитки, делала коктейли, не доверяя эту работу рабам.

— Я презираю рабство,— говорила она в присутствии трех рабов.— Я считаю это отвратительным варварским обычаем.

Клэйн на это ничего не ответил. Он был знаком с доводами противников рабства, но знал, насколько эта тема опасна политически. Поэтому он продолжал наблюдать за гостьей и заметил, что она внимательно осматривает дорогие занавеси и мебель. Приподняв конец бесценного ковра и щупая его, она почувствовала на себе его взгляд. Подойдя к нему, она сказала:

— Я хочу спросить. Хотя хорошо понимаю, что между нами огромная дистанция. Вы мутант, Линн?

Его охватил озноб. Но ее манеры были так привлекательны, что оцепенение длилось недолго. Он склонил голову и впервые в жизни поведал чужому человеку о своей беде:

— Атомные боги отметили меня узкой грудной клеткой, перекрученными руками и покатыми плечами.

— Вас это беспокоит? — спросила она.— Меня — нет.

Прежде чем Клэйн смог ответить, объявили, что обед подан. Как обычно, блюда подавали рабы, и Клэйн следил, как на это реагирует девушка. Но она старалась подавить свое недовольство. Очевидно, высказав свое мнение, она не

стала требовать невозможного. Во время обеда выяснилось, что непричесанный молодой человек — композитор.

— Если хотите,— сказал он,— я сочиню музыку по этому случаю и посвящу ее вам?

Клэйн заинтересовался.

— Какие инструменты будут преобладать в вашем сочинении?

— Струнные.

— Сочините,— согласился Клэйн.— Я буду счастлив заплатить за это и прикажу, чтобы ваше произведение исполнил лучший оркестр.

— Заплатите! — удивился молодой человек. Чувствовалось, что он рассердился.

Девушка быстро сказала:

— О, мы можем сами собрать оркестр, но будет прекрасно, если вы заплатите Медде. Он ничего не смыслит в деньгах. Его родители торговцы, и с тех пор, как отец отрекся от него за то, что Медда стал музыкантом, деньги для него перестали что-либо значить.

Медда нахмурился и повернулся к Клэйну.

— Ваше превосходительство,— заверил он,— у этой девушки прекрасный голос и великолепная фигура. Она чудесно играет на всех струнных инструментах. Но она так и не научилась не вмешиваться в чужие дела.

Девушка пропустила это мимо ушей. Она обратилась к Клэйну:

— Сколько вы заплатите за десятиминутное сочинение, приятное и мелодичное?

Клэйн улыбнулся.

— Пятьсот сестерциев.

Девушка захлопала в ладоши.

— Договорились,— сказала она.— Медда, у тебя на месяц есть еда.

Медда что-то пробормотал, но отнюдь не выглядел огорченным. Он согласился через неделю представить композицию. Позже, когда они уходили, девушка чуть задержалась и сказала Клэйну:

— Я слышала, вы занимаетесь науками и окружены стариками и рабами. Почему бы вам не встречаться чаще с молодыми художниками? Вы убедитесь, что люди создают красоту и сегодня.

Клэйн и раньше догадывался об этом. Вечер ему понравился. Но прежде, чем он смог ответить, девушка снова заговорила, и на этот раз шепотом:

— В городе немало талантливых художников и очень талантливых и привлекательных девушек, включая меня,— она улыбнулась и отступила на шаг, чтобы он смог взглянуть на нее. Ее красота притягивала Клэйна. Он смог лишь сказать:

— Вы очень хороши.

Она улыбнулась и продолжала:

— Я уверена, что мы станем друзьями. Но у нас есть правило, ваше превосходительство. Пока вы дружите с нами, у вас не должно быть рабынь. До свидания.

Она повернулась и легко вышла из комнаты к друзьям, которые ожидали ее. Клэйн, оставшись один, думал о своих посетителях. Он догадался, что встретился с аристократами, талантливыми людьми, которым, однако, приходилось жить в бедности. И еще он думал о том, что человек, платящий пятьсот сестерциев за достойное произведение, будет принят в их компанию. Может ли он позволить себе это? Главный ученый не должен нарушать аскетического воздержания. Но мутант Линн, чья главная задача — приобрести контроль над собственным поведением, вполне может стать покровителем искусств. И он улыбнулся несовместимостям, которые совместились в его личности. Клэйн тщательно и изобретательно избегал встреч с Лидией. Когда она находилась в Линне, он целые месяцы проводил в своих имениях, чтобы не рисковать. Только когда она уезжала в один из отдаленных дворцов, он возвращался в свой городской дом. Сохраняя такую дистанцию, он беспристрастно оценивал грозящую ему опасность. Он знал, чего от нее можно ожидать, и действовал соответственно. Клэйн продолжал учиться. Ресурсы храмов и библиотеки Джоквина истощились. Знаменитые ученые, которых приглашали к нему, многое сумели ему передать. Но в главной сокровищнице мысли он ни разу не был и поэтому мечтал попасть в библиотеку его деда, которая находилась в Капитолийском дворце. Здесь, как было ему известно, хранится много недоступных древних книг, которые агенты Дегетов и Линнов собирали сотни лет по всей Солнечной системе. Некоторые из них никогда и никем не были прочитаны. Лорд-правитель сохранял их для себя, надеясь когда-нибудь пополнить свое образование. Но, как и следовало ожидать, у такого занятого человека не нашлось времени, чтобы раскрыть эти фолианты. Клэйн дождался, когда леди Лидия выехала из города на отдых, и возвратился в Линн. Он попросил лорда-правителя разрешить ему прочитать редкие книги. Великий человек, который давно перестал интересоваться науками, это разрешение дал, и Клэйн в сопровождении трех секретарей-рабов (двух мужчин и одной женщины) ежедневно в течение нескольких недель приходил в дворцовую библиотеку и читал о прошлом. Книги были написаны после золотого века, но тогда, когда подробности старины еще не забылись и не казались нелепым вымыслом. Книги добавили кое-что к тому, что он уже знал, их авторы передавали слухи, которые от отца к сыну прошли через многие поколения. Они указали направление, прибавили уверенности, подтвердили, что он на правильном пути и впереди еще много открытий. Однажды он увлеченно читал, когда краем глаза заметил, как в библиотеку вошла его неродная бабушка. Он не знал, что она в городе. Для леди Лидии встреча была такой же неожиданностью, как и для Клэйна. Она почти забыла о его существо-

вании, а вернулась в Линн потому, что получила сообщение о болезни лорда-правителя, и поняла, что больше нельзя тратить время впустую. Нужно добиться возвращения Тьюса из изгнания. И вдруг эта встреча. Она увидела Клэйна в неярком освещении. Он был скромно одет в одежду храмового ученого. Этот костюм хорошо скрывал его физические недостатки. Складки одежды искусно маскировали изуродованные руки. Плащ был перевязан у шеи узкой красивой лентой, открывая шею и грудь. Над воротником возвышалась прекрасная юная голова Клэйна. При встрече на улице такое лицо заставляет женщин оглянуться. Красивая, благородная, чистая и гладкая кожа. Лидия, никогда не видевшая внука своего мужа, разве что на расстоянии,— Клэйн заботился об этом,— почувствовала в сердце страх. «Клянусь кураном,— подумала она,— это еще один великий человек. Как будто мне мало забот вытягивать Тьюса из изгнания». Ей не хотелось думать о том, что следует позаботиться о гибели мутанта. Но если она хочет, чтобы Тьюс унаследовал империю, нужно присматривать за каждым прямым наследником. В уме она добавила этого нового родственника к списку наиболее опасных родных больного лорда-правителя. Лидия знала, что Клэйн смотрит на нее. Лицо его изменилось, и она вспомнила то, что слышала о нем. Его легко вывести из себя. Эта перспектива заинтересовала ее. Она с улыбкой пошла ему навстречу. Он попытался уйти, но не смог. Все краски сбежали с его щек. Лицо еще больше исказилось, исчезли следы красоты. Губы его шевельнулись, но только нечленораздельные звуки донеслись до нее. Лидия заметила, что стоявшая рядом юная рабыня почти так же встревожена, как и ее хозяин. Девушка умоляюще смотрела на Лидию и наконец сказала:

— Можно мне говорить, ваше превосходительство?

Это шокировало Лидию. Рабы говорят только тогда, когда к ним обращаются. Это не просто порядок, устанавливаемый отдельными владельцами, это закон государства, и всякий, кто сообщит о таком проступке, получит половину штрафа, налагаемого на владельца. Леди Лидию поразило, что именно она стала предметом такого унижения. Она была ошеломлена, а девушка продолжала говорить:

— Вы должны простить его. У него бывают приступы нервного паралича, когда он не может ни двигаться, ни говорить. Неожиданное появление его благородной бабушки...

И тут к Лидии вернулась речь. Она выпалила:

— Плохо, что у рабов нет подобного паралича. Как ты смеешь обращаться ко мне?

Но тут же спохватилась. Не так часто позволяла она себе срываться. Девушка отшатнулась, как будто ее ударили. Теперь Лидия с любопытством смотрела на нее. Может быть только одно объяснение, почему рабыня так смело говорит в присутствии хозяина. Должно быть, это его любимая наложница, иначе она не беспокоилась бы о нем так. Похоже, этот мой родственник-мутант может быть привлекательным,

несмотря на свое уродство, думала леди Лидия, и привлекателен не только для рабыни, побуждаемой обстоятельствами. В этом скрывались какие-то возможности.

— Как тебя зовут?

— Селк,— хрипло ответила молодая женщина.

— А, марсианка.

Марсианская война дала несколько тысяч юношей и девушек для рабских школ. В голове Лидии сложился план. Девушку надо убить и тем самым вселить в мутанта страх. Этот страх удержит его, пока ей не удастся вернуть Тьюса из изгнания. В конце концов мутант не очень важен. Невозможно презренному мутанту стать лордом-правителем. Но все же его нужно убрать, так как партия Линнов сможет как-нибудь использовать его в борьбе против Тьюса и ее самой. Она снова взглянула на Клэйна. Тот сидел неподвижно, с остекленевшими глазами, бесцветным и неестественным лицом. Лидия не пыталась скрыть своего презрения, шурша оборками, она повернулась и вышла в сопровождении свиты и личных рабов. Рабов иногда делали убийцами. Выгода их использования заключалась в том, что рабы не могли быть свидетелями в суде ни за, ни против обвиняемого. Лидия давно обнаружила, что рабам не хватает решительности в преодолении препятствий. При малейшей опасности они отступали, а вернувшись, сочиняли фантастические истории о вставших перед ними препятствиях. Лидия использовала бывших рыцарей и сыновей рыцарей. Такие люди отчаянно нуждались в деньгах и не были застрахованы от постоянных неприятностей. Лидия боялась отстать от жизни, упустить информацию, не узнать о том, что происходит вокруг нее. Более тридцати из шестидесяти лет жизни ее мозг был губкой, впитывавшей мельчайшие подробности событий, происходящих при дворе и за его стенами. Она очень удивилась, узнав от двух рыцарей, нанятых ею для убийства любовницы Клэйна, что девушку не удалось найти. По ее данным рабыня должна была быть рядом с мутантом.

— В доме лорда Клэйна такой нет.

Ее информатор, стройный юноша по имени Меерл, говорил одновременно храбро и почтительно, так обычно и ведут себя наемные убийцы со своими высокопоставленными нанимателями.

— Леди,— продолжал он с поклоном и улыбкой,— я думаю, вас перехитрили.

— Думать буду я,— резко ответила Лидия.— А ты лишь нож, в лучшем случае, рука с ножом. И больше ничего.

— И, очевидно, мозг, который направляет руку в цель,— добавил Меерл.

Лидия пропустила это мимо ушей. Ответила она автоматически. Может ли такое быть? Возможно ли, чтобы Клэйн догадался о наших замыслах? Ее удивила решительность и быстрота, с которой действовал, если это не случайность, мутант. Обычно люди, даже заподозрив недоброе, пассивны.

Если Клэйн не такой, значит он гораздо опаснее, чем она думала. Следующий шаг придется спланировать более тщательно. Она вспомнила, что нанятые все еще стоят перед ней.

— Ну, чего вы ждете? Вы что, не знаете,— за несовершенное покушение денег не полагается?

— Великодушная леди,— сказал Меерл,— но неудача не наша, а ваша.

Лидия колебалась, пораженная правдивостью и прямотой ответа. Нет, все-таки убийцы вызывали у нее уважение.

— Пятьдесят процентов,— решила она.

И бросила им кошелек. Он был искусно пойман. Мужчины быстро поклонились, сверкнули зубами, звякнули металлом, повернулись и исчезли за тяжелым занавесом, скрывавшим потайной вход. Лидия погрузилась в себя, но ненадолго. Послышался стук в другую дверь, вошла одна из ее фрейлин с запечатанным письмом в руке.

— Пришло письмо, мадам. Я не принесла его раньше, потому что вы были заняты.

Лидия слегка подняла брови, увидев, что письмо от Клэйна. Поджав губы, она прочла:

«Моей высокочтимой бабушке.

Благородная леди!

Приношу искренние извинения за оскорбление, причиненное вам вчера в библиотеке. Могу лишь винить свою болезнь, хорошо известную в семье. Когда меня настигает приступ, я не могу себя контролировать.

Приношу также свои извинения за действия рабыни, заговорившей с вами. Первым моим намерением было отослать ее к вам для наказания, но мне пришло в голову, что вы чрезвычайно заняты. Соответственно я продал рабыню в сельскую местность, где ее, несомненно, отучат от наглости.

Еще раз приношу извинения и остаюсь вашим послушным внуком.

Клэйн».

Лидия неохотно призналась себе, что восхищена этим письмом. Теперь она так никогда и не узнает, на самом ли деле ее перехитрили или угадали ее желание. Возможно, подумала она, раскошелившись, я сумею узнать, вправду ли он продал ее или просто отослал в имение, пока я не забуду о случившемся и о ней самой. Стоит ли игра свеч? Она задумалась. Придется послать на расследование кого-нибудь, кто знал девчонку. Когда? Она подняла голову.

— Далат!

Женщина, принесшая письмо, присела.

— Да?

— Как выглядит вчерашняя рабыня из библиотеки?

Далат была обескуражена.

— Ну... я не помню, ваше превосходительство... Кажется, блондинка.

— Блондинка! Ну ты, тупоумная! У девушки были прекрасные золотистые локоны, а ты и не заметила.

Далат пришла в себя.

— Я не привыкла запоминать внешность рабов,— сказала она.

— Пошла вон! — Лидия произнесла это спокойно, без эмоций. Не на кого надеяться.

В конце концов ее главная задача — возвращение Тьюса в Линн. Лорд Клэйн — единственный мутант в нашей семье, он может и подождать. Тем не менее досада от поражения осталась.

За год лорд-правитель превратился в больного старца. К семьдесят первому году он почти ослеп на левый глаз, и лишь голос его оставался сильным. У него был громовой баритон, который вселял ужас в сердца преступников, когда он занимал свое судейское кресло,— обязанность, которую он благодаря сидячему образу жизни исполнял все чаще и чаще. А время шло. Делами он продолжал заниматься. Но стал частенько задумываться о будущем своей семьи. Я должен увидеть в деле молодых людей и оценить, кто из них со временем сможет стать лордом-правителем, решил он однажды. Совершенно сознательно Линн Линнский включил в число тех, кого собирался посетить, и мутанта. Иногда ему казалось, что он по-прежнему крепок и молод. В один из таких приступов бодрости он совершил ошибку, слишком долго просидев на балконе без одеяла. В результате простудился и весь следующий месяц провел в постели. Беспомощно кутаясь в плед, остро сознавая слабость своего тела, ясно понимая, что жить ему осталось недолго, лорд-правитель окончательно понял, что не может больше откладывать выбор наследника. И хотя Линн и не любил Тьюса, понемногу он начал прислушиваться к словам своей жены, вначале неохотно, затем с чувством безысходности.

— Вспомни свою мечту об объединении империи,— говорила ему Лидия снова и снова.— Ты не должен в последнюю минуту давать волю чувствам. Лорды Деррин и Дрейн еще слишком молоды. Деррин, конечно, самый выдающийся молодой человек в своем поколении. Он будущий лорд-правитель, в твоем завещании так и должно быть сказано. Но еще рано. Нельзя вручить Солнечную систему 24-летнему юноше.

Лорд-правитель беспокойно ворочался в кровати. Он заметил,— хитрая женщина ни словом не упомянула о причине изгнания Тьюса. Она говорит о своем сыне, будто не имеет к нему никакого отношения, и только чувство справедливости заставляет ее рекомендовать достойного.

— Конечно,— продолжала Лидия,— есть еще дяди юношей с материнской стороны, оба — способные администраторы, но им не хватает воли.

Она помолчала.

— И есть еще твои дочери и зятья и их дети.

— Забудь о них,— лорд-правитель слабо махнул рукой.

Второе колено родства его не интересовало.— Но ты забыла Клэйна.

— Мутант?! — удивленно воскликнула Лидия.— Ты это серьезно?

Лорд-правитель молчал. Он знал, что привлекать внимание к Клэйну опасно. Он и так допустил неосторожность. Он молчал и думал о том, как настойчиво Лидия подводит его к убеждению, что настоящим наследником может быть только ее толстый сын от первого брака.

— Если ты будешь рассматривать только своих кровных родственников,— настаивала Лидия,— это будет лишь наследование, обычное для наших зависимых монархов и варваров Венеры и Марса. Политически это бессмысленно. Но если ты примешь во внимание интересы группы, то твои действия будут свидетельствовать об истинном патриотизме. Нет другого способа убедить мир, что у тебя в сердце лишь интересы империи.

Но старый пройдоха, хотя болезни и возраст ослабили его дух и разум, был не так прост. Он знал, что за спиной говорят, будто Лидия вертит им, как хочет. В общем-то его все это не очень волновало. Больше пятидесяти лет слушал он злобную пропаганду врагов и добрые сплетни друзей. У него уже давно выработался к ним иммунитет. В конце концов решающим фактором оказалось его отчаянное положение — все равно у него нет выбора. В это время больного неожиданно посетила младшая дочь от первого брака. Она попросила разрешения на развод со своим мужем и позволения выйти замуж за изгнанного Тьюса.

— Я всегда любила Тьюса,— заявила она,— и теперь хочу присоединиться к нему в его изгнании.

Перспектива открывалась столь ослепительная, что старик был озадачен. Ему не пришло в голову, что Лидия целых два дня уговаривала осторожную Гудрун, что это ее единственный шанс стать первой леди Линна.

— В противном случае,— сказала ей Лидия,— ты вечно будешь лишь одной из родственниц, зависящей от каприза жены лорда-правителя.

Линн Линнский не подозревал об этих закулисных переговорах. Его дочь выйдет замуж за лорда Тьюса! Эта возможность согревала его холодную кровь. Конечно, она слишком стара, чтобы иметь детей, но она будет служить Тьюсу, как служила ему Лидия. Я должен узнать, что думает Клэйн, решил он. А тем временем пошлю за Тьюсом. Он не сказал этого вслух. Ни один из членов семьи не догадывался, какие огромные знания передал Клэйну храмовый ученый Джоквин. И лорд-правитель предпочел держать пока эту тайну при себе. Он боялся Лидии. Слишком хорошо была ему известна ее привычка пользоваться услугами наемных убийц. Ему казалось, что мутант станет стабилизирующей силой во время хаоса, который может наступить после его смерти. Он написал Тьюсу письмо, в котором просил его вернуться в Линн, а неделю спустя, оправившись наконец от болезни, приказал отнести себя в резиденцию

Клэйна в западном пригороде. Там он провел ночь, а вернувшись на следующий день, сместил два десятка ключевых чиновников, которых Лидия умудрилась протащить за время его болезни. Лидия ничего не сказала, но заметила последовательность событий: посещение Клэйна, затем действия против ее людей. Она размышляла над этим несколько дней, а затем, накануне возвращения Тьюса, сама неожиданно отправилась в скромный дом лорда Клэйна. Ситуация складывалась явно не в ее пользу. Десятки планов были близки к завершению, но вмешивается лорд Клэйн — и все летит кувырком. Случайность ли это? Какую опасность для нее представляет мутант? В глубине души она чувствовала — есть какая-то тайна. Старик не стал бы беспокоиться из-за пустяка. Он либо спокоен от усталости, либо абсолютно нетерпелив. Молодые люди особенно легко выводили его из себя, и если Клэйн — исключение, то для этого должна быть причина. Издали жилище Клэйна выглядело небольшим. Вначале кусты, а затем сплошная стена деревьев окружали подножие холма. Крыша дома виднелась за вечнозелеными растениями. Дом мутанта оказался трехэтажным. Он был меньше дворцов других Линнов. Носилки, на которых сидела леди, двигались медленно, и Лидия успела все разглядеть. Носильщики, тяжело дыша, поднимались мимо прекрасной рощи и наконец остановились у низкой массивной изгороди, невидимой снизу. Лидия, всегда обращавшая внимание на защитные устройства, подняла голову. Она вышла из носилок, почувствовав прохладный ветерок вместо жары летнего дня. Воздух был полон запахов сосен и другой растительности. Лидия медленно пошла вдоль изгороди, отметив, что она искусно скрыта плющом, так что снизу, с улицы, ее нельзя было увидеть. Материал был похож на тот, из которого сооружены храмы ученых, только здесь заметна свинцовая оболочка. Высота изгороди примерно три фута, а толщина — три с половиной. В молодости я могла бы перепрыгнуть через нее, подумала она. Раздраженная, Лидия вернулась к носилкам: она так и не смогла понять назначения изгороди и в то же время не верила, что у нее нет этого назначения. Еще более обескураженной почувствовала она себя, когда увидела, что ворота представляют собой простое отверстие в стене, причем безо всякой охраны. Через минуту носильщики по туннелю из разросшихся кустов пронесли ее мимо деревьев за ограду и вышли на открытую лужайку. И здесь начались настоящие сюрпризы.

— Стойте! — приказала она.

Перед ней раскинулось нечто среднее между лугом и садом, которые занимали приблизительно пятьсот акров. Грациозный ручей пересекал луг по диагонали. Вдоль ручья выстроились десятки гостевых домиков, стройных сооружений, каждый под навесом деревьев. Справа возвышался главный дом. В дальнем углу луга стояли пять космических кораблей. И повсюду виднелись люди, мужчины и женщины, в одиночку и группами. Они сидели и прогуливались, работали, читали, писали, чертили, рисовали. Лидия задумчиво подошла к художнику, который сидел

в десятке ярдов от нее. Она не привыкла к тому, что на нее не обращают внимания.

— Что это? — резким взмахом руки она указала на луг.— Что здесь происходит?

Молодой человек пожал плечами. Он задумчиво добавил несколько легких мазков и, все еще не глядя на нее, ответил:

— Здесь, мадам, сердце Линна. Здесь создается мысль, которая затем передается общественности. Здесь рождаются идеи, и потом, распространяясь, становятся обычаями народов по всей Солнечной системе. Быть приглашенным сюда — беспримерная честь; это означает, что ваша деятельность в искусстве или науке получает признание, какое только могут дать власть и деньги. Мадам, кем бы вы ни были, я вас приветствую в интеллектуальном центре мира. Вы бы не были здесь, если бы не добились непревзойденных достижений в какой-либо области. Но прошу вас, ни слова сейчас о своей работе, подождите до вечера. Тогда я счастлив буду выслушать вас. А сейчас, старая добрая мудрая женщина, добрый вам день.

Лидия задумчиво отошла. Она подавила в себе желание отдать приказ выпороть наглеца. Ей неожиданно захотелось остаться инкогнито, пока она не исследует этот странный салон под открытым небом. Это была вселенная незнакомцев, ни одного знакомого ей лица. Какими бы ни были их достижения, эти люди не принадлежали к знати империи. Патронов здесь не было, и лишь у одного мужчины она заметила на плаще герб рыцаря. Подойдя к нему поближе, Лидия поняла по чужому религиозному символу, что это человек из рыцарства провинциального. Он стоял у фонтана, выпускающего струи воды и дыма. Прекрасное зрелище — дым, отделяющийся от воды тонким облаком. Когда она остановилась у фонтана, прохладный ветерок на мгновение стих, и она ощутила дыхание тепла. Лидия заговорила с рыцарем, надеясь хоть что-нибудь узнать от него:

— Я здесь недавно,— очаровательно улыбаясь, сказала она.— Давно ли действует этот центр?

— Около пяти лет, мадам. В конце концов нашему юному принцу всего двадцать четыре года.

— Принцу? — переспросила Лидия.

— Прошу прощения. В моей провинции это древнее слово означает — предводитель высокого рода. В своих путешествиях в ямы, где живут атомные боги, а некогда существовали города, я обнаружил, что у этого слова легендарное происхождение. Так утверждают старые книги, найденные мной в развалинах зданий.

Ошеломленная Лидия спросила:

— Вы спускались в дома богов, где горит вечный огонь?

Рыцарь засмеялся.

— Как я установил, не всякий огонь вечен.

— А вы не боялись?

— Мадам,— пожал плечами рыцарь,— мне 50 лет. К чему

беспокоиться, если даже моя кровь и будет слегка повреждена сиянием богов?

Лидия задумалась. Хм, принц, угрюмо повторила она про себя. Применительно к Клэйну этот титул ей не нравился. Принц Клэйн. Странно подумать, что есть люди, считающие его своим руководителем. Что произошло со старыми предрассудками относительно мутантов? Она хотела заговорить снова, но тут впервые по-настоящему пристально взглянула на фонтан. И отвернулась, подавив крик. Вода кипела. От нее поднимался не дым, а пар. Вода шумела, булькала. Она нигде не видела столько кипящей воды. Лидия вспомнила почерневшие котлы, в которых рабы грели воду для повседневных нужд. И почувствовала зависть. Какая роскошь — фонтан кипящей воды.

— Как это получается? — спросила она.— Тут подземный горячий источник?

— Нет, мадам, вода поступает из ручья. Вот этого,— указал рыцарь.— Отсюда она поступает по трубам в дома для гостей.

— Ее нагревают углем?

— Нет, мадам,— рыцарь явно наслаждался.— Под фонтаном есть углубление, вы можете заглянуть сами, если хотите.

Лидия хотела. Она была очарована. Сверкающими глазами леди следила за тем, как рыцарь открывает дверцу, ведущую вглубь земли. Наклонившись, она заглянула туда и увидела массивную воронку, к ней подходила труба, подающая воду. Рыцарь закрыл дверцу. Когда он повернулся, она спросила:

— Но какая сила приводит в действие всю эту систему?

Рыцарь пожал плечами.

— Некоторые утверждают, что марсианские водяные боги покровительствуют принцу с тех пор, как они помогли его покойному отцу победить в войне с марсианами. Вы помните, вода канала вскипела и тем самым привела в ужас марсиан во время атаки. Ну а другие говорят, что атомные боги помогают своему любимцу-мутанту.

— Ох! — выдохнула Лидия.

Никогда в жизни она не боялась богов. Не страшилась она их и сейчас. Ну и пусть себе кипятят воду где-то под землей. Леди выпрямилась и обрела самообладание. Холодными глазами она посмотрела на рыцаря.

— Не будьте глупцом! — сказала Лидия.— Человек, осмелившийся побывать в домах богов, должен иметь достаточно ума, чтобы не повторять старые бабские сказки.

Тот раскрыл рот. Лидия повернулась, прежде чем он смог заговорить, и пошла к своим носилкам.

— К дому! — приказала она рабам. Те подняли ее на носилках и направились ко входу во дворец.— Так в чем же секрет кипящей воды? — думала женщина.

Она застала Клэйна врасплох. Раб, увидев ее, побежал в лабораторию доложить хозяину о гостье. Но было уже поздно. Она показалась в дверях в тот момент, когда Клэйн отвернулся от анатомируемого трупа. К ее крайнему разочарованию, он

не оцепенел. Она ожидала этого и хотела спокойно и без помех осмотреть лабораторию.

Но Клэйн подошел к ней.

— Благородная бабушка,— воскликнул он и наклонился, чтобы поцеловать ее руку. Двигался он с легкой грацией.— Надеюсь, у вас найдется время и желание осмотреть мой дом и мою работу. Уверен, на вас это произведет впечатление.

Он был раскован, движения его были пластичны, и она была этим обескуражена. Не часто приходилось ей испытывать ощущение восторга и разочарования одновременно. Но она победила минутную слабость. И, вспомнив, зачем пришла сюда, сказала:

— Да, я буду счастлива увидеть твой дом. Уже несколько лет я собиралась навестить тебя, но все время была занята,— она вздохнула.— Государственные обязанности очень утомительны.

Прекрасное лицо смотрело на нее с сочувствием.

— У меня тоже совсем нет свободного времени. Вот и сейчас,— Клэйн указал на мертвеца,— пытаюсь разобраться, что скрепляет мышцы и кости. В чем секрет жизни и смерти. Я препарирую умершего мутанта,— продолжал Клэйн,— и сравниваю его с нормальными людьми.

Лидия не вполне поняла его. Ведь один мутант отличается от другого, в зависимости от того, как поразили его боги. Она так и сказала. Сверкающие голубые глаза Клэйна смотрели на нее с почтением.

— Это так,— отвечал он.— Всем известно, что мутанты редко живут больше тридцати лет. Естественно,— продолжал он со слабой улыбкой,— меня это особенно беспокоит. Ведь мне, по этой печальной статистике, осталось всего шесть лет. Джоквин, мудрый старый ученый, к несчастью, уже покинувший нас, считал, что ранняя смерть происходит в результате внутреннего напряжения, свойственного мутанту. Он полагал, что если напряжение снять, как он пытался это сделать со мной, мутант проживет нормальный срок и будет обладать нормальным интеллектом. Он считал, что мутант, если дать ему возможность, сможет реализовать свои возможности. А возможности эти могут быть сверхчеловеческими.

Клэйн улыбнулся.

— Пока я не заметил в себе ничего необыкновенного.

Лидия вспомнила кипящий фонтан и похолодела. Этот старый дурак Джоквин, подумала она с яростью, почему я не обращала внимания на то, что он делает? Он создал чуждый мозг в самом центре правящей группы империи. Тревога ее нарастала. Смерть, думала она, должна была наступить через несколько часов после кончины старика. Нельзя было рисковать, имея дело с таким созданием. И дальше ее интересовало только одно — как разработать план нового убийства. Она изучала расположение комнат. И Клэйн, казалось, понял причины ее любопытства, потому что после короткого осмотра лаборатории, причем она почти ничего не запомнила, он повел

ее из комнаты в комнату. Ее внимание обострилось. Она заглядывала в двери, осматривала окна, и с удовлетворением заметила, что полы повсюду покрыты коврами. Меерл сумеет напасть без шума.

— А твоя спальня? — спросила она наконец.

— Мы идем туда,— ответил Клэйн.— Она с лабораторией рядом. Вначале я не хотел ее вам показывать,— у него была ангельская улыбка,— но теперь раздумал, а почему бы и не показать.

Коридор, ведущий в спальню, был настолько широк, что походил на еще одну комнату. Стены от пола до потолка были увешаны коврами. Лидия приподняла ковер и заглянула под него. Стена была сооружена из храмового камня, на ощупь казалась теплой. Она вопросительно взглянула на Клэйна.

— У меня в доме немало божьего металла. Из рабочей лаборатории в спальню ведет другой коридор.

Лидия заметила, что обе двери в спальню запираются. Она отметила это, следуя за Клэйном в лабораторию. Ей казалось странным, что он не боится нападения. Никаких мер предосторожности. А ведь убийца может ударить раньше, чем Клэйн поднимет тревогу. Что ж, это к лучшему. Жаль, что пока нужно ждать. Убить мутанта можно только после того, как Тьюса сделают наследником. Лидия заметила, что Клэйн остановился возле черного ящика. Рядом с ним встала и она.

— Джело Гриант,— сказал Клэйн,— привез мне это из путешествия в царство богов. Я влезу в него, а вы загляните вон в то темное стекло. Вам будет интересно.

Лидия повиновалась. Еще мгновение после того, как Клэйн исчез, стекло оставалось темным. Затем оно начало слабо светиться. Лидия отшатнулась от этого чуждого сияния, затем, вспомнив, кто она, вернулась к стеклу. И закричала. Сквозь стекло виднелся светящийся скелет и тень бьющегося сердца, тень сжимающихся и расширяющихся легких. Она смотрела, окаменев. Скелет поднял руку, опустил. И вдруг ее осенило. Она смотрела на внутренности живого человека — Клэйна. Неожиданно это ее заинтересовало. Ее глаза скользили по костям. Она видела ребра вокруг сердца и легких. Она заглянула в область почек, но тут свет погас. Клэйн вылез из ящика.

— Ну,— спросил он, довольный,— что вы думаете о моем маленьком подарке от богов?

Эта фраза удивила ее. Всю дорогу домой она повторяла ее. Подарок от богов! В некотором смысле так и есть. Атомные боги подарили своему мутанту возможность заглянуть в себя, изучить свое тело. Какова их цель? А что, если боги действительно существуют? И помогают Клэйну? А что, если они, как и в легендарные времена, вмешиваются в человеческие дела? Тревожные мысли торопили ее. Убить! И быстро. Быстро!.. Но дни проходили. Политическая жизнь занимала все время без остатка. Тем не менее среди множества забот она не забывала о Клэйне. Курьер лорда-правителя, привезший Тьюсу приглашение вернуться в Линн, передал ему также письмо от матери.

Написанное в страшной спешке, оно объясняло, как было получено разрешение. Цена за власть поразила Тьюса.

— Как,— думал он,— жениться на Гудрун?

Потребовался целый час, чтобы он смог успокоиться и обдумать предложение. В конце концов, решил он, план слишком грандиозен. Можно ли позволить себе потерпеть неудачу из-за отвращения к женщине. В конце концов он не привязан к другой женщине. Его жена семь лет назад, обнаружив, что изгнание из Линна может стать постоянным, убедила отца развести их. Да, он свободен для нового брака. Пусть он не полюбит свою жену. Главное — выиграть борьбу. Возвращение Тьюса стало триумфом дипломатии его матери и великим мгновением для него самого. Корабль опустился на площадь, и под торжественную музыку его встречали лорд-правитель и весь Патронат. Последовавший парад открыли пять тысяч кавалеристов, за ними десять тысяч пехотинцев, тысяча инженеров и десятки машин для бросания камней. Дальше следовали сам лорд-правитель, Лидия и Тьюс, триста патронов и шестьсот рыцарей. Завершал парад еще один пятитысячный кавалерийский отряд. С рострума над зданием Патроната лорд-правитель, чей львиный голос с возрастом не ослабел, приветствовал приемного сына. Все разговоры о причинах изгнания Тьюса подтвердились. Он действительно удалился для раздумий. Он устал от хитростей и интриг государственной деятельности. Вернулся он только после многократных просьб матери и лорда-правителя.

— Как вам известно,— заключил лорд-правитель,— семь лет назад я лишился наследника в момент высшего военного триумфа, какой испытывала когда-либо империя,— завоевания Марса. Сегодня, когда я стою перед вами, уже немолодой, не в силах нести полный вес военного и политического руководства, мне радостно встречать скромнейшего и достойнейшего члена нашей семьи, сына моей дорогой жены Лидии. Обращаясь к солдатам, я скажу — империя опять обретает силу. Вспомните Кимбри, завоеванный, когда командующему было всего двадцать пять лет. В особенности я обращаюсь к ветеранам Венеры, где подлые правители склонили дикие венерианские племена к восстанию. Вскоре Тьюс будет там с величайшей армией, какую видела империя после завоевания Марса. Я хочу выступить в роли предсказателя. Я предсказываю, что не пройдет и двух лет, как вожди венерианского восстания будут повешены на столбах, которые они сейчас используют для казни пленных. Я предсказываю, что их повесят по приказу лорда-соправителя — главнокомандующего Тьюса, которого я назначаю своим наследником и преемником. И пусть его опасаются те, кто замыслил зло для империи. Вот человек, который поразит их и их планы.

Растерянный Тьюс, который до сих пор во всем следовал советам матери, вышел вперед, чтобы ответить на приветствие и сказать несколько слов:

— Не много,— предупредила его мать.— Будь дипломатом.

Но у лорда Тьюса были другие планы. Он тщательно продумал план будущих действий и хотел сделать заявление.

— Я уверен,— сказал он толпе,— вы согласитесь со мной, что титул лорда-правителя принадлежит исключительно первому и величайшему человеку Линна. Поэтому прошу, чтобы ко мне обращались как к лорду-советнику, пусть это будет обязательным титулом. Я с радостью буду служить советником как лорду-правителю, так и Патронату, и в этой роли я хочу быть известным народу великой Линнской империи. Спасибо за внимание, а теперь я советую устроить трехдневные игры и прошу раздать еду всему городу, я это оплачу. Идите и развлекайтесь, и пусть атомные боги пошлют вам удачу.

В первую минуту Лидия была поражена так, словно гром разразился над ее головой. Неужели Тьюс сошел с ума, отказываясь от титула лорда-правителя? Радостные крики толпы несколько успокоили ее. Позже, когда она вместе с Тьюсом и лордом-правителем направилась во дворец, ее осенило: а ведь это совсем недурно — лорд-советник. Новый титул — прекрасный щит против тех, кто пытается возбудить народ и внушить вражду к абсолютным правителям Линна. Ясно, что долгое изгнание обострило туповатый мозг ее сына. По мере того, как проходили дни и становилось ясно, что из себя представляет Тьюс, старый лорд начал испытывать сожаление. Ограничения, наложенные на его приемного сына во время его пребывания в Аваях, оказались излишне суровыми и сослужили ему плохую службу. Не следовало давать жене Тьюса разрешение на развод. Нужно было, чтобы она следовала за ним. Лорду-правителю казалось, что теперь остается только одно: ускорить брак Тьюса с Гудрун, затем отправить их проводить медовый месяц на Венере, из предосторожности послав с ними четверть миллиона солдат. Пусть будущий лорд-правитель совместит любовь с войной. Разделавшись с главной проблемой, лорд-правитель решил принять меры, чтобы уберечь других наследников от смерти, которую заботливая Лидия им, конечно, уже готовит. Но вскоре, несмотря на бережное наблюдение за ним, лорд-правитель серьезно заболел. Он почти не вставал с постели. Все процедуры, включая ледяные ванны, его любимое средство, на этот раз не смогли ему помочь. И вот о несчастье известили Патронат и руководителей государства. Все они были приглашены к постели умирающего. Лорд-правитель несколько лет назад ввел закон, по которому правителю не разрешалось умирать в одиночестве. Это была предосторожность против отравления, мера, которую он считал в своей семье вполне разумной. Однако сейчас, когда он смотрел на толпу, ввалившуюся в двери его спальни, и слушал приглушенный гул голосов, он понял, как тяжело умирать на людях. Лорд-правитель подозвал Лидию и попросил ее закрыть дверь. Люди в спальне беспокойно переглядывались, когда она выпроваживала их, но спокойный голос лорда-правителя повторил приказание, и они вышли. Потребовалось немало времени, чтобы очистить комнату. Лорд-правитель лежал, печально глядя на жену. Ему предстояла неприятная про-

цедура, а близость смерти делала ее еще более отвратительной. Он начал без предисловий.

— В последние годы я не раз намекал тебе, что опасаюсь за здоровье своих родственников. Твои намерения мне совершенно ясны. В твоем сердце нет нежных чувств, присущих женщине.

— Ты это о чем? — начала Лидия, прекрасно зная, что имеет ввиду ее муж, и добавила.— Дорогой мой, по-прежнему ли ясен твой ум?

Лорд-правитель спокойно возразил:

— Сейчас, Лидия, я не собираюсь пользоваться дипломатическим языком. Не вздумай, как только я умру, убивать моих родственников.

Такого прямого разговора у них никогда не было. Краска сбежала с ее щек.

— Я убью твою родню! — выдохнула она.

Некогда серо-стальные, а теперь водянистые глаза умирающего смотрели на нее безжалостно.

— Я обезопасил Деррина и Дрейна. Они командуют сильными армиями, и в моем завещании тщательно оговорено их будущее. Многие администраторы тоже защищены. Женщинам не так повезло. Но, я думаю, две мои дочери в безопасности. Старшая бездетна и лишена честолюбия, а Гудрун теперь жена Тьюса. Я хочу, чтобы ты пообещала, что не будешь пытаться повредить ей и не станешь преследовать троих ее детей от первого брака. Я хочу, чтобы ты не поднимала руку на троих детей моих двоюродных братьев. Наконец, обещай мне, что никогда не тронешь леди Таню, ее двух дочерей и сына Клэйна.

— Клэйн! — повторила Лидия. По мере того, как он говорил, сердце ее накалялось. Она произнесла громче: — Клэйн!

Глаза ее стали как бездонные омуты. Она пристально смотрела на мужа.

— Если ты считаешь меня способной на такие преступления, почему ты думаешь, что я выполню обещание, данное мертвецу?

Старик оживился.

— Потому, Лидия,— сказал он,— что ты не просто мать, защищающая ребенка. Ты руководитель, чья политическая прозорливость и ум сделали возможным создание огромной империи, которую теперь унаследует Тьюс. В глубине сердца ты честная женщина, и если ты дашь мне обещание, я думаю, ты его сдержишь.

Теперь она знала, что он только надеется. И к ней вернулось спокойствие.

— Хорошо, мой дорогой,— успокоила она его.— Я обещаю тебе. Ни один из тех, кого ты упомянул, не будет убит.

Лорд-правитель в отчаянии смотрел на нее. Он понял, что не тронул ее сердца. Внутренняя сущность этой женщины недоступна эмоциям.

— Лидия,— сказал он,— не рассерди Клэйна, пытаясь убить его.

— Не рассердить его? — подхватила Лидия. С изумлением

она смотрела на мужа, как будто не могла поверить, что правильно расслышала.— Не рассердить его?

— Пойми,— сказал лорд-правитель,— что после моей смерти тебя ожидает пятнадцать-двадцать лет жизни, если ты будешь беречь свою энергию. Если ты проведешь эти годы, пытаясь править миром за Тьюса, он быстро и легко отстранит тебя. Ты этого еще не понимаешь. Ты должна искать власть в других людях. Деррин не нуждается в тебе, а Дрейн нуждается только в Деррине. Тьюс сможет и будет обходиться без тебя. Из всех великих остается Клэйн. Он сумеет сотрудничать с тобой. С ним ты сможешь сохранить часть своей власти.

Взгляд Лидии не отрывался от его рта. Она слушала, как голос его становится слабее, пока не затих окончательно. В наступившей тишине Лидия обдумывала его слова. Ей вдруг показалось, что это Клэйн говорит устами своего умирающего деда. Этот Клэйн хитро предположил, что она будет опасаться за свое будущее. Посмотрев на умирающего, она в душе рассмеялась. Три месяца назад, поняв, что муж больше не жилец на этом свете, она настояла на том, чтобы Тьюс был отозван с Венеры, а на его место назначен Деррин. Все получалось даже лучше, чем она надеялась. Пройдет не меньше недели, прежде чем корабль Тьюса достигнет Линна. За это время вдова Лидия станет всемогущей правительницей. Возможно, ей все же придется отказаться от своих планов и приблизить к себе некоторых родственников. Но они, по крайней мере, нормальные люди. Только Клэйн — чужак, нелюдь должен быть уничтожен любой ценой. Длинный напряженный разговор истощил последние силы лорда-правителя. За десять минут до захода солнца огромные толпы, собравшиеся вокруг дворца, увидели, как открылись ворота. Вышла Лидия, опираясь на руки двух старейших патронов, в сопровождении толпы дворян. Через мгновение всем стало известно, что Линн Линнский умер.

Лидия с трудом проснулась наутро после смерти лорда-правителя. Она потянулась и зевнула. Потом открыла глаза и взглянула на потолок. Яркий солнечный свет ворвался в окна. У постели стояла Далат.

— Вы просили разбудить вас пораньше, благородная леди,— сказала она.

В голосе Далат звучала такая почтительность, которой Лидия не замечала раньше. Вот она, власть, подумала леди. Линн мертв. По крайней мере, на неделю она фактический правитель города и государства. Никто не посмеет возразить матери правителя... гм... матери лорда-советника Тьюса.

— Вернулся ли Меерл?

— Нет, благородная леди.

Она нахмурилась. Он имел доступ в ее спальню в любой час дня и ночи. И она удивилась, что, получив такое важное задание, он до сих пор не доложил об исполнении.

— Я думаю, леди, вам нужно сказать ему, что с его стороны неразумно отправлять по почте вам посылки.

Лидия удивленно посмотрела на женщину:

— Идиот, зачем он это сделал? Покажи посылку.

Она яростно сорвала упаковку и увидела урну, полную пепла. К основанию была прикреплена записка.

«Дорогая мадам! Ваш убийца был слишком влажен. Атомные боги, будучи предупрежденными, становятся яростными в присутствии влаги.

От имени совета богов — Уран».

Звук разбитого стекла вывел ее из оцепенения. Это упала ваза. На этот раз ее испугало не содержание записки, а подпись: «Уран». С ужасом смотрела она на кучку пепла, который когда-то был Меерлом, ее самым надежным убийцей. Она поняла, что переживает эту смерть острее, чем смерть мужа. Старик и так слишком зажился. И пока в нем теплилась жизнь, он обладал властью. Когда он перестал дышать, она впервые за многие годы вздохнула спокойно. Как будто с ее души сняли груз. А теперь груз вернулся. Она, тяжело дыша, с яростью пнула пепел. Как мог Меерл потерпеть неудачу? Осторожный, искусный, храбрый, дорогой Меерл!

— Далат!

— Да, леди?

Лидия обдумывала дальнейшие действия, но недолго.

— Вызови полковника Мэлджана. И пусть явится немедленно.

Тянуть с убийством уродца было нельзя. У нее была всего неделя безоговорочной власти. Пора действовать в открытую. Лидия приказала отнести себя к подножию храма. Она закрыла лицо вуалью. Носильщиками ее служили рабы, с которыми она никогда не появлялась в общественных местах, и сидела она в старых носилках одной из фрейлин. Глаза ее возбужденно горели. Утро было необычно жаркое. Порывы теплого воздуха доносились с холма, от дома Клэйна. Немного погодя Лидия увидела, что солдаты, пройдя вверх около ста ярдов, остановились. Остановка затянулась. Лидия собиралась выйти из носилок, но увидела Мэлджана. Он торопился к ней. Офицер был весь в поту.

— Мадам, мы не можем приблизиться к ограде. Она как будто в огне.

— Я не вижу никакого огня.

— Это невидимый огонь.

Лидия удивилась, заметив, что мужественный полковник дрожит от страха.

— Здесь что-то сверхъестественное,— сказал он.— Мне это не нравится.

Лидия вышла из носилок. Она чувствовала озноб. Впервые дурное предчувствие набежало, как тень, на ее сердце.

— Ты что, дурак? — яростно крикнула она.— Если ты не можешь перепрыгнуть ограду, пошли сюда вояк с космических кораблей.

— Я уже пытался сделать это,— ответил он,— но...

— Что значит это «но»? — негодовала Лидия.— Я пойду сама взгляну на эту ограду.

Она начала подниматься и остановилась в том месте, где залегли солдаты. Жар был нестерпимым, от него перехватывало дыхание. В одно мгновение горло пересохло. Она остановилась за кустом, но и там было нестерпимо жарко. И тогда она обратила внимание на скрючившиеся листья. Лидия сжалась, стала меньше, она не понимала, что происходит. К ней пробрался Мэлджан. Прошло несколько секунд, прежде чем он смог говорить.

— Корабли,— доложил он.

Она следила, как они вылетели из-за деревьев, пролетели над оградой и... исчезли из вида. Пять кораблей пролетело и исчезло. Лидия почувствовала, как приободрились при их появлении солдаты.

— Пусть люди спустятся вниз,— хрипло приказала она и сама отступила быстрее всех. Улица внизу была пустынна. Несколько человек задержались при виде необычных маневров солдат, но их разогнали караульные. Нечего всем глазеть, в конце концов это — частное дело их семьи.

Лидия ждала. Ни звука не доносилось из-за деревьев, за которыми исчезли корабли. Как будто они провалились в пропасть. Прошло около получаса, затем неожиданно показался корабль. Лидия затаила дыхание, глядя, как он пролетел над деревьями и опустился на дорогу. Из него вышел человек в мундире. Мэлджан помахал ему и побежал навстречу. Последовал очень горячий разговор. Наконец Мэлджан вернулся к Лидии. Он негромко сказал:

— Дом тоже покрыт непреодолимым горячим барьером. Но они разговаривали с лордом Клэйном. Он хочет поговорить с вами.

Лидия выслушала его в задумчивости. Она начала понимать, что такое положение может тянуться бесконечно. Если бы только подобраться к нему поближе, подумала она, хотя бы под предлогом необходимости обсудить его предложения... Корабль перенес ее через изгородь, жар от стен дома сменился вполне терпимым теплом. Как ни странно, Клэйн согласился, чтобы она взяла с собой в дом дюжину солдат. Когда она вошла, ее охватило странное чувство. Дворец был пуст. Не было видно даже рабов, которые должны были находиться на своих местах. Она направилась в спальню, стараясь идти как можно медленнее. Невероятно, думала она, когда он успел так тщательно подготовиться.

— Бабушка, дальше не ходите,— услышала она голос. И застыла.

Лидия увидела, что находится в ярде от коридора, ведущего в его спальню. В дальнем конце коридора стоял Клэйн. Он казался одиноким и совершенно беззащитным.

— Если подойдете ближе,— пояснил он,— смерть наступит мгновенно.

Но вокруг не было ничего необычного. Коридор был таким,

каким она его помнила. Только ковры, снятые со стен, обнажили храмовый камень. И все же она чувствовала слабую теплоту, неестественную и смертоносную. С усилием она отбросила мысли об этом.

Лидия уже хотела отдать приказ, но Клэйн заговорил опять:

— Бабушка, не поступайте опрометчиво. Подумайте, прежде чем бросить вызов силам атома. Разве случившееся сегодня не убедило вас? Вы, конечно, понимаете, что тому, кого любят боги, не могут повредить смертные.

Но женщина не хотела отказываться от своей цели. Ее поражало и дразнило, что он продолжает стоять менее чем в тридцати футах, безоружный и беззащитный, со слабой улыбкой на губах.

— Ты вспомнил не ту пословицу,— сказала она.— Тот, кого любят боги, умирает молодым.

И все же она колебалась. Как много он работал над собой, подумала она, совершенно поборол свою болезнь. И какое прекрасное лицо. Какая на нем уверенность в себе! Неужели за ним действительно боги?

— Предупреждаю вас, бабушка, не двигайтесь. Если хотите доказательств, что боги за меня, пошлите солдат. Но сами не двигайтесь!

Лидия почувствовала слабость, ноги ее подгибались. Она вдруг поняла, что он не обманывает. В то же время отступить от своего плана она уже не могла. Неужели придется? Она поняла, что в ее нерешительности безумие. Нужно смириться, признать свое поражение. Она уже открыла рот, чтобы отдать приказ, когда это произошло. Неизвестно, чем руководствовался солдат. Возможно, на него подействовала жара, может быть, возбуждение переросло в безумие, но он с криком: «Я перережу ему глотку!» — бросился вперед. Миновав Лидию, он пробежал всего несколько шагов и начал распадаться. Кучка пепла осталась на полу от великана. Горячий ветер коснулся Лидии, и она отошла. Но ветер этот сжег лица солдат. Послышались сдавленные крики, началась свалка. Хлопнула дверь, и Лидия с Клэйном остались одни. Лидия выпрямилась, чувствуя, что из коридора по-прежнему движется горячий воздух. Она окликнула:

— Клэйн!

Тот отозвался немедленно:

— Да, бабушка?

Она напоминала сдавшегося полководца.

— Чего вы хотите, Клэйн?

— Никаких заговоров. Никаких убийств. И еще — политического сотрудничества. Но люди должны как можно дольше не знать об этом.

Ей стало легче дышать. Она боялась, что он потребует публичного отречения.

— А если я не соглашусь?

— Смерть!

Сказано это было спокойно. Спокойно и как-то не зло. Но

Она даже не подумала усомниться в том, что мутант исполнит свою угрозу. Остался еще один нерешенный вопрос.

— Клэйн, ты стремишься к посту лорда-правителя?

— Нет!

Ответ был слишком быстрым. Она почувствовала недоверие. Но через мгновение обрадовалась, что он отказался. Мысли ее обратились к возможным ситуациям.

— Хорошо,— сказала она, вздохнув,— я согласна.

У себя во дворце она прежде всего вызвала убийц для устранения свидетелей ее поражения. К полудню пришли новости. Первая заключалась в том, что корабль лорда Тьюса неожиданно прибыл раньше времени, и сам Тьюс направляется во дворец. Вторая, более приятная — полковник Мэлджан найден мертвым в саду. И только тут Лидия поняла, что все складывается именно так, как ей советовал поступить покойный муж для собственной ее безопасности и благополучия. Слезы и сознание великой потери наконец пришли к ней. На могиле лорда-правителя народ Линна отдал ему дань. Таких почестей не знал еще ни один из ушедших.

МЕДРОН ЛИНН — ОТЕЦ ИМПЕРИИ.

В правительственных и военных кругах Линна и Венеры последовательность битв с венерианскими племенами называли соответствующим словом — война! Но в целях пропаганды при любой возможности использовалось слово «мятеж». И враги сражались с яростью людей, испытавших рабство. Люди, противостоящие страшным опасностям, едва ли могли поверить, что все беды вызваны предателями империи. Лорд Деррин, исключительно честный человек, не делал попыток навязывать лживое объяснение. Он понимал, что линнцы — угнетатели, и временами чувствовал себя по-настоящему больным из-за необходимости участвовать в этом. Но у него не было выбора. Венерианцы были второй по могуществу расой Солнечной системы. Два народа боролись друг с другом триста пятьдесят лет, и перелом наступил лишь около сорока лет назад, когда армии Рахейнла высадились на одном из островов Венеры. Юному военному гению было всего восемнадцать лет во время битвы в Казукских болотах. Последовало быстрое завоевание еще двух островов, но затем ослепленные сторонники Линна вовлекли всех в гражданскую войну, которая закончилась казнью Рахейнла. Линн Линнский с холодной яростью продолжал захват четырех главных крепостей Венеры. На каждом острове он установил особое правительство и оживил старые языки. Так продолжалось много лет, а потом неожиданно, выступив одновременно, венерианцы захватили главные города пяти основных островов. И обнаружили, что лорд-правитель более предусмотрителен, чем они предполагали. Военные крепости находились не в городах, как все были уверены. Центры Линнских властей были размещены в большом количестве небольших крепостей, разбросанных в болотах. Эти крепости всегда казались слабыми, и ни один венерианец не догадался сосчитать их.

Вкушительные городские крепости, нападение на которые было тщательно подготовлено, оказались пустой скорлупой. Когда они решили напасть на крепости в болотах, было уже поздно. Быстрый удачный ход превратился в затянувшуюся войну, и скоро венерианцы поняли, что они не смогут победить. Месяц за месяцем стальные тиски, подкрепленные флотами космических кораблей, заметно сжимались. Им не хватало продовольствия. Мужчины стали угрюмы и раздражительны, женщины плакали. Страх передавался детям. Ужас порождал жестокость. Пленных линнцев вешали на столбах, причем их ноги лишь на несколько дюймов не доставали земли. Искаженные ненавистью лица убийц. Выжившие знали, что за каждую смерть будет заплачено. Шесть месяцев назад перспектива неизбежного триумфа Деррина обеспокоила лорда-правителя Тьюса. Он предвидел, как может измениться отношение под воздействием победы. Нельзя ставить под угрозу свои планы. После долгих размышлений Тьюс вспомнил присланную больше года назад просьбу Деррина о подкреплениях. Тогда Тьюс счел нецелесообразным ускорять конец войны. Теперь он громогласно заявлял о своей заботе о Деррине. Он представил его просьбу Патронату и добавил свои настоятельные рекомендации, чтобы не менее трех легионов были посланы на помощь «нашим доблестным армиям, противостоящим искусному и коварному врагу». Тьюс мог бы добавить, что именно он дает подкрепления и тем самым обеспечивает победу. И Патронат не отказался бы от проведения такого же триумфа, какой планировался для Деррина. Тьюс обсудил готовящуюся ловушку с матерью, которая в соответствии со своим политическим соглашением с Клэйном, передала всю информацию мутанту. Лидия не считала, что предает сына. Но она знала, что Тьюс сам собирается на Венеру, и сообщила об этом Клэйну. Его реакция удивила ее. На следующий день он попросил аудиенции у Тьюса. И тот, державшийся очень любезно с внуком покойного лорда, тут же разрешил Клэйну организовать собственную экспедицию на Венеру. Он удивился, что экспедиция вылетела через неделю после получения разрешения, и с удовольствием подумал, что присутствие Клэйна на Венере создаст затруднения для Деррина. Рождение в семье мутанта вызвало сенсацию двадцать пять лет назад. Потом близкие смирились с несчастьем, избавились от суеверия, но невежественное простонародье сохранило свои страхи. Только дай разыграться страстям, и люди забросают его камнями. И солдаты могут впасть в панику, если накануне сражения увидят мутанта. Он поделился своими соображениями с Лидией.

— Наконец-то,— сказал он,— представится возможность установить, замешан ли Деррин каким-либо образом в тех трех заговорах против меня. А если это так, я смогу использовать Клэйна.

Лидия ничего не сказала, только отметила про себя логичность рассуждений Тьюса. В свое время у нее были планы

против Клэйна. Теперь же она недоумевала, какая слепая материнская любовь заставила ее добиться власти для бездарного Тьюса. Под его руководством правительство бездействовало, а сам он дергался, его власть стала пародией на либеральное правление. Его реформы переходного периода оказались слишком половинчатыми. Она была опытным тактиком и без труда заметила зародившееся в сыне лицемерие. Он начал ощущать вкус власти, думала она, и понял, что наобещал слишком много. Для политика естественно дурачить других, но что-то отвратительное и опасное есть в политике, обманывающем себя. Она не опасалась его полета на Венеру. Ее расследования показали, что в заговорах против Тьюса влиятельные семьи не замешаны. К тому же Деррин не из тех, кто ускоряет ход событий. Он будет раздражен прибытием Тьюса. И поймет, что нужно Тьюсу, но ничего не предпримет. После отлета Тьюса с тремя легионами она взяла на себя верховное правление. Она хотела восстановить контроль над Патронатом. К тому же около ста человек в последнее время показали себя ее врагами. Она замышляла избавиться от них. В Линне наступила нормальная, совсем прежняя жизнь.

Вначале поверхность планеты, простирающейся под кораблем, была накрыта огромной тенью. Но чем больше экспедиция погружалась в атмосферу, толщина которой две тысячи миль, тем скорее исчезала дымка. Горы, напоминавшие пятно на карте, обретали очертания. Обширное море ушло за горизонт, и потянулись болота, холмы и леса. Местность становилась все более дикой. Огромная воронка находилась прямо по курсу — гигантская черная дыра на большой равнине. Три корабля опустились на зеленый луг. Из них вышли люди — мужчины и женщины, многие из них были рабы. Рабочие сразу же приступили к выгрузке оборудования. К ночи были сооружены жилища для Клэйна и обслуживающих его трех рабынь, а также двух сопровождавших его рыцарей и трех храмовых ученых. Был построен загон для рабов, а вокруг лагеря разместились два отряда солдат. По приказанию Клэйна выставили часовых, и на пять тысяч футов поднялись космические корабли. Десятки костров, за которыми следили преданные рабы, освещали тьму. Когда наступил рассвет, лагерь забурлил заботами нового дня. Сразу после завтрака оседлали лошадей: в сопровождении двадцати пяти человек Клэйн направился к ближайшему дому богов. Все двадцать пять были отчаянными безбожниками, но не проехали они и нескольких сотен ярдов, как Клэйн заметил, что один из всадников побледнел. Клэйн подъехал к нему.

— Съел что-нибудь не то за завтраком? — спросил он мягко.— Лучше вернись в лагерь и сегодня отдохни.

Те, кто должны были продолжить путь, проводили счастливца завистливыми взглядами. Местность становилась бугристой. В земле появились трещины, которые устремлялись к яме. Они были слишком прямыми, словно снаряды, летевшие когда-то параллельно поверхности, разрывали грунт. У Клэйна была своя

теория, объясняющая происхождение этих трещин. Здесь прошла атомная война исчезнувшей цивилизации. Атомные боги прорыли туннели в земле, оставили вечный след на этой беспокойной планете. Столетиями ямы излучали смертоносные невидимые лучи. Сколько это продолжалось? Никто не помнит. Клэйн знал, что если отыскать старые звездные карты, то можно вычислить, как давно это было. Период распада жестокого дара богов был бесконечно долог. Божьи огни умирали. Людям пришло время исследовать ямы, в которых остыл космический пепел. Те, что придут первыми, найдут бесценные сокровища. Большинство ям было расположено в пустынной местности, заросшей травой и кустарником. Виднелись развалины зданий, обвалившиеся стены, загадочные пещеры. Туда когда-то осмелились спуститься несколько человек. Они нашли и вытащили на поверхность какие-то старинные механизмы. Большинство из них было сломано, но некоторые работали. Яма на Венере, к которой они сейчас приближались, всегда возбуждала воображение авантюристов. Безымянные города были когда-то построены в глубине планеты. Дно ямы представляло собой хаос из бетонных дамб, черные дыры в которых вели в бездонные глубины. Свита Клэйна застыла. Солдат, ехавший перед ним, указал вперед. И Клэйн заставил своего коня подняться на пригорок, где стоял солдат. Он остановился, глядя на насыпь, за которой была низкая бетонная стена. А дальше — яма. Вначале они были очень осторожны. Прятались за стеной, чтобы не облучиться. Только Клэйн не соблюдал никаких мер предосторожности. С самого начала он стоял прямо и смотрел в бинокль вниз. Другие тоже постепенно осмелели, и вот уже все стали на край пропасти и заглянули в самый знаменитый дом богов. Утро было пасмурным. Слабый туман поднимался со дна ямы. Но в бинокль можно было разглядеть дно пропасти. С восходом солнца туман рассеялся, и светило Венеры озарило глубины ямы. Двое художников, уже зарисовавших общие очертания, принялись наносить на холст подробности. Их взяли в экспедицию, потому что они умели составлять карты, и теперь Клэйн убедился, что это действительно были профессионалы. Долгое время он разглядывал подземное царство, не отрываясь от бинокля. Клэйн сравнивал увиденное с тем, что было на рисунках художников. К вечеру работа была завершена. Люди Клэйна обнаружили не менее трех выходов из ямы. В случае опасности каждый из них мог пригодиться. Ночь прошла спокойно. На следующее утро Клэйн вызвал один из кораблей, и сразу после завтрака на борт поднялись два храмовых ученых, один рыцарь и три художника, а вместе с ними дюжина солдат. Несколько минут спустя корабль повернулся носом к яме и медленно двинулся вниз. Корабль не делал попытки приземлиться, а просто кружил, приближаясь к стенам и ко дну, исследуя радиоактивность неведомого подземелья. Это было рискованно. Только находясь внутри корабля, они могли измерять радиоактивность местности, не опасаясь быть облученными. Но и корабль был уязвим. Над ним должно было

быть открытое пространство. И это естественно, ведь машина предназначалась для полета в космосе. Изобретатели не учли, что бывают обстоятельства, когда ракета понадобится в замкнутом пространстве. Впрочем, военные уже не раз использовали этот недостаток, обращая его против кораблей противника. Они накрывали ракету сверху и таким образом выводили из строя ее двигатели. Так что корабль Клэйна мог изучать в опасной зоне только дно и стены огромной воронки. Все показания измерений наносились на карту. Отмечались опасные зоны, участки среднего уровня радиации и места, в которых пришельцев не поджидала атомная смерть. Вечером разведчики поднялись в лагерь, чтобы отдохнуть и спланировать действия на будущее. Было решено — первый десант будет состоять из ста человек. Они возьмут с собой припасы на целую неделю. Посоветовавшись с рыцарями и учеными, Клэйн наметил тропу, по которой спустятся солдаты. С воздуха было хорошо видно бетонное сооружение. Под его защитой и уйдет в неведомое первый отряд. К стене внутри ямы исследователей подбросил космический корабль. Первым из корабля выбрался Клэйн. Он был поражен тишиной, которая царила вокруг. Клэйн перелез через каменный вал и начал спускаться. Отряд следовал за ним. Клэйн посмотрел наверх. На высоте пятисот футов над исследователями кружил космический корабль. Спешить было некуда. Установили палатки и обозначили защитный круг. Пищу спрятали в укрытие из бетона. Перекусив, Клэйн, рыцарь, ученый и шестеро солдат направились к «зданию», видневшемуся вдали. Подойдя поближе, они увидели, что это вовсе не здание, а выступ из бетона и металла — остатки военного укрытия, сделанного людьми. Вид этого убежища подействовал на Клэйна. Тысячелетия оно стояло здесь, сначала в кипящем океане неукротимой энергии, а потом в глубокой тишине, ожидая возвращения человека. Клэйн знал, что со времени великой войны прошло около восьми тысяч лет. Увидев приоткрытую дверь, он остановился, потом приказал солдатам открыть ее полностью. Но солдаты, как ни напрягались, не смогли и пошевелить ее. Отстранив их, Клэйн протиснулся в щель и оказался в узком коридоре, оканчивающемся другой дверью. Вторая дверь была закрыта. Пол, стены и потолок были бетонные, а дверь — металлическая. Клэйн и рыцарь нажали на нее, и она распахнулась. Они замерли, пораженные. Подземелье оказалось освещенным. Свет лился из небольших отверстий в потолке. Присмотревшись, они увидели плафоны из тонкого золота. Это они излучали странное, туманное сияние. Ничего подобного в Линне не знали. Клэйн подумал, что свет загорелся, когда они вошли. Обсудив ситуацию, они закрыли дверь. Ничего не произошло. Было ясно — лампы горели здесь много столетий. Клэйн подавил желание снять сокровища и поднять их наверх в лагерь. Смертельная тишина, ощущение невероятной древности говорили, что нет необходимости торопиться. Клэйн медленно, стараясь ничего не пропустить, скользил взглядом по стенам. В углу стояли перекошенный стул и стол со сломанной нож-

кой. Рядом валялся хлам. Дальше, на металлическом стержне, лежали человеческий череп и кости. Больше, пожалуй, в комнате ничего не было. Клэйн подошел и притронулся к останкам. Череп и ребра рассыпались в пыль, и беловатый туман осел на пол. Клэйн поднял стержень и, прихватив его с собой, вышел. Снаружи все было по-другому. Его не было минут пятнадцать, но за это время что-то поменялось. Корабль, доставивший их, еще кружил над ямой, а к лагерю подлетала другая ракета. Это встревожило Клэйна, и он направился в лагерь. Люк корабля открылся, и оттуда вышли три человека. Один из них, в мундире офицера генерального штаба, протянул Клэйну пакет. Это было письмо от его старшего брата лорда Деррина, главнокомандующего линнской армией. В завещании лорда-правителя указывалось, что Деррин станет соправителем Тьюса по достижении тридцатилетнего возраста, и сферой его деятельности станут планеты. Письмо соправителя было коротким.

«Мне стало известно, что ты прибыл на Венеру. Мне вряд ли нужно говорить тебе, что присутствие здесь мутанта в критический момент войны против мятежников может иметь неблагоприятные последствия. Мне сказали, что ты получил разрешение на эту поездку лично от лорда-советника Тьюса. Если ты не понимаешь сложных мотивов, которыми руководствовался Тьюс, давая это разрешение, то это значит, ты не осознаешь и последствий этого для нашей семьи. Я хочу, чтобы ты немедленно вернулся на Землю. Это приказ.

Деррин».

Клэйн прочел письмо и посмотрел на капитана, вручившего ему послание. Офицер сделал знак рукой, приглашая уединиться, и Клэйн отвел его в сторону.

— Я не хотел бы беспокоить вас,— сказал капитан,— но мне следует известить вас, что сегодня утром, после того, как ваша экспедиция углубилась в яму, мы видели большой отряд солдат к северо-западу от этих мест. Они направлялись не сюда, но почему-то рассыпались, когда увидели нас. Мне кажется, что это венерианские мятежники. Клэйн нахмурился. Затем он поблагодарил капитана и пошел в свою палатку, чтобы ответить брату. Он просил Деррина не обострять отношений, потому что это мелочь по сравнению с теми событиями, которые его ожидают на Венере не позднее, чем через неделю.

Тьюс поселился во дворце давно умершего венерианского императора Уеркеля, подальше от штаба Деррина, находящегося на другом конце города. Ошибки такого рода делают историю. Тьюс привез с собой отряд генералов и высших офицеров. Кое-кто из приближенных Деррина, тоже военных, решил проехать через весь город, чтобы соблюсти правила приличия и присутствовать на церемониях, связанных с представлением правителя. Но даже они выражали неудовольствие затянутостью и скукой мероприятия и явно торопились покинуть место происшествия. Велась война. Отношение к ней боевых офицеров от-

личалось от отношения тех, кто прибывал с Земли. Вояки были далеки от мирной пышности Линна. Только те, кто посещал Землю, знали о крайнем равнодушии ее населения к венерианской войне. Такие войны велись империей постоянно, лишь менялась сцена боевых действий. Высадившись на Венере, Тьюс заподозрил неладное. Фактически он оказался в изоляции. Правитель не сознавал, как широко распространилось недовольство среди солдат. Заговор, должно быть, зашел настолько далеко, что тысячи офицеров знали о нем и не хотели дискредитировать себя контактами с человеком, который должен был проиграть. Под командованием Деррина была огромная армия. Конечно, никто не может победить человека, которому верны легионы превосходных солдат. Тьюсу казалось, что необходимы быстрые и решительные действия. Только через неделю Деррин посетил правителя. Встреча была холодной. Командующий запросил подкрепления и получил отказ.

— А что ты будешь делать, одержав победу? — спросил Тьюс, чувствуя недовольство Деррина.

Сам вопрос ободрил полководца. Он понял, чем озабочен и чего боится правитель. И еще он понял, что именно страх заставил Тьюса прилететь на Венеру. Он боится за свою власть, значит он уязвим.

— Как ты поступишь с побежденными? — задал Тьюс еще один вопрос.

Деррин пытался быть кратким. Необходимо казнить тех, кто убивал пленных, во всяком случае, их главарей. Исполнителей надо сделать рабами. Остальных следует отпустить домой, на свои острова. Вначале каждый остров будет управляться как особая колония, но даже в течение первой фазы будет восстановлен общий язык и разрешена торговля между островами. Вторая фаза начнется через пять лет, ей будет предшествовать серьезная пропаганда. На каждом острове появится самостоятельное правительство, но все они станут частями империи и будут содержать оккупационные войска. Третья фаза начнется через десять лет. К этому времени будет создана центральная венерианская администрация с федеральной системой правительства. Система не должна иметь собственных войск и будет существовать исключительно в рамках империи. Затем начнется четвертая и последняя стадия. Все семьи с двадцатилетним стажем верности получат линнское гражданство со всеми привилегиями и возможностями продвижения по службе.

— Кое-кто забывает,— сказал Деррин,— что Линн начинал свою историю как город-государство. Он завоевывал соседние города и удерживал их только потому, что давал их жителям гражданство. Почему бы эту систему не распространить и на планеты? Все вокруг нас свидетельствует о том, что система абсолютной власти потерпела полную неудачу. Пришло время для более прогрессивного государственного устройства.

Тьюс все больше накалялся, слушая Деррина. Теперь он видел всю картину. Покойный правитель, в сущности, вручил планеты Деррину. И это был план превращения планет в мощную

военную силу, способную, если понадобится, завоевать весь Линн. Тьюс холодно улыбнулся. Ничего у тебя не получится, Деррин, подумал он. Я пока что абсолютный правитель, и три года моя политика будет определять жизнь империи. Твой проект может помешать моему плану восстановления республики. Я абсолютно уверен, что ты со своими либеральными разговорами не захочешь в открытую воевать с конституционным правительством. А именно оно будет решать все вопросы государства. Оно — я! Вслух же он сказал другое:

— Я рассмотрю ваши рекомендации. Но пока я хочу, чтобы все перемещения по службе утверждались мной. Любой приказ, касающийся полевых офицеров, должен быть сначала передан мне для изучения, а я отправлю его по адресу,— он решительно встал.— Я хочу познакомиться с расположением всех частей и с людьми, командующими ими. Приятно было побеседовать. До свидания, сэр.

Но это было только начало. Все приказы и документы Тьюс изучал с прилежностью чиновника. Его мозг упивался бумажной работой. Он знал эту венерианскую войну. Последние несколько лет он был формальным главнокомандующим. Поэтому ему не было нужды изучать ситуацию с самого начала. С первого дня он начал осуществлять свою исходную цель: заменять офицеров, показавшихся ему сомнительными. На их места шли подхалимы, прибывшие вместе с правителем. Тьюс иногда стыдился своих действий, но оправдывал их необходимостью. Самое главное — добиться, чтобы армия не начала действовать против него. Для дополнительной предосторожности он изменил расположение частей армии Деррина. Это были легионы, привезенные Дерриком с Марса и, должно быть, наиболее преданные ему. Хорошо, если Деррин не будет знать их расположения в течение ближайших критических недель. Через двадцать дней он получил от шпиона ожидаемое донесение. Деррин, уезжавший в инспекционную поездку на фронт, возвращается в Меред. У Тьюса был всего час на подготовку. И он использовал этот час. Когда Деррин прибыл, Тьюс произнес:

— Сообщите его превосходительству, что в данный момент я занят, но если он немного подождет, я с радостью его приму.

Эти слова вместе с подобающей улыбкой произвели в штабе сенсацию. Но Деррин не стал ждать. Он зашел без приглашения и решительно направился к Тьюсу. Тот оглядел его с ленивым высокомерием.

— В чем дело?

Деррин спокойно ответил:

— Мне придется огорчить вас, милорд советник, сообщив, что необходимо немедленно эвакуировать все гражданское население Мереда. Служебное несоответствие ряда офицеров послужило причиной того, что венерианцы прорвались севернее города, этой ночью уже начнутся уличные бои.

Эти слова произвели впечатление. Все бросились к выходу. Рев Тьюса остановил постыдное бегство. Тьюс тяжело опустился в кресло и попытался улыбнуться.

— Надеюсь,— сказал он,— виновные офицеры понесут заслуженное наказание.

— Тридцать семь из них уже казнены,— ответил Деррин.— Вот список, можете ознакомиться.

Тьюс выпрямился.

— Казнены?!

Ему вдруг пришло в голову, что Деррин не стал бы казнить людей, долго служивших под его командованием. Он схватил листок. Все имена в списке принадлежали тем, кого он назначил в последние дни. Он поднял голову и посмотрел на Деррина. Взгляды их встретились. В серых глазах Деррина светилось презрение.

— Ваше превосходительство,— негромко сказал он,— один из моих марсианских легионов изрублен в куски. По моему мнению, людям, ответственным за это, лучше убраться с Венеры к удовольствию Линна, иначе то, чего они боятся, произойдет.

Слова его ошеломили Тьюса. Огромным усилием воли он подавил гнев и выпрямился.

— Ввиду серьезности ситуации,— сказал он,— я остаюсь в Мереде и принимаю на себя командование войсками. Вы немедленно передадите мне вашу штаб-квартиру.

— Если ваши офицеры явятся в мою штаб-квартиру, их высекут прямо на улице. Это относится и ко всем остальным.

Он повернулся и вышел. Тьюс был ошарашен. Он не знал, как ему поступить в этой ситуации.

Клэйн провел три недели, предшествующие крушению венерианского фронта, исследуя многочисленные отверстия в яме. И хотя расположения неприятеля были еще далеки, для безопасности он перевел весь отряд в яму. У трех главных выходов были поставлены часовые, два космических корабля постоянно курсировали над черной воронкой ямы. Эти предосторожности не были полной гарантией безопасности, но все же давали кое-какую надежду. Появление любого отряда в окрестностях не смогло бы остаться незамеченным, и у людей Клэйна было бы достаточно времени, чтобы погрузиться на корабль. Это было не единственным преимуществом экспедиции. Хотя венериане поклонялись морскому богу Сабнерху, после пятидесяти лет линнского владычества они с почтением и страхом относились и к атомным богам. Сомнительно, чтобы они рискнули вызвать божественное недовольство, вторгаясь в один из домов этих богов. Днем один из кораблей отправлялся в Меред, а когда возвращался, Клэйн поднимался на борт и обходил все каюты. Его осторожно впускали и шепотом рассказывали о чем-то важном. А вот о чем, никто не знал. Шпионы Клэйна никогда не видели друг друга. В сумерках корабль летел в Меред и высаживал их в различных районах города. Не все шпионы были наемниками. В высших кругах империи нашлись люди, считавшие мутанта прямым наследником лорда-правителя. Для них Тьюс был временщиком, которого в нужное время

можно будет отстранить. Клэйн знал положение лучше, чем его информаторы. Но их сообщениями он проверял свою осведомленность. Клэйн не думал о том, что он станет правителем. И не стремился к этому. У него было две политические цели. Клэйна устраивало то, что его семья принадлежала к правящей группировке. И он хотел сохранить это преимущество. У него не было друзей среди родственников. Тем не менее он старался действовать в их интересах, чтобы они оставались у власти. В разразившемся кризисе он делал все возможное, чтобы помочь им. Второй его целью было добиться для себя права участвовать во всех политических решениях. Он был честолюбив. И это чувство никогда не было удовлетворено. Он хотел быть полководцем. В детстве он изучал военную стратегию и тактику, стараясь добиться, чтобы битвы выигрывались одним непобедимым маневром. Клэйн стал бывать в Мереде после столкновения Тьюса с Деррином и поселился в доме, который заранее подготовил для себя и своей свиты. Он старался действовать как можно тише, хотя знал, что его прибытие не окажется незамеченным. У его родственников тоже были свои шпионы. Что ж, пусть знают, что и он принимает решение бороться. В конце концов, в этом даже есть своя прелесть — делать все необходимые приготовления на виду у противника. Он начал готовиться.

Тьюс остался равнодушным, когда ему доложили, что Клэйн прилетел в Меред. Его больше интересовали сведения о Деррине. Он не пропускал ни одной мелочи, связанной со своим соправителем. Будь то его приказ о подготовке к обороне города или о размещении войск. Его удивляло, что Деррин присылал ему копии своих приказов. Неужели он хочет установить нормальные отношения? Нет, нет, такого не может быть. Скорее всего Деррин просто испугался. Внезапное прибытие Тьюса застало его врасплох, он не успел подготовиться к встрече и теперь в смятении. Если так, нетрудно будет захватить штаб-квартиру Деррина тремя легионами. Тьюс разослал необходимые приказы. Это было в три часа пополудни. Часом позже его особый шпион сообщил, что Клэйн послал вестника к Деррину с просьбой о вечерней встрече. Почти одновременно другие шпионы доложили о том, что делается в резиденции Клэйна. В дом вместе с другими вещами были доставлены несколько небольших круглых предметов, аккуратно завернутых в мешковину. В бетонную пристройку перенесли в мешках более тонны золотистого порошка. И наконец, металлический куб такого же размера и типа, какими пользуются при строительстве храмов, осторожно опустили на землю. Он был не только тяжелым, но и горячим. Это было видно хотя бы по тому, что рабы работали в асбестовых рукавицах и пользовались механизмами даже тогда, когда нужно было перенести небольшие и, очевидно, не тяжелые предметы. Тьюс задумался над всем этим, и сама бессмысленность всего происходящего встревожила его. Он вдруг вспомнил разные слухи о мутанте. Сейчас не время, чтобы до-

пустить случайности. Взяв с собой пятьдесят охранников, он направился к Клэйну. Увидев дом Клэйна, Тьюс удивился. Космический корабль, об отлете которого ему доложили, вернулся. С кораблем толстым кабелем соединялась гондола. Такие гондолы прикреплялись к кораблям для перевозки дополнительного груза. Гондола лежала на земле, вокруг суетились рабы. Приблизившись, Тьюс увидел, что они делают. Рабы носили в мешках золотистый порошок. Смешав его с какой-то жидкостью, они наносили слой раствора на корпус гондолы. Тьюс вышел из носилок. Он медленно обошел вокруг гондолы и чем больше присматривался, тем бессмысленнее казалось ему это занятие. Никто на него не обратил внимания. Было два стражника, но они, видимо, не получили приказа относительно зрителей и даже не подозревали, что рядом с ними находится лорд-советник. Тьюс не стал представляться. Удивленный, он нерешительно пошел к дому. Не было сделано никаких попыток помешать ему. В большой прихожей весело беседовали несколько храмовых ученых. Они с любопытством взглянули на Тьюса.

— Лорд Клэйн дома?

Один из ученых кивнул.

— Найдете его в берлоге. Он работает над благословением.

В комнате было еще несколько ученых. Тьюс был готов к решительным действиям. Но неблагоразумно арестовывать Клэйна в присутствии такого количества храмовой знати. К тому же в доме слишком много стражников. Да он и не мог придумать повода для ареста. Похоже, что здесь готовятся к религиозной церемонии. Он отыскал Клэйна в небольшой комнате, выходящей во дворик. Клэйн стоял спиной к вошедшему. Он склонился над кубом из храмового строительного материала. На столе лежали шесть полушарий из золотистого вещества. У Тьюса не было времени их рассматривать, потому что Клэйн повернулся, чтобы посмотреть, кто пришел. Он с улыбкой выпрямился. Тьюс стоял, вопросительно глядя на Клэйна. Младший подошел к старшему.

— Вот,— сказал он,— наша находка. Мы нашли это в яме богов. Скорее всего, это и есть чудесная палочка, которую в древности называли волшебным стержнем. Легенда рассказывает, что она исполняет желание тех, у кого чистое сердце. Если к ней обратится человек, у которого нет дурных помыслов, она по своему усмотрению и в определенных обстоятельствах активируется. Тьюс кивнул и указал рукой на куб.

— Я доволен, что ты интересуешься религией. Я считаю важным, чтобы член нашей семьи занимал высокое положение в храмах, и хочу заявить: что бы ни произошло,— он многозначительно помолчал,— ты всегда можешь рассчитывать на меня, как на своего покровителя и друга.

Он вернулся во дворец, но поручил шпионам внимательно следить за, возможно, враждебной для него деятельностью этих непонятных людей.

Через некоторое время Тьюсу доложили, что Клэйна приглашали к Деррину на ужин, но он был принят с той холодной

формальностью, которой отличались отношения братьев. Один из шпионов рассказал, что за едой Клэйн просил, чтобы его космические корабли были отозваны с патрульных полетов для какой-то задачи, суть которой раб не понял. Еще говорилось об открытии фронта на северо-востоке. Все эти донесения были настолько невнятными, что лорд-советник не думал о них, пока не проснулся после полуночи от криков и звона оружия за стеной своей спальни. Не успел он сесть на кровати, как дверь распахнулась, и в спальню ворвалась толпа венерианских солдат. Фронт на северо-востоке был прорван.

Наступила третья ночь его плена. Ночь приведения приговора в исполнение. Тьюс дрожал, когда с наступлением сумерек за ним пришли и отвели на освещенную площадь. Он будет первым, кого повесят неприятели. Когда его тело закачается в петле, двадцать тысяч венерианцев затянут петли на шеях десяти тысяч линнских солдат. Эта ночь была полна ужасов. Вселенский хаос был во всем, что окружало правителя. На обширной равнине горели бесчисленные огни. Поблизости виднелся столб, на котором он будет повешен. Дальше столбы стояли рядами, а между ними находились площадки для костров. Осужденные уже стояли со связанными руками и ногами, с веревками на шее. Тьюс ясно видел только первый ряд. В первой линии жертв были офицеры, они спокойно ждали своей участи. Некоторые перешептывались друг с другом, но, когда привели Тьюса, разговоры прекратились. Никогда в жизни Тьюс не видел столько ужаса на лицах. Он не ожидал, что его узнают. Выросшая за три дня борода и ночные тени сделали его неузнаваемым. Никто ничего не сказал, когда он поднялся на эшафот. В свое время Тьюс приказал повесить немало людей. Совсем другое ощущение быть жертвой, а не палачом. В душе его не было раскаяния, был гнев, скорее всего — гнев на самого себя. Зачем он здесь? Как получилось, что венерианцы прорвали линию фронта? Он думал, что Деррин должен вот-вот победить. Деррин — вояка, а не заговорщик, и Тьюс надеялся легко отобрать у него власть, присвоить себе его победу. И вдруг так неожиданно все кончилось. Деррин — честный малый, думал Тьюс, просто власть не для него. Она ему не нужна. Думая об этом, лорд-правитель посмотрел с эшафота вниз на толпу венерианцев и обомлел — среди руководителей неприятеля стоял Клэйн. Тьюс пришел в себя. Неожиданно он успокоился. Так бывает, когда переступаешь грань реальности. Он все понял, словно не был участником этих событий, будто смотрел на них со стороны. Конечно же, между Деррином и венерианцами было заключено соглашение. Тьюс пристально посмотрел на мутанта. Он был в одежде храмового ученого. У него в руках светился металлический стержень. Лорд вспомнил о его назначении. Это заговор неба. Тьюс посмотрел наверх и скорее почувствовал, чем увидел, висящую во мраке гондолу. Она была частью вселенского мрака, растворилась в нем. Но Тьюс знал, что она парит в небесах над всей этой площадью. Тьюс опять по-

смотрел на мутанта и собрался заговорить, но Клэйн остановил его:

— Ваше превосходительство, не будем тратить время на взаимные обвинения. Ваша смерть возобновит гражданскую войну в Линне. Мы меньше всего хотим этого и докажем это сегодня ночью, вопреки всем вашим подозрениям.

Тьюс быстро овладел собой, в глубине его сознания появилась надежда на спасение. Впрочем, она была весьма призрачной. Если космические корабли попытаются высадить войска, венерианцам потребуется только пять секунд, чтобы подтянуть веревки и повесить связанных. А потом их огромная армия будет сдерживать атаки. И, возможно, проиграет. Но он всего этого уже не узнает. Следовательно, слова Клэйна — ложь. Мысли Тьюса были прерваны: венерианский император с угрюмым лицом взобрался на платформу. Несколько минут он стоял молча, пока не наступила тишина. Потом подошел к микрофонам и заговорил на общем языке Венеры.

— Друзья венерианцы, в эту ночь мщения за все преступления, совершенные против нас империей Линн, здесь присутствует агент главнокомандующего армии нашего подлого врага. Он явился к вам с предложением, и я хочу, чтобы он вышел сюда и рассказал вам о нем. И вы рассмеетесь ему в лицо, как это сделал я.

Во тьме послышались крики:

«Повесить его тоже!» Тьюс терял последнюю надежду. Он видел, какая ненависть светилась в глазах венерианского вождя. Это был человек, который много раз проигрывал битву. Но его не смещали, в него верили. У него было упрямое лицо полководца, привыкшего к трудностям, чувствовалось, что солдаты любили его. Клэйн поднялся по ступеням. Он подождал тишины и сказал удивительно сильным голосом:

— Атомные боги Линна, чьим посланником я являюсь, устали от этой войны. Я призываю вас покончить с нею. Сейчас!

Император посмотрел на него.

— Ты не это собирался сказать! — воскликнул он.— Ты...

Он замолчал, потому что взошло солнце. Взошло с о л н ц е! Несколько часов назад оно зашло за горизонт. И вот, одним прыжком оно взлетело прямо вверх и повисло над головой. Необыкновенной яркости свет залил арену почти свершившейся казни. Виселицы, жертвы с уже наброшенными на шеи петлями, сотни тысяч зрителей-венерианцев, обширная равнина, прибрежный город в отдалении — все было ослепительно освещено. Тени несоразмерно вырастали и терялись у горизонта. Город отбрасывал тень, но это не было дневной тенью, будто спрессованная чернота ночи укрывалась в городской тени. Видя эту тьму, Тьюс понял, что вверху вовсе не солнце, а огромный шар, искусственный источник света. Крик вырвался из сотен тысяч глоток. В нем были и страх, и отчаяние, и преклонение перед чем-то великим. Мужчины и женщины упали на колени. Венерианский вождь понял всю глубину своего поражения. Он тоже испустил ужасный крик и прыгнул к рычагу, который

опускал люк, на котором стоял Тьюс. Краем глаза Тьюс заметил, как Клэйн поднял стержень. Вспышки не было, но император исчез. И Тьюс так и не мог понять, что же произошло. Только что он видел его, и вот на этом месте вместо него всего лишь маленькая лужица. Картина была настолько невероятной, что Тьюс закрыл глаза. Впоследствии он даже боялся признаться себе, что видел все это. Когда лорд наконец открыл глаза, с неба спускались корабли. Для лежащих ниц венерианцев появление пятидесяти тысяч линнских солдат должно было показаться очередным чудом. Вся основная армия венерианцев была пленена в ту же ночь. И хотя война на других островах продолжалась, большой остров Укста за короткое время был полностью захвачен. Неделю спустя после несостоявшейся казни, в полдень, Клэйн и другие влиятельные люди провожали флотилию кораблей, которые сопровождали лорда-советника на Землю. К месту отправления Тьюс прибыл в сопровождении свиты. Храмовые служители торжественно пели гимн. Вернуться на Землю Тьюсу предложил Клэйн. Тьюс с удовольствием принял предложение. На его долю выпадет первое торжество по поводу победы на Венере. У него будет достаточно времени, чтобы рассеять слухи об унизительном пленении самого лорда-советника. К тому же он будет настаивать на триумфе для Деррина. А это значит, что правителем по-прежнему остается он. Он будет награждать победителей. Атомные боги будут довольны...

В своем обращении к Патронату после возвращения с Венеры Тьюс среди прочего заявил:

— Нам еще трудно это осознать, но у Линна не осталось серьезных противников. Наши войска нанесли решающие поражения недругам на Марсе и Венере, и теперь мы оказались в уникальном историческом положении: мы — единственная сила человечества. Кажется, неизбежен период неограниченного мира и созидания.

Он вернулся во дворец, мысленно слыша приветствия. Шпионы уже донесли, что патроны считают победу в этой войне его заслугой. В конце концов до его прибытия война тянулась бесконечно. Все кончилось. Тьюсу не нужно быть мудрецом, чтобы понять, что в таких обстоятельствах он вполне может допустить триумф для Деррина и при этом ничего не потеряет. Несмотря на собственное заявление Патронату, он все более поражался своим словам: никаких врагов. Нечего опасаться. Трудно поверить, что Вселенная принадлежит Линну и что ему, лорду-советнику, подчиняется больше людей, чем кому-либо. Такое положение ослепило Тьюса. Я буду заботливым вождем, уверял он себя. Он предвидел великие деяния, которые озарят славой золотой век Тьюса в истории Линна. Видение было таким благородным и вдохновляющим, что Тьюс долгое время лишь играл величественными планами, не предпринимая никаких конкретных действий.

Вскоре ему доложили, что с Венеры вернулся Клэйн. Через несколько дней он получил письмо от мутанта.

«Его превосходительству лорду-советнику Тьюсу.

Мой благородный дядя. Я бы хотел навестить вас и передать результаты нескольких бесед с моим братом Деррином, а также мои собственные соображения относительно опасностей для империи. Нас обоих тревожит преобладание рабов над гражданами Земли, а также наша полная неосведомленность относительно ситуации на спутниках Юпитера и Сатурна.

Поскольку это единственная опасность, грозящая нам сегодня, необходимо как можно скорее обсудить все ее аспекты, дабы в будущем Линну ничего не угрожало.

Ваш послушный племянник Клэйн».

Прочитав письмо, Тьюс почувствовал раздражение. Письмо казалось назойливым. Оно зачеркивало блестящее будущее, которое он себе нарисовал. Империя снова в опасности. Линны не полные властители. И опять этот племянник предлагает свои услуги. Пытается затмить его славу. Тем не менее он дипломатично ответил.

«Мой дорогой Клэйн!

Приятно было получить твое письмо. Вернувшись с гор, я буду счастлив принять тебя и обсудить дела самым тщательным образом. Я приказал собрать данные, так что, встретившись, мы сможем рассуждать, опираясь на факты.

Тьюс, лорд-советник».

Он действительно отдал такой приказ и еще выслушал чиновника-эксперта по спутникам Юпитера и Сатурна. Спутники населяли племена, стоящие на разных ступенях варварства. Тьюс встретился с жителями спутников и торговцами, навещавшими отдаленные порты. Лорд убедился, что старая игра интриг и убийств среди вождей продолжалась. А значит, и особой опасности для него не было. Убедив себя в этом, Тьюс отбыл на отдых в горы в сопровождении трехсот придворных и пятисот рабов. Месяц спустя к отпускнику пришло от Клэйна второе письмо.

«Благородному лорду-советнику Тьюсу.

Ваш ответ на мое письмо доставил мне большую радость. Не могу ли я получить сведения относительно ваших агентов, сколько их и где они сосредоточены? Причина моего беспокойства в том, что несколько моих агентов на самом большом спутнике Юпитера — Европе, были неожиданно казнены год назад. Вся моя информация об этой территории основывается на докладах не менее, чем двухлетней давности, и эти сведения, скорее всего, устарели. Похоже, что около пяти лет назад некий вождь начал объединение Европы. С тех пор с каждым месяцем доклады моих агентов становятся все более смутными. Я подозреваю, что мои агенты стали жертвой тщательно под-

готовленной провокации. Если это так, то меня чрезвычайно беспокоит, что кто-то сумел перехватить мои каналы информации.

Это только подозрения, конечно, но желательно, чтобы ваши люди произвели расследование, имея ввиду, что их нынешние источники информации могут оказаться ненадежными.

Ваш верный слуга и племянник Клэйн».

Письмо напомнило Тьюсу, что он живет в мире шпионов. И уединиться невозможно, думал Тьюс, всем кажется, что я только отдыхаю, им и в голову не приходит, что я обдумываю, как лучше устроить государство. Надо что-нибудь предпринять. Напишу-ка я несколько статей о светлом будущем своего народа. Весь день он чувствовал раздражение, потом снова прочел письмо Клэйна и решил, что необходим спокойный и дипломатичный ответ. Он может заявить, что принимает все предосторожности против любой случайности. Он отдал необходимые распоряжения, посоветовал Клэйну поступить так же, и начал серьезно обдумывать положение, которое сложится, когда с Венеры вернется Деррин и народ окажет ему триумфальные почести. Будущее уже не казалось таким безоблачным. Племянники стремятся вмешиваться в государственные дела и имеют на это законное право. У каждого был совещательный голос, хотя прямо влиять на управление они не могли. Клэйн, конечно, прав, неохотно признавался себе Тьюс. Но моя мать однажды сказала: «Тот, кто постоянно использует свои права, не мудрец». И он рассмеялся. Вечером перед сном Тьюс подумал: «Да, я снова начинаю испытывать те же страхи, что беспокоили меня на Венере. Проклятая дворцовая атмосфера действует на меня». Он искренне верил в свое высокое предназначение. И был убежден, что действует справедливо, борется, выполняя свой долг. Именно это заставило его участвовать в заговорах, хотя самому ему они были отвратительны. Сознание своей безупречной честности вдохновляло Тьюса. В конце концов, думал он, я могу ошибаться, но не серьезно. Главное — знать об опасности и получать информацию о ней из любых источников. Особенно нужно было следить за мутантом. Опираясь на науку, он может совершить непоправимое. Интересы государства требуют не допустить этого. Он уже не раз думал об оружии, которое Клэйн использовал на Венере, и пришел к выводу, что должен действовать. Выждав некоторое время, Тьюс написал Клэйну.

«Мой дорогой племянник!

Хотя ты не просил о покровительстве, которое заслужил как своим происхождением, так и своими работами, я уверен, что ты будешь счастлив услышать, что государство готово принять под охрану материалы, добытые тобой из ямы богов и из других древних источников.

Самое для них безопасное место — твоя резиденция в Линне. Поэтому я приказываю перевезти в город все оборудование

из твоего сельского поместья. Через неделю в поместье прибудет отряд с соответствующим транспортом, а другой отряд сегодня же приступает к охране твоей городской резиденции.

Командир отряда, подчиняющийся только мне, создаст тебе все условия для работы.

Я рад, мой дорогой Клэйн, что оказал тебе столь дорогостоящее, но заслуженное внимание.

Вскоре я лично навещу тебя и осмотрю твои сокровища, чтобы в дальнейшем использовать их для всеобщей пользы.

С самыми сердечными пожеланиями —

Тьюс, лорд-советник».

Отправив письмо и отдав необходимые приказы командирам отрядов, Тьюс подумал: «По крайней мере все материалы будут собраны в одном месте. Всегда возможен более строгий контроль за ними, если, конечно, возникнет необходимость». Мудрый руководитель предусматривает любую случайность. Даже действия любимых родственников нужно рассматривать объективно. Тьюсу сообщили, что Клэйн не сопротивлялся, и все материалы благополучно доставлены в Линн. Тьюс все еще находился в горном дворце, когда пришло третье письмо от Клэйна. Сжато сформулированное, оно представляло собой социальный трактат. В предисловии говорилось:

«Нашему дяде, лорду-советнику.

Лорды Деррин и Клэйн Линн полагают, что сейчас в Линне рабов больше, чем свободных людей. Мы считаем, что рабство нежелательно в любом здоровом государстве. Поэтому предлагаем, чтобы лорд-советник Тьюс во время своего правления придерживался следующих основных принципов и сделал их основополагающими для будущих поколений:

1. Каждый человек имеет право распоряжаться своей судьбой. Личность должна быть свободна.

2. Этот закон и контроль над его осуществлением должен вступить в действие немедленно.

3. Никто, кроме суда, не имеет права наказывать раба.

4. Продолжительность рабочего дня раба должна быть не больше десяти часов».

Далее описывались ступени постепенного освобождения рабов, так что спустя двадцать лет только «уголовники» будут несвободны, да и их содержание будет контролироваться непосредственно государством, причем с каждым из них в соответствии с законом будут обращаться как с индивидуумом. Тьюс забавлялся, читая этот документ. Он вспомнил другое высказывание своей матери: «Не пугайся угроз идеалистов. В нужный момент толпа перережет им глотки». Но его благодушие быстро улетучилось: «Эти мальчики вмешиваются в дела государственного управления». К концу лета Тьюс приготовился вернуться в город. При этом он не переставал хмуро думать об угрозе государству, которая, по его мнению, возрастала. На второй день после возвращения в Линн он получил новое письмо

от Клэйна. В письме содержалась просьба «обсудить вопросы, касающиеся обороны империи». Тьюса больше всего разъярило то, что мутант даже не дал ему прийти в себя после возвращения. Он гневно думал о том, что настойчивость Клэйна переходит в сознательное оскорбление.

И в ответ была послана короткая записка:

«Мой дорогой Клэйн!

Я приму вас, как только освобожусь от более важных дел. Подождите извещения.

Тьюс».

Спал он спокойно, уверенный, что занял твердую позицию, что сделал это вовремя. Но проснувшись, почувствовал, что приближается катастрофа. Первое, что он увидел,— это стальной блеск в небе. Захватчики высадились в Линне. Их доставили сюда триста космических кораблей. Должно быть, на Землю предварительно засылались шпионы. Иначе как бы противники оказались сразу у дворцовых ворот. С каждого корабля высадилось двести странных воинов.

— Шестьдесят тысяч солдат! — произнес лорд-советник Тьюс, изучив донесение. Он отдал приказы о защите дворца и разослал почтовых голубей в три легиона, размещенных вне города, приказывая двум легионам начать наступление.

Все было смутным и нереальным. Большинство нападавших кораблей скрылись за большим зданием. Некоторые лежали на открытых площадках и казались мертвыми. Трудно было представить, что поблизости от них идет битва. В девять часов принесли послание от леди Лидии:

«Дорогой сын.

Немедленно сообщи, кто на тебя напал? Это локальное нападение или захвачена вся империя? Связался ли ты с Клэйном?»

Первого пленника привели, когда Тьюс хмурился оттого, что необходимо снова обращаться за помощью к Клэйну. Кого-кого, а мутанта, предупреждавшего об опасности, видеть он как раз не хотел. Пленник, бородатый гигант, гордо заявил, что он с Европы и не боится ни человека, ни бога. Рост пленника и его физическая сила поразили Тьюса. Но его наивный взгляд на мир действовал ободряюще. Следующие пленники обладали теми же достоинствами или недостатками. Ясно было одно — на Землю опустились варвары с Европы. Очевидно, они прилетели, чтобы пограбить землян. Если не действовать быстро и решительно, Линн останется без сокровищ. Защитникам дворца были посланы суровые приказы. Пленных не брать. Корабли разрушать до основания. Медленно тянулось утро. Тьюс хотел покинуть дворец, но отказался от этого замысла, подумав, что командиры не смогут посылать ему донесения. Перед полуднем пришло успокоительное известие — два легиона наступают у главных ворот. И опять Тьюс вспомнил Клэйна. Тоже мне угроза — шайка бандитов. Лорд собрал экспертов и слушал донесения о народе, населяющем далекий спутник. Данных

собралось множество. Европу населяли яростно соперничающие племена. Громадная атмосфера Европы создана искусственно учеными золотого века при помощи атомных богов. Она содержит большое количество газа, пропускающего свет, но не позволяющего теплу уходить в пространство. Пять лет назад путешественники начали рассказывать о вожде по имени Чиннар, который объединил все враждующие племена в одну нацию. Путешествия на спутник стали опасными, и торговцам разрешали посадку только в определенных районах. Там им говорили, что попытка объединения племен не удалась. Хитрый Чиннар перекрыл все каналы информации и продолжал укреплять свое положение, снабжая мир дезинформацией.

Чиннар... В этом имени было что-то зловещее. Если такой человек уйдет хотя бы с горсткой приверженцев и с частью богатства Линна, Солнечная система взорвется. Тьюс колебался. В голове у него возник план, который лучше осуществить ночью, но дожидаться темноты — значит подарить варварам еще несколько часов для грабежа. Он решил не ждать и приказал третьему легиону войти в туннель, ведущий во дворец. Чтобы отвлечь внимание неприятеля, он послал с пленным офицером Чиннару письмо. В нем он указывал на безрассудность нападения, результатом которого будут лишь кровавые репрессии на Европе и уверял, что есть еще время для почетного отступления. Но он просчитался. Чиннар собрал большие силы и сдерживал их, пока не станет ясно, находится ли лорд-советник во дворце. Освобожденный пленник подтвердил, что Тьюс там. В первой же атаке варвары взяли центральные палаты и захватили врасплох легионеров, находящихся в туннеле. Люди Чиннара вылили масло из огромных дворцовых цистерн и подожгли его. Так погиб целый легион. В эту ночь сотни резервных варварских космических кораблей высадились неподалеку от лагеря линнских солдат. А наутро два легиона были изрублены на куски. Лорд-советник Тьюс ничего не знал обо всем этом. Накануне его череп был отдан кузнецу Чиннара, тот залил его золотом, награбленным в Линне, и изготовил кубок, чтобы отпраздновать величайшую победу столетия.

Лорд Клэйн Линн проверял счета своего имения. В это время ему донесли о нападении варваров, пришельцев из космоса, на Линн. Лорд тяжело переживал это известие. Почти все атомные материалы находились в Линне. Он отпустил посланника, неосторожно в присутствии посторонних сообщившего о трагических событиях. В комнате трудилось множество учеников. Клэйну показалось, что один из рабов не сдержал радости. Он не стал откладывать разбирательство, а немедленно позвал этого человека. Мутант обращался с рабами строго и доброжелательно, это он унаследовал от Джоквина, передавшего ему имение. Рабы у Клэйна жили свободно, рабочий день у них был короче, чем в других имениях, он разрешал рабам жениться после тридцати лет, а после сорока обрести полную

свободу. Лень, плутовство и обман наказывались. Не имея возможности изменить законодательство страны, Клэйн создал сносные условия рабам у себя, как бы смягчил их рабство. И вот сейчас он поступал, как в подобных случаях поступал Джоквин. Явных доказательств вины не было. И Клэйн сказал рабу:

— Ты вызвал у меня подозрение. Я не ошибся, ты рад нашествию варваров? Если ты виноват и сознаешься,— заявил он,— то получишь мягкое наказание. Если не сознаешься, а позже окажется, что ты виноват, я накажу тебя втройне — пошлю тебя на самую тяжелую работу.

— К тому времени Чиннар покончит с вашими линнцами, и ты будешь работать на меня.

— Полевые работы,— вынес приговор Клэйн,— на три месяца по десять часов в день.

Нельзя прощать предательство. Пожалеть и проявить слабость теперь губительно. Когда стражники уводили раба, тот закричал:

— Злобный мутант, Чиннар покажет тебе твое истинное место!

Клэйн не ответил. Он уже думал о своем. Он думал о том, что вряд ли новый завоеватель был избран судьбою для наказания семьи Линна за все ее злодеяния. Мысли сменяли друг друга. У входа он оглянулся, посмотрел на преданных рабов, которые сидели за столом с печальным видом.

— Не поступайте опрометчиво,— медленно сказал он.— Если вы испытываете такие же чувства, сдерживайте их. Пришельцы не освободят вас, просто сменятся господа. Но скорее всего этого не произойдет.— Клэйн не был рассержен, он с печалью думал даже о том, кто его предал: «Во время катаклизмов люди не ведают, что творят».— Я понимаю,— продолжал он,— что быть рабом небольшое удовольствие, хотя есть и свои преимущества — экономическая безопасность, бесплатное обучение мастерству. Однако слова Органа — наглядное подтверждение того, что если молодым рабам предоставить свободу поступков, они потрясут общество. К сожалению, люди разных рас очень медленно приучаются жить вместе.

Он вышел, довольный тем, что поступил наилучшим образом в этих обстоятельствах. Он не сомневался, что поступок Органа в миниатюре отразил всю проблему рабства. Если Чиннар завоюет хоть сколько-нибудь значительную территорию, автоматически последует восстание рабов. Выйдя из дома, он увидел первых беженцев. Они прилетели в многочисленных разноцветных экипажах. Удивительно, что они еще на что-то надеялись до полудня второго дня. Люди просто отказывались верить, что город в опасности, хотя, конечно, уйди они раньше, их экипажи были бы далеко от завоеванных мест. Сейчас они искали спасение в поместье загадочного Клэйна. Клэйн начал действовать. Он отослал раба к беженцам.

— Пусть те, у кого есть экипажи, продолжают движение,

Здесь, в восьмидесяти милях от Линна, мы можем позаботиться только о пешеходах.

Он прошел в кабинет и созвал командиров своих отрядов.

— Мне нужны добровольцы,— объяснил он.— В первую очередь верующие люди. Задача не из простых. Ночью нужно лететь в Линн и под покровом темноты из-под носа у неприятеля вынести из лаборатории и доставить сюда атомное оборудование.

План, который он изложил пятидесяти добровольцам, был прост. В смятении, охватившем город, пройдет, вероятно, несколько дней. Варвары в эти первые дни вполне могут не заметить дом, стоящий за деревьями на холме. Этим надо воспользоваться. Если же дом уже занят, то там, вероятно, разместился небольшой отряд. Храбрые люди легко перебьют врагов и выполнят свою задачу.

— Я хочу подчеркнуть важность вашего задания,— продолжал Клэйн.— Как вы все знаете, я член храмовой иерархии. Мне доверили священные металлы и предметы, в которых сосредоточена божественная сила. Если драгоценные реликвии окажутся у врага, произойдет катастрофа. Может случиться так, что вас возьмут в плен. Не открывайте цели вашего рейда, а говорите, что пришли за своим имуществом.

Помня об отряде специального назначения, подчиненном Тьюсу, он закончил свои инструкции словами:

— Возможно, оборудование охраняют линнские солдаты. В таком случае отдайте командиру отряда письмо.

Он протянул документ. Это был приказ, подписанный Клэйном и заверенный печатью. После смерти Тьюса такой приказ не будет оставлен без внимания. Добровольцы разошлись, чтобы подготовиться к рейду. А Клэйн отправил один из своих кораблей в ближайший город Гарам. Ему нужно было связаться с комендантом города, его другом, и узнать, как он готовится отразить нападение пришельцев. Ответ пришел очень быстро. Генерал отдавал свои войска в распоряжение Клэйна и советовал отправить вестников во все главнейшие города империи и соединить всех под именем «его превосходительства лорда Клэйна Линна», временно занявшего место Тьюса, покойного лорда-советника. «Ты должен,— писал генерал,— защитить город Линн от внезапного нападения варварских орд, звероподобных людей, которые стремятся уничтожить прекрасную цивилизацию». В письме было еще много советов и призывов. Клэйна удивило само предложение, чтобы его именем была организована армия. Перечитав письмо, он подошел к зеркалу и посмотрел на свое отражение. На нем было платье храмового ученого. Складки скрывали его уродство. Ну что ж, придется испить эту чашу — война есть война. Необходимо три месяца, чтобы связаться с лордом Деррином на Венере, и четыре,— чтобы оповестить о случившемся Дрейна на Марсе, так как обе планеты находятся по ту сторону Солнца. Столько же времени уйдет для ответа. Только член правящей семьи может получить поддержку провинций империи. О семье лорда-советника

не было никаких сообщений. К тому же там одни женщины. Остается лорд Клэйн, младший брат Деррина, внук покойного лорда-правителя. В течение нескольких месяцев он будет исполнять обязанности лорда-правителя Линна. Заканчивался второй день вторжения. К сумеркам свыше тысячи человек разместились лагерем вдоль дороги. Над головой курсировали экипажи и большие боевые корабли. Сами дороги были пустынны. Разведчики доложили, что из Линна движутся толпы беженцев. Но пока они еще не появились. В последний час перед сумерками патрули сообщили, что все городские ворота закрываются. И поток беженцев сократился, сузился, стал похожим на ручеек. По-видимому, те, кто мог, убежали, а кто не успел, остались в городе. В полночь солдаты-порученцы отправились в свою боевую экспедицию на десяти скутерах и одном космическом корабле. Впервые применив свою власть, Клэйн усилил их сотней солдат регулярной армии. Он присутствовал при отлете кораблей, потом отправился на встречу с офицерами. Дюжина генералов встала при его появлении. Клэйн застыл. Он хотел быть спокойным и деловым, внушал себе, что все идет как надо. Но с отвращением ощущал, как в его нервах оживает опасная детская паника. Мышцы его лица сокращались. Он трижды с трудом сглотнул, ответил на салют и, взяв себя в руки, прошел к столу. Клэйн подождал, пока все усядутся. Затем попросил доложить об имеющихся в его распоряжении войсках. Он записывал числа по каждой провинции, затем суммировал их.

— Без четырех провинций, представители которых еще не пришли,— объявил он,— на сегодня мы имеем восемнадцать тысяч обученных солдат, шесть тысяч резервистов и около пятисот тысяч пригодных к воинской службе граждан. Это не густо.

— Ваше превосходительство,— сказал его друг Моркид.— Линнская империя обычно содержит армию в миллион человек. На Земле главные силы располагались вблизи Линна, теперь они уничтожены. Около четырехсот тысяч находится на Венере и чуть больше на Марсе.

Клэйн подсчитал.

— Это меньше миллиона.

Моркид кивнул.

— Впервые за многие годы численность армии так мала. Завоевание Венеры, казалось, уничтожило всех потенциальных врагов Линна, и лорд-советник счел, что пришла пора экономить на армии.

— Понятно,— протянул Клэйн. Он побледнел, слабость подступала к сердцу. Старая болезнь давала о себе знать.

Лидия с трудом выбралась из носилок, сознавая, какой старой и непривлекательной кажется она варварам во дворце. Это не беспокоило ее. Самое главное, что Чиннар согласился принять ее. Старая женщина невесело улыбнулась. Она больше не ценила себя. Была даже какая-то радость в сознании, что она идет навстречу смерти. Несмотря на возраст, она нашла в себе мужество стать перед лицом врага. Но Клэйн попросил

ее об этом. Лидию удивляло, что мысль о мутанте, исполняющем обязанности лорда-правителя, больше не смущала ее. У нее были свои причины верить в способности Клэйна. Она медленно шла по коридорам и знакомым комнатам. Повсюду были рослые и бородатые воины. Глядя на них, она чувствовала оправданными все безжалостные действия, которые предпринимала в свое время. Лидия вошла в тронный зал. Острый взгляд ее искал главного, искал вождя. На троне и рядом с ним никого не было. Мужчины стояли группами и разговаривали. В одной из групп выделялся высокий молодой человек. Все были бородаты, а он гладко выбрит. Когда вошла Лидия, он перестал слушать говорившего, и все замолчали. Тишина передалась остальным группам. Все обернулись к Лидии и смотрели на нее, ожидая, когда заговорит командир. Она тоже ждала. Чиннар не был красив, у него была внешность сильного человека. Лидия думала, что он будет выглядеть иначе.

Лицо Чиннара было скорее тонким, чем грубым. И было непонятно, как человек с такой внешностью стал абсолютным повелителем огромных недисциплинированных орд. Великий человек выступил вперед.

— Леди,— сказал он,— вы просили меня о свидании.

Тут она поняла, в чем его власть. За всю свою жизнь она не слышала такого сочного баритона, такого прекрасного голоса, привыкшего повелевать. Она поняла, что ошиблась относительно его внешности, она ждала красоты, а этот человек был прекрасен. И ее охватил страх. Такой голос, такая личность... Усилием воли она превозмогла оцепенение и спросила:

— Вы Чиннар?

Ответ снова поразил ее. Но на этот раз она быстро пришла в себя. И теперь полностью овладела собой. Глаза ее сузились. Она враждебно посмотрела на вождя.

— Я вижу,— заявила она,— что пришла сюда напрасно.

— Естественно,— Чиннар склонил голову.— Он не спросил ее, зачем она пришла. Стоял и вежливо ждал, пока она кончит говорить.

— Пока я не увидела тебя,— угрюмо говорила Лидия,— я считала тебя талантливым полководцем. Но теперь вижу, что ты считаешь себя орудием судьбы. Я вижу, как тебя укладывают в могилу.

В комнате послышался гневный ропот. Чиннар жестом восстановил тишину.

— Мадам, ваши слова оскорбляют моих офицеров. Говорите, зачем пришли, и тогда я решу, как поступить с вами.

Лидия подумала — он не сказал, что сам оскорблен. Она перевела дух. Ей чем-то нравился вождь, и она его боялась. Она понимала, что это типичный предводитель немого класса. В нем была воля. Он не боялся умереть. Такие люди, уходя, тянули за собой древние династии. Вот он уже убил законного правителя Линна, нанес смертельный удар в сердце империи. Лидия продолжала:

— Я буду говорить недолго. Я пришла по просьбе моего внука лорда Клэйна Линна.

— Мутанта? — спросил Чиннар, не выражая при этом ни вражды, ни симпатии.

Лидия поразилась, насколько хорошо он знает семью Линнов, включая и Клэйна, который всегда старался держаться незаметно.

— Лорд Клэйн храмовый ученый и в течение многих лет занимается научными экспериментами. Большая часть его оборудования, к сожалению, в Линне,— Лидия пожала плечами.— Оно бесполезно для тебя и твоих людей, но будет потерей для цивилизации, если исчезнет или его повредят. Лорд Клэйн просит разрешения допустить рабов в его городской дом, чтобы перевезти оборудование в его сельское имение. В обмен...

— Да? — повторил Чиннар.— В обмен на что?

Голос его звучал насмешливо, и она поняла, что он забавляется.

— В обмен,— сказала она,— он заплатит драгоценными металлами и камнями любую названную тобой сумму.

Вождь задумался.

— Я слышал об экспериментах лорда Клэйна с так называемыми божьими металлами. Меня это интересует давно. После войны я займусь лабораторией. Можете передать своему внуку, что его план возвращения величайших сокровищ Линна и освобождения с их помощью империи обречен на неудачу. Как только мы прибыли сюда, пять космических кораблей сели у дома лорда Клэйна, чтобы охранять загадочное оружие, которое может быть обращено против моих воинов. Мне не повезло, что самого мутанта не было в это время в городе. Можете передать ему, что нас не застала врасплох ночная попытка захватить оборудование. Я счастлив, что грозная сила в наших руках.

Лидия ничего не ответила. Ей казалось, что стоит ей заговорить, и она покажет, как велико ее облегчение. «Можете передать ему». Значит, ей будет позволено уйти. Леди ждала. Чиннар остановился прямо перед ней. В нем появилось нечто варварское, до сих пор тщательно скрываемое. Он излучал превосходство сильного над слабым, грубого человека над беспомощной утонченностью. Когда он заговорил, стало ясно, что он всем видом показывает, что проявляет милосердие.

— Старуха,— сказал он,— я позволил тебе прийти, потому что ты оказала мне услугу, добившись для своего сына поста лорда-советника. Это событие, и только оно, дало мне возможность осуществить план нападения на Линнскую империю,— он улыбнулся.— Можешь идти и не забывай об этом.

Чиннар медленно поднимался по холму к низкой уродливой изгороди, окружавшей городской дом Клэйна. Он задержался у изгороди, узнав храмовый материал, из которого она сложена, потом пошел дальше. Через несколько минут он рассматривал фонтан кипящей воды. Затем подозвал к себе инженера, руководившего строительством космических кораблей.

— Как это устроено?

Инженер осмотрел основание фонтана. Он не торопился, рослый толстый человек с репутацией сквернослова. Он уже обосновался в одном из линнских дворцов с тремя девушками-рабынями. Это был счастливый парень, совсем не тщеславный и не гордый. Инженер обнаружил дверцу в основании и опустился на колено прямо в грязь, как простой рабочий. Тут же к нему присоединился Чиннар, не обращая внимания на то, как это воспринимают высокородные линнцы, принадлежавшие теперь к рабам его личной свиты.

— Храмовый материал,— сказал инженер Миван.

Чиннар кивнул. Они поднялись. Эти люди понимали друг друга с полуслова. Несколько минут спустя вождь и его помощник приподняли ковры, закрывавшие стены коридора, ведущего в лабораторию. Как и вся ограда, стены излучали тепло. Вошли в лабораторию и переглянулись. Помещение было просторным. Одна из стен была снята. Почти на каждом квадратном ярде пола стояли машины, большие и маленькие, прозрачные и непрозрачные. Одни полностью собранные, другие незавершенные. Чиннар задумчиво рассматривал машины. Он делал это походя, не вдаваясь в детали. Только однажды он остановился. Его внимание привлекло излучение непонятной природы. Сияние. Он наклонился и вгляделся в длинный черный ящик, напоминающий по форме гроб, покрытый дорогой разноцветной облицовкой. Внутри ящика находился огненный шар. Шар двигался от одной стенки к другой. Он был как живой. Останавливался, поворачивался, будто размышляя, продолжать ли движение, и начинал медленно катиться в другую сторону. Бессмысленность постоянного движения раскаленного шара очаровала и испугала вождя. Он осторожно протянул руку к шару. Ничего не произошло. Он поманил стражника.

— Приведите раба,— приказал он. По его приказу бывший линнский дворянин, потея каждой порой испуганного лица, коснулся пальцами движущегося шара. Пальцы прошли через пустоту.

Струсив, раб отшатнулся. Чиннар продолжил эксперимент. Он заставил раба опять притронуться к загадочному предмету. Чиннар наблюдал за рабом. Ждал, чтобы тот рассказал о своих ощущениях.

— Я ничего не понимаю, хозяин. Я касаюсь пустоты.

— Убейте его,— сказал Чиннар.

И, нахмурившись, снова повернулся к машине.

— Должна же быть какая-то причина его движения. Он ведь существует,— сказал вождь.

И полчаса, и час он не отходил от непонятного механизма.

«Если бы шар был у меня...» — думал Клэйн. И знал, что это несбыточно. Он в свое время позволил посланцам лорда Тьюса перевести в Линн оборудование. В том числе и главную свою находку — огненный шар, искусственное солнце золотого века, которое до основания потрясло прошлые столетия. Именно

из-за этого шара он и разрешил Тьюсу взять под охрану энергию древней культуры. Ему достаточно было только оказаться около шара и, зная его действие, он сумел бы настроить всю систему божественного излучения. При помощи этой системы он мог контролировать мысли людей на расстоянии. Он мог общаться с шаром, находясь от него далеко. Но каждые три дня ему надо было заряжаться от шара для того, чтобы продолжить это общение. В какой-то момент на третий день войны шар перестал «приходить», когда он его «звал». Тьюс не запрещал Клэйну приходить в свой дом. Поэтому мутанту было даже удобно, что все его оборудование находится в одном месте под охраной солдат. Клэйн не предвидел, что Линн будет захвачен. И вот оружие, которое могло бы покончить с войной, находится вне пределов его досягаемости. Разве что он решится на какой-нибудь отчаянный поступок. Линнские силы были еще недостаточно велики, чтобы захватить тайное оружие боем. По сути, это была пока что армия новичков. А ведь древние не напрасно говорили, что в первый месяц новичок служит причиной гибели своих опытных товарищей. Во второй — он мешает отступлению, вызванному его присутствием. И лишь на третий месяц солдат становится пригоден для гибели в первой же стычке. Клэйн, глядя на группу новичков после нескольких недель обучения, сознавал, насколько верно это изречение. Солдаты не могли натянуть тетиву лука. Бой на мечах немыслим без учета действий товарищей. А владение копьем — само по себе искусство. Людей учили владеть оружием на улицах, в поле, в домах. Сначала метать стрелы, потом копье, днем и ночью звенели мечи по всей округе. Готовилась новая армия Линна. А из провинций приходили печальные сообщения. Города Норрис и Ралф сдались буквально без борьбы. Когда началась атака варваров, рабы просто перебили своих хозяев. Генеральный штаб предложил немедленно казнить всех рабов за предательство. У Клэйна по этому поводу было другое мнение. Он решил созвать совещание военных, торговых и промышленных деятелей. В десять утра он открыл совещание и сообщил, что армия настаивает на том, что рабов-мужчин следует умертвить. Это заявление вызвало гул.

— Ваше превосходительство, это невозможно. Нельзя уничтожить такое ценное имущество,— возмущались промышленники.

— Нельзя поступать по-варварски, борясь с варварством,— настаивали торговцы.

И только военные были неумолимы:

— Джентльмены, это необходимые действия. Предательство класса. За него должен отвечать весь класс.

— Кризис делает возможным осуществление прогрессивного дела. Это будет концом рабства в Линне. Убьем всех рабов. И рабство перестанет существовать.

Клэйн вышел вперед и поднял руку. Когда все смолкли, он начал:

— Сейчас не время для полумер. Нужно принять ту или другую сторону.

После завершения переговоров между группами торговцев, их представитель сказал:

— Ваше превосходительство, собравшиеся здесь деловые люди считают нужным о б е щ а т ь рабам свободу.

Клэйн долго смотрел на улыбающуюся аудиторию, потом повернулся и вышел. В этот день он создал комиссию, которая подготовила специальный бюллетень.

«СВОБОДА ЗА ВЕРНУЮ СЛУЖБУ по приказу его превосходительства лорда Клэйна Линна, правителя Линна, храмового ученого, возлюбленного атомных богов.

Приветствую всех мужчин и женщин, верно служивших защищаемой богами Линнской империи. У вас есть возможность получить полную свободу, которую вы заслужили своей работой в прошлые годы.

На империю напали жестокие и грубые варвары. Их успех может быть лишь временным: непреодолимые силы собираются против них. Линнская миллионная армия на пути с Венеры и Марса, а на Земле готовится к сражению армия численностью более, чем в два миллиона.

У противника менее шестидесяти тысяч солдат. И к этой маленькой армии, чей первоначальный успех объясняется внезапностью нападения, поторопилась присоединиться небольшая часть наших землян. Всем женщинам, если только они не замешаны в преступлениях, обещаю прощение. Для мужчин, которые перешли на сторону врага, остается лишь одна надежда: немедленно бегите из варварской армии и явитесь в один из сборных лагерей, перечисленных в этом документе. В лагере не будет надсмотрщиков. Раз в неделю будет проводиться перекличка. Каждый мужчина, чье имя будет регулярно появляться в списках, получит полную свободу после разгрома врага.

Для непокорных наказание — смерть!

Тем мужчинам и женщинам, которые продолжат свою верную службу, я, лорд Клэйн, приказываю:

Все женщины и дети должны оставаться на прежних местах и служить, как и раньше.

Все мужчины должны явиться к хозяину и сказать: «Я хочу исполнить приказ лорда Клэйна. Дайте мне недельный запас пищи, чтобы я мог добраться до сборного пункта».

Получив провиант, немедленно уходите, не задерживайтесь ни на час.

Если по какой-то причине вашего хозяина нет дома, берите пищу и уходите без разрешения. Никто не помешает вам покинуть город.

Всякий мужчина, к которому относится этот приказ и который будет найден в городе спустя двадцать четыре часа после обнародования этой прокламации, будет заподозрен в измене.

Наказание — смерть!

Спасаясь, идите в сборные лагеря. Ваше имя должно регу-

лярно появляться в недельных списках. Если варвары нападут на ваш лагерь, рассыпьтесь по лесам и холмам, спрячьтесь, а потом идите в другой лагерь.

Все, доказавшие свою верность, получат свободу и право вступить в брак. Им будут предоставлены земли для поселения. А через пять лет они получат право гражданства.

Наступает конец рабства в Линнской империи.

БЛАГОРАЗУМИЕ — БЕЗОПАСНОСТЬ — СВОБОДА».

Документ имел свои слабые места, и прежде, чем опубликовать, Клэйн обсуждал его с группой сомневающихся офицеров. Он не обращался к торговцам — они слишком заинтересованы в выгоде, чтобы рассуждать объективно. Клэйн указал, что нельзя говорить о массовых казнях. Большинство рабов сбежит, а это грозная сила. Он признал, что прокламация содержит немало лжи. Только в Линне миллионы рабов перешли на сторону Чиннара, который использует их для гарнизонной службы в городах. Последним на собрании выступил Моркид.

— Джентльмены,— сказал он,— наш главнокомандующий одним ударом покончил со всеми иллюзиями и ложными надеждами. Он сразу занялся самым основным — рабами. Теперь нам всем ясно, что у нас нет выбора. Даже в это трудное время мы счастливы, что наш предводитель — первоклассный гений, наметивший дорогу, которая приведет нас к победе. Джентльмены, да здравствует лорд Клэйн Линн, исполняющий обязанности лорда-правителя Линна!

Аплодисменты длились минут пять. Аплодировали стоя.

Клэйн следил за битвой при Гораме с патрульного корабля, перелетавшего из одного пункта в другой. Вражеские корабли все время старались перехватить его, но у него были быстрые и маневренные двигатели. Испробовали они и обычный трюк, стараясь занять положение над кораблем, чтобы парализовать двигатели. Но маленький корабль был неуязвим. Тем не менее эти маневры беспокоили Клэйна. Конечно, хорошо, если Чиннар поймет, что Линн знает больше о металлах богов, чем он и его техники. Но нежелательно, чтобы он догадался, что на борту находится сам Клэйн. Вождь поднимет основные силы. А Клэйн хотел увидеть битву. Оборона была упорной. За четыре недели пало еще несколько городов. Необученные сражались угрюмо не на жизнь, а на смерть. Стрелы косили нападающих, копья, направленные неумелыми, но отчаянными людьми, разили неприятеля. Худо было в рукопашном бою. Мускулистые могучие варвары расправлялись с более слабыми противниками. Первая линия обороны сломалась. Началось сражение у второй линии. Вперед выдвинулись резервы варваров и были встречены тучей стрел, затмивших небо. Ржание лошадей, проклятия раненых поднимались к кораблю. Защитники держались стойко. Было приказано сражаться и, сопротивляясь, отступать к центральной площади, которая тоже стойко оборонялась. В последнюю минуту космические корабли взяли на борт теснимую, но частично уцелевшую армию новобранцев. Солдаты еще по-

надобятся в решительном бою. Упорное сопротивление определило ход войны. Подсчитывая потери после очередной битвы, Чиннар призадумался. Его армия, усиленная рабами, росла с каждым днем. Но чем больше она становилась, тем труднее было управлять ею. Говорить об освобождении было еще рано, но настроение в армиях менялось. Общий исход уже не зависел от победы в той или иной битве, от сдачи или взятия того или иного города. Костры горели на улицах. Дым поднимался к небу. И линнцам, испытавшим первые минуты варварской оккупации, стало ясно, что это поражение послужит поворотом к войне. Пришло время решать, где, когда и при каких условиях главные линнские силы дадут решающее сражение за власть над планетой. Было принято еще одно рискованное решение — Клэйн каким-то образом должен побывать в лаборатории, где хранится огненный шар. Думая об этом, Клэйн поежился и плотнее запахнул плащ. В эту минуту из лагеря неприятеля гонец принес послание. Это был опальный линнский дворянин, освобожденный варварами. В послании Чиннара была лишь одна фраза: «Задумывались ли вы когда-нибудь, мой дорогой лорд Клэйн, как была уничтожена цивилизация золотого века?» Над этой проблемой Клэйн ломал голову много лет. Но каким образом эти мысли беспокоят и варвара? Клэйн расспросил гонца о том, как обстоят дела в Линне. Ответы не были обнадеживающими. Много рабов отомстило прежним хозяевам. Бесчисленное количество линнских женщин стали проститутками. Клэйн узнал, что Чиннар пригласил храмовых ученых позаботиться о «некоторых реликвиях», ранее принадлежавших Клэйну.

— Он действительно назвал меня?

— Ваше имя было в объявлении,— ответил дворянин.— Я сам прочитал его. Оно расклеено на стенах домов.

Клэйн долго думал над всем этим. Скорее всего это ловушка. Но откуда все-таки Чиннар знает о загадке огненной сферы? Даже если он заглянул внутрь шара, что он там увидел? Конечно, это хитрость. Но чтобы стать непобедимым, достаточно на один миг приблизиться к шару. А может, решиться? Он все еще размышлял, когда другой освобожденный дворянин принес второе послание Чиннара: «Я бы хотел поговорить с вами и показать вам нечто, ранее вами невиданное... Можете ли вы придумать, как организовать такую встречу?» На следующее утро лорд Клэйн показал это послание своему штабу. Все единодушно выступили против такой встречи, но согласились, что следует отправить формальное послание вождю варваров. Мутант, у которого были свои причины проявить твердость, уже написал ответ. И прочел его офицерам:

«Вождю варваров Чиннару.

Ваша трусливая попытка получить прощение за свои кровавые преступления путем личного обращения ко мне бесполезна! Убирайтесь с планеты вместе со своим войском. Только немедленное отступление может спасти вас и Европу от гибели.

Клэйн, исполняющий обязанности лорда-правителя».

Послание было одобрено и отправлено с пленным варваром. Клэйн начал подготовку к наступлению на Линн. И этот план неоднократно обсуждался штабом. Офицеры считали, что высадка десантов смутит противника и даст возможность линнской армии овладеть городом. Предполагалось, что удержать город противнику будет нелегко, и уже на следующую ночь после боя ему из него придется уйти. Клэйн готовился к решительному наступлению. Накануне его он отправился в Линн в воздушном скутере. В уединенном месте он выгрузил из скутера осла и телегу с овощами и, переодевшись в торговца, преодолел оставшиеся двадцать миль. В своей одежде он ничем не выделялся. Армия рабов, удерживающая Линн, была так многочисленна, что Чиннару пришлось допустить в город торговцев во избежание голодной смерти. Клэйн прошел неузнанным мимо бывших рабов, которые охраняли ворота. Внутри он вызвал еще меньше подозрений, и никто не остановил его на улице по пути к городскому дому. Он поднялся на холм. Единственный солдат-варвар, охранявший часть изгороди, позволил проехать его телеге. С озабоченным видом, как будто выполняя обычное дело, Клэйн направился к черному входу в дом, передал овощи женщинам и спросил:

— Кто начальник сегодня?

— Глидон,— был ответ.

— Где он? — спросил Клэйн.

— В кабинете, вот здесь,— старшая из двух женщин указала на главный вход, ведущий к центральной комнате, где размещалась большая часть его бесценного оборудования.

Войдя в большую комнату, Клэйн увидел солдат-варваров. В центре комнаты находился контейнер с огненным шаром. Не торопясь, он стал пересекать комнату и, как бы невзначай, коснулся пальцем поверхности сферы, а затем пошел дальше, делая вид, что ничего здесь его не интересует. Он больше не хотел рисковать. Если он будет действовать наверняка, то захватит дом, и ящик окажется в его власти. Но если ящик перенесут в другую комнату, то спустя три дня контакт с ним будет невозможен. На него произвели впечатление послания Чиннара. У вождя варваров имелась какая-то важнейшая информация. Каким образом он раздобыл ее? И если это так, то насколько же велико любопытство вождя, если он обратился к Клэйну, своему врагу? Научный интерес для него стал, возможно, важнее военного. Нет, нужно рискнуть. Иначе потом всю жизнь будешь каяться. Первому попавшемуся офицеру он сообщил свое имя и сказал, что пришел позаботиться о даре атомных богов. Огромный варвар застыл, затем, не веря своим глазам, ахнул и подозвал двух солдат.

— Лорд Клэйн, вы арестованы!

Мутант послушно дал себя связать.

Узнав, что Клэйн в столице, Чиннар немедленно направился в Линн. У центрального дворца его встретил Мееван. Улыбаясь, он обратился к вождю:

— Ваше предположение подтвердилось,— сказал он.— Вы говорили, что он обязательно попытается проникнуть в свой дом. Он явился сегодня утром.

— Расскажи мне об этом подробнее,— попросил Чиннар. Он слушал, не пропуская ни слова. Когда рассказ был окончен, вождь стал задавать вопросы. Каждый ответ вызывал новые вопросы. Наконец Меевan сказал:

— Ваше превосходительство, я не сомневаюсь, что наши люди выполнили все лучшим образом. Они клянутся, что захватили его при входе в здание прежде, чем он успел что-либо сделать или чего-нибудь коснуться. Но какое это имеет значение? Что вас смущает?

Чиннар промолчал. Он был напряжен, хотя это было незаметно. Все идет как положено. Он пригласил храмовых ученых позаботиться о «реликвиях божественного металла». Предложение было принято и, по-видимому, одобрено побежденными. Он даст им возможность работать. В конце концов они ведь ученые, а не полководцы, им вручаются реликвии, а они продолжают эксперимент. «Божественные дела,— ханжески писал Чиннар в приглашении,— выше человеческой суеты». Итак, первая хитрость удалась. Мутант сдался добровольно. Чиннар думал о том, что он предпримет дальше.

— Приведите его сюда,— распорядился вождь.— Нельзя рисковать, он не должен оставаться в своем доме. Мы знаем слишком мало, а он — слишком много.

Чиннар пошел еще раз посмотреть на огненный стержень. В чем же его загадка? Почему он действовал раньше и, возможно, включен и теперь. Чтобы проверить его действие, Чиннар направил острие на крону ближайшего дерева. Не возникло звука, не появился свет, но верхняя часть дерева бесшумно обрушилась на тропу. Чиннар ощутил удовлетворение человека, чья мысль выбрала верное направление. С самой юности, когда он был писцом в захолустье, до дней власти он шел на риск, который считал необходимым, но не больше. Он не был уверен, что атомный колдун Клэйн не воспользуется каким-нибудь из своих фокусов, чтобы принести вред его войску. Несколько минут он размышлял над этим, затем приказал принести из дворца ящик, привезенный из Европы. Никто не знал о его содержимом. Охранники видели только, что в ящик все время кладут лед. В это время в тронный зал вбежал запыхавшийся офицер.

— Сотни космических кораблей! — крикнул он.— Нападение!

Глядя из окна на снижающиеся корабли, Чиннар понял, что его подозрения были оправданы. Появление Клэйна в городе оказалось частью плана, который теперь осуществлялся. Хорошо еще, что сам Клэйн в ловушке. Чиннар решил, что офицеры справятся и без него. Он не стал руководить сражением. Все равно панораму боя из дворца не увидишь. Хорошо, что никто из воюющих не знал, где он сейчас находится. Он написал записку Меевану. Потом в сопровождении охраны направился в штаб резервной армии. Ящик он тоже приказал нести

в штаб. Ядро резерва составляли варвары, им помогали рабы. Появление Чиннара было встречено ревом. Приветственные крики звучали долго после того, как он вошел в здание. Он обговорил ситуацию с командирами рабов и нашел, что те сохранили спокойствие и уверенность. Согласно их оценке в первой волне высадились шестьдесят тысяч линнских солдат. Рабам, по-видимому, в голову не пришло, что совпадение с первоначальным числом варваров, прилетевших на Землю, не случайно. Чиннар же подумал, не имеет ли это число какое-то магическое значение. Он улыбнулся своим сомнениям. Не символы, а мечи говорят на языке победы. К полудню нападение было отбито. Ящик из дворца доставили к трем часам. Поскольку опасности больше не было, Чиннар отправил курьера к Мееванy. В три тридцать появился Мееван. За ним рабы несли носилки, в которых находился связанный по рукам и ногам Клэйн. Опустив носилки, рабы удалились. Наступила тишина. Клэйн с нескрываемым интересом рассматривал вождя варваров. Описания леди Лидии поразили его больше, чем сама встреча с этим человеком. Мутант был хорошим физиономистом и понял, что перед ним стоит сильный человек, талантливый полководец. Клэйн думал: удастся ли ему доказать, что атомные боги существуют. Притом убедить его в этом надо в течение получаса, иначе все пропало. Клэйн чувствовал, что правда на его стороне. Он ощущал в своем сердце силу, которую ему передали колдуны легендарных дней. Он говорил убедительно, но безразличие на лице Чиннара сменялось отвращением.

— Клянусь большими ямами, вы, линнцы,— сказал он,— все одинаковы, все глупые фанатики. Верите сказкам.

Клэйн ничего не ответил. Он чувствовал, что все, о чем он рассказывает, не производит на Чиннара впечатления. Разные эпохи, разный строй создал этих людей. То, что было религией для одного, другому казалось обычным изобретением. Подвижное лицо Чиннара уже выражало иронию.

— Я говорю с Клэйном Линном? — вежливо осведомился он.— Мы не ошиблись?

— Не ошиблись,— спокойно заверил Клэйн.— Я явился сюда с единственной целью — поговорить с вами, пока длится битва. И вот я здесь.

Вероятно, это прозвучало смешно из уст связанного человека. Охранники фыркнули, Мееван хихикнул. Только Чиннар никак не прореагировал. Его голос был спокоен, когда он сказал:

— У меня нет ни времени, ни желания играть словами. Я вижу, вы рассчитываете на что-то. Вероятно, это имеет отношение к вашим знаниям, к умению управлять атомной энергией.

Он взял в руки стержень.

— Насколько я понимаю, мы можем убить вас в один момент.

Клэйн покачал головой.

— Вы ошибаетесь. Убить меня невозможно.

Мееван не выдержал. Выступив вперед, он сказал:

— Чиннар, этот человек невыносим. Позволь мне ударить его по лицу, и мы посмотрим, защитят ли его атомные боги от такого бесчестья.

Чиннар отстранил товарища. Сверкающими глазами он посмотрел на пленника. Что-то в комнате произошло, какая-то сила управляла всеми, кто в ней был. Чиннар почувствовал нервное напряжение. Он буквально осязал, как преимущество перешло к пленнику. «Меня невозможно убить»,— этими словами он бросил им вызов. Чиннар поморщился. Он обращался с Клэйном осторожно, руководствуясь здравым смыслом, а не потому, что предчувствовал опасность. Но сейчас ему показалось, что мутант ведет себя ненормально. В его словах звучало убеждение и еще какая-то тайная власть. Пленники себя так не ведут. Он сказал настойчиво:

— Я должен кое-что вам показать. Пока вы не увидите этого, мы не убьем вас. Со своей стороны, не торопитесь применять то, что есть в вашей власти, пока не увидите то, что я покажу.

Он заметил удивленный взгляд Мееван.

— В его власти! — воскликнул инженер, и это прозвучало как проклятие.— Его власть!

Чиннар не обратил на это внимания. Тут была его собственная тайна, и ждать он не мог.

— Принесите ящик,— приказал он.

Ящик стал мокрым. Он оставил грязный след на ковре, а там, где его поставили, образовалась лужа. Прошло время, потеющие рабы снимали крышку. Даже стражники вытягивали шеи, пытаясь увидеть содержимое. Возгласы ужаса прервали напряженное ожидание. Внутри находился покойник восьми футов в длину. Ширину его определить было невозможно. Однако, вне сомнения, в ящике лежал великан. Видимо, сразу же после смерти тело окутали льдом. Человек казался живым. Казалось, что мертвец видит расписной потолок.

— Откуда это у вас,— спросил Клэйн.

— Он найден на одном из спутников... через несколько часов после того, как там видели чужой корабль.

— Давно?

— Два земных года назад.

— А корабль этот улетел?

Чиннар покачал головой.

— Семь месяцев назад наши шахтеры нашли еще одного покойника в скафандре на метеорите.

Мутант долго разглядывал мертвеца. Наконец он поднял голову, и взгляд его встретился со взглядом Чиннара. Клэйн спросил:

— Как вы это объясняете?

— Нечеловеческая раса. Их знания гораздо больше наших. Они безжалостны, враждебно настроены к нам... До того, как было найдено тело, меня удивляли доклады о катастрофах в отдаленных районах Европы... Я думаю, что это их второе по-

сещение Солнечной системы. Не могу вам сейчас изложить все, но считаю, что цивилизация золотого века погибла при первом их посещении.

Клэйн сказал:

— Я рад, что вы показали мне все это. Но скажите, с какой целью?

Чиннар перевел дыхание и перешел к главному:

— Чтобы предотвратить катастрофу. Будет большой ошибкой, если мы с вами продолжим взаимное уничтожение.

— Вы просите милости?

Это было слишком. Варвар вскричал:

— Я обращаюсь к здравому смыслу.

— Невозможно,— отрезал Клэйн.— Вы здесь столько натворили. Людям необходима месть. Они поймут победу, если она придет с вашей смертью.

Эти слова вызвали новый поток ругательств Меевана.

— Чиннар, что за вздор! — закричал он.— Я никогда вас не видел таким. Не признаю людей, заранее обреченных на поражение. Я покажу вам, что нужно делать с этим... Стражники, проткните его копьем!

Никто не двинулся. Напряжение вождя передалось воинам. Они неуверенно переглядывались. Мееван выхватил у одного из них меч и бросился на связанного пленника. И исчез. На его месте вспыхнул огненный шар.

— Попробуйте использовать против меня огненный стержень,— послышался голос Клэйна.— Попробуйте, вам это не повредит.

Чиннар поднял стержень и нажал активатор. Ничего не произошло... Только шар засверкал ярче. Голос Клэйна нарушил тишину.

— Вы по-прежнему не верите в богов?

— Я поражен,— ответил Чиннар,— что вы распространяете суеверия, а не знания. Мы, варвары, гордо презираем вас за эту попытку поставить преграду на пути человеческого духа. Мы — свободные мыслители, и вся ваша атомная энергия не сможет закрепостить нашу мысль.

Он пожал плечами.

— Что же касается ваших упражнений с огненным шаром, не буду делать вид, что понимаю это.

— Вы действительно не верите в атомных богов? — опять спросил Клэйн.

— Стражники! — выкрикнул Чиннар.— Заставьте замолчать этого человека!

Огненный шар полыхнул. Стражников не стало.

— Теперь верите? — спросил Клэйн.

Варвар потускнел и мгновенно состарился.

— Я проиграл,— пробормотал он.— Я могу признать только это. Но во имя ваших богов, что это за шар?

— Он вместил в себя всю нашу Вселенную.

Чиннар поморщил лоб и наклонился над мутантом.

— Какую Вселенную? — спросил он.

— Когда смотришь внутрь через пустую трубку,— терпеливо объяснил Клэйн,— видишь звезды. Как будто смотришь в окно в ночное небо. Только это не окно. Это сама Вселенная, сжатая до размеров шара.

Вождь варваров казался смущенным.

— Это Вселенная? — переспросил он.

Клэйн кивнул.

Чиннар покачал головой.

— И Земля здесь тоже есть? — он указал на сверкающую сферу.

— Это четвертое измерение,— по-прежнему терпеливо ответил Клэйн.

Он видел перед собой ошеломленного человека и не хотел использовать свое преимущество. Варвар сузил глаза и спросил:

— Как поместить бóльший предмет в мéньший? — Он требовал логичного объяснения.

— Когда размер есть лишь иллюзия, зависящая от точки зрения, проблемы не существует.

Чиннар поразмыслил над этим.

— Я полагаю, что вы говорите правду. Но это ваша правда. За нее стоит необыкновенное оружие, которое вы изобрели. Конечно, вы не собираетесь рассказывать о нем мне. Думаю, ничего чудесного здесь нет. Есть тайна, которую я пока что не понимаю.

Клэйн покачал головой, но ничего не ответил. Он попытался объяснить неведомое, но натолкнулся на здравый смысл реалиста. Он не винил варвара. Сам он не сразу примирился с мыслью, что материя и энергия отличны от того, чем кажутся. А теперь настало время действовать. Он встал, и огненный шар поднялся над его головой, повторяя все его движения. Чиннар упрямо настаивал:

— Перед лицом будущей опасности мы должны соединить силы.

Клэйн ответил:

— Боги требуют другого — покорности.

Чиннар воскликнул в ярости:

— Вы глупец! Я предлагаю вам защитить Солнечную систему! Неужели это чудовище в ящике никак не повлияло на ваши намерения?

— Повлияло.

— Но тогда...

— Я не верю в объединенное руководство.

Пауза. Потом Чиннар сказал:

— Вы далеко зашли. Раньше вы использовали атомную энергию, чтобы спастись.

— Да, я далеко зашел,— согласился Клэйн.

Чиннар взглянул на существо в ящике.

— Подлинная опасность для Линна здесь... Обещаете ли вы стать лордом-правителем?

— Я ничего не обещаю.

Они посмотрели друг другу в глаза, два человека, понимающие друг друга. Тишину нарушил Чиннар.

— Я сдаюсь,— сказал он со вздохом.— Сдаюсь вам одному, со всеми своими армиями, в надежде, что у вас хватит храбрости и здравого смысла не уклониться от ваших новых обязанностей защитника Солнечной системы... Эту роль,— угрюмо закончил он,— я предназначал себе.

В хорошо охраняемой комнате в отдаленном пригороде Линна сгусток энергии равномерно двигался от стены к стене. Во всей Солнечной системе не было ничего подобного этому сгустку. Он выглядел маленьким, но это был обман человеческих ощущений. Книги, описавшие его, и люди, написавшие их, знали лишь часть его тайны. Они знали, что внутри микровселенной пульсируют многообразные отрицательные силы. Они реагировали на космические лучи и атомную энергию, как ненасытная губка. Никакая субмолекулярная энергия, высвобожденная в присутствии сгустка, не могла уйти от него. Лишь одна слабость была в сгустке, и люди ухватились за нее. Сгусток имитировал мысль. Так казалось. Наблюдая за этим удивительным феноменом, Клэйн, как и древние мудрецы до него, задавал вопрос: не означает ли это, что человек контролирует Вселенную, или же Вселенная контролирует человека?

ВОЛШЕБНИК АТОМНОЙ ИМПЕРИИ

ПРОЛОГ

Клэйн был «ребенком богов» — так в Линне называли детей-мутантов. Спальня его матери долгое время соседствовала с обладающей мощным излучением стеной Храма Атомных Богов. И они даровали мальчику хилое, уродливое тело, прекрасное лицо и ясный разум. Было это в двенадцатом тысячелетии от рождества Христова. Клэйн родился в семье, правящей Линнской империей, которая когда-то, в давно забытые времена, пережила расцвет, а сейчас была в состоянии упадка. Вид мальчика вызывал отвращение, он рос в стороне от всех, презираемый, гонимый сверстниками и взрослыми. Клэйн выжил и понял, что происходит в его семье и государстве только благодаря своему учителю, который видел в нем будущее Атомной империи. К счастью, на мальчика никто не обращал внимания — все были заняты дворцовыми интригами и борьбой за власть. Для получения дальнейшего образования его отсылают в Храм — средоточие наук. Это стало возможным только потому, что никто не видел в нем соперника в борьбе за звание Верховного Правителя, хотя он и был из высокородной семьи. Чем может быть опасен маленький уродец, отверженный мутант? Но Клэйн упорно трудился, познавал тайны мира, размышлял над загадкой внутренней сущности материи, овладел истиной, которая была известна Атомным богам. Он исследовал подземные лабиринты, в которых они когда-то обитали, и убедился, что это древние города, разрушенные неведомой силой. Все говорило о том, что здесь когда-то обитала высочайшая цивилизация.

В одном из тайников древности Клэйн нашел некую энергетическую сферу, с помощью которой разрушалась любая материя, любая энергия за исключением «защищенной». Почему же, обладая столь совершенным оружием эта цивилизация все же погибла? Клэйн приходит к выводу, что сфера — это как бы действующая модель мира, а может быть, даже ее энергетический двойник, и она откликается на мысли того, кто ею пользуется. Мысли, желания, стремления человека — вот что главное. Открытия Клэйна помогли понять, что произошло с народом Линна. Стало ясно, каким образом получилось так, что тайным знанием владеют только посвященные, остальным же они кажутся волшебством, а также то, почему в их стране лук и стрелы сосуществуют с космическими кораблями, которые

взлетают и движутся только благодаря «божественным» металлам. Однако причина древней катастрофы так и не была раскрыта. Клэйн занимается не только историческими изысканиями, не только науками, но и — пожалуй, единственный в стране — покровительствует искусствам. Он — человек не только необычайного ума, наблюдательности, выдержки, но и такого же необычного для своего времени благородства.

К тому времени, когда те, кто рвался к власти, поняли, какую опасность он для них представляет, Клэйн стал слишком могущественным, чтобы его можно было уничтожить.

Но наступил момент, когда ему пришлось лицом к лицу встретиться с совсем другим врагом. С одного из спутников Юпитера в Линнскую империю со своей варварской армией вторгся Чиннар. И кажется, что он сумеет овладеть Линном. Но вместо решающей схватки с инопланетянами происходит встреча двух мудрых мужей — настоящих властителей своих народов. Чиннар показывает Клэйну обнаруженное им на орбите огромное мертвое тело. Оно принадлежит какому-то негуманоидному существу, и есть все основания полагать, что это один из Риссов, когда-то разрушивших цивилизацию Линна. Чиннару удается убедить Клэйна в том, что Солнечной системе опять угрожает страшная опасность, с которой нужно бороться сообща. Чиннар хотел бы, чтобы именно мудрый Клэйн взял бы под контроль всю Империю. Однако Клэйн отказывается — для этого у него есть свои, и очень веские, причины...

В обманчивом мраке космоса мчался чужой корабль, и полет его выдавали лишь случайные отблески отраженного солнечного света. Это был корабль Риссов, совершивших перед тем многомесячную остановку для исследования спутников Юпитера. Находящихся на его борту не заботило, что корабль обнаружат, но и демонстрировать его появление они тоже не хотели...

Уже несколько раз исследовательские экспедиции Риссов сталкивались с людьми. Их тактика не отличалась разнообразием: они уничтожали каждого, кто имел неосторожность их увидеть. Только однажды, на далеком Титане, один человек избежал сети, которую Чужие раскинули, чтобы поймать его,— благодаря холмистому рельефу местности с бесчисленным количеством пещер. В ту ночь он успел укрыться в ближайшем селении, но затем взрыв атомной бомбы поглотил и селение, и весь окружающий район. Риссы считали, что подобная тактика оправдывает себя, и люди не должны были забывать об этом.

Несмотря на то, что проложенный наугад курс корабля проходил над городами и селами, по Линну разносились лишь самые общие слухи о появлении какого-то космолета. Очень долгое время никто не подозревал, что на корабле присутствуют чуждые людям существа. Принятые Риссами меры предосторожности не могли изменить естественного порядка жизни и смерти. В нескольких часах лета от Титана метеором

был сбит механик Риссов — когда он ремонтировал незначительную поломку в одном из механизмов, встроенных во внешнюю обшивку космолета. По стечению обстоятельств, в том же направлении двигался метеор, и примерно с той же скоростью, что и космолет. Получивший удар механик был унесен в открытое пространство. На Европе, самом большом спутнике Марса, одноместный исследовательский челнок Риссов вернулся на космолет-матку в автоматическом режиме, однако без пилота на борту. Приборы челнока зарегистрировали пройденное им расстояние — оно превышало тысячу миль,— и те, кто попытался повторить его извилистый путь в обратном направлении, были вознесены над горными кряжами, столь крутыми и обрывистыми, что от дальнейших поисков пришлось сразу отказаться.

Удивительно, но оба тела были найдены: первое — рудокопами — собирателями метеоритов с Европы, второе — солдатами, что участвовали в скверно организованных маневрах незадолго до вторжения варваров на Землю. Чудовищно выглядевшие тела были доставлены к лидеру варваров — Чиннару, и он, сопоставив полученные им многочисленные сообщения, сделал необычайно прозорливое предположение относительно происхождения этих странных существ.

Корабль Чужих все еще болтался вблизи Европы, когда Чиннар спустя несколько месяцев вторгся на Землю. Лорд Клэйн Линнский разбил силы варваров, и звездный посланец продолжил свой неторопливый исследовательский полет. Он прибыл на Марс менее чем через месяц после того, как лорд Деррин, правитель Линна, старший брат Клэйна, отбыл со своей армией на Землю, и прошел еще целый месяц, прежде чем об этом было доложено военному наместнику на Марсе.

Потомок великого Рахейнла, молодой лорд Клэйн был гордым и честолюбивым человеком. Когда ему впервые донесли о корабле Чужих, он отмахнулся от этого сообщения, сочтя его выдумкой, сказкой, какие частенько имели хождение там, где образованность и знания пали жертвами непрекращающихся войн. Однако вскоре пришел доклад из другого места, и он потряс его. Возможно, подумал он, то был марсианский вариант вторжения варваров. С этого момента он стал действовать быстро и решительно.

Полицейские космолеты и патрульные лодки прочесали атмосферу. И поскольку Чужие не особенно маскировались, контакт с ними был установлен сразу же. Два полицейских корабля погибли в огромной энергетической вспышке. Другие корабли, наблюдавшие за этой катастрофой на расстоянии, спешно ретировались.

Даже если Риссы и заметили, что оказались в наиболее машинизированной части Солнечной системы, они ничем не выдавали своей обеспокоенности. Если и подозревали, что их беспрепятственное продвижение в линнских районах фактически означает войну, вели себя так, словно им ничего не было известно об этом.

Губернатор Марса отправил на Землю предупреждение, а затем приступил к мобилизации военных сил. Две недели его патрульные лодки ничего не предпринимали, а только вели наблюдение, и картина, которая вырисовывалась по результатам наблюдения, вполне удовлетворила этого сурового молодого человека. Оказалось — противник направлял разведывательные команды в небольших ботах. На пятнадцатый день корабли людей, действуя наподобие пчелиного роя, нанесли Риссам решающий удар.

Тактика нападения была разработана самым тщательным образом. В каждом случае предпринималась попытка взять лодки Риссов при помощи тарана, и четыре атаки принесли успех. Засверкали в рассеянном послеполуденном свете разбитые «подъемные» боты, падая на плоскую землю. Космические корабли моментально устремились вниз на перехват, приняли падавшие машины Чужих на борт и поспешно разлетелись по широко разбросанным посадочным площадкам.

Это была важная победа, даже более важная, чем полагали в первый момент. Противник отреагировал лишь на следующее утро. Город Гадрэ был уничтожен колоссальным взрывом, который вознес дымный бурлящий водоворот в воздух, окрасив чернотой атмосферу на сотни миль вокруг.

После этого был кошмар контратаки, положивший конец войне на Марсе. С тех пор Чужих оставили в покое. Молодой лорд Клэйн, еще не пришедший в себя от жестокого ответного удара варваров, отдал приказ об эвакуации крупных городов и отправил на Землю новое тревожное сообщение и целую серию предупреждений. Он также распорядился проверить состояние двух самых крупных и наименее поврежденных из захваченных им небольших летательных аппаратов противника.

Только по прошествии месяца Клэйн перестал получать донесения о присутствии чужого корабля в марсианской атмосфере. Он пришел к заключению, что пришелец отправился к Земле, и отослал Деррину свой последний отчет, после чего мог позволить себе наконец расслабиться. Теперь, по всей очевидности, с проблемой предстояло столкнуться тем, кто, возможно, находился в лучших условиях, позволяющих представить себе, поддается ли ситуация вообще контролю.

Деррин отложил в сторону только что прочитанный первый доклад и встал навстречу жене, вошедшей к нему. Он подвел Лилидель, держащую на руках грудного ребенка,— это был их седьмой ребенок,— к креслу, затем вернулся к своему креслу. У него мелькнула мысль, что сейчас он кое-что услышит об одной известной личности. И он не ошибся.

Лилидель сразу же заговорила о главном. Как он и ожидал, речь пошла о его брате Клэйне. Деррин со вниманием слушал жену, испытывая некое смутное недовольство,— оно всякий раз охватывало его, когда Лилидель пыталась повлиять на его суждения, пуская в ход эмоциональные уловки. Когда она через несколько минут полностью высказалась, он мягко выразил свое несогласие:

— Дорогая, если бы Клэйн действительно хотел присвоить себе весь контроль, то мог бы сделать это раньше, ведь в его распоряжении было целых два месяца,— столько времени прошло уже с тех пор, как кончилась война с варварами, и я вернулся.

Жена слушала его с терпеливым достоинством и уважением. Его изящная Лилидель — он не мог не признать этого — была замечательной супругой. Всегда готовая выполнить свой долг, добрая, благоразумная и сдержанная, с безупречным прошлым, она была образцом женщины благородного происхождения и не скрывала, что придает этому немалое значение. И Деррин удивлялся, что иногда она вызывала у него раздражение. В такие моменты он чувствовал себя несчастным из-за одного того лишь, что приходилось думать о причине этого. Ведь если учитывать особенности ее индивидуальности, к ее характеру нельзя было придраться. А вот поди ж ты — временами эта женщина до безумия раздражала его.

Он еще раз повторил:

— Да, нельзя не признать, что мы обязаны Клэйну победой над варварами. Я и сейчас еще вспоминаю, как блестяще он расправился с ними...

Он спохватился: зачем говорить ей это? Лилидель столь щедрую оценку заслуг Клэйна не могла считать ничем иным, как ошибкой. Она полагала, что он всего лишь исполнил долг и теперь ему лучше целиком посвятить себя личной жизни ради благополучия семьи и государства.

Деррин слушал жену с невеселым видом, мучаясь угрызениями совести из-за того, что позволяет умалить роль брата в победе. Так или иначе, но путь к нынешнему триумфу проложен именно Клэйном, а советники Патроната убедили правителя, что признание этого факта может оказаться в высшей степени опасным для власти. Мол, нельзя слишком возвышать мутанта.

Надо успокоить Лилидель, подумал он, хотя в душе был сердит на нее и на тех людей, связанных с ней, кто стремился подавить его естественные порывы и заставить его давать обещания, что вовсе не было необходимостью.

— Дорогая, если то, что я знаю о Клэйне,— истина, то он наверняка может в любое время взять контроль в свои руки. Однако я вот что должен тебе сказать: ты заблуждаешься, считая, что титул лорда-советника по праву принадлежит лишь моей ветви в нашей семье. Разве только мы можем обладать им? Власть ускользает от человека, если он самоуверенно полагает, будто всегда крепко держит ее... Вот здесь у меня, — он взял со стола доклад с Марса,— чрезвычайно тревожное послание от генерала Рахейнла...

Ему не позволили с легкостью поменять тему беседы. Жена повернула разговор в нужную ей сторону. Если он сам не имеет никакого честолюбия, сказала Лилидель, то, по крайней мере, мог бы подумать о своем наследнике. Он понял, чего от него требовали,— чтобы его старший сын был утвержден в качестве

законного преемника власти. Кэлэдж достиг семнадцатилетия, и планы в отношении его судьбы должны быть четко определены в ближайшее время...

Ему пришлось перебить ее:

— Давай отложим наш спор до моего возвращения. Я все собирался сказать тебе, что отправляюсь в инспекционную поездку по провинциям... Сегодня в полдень я покину резиденцию.

Прощаясь, Лилидель не преминула заметить, что он должен быть счастлив иметь жену, воспринимающую его слишком частые отлучки, хотя и с тяжелым сердцем, зато с полнейшим пониманием.

— Смотрите, смотрите!

Лорд-советник резко обернулся на этот изумленный возглас. Его взгляд последовал в том направлении, куда устремились глаза остальных. Стоящие вокруг него мужчины, вытянув шеи, вглядывались в небо. Он впал в шоковое состояние, когда увидел наверху космолет, значительно превосходивший по своим размерам все известные ему типы космолетов. Опираясь на свое детальное знание ограниченности конструкций земных кораблей, он сделал вывод, что космолет не принадлежит Солнечной системе. И едва он об этом подумал, как мысли его тотчас вернулись к посланию военного губернатора Марса. Через мгновение ему показалось, что мужество начинает его покидать. Его охватило предчувствие неминуемой катастрофы.

Длина неведомого пришельца была около трети мили. Острый взгляд Деррина ухватил и память засекла для будущих размышлений конструкционные особенности корабля, не похожие на что-либо ему знакомое. По мере того, как громадная махина в полной тишине проплывала над людьми, он все напряженнее всматривался в нее. Как можно было предположить, корабль летел на высоте трех миль, и его скорость не могла быть большой, потому что и через минуту его все еще было видно. Наконец он скрылся за туманным горизонтом на востоке.

Прежде чем он окончательно исчез из виду, Деррин уже отдавал распоряжения. И хоть он еще не получил отчет о разрушении марсианского города Гадрэ, он был осторожнее, чем его брат Клэйн. Флотилия космических кораблей и небольших летательных аппаратов, которую он отправил следовать за пришельцем, получила категорический приказ держаться на определенной дистанции от него.

Приняв предупредительные меры обороны, лорд-советник вернулся в город Линн и принялся ждать сообщений. К утру их поступило с полдюжины, однако, они не добавили ничего существенного к тому, что он наблюдал лично. Что действительно заслуживало внимания, так это поступившее к полудню письмо от лорда Клэйна.

«Ваше высочество!

Я самым серьезным образом настаиваю на том, чтобы Вы отдали приказ об эвакуации из крупных городов всех вооруженных сил и оборудования. Это необходимо для обороны Империи.

Жизненно важно уничтожить этот корабль, прибывший из другой звездной системы. По некоторым сведениям, на его борту находятся потомки существ, разрушивших легендарную цивилизацию Земли. Риссы — так их называли.

Я прошу о встрече с Вами, и как можно быстрее. У меня есть несколько, на мой взгляд, разумных предложений — по возможной тактике борьбы с врагом.

Клэйн».

Деррин несколько раз перечитал письмо и попытался мысленно, как можно более четко, представить картину эвакуации, рекомендованной братом. Обдумав все в подробностях, он решил, что эвакуация абсолютно нереальна, и отбросил письмо в сторону. Потом опомнился и все же написал ответ.

«Мой непревзойденный брат!

Принимаются все необходимые меры, чтобы спасти положение. Буду чрезвычайно рад Вашему визиту в любое время.

Деррин,
лорд-советник Линна».

Когда письмо было отправлено, он впервые удивленно подумал: каким же образом все-таки Клэйн так быстро узнал о межзвездном корабле? Казалось также совершенно неестественным, чтобы он мог лично его видеть. Случившееся было еще одним подтверждением его подозрений — о существовании сторонников Клэйна в каждой служебной группе, не исключая, видимо, и его персонального окружения.

К утру, когда донесения о чужом корабле стали поступать уже непрерывно, его горькое чувство по отношению к брату-мутанту улеглось, а на смену ему пришло сознание необходимости тщательно изучить все увеличивающуюся груду новых свидетельств о далеко идущих планах Клэйна.

Через короткое время корабль Риссов пересек океан. Затем его видели над горной грядой. Далее зафиксировали его часовую остановку над городом Горам, где от него отделилась сотня небольших челноков. Челноки, пролетев над городом, провели все солнечные дневные часы, исследуя близлежащие холмы.

Несмотря на приказание Деррина ни в коем случае не реагировать на движение «подъемников» — легких летательных аппаратов с космолета, произошло два инцидента. Они случились в разных местах, разделенных приличным расстоянием, и имели один и тот же итог. Оба были вызваны полетом земных патрульных лодок, рискнувших приблизиться к небольшим вражеским «подъемникам» на расстояние мили. Наблюдатели сооб-

щили о вспышках голубого огня. Пламя поглотило земные летательные аппараты с экипажами.

Новость потрясла Деррина. Однако она убедила его в необходимости привести в исполнение вызревший в его уме замысел. Он только ждал информации о результатах осуществления плана Рахейнла. (Лорд-советник принял как само собой разумеющееся то, что на Землю прибыл космолет, который побывал на Марсе, что этот корабль совершил перелет с четвертой планеты на третью гораздо быстрее, чем космический корабль, везший,— он в этом не сомневался,— доклад марсианского военного губернатора.) Ему казалось, что решение найдено. Пришелец явился с другой звезды. Вероятно, позднее он вернется туда. Вернется, раз те, кто находятся на его борту, даже не сделали попытки связаться с ним. А значит, можно им позволить вести себя как заблагорассудится. Пусть порезвятся... А линнский космический флот тем временем должен окрепнуть и подготовиться к возможной войне. Когда Деррин проинструктировал начальника штаба, тот, разгладив усы, спросил:

— Что вы под этим подразумеваете — «укрепить нашу оборону»? Каким образом? Увеличив производство дротиков и стрел?

Лорд-советник помедлил с ответом. Ясно было, что облеченный в формулировки его план потерял четкость, выглядел несколько расплывчатым.

— Нужна предельная осторожность. И будьте готовы к жертвам.

При этом он сам не знал, что конкретно имеет в виду.

Так прошел второй день. Восприятие Деррином происходящего становилось все более неадекватным. Наутро офицер, руководящий наблюдением за людьми Клэйна и за людьми лорда-советника, доложил, что мутант вывез куда-то все оборудование и инструменты из своей городской резиденции в Линне. Теперь Деррин обдумывал это, чувствуя все усиливающуюся злость. Происходящее напоминало панику, какая возникает, когда события становятся известными многим. Он все еще кипятился, когда от брата пришло второе послание.

«Дорогой Деррин!

Получил известие о марсианской катастрофе и настаиваю на том, чтобы вы отдали приказ об эвакуации Линна и других городов. Говорю Вам, сэр: злосчастный корабль должен быть уничтожен прежде, чем он покинет Землю.

Клэйн».

Резкость этого письма, его грубоватый тон вызвали у Деррина прилив крови к худым, покрытым загаром скулам. Вначале его занимало не столько содержание, сколько интонация письма. Потом его вдруг пронзило: марсианская катастрофа!

Пытаясь сохранять спокойствие, он отправил курьера на площадку, где обычно приземлялись корабли, прибывшие с Марса. Курьер вернулся ни с чем:

— В течение недели, ваше высочество, не было ни одного корабля с Марса.

Деррин был удивлен и озабочен. Меряя шагами покрытый ковром пол приемного помещения, он размышлял над тем, что у Клэйна, судя по всему, была информация, которой не имело правительство. Косвенно поделившись ею, мутант тем самым выдал ему свой личный секрет — о существовании у него более скоростных средств связи с другими планетами. Демонстративная готовность поделиться с Деррином секретной информацией в создавшихся условиях казалась особенно многозначительной. Лорд-советник все еще не отваживался посмотреть всем этим фактам в лицо.

Когда вошла жена, мысли о брате еще не покинули его. Лилидель, как всегда, прихватила с собой ребенка.

Слушая ее, Деррин глядел на нее отсутствующим взглядом. Она больше не была той красавицей, на которой он женился, хотя совершенные точеные черты ее лица остались почти такими же, как и в те дни, когда он впервые увидел ее. Не столько ее лицо, сколько фигура носила следы прошедших лет и деторождения. Деррин не хотел беспричинно относиться к ней критически, но было бы неплохо, если бы характер его жены хотя бы чуть-чуть изменился к лучшему... да и фигура тоже. Он не сразу вступил в разговор, понимая, что должен объяснить ей ситуацию осторожно.

— Требуется внести ясность в один вопрос...— Ты знаешь — человек, неспособный защитить Империю, не может быть хозяином этого кабинета. Полагаю, тебе следует перестать беспокоиться о наследственном праве нашего Кэлэджа и серьезно подумать об отчаянном положении, в котором мы оказались из-за этого странного корабля...

Он кратко рассказал Лилидель о послании Клэйна и отметил про себя, как резко она побледнела.

— Именно этого я и боялась,— напряженно проговорила она.— Я подозревала, что Клэйн затевает заговор.

Ее категоричность напугала Деррина. Он возразил ей: вряд ли Клэйна можно считать ответственным за появление космолета Чужих в линнских владениях. Лилидель отвергла его аргументы в защиту брата.

— Неважно, какие у него мотивы,— нетерпеливо заявила она.— Когда человек идет к цели, для него любой повод хорош...

Она попыталась продолжать в том же духе, но Деррин не мог этого допустить.

— В здравом ли вы уме? Позвольте сообщить вам, мадам, что я не потерплю, чтобы пороли такую чушь о Клэйне в моем присутствии. Если вам угодно болтать о его заговорах против государственности, делайте это, пожалуйста, без меня.

Ее безапелляционность, нелогичность рассуждений бесили его. На какой-то момент он даже забыл о собственных сомнениях относительно Клэйна.

Лилидель посмотрела на него погрустневшими глазами.

— Вы никогда раньше так со мной не разговаривали, —

с обидой сказала она и прижала к себе маленькую дочку, словно защищаясь от возможного удара.

Жест этот был рассчитан на то, чтобы привлечь внимание мужа к ребенку. За долгие годы их брака ею была выработана стандартная манера поведения, учитывающая особенности их отношений. Жест этот должен был подсказать Деррину, что ему лучше уступить. Такое бывало нередко — когда Лилидель, взяв с собой одного из детей, приходила к нему с каким-то требованием или с просьбой. Да, или с п р о с ь б о й... Мысль, которая сейчас пришла ему в голову, выводила его из себя. Ведь он всегда гордился тем, что Лилидель, в отличие от замешанных в интригах жен правителей прошлых лет, никогда не пыталась использовать их родство для личных целей.

Сейчас он мгновенно вспомнил, как часто, наверное, т ы с я ч и раз, она приходила к нему в интересах какого-либо неизвестного ему лица. И намекала, что надо бы назначить его на тот или иной пост — большей или меньшей важности, но непременно такой, чтобы имел отношение к руководству правительством. При всем своем тихом и внешне незаметном образе жизни она хранила в памяти фантастическое количество декретов, приказов и законов. Кто знает, в скольких из них она разбиралась...

Внезапно он, словно прозрев, увидел ее такой, какой она и была на самом деле. Он подумал о группе людей, занимающихся делами доверенных его опеке провинций: эти лица, пользуясь тем, что он слишком занят вопросами обороны Линна, создали через него разветвленную организацию, обслуживающую их собственные интересы. Именно они и старались настроить его против брата. И жена на их стороне. Ну почему он до сих пор не понимал этого?..

Мысль о глубоко зашедшем предательстве окончательно отрезвила его. Трудно поверить, что Лилидель могла до конца сознавать суть того, что делала. Видимо, хитрые и проницательные люди, вступая с ней в сговор, хорошо изучили некоторые не слишком симпатичные свойства ее характера и сумели использовать их в своих корыстных целях. Однако не требовало доказательств то, что она сознательно вела нечестную игру за его спиной. Конечно, она делает это ради детей, которых очень любит... Но как же с нею быть? Все слишком сложно, чтобы действовать немедленно. Совсем тихо Деррин сказал:

— Оставь меня, пожалуйста... У меня нет желания разговаривать с тобой грубо. Извини, ты застала меня в плохой момент.

Когда она вышла, он долгое время стоял в нерешительности. Потом перечитал послание Клэйна. И подумал: «Правда состоит в том, что у меня нет точно рассчитанного плана в отношении корабля Чужих. Настало время узнать, чем располагает Клэйн».

Письмо, посланное им брату, было предельно кратким:

«Согласен встретиться. Укажите время, место, условия».

Клэйн написал ему снова:

«Отдали ли вы приказ об эвакуации всех крупных городов? И сможете ли прибыть, если я отправлю за Вами корабль?»

«Да».— Таков был ответ Деррина.

Когда лорд-советник с сопровождающими его лицами прибыли на космический корабль, они не нашли там Клэйна. Ситуация усложнялась... Деррин воспринял это спокойно, с жесткой улыбкой на лице, но те, кто прибыл с ним, роптали.

Напряженность спала, когда к ним подошел офицер в генеральском мундире. Он отдал салют и застыл, демонстрируя почтительность и ожидая, когда ему подадут знак докладывать. Деррин кивнул ему, и офицер, принеся извинения, заговорил:

— Ваше высочество, лорд Клэйн искренне сожалеет, что не успел завершить все подготовительные мероприятия. Мы заберем его с собой в поместье, а потом он встретится с вами на борту корабля.

Деррин оттаял. Он не был рьяным приверженцем неукоснительного соблюдения всех правил и ритуалов, однако же опасался, что из-за отсутствия Клэйна пойдут разговоры о том, будто есть люди, умышленно нарушающие субординацию в каких-то своих тайных целях, что на правительственном уровне могло даже означать мятеж. Он был счастлив, что Клэйн, дав понять о своих намерениях, оказал ему необходимый минимум почета.

Деррин не был столь невежлив, чтобы в лоб спросить, в чем же заключаются «подготовительные мероприятия», столь важные, что из-за них задерживалась встреча. Догадываясь, что ссылка на «мероприятия» сделана лишь для отвода глаз, он всем своим видом показывал приближенным, что ничего необычного не происходит.

Через несколько минут, уже находясь в своих апартаментах, он наблюдал через иллюминатор, как удаляется внизу Земля. Только теперь к нему подкрались сомнения. Не опрометчиво ли он поступил, когда отказался от большого флота охраны и тем самым поставил себя в небезопасное положение на борту этого корабля? Трудно было поверить, что брат способен пойти на такой риск — развязать крупномасштабную гражданскую войну, но он знал — подобные вещи случались... И куда они летят? Что, если прямо в ловушку? Нет, надо гнать эти мысли. Он ведь ничего не сказал своим офицерам о зародившихся у него сомнениях...

Когда корабль, вначале зависнув над поместьем Клэйна, начал снижаться, собираясь сесть на космолетное поле, он почувствовал себя гораздо лучше. А чуть позже он увидел брата, шедшего ему навстречу через поле, и от его сомнений не осталось и следа. Им овладело любопытство, которое возросло, когда он разглядел позади Клэйна мужчину, тащившего длинный корытообразный металлический предмет. В «корыте» на-

ходилось что-то круглое и сверкающее, медленно перекатывающееся взад-вперед. Он хотел получше рассмотреть невиданный предмет, но тот оказался за пределами видимости раньше, чем он успел это сделать. Круглое тело чем-то напоминало стеклянный шар.

Очень скоро корабль снова взмыл в воздух, и тогда один из офицеров доложил лорду-советнику, что Клэйн просит об аудиенции. Деррин велел пригласить его. Он был заинтригован и хотел знать, куда направляется корабль.

Как только Клэйн вошел, Деррин поднялся с кресла. Помещение было идеально спланировано для того, чтобы правитель его ранга мог здесь принимать знаки почитания от смертного более низкого положения. Из передней три ступени вели в более просторную комнату для приемов, размещенную несколько выше. Над ступенями была площадка, и Деррин сидел на ней в кресле, возвышаясь, как на тронном постаменте.

Прищурившись и поджав губы, он наблюдал, как брат приближается к нему.

Еще до посадки в поместье, через иллюминатор он заметил, что Клэйн по-прежнему носит храмовое одеяние. Сейчас он имел возможность разглядеть его широкую мантию в мельчайших деталях. В этом тускло-сером облачении брат выглядел даже еще более скромно и непритязательно, чем раньше. В обширной каюте, где стояли навытяжку дюжина штабных офицеров в голубой, с серебром, форме, он казался настолько не к месту, что Деррин даже усомнился: а могла ли от него исходить угроза его влиянию?

Застарелая враждебность вдруг покинула Деррина, в его сердце поднялась волна сочувствия. Кто-кто, а он-то хорошо знал, что оригинальное, сознательно выбранное одеяние надежно скрывает признаки мутации. Он помнил те далекие времена, двадцатилетней давности, когда шайка мальчишек дразнила и высмеивала Клэйна-подростка только потому, что у него были не совсем такие, как у всех, руки, плечи и грудь. Помнил хорошо, потому что сам был в этой компании сорванцов. Чувство вины до сих пор не покинуло его. Иногда оно приглушалось и подолгу не давало о себе знать, а вот сейчас вспыхнуло с новой силой.

Деррин спустился по ступеням вниз и обнял своими большими сильными руками худощавого, хрупкого Клэйна.

— Дорогой брат,— сказал он с теплотой в голосе,— я счастлив видеть тебя.— И отступил на шаг назад, чтобы хорошо разглядеть его, радуясь про себя, что поборол искушение поддаться цинизму, недостойным мыслям о том, что физически ущербный человек не может на равных соперничать с ним в борьбе за власть.

Давно не видевший Клэйна, Деррин заметил, что лицо его изменилось. Раньше черты лица были мягче, в нем было что-то нежное, ангельское, как у девушки. Аскетический образ жизни, мужество и твердость характера наложили на него свой отпе-

чаток. Однако лицо было еще совсем молодое, и по его гладкой коже нельзя было понять, бреется ли он вообще.

— Могу я поинтересоваться, куда мы направляемся?

Клэйн улыбнулся. Улыбка его преображала, напоминала, каким он был в юношеском возрасте, когда еще только начинал военную карьеру.

— Я имею свежие данные — вражеский корабль сейчас примерно в тысяче миль отсюда, летит над горной цепью. Я намерен атаковать его... и хочу, чтобы вы стали свидетелем атаки.

Все оставшееся время полета Деррин обдумывал предстоящую акцию.

Ему нелегко было постичь все нюансы происходящего, хоть он и старался. Стоя на земле, он наблюдал за Клэйном, который пристально разглядывал корабль противника, зависший вверху на расстоянии трех миль и выглядевший в сгустившемся тумане как огромный призрак. Наконец Клэйн подошел к нему и обеспокоенно сказал:

— К сожалению, нельзя исключить вероятность неудачи.— И, так как Деррин промолчал, продолжил: — Если мне не удастся уничтожить корабль с помощью металлического храмового средства, Чужие, возможно, предпримут контрдействия.

Надежда брата на божественные металлы вызывала у Деррина раздражение. Его собственное восприятие храмов и религии, которую они исповедовали, опиралось на личный опыт солдата. Распространяемые храмами идеи он считал полезными для поддержания дисциплины среди воинов, и не более того. Он не то чтобы относился к религии скептически, а просто никогда не размышлял над религиозными догмами. Пусть Клэйн и ему подобные находят в религии что-то важное для души, а он остается при своем мнении. Ходили какие-то слухи вокруг прошлого Клэйна, однако при его занятости и сверхнапряженном образе жизни, когда каждый день приходится решать множество административных дел, у него не оставалось времени выяснять, где правда, а где выдумка во всех этих «темных» историях, связанных с магией, которые время от времени рассказывали ему. Но сейчас он встревожился, потому что столкнулся с проявлением суеверий, о которых был достаточно наслышан. Деррин не сомневался, что брат собирается продемонстрировать ему нечто такое, что до сих пор тщательно скрывалось, и испытывал некоторое замешательство. «Я не позволю втянуть себя в дела метафизиков»,— думал он сердито. С удрученным видом он ждал, что еще скажет ему брат.

Клэйн, задумчиво посмотрев на него, заявил:

— Я хочу, чтобы вы все видели своими глазами. И надеюсь затем заручиться вашей поддержкой для главной атаки.

— Вы считаете, сегодняшняя атака обречена на неудачу? — быстро спросил Деррин.

Клэйн кивнул.

— У меня прекрасное оружие — таким пользовались ве

времена старой эпохи,— сказал Клэйн.— Какое еще нужно? Если лучшее оружие той величайшей научной эры неспособно отсрочить катаклизм,— а наши предки благодаря ему смогли уцелеть в грандиозной катастрофе,— тогда я не знаю... Мы обязательно должны использовать изобретения, которые нам оставили предки, чтобы добиться успеха.— И он добавил: — Мне кажется, космолет Чужих изготовлен из каких-то особых материалов. Средство для их уничтожения создать невозможно.

Деррин был поражен:

— Должен ли я понимать вас так, что атака будет проведена для того лишь, чтобы убедить меня в сверхэффективности оружия? Чтобы я поддержал в т о р о е нападение? Ведь вы именно на вторую атаку возлагаете главные надежды?

Клэйн немного помялся, потом опять кивнул:

— Да.

— В чем же суть вашего второго плана?

Когда Клэйн без утайки выложил ему абсолютно все, он побелел.

— А вы понимаете, что, оказывая такую поддержку, я рискую полностью потерять флот?

Клэйн ответил вопросом на вопрос:

— А что еще хорошего он может дать?

Деррин сдержал дрожь. Он старался сохранять внешнее спокойствие.

— Роль, которую вы в своих планах отвели для самого себя, показывает, насколько серьезным вы считаете задуманное. Однако, брат, вы замахнулись на безопасность нашего государства! А если вы потерпите поражение? Они уничтожат наши города...

— Нельзя позволить этому кораблю вернуться домой,— возразил Клэйн.

— Почему нельзя? Разве не ясно — это самое разумное. Ведь рано или поздно они все равно улетят.

Клэйн продолжал настаивать на своем, держась по-прежнему напряженно:

— Тысячу лет назад что-то случилось... Война не закончилась для них полной победой. Прошло время, и они вернулись к себе, но, очевидно, так и не догадались, какой непоправимый ущерб нанесли Солнечной системе, когда уничтожили все ее города. Сами подумайте, что будет, если теперь Чужие, вернувшись домой, сообщат о нашей беспомощности. Страшно подумать, какую агрессию там подготовят. Соберут все силы и ринутся к нам снова...

— Но почему? Почему они должны терзать нас? — воскликнул с недоумением Деррин.

Клэйн ответил одним словом:

— Земля.

Кровь прилила к лицу Деррина. Он представил себе ту очень давнюю невероятную схватку, безжалостную войну двух чуждых друг другу во всех отношениях рас, из которых одна стремилась захватить, а другая — удержать в своих руках пла-

нетную систему. Потрясающая, жуткая картина... Только теперь он со всей силой почувствовал, как угнетает его, доводит до изнеможения суровая необходимость принять решение.

— Хорошо,— произнес он голосом, звенящим от старания придать ему твердость.— Я хочу видеть эксперимент. Приступайте.

На середину поляны был вынесен контейнер с серебристым шаром, который лорд-советник уже видел. Шар перекатывался то взад, то вперед по прямому желобу контейнера. Во время кратковременного посещения поместья Клэйна правитель не успел как следует рассмотреть это сферическое тело, и сейчас он подошел поближе, чтобы понаблюдать за ним.

Однообразное движение шара от одного конца контейнера к другому и обратно, казалось, было лишено всякого смысла. Деррин вытянул вниз руку и оглянулся на Клэйна, чтобы посмотреть, как тот отреагирует. Увидев, что Клэйн стоит безучастно, он ткнул пальцем в дно желоба, в то место, куда в этот момент подкатилась искрящаяся сфера.

Он ожидал, что палец будет отодвинут и сдавлен тяжелой металлической массой. Но... сфера проскользнула сквозь него. Пройдя сквозь палец, она покатилась дальше, не вызвав у Деррина никаких ощущений, не дав ему почувствовать присутствие какого-либо вещества. Впечатление было такое, словно ничего, кроме воздуха, в желобе не было.

Испытывая тошноту от непостижимой чужеродности шара, Деррин отпрянул в сторону.

— Что это? — вскричал он с отвращением.

— Вы неправильно сформулировали вопрос.— Лицо Клэйна осветилось слабой улыбкой.

Деррин удивленно посмотрел на него, потом вспомнил о своем военном воспитании.

— Для чего э т о предназначено?

— Сфера поглощает энергию любого вида, направленную на нее. Материю, с которой соприкасается, она превращает в энергию, а потом начинается этот процесс поглощения.

— Но мой палец эта штуковина ни во что не трансформировала.

— Пока сфера в контейнере, она безопасна. Возможно даже, существует какой-то предел поглощаемой ею энергии, хотя еще мне предстоит выяснить — какой именно. Но это как раз и позволяет мне надеяться, что можно произвести точные расчеты и применить ее с большой результативностью в борьбе с Чужими.

— Так вот как вы собираетесь побороть их...

Невероятно! Ему и в голову не могло прийти, что это сферическое тело — оружие. Он бросил изумленный взгляд на контейнер: не пытаются ли сделать из него дурака?

Деррин растерянно огляделся вокруг. Бронированный боевой корабль находился уже в трети мили отсюда. Здесь внизу, на лесной поляне, топталась дюжина военных. Непо-

далеку лежал небольшой летательный аппарат с открытой палубой, доставивший этих специалистов с их звездолета, оставшегося за десять миль от этого засекреченного места. Аппарат не был оснащен оружием, хотя доставил несколько вооруженных лучников и копьеносцев.

Лорд-советник начал понимать замысел Клэйна.

— Когда же атака? — спросил он.

— Прямо сейчас.

Деррин открыл было рот, чтобы выразить несогласие, но вдруг заметил, что серебристое сферическое тело исчезло из контейнера. Вздрогнув, он посмотрел вверх, да так и застыл. Сфера парила в воздухе над самой головой Клэйна, пританцовывая и трепеща, словно живое существо. От нее исходило какое-то невероятное свечение, не заметить его было невозможно. Сейчас сфера сияла ярче, чем находясь в контейнере. Она порхала над головой мутанта в унисон всем его движениям.

— Смотрите на корабль! — И Клэйн простер руку вверх, указывая на объект атаки.

Похоже, это было сигналом. Сфера внезапно рванулась ввысь со своего места над головой Клэйна, и через мгновение Деррин разглядел ее высоко в небе: мелькнула молния у темной туши огромного космолета. Последовала яркая вспышка — и сферическое тело вернулось на свою позицию над головой Клэйна.

Космолет-великан продолжал покачиваться в небе на невидимых «якорях», совершенно очевидно — оставшись без какого бы то ни было повреждения.

Деррин разочарованно пробормотал:

— Не сработало?

— Подождите...— усмехнулся Клэйн.— Возможно, будет контратака.

Наступила тишина, но длилась она недолго.

Вокруг мрачного силуэта корабля возникло кольцо взбунтовавшегося огня. Пылающее кольцо пробежало по всей боковой линии космолета от носа до хвоста, после чего на расстояние многих миль по лесному массиву прокатился тяжелый рокот. Рокот становился все громче и громче. В четверти мили от поляны, за кустарниковой порослью, поднялся ослепительно-яркий всплеск огня, за ним еще один на противоположной стороне.

В момент, когда их сильно тряхнуло, Деррин успел заметить, что сферы над головой Клэйна уже нет. Но когда он опять взглянул туда, сфера была на месте и возбужденно приплясывала, раскачиваясь и мерцая. Заметив, что Деррин сбит с толку, Клэйн пояснил:

— Им не удалось засечь наш пункт, поэтому они рассчитали кривизну и нанесли удары, с интервалами, по всей границе участка. Вопрос в том — заметили ли они, что на одной из линии контратаки взрывы не последовали? Надеюсь — не заметили.

Деррина взяло сомнение: мог ли противник точно рассчитать кривизну и занять правильную позицию для контрудара на этой линии при вмешательстве некоей магической «науки»? А сфера... сфера свое дело сделала — поглотила энергию атакующей силы.

Прошло пять минут, но Риссы больше не давали о себе знать. Подождали еще немного. К концу двадцатой минуты Клэйн с довольным видом сказал:

— Похоже, они удовлетворены своими действиями. А мы теперь, по крайней мере, знаем, что они — не сверхсущества... Возвращаемся! — И он направился к летательному аппарату.

Некоторое время аппарат медленно скользил под широко распростертыми кронами деревьев, затем развернулся в проходе между ними и направился в долину, где его дожидался большой замаскированный корабль. Когда он набрал скорость, Клэйн обратился к Деррину с просьбой:

— Мне бы хотелось взглянуть на ту захваченную лодку, которую Рахейнл прислал вам с Марса... Чем раньше мы начнем действовать, тем лучше. А отступления трудно будет избежать.

Деррин благосклонно выслушал его, размышляя о том, насколько же глубоко он связал себя. Вот и нанесен первый удар, благодаря новому, такому необычному и эффективному, оружию. Враг получил предупреждение и теперь должен понять, что агрессия получит отпор. Война начата, и обратного пути нет.

Он тихо спросил:

— Так когда вы планируете начать вторую атаку?

К счастью, вторгнувшийся в атмосферу Земли корабль приблизился к столице Линна не более чем на сто пятьдесят миль. Поэтому столице не выпала роль первой жертвы. Удар пришелся на другой крупный город — в центре страны.

Бомба была сброшена часов через двадцать после того, как Клэйн попытался с помощью сферы уничтожить пришельца. Прежде чем она упала на город, людей из него эвакуировали, остались лишь уличные патрули да еще мародеры, из-за которых и было необходимо присутствие патрулей. Руины утонули в плотной пелене дыма.

Прошло всего с полчаса после первого удара, и мощнейшей бомбой был уничтожен еще один город. Подобно грибу-поганке вверх бешено взвился отравленный дым, неодолимый и смертоносный. Третий город был поражен часом позже, а вскоре и четвертый. Затем наступило затишье, во время которого от корабля-гиганта отделилась группа небольших летательных аппаратов. Эти аппараты обследовали границы четырех обширных задымленных районов. Они пролетели мимо оказавшегося поблизости линнского патрульного катера, поддразнивая его и явно стремясь вызвать огонь на себя.

Когда Клэйну донесли об этом маневре, он отправил Деррину послание:

«Ваше высочество!

Нельзя не заметить, что наша вчерашняя атака нас несколько удивила. И сейчас они пытаются добиться, чтобы прицел нашего оружия переключился на них. Они надеются, что тогда им удастся определить мощность наших сил.

Я изучил машины, захваченные у них Рахейнлом, и счастлив доложить Вам, что только одна из них нуждается в ремонте, и то минимальном, так что мы сможем атаковать их уже завтра ночью.

С надеждой,

Клэйн».

Когда Клэйн ознакомился с характеристиками патрульного аппарата Чужих, перед ним встало много вопросов. Наблюдая за работой механизмов, он понял, что должен сосредоточиться на решении наиболее сложных из этих вопросов. Особенно его заинтересовало приспособление, соединенное с движущим устройством. Если бы у него было незанятое время, он занялся бы им вплотную.

Обе машины лежали бок о бок в одной из его подземных мастерских. Они были довольно простой конструкции и имели около пятидесяти футов в длину. Атомные двигатели отличались от аналогичных, используемых в линнских кораблях, только своей компактностью, а принцип их действия был тот же: блок обогащенного металла взрывался в камере двигателя под контролем приборов. Космолеты с подобными двигательными установками летали сквозь атмосферы планет на протяжении тысячелетий.

В день, когда должна была состояться атака, Деррин сразу после обеда прибыл на место военных действий. Он был бледен и взволнован.

— Уже семнадцать городов уничтожено,— сообщил лорд-советник Клэйну.— Они словно бросают нам вызов — делайте, мол, что хотите, посмотрим, на что вы способны.

Клэйн провел его в контрольную рубку только что отремонтированного трофейного аппарата.

— Я экспериментировал здесь с небольшим прибором, который контактирует с контрольным пунктом,— сказал он.— Вот посмотрите — у меня здесь карта...— Он нагнулся, показывая.— Отметьте на ней, где, по последним данным, находится объект атаки.

— Это нетрудно. Он дрейфует...

— Не говорите, не говорите мне! — резко остановил его Клэйн.

Деррин недоумевающе уставился на него.

— У меня есть кое-какие догадки насчет этого прибора...— пояснил Клэйн.— Прошу — сделайте нужную отметку, но мне не показывайте.

Деррин взял карту и обозначил на ней карандашом местонахождение корабля Риссов, стараясь сделать это как можно

точнее. Отступил назад и замер в ожидании. Клэйн тронул одну из кнопок, и в обширном пустом подземном помещении зарокотали двигатели, возникла слабая вибрация. Аппарат под ногами братьев медленно развернулся на вращающейся платформе и остановился, шум работающих моторов стих. Клэйн выпрямился.

— Сейчас носовая часть смотрит на северо-восток. Проведите на карте линию вот от этой пещеры в северо-восточном направлении.

Деррин молча начертил прямую. Нанесенная им на карту точка оказалась не далее, чем в миллиметре от нее.

— Не понимаю...— медленно проговорил он.— Разве аппарат з н а е т, где находится корабль-матка?

— Похоже на то. И притом его автоматическая наводка — очень высокой точности.

— Выходит — и базовый корабль всегда в курсе местонахождения аппарата?

Клэйн нахмурился.

— Возможно, хотя я не уверен. Обременительно держать под контролем сотни небольших аппаратов. А при нормальных условиях это вообще не нужно. И все же... каждая такая малая лодка, видимо, способна возвращаться на корабль-матку, где бы он ни находился.— Минуту помолчав, он добавил: — Я думаю, что если бы они знали, где находится этот аппарат, они приложили бы все усилия, чтобы заполучить его обратно.

Деррин встряхнул головой.

— Для нас важно, что мы можем засечь местоположение противника в любое время, когда есть в том необходимость.

Клэйн ничего не ответил на это замечание. Он внимательно изучил все представленные ему доклады, описывающие, как шлюп покидает свой базовый корабль и как возвращается в него. Складывалась общая концепция автоматического контроля и управления — новая и оригинальная. У него появилась надежда выиграть сражение.

Приближался час атаки.

Они ждали в укрытии, оборудованном в горе, пока не стемнело. Обо всем уже было переговорено ранее, и теперь они стояли молча, ожидая начала действий и прислушиваясь к доносившимся до них обрывкам фраз, которыми перебрасывались штабные позади них.

План начал осуществляться. Флот получил приказ приготовиться.

— Хе-ейло-оу!

Крик слетел с вершины горного пика. Деррин напрягся. Он подошел к брату и обнял его.

— Удачи! — пожелал он. Темнота скрыла его слезы.— И прости меня за все, что я сделал тебе плохого... или подумал...— Он отступил во мрак, где замерли в ожидании солдаты его охраны.

Захваченная у Риссов сфера работала без сбоев. Подобно

тени она взмыла вверх, вздрогнув, резко увеличила скорость и поднялась над горной вершиной. Почти сразу же они оказались в центре сражения.

Атака линнских кораблей — группами по сто машин — шла волнообразно. Корабли несли на своем борту экипажи смертников, выполняющих две важнейшие задачи. Первая заключалась в том, что, пикируя торпедоподобную громаду космолета Чужих, они должны были побудить врага задействовать все его оборонительные системы. Причем предполагалось, что Чужие не станут особенно беспокоиться из-за того, что сотни реактивных снарядов, каждый весом в несколько тысяч тонн, протаранят их лайнер. Вторая задача нападающих состояла в том, чтобы каждый экипаж успел покинуть свой корабль на малых спасательных судах за несколько секунд до контакта с космолетом Чужих. Теоретически главный расчет строился на том, что окружающее пространство будет густо заполнено спасательными шлюпками и благодаря этому противнику не удастся, скорее всего, приближение собственной, ранее захваченной линнцами, машины. А тогда будет запущена энергопоглощающая сфера Клэйна — она сможет оказать атакующим поддержку с любого направления.

Небо окрасилось вспышками яркого пламени. Тут и там горели и падали линнские корабли. Клэйн, однако, не увидел спасательных шлюпок, и его пронзила мысль о том, что линнцы, очевидно, не сумели спастись. Однако сделать уже ничего нельзя было, и оставалось только двигаться вперед.

Оглушительный грохот линнских кораблей, разбивающихся о бронированную обшивку космолета Риссов, стал почти непрерывным. Не оставалось никаких сомнений в том, что боевые системы противника оказались не в состоянии приспособиться к столь путанному и изощренному нападению.

Клэйн лихорадочно обдумывал дальнейшие действия. Его беспокоило, что не оставалось времени подобраться поближе к космолету. И вдруг ему доложили о новой, неожиданной возможности успешно одолеть врага... Он-то считал само собой разумеющимся, что космолет-гигант без особого труда, даже не покидая своей позиции и невзирая на серьезные повреждения, отобьет нападение линнцев. А тут обнаружилось нечто такое, что давало надежду.

Стоявший за его спиной один из командиров тихо доложил:

— Ваша честь, я вижу отверстие.

Клэйн посмотрел, куда показывал офицер, и похолодел: отверстие было прямо перед их глазами. Ошибки быть не могло — тот самый аппарат Риссов, на который делалась ставка, был нацелен носом на космолет. Еще немного — и он будет втянут в него... Вполне вероятно, автоматический контрольный прибор этой небольшой машины активизировал люк в космолете-матке. Так значит — теперь они смогут беспрепятственно проникнуть внутрь космолета? Интересно... Он рассчитывал, что будет по-другому: удастся проломить вход с помощью компактной бомбы,— и сейчас ему казалось, что предпочел бы именно это.

Так как же быть? Была ли то ловушка, устроенная Чужими, или же процесс настолько автоматизирован, что никто и внимания не обратит на Клэйна и его людей?

Нет, он должен воспользоваться предоставляющимся шансом. Только бы космолет не пришел в движение... Это было бы чудовищно!

...Свет, тускло льющийся из надвигающегося воздушного шлюза, прорезал обманчивый полумрак. Клэйн прикинул в уме: шлюзовая камера все еще далеко — на расстоянии более ста футов. Вдруг раздался щелчок, полет аппарата резко замедлился. Стали хорошо видны нечеткие движения уныло-серых стен, скользнувших в стороны. Перегородки снова поползли, закрывая проход за ними, а впереди заскользила, открываясь, следующая система. И небольшой аппарат, на борту которого был лорд Клэйн со своим окружением, оказался плавно втянутым в нутро космолета Чужих.

Деррин ждал известий о брате в походной штаб-квартире, где нашла убежище и его семья.

— Они по-прежнему там внутри,— кратко доложил старший офицер связи.

После почти восемнадцати часов сражения реальная ситуация напоминала приведение в исполнение смертного приговора. Деррин во всем винил себя самого.

— Мне не следовало разрешать ему лететь,— сказал он Лилидель о Клэйне.— Это недопустимо — чтобы член нашей семьи непосредственно участвовал в штурме.

Лорд-советник умолчал о том, что сам принимал личное участие более чем в ста прямых атаках. Не поделился с женой и другой мыслью: только человек, контролирующий энергетическую сферу, может провести штурм по той схеме, с которой Клэйн ознакомил его заранее. Таким человеком был его брат.

Деррин мерял шагами пол штабного помещения, поглощенный своими думами, и прошло несколько минут, прежде чем он заметил, что у Лилидель на этот раз не нашлось, что сказать. Он поглядывал на жену, отмечая про себя с недоброй иронией, что она и те, кто стоит за нею, не удовлетворены развитием событий.

— Дорогая,— снова обратился он к ней,— если Клэйн потерпит поражение, это будет иметь последствия для всей страны. Оно станет началом, а не концом наших бедствий.

Она опять не ответила. Деррин понял, что в данный тяжелый момент она не в состоянии адекватно оценить весь клубок проблем. У нее были собственные интересы — интересы матери и интересы агента определенной группы людей с положением, стремящихся через нее влиять на дела управления. Он вспомнил, какой выбор сделала старая леди Лидия, его бабушка, чтобы убедить своего стареющего мужа в том, что *ее* сын должен унаследовать Линн...

«Мне необходимо быть абсолютно уверенным,— думал Деррин,— что вопрос преемственности власти не отдан на откуп

Лилидель. Придется, видимо, больше уделять внимания детям, а не полагаться во всем только на нее. До сих пор она одна управлялась с ними — нехорошо. Это в первую очередь относится к Кэлэджу, старшему сыну».

Он снова взглянул на жену. Сказать ли ей, что если Клэйн останется жив, то наберет достаточно силы, чтобы принять на себя руководство Линном? Нет, не стоит. Во-первых, она может не поверить его словам, а во-вторых, это не была бы полная правда. Правительство в какой-то степени заинтересовано в сотрудничестве всех влиятельных сил, однако существуют факторы, неблагоприятные для Клэйна,— к счастью, он о них знает.

Регулярные встречи братьев сделали возможным дружеское сотрудничество. Деррин не сомневался, что в сложившихся грозных условиях он сможет в скором времени изменить в лучшую сторону направленность политических тенденций в Линне.

«Надо побыстрее составить завещание. Если что-то со мной случится, если я умру — анархии не должно быть...»

Эта мысль не давала ему покоя. Уже второй раз за год бедствие поражало самое сердце Империи. То явился Чиннар, варвар, а сейчас — космолет-агрессор... Он уже видел ручейки беженцев, вытекавшие из-под черной дымящейся завесы, что плотно окутывала города, подвергшиеся бомбардировкам еще до того, как закончилась эвакуация населения. Его выводило из равновесия несоответствие собственной реальной роли разразившейся колоссальной катастрофе. Оно-то, это несоответствие, и заставило его принять крутые меры.

— Я отказываюсь верить, что Клэйн потерпел поражение.— Он говорил с явным усилием.— Если это произойдет — все для нас потеряно. Я не зря придаю такое значение его действиям при теперешнем кризисе. Он один может не допустить беды еще худшей — когда в ход пойдет атомная энергия. Если он остался жив, я выполню все, что следует...

И Деррин стал подробно рассказывать о завещании, которое собирался написать немедленно. Лилидель слушала его с широко раскрытыми глазами, чувствуя, как ее охватывает бешенство. Лицо ее исказилось.

— Да ты сошел с ума! — выдохнула она наконец.— Неужели ты это серьезно? Лишить наследства сына?!

Он не отвел взгляда от ее глаз. Холодно усмехнулся.

— Дорогая, как мне хочется, чтобы ты поняла одну вещь... ты и те, кто на тебя рассчитывает. Отныне и навсегда. До тех пор пока я остаюсь лордом-советником, наше государство не будет рассматриваться как собственность, которую автоматически наследуют мои дети. Сейчас еще слишком рано решать, обладает ли Кэлэдж необходимыми для лидера качествами. Он юноша чрезвычайно эмоциональный и слишком часто поступает своевольно — это очевидно. И я не вижу основательности в его поступках, нет у него серьезности, как у Клэйна или у Тьюса... да и у твоего мужа,— чего скромничать.

Лицо Лилидель смягчилось. Она с улыбкой подошла к нему.

— У тебя усталый вид, милый! А все кризис... Пожалуйста,

обдумай все, тебе нельзя поступать опрометчиво, особенно сейчас, когда мы боремся. Я принесу тебе чай, покрепче,— заварю, как ты любишь.

Она принесла напиток, сжимая чашку дрожащими пальцами, и тут же ушла, скрывая слезы.

Чай показался Деррину необычайно горьким, даже на его вкус, однако он все же отпил немного, машинально, перед тем как приступить к диктовке завещания и письма Клэйну. До его сознания начало доходить, что слишком уж многое он считал прежде само собой разумеющимся. Настроение его продолжало падать, им овладела тяжелая угрюмость. Он скрепил печатью обе бумаги и положил их поверх стопки наиболее важных документов. Его почему-то слегка трясло, навалилась дикая усталость, очевидно, сказалось сильное напряжение нескольких последних дней. Подумав об этом, он отпустил секретаря и лег на походную раскладушку, стоявшую у окна.

Прошло около двадцати минут, когда дверь тихо отворилась, настолько тихо, что он не проснулся. Это была Лилидель. Она забрала чашку, в которой еще оставался чай, и на цыпочках вышла.

А еще через час дверь резко распахнулась, и в кабинет торопливо вбежал штабной офицер.

— Ваше высочество,— задыхаясь, воскликнул он,— корабль Чужих над лагерем!

Вытянувшаяся на раскладушке худая фигура, облаченная в форму, не пошевелилась...

Аппарат замер внутри вражеского корабля, и через несколько мгновений Клэйн увидел, что его прочно удерживает некое подобие футляра. Нос лодки и половина ее корпуса были зажаты этой «колыбелью», как тисками. Вокруг стояли похожие небольшие машины, закрепленные подобным же образом.

Несомненно, аппарат был автоматически втянут в специально ему предназначенное гнездо-отделение. Но успели ли в рубке управления корабля-матки заметить, что только что прибывшая спасательная лодка — одна из захваченных людьми на Марсе? Пока, в эти первые, жизненно важные минуты, не было никаких признаков, что присутствие людей засекли.

Там, где заканчивался каркасный футляр — своеобразная оболочка «голубиного гнезда»,— виднелись высокие ступени. Клэйн со своей группой поднялся по ним наверх. Они попали в пустой коридор. Здесь Клэйн остановился и, поколебавшись, глубоко вздохнув, отправил сферу со смертельной миссией вдоль коридора.

Празднично сверкнув, сфера пролетела в глубь коридора, но тут же вернулась. Потом опять исчезла из виду и снова вернулась. Появившись в третий раз, она сверкнула как зигзаг молнии и пропала, как прежде. Наконец она появилась — измененной, как бы «насыщенной».

Ни одного живого существа они на корабле не обнаружили. Несколько часов бродили они по пустым отсекам разных уровней,

пока окончательно убедились, что всего за несколько секунд громадный корабль оказался в их власти. Это произошло совсем просто: сфера всосала в себя все чужеродные существа, находившиеся на борту корабля. Клэйн, как только убедился в этом, направился в обширное помещение контрольной рубки.

Он попал туда как раз вовремя, чтобы стать свидетелем странного материального явления: огромная стеклянная плита, остававшаяся все время неосвещенной и беззвучной, как только он ступил на порог рубки — внезапно вся заискрилась световыми бликами и стала издавать беспорядочные звуки, не имеющие никакого смысла. Клэйн зашел за барьер и стал с тревогой ждать, что будет дальше. Сфера размеренно покачивалась над его головой.

Световые блики на плоской плите уплотнились. Неясные вначале, они, постепенно сливаясь, обрели отчетливую форму. Клэйн был поражен: фигура, возникшая на экране, принадлежала к тому же виду, что и монстр, доставленный Чиннаром с Европы. Странные очертания этого существа на плите завораживали его.

Взгляд существа, возникшего где-то в глубине матовой плиты, блуждал по всему помещению, и прошла целая минута, прежде чем он уперся в Клэйна. Существо что-то произнесло, испустив длинную серию непонятных звуков низкого тона, и вслед за этим из смутной пелены за его спиной возникли еще две подобные фигуры и тоже стали шарить глазами по рубке.

Одно из существ сделало жест, без сомнения означающий команду, и что-то проревело. Раздался щелчок, и экран погас. Несколько секунд звуки еще исходили от экрана, потом все смолкло.

Клэйн рискнул осторожно пройти в глубь рубки. Он силился постичь умом то, что видел, и проанализировать. Так... Изображения живых Чужих сфокусировались на светящуюся плоскость откуда-то издалека. Трудно было осознать, как это происходит, но у него зародилась слабая догадка: видимо, об уничтожении сферой экипажа корабля, достигшего Земли, узнали Чужие, находящиеся на своей планете. Ему пришлось сделать еще одно мыслительное усилие, чтобы постичь вероятность того, что связь может устанавливаться и другими средствами, а не только дымовыми сигналами и световыми вспышками размещенных в стратегических пунктах зеркал и спутников связи. Появление на плите-экране изображения говорило о том, что такой способ связи может осуществляться не только на поверхности планеты, но и через невероятную бездну космического пространства между звездами.

Это меняло все представления о борьбе с Чужими и заставляло по-другому оценить захват корабля. При таком уровне связи эта маленькая победа практически мало что значила. Чужие теперь знают, что оборонительные силы Солнечной системы потерпели неудачу в защите своих городов. Может, они и озадачены захватом своего корабля, однако сомнительно, чтобы их это серьезно обеспокоило. То, что начал один корабль, целому

флоту, по всей вероятности, не трудно завершить. Наверное, такой вывод они и сделали, подумал Клэйн. Оборонительные резервы Солнечной системы ограниченны, а разрушительный потенциал мощных вражеских звездолетов велик. Да, Чужим ничего не стоит разнести в пыль все объекты, которые им вздумается выбрать для нападения.

Таинственность и многозначительность визуальной встречи с Чужими не давали мутанту покоя. Он стал дотошно изучать систему управления космолета-гиганта. Прошло почти четыре часа, прежде чем к нему наконец пришла уверенность, что он сможет управлять полетом корабля в атмосфере. Однако он разобрался не во всех функциях сложнейшего пульта управления. Требовалось время и немалый труд, чтобы научиться полностью контролировать работу космолета-пришельца.

Клэйн направил корабль в район расположения штаб-квартиры лорда-советника. Приземлился он в спасательном шлюпе, который был украшен победоносно развевающимися флагами Линна. Через несколько минут после приземления он был допущен в кабинет, где полчаса назад был обнаружен мертвый Деррин.

Лорд Клэйн тщательно осмотрел тело умершего брата. У него зародилось подозрение, что Деррина отравили. Потом подозрение перешло в уверенность. Он потрясенно отступил от раскладной постели, на которой был распростерт его брат, и внимательно огляделся, пытаясь понять, что произошло.

В одночасье овдовевшая Лилидель, стоя на коленях, горестно обнимала мертвого мужа. В ее позе была какая-то нарочитость, неестественность, она выглядела больше взволнованной, чем опечаленной. Она не плакала. Взгляд ее сузившихся глаз заставил Клэйна насторожиться. Он понял, что что-то тут не так. Выразительная сцена вызвала у него интерес. Он вспомнил, что располагает множеством докладов-свидетельств о том, что определенная группа власть имущих использует эту женщину, чтобы оказать влияние на Деррина, и что он порывался предупредить брата об этом, раскрыть ему глаза, да все не было подходящего случая.

Он очнулся от этих мыслей, только когда перед ним встал образ невежды Кэлэджа, старшего сына Лилидель. Сердце его затрепетало — он ясно представил все последствия случившегося с Дерриком. Мелькнуло видение: Кэлэдж уже на пути в Голомб, небольшой городок недалеко от столицы, куда был переведен Патронат наряду с департаментами правительства... Если сторонникам Лилидель — а к ним как раз и относилось значительное число попечителей,— было послано опережающее предупреждение, то они, возможно, воспользуются моментом, чтобы провозгласить мальчишку лордом-советником.

Вот где главная опасность... Может развернуться кровавая борьба за власть. Если не принять срочных мер, начнут распространяться слухи о том, что Деррин умер не естественной смертью, а был умерщвлен. Подозрение может пасть на вдову

или даже на него самого. А его соратники, которые из уважения к нему были вынуждены считаться с благородным Деррином, наверняка откажутся признать правителем семнадцатилетнего юнца, незаслуженно вознесенного на вершину власти их недругами. Вот тогда гражданская война станет реальностью...

Секретарь Деррина, генерал Марак — тайный сторонник Клэйна,— коснувшись его локтя, прошептал ему на ухо:

— Ваша честь, здесь у меня копии документов чрезвычайной важности. Однако я не могу ручаться, что оригиналы еще на месте.

Клэйн зачитал присутствующим последнюю волю своего старшего брата. Затем он прочел вслух и его личное письмо к нему, в котором самыми значимыми для всех были слова: «Я вверяю судьбу моих детей и дорогой жены вашим заботам».

Клэйн обернулся, чтобы взглянуть на вдову, и встретился с ней взглядом. Он успел заметить ненависть в ее глазах, хотя она тут же их опустила и после этого больше ничем не выдала своих чувств. Он убедился, что его появление здесь было для нее неожиданным.

Надо было действовать незамедлительно, а он все еще колебался. С чего же начать?.. Он оглядел высокопоставленных офицеров, стоящих у смертного одра. Это были преданные Деррину люди. На ком из них остановить выбор?.. В его сознании снова развернулась широкая панорама далеко идущих событий, которые должны последовать за несчастьем, происшедшим в этом временном кабинете его брата. Катастрофа может выйти далеко за пределы планеты. Он представил, как могущественный космический флот Риссов направляется с далекой звезды на захват линнского исследовательского корабля. Страшно подумать, что будет дальше. Настоящая цель завоевателей, возможно, состоит в том, чтобы вообще уничтожить цивилизацию в Солнечной системе — всю, до последнего человека, и овладеть принадлежащими людям планетами, пользуясь тем, что люди изничтожают друг друга из-за каких-то мест в правительстве и у кормила власти.

Клэйн сложил вчетверо оба документа и слегка дрожащими пальцами сунул их в карман. Стоя перед мертвым братом, слишком поздно ставшим ему другом, он испытывал неловкость из-за того, что был полностью обо всем осведомлен, но не мог показать этого окружающим. Именно это его знание того, что так тщательно скрывалось, побуждало его экстренно предпринять нужные шаги. «Я должен попытаться заполучить оригиналы завещания и письма Деррина — не исключено, что эти документы когда-то сослужат мне службу»,— думал он.

Как противно: приходится скрывать, что он знает правду. Лицо его приняло ожесточенное выражение. Ему было не по себе от того, что он видел. Однако и за пределами Линна мир был не лучше. В его сознании возникали сложнейшие взаимопроникающие ассоциации — плоды прямого предвидения и чуткой, восприимчивой памяти. То, что он наблюдал сейчас,

и все, чему он был свидетелем раньше, перемешалось, одни факты накладывались на другие... Он припомнил собственные тайные действия против врагов и радость, какую не раз приносил ему удачный политический ход. Но снизошедшая сейчас на него проницательность подсказывала, что все это было лишь детской забавой по сравнению с тем, что ему еще предстоит.

Губы его шевельнулись.

— Любимый брат, мне стыдно — я знал достаточно для того, чтобы знать лучше,— сказал он едва слышно, тише собственного дыхания.

Ему подумалось, что Деррин как человек был гораздо выше, чем он сам. Деррин всегда с презрением относился к политике и политиканам, а когда война стала неизбежной, выбрал для себя тяжкую долю военного.

«Ну хоть что-нибудь я могу сделать?» Этот вопрос постоянно пульсировал у Клэйна в голове, подобно тому, как нож вибрирует в плоти, бьющейся в конвульсиях. Это сравнение навело его на мысль, что теперь он больше поддается эмоциям, чем раньше. Все дело в том, что он столкнулся с обстоятельствами, какие Деррин едва ли мог себе представить. Он стоял перед выбором: брать или не брать власть в свои руки. Взять ее не составит большого труда, стоит только захотеть. И никакие интриги и козни Лилидель с приспешниками, даже если они применят силу, не могут помешать ему. Если отбросить излишнюю скромность — кто как не он является подлинным человеком науки в Линне?.. Есть у него и другие заслуги... И потом, едва ли ему следует ждать, пока кто-нибудь еще, кроме него, подобающим образом оценит размеры все расширяющейся угрозы. Во всяком случае, эта продажная, легкомысленная женщина и те, кто с нею в сговоре,— не способны.

Как только он в очередной раз подумал о Лилидель, его внезапно охватил гнев. Он повернулся и кивнул генералу Мараку. Когда тот подошел, Клэйн шепнул ему:

— Советую вам уйти сейчас вместе со мной. В противном случае я не ручаюсь за жизнь человека, который знает, что содержится в этих документах.— Он похлопал по карману своего одеяния, где лежали копии завещания Деррина и его письма брату.

Он не сказал генералу, что кончина лорда-советника — результат подлой интриги.

Ни с кем не простившись, Клэйн покинул штаб-квартиру, и с ним генерал Марак. Теперь надо было удержать наиболее ревностных сторонников Клэйна от захвата власти его именем. Обладатель самого совершенного, сферического оружия думал о том, как спасти мир, почти уже одуревший от коррупции и злоупотреблений.

Через несколько часов он уже был в своем поместье. Встретил его начальник охраны.

— Ваша честь,— сообщил он взволнованно,— сфера похищена, вместе с контейнером.

— Пропала сфера?! — Клэйн не мог опомниться от этой новости, чувствуя себя так, словно его ударили увесистой свинчаткой.

Спустя несколько минут он получил полный отчет о случившемся. Судя по всему, караул, охранявший сферу, подвергся нападению крупного отряда, находившегося в засаде.

Капитан, делавший доклад, рассказал, что караул, дежуривший тогда, весь погиб:

— Я увидел, что они не вернулись в срок по расписанию, и сам начал расследование. Мы обнаружили их тела на дне каньона.

Анализируя характер преступления, Клэйн лихорадочно соображал, кто мог его организовать. Очень скоро его мысли сфокусировались на одном-единственном человеке.

— Чиннар! — воскликнул он вне себя от ярости.

Потерпев несколько месяцев назад поражение от руки лорда Клэйна, Чиннар не считал, что это полный разгром. Прежде чем отдать армии приказ о капитуляции, этот стратег, имеющий славу великолепного мастера логических умозаключений, проанализировал весь расклад военных сил, что и определило его расчеты.

Самое худшее позади, понял он, и сразу его не убьют, а, скорее всего, будут держать под стражей, пока не подвергнут публичной казни. Его воины, разумеется, будут проданы в рабство, если только он не сумеет убедить лорда Клэйна, что вооруженные силы варваров могут оказаться для него полезными и что ему выгоднее иметь единую армию.

Чиннар не ошибся в своих предположениях. Клэйн перебросил войска варваров вместе с остатками сокрушенных мятежных формирований рабов в горный район, оборонять который было нетрудно. Обладая непобедимой энергетической сферой, мутант полагал, что надежно держит ситуацию в своих руках. Чиннара он заподозрил, и вполне справедливо, в том, что тот сохранил некоторое количество боевых кораблей в открытом космосе, чтобы позже попытаться установить с ними контакт.

— Вы, конечно, можете вернуться на свою планету на этих кораблях,— сказал он лидеру варваров.— Но я предупреждаю: не предпринимай ничего, пока я не позволю. И знай — мне легко разыскать тебя в любом месте, где бы ты ни находился, и в любое время наказать.

Чиннар в этом не сомневался, да у него и не было желания возвращаться на Европу. Здесь происходили события исторического значения, и он предпочитал оставаться в их эпицентре. Он смело взялся за приготовления.

Часть кораблей была переоборудована, с тем чтобы их можно было использовать для набегов. Все шло как надо, только среди вновь набранных экипажей поднялся ропот недовольства — они не хотели сбривать бороды, как им было приказано. Однако их командующий остался непреклонным. Под прикрытием ночной темноты корабли по одному приземлялись в

тщательно выбранных пунктах, наиболее отдаленных от Линна. Из кораблей высаживали десант — бритых людей, одетых как простые линнцы. Прибывшие убивали только мужское население, а рабов уничтожали точно так же, как линнских мужчин. В течение многих месяцев они делали запасы для варваров — зерна, мяса, фруктов и овощей, а также металлов и древесины, в которых всегда нуждается любая армия.

Сдавшихся в плен Клэйн велел обеспечивать минимальным пайком, который мог лишь поддерживать существование. Но им и того было довольно — отъедались всего за неделю. От костров в горах далеко разносился соблазнительный запах жареного мяса. Через несколько недель у каждого такого очага появились женщины, взявшие на себя обязанность поддерживать постоянный огонь. Чиннар издал приказ, согласно которому в лагерь могли доставляться только рабыни, а женщины Линна, захваченные по ошибке при налете, подлежали уничтожению. Все согласились, что приказ мудрый, и тем не менее не была уничтожена ни одна из этих женщин. Линнские женщины, зная, какая участь их ждет, выдавали себя за рабынь. В итоге сама угроза кровавой расправы сослужила службу, и огромный лагерь, который при других обстоятельствах, вероятно, был бы в крайней степени дезорганизованным, на протяжении долгого времени оставался на высоком уровне дееспособности.

Эти грабительские налеты, из-за нарушивших обычную жизнь Линна событий — нашествия варваров и затем вторжения космического лайнера Чужих,— прошли в стране почти незамеченными. Никто не догадывался, кто их подготовил и осуществил.

С прилетом космолета Чужих набеги на населенные пункты стали более дерзкими. Теперь корабли варваров нередко и в дневное время приземлялись в окрестностях городов. Налетчики без труда проникали в города, минуя охрану. Вся информация, доставляемая ими из многочисленных широко разбросанных поселений, стекалась к Чиннару, одному из самых острых военных умов эпохи. Лазутчики старались не упустить ни одной мелочи, и Чиннар был в курсе абсолютно всех планов линнской стороны. Знал он и о готовящемся захвате космолета-пришельца. Постепенно он получил полное представление обо всем, что делалось в Империи, о том, что волновало линнцев.

Чиннар лично возглавил группу, которой дал задание во что бы то ни стало завладеть энергетической сферой Клэйна. Они знали, где находится похожая на гроб конструкция, служившая контейнером сфере, и в ночь перед похищением залегли в засаде на расстоянии полета стрелы от этого места. Как только выпущенная из контейнера сфера исчезла во мраке, группа варваров перебила всю охрану — с полсотни солдат. Та ночь огласилась жуткими воплями окровавленного караула, который был захвачен врасплох и не мог устоять перед варварами, превосходившими его числом. Варвары тут же избавились от трупов, сбросив их с ближайшего утеса в каньон, и, сбившись в кучу, стали дожидаться возвращения сферы.

Она появилась неожиданно. Еще мгновение назад была полная тьма, и вдруг возник этот светящийся шар... Чиннар боязливо смотрел, как шар равномерно перекатывался взад-вперед в своем лежбище. Только сейчас, когда он видел его, он осознал, какая разрушительная сила заключена в нем.

— Принесите телескоп! — приказал он.— Пока ждем утра, я хочу глянуть, что у этой штуковины внутри.

Он заранее припас телескоп. Это была одна из его новых идей — провести изучение энергетического чуда с его помощью.

Два воина просунули длинную узкую трубу телескопа под внешнюю «шкуру» сферы и начали двигаться размеренным шагом в такт ее перекатыванию в желобе. Самая большая трудность была в том, чтобы соблюдать синхронность. Чиннар шагал за телескопом, припав одним глазом к окуляру и стараясь приноровиться к последовательно чередующимся движениям сферы.

Первое впечатление сбило его с толку — он ожидал совсем не то увидеть. Глаза его устали от напряженного разглядывания, и он сбился с ритма. Дав им несколько секунд отдохнуть, он вновь взглянул в окуляр. И опять изумление овладело им. Он отказывался верить глазам. Невероятное количество звезд... Вселенная... В панике он отступил назад, пытаясь постичь умом фантастическую и в то же время реальную картину, открывшуюся его взору. Затем снова настроился на заданный движением сферы темп и вгляделся пристальнее. Когда же снова выпрямился, он мог уже, казалось ему, как-то объяснить увиденное. Сфера эта — по-видимому, «дыра» в космическом пространстве... Он озадаченно наблюдал за трепещущим шаром, все так же перекатывающимся из одной стороны в другую. Может ли это зыбкое нечто служить отверстием или проходом в иной мир?.. Но каким образом осуществляется эта его функция? Вот над чем придется поломать голову, думал Чиннар.

Он жестом приказал солдатам вынуть телескоп из сферы и, когда это было выполнено, ткнул пальцем в ее оболочку. Палец ушел в глубь оболочки, но он ничего не почувствовал. Не было даже малейшего сопротивления. Лишь кончик пальца слегка припух, и он вспомнил, что рассказывали рудокопы с астероидов: в космосе не было холодно, однако приходилось все время носить специальный костюм. Это было жизненно важно, потому что костюм позволял сохранять неизменным давление воздуха на тело. Недостаток давления и мог вызвать у пальца незначительную припухлость. Поразительно — палец просунулся в никуда, в вакуум! Чиннар задумчиво отошел от сферы и присел на камень.

Небо на востоке начало светлеть, а он по-прежнему сидел на камне, поглощенный своими мыслями, и все не отдавал приказа отходить, которого ждали его воины. Он переменил свое решение: предпочел предоставить Клэйну возможность применить сферу против чужаков.

Когда солнце медленно выползло из-за зубчатой линии го-

ризонта, он с живостью поднялся: сфера вместе с контейнером была уже доставлена на корабль, где ее ждали, и команда его лодки получила необходимые инструкции — вырваться за пределы атмосферы и занять позицию на орбите Земли. Теперь это можно было сделать.

Чиннар хорошо помнил, что лорд Клэйн был вынужден самолично отправиться в Линн, чтобы опробовать сферу. Он располагал сведениями о том, что после всякого использования сферы ее нужно доставлять ближе к объекту поражения.

Итак, у него в руках было самое мощное оружие из всех когда-либо изобретенных... Почему же он не чувствует удовлетворения? Он мерял и мерял шагами комнату, служившую ему штаб-квартирой, без конца перебирая в уме все вехи своей неспокойной жизни. Прошли годы с тех пор, как он открыл для себя главный секрет успеха и силы, но даже сейчас путь к власти не завершен, и это мешало ему чувствовать себя совершенно свободным в своих поступках.

Дверь кабинета часто открывалась — приходили разные люди, в основном разведчики и курьеры с донесениями. Новости следовали одна за другой. Захвачен линнцами космолет Риссов. Умер лорд-советник. Клэйн отказался воспользоваться кончиной брата для взятия власти и категорически рекомендовал своим сторонникам не оказывать сопротивления в случае, если правителем будет провозглашен его племянник Кэлэдж...

Когда офицер, доставивший последнее донесение, ушел, Чиннар встряхнул головой. Его радовало, что наконец-то, впервые за эти несколько последних месяцев, напряжение в его жизни начинает спадать. Клэйн... Почему он так повел себя? Лично он в такой благоприятный момент не смог бы отказаться от главного поста в государстве. Трудно себе представить мотивы такого поведения. Впрочем, действительность ведь часто выглядит непостижимой для человеческого разума.

Случившееся поколебало его решимость. Он намеревался захватить космолет-гигант, которым завладел Клэйн. Предполагалось, что это произойдет, когда Клэйна не будет на борту космолета. Все уже для этого подготовлено. Но... нет, сейчас он не может отдать решающий приказ.

...На шестой день после смерти Деррина к Чиннару прибыл посланник лорда Клэйна и передал его повеление явиться на борт захваченного у Чужих космолета. Чиннар заподозрил самое худшее, но выбирать не приходилось — открытое сопротивление было невозможно.

В назначенный час он прибыл с несколькими офицерами в поместье лорда Клэйна, эскортируемый мощной патрульной лодкой. Не успели они высадиться, как космолет-гигант уже снова безмятежно парил высоко в небе.

Вокруг лениво бродили несколько охранников. Ничто не говорило о присутствии крупных военных отрядов, какие формируют для защиты боевых кораблей от массированной атаки с воздуха. Взглянув вверх, Чиннар увидел, что в корпусе космо-

лета открыто несколько дюжин воздушных шлюзов. Можно было разглядеть слабое, но постоянное движение от одних отверстий к другим. Об этом ему в подробностях рассказывали разведчики, но сейчас такое состояние корабля поставило его в еще больший тупик, чем раньше. Корабль казался беспомощным, открытым для нападения. Трудно было поверить, что Клэйн столь беспечен — космолет казался преступно незащищенным. Лидер варваров мысленно уже клял себя за то, что не воспользовался военным преимуществом и оставил Клэйну пользоваться трофейным космолетом. Впервые за свою неуклонно восходящую карьеру он упустил предоставленный судьбой шанс. Им овладело предчувствие надвигающейся беды.

Прищурившись, он смотрел, как к нему идет один из офицеров Клэйна. Приблизившись, офицер с холодной чопорностью отдал салют свите Чиннара, затем поклонился ему.

— Ваша честь, прошу вас с вашими людьми следовать за мной.

Чиннар ожидал, что его поведут к резиденции Клэйна,— она виднелась за низким холмом примерно в трети мили к югу,— но линнский офицер шагал к небольшому каменному зданию, наполовину скрытому густым подлеском. У здания он еще раз отдал салют и поклонился.

— Если вы войдете внутрь поочередно, один за другим,— сказал он,— тогда машина, что там находится, сможет сделать...— он замешкался, подбирая нужные слова,— короче... сделает фотографию каждого.— И поспешно добавил: — Лорд Клэйн попросил меня передать, что это важно для вас, в противном случае невозможно будет доставить вас на нашу «Солнечную Звезду».

Чиннар промолчал. Он не позволил себе даже задуматься о том, что сказал офицер Клэйна. Жестом показал своей свите, что все должны пройти до него, а сам с любопытством стал наблюдать, как его люди по одному исчезали за дверью дома, а через несколько минут вновь выходили через нее наружу. Он не расспрашивал их — они должны были бы сами сказать ему в двух словах, в чем дело, но почему-то не говорили.

Наконец настал его черед. Он неторопливо вошел в дверь и оказался в комнате, где не было никакой мебели, за исключением стола и стула. На столе стоял какой-то прибор. На стуле сидел офицер, который, как только Чиннар вошел, встал и поклонился.

Чиннар ответил на приветствие и с любопытством стал разглядывать прибор. Тот выглядел так, словно был оторван от своего металлического футляра. В местах, где были соединения с лампами, металл был оплавлен. Он перевел взгляд на кончик переходника и задумался. Главным в приборе, показалось ему, была, похожая на телескопическую, трубка, заканчивающаяся насадкой с линзами. Он повернулся к офицеру.

— Для чего это?

— Как говорит лорд Клэйн,— вежливо ответил тот,— машина делает фотографии, сэр.

— Но ведь «фотография» заменяет у вас другое слово — «портрет», не так ли? — сказал Чиннар.— Ты имеешь в виду — машина сделала мой портрет? Но тогда где же он?

Щеки офицера порозовели.

— Ваша честь, я больше ничего не знаю! — признался он.— Лорд Клэйн сказал мне, чтобы я отсылал к нему всех, кто будет расспрашивать о машине.— И подчеркнуто добавил: — Я полагаю, что он ждет вас теперь, поскольку вы уже прошли через *это*.

Чиннар настаивал на своем:

— Я не видел, чтобы ты что-то делал.

— Она автоматическая, сэр, и фотографирует всякого, кто перед ней стоит.

— Но если такая фотография,— продолжал допытываться Чиннар,— необходима, чтобы попасть на космолет, то каким же образом, скажите, лорд Клэйн со своими приближенными смогли на него проникнуть и захватить его, хотя их фотографии не были сделаны?

Вопрос был риторический. Он понимал это и не особенно вслушивался в объяснения. Не сказав больше ни слова, вышел из здания и последовал за офицером, приведшим его сюда, к большой подъемной лодке, что в данный момент приземлялась в полусотне футов от них.

Через несколько минут их вознесло к одному из шлюзовых отверстий космолета. Подъемный аппарат проскользнул внутрь космолета и мягко вошел в свое гнездо. Покинув вместе с офицерами подъемник, Чиннар увидел двойной ряд охранников. Выстроенные для встречи, они оказались у него за спиной, явно демонстрируя этим уровень оказываемых почестей. Он двинулся по коридору к огромной двери. Открыв дверь и переступив порог помещения, он удивленно воззрился на внушительных размеров виселицу у дальней стены. Невольно остановился, но быстро взял себя в руки и с невозмутимым видом прошел вперед. Подойдя к виселице, он присел на нижнюю ступеньку помоста, достал блокнот и стал писать прощальное письмо. Он еще продолжал писать, когда краем глаза увидел, что вошел Клэйн. Тогда он встал и поклонился молодому лорду, такому хрупкому на вид.

Клэйн, приблизившись, посмотрел ему в глаза и сказал:

— Чиннар, у тебя только один выбор — вернуть сферу или быть повешенным.

— Сферу? — выдавил наконец из себя варвар, стараясь, чтобы в вопросе как можно заметнее прозвучало изумление. Надо было выиграть время — слишком серьезная угроза нависла над ним.

Клэйн сделал нетерпеливый жест. Он едва сдержался, чтобы не разразиться гневной тирадой.

— Чиннар,— медленно произнес он,— ты за последние месяцы много сделал, умело организовал войска... Я даже решил уже привлечь тебя к участию в нашем главном предприятии...

Лидер варваров снова поклонился. Однако при столь откровенном намеке на то, что лорду известна его активность, бросил на него быстрый взгляд. Чиннар ни недооценивал, ни переоценивал этот факт. Он понимал, в чем сила и в чем слабость Клэйна. Хуже всего было то, что Клэйн слишком зависел от собственных склонностей. Он полагался на благожелательность людей, имевших самое поверхностное представление о сути его характера и поступков, одержимости.

Когда-то, во время нападения на Линн, варвары захватили дом Клэйна — со всей его обстановкой и оборудованием, включая сферу. Не зная об ужасающей мощи сферы, они совершили роковую ошибку: попытались использовать ее, наряду с другими средствами, в качестве приманки. Их целью было — заманить Клэйна в ловушку. Они позволили ему подобраться к ней поближе и захлопнули ловушку... для самих себя, как оказалось. А Клэйн ничем себя не выдал и готовился к противодействию, храня в строжайшем секрете все, что касалось сферы.

В этом умении до конца держать свои замыслы под покровом тайны и заключалась своеобразная сила лорда. Однако совершенно ясно: если ты понял, в чем состоит зерно системы, то решение будет простым. В данном случае ничего другого не оставалось, как следить за передвижениями Клэйна, который не мог, конечно, самолично бывать повсюду в одно и то же время. Как и другим людям, ему необходимо тратить время на сон и еду. И потом, он не мог постоянно находиться в состоянии тревоги. А что он позволил провести реорганизацию военных отрядов варваров, так это еще не говорит о его способности предвидеть все случайности и то, что вытекало из этой акции.

Клэйн прервал эти размышления Чиннара.

— Тебе известно,— сказал он,— что я помог тебе избежать жестокого наказания, какому, как правило, подвергается каждый, кто имеет наглость вторгнуться в Линн. И, видимо, зря. Неотвратимость наказания таких лидеров, как ты, должна устрашать других авантюристов. Но для чего же я спас тебя от казни, если первое, что ты сделал после этого,— предал меня? И потом похитив оружие, которым, из-за отсутствия знаний, даже не можешь воспользоваться.

Чиннар решил, что пора постоять за себя.

— Я понятия не имею — о чем вы,— запротестовал он с деланным простодушием.— Разве сферу похитили?

Клэйн, казалось, не слышал его и угрюмо продолжал:

— Если честно, не могу сказать, что всегда восхищался тобой. Ты рвешься к власти... Слишком многих ты приносишь в жертву при этом. Впрочем, в этом нет ничего нового, методы у тебя шаблонные. Но лично я против таких масштабных убийств, потому что верю — власть может стать авторитетной в *любой* стране, как бы она ни управлялась, без того, чтобы наносить удары в спину, идет ли речь об отдельной личности или о массе людей.

Он сделал паузу и отступил чуть назад, чтобы посмотреть Чиннару в глаза.

— Ну, хватит разговоров. Отвечай: отказываешься ли ты от сферы или предпочитаешь виселицу?

Чиннар пожал плечами. Все мускулы его тела сжались под прессом смертельной угрозы. Отдать сферу... Он-то вперед просчитал все выгоды, которые дает обладание ею, все потенциальные возможности. Его необыкновенная способность логически мыслить позволила ему нарисовать очень точную и яркую картину будущего.

— Я ничего об этом не знаю,— спокойно сказал он.— У меня нет сферы. Я даже не знал, что ее украли, пока вы не сообщили. Скажите — что это за предприятие, в котором вы хотели бы меня использовать? Я уверен, что мы можем договориться.

— Соглашения не будет, пока я не получу сферу,— холодно парировал Клэйн.— Однако я вижу — ты думаешь, что я не смогу повесить человека, у которого в руках сфера. Поэтому давай перейдем к делу... Ты сам взойдешь на помост или нуждаешься в помощи?

Сопротивляться было бесполезно, и Чиннар начал взбираться по ступеням на помост виселицы. Не дожидаясь, пока палач накинет ему петлю на шею, он сделал это сам. Он был бледен, но сохранял самообладание. Впервые его пронзила мысль о близком конце. Бесславно завершалась блестящая карьера Чиннара, бывшего когда-то простым клерком, но сумевшего стать повелителем всех варваров Европы.

Клэйн сделал рукой знак палачу, линнскому сержанту. Тот встал у рычага, которым открывался люк под ногами Чиннара, и оглянулся на Клэйна. Тот поднял руку и спросил:

— Так сфера или смерть? Последний твой шанс, Чиннар!

— У меня ее нет,— упрямо ответил Чиннар, готовый покориться судьбе.

Рука Клэйна упала вниз. Люк открылся, и Чиннар провалился в отверстие...

Он упал на глубину примерно около фута и при этом так сильно ударился, что все его тело содрогнулось от страшной боли. На глаза навернулись слезы. Он моргнул, чтобы смахнуть их. Когда к нему вернулась способность видеть и глаза прояснились, он обнаружил, что упирается ногами во второй люк — устроенный под первым.

До него донесся какой-то шум. Драка?.. Да, скорее всего. Он огляделся. Офицеры его штаба боролись с линнскими охранниками, пытаясь прорваться к нему. Чиннар колебался: стоит ли и им, и ему биться до самой гибели? Тот факт, что он до сих пор жив, убеждал его в обратном. Он затряс головой, хотя это было нелегко, пытаясь обратить на себя их внимание, и, напрягшись, окликнул их. Возня прекратилась, его приближенные замерли, в недоумении глядя на него.

Чиннар обратился к ним, но все, что говорил, адресовал в первую очередь своему мучителю.

— Моя жизнь действительно была бы в опасности,— твердо

сказал он,— если бы лорду Клэйну изменила выдержка. Или... если бы лорд не был так уверен, что сфера у меня.

Чиннар понимал, что Клэйн может истолковать эти слова как завуалированное признание, и оглянулся на него, как бы приглашая поразмыслить. Клэйн нахмурился, но принял вызов:

— Полагаю, что сфера все-таки у тебя,— сказал он беззлобно.— Но почему ты думаешь, что это защитит тебя?

— Потому что,— голос Чиннара еще никогда не звучал так убежденно,— имей я сферу, у вас сохранялась бы надежда вернуть ее назад, пока я жив. А вот если умру, тогда надеяться будет не на что.

— Но зачем было бы цепляться за нее, зная, что не придется ею воспользоваться? — Клэйн иронически усмехнулся.

— Но я мог бы всесторонне изучить ее,— не согласился лидер варваров.— Вы же узнали, в конце концов, какую можно извлечь из нее пользу, а ведь и понятия не имели раньше об ее действии.

— У меня была книга об этом! — вспыхнул Клэйн.— И, кроме того, я имею некоторое представление о сущности и структуре материи и энергии.

— Возможно,— хладнокровно произнес Чиннар.— Но ведь и в мои руки может попасть такая книга... Подобные вещи случаются.

— Нет. Книга эта была в единственном экземпляре, и когда я запомнил ее содержание, я уничтожил ее.

Чиннар недоверчиво покачал головой.

— Что ж, возможно. Но мои агенты, вероятно, смогли бы обнаружить место, где вы ее сожгли,— сказал он.— Или я направил бы их в храмы Богов, где они сумели бы отыскать похожую книгу.

Он почувствовал, как снова растет напряжение. Собственные доводы казались ему неубедительными. Клэйн испытующе глядел на него.

— Чиннар,— спросил лорд резким тоном,— если бы сфера была у тебя и ты знал, что никогда не сможешь завладеть секретом ее применения, продолжал ли бы ты цепляться за нее, понимая, какая страшная угроза для человеческой цивилизации от нее исходит?

Лидер варваров глубоко вздохнул. Он ждал такого вопроса.

— Да.

— Но почему же?! — воскликнул Клэйн, с трудом сдерживая себя.

— Потому что,— ответил Чиннар,— лично у меня не вызывает доверия человек, который может взять власть на себя, но не пользуется благоприятным моментом, чтобы это сделать, а значит, отвергает единственную возможность организовать надежную государственную оборону против потенциального агрессора. А кроме того, я понял, что Риссов с помощью сферы не одолеть...

Клэйн обратил внимание на его последние слова.

— Я объясню тебе, почему не захотел принять на себя власть. Дело в том, что мой план...

— Я могу признать только власть,— перебил его Чиннар,— а не грандиозные замыслы человека, который сейчас фактически бессилен.

— Мой план настолько широк, масштабен, что людям с инертным мышлением вроде тебя нет смысла о нем рассказывать,— они сочтут его неосуществимым. Не думаю, что ты, со своим довольно-таки ограниченным кругозором, способен оценить этот план по достоинству.

— А вы попробуйте...

— Нет, не раньше, чем когда я получу сферу. Что касается моего бессилия, то должен напомнить — ведь в моем распоряжении космолет.

— Ну и что вы будете с ним делать? — пренебрежительно сказал Чиннар.— Хотите с его помощью заставить людей уважать вас? Но что это за путь для вас, мутанта? У вас была поддержка, и вы должны были встать во главе Линна! А вы упустили такую возможность. Что теперь говорить... Едва ли представится еще шанс, разве что нападут Риссы. Но тогда у вас может ничего не получиться, будет слишком поздно. — И Чиннар заговорил более жестким тоном: — Лорд Клэйн, вы очень разочаровали меня. Ваша ошибка дорого обошлась моим войскам и лично мне, мы теперь перед лицом серьезной угрозы. На что вы надеетесь? *Законное* правительство Линна потребует вернуть нас назад, и конечно же, вам придется отдать космолет. А если вы откажетесь — вы станете — очевидно впервые в своей жизни — мятежником, и ваша участь будет решена Патронатом.

Клэйн насмешливо улыбался.

— Я тебя понимаю,— сказал он.— Ты ведешь свою игру, тебя увлекает интрига. Для меня твои ухищрения — что детские забавы. Но мы не дети, к зрелому возрасту человек либо должен выбраться из оболочки детского возраста, либо умереть... Человеческая раса в опасности! А ты — ты печешься только о себе. Ты хочешь любой ценой добиться для себя преимуществ — это в таких-то условиях!

Повернувшись к одному из своих офицеров, лорд что-то сказал ему.

Чиннар, поняв, что приказание касалось его, приготовился к следующей пытке.

Клэйн произнес отрывисто:

— Будь любезен, сними с шеи петлю и подойди к цистерне — слева от тебя в углу.

Стаскивая петлю с головы, Чиннар внимательно осматривал цистерну. Это была широкая бетонная ванна, и он не мог ее не заметить, когда его привели сюда впервые. Он гадал, как можно использовать эту емкость, но ему ничего не приходило в голову. Он спустился с помоста виселицы вниз, решив еще раз обратиться к Клэйну.

— Меня особо и убеждать не надо. Почему бы вам не

сообщить мне о своих намерениях? А предоставить вам сферу в качестве свидетельства моей доброй воли не могу — у меня ее просто нет.

Клэйн не ответил, только покачал головой. Чиннар больше не настаивал.

— Я должен забраться в цистерну? — спросил он.

Клэйн кивнул.

— Да, взгляни внутрь, и ты увидишь, как она устроена.

Чиннар вскарабкался наверх и бросил любопытный взгляд на емкость. Она была довольно глубокой и пустой. На ее днище он заметил обыкновенную ручную помпу. Рядом валялись две цепи с застегивающимися зажимами, вделанными в бетонированное дно.

Он осторожно спустился на дно емкости и стал ждать распоряжений. Подняв глаза кверху, он увидел, что Клэйн смотрит на него, чуть склонившись над краем ванны.

— Закрепи зажимы на лодыжках,— велел ему Клэйн.

Чиннар выполнил это. Зажимы при застегивании щелкнули, издав характерный металлический звук, и он сразу почувствовал тяжесть металла. Стоять в зажимах было неудобно.

— Эти цепи,— объяснил Клэйн,— удержат тебя внизу, на дне цистерны, поэтому, когда начнет прибывать вода, тебе придется выкачивать ее, если только ты хочешь спастись от затопления. Управлять насосом легко. Ты сам сделаешь выбор — жить тебе или умереть. Все будет зависеть от твоих усилий. И знай — ты можешь в любую минуту остановить процедуру, если дашь знать, что согласен вернуть сферу... А теперь запускайте воду!

Вокруг ног Чиннара с громким журчанием забурлила вода, и поначалу его ощущения были приятными. Варвар уселся на дно цистерны и взглянул наверх, на Клэйна.

— Могу я кое о чем попросить? — спросил он.

— Смотря о чем,— откликнулся Клэйн.— Речь идет о сфере?

— Нет-нет.

— В таком случае лучше не проси.

— Речь о насосе,— объяснил Чиннар.— Ну что мне от него за радость... Пожалуйста, вытащите эту помпу отсюда.

— Подожди несколько минут. Возможно, тогда ты будешь ей рад...— В глазах Клэйна мелькнуло беспокойство: просьба варвара была для него неожиданной.— Однако, повторюсь, если ты переменишь свое решение, ты обнаружишь, что с помощью помпы уровень воды может быстро снизиться,— дай только знать.

Чиннар не ответил. Вокруг его шеи шипел водоворот воды. Через минуту она перекрыла ему рот. Он невольно расслабился, попытался всплыть, но не удалось. Тогда он весь напрягся в ожидании приступа физического страха, никаких признаков которого не было еще несколько минут назад.

Прошло еще немного времени, и он почувствовал, что тяжесть цепи тянет его ноги вниз, грозя утоплением. Сомнений больше не оставалось: близок предел, за которым спасение уже

невозможно. Однако вода продолжала прибывать. Вот она уже достигла носа. Он задержал дыхание, когда противная жидкость поднялась выше глаз и обволокла голову. Больше не удавалось сдерживать дыхание. Он спазматически сделал выдох и...

И вздохнул. Острая, как от удара кинжалом, боль пронзила грудь, и на этом все кончилось. Вода была очень неприятной на вкус... Потом все ощущения пропали, и мрак накрыл сознание.

Придя в себя, он увидел, что лежит на краю цистерны. Никогда еще не ощущал он себя более несчастным. Из него все еще выдавливали воду. Каждый выход воды был взрывоподобен и разрывал тело на части. Он зашелся кашлем. Боль возвращения к жизни казалась неизмеримо сильнее, чем боль умирания. И все же он понимал, что, скорее всего, будет жить.

Его перенесли на койку; и через час после этого к нему вернулось нормальное самочувствие. К нему вошел Клэйн, один, без сопровождающих. Долго сидел на стуле возле постели, молча глядя на него.

— Чиннар,— произнес наконец лорд,— мне не хочется говорить тебе это, но я не могу не сказать, что восхищаюсь твоим мужеством. Да только я вижу хитрость, которая скрывается за твоим поведением... Вы учитесь этому у животных?

Чиннар не ответил, ожидая, что еще скажет его мучитель. Он все еще не мог поверить, что его страдания закончились.

Клэйн горько усмехнулся.

— Ты еще раз доказал, что смелый человек, готовый пойти на рассчитанный риск в низкой политической интриге, может смириться даже с собственной гибелью. Меня бесит твоя идиотская логика... Следуя ей, ты внушил себе, что должен непременно изо всех сил держаться за сферу. Если ты будешь настаивать на этом бреде, мы все погибнем.

Чиннар возразил ему:

— Если допустить, что сфера у меня, тогда не разумней ли было бы вам на время кризиса забыть о своих интересах и рассказать мне, как ее можно использовать?

Чиннар шел ва-банк, вполне отдавая себе отчет, чем это может кончиться. Впервые он признавался, пусть косвенно, в том, что намерения его простираются далеко. Несомненно, если бы ему был известен секрет действия сферы, он тоже мог бы оказаться в положении, позволяющем захватить власть насильственным путем и взять под контроль любое государство. И вообще... его оппонент, если только он не ошибся в оценке его характера, мог бы, в конце концов, пойти ему навстречу и разрешить распоряжаться сферой в условиях, когда поставлена на карту сама судьба человеческой расы как особой ассоциации среди сообществ живых существ космоса.

Клэйн сделал предостерегающий жест.

— Не выйдет, друг мой... Но я вовсе не жду, что само по себе обладание сферой поможет нам победить Риссов, когда они нагрянут. Не стану говорить — почему...

Чиннар ничего не сказал на это. Его задача — склонить Клэйна к тому, чтобы он поделился с ним секретом сферы,— казалась ему теперь еще более трудной, чем раньше. Выбранная им линия поведения пока не помогла ему.

— Тебе могло показаться, что я не слишком заботился о сохранности сферы,— продолжал Клэйн.— Но я ведь не в состоянии находиться одновременно в разных местах. Не разорваться же на части. Да и зачем, если сфера функционирует по точному математическому расчету,— это связано с высвобождением атомной энергии. Я сомневаюсь, что в Солнечной системе еще кто-нибудь помимо меня знает формулу ее действия.

Чиннар придерживался другого мнения, и это его огорчало.

— И какая же роль в ваших планах отводится мне, если учесть последние события? — поинтересовался он.

Клэйн поколебался, прежде чем ответить. Он чувствовал, что вот-вот вспылит.

— Ох и натерпелся я от тебя за несколько месяцев! — воскликнул он.— Эти твои смертоносные набеги... Но я все сносил, так как надеялся убедить тебя помогать мне. Я не был уверен, что мы сможем сами справиться: запасти в одном месте огромную массу провианта законными способами. Я также сомневался, возможно ли собрать так много женщин одновременно, если не прибегать к твоим излюбленным методам. А без женщин, как и без продуктов питания, мне не достигнуть цели...

Лорд прервал свой монолог, и Чиннар получил время, чтобы побороть досаду. Он-то думал, что знает образ мышления этого человека, а вот поди ж ты, Клэйн своей речью быстренько развеял это заблуждение. Ясно одно: глубинная работа его мозга пока неизвестна Чиннару. Его бесило, что он проиграл в хитроумной игре, придуманной им самим. Мысль о том, что его секретные рейды могут быть использованы Клэйном для осуществления собственных планов, испугала варвара.

Клэйн перешел к главному:

— Предлагаю тебе вот что сделать. Завтра «Солнечная Звезда» прилетит к вашему лагерю. Ты начнешь погрузку солдат и вооружения на борт космолета. Они займут нижние палубы — всего их двадцать, и на каждой можно разместить почти десять человек со всем снаряжением и продовольствием. Там достаточно помещений для всей твоей армии, да и для женщин.

Чиннар усмехнулся:

— Как вы думаете — раз в моем распоряжении на космолете окажутся такие силы, что удержит меня от его захвата?

Лицо Клэйна приняло жесткое выражение.

— Двадцать верхних палуб уже заняты подразделениями линнской армии,— они хорошо вооружены. Все это молодые семейные мужчины, и жены с ними. Если исключить офицеров, связи между двумя военными группами не будет. Все двери, ведущие из одного помещения в другое, будут загерметизированы, кроме выхода из твоей штаб-квартиры.

Чиннар кивнул в ответ не только на слова лорда, но и на свои мысли. Сказанное произвело на него впечатление. Разу-

меется, Клэйн все тщательно продумал. Ему следует все предусмотреть, чтобы не оплошать, и в случае необходимости действовать по-своему. Но все-таки в предстоящем путешествии таилась какая-то головоломка, и надо во что бы то ни стало ее решить...

— Куда мы собираемся? — спросил он без обиняков.

— Успеешь узнать,— холодно сказал Клэйн и поднялся.— Ты и так уже достаточно знаешь и все указания получил. А я еще должен побывать в столице. Готовься прибыть со своими отрядами на борт «Солнечной Звезды». Полет состоится ровно через неделю... Да, и я надеюсь, что ты хоть раз поднимешься над военным идиотизмом, не поддашься ему. Короче — захвати с собой сферу! — Нельзя было не заметить, что Клэйн едва сдерживал злость.

Чиннар задумчиво посмотрел на него.

— Ваша честь,— сказал он,— сейчас вы просто в плену эмоций. Поймите — еще никому не удавалось избежать политических козней. То, что вы вдруг стали так презирать,— человеческая среда обитания. Среда людских страстей и амбиций. Никогда не было и не будет другой среды для ваших дел, и надо с этим считаться. Человек преуспевает или становится неудачником в зависимости от того, как он понимает множество других людей и как поддерживает с ними связи. Стоит ему попытаться избежать интриг, как людская коалиция подомнет его под себя, и тогда конец его планам, словно их никогда и не существовало. Берегитесь же и будьте осторожны.

Они помолчали, и Чиннар бросил еще одну фразу:

— А сферы у меня нет.

Из темноты вылетела стрела, со свистом пронеслась мимо головы лорда Клэйна и впилась в плечо охранника. Гортанно вскрикнув, охранник схватился за тонкий колеблющийся конец ее. Один из товарищей бросился ему на помощь, остальные солдаты тотчас нырнули в черноту аллеи. Оттуда послышался то ли мальчишечий, то ли женский визг, кто-то, негодуя, яростно бранился. Через минуту солдаты выволокли на свет отчаянно сопротивляющегося худого подростка.

Раненому наконец удалось вытащить из плеча стрелу. Он больше напугался, чем действительно пострадал, но не переставал сыпать ругательствами.

Охранники торопились вернуться назад. Пылали факелы, их огонь раздувался ветром. В дымном, вонючем от копоти воздухе их тусклый переменчивый свет, заставляющий трепетать тени, лишь на мгновения выхватывал из тьмы лица и фигуры сбежавшихся сюда людей. Клэйна, стоявшего неподвижно, раздражала суета вокруг него. Он ждал, когда волнение уляжется, но не дождался и вскоре подозвал одного из офицеров. Для него расчистили путь. По образовавшемуся вдоль улицы проходу к нему подвели упирающегося виновника переполоха.

Кто-то вскрикнул:

— Да это женщина!

Известие гулким эхом передавалось от человека к человеку. Раздавались изумленные возгласы, проклятия. Пленница, которую в неверном свете чадящих факелов приняли было за подростка, перестала оказывать сопротивление и заговорила. При первых же ее словах, несмотря на злобную интонацию, отпали все сомнения в том, что это действительно женщина. Клэйн был удивлен.

— Не трогайте меня, грязные крысы! Я заставлю высечь вас за это. Я хочу говорить с лордом Клэйном!

Еще удивительнее было то, что незнакомка говорила с акцентом, характерным для выпускниц школ, в которых обучались девушки благородного происхождения.

Как только это дошло до сознания Клэйна, невозмутимость его покинула. Конечно, покушались на его жизнь, и лишь случайно стрела попала в охранника. Произношение схваченной женщины навело его на мысль, что за этим, возможно, стоит Лилидель. В таком случае надо немедленно выжать из пленницы все, что она знает, и в первую очередь имена ее непосредственных руководителей. Не будет же она запираться, раз потерпела неудачу... Что ж, он поговорит с ней.

Незнакомка, по-видимому, не сознавала всей серьезности последствий содеянного ею. Согласившись выполнить роковое задание, она могла не знать, как, по давней традиции, расправляются с женщинами-террористками,— а их отдают солдатам.

Он оглядел ее. С виду ну прямо подросток. Или это так кажется из-за скудного, искажающего реальность освещения? Ей, вероятно, нет и восемнадцати. Живые глаза горят огнем юности. Полные чувственные губы...

Его передернуло, когда он представил наказание, на которое она обречена. Хотя подобное практиковалось постоянно, сейчас его душа восставала против этого обычая,— уж очень молодой была пленница. С другой стороны, хотя он и не считал себя обязанным непременно следовать старым традициям, он не мог позволить себе обидеть личную охрану. Однако он не должен и подавать вида, что в нем шевельнулась жалость к юной женщине. Ведь все-таки она стреляла в него.

— Кто ты? — спросил он грубо.

— Я не буду здесь говорить! — запальчиво ответила она.

— Твое имя?

Она замялась, читая враждебность на его лице. Потом, как-то отрешенно, назвала себя:

— Маделина Коргэй.

Коргэй... Он должен все обдумать... Это старинное и известное в Линне имя. Генералы и патроны вступали с этим именем на устах в сражение, и этим именем подписывались государственные законы. Клэйн припомнил, что отец этой девушки погиб около года назад, воюя на Марсе. Поскольку он был героем войны, поступок его дочери мог быть оправдан.

Клэйн с досадой поймал себя на том, что уже думает о политических изменениях, к которым, очевидно, приведет его шаг. Однако было бы глупо закрывать глаза на крайнюю опас-

ность этого инцидента лично для него. Он сердито встряхнул головой, словно хотел избавиться от назойливых мыслей. Кэлэдж избран лордом-советником, и его триумфальный въезд в столицу Линна состоится завтра утром... Сторонники этого юноши тоже ведь могут решиться на любую выходку. Тем более нельзя сбрасывать со счетов ожидания охранников, которые не могут быть заинтересованы в прощении девушки. К счастью, возможно другое решение, оно их ублаготворит...

— Уведите,— приказал он.— Я допрошу ее, когда мы прибудем на место.

Никто не возражал, понимая, что допрос потребует определенного времени. Охранники полагали, что террористку отдадут им позднее.

Клэйн отдал необходимые приказания, и процессия снова двинулась вдоль улицы.

Прошло несколько недель с тех пор, как был захвачен космолет-гигант Риссов. Пролетели и шесть месяцев после поражения армии варваров, прибывшей с Европы, отдаленного и малоизвестного спутника Юпитера, во главе с Чиннаром. Линнское общество еще не до конца успокоилось после этих двух событий, хотя и начало постепенно забывать, какой страшной участи оно избежало. Со всех концов Империи до столицы доносились крикливые голоса недовольных.

Торговцы и коммерсанты твердили, что Чиннар вовсе не представлял собой реальной опасности, а возникшая угроза всеобщей гибели была результатом преступной халатности правительства. Деррин, пока был жив, отвергал эти огульные обвинения, однако, когда его не стало, организовалось движение за отмену декрета, изданного Клэйном во время борьбы с варварами. Этот декрет предоставлял свободу пленным-рабам, лояльным по отношению к Линну. Ярость многочисленных хозяев, лишившихся ценных слуг, возрастала с каждым днем. До Клэйна дошел мерзкий слух, подрывающий его авторитет: якобы перенесенных бедствий могло и не быть, если бы в семье лордов-правителей не терпели так долго мутанта. Это была уже прямая атака на него, и проводилась она так, чтобы он не мог отражать нападки доступными ему средствами. Слух этот стали особенно муссировать после того, как он удержал своих сторонников от выступлений против Патроната, отдавшего пост лорда-советника молодому Кэлэджу.

Несколько наиболее стойких приверженцев Клэйна, встревоженных направленностью, которую принимало общественное недовольство, уже сожалели о том, что позволили переубедить себя. И они призывали его хотя бы теперь проявить волю — раньше, чем новый лорд-советник прибудет в столицу.

Такие призывы и заставили Клэйна совершить ночную прогулку по улицам спящего Линна. Он знал о готовящемся правительственном перевороте — из сообщений, поступивших к нему сразу, как только он прибыл в Линн, то есть всего несколько часов назад. Заговорщики хотели провозгласить его лордом-советником.

По прибытии во дворец попечителя Патроната, где заговорщики устроили свою штаб-квартиру, Клэйн собрал руководителей в предоставленных ему апартаментах, чтобы все обсудить. С самого начала его позиция оказалась под огнем критики. Те, кто еще совсем недавно были его верными последователями, теперь грубо обрушились на него, не щадя его самолюбия, чего сам он по отношению к ним никогда не допускал. Они позволили себе насмешки, издевательские реплики. Это его опечалило и немного испугало. Его опасения относительно нашествия Чужих прямо не осмеивались, но опровергались в ходе полемики, когда ему доказывали, что он сумеет защитить государство только в том случае, если станет лордом-советником. Почти то же говорил ему и лидер варваров, убеждая его действовать энергично и не медля.

Страсти накалялись, и когда было уже более трех утра, попечитель заявил, что отныне отказывается признавать Клэйна как главного руководителя, раз он стоит на своем.

— Мне сделали предложение присоединиться к группе Лилидель, и я приму его,— сказал попечитель гневно.— Я порываю с предусмотрительной трусливостью.

И это было только начало. Далее стали уходить те, кто не хотел больше поддерживать Клэйна. К четырем часам, когда лорд наконец обратился к людям с речью, с ним оставалась лишь небольшая кучка сторонников — те, кто дрался вместе с ним против Чиннара. Но он видел, что даже и они не были настроены дружелюбно. Чтобы убедить их, он кратко и просто объяснил, почему считает возможным нападение Риссов. Сказал, что планов своих пока раскрыть не может, но позаботится о том, чтобы дать им моральное удовлетворение.

— Я уверен,— сказал он,— что наши противники до сих пор не осознали, что они делают, возводя этого маменькина сынка в ранг лорда-советника. О детях должны печься близкие люди, а не те, кто с ними даже не встречается. Представьте себе положение, когда мальчишка получает свободу поступать как ему заблагорассудится.— Он поднялся, сурово оглядел соратников.— Поразмыслите над этим...

Клэйн возвратился в свою резиденцию в еще более дурном расположении духа. События развивались даже хуже, чем он предполагал. Когда он направлялся в спальню, командир охраны напомнил ему о Маделине Коргэй.

Клэйн заколебался: заняться ею сейчас? Он чувствовал себя не совсем здоровым, устал от массы свалившихся на него проблем, и не так уж его и интересовало, кто, желая ему смерти, водил рукою Коргэй. Вероятно, его смерть была бы на руку многим; даже некоторые прежние его сторонники вели себя так, словно живой он опасен для них. Но в конце концов взяло верх любопытство, которое было вообще ему свойственно и часто помогало добиться успеха, так же как привычка быстро и тщательно изучать все, что, как ему казалось, затрагивало его интересы. Лорд велел привести девушку.

Она смело вошла в комнату для приемов, с презрением

отвергнув попытку стражников ввести ее как арестантку. Теперь, при ярком свете масляных ламп, она выглядела несколько старше, чем когда он впервые увидел ее. Наверное, ей все же не восемнадцать, а двадцать три, может, даже все двадцать пять лет. По его понятиям, она была красива. На ее миловидное лицо, в котором проглядывал ум, было приятно смотреть, хотя надменное выражение портило его. Клэйн понимал, что высокомерие необязательно ей свойственно, это, скорее, была маскировка для самозащиты. Она заговорила первой:

— Вы очень ошибаетесь, если думаете, что имеете дело с обычным террористом...

Клэйн с иронией поклонился.

— Думаю,— сказал он,— все террористы необычны.

— Я стреляла в вас, чтобы привлечь ваше внимание,— с вызовом бросила Маделина, глядя на него в упор.

Клэйн мысленно вернулся к ночному происшествию, вспомнив, какой неприятный момент он пережил, когда выпущенная из темноты стрела просвистела у его виска. Умелый лучник не сделал бы такой плохой выстрел. В чем же дело? Была ли девушка недостаточно искусным стрелком или тьма помешала ей попасть в живую мишень? Маделина, как будто прочтя его мысли, объяснила:

— Я — член «Стрелкового клуба марсианских генералов» и за две недели до нападения варваров заняла второе место в соревнованиях на звание чемпиона. Потому и считала себя вправе рискнуть... Я хотела доказать вам, что умею достигать цели.

— И вы не могли придумать другой способ, чтобы привлечь мое внимание? — В голосе Клэйна звучала насмешка.

— Конечно, нет,— вспыхнула она.— Другого способа дать о себе знать у меня не было.

Клэйн задумался. Странно... Но, в конце концов, не это главное.

— Боюсь, что это выше моего понимания,— усмехнулся он.— Неприятно, но нам придется придерживаться правил допроса. Итак... Предположим, мотивы вашего поступка таковы, как вы сказали...— Он помолчал и с любопытством спросил: — А вот почему вы хотели привлечь мое внимание?

— Я хочу выйти за вас замуж,— не смущаясь, ответила она.

Клэйн, до сих пор говоривший с девушкой стоя, подошел к креслу и сел. Наступило долгое молчание.

В его глазах блестел огонек заинтересованности, но они выдавали и некоторое замешательство, в котором он не признался бы даже себе. Он не ожидал, что оболочка его житейской искушенности будет пробита. Надо бы что-то сказать Маделине Коргэй, думал он, пусть знает о его решении. Но медлил, боясь, что голос подведет его, будет недостаточно твердым, и тогда она станет искать второй смысл в его словах.

Молодая женщина принадлежала к тому слою линнского общества, который он всегда считал для себя недосягаемым.

Этот слой игнорировал его, хотя он был членом семьи последнего лорда-правителя, не мог простить ему его происхождения. Уже сам тот факт, что девушка ее положения решилась выйти замуж за мутанта, говорил, что она рассматривает этот свой шаг как ступеньку на пути вверх — к власти. Именно в этом причина того, что произошло ночью, а значит, все обвинения в ее адрес беспочвенны. Смелый поступок Маделины был первым прорывом политической оппозиции. Нужно получше узнать ее — наверное, она может стать для него полезной. Или он снова переоценивает возможности ситуации?.. Ну ладно, хватит сомнений... Клэйн позвал капитана охранников.

— Приготовьте апартаменты для леди Маделины Коргэй. Она будет нашей гостьей до дальнейших распоряжений. Позаботьтесь о том, чтобы ее хорошо охраняли.

Отдав эти распоряжения, он отправился спать, наказав вовремя разбудить его. Некоторое время сон не шел к нему, и он перебирал в уме то, что предстояло завтра сделать. Визит, который он хотел нанести в Центральный Дворец, чтобы еще раз взглянуть на монстра, привезенного Чиннаром на Землю, перевешивал все дела. Крайне важно выяснить все возможное о физиологической стороне смертельного врага человека...

Утром лорд Клэйн проснулся от звуков далекого пения. Сперва оно озадачило его, однако он тут же вспомнил, что сегодня приезжает лорд-советник Кэлэдж и по этому случаю объявлен праздник.

Быстро позавтракав, он на патрульной лодке отправился в Центральный Дворец. Когда аппарат начал спуск, готовясь приземлиться, пилот через одного из охранников передал сообщение.

— Ваша честь, Площадь заполнена народом.

Клэйн приказал:

— Приземляйтесь на боковой улице. Остальной путь пройдем пешком.

Посадка прошла нормально, и они зашагали к центру Площади. Они шли мимо танцоров и музыкантов, мимо раскачивающихся в такт музыке и поющих мужчин и женщин, и, вглядываясь в них, Клэйн не переставал удивляться их ужимкам и неестественному веселью. Горожане праздновали вступление на высочайший пост юноши, которого совсем не знали. Они перекликались, добродушно шутили. Женщины кокетничали, дразняще покачивали бедрами. Мужчины хватали их за обнаженные руки и лезли к ним целоваться. Эта картина напомнила ему дешевое шоу. В ней было что-то такое, что при нависшей над Линном страшной угрозе вызывало тревогу, ощущение того, что катастрофа неминуема. Чествуя своего нового правителя-мальчика, мужчины и женщины и вели себя как дети. Они не задумывались о том, что очевидным достоинством нового владыки было лишь то, что он сын великого Деррина. Не ведая об опасности, забыв о реальной жизни, они увлеченно предавались детским забавам.

Глубоко погруженный в эти свои мысли, Клэйн вдруг вздрогнул от яростного вопля:

— Да это же тот самый маленький священник!

Эти слова облетели толпу. Послышались злобные выкрики:

— Дьявол во плоти!

— Слуга сатаны!

Танцующие рядом остановились и замерли. Людскую массу прибило к нему. Кто-то истерично закричал:

— Проклятье! Это же лорд Клэйн! От этого мутанта все наши беды!

Зловещий гул пронесся над разволновавшейся толпой. Стоящий позади Клэйна капитан охраны спокойно сделал знак рукой двум дюжинам стражников. Воины мощно вклинились в толпу, держа руки на рукоятках мечей и кинжалов, и отодвинули от лорда напирающих зевак. Клэйн, хладнокровно наблюдавший за всеми, шагнул вперед с кривой улыбкой на губах, поднял руку и, когда установилась тишина, громко, как только мог, воскликнул:

—•Долгой жизни лорду-советнику Кэлэджу!

Бросив в толпу эту здравицу, он вынул из прикрепленного к поясу кошеля, который был всегда при нем для таких случаев, горсть серебряных монет и быстрым движением подкинул ее вверх. Монеты, сверкнув на солнце, рассыпались во все стороны. И не успели они упасть на землю, как в воздух полетела другая горсть монет.

— Долгой жизни лорду-советнику Кэлэджу! — снова воскликнул Клэйн. Его никто не слушал. С ревом толпа бросилась подбирать монеты, раскатившиеся по всей Площади. Люди пихали друг друга и переругивались:

— Отдай, это моя!

— Подонок, куда суешься? Ты наступил мне на руку!

Опасность для Клэйна миновала.

Вид людей, забывших о достоинстве ради жалкой подачки, вызвал у него горечь. Он был вынужден снова прибегнуть к тому же приему, чтобы отвлечь беснующуюся толпу от своей персоны,— опять подбросил в воздух горсть монет. Прием был прост и эффективен. Он придумал его после того, как изучил весь блок информации о людях, беспорядочно собирающихся на улицах. Применял он его неохотно, но без подобных дешевых уловок он мог стать жертвой толпы. Чиннар что-то такое говорил... Он встряхнул головой, стараясь припомнить — что именно говорил варвар о способе заставить людей осознать, что в судьбе человечества наступил критический момент, а значит, каждый должен отказаться от личных амбиций и всем людям надо объединиться, чтобы победить жестокого врага, не пожелавшего даже установить с ними контакт. Что бы такое сделать, чтобы пробудить в людях живую искру стремления к этой победе? Сколько времени и энергии он затратил на изучение механизмов, которыми оснащен корабль Риссов... Труднейшая была задача, в сравнении с ней все остальное казалось не столь уж и важным. А теперь он с некоей миссией должен быть в Централь-

ном Дворце. То, что ему предстояло выполнить лично, для любого из его помощников было бы самым обычным заданием. Однако помощник справился бы лишь с одним аспектом — политическим, а он придавал значение и научному аспекту. Несколько лет назад он с некоторым опозданием открыл современную школу для одаренных учеников, однако из-за вечной своей занятости не мог уделять ей достаточного внимания. Политические ходы, войны, интриги, встречи с людьми, донесения разведчиков, требующие оперативного анализа, управление собственностью, научные исследования и эксперименты, поиск новых идей... А в сутках всего двадцать четыре часа. Вот и мелькали эти часы, как вспышки пламени, и после каждой вспышки оказывалось, что он должен не упустить из виду уйму нового, с чем не приходилось иметь дело раньше. Но сколько в состоянии совершить один человек, даже при величайшем напряжении?.. Сейчас, в кризисное время, он остро ощущал, как множество забот разрывает его на части.

Он все еще размышлял об этом, когда достиг ворот Дворца. Автоматически, в силу привычки принимать во внимание даже мелочи, отметил время — оставалось несколько минут до полудня. Интересно, сможет ли он войти беспрепятственно?

Сбитый с толку командир дворцовой охраны не стал задавать вопросов и пропустил Клэйна и сопровождающих его людей. Они направились прямо в морозильное помещение. Не составило большого труда найти тело мертвого Рисса, доставленное Чиннаром с Европы.

Состояние тела этого негуманоидного создания ухудшилось после начавшегося оттаивания. Когда с его грязноватых кожных складок, покрытых бурыми пятнами, стала капать вода, оно начало издавать зловоние. Слабый поначалу запах перешел в ужасную вонь.

Действуя как мясник, Клэйн распилил тело на сегменты. Осматривая сегменты по одному, он диктовал их описание поочередно. Подробно описав сегмент, он передавал его художнику, который зарисовывал его уверенными резкими штрихами, не пропуская ни одной детали.

Через некоторое время после полудня вонь настолько усилилась, что казалось, она проникала во все щели помещения. Но Клэйн не мог позволить себе прервать работу и продолжал изучать неживого Рисса. В ход пошли газовые горелки и экспериментальные пробирки. Произвели забор жидкости из системы кровообращения и из спинного мозга и все это исследовали с помощью разнообразных химических реактивов, описали, соответствующим образом назвали и зарисовали, чтобы к полученной информации можно было обратиться в будущем.

Был момент, когда один из секретарей упал в обморок: Клэйн сунул палец в липкую массу и попробовал ее на вкус. Потом он положил кусок этого вещества в клетку, где находилась крыса. Крыса, которую специально держали в голоде, набросилась на него и... сдохла через несколько минут, сотрясаясь в конвульсиях.

Клэйн продиктовал свое заключение:

— Как показало наше исследование, плоть является протеиновой структурой, настолько сложной, что едва ли ее можно использовать как пищу для какого бы то ни было животного земного происхождения. Так, крыса, которой была скормлена небольшая порция, погибла через три минуты восемь секунд...

Когда он закончил, расчлененное тело сложили в контейнер и поместили в морозильную установку. Задача была выполнена, но он медлил уходить: было сделано пока только одно дело из двух. Чтобы достичь успеха во втором деле, требовалось нейтрализовать волю другого человека. Ему ненавистна такая роль, но он вынужден ее играть.

Клэйн отпустил свой отряд, а сам направился в апартаменты Кэлэджа. Придворный, с которым он заговорил, узнал его и взялся проводить к новоиспеченному лорду-советнику.

— О, ваша честь, какая фантастическая суматоха сегодня... Мы все совершенно измучились,— сказал придворный, награнно схватившись руками за голову.

Он долго распространялся о событиях дня, прежде чем показал Клэйну на покои правителя Кэлэджа. У входа в покои стояли стражники. Когда важный сановник назвал себя, они вытянулись в струнку, подчеркивая уважение к нему.

— Я лорд Линнский, дядя лорда-советника.

— Должны ли мы доложить о вашем прибытии, ваша честь? — спросил нерешительно старший стражник.

— Нет, я войду без доклада,— ответил Клэйн.

Сначала он попал в небольшую комнату с альковом, а из нее — в более просторное помещение. С любопытством оглядевшись, Клэйн увидел Кэлэджа, стоящего на голове перед открытым окном. Новый правитель демонстрировал это свое умение марсианской девушке-рабыне, чтобы позабавить ее. Девица хихикала, но, обернувшись на звук шагов, увидела Клэйна и замерла.

Марсианка что-то сказала Кэлэджу, и он грохнулся на пол, опрокинувшись на спину из своей несуразной позы. При виде Клэйна он побелел как полотно. Должно быть, мать чего-то такого наговорила ему о брате Деррина, что вызывало у него страх.

— Дядя! — воскликнул он, и Клэйн уловил тревогу в его голосе.

Кэлэдж вел себя как загипнотизированный, не сводил с Клэйна глаз, явно испытывая беспокойство.

У Клэйна не было достаточно времени ждать, когда племянник станет больше доверять ему. Сейчас ему нужно было только, чтобы он хотя бы правильно понял его. Он не имел иллюзий в отношении Кэлэджа, беспощадно оценивал его и не испытывал при этом раскаяния. По рассказам его агентов, которым он доверял, этот парнишка не вполне нормален. Клэйну приходилось раньше помещать больных, среди которых были и дети, в частную психиатрическую лечебницу, где, используя все свои знания, он пытался разгадать природу причудливых порождений их мозга, однако безуспешно. И теперь он не мог

надеяться на успех в той области, где прежде терпел поражение. Причина была в том, что у него каждый час был на счету. Едва ли во всем Линне был более занятой человек, чем он... Да, Кэлэджа придется принести в жертву. Ну, само собой, и Лилидель, и ее приспешников...

— Мой мальчик,— начал Клэйн,— я получил указания Богов относительно тебя. Они тебя любят, но ты должен исполнить их волю.

— Они любят *меня*? — Глаза Кэлэджа широко распахнулись.

— Да, они любят тебя,— твердо повторил Клэйн.— А как ты еще мог считать, если тебе позволено взвалить на себя бремя власти? Ты, разумеется, не думаешь, что кто-то из людей без позволения Богов взялся бы сделать тебя лордом-советником...

— Нет, конечно, нет.

— Слушай внимательно и повторяй за мной *их* указания,— сказал Клэйн.— Они необходимы для твоей будущей деятельности. Ты должен управлять государством в соответствии со своим *собственным* правом и руководствуясь *собственными* соображениями.

— ...должен править в соответствии со своим собственным правом...— вяло повторял Кэлэдж.

— Никому во Дворце не должен позволять давать советы по государственным делам. Что бы ты ни решил, это будет решением Богов.

Кэлэдж повторил эти слова уже несколько окрепшим голосом. И вдруг заморгал.

— Даже маме? — удивленно спросил он.

— Особенно матери,— подчеркнуто ответил Клэйн.

Он счел нужным дать еще совет:

— Тебе нужны будут новые преданные люди... Первое время будь особенно осторожен. Не доверяй тем, кого порекомендуют твоя мать и ее друзья. Постепенно привыкай назначать людей на должности по своему выбору. Не слушай ничьих подсказок. А теперь взгляни на этот документ...

Вернувшись домой, Клэйн решил, не тратя времени понапрасну, собираться в дорогу. Вызвал управляющего домашними службами и сообщил:

— Я уезжаю. Возможно, вы довольно долго ничего не будете обо мне знать. Однако выполняйте каждый свою работу как раньше, и пусть в поместье все идет как всегда.

— А что слышно о террористке? — спросил начальник охраны.

— Что, парни заждались? — усмехнулся Клэйн.

— Именно так, сэр.

Лорд покачал головой.

— Я не думаю, что нужно всегда соблюдать эту жестокую традицию — отдавать женщину на расправу. А с Маделиной Коргэй у нас могут возникнуть крупные неприятности, из-за

того, что ее родственники в дружеских отношениях с новым правителем. Разъясните это своим солдатам, они поймут, тем более, что... есть предложение дать им компенсацию.

Он назвал сумму. Размер компенсации был впечатляющим, и он не сомневался, что охранники согласятся принять ее.

— Это предложение действительно в течение года,— закончил Клэйн.— К тому же, капитан...

— Да, сэр?

Клэйн хотел было изложить еще один аргумент в пользу компенсации, но остановился в нерешительности и задумался. Если он скажет все как есть, потом ничего уже нельзя будет изменить. Ему предстояло сделать ход в сложной игре, и не личные желания только руководили им, а прежде всего политический расчет... «Ладно, все выложу»,— сказал он себе. Сейчас от него требовалось мужество, а не инстинктивная хитрость, что сродни животной, какую он подметил у лидера варваров. Он не хотел подыгрывать другим, когда мог сам вести игру... Клэйн посмотрел капитану в глаза и негромко сказал:

— Передайте офицерам отряда: придет время — и леди Маделина Коргэй станет известна как леди Маделина Линн. И все будут обращаться с ней соответственно, независимо от их звания и положения.

— Понял. Примите мои поздравления, ваша честь.

— Свадьба состоится сегодня же,— сообщил лорд Клэйн на прощанье.

— Что ты подписал? — бушевала Лилидель.— Что было в том документе?

Она свирепо меряла шагами пол кабинета Кэлэджа. Раздраженный ее несправедливыми, по его мнению, нападками, он сердито следил за ней глазами. Лилидель была единственным человеком, который мог заставить его почувствовать себя несмышленным мальчишкой, недорослем. Она попеняла сыну, что он не прочел документ, под которым поставил свою подпись, и это его взбесило.

Он не задумался над причинами визита Клэйна, и напрасно. Клэйн был во Дворце пять недель назад, а мать его все не могла забыть об этом.

— Но чего ради я стал бы читать эту бумагу? — возмутился Кэлэдж.— Твои люди постоянно приносят мне что-нибудь на подпись, и разве я могу помнить все, что подписал? И потом, почему я должен не доверять своему дяде? В конце концов, он не сделал ничего плохого. Ничего, что могло бы помешать мне стать лордом-советником.

— Мы не можем допустить, чтобы он исчез с этим документом,— сварливо сказала Лилидель.— Этого только не хватало... Еще вообразит, что мы боимся открыто выступить против него. Вот посмеется-то над нами...

Довод был из без конца повторяемых ею. Будучи сам невротиком, Кэлэдж очень бы удивился, если б кто-то стал ему доказывать, что мать не была слегка тронутой.

Лилидель продолжала пилить его:

— Мы направили запросы всем наместникам и предписание внимательно изучить официальные распоряжения и указы, полученные ими в последнее время, особенно те из них, где делается акцент на действиях, влекущих за собой участие в войне. Конечно, обращаться к некоторым из этих людей с предложением о сотрудничестве — все равно что взывать к глухой стене.— В голосе ее звучала обида.— Ведут себя так, словно это они все решают в Линне, а *мы* — не больше, чем наемные лошадки.

Кэлэдж беспокойно заерзал в кресле. Это чванливо подчеркиваемое матерью «мы» терзало его. Мать не занимала официального государственного поста, а вела себя так, словно она-то и была настоящим лордом-советником, а он — только ее сыном и наследником, не больше. Он припомнил, и уже не в первый раз, что Клэйн что-то такое говорил ему о необходимости отстаивать свои законные права... Но каким образом он может — если может — давать отпор, противостоять натиску матери и всех этих людей, которые ее поддерживают?.. Надо будет что-то предпринять, подумал он. А вслух сказал:

— Наши лазутчики уверяют, что его нет ни в одном из поместий.— И посмотрел на мать с озорной улыбкой, которой обычно прикрывал свое истинное настроение, когда Лилидель слишком уж на него нажимала.— Вы вначале узнайте, где он, а потом уж клеймите его публично, только прежде, советую, поставьте впереди себя Траггена. Как начальник базового легиона он опасную работу должен брать на себя.— Кэлэдж поднялся.— Ладно, я думаю — мне лучше выйти из игры.— И неторопливо вышел.

Лилидель с беспокойством проводила сына взглядом. Оправдает ли он ее надежды? Он не подозревает, чему обязан получением высшего государственного поста, и легкомысленно отталкивает помощь матери. А она мучается... В результате ее участия в отравлении Деррина в ней зародился внутренний конфликт, разрешить который она не могла. И все-таки она ни о чем не жалела. Несмотря на совершенное преступление, каким-то далеким уголком своего сознания она переносила на сына достоинство и влияние умершего мужа. Авторитет власти перешел к Кэлэджу, а каким путем — это другой вопрос... Вот только сын не понимает, что авторитет этот надо беречь. Он шокировал ее своим требованием, чтобы праздник в честь нового лорда-советника длился более принятых трех дней. Народу, правда, праздник ничего не стоил, однако расходы все равно ложились нелегким бременем на правительство. Развлечения уже давно продолжаются, а интерес его к ним не ослабевает. К тому же он позволил себе из ряда вон выходящие поступки. Вот, например... Однажды Кэлэдж возвращался после игр во Дворец вместе с группой юношей и, будучи в плохом настроении, вдруг ни с того ни с сего закричал: «Я могу убить вас всех! Стража, убейте их!» Никто не спешил выполнить безумный приказ, и тогда он снова прокричал это, глядя в упор на бли-

жайшего охранника, огромного звероподобного мужчину. Тот заметил, что один из приятелей Кэлэджа держит ладонь на рукоятке меча, чуть выдвинутого из ножен, и ударил его тренированным движением, разрубив саблей надвое. Образовалась свалка, в которой девять из одиннадцати молодых дворян были заколоты. Двое оставшихся удрали. Лилидель не оставалось ничего иного, как сообщить, что имела место попытка покушения на нового правителя. По ее настоянию, двоих спасшихся юношей протащили по улицам на концах крюков, а затем посадили на колья.

Если бы на том выходки Кэлэджа кончились... Но нет, она убедилась, что тот случай, к несчастью, был только началом. Дальнейшие события подтвердили это.

Через несколько недель она узнала, что Трагген сколотил несколько новых групп личных телохранителей Кэлэджа. Это были задиристые парни, наглецы, получившие инструкции выполнять любой приказ лорда-советника, даже если он будет отдан не прямо, а лишь легким намеком. Лилидель догадывалась, чем руководствовался Трагген, но не в силах была этому воспрепятствовать, она не могла даже открыто оспорить его распоряжения. Конечно, лорду-советнику должны беспрекословно повиноваться, но противоестественно то, что Трагген, будучи негласным инициатором происходящего, не мог в то же время его контролировать. А Кэлэдж, с его импульсивностью и странными, неуправляемыми желаниями, просто пугал ее. Проходил месяц за месяцем, а неприятных происшествий не становилось меньше. Бесследно исчезали сотни людей, никто о них больше никогда не слышал. На их должности моментально заступали новички, не ведая, что этому предшествовало, а если иногда до них все же доходили какие-то слухи, они считали их чепухой, так как рассказанные им истории казались неправдоподобными.

Во всех концах Линна были такие люди, что шага не делали без расчета добиться приближения к лорду-советнику. Тысячи этих ненасытных честолюбцев, более всего желающих влиться в придворные круги, были для линнского общества мощным прессом, и сильное давление этого пресса никогда не прекращалось. А прикрывались они мнимой заботой о будущем поколении. Путь к власти, к высокому положению в обществе и всегда был полон издержек, а теперь он превратился в сущий кошмар. Часто человека ждала беда в конце этого пути, но он не мог этого предвидеть.

Вся внешняя атрибутика, привлекавшая рвущихся наверх людей, сохранялась. И вот уже человек посещает банкеты, где на столах деликатесы, которых не должно быть в этом сезоне, изысканные и дорогие яства из продуктов с других планет, танцует каждую ночь в бальном зале среди пышно разодетой публики... Все как водится.

Узнав об одном-двух скандальных инцидентах, человек отнюдь не тревожился. Мало ли... Может, просто кто закричал, когда ему случайно причинили боль; очень часто постороннему

вообще трудно было разобраться, в чем дело. Да и потом, плохое случилось с кем-то, не с тобой, лично тебя несчастья обходят... Лилидель знала: понять что к чему было подчас невозможно, даже если с кем-то расправлялись совсем рядом. Ей рассказали, что телохранители придумали хитрую технику незаметного удаления мертвого из толпы: вначале его скрывали, плотно сгрудившись вокруг тела, а затем незаметно выносили из зала через ближайшие двери. Человеку было трудно себе представить, что и его могут с легкостью подвергнуть унижению или лишить жизни.

Однако напряжение среди людей росло. В их сознании в конце концов поселилась тревога. Правда, те, кто вращался в высших кругах общества, не отказались от активного образа жизни, это было выше их сил. И все же Лилидель замечала, что ей уже не верят так безоговорочно, как раньше, когда она в очередной раз намекала на угрозу покушения, пытаясь оправдать сына, слишком много линнских семей пребывало в трауре — их сыновья и дочери были жестоко убиты «мясниками» Кэлэджа.

Так прошел год и три недели...

Лилидель не переставая искала ключ к разгадке документа, который был подсунут Клэйном на подпись Кэлэджу, и наконец-то эти поиски увенчались успехом. А ключом таким был абзац из показанного ей послания из провинции от одного из управляющих. Управляющий писал:

«Не будете ли Вы так любезны довести до сведения его высочества, лорда-советника, как мы оцениваем принятые нашим руководством меры для обеспечения безопасности населения на случай, если наши города подвергнутся нападению чужеродных захватчиков и бомбардировкам. Живя в Риане, мы имеем перед глазами ужасающий пример бесчинств — в соседнем городе Мюрэ. Находясь в лучшем положении, чем жители Мюрэ, мы понимаем, что нам есть что терять, а именно — благосостояние, к которому мы шли так долго. На мой взгляд, сегодняшнее благополучие и подняло так высоко рейтинг лорда-советника, даже среди тех людей, которые раньше считали его слишком юным для столь высокого поста. Мы узнали лорда-советника как зрелого государственного мужа, твердого в решениях. Отмежевавшись от ряда скандальных инцидентов, он окончательно завоевал наши симпатии. Мы поверили в него (а вы знаете, что сельские жители — это наиболее консервативная и наименее патриотичная часть населения). И мы теперь знаем: когда горе постучится к нам в дом — с нами будет такой замечательный правитель».

Вот что говорилось в послании. Немного, но для Лилидель вполне достаточно, чтобы понять, чего хотел мутант. Через неделю осторожных запросов она имела полную картину того, как выполнялось задуманное им.

Повсюду, за исключением окрестностей столицы, организованы группы городских жителей и распределены по ближай-

шим фермам. Им предписано осваивать десять процентов городских доходов на строительстве жилых домов, а также особо крупных морозильных сооружений для хранения продуктовых запасов во всех этих сельских комплексах, куда предполагалось переселить горожан, если будет объявлено чрезвычайное положение. За отказ от этих работ грозило тяжелое наказание.

Жилые дома строили таким образом, чтобы они могли быть переоборудованы под зернохранилища. Пока эти дома еще никем не заселялись. Раз в месяц комплексы в обязательном порядке посещались горожанами, приезжавшими сюда группами для ознакомления с местностью. По истечении трехлетнего периода крестьяне могли выкупить постройки, заплатив половину стоимости использованных материалов (стоимость затраченного труда в расчет не бралась), однако они не имели права сносить строения в течение последующих десяти лет. Продукты питания в морозильных камерах оставались собственностью горожан, однако они не могли храниться более пяти лет; после этого их либо продавали, либо отдавали бесплатно нуждающимся.

Обо всем этом и радел Клэйн, подсовывая Кэлэджу на подпись подготовленный им лично текст. Что ж, он своего добился. А Лилидель испытывала удовлетворение от того, что способствовала реализации умного замысла. Это она, узнав о содержании указа, проконсультировалась со специалистами сельского хозяйства и дала исполнителям несколько дельных советов.

Специалисты вначале возражали против проекта. Один из них высказался откровенно:

— Вам не следует так поступать с фермерами. Они не пойдут на это — им невыгодно. Разве что позволить им безвозмездно использовать постройки не через три года, а раньше.

Лилидель чуть было не согласилась тогда с этим приговором проекту, однако вовремя вспомнила, что проект завизирован ее сыном и все думали, что он-то и есть его автор. Вот что заставило ее быть настойчивой.

— Чепуха! — заявила она специалистам, пекущимся лишь о фермерах.— Надо смотреть вглубь, думать о завтрашнем дне... Короче, будем выполнять все по проекту.— И добавила: — Более того, мы расширим проект — включим в число объектов обеспечения и город Линн.

Прошло время, и она сказала Кэлэджу:

— Парадокс в том, что лорд Клэйн создал тебе репутацию мудрого деятеля и укрепил твое положение.

Однако, несмотря на успех, Лилидель не была спокойна. Клэйн не показывался уже больше года. Что с ним? Ведь не умер же... Интересно получается: проект с успехом реализован, а мутант и не знает, что выиграл, собственно, Кэлэдж, а он проиграл. Так что зря Кэлэдж противился осуществлению проекта.

— Ну к чему все придумано? — ворчал он.— Что дадут эти меры? Не вижу в них никакого резона.

Лилидель терпеливо объясняла:

— Они нужны. Ты не должен забывать о наших врагах. Вспомни хотя бы о космолете, который явился с одной из малоизвестных внешних планет. Ох и поволновался твой отец, когда он вторгся... Наш флот провел атаку, но это врагов мало обеспокоило, и космолет все торчал в Линне. Мне казалось, что надо объявить им войну и преследовать, пока не уберутся, но ими занялся Клэйн. Кто знает, что нас ждет. Но важно не только то, что принимаются все необходимые меры, чтобы спасти людей, а и то, что люди одобряют эти меры. Они полагают, что ты взял ответственность на себя, это вызывает у них уважение.

Кэлэдж как-то раздраженно бросил:

— Но я всего лишь подписал какую-то бумагу! — Ему осточертел весь этот шум вокруг программы предупредительных мер, и он устал от материнских назиданий.

Мать пристально посмотрела на него, думая о том, сколько же хлопот он ей доставляет. Ей было трудно понять странные ассоциации, которые порождал его разум в связи с тем или иным событием.

— Что ты хочешь сказать?

Кэлэдж пожал плечами.

— Мне докладывают, что официальный указ с моей подписью, скрепленный печатью, получил каждый из районов. А я подписал — всего один!

У Лилидель кровь отлила от щек.

— Фальшивки! — прошептала она.— Вот на что они способны. В каком же свете нас это выставляет... Необходимо все обдумать.— Ее била дрожь.

Она велела принести документ, и они принялись изучать его.

— Здесь подпись моя, настоящая,— сказал Кэлэдж.— И печать та самая...

— И таких сотни! — подавленно воскликнула Лилидель.

Она не знала о существовании фотостата.

Прошла неделя, а она все еще не решалась что-либо предпринять, потому что не знала — на руку им эта история или надо ждать беды, и чем все это закончится. А между тем сотни гигантских космических кораблей начали парить над горными районами Земли. Из каждого корабля высаживались тысячи ужасных монстров. Это прибыли Риссы... То, чего все так боялись, свершилось.

Лилидель сразу позабыла о злосчастном указе. До него ли, когда жизнь грозила превратиться в ад. Такое не могло и во сне присниться.

Никто в Линне не знал, что лорд Клэйн был жив и здоров. Год с лишним тому назад, снабдив все секции «Солнечной Звезды» необходимыми для полета инструкциями, он занял свое место перед пультом управления, и космолет стартовал.

Первые несколько минут полет проходил нормально, как

всегда, но потом откуда ни возьмись стала наплывать темнота. Она сгущалась очень быстро, и у людей, находящихся в рубке управления, лица исказились страхом.

Клэйн это заметил, но не покинул пульта, хотя он чувствовал, что сердце его куда-то проваливается — ведь судьба их была в его руках.

Через три часа, когда ускорение стало так велико, что казалось — все внутренние органы сжимаются, он снизил его до одного G, чтобы дать возможность приготовить еду для тысяч людей на нижних палубах. Пообедав наверху в своих апартаментах, он через полтора часа довел ускорение до прежнего предельного показателя.

Прошло целых пять часов, прежде чем он снова уменьшил ускорение до одного G, чтобы в течение полутора часов можно было опять что-то приготовить и перекусить. Затем еще четыре часа было максимальное ускорение. В этот период он на короткое время снизил давление, которое было невероятно высоко,— чтобы по секциям раздали новые инструкции.

Командир космолета распорядился о семичасовой продолжительности сна и дал разъяснения относительно ускорения: оно будет несколько выше нормы, но не столь высоким, как в первые часы полета. Он хотел, чтобы люди воспользовались этим и рациональнее вели свою жизнь на корабле, чтобы обрели уверенность в себе и в нем.

Затем он позволил своим офицерам ознакомить наконец всех членов экспедиции с распорядком дня. Сутки делились так: два часа — завтрак, три — ускорение, полтора — обед, пять — ускорение, полтора — ужин, четыре — ускорение, семь — сон. На завтрак отводилось времени больше, чем на обед и ужин, с учетом одевания и гигиенических процедур.

— Это глупо! — заявила Маделина, когда они завтракали, сидя за столом друг против друга.

Клэйн изучающе посмотрел на нее. Это был их четвертый день на «Солнечной Звезде». Вначале ему было интересно, как подействует на жену ускорение и утомительное однообразие повседневного существования в полете. Периодически беседуя с нею за обеденным столом, он уже составил себе представление об ее самочувствии, привычках и отношении к полету. Искренность, проявлявшаяся ею, когда она была пленницей, не оставляла ее и сейчас. Она была пряма в своих суждениях и не утруждала себя притворством. Живые темные глаза ее блестели, когда она смотрела на него.

— Я не вижу причины, почему мы должны были скрыться из Линна,— продолжала Маделина.— Ты нужен там, Клэйн, и должен был там остаться. Быть может, тебя потянуло в путешествие потому, что не летал на дальние расстояния?

Она ни словом не упомянула о его заслугах, и это его удивило. Однако, возможно, говоря о его расставании с Линном, она имела в виду совсем другое? Что именно? Так и бывает... Трид-

цать лет прожил в одиночестве, а теперь будь любезен считаться с другим человеком, близким тебе, и если он говорит с тобой в такой вот критичной, но не унижающей тебя манере, отвечай в тон ему. Клэйн чувствовал, что еще не готов к семейной жизни, и часто не знал, как вести себя с женой.

Был ли он ей благодарен? Представительница линнской аристократии, выйдя за него замуж, добилась чего хотела. Совсем юная, она была непосредственна, как ребенок, импульсивна, нетерпелива, недисциплинированна, неопытна. Но при этом мысли ее были зрелыми. Да, зная все ее недостатки, он все же был ей благодарен. Он не хотел бы расстаться с ней, хотя временами ему казалось, что она может в один прекрасный день покинуть его, найдя себе, к примеру, нового покровителя среди экипажа. Кого же бы она выбрала?.. Может, Чиннара? Нет, уж этот человек не мог быть его соперником...

Он счел нужным объяснить ей, что вовсе не спасался бегством от Лилидель и затеял полет по другой причине. Потом перевел разговор на другое:

— Почему бы тебе после завтрака не подняться в рубку управления вместе со мной? Там рядом есть помещение с прозрачными стенами, из него прекрасно видны звезды.

Маделина пожала плечами:

— Я уже видела Солнце в космосе.

Это прозвучало как отказ смотреть на звезды, и Клэйн не знал, какой реакции она от него ждет, что он должен изобразить — испытываемое облегчение или неудовольствие.

Однако когда через час после этого он менял ускорение, она зашла к нему в рубку.

— Так где обзорный зал, о котором ты говорил? — задорно спросила она.

Клэйн заметил, что несколько офицеров в рубке многозначительно переглянулись. Сдерживая раздражение, он повел жену в «стекляшку». Ее поступок был непростителен — зайти в такой момент! Ведь она знала режим полета, а значит, сознательно нарушала его.

Она, конечно, поняла, что муж сердит — по его голосу, но вида не подала, очаровательно улыбнулась и направилась к двери «стекляшки». Зайдя в обзорное помещение, она остановилась. Клэйн услышал, как она с шумом втянула в себя воздух, после чего шагнула вперед, за пределы его поля зрения. Клэйн вошел вслед за нею и увидел, что она стоит, прижавшись лицом к прозрачной стене, за которой — казалось, всего лишь в дюйме от этой «перегородки» — царила ее величество космическая бездна.

Клэйн тихо встал позади жены, ожидая, когда она поделится с ним впечатлениями. Он все еще дулся на нее из-за этого ее прихода в неподходящее время. Решение ее побывать в «стекляшке» именно сейчас, очевидно, возникло спонтанно. Он подумал, что так же спонтанно совершаются на Земле все глупости, даже сейчас, накануне почти неизбежной, как он считал, катастрофы. С каждым днем все яснее становилось, что

угроза нашествия Риссов сказывается и на человеческих отношениях, порождает множество взаимопроникающих проблем. Эта навязываемая людям война дорого обходится человечеству.

Супруги молчали, внимательно вглядываясь в космическое пространство.

Эта обзорная секция была уникальной по сравнению с другими помещениями на корабле того же назначения: емкость «ящика» выступала за внешнюю оболочку «Солнечной Звезды». Благодаря этому можно было видеть все и впереди, и сзади.

Наконец Клэйн прервал молчание, тихим голосом попенял ей:

— Маделина, ты выставила меня дурачком перед подчиненными, ты ведешь себя странно...

Маделина не сменила позы, не оторвала взгляда от яркой звезды, видневшейся за кораблем, только плечи ее слегка приподнялись.

— А наш полет тебе не кажется странным? — сказала она.— Пусть лучше твои офицеры стыдятся своего бегства с Земли. А мне нечего стыдиться.— Она повернулась к нему, и он увидел выражение упрямства на ее лице.— И послушай, Клэйн, я не собираюсь снова ставить тебя в неловкое положение, не беспокойся. Видишь ли, мне хочется быть доброй к тебе, и я стараюсь, но мне не нравится, что ты так осторожен. Не понимаешь, что ли, что жизнь коротка и нам мало отпущено времени? Все-то ты делаешь рационально — норовишь побыстрей и без риска. Но что касается меня, то я боюсь, что чего-то не доберу в жизни... какую-то долю возможного существования упущу и не смогу восполнить, упущу нечто животворное, без чего скучно в этом мире.— Тон ее голоса стал доверительным: — Клэйн, я все это к тому говорю, что считаю экспедицию ошибкой. Давай вернемся в твое поместье... или резиденцию, можешь его и так называть. Конечно, мы должны быть осторожными, но даже если мы попадем в одну из ловушек Лилидель, я готова вернуться. Я люблю жизнь и не хочу провести ее, стоя на коленях!

Клэйн слушал жену не перебивая. Она посмотрела на него долгим взглядом и вдруг переменила тему разговора:

— Куда мы летим? К Марсу или к Венере?

— Нет, не туда.

— Быть может, к одному из спутников этих планет? Вообще-то если где-нибудь мне будет интересно, Клэйн, то я, возможно, смирюсь с этим полетом. В конце концов, любая девушка стремится провести медовый месяц как можно лучше... А это что за планета? — Она показала на плывущую за космолетом звезду.

— Это — Солнце,— ответил Клэйн.

Вскоре Маделина прилегла на кушетку отдохнуть, а он вернулся в контрольную рубку. Спустя несколько минут «Солнеч-

ная Звезда» с предельным ускорением нырнула в безбрежный космический океан, который с каждым часом становился все таинственнее и чернее.

На пятый день полета в обеденное время Клэйну сообщили, что Чиннар добивается аудиенции. Он немного поколебался, борясь с чувством неприязни к варвару, упорство которого считал главным препятствием на пути к своей цели, потом решил все-таки поговорить с ним.

— Приведите его,— приказал он.

Чиннар вошел и с задумчивым видом сел в кресло, на которое указал ему командир космолета. На его лице отражалась целая гамма противоречивых эмоций, но голос звучал твердо.

— Вы сумасшедший! — бросил он, глядя лорду в глаза.

Клэйн улыбнулся:

— Я не сомневался, что ты это скажешь.

Чиннар сделал нетерпеливый жест.

— Что за логика вами движет?

— Мною движет надежда.

Лицо варвара скривилось.

— Вы отказались быть правителем на Земле, а теперь ушли от нее слишком далеко... Только чрезвычайные обстоятельства могут быть тому причиной, не правда ли?

— Ну что у тебя за мания,— сказал Клэйн,— все время говорить об одном и том же! Да, я ушел от власти, не захотел заниматься политическим контролем, но перед угрозой вторжения Чужих не это главное для Солнечной системы.

— А может, вы просто бежите от опасности в космос? — усмехнулся Чиннар.

— Я пытался тебе втолковать, что имею план спасения людей. Если бы ты знал, в чем он состоит, у тебя не повернулся бы язык винить меня.

Чиннар пожал плечами.

— Но куда мы направляемся?

Клэйн ответил не сразу.

— К планете, которую я нашел на древней звездной карте этой части Галактики.

Он произнес эти магические слова совершенно спокойным тоном. А ведь в них заключалось так много волшебного, волнующего, связанного с научными открытиями древних эпох. Эти слова несли в себе новые знания, превосходящие все прежние.

— Она находится почти в шестидесяти пяти световых годах от Солнца,— бесстрастно сказал он и взглянул на Чиннара: ему было любопытно увидеть, какой эффект произведет на него цифра, обозначающая столь фантастическое расстояние.

Однако лидер варваров не сразу отреагировал. Казалось, ничто не могло его вывести из состояния абсолютного спокойствия. Однако через минуту глаза его широко распахнулись от удивления.

— Люди... так далеко?

— Я хочу, чтобы ты представил себе золотой век науки, Чиннар...— заговорил проникновенно лорд Клэйн.— Безусловно, это не трудно для тебя, человека, доставившего тело первого Рисса в Линн. Давно-давно цивилизация Солнечной системы была в таком расцвете, что потом никогда уже не поднималась на ту же высоту. В то волшебное время космические корабли летали к очень далеким звездам. Затем появились Чужие, и разразилась страшная война. Человеческая цивилизация оказалась фактически похороненной под развалинами своих городов. Однако, к счастью, в открытом космосе сохранились колонии, и они продолжали развиваться. Их научные достижения превосходят все, что сегодня известно на Земле.

Чиннар вскочил с кресла.

— Ваша честь, а ведь именно вы своими действиями и способствуете уничтожению Солнечной системы! — возбужденно воскликнул он.— На кого вы оставили Линнскую Империю? На сумасшедшего юнца и его мать-убийцу! Ответственность за судьбы людей, о которых на словах вы так печетесь, вы переложили на плечи никчемного правительства, которое ударится в панику, как только Риссы нападут на Линн, и потом будет только тупо ждать конца. Ваше богатое воображение нарисовало вам радужную картину, и вы делаете ставку на этот полет. Но подумайте: если те, другие, люди, к которым мы летим, уже нашли средство для борьбы с Риссами, то почему же они не удосужились установить контакт с людьми Земли?

Клэйн немного подумал, потом сказал:

— Есть несколько предположений. Может быть, в настоящее время колонисты не строят уже межзвездных космических кораблей. Или же имеют такие корабли, но, через столько поколений, забыли о существовании Земли. А может, помнят про Землю, но позабыли ее координаты в космическом пространстве.

Чиннар слушал недоверчиво, все больше раздражаясь. Ему не хотелось продолжать этот разговор.

— Ваша честь, нам надо повернуть назад. Я настаиваю на этом. То, что вы говорите,— всего лишь домыслы. Безусловно, без гипотез нельзя обойтись. Я также прибегаю к ним, заставляю работать свое воображение. В противном случае я никогда бы не достиг высокого положения. Это помогает мне рисковать с умом. А рисковать приходится... Направляясь с Европы к Линну, я тоже рисковал. Но нельзя полагаться на одни лишь предположения. Если бы я знал об этом полете в неведомое заранее, я бы ни за что не подчинился вам, независимо от того, есть у вас сфера или нет.

— Чиннар, ты мое величайшее разочарование! — в сердцах воскликнул Клэйн.— Я рассчитывал, что ты все-таки поумеришь свои амбиции, раз это нужно для дела, и добровольно откажешься от удовольствия, которое получаешь от сражений... Знаю, что у тебя есть несколько проектов сугубо оборонительной войны с Риссами. Я надеялся, что, понимая опасность

положения, ты откажешься от их реализации. И что же я вижу? — Лорд сделал рукой жест, показывающий, какое возмущение вызывает у него легкомыслие варвара.— С самого начала ты плетешь интриги, лишь бы добиться своего. Дошло до того, что люди вынуждены защищаться от тебя...

— Так вот вы какого обо мне мнения...— улыбнулся Чиннар.— А эти люди — они, конечно же, чисты, сами интриг не заводят, и если бы на авансцене не появился я, все у них было бы прекрасно...

— Не иронизируй. Любой человек должен уметь жертвовать своими желаниями ради высших целей.

Чиннар сохранял невозмутимо-гордый вид.

— И вам не надоело толковать об одном и том же? Мне — надоело! Я не собираюсь и дальше спорить с вами, ибо начинаю думать, что вы утратили здравый смысл из-за своей наивной, детской мечты. Вы ведь как думаете... Что человек, отрекшийся от собственных идей, предает себя и государство. Правда? Мол, он должен вести борьбу за свои убеждения с теми, кто придерживается иных идеалов. Я убежден — все ваши планы исходят из такого вот юношеского подхода, и в данный момент их целесообразность сомнительна.

Он, ссутулившись, пошел к двери и там обернулся.

— Не забывайте: причина того, что Риссы вторглись в пределы Солнечной системы, скорее всего, в том, что в этом районе космического пространства существует лишь ограниченное число обитаемых планет, до которых могут долететь их корабли. Допустим, *мы* найдем обитаемую планету, где живут люди. Места назначения мы достигнем примерно через...— Он помолчал, стараясь сделать в уме вычисления.— Сколько времени займет полет?

— Видимо, не меньше года,— ответил Клэйн.

Чиннар застонал.

— Безумие! — вырвалось у него.— Полное безумие.

Он вышел, оставив Клэйна в тревоге и расстроенным.

Вне всяких сомнений, вождь варваров был одним из выдающихся военных стратегов эпохи, дерзкой и в то же время осторожной личностью. Он мог бы, досконально и в короткие сроки изучив военный потенциал Риссов, составить прогноз и дать рекомендации для борьбы с ними. Он не ведал боязни ни перед какими расстояниями, а значит, был застрахован от ошибок. А вот поди ж ты, ошибся в расчетах. Наверное, потому, что не имел настоящего понятия о науке, без которого невозможно сделать ни одно верное умозаключение. Да, в этом все дело. Смелость его и талант могут сослужить службу в борьбе с врагом, но одних их мало, чтобы полностью сокрушить его. Интересно — как еще себя покажет Чиннар? Вероятно, лишь космос даст на это ответ.

Миновала неделя. Полет проходил рутинно, жизнь на космолете шла своим чередом.

Поначалу Клэйн держался с лидером варваров отчужденно,

не забывая, что имеет дело с бывшим противником. Но он понимал, что вечно так продолжаться не может. «Вражда исчерпала себя,— говорил он себе уже не раз,— не могла не исчерпать. А значит, кому-то из нас придется сделать первый шаг к примирению. Лучше, чтобы ты сделал его. Люди поймут тебя».

Только одно продолжало терзать его и стало причиной нервозности, которая за неделю заметно возросла. Он помнил, как Чиннар, не чинясь, заявил, что не будет с ним сотрудничать.

Привычная сдержанность стала изменять командиру космолета. Он сам не заметил, как начал шпионить за Чиннаром. С досадой он обнаружил, что на нижних палубах полным ходом ведутся военные приготовления, но не особенно удивился этому, хотя и был огорчен. Чиннар принял меры, чтобы исключить утечку информации, но это лишь говорило о том, что он недооценивал возможности научного подхода к разведке. Зато ему не было равных в подготовке к военным действиям. Придумал даже, как использовать взрывные устройства Риссов, обнаруженные в одном из трюмов. Несколько команд, обученные применению стенобитных таранов, практиковались в быстрейшем разрушении люков, отделяющих одни отсеки корабля от других,— эти люки были устойчивы к взрывным устройствам. В армии варваров поддерживался великолепный порядок. Численность подразделений была оптимальной для сражений на участках с ограниченной площадью.

Бунт на «Солнечной Звезде» должен был подняться на восьмую «ночь». За двенадцать часов до этого срока лорд Клэйн пригласил вождя варваров к себе наверх — якобы для того, чтобы осмотреть оружие Риссов. Задумав прибегнуть к одному из испытанных трюков, он оправдывал себя тем, что без этого выполнение им задуманного отодвинется слишком надолго. Что делать, раз он не смог убедить Чиннара быть с ним заодно.

Прошло несколько часов, прежде чем Чиннар согласовал наконец со своим штабом время встречи с командиром космолета. Его посыльный сообщил Клэйну, что предложение принято. Однако подготовка к мятежу не была приостановлена.

Чиннар прибыл в назначенное время в сопровождении двух военных инженеров. Сделав вид, что не заметил протянутой Клэйном руки, он надменно сказал:

— Вы, безусловно, не вправе ждать, что я буду дружески настроен к человеку, который подверг меня пыткам.

— Но не убил тебя,— подчеркнул Клэйн с легкой улыбкой.

— Только потому,— парировал Чиннар,— что надеялся усилить свою армию за счет моих войск. Ладно, в конце концов, я должен иметь представление о том, что нас ждет, а заодно и убедить вас в собственных способностях... Мы готовы приступить к обучению. Начнем?

Клэйн внимательно посмотрел на молодого военачальника, и у него возникло смутное чувство сожаления: великий человек, а не понимает, на что замахнулся. Все говорит о том, что он не осознал эту тяжелейшую реальность — угрозу войны с Риссами.

Вот и теперь варвар показал свое неведение. Заявив, что он хотел бы видеть незнакомое ему оружие, он сказал:

— Прежде чем попасть на «Солнечную Звезду», я был «сфотографирован» какой-то машиной, и мои офицеры тоже. Объясните — для чего это было сделано?

Клэйн провел его и инженеров в контрольную рубку, где осуществлялось управление боевыми системами специального назначения и стояли огромные кресла и крупногабаритное оборудование. Сам встал сзади, наблюдая, как инженеры осматривали приборы и различные приспособления, обмениваясь при этом мнениями. Чиннар разделял их изумление — трудно было остаться равнодушным при виде всех этих механизмов.

— Я вижу — Риссы нас по всем статьям сильно обогнали.

Клэйн ничего не ответил на это замечание. Взгляд его непроизвольно упал на пол с фибровым настилом прекрасной выделки. Он знал, что под этим настилом был когда-то другой. Как-то он отогнул край покрытия у стены и обнаружил под ним клочковатые остатки какого-то материала — он определил, что это разновидность пластмассы. Рабочие, стелившие новое покрытие, видимо, не могли везде отодрать материал. Это натолкнуло Клэйна на мысль, что корабль довольно старый. Материал прежнего настила разрушался в течение столетий неравномерно, и Риссы *не знали*, как полностью очистить от него пол.

Имелось и другое доказательство того, что Риссы не все могли. Некоторые из контрольных цепей, как ни удивительно, работали вхолостую. Проследив за их разветвлениями, Клэйн обнаружил совершенно пустые помещения, в которых, однако,— это было ясно,— когда-то стояли машины.

Клэйн начал понимать, что у Риссов были свои трудности и немалые. Их цивилизация не была сбалансированной. Но судьба была к ним более благосклонна, чем к людям, они продвинулись в науке и смогли продолжить строительство межзвездных кораблей. А может, просто приспособили для своих нужд космолеты, принимавшие участие в битвах смертоносной войны пятьдесят веков назад и не сумели «оживить» некоторые из машин на этих космолетах.

Постепенно Клэйн составил представление о прогрессе двух цивилизаций. В упорной борьбе, выжив в тяжкие времена, они выбрались из бездонной ночи космоса, причем Риссы в научно-техническом отношении ушли далеко вперед. Люди, к сожалению, в первом же, решающем, сражении утратили свои преимущества.

— Надеюсь, вы поправите меня, если я сделаю что-то не так,— сказал Чиннар, устраиваясь в одном из «контрольных» кресел, стоящих одно за другим.

Казалось, он уже позабыл о защитном устройстве «фотографирующей» машины. Принявшись манипулировать цифровыми дисками, он при каждом наборе цифр задавал вопросы, а инженеры делали в своих блокнотах записи. Варваров интересовали функция и действие каждого приспособления. И хотя Чиннар был весь внимание, ни один ответ не казался ему ис-

черпывающим. Не раз он, покачав головой, признавался:

— И все-таки я не совсем понимаю, как эта машина работает.

Клэйн воздерживался от слишком подробных объяснений. Сам он разбирал машины на части, потом собирал их снова. Однако понимание принципа действия этих машин оставалось проблемой различных уровней мышления двух цивилизаций. Он попытался скопировать казавшиеся ему простыми узлы и схемы, но без успеха. К счастью, склады космолета-великана были заполнены дубликатами, поэтому были еще возможны самые широкие эксперименты.

Чиннар начал понимать цель экскурсии. Его взгляд скользил вдоль панели с инструментарием, и было неудивительно, что его внимание привлекло защитное устройство. Он стал изучающе разглядывать прибор, установленный на контрольном терминале. Прибор не был похож на «фотографическую» машину с телескопической трубкой, которая сделала его портрет. Он внимательно осмотрел ряды зажимов, жестко закрепленных над дисками.

Клэйн шагнул к панели.

— Это и есть *то самое*.

Свой рассказ он начал с напоминания о крупных научных открытиях, лежащих в основе работы всей аппаратуры контрольной рубки, и с объяснения ее устройства.

— Наверное, ты знаешь... а может быть, и нет, что девяносто химических элементов в периодической системе состоят из атомов, а те, в свою очередь,— из сложных структур, включающих в себя атомное ядро и движущиеся по орбитам частицы. Внешнее «кольцо» каждого атома, состоящее из частиц, играет главную роль в любой химической реакции. Если внешние «кольца» двух элементов похожи, очень трудно разделить их химическим путем. Естественно, гроздья таких атомов находятся в состоянии беспорядочного движения. Они формируют по разным направлениям постоянные радиоактивные заграждения на различных энергетических уровнях. На первый взгляд может показаться, что на уровне частицы излучение отдельного объекта должно точно соответствовать радиоактивному излучению другого тела. Однако это не так. Диаграммы Риссов, которые я изучал,— а на борту есть также несколько интересных фильмов, иллюстрирующих данные материалы,— свидетельствуют о том, что это излучение неодинаково. Такой вывод возможен, только если подходить к радиации, опираясь на критерии времени и пространства. Она существует в различных пределах времени-пространства... Признаюсь, мне было чертовски трудно сформулировать то, что удалось понять.

Клэйн помолчал немного. Он рассказывал об этом другим впервые, и испытывал волнение, которое все возрастало. Эмоции особенно захлестывали его, когда он думал о колоссальной сокровищнице научно-технических достижений, попавшей в его распоряжение вместе с кораблем Риссов. Он старался справиться со своими чувствами и говорить спокойнее.

— Машина,— он указал на приборную панель «защитника»,— испускает поток излучения, которое пронизывает пространство-время внутри и вокруг корабля. Излучение увеличивает или уменьшает уровень энергии в несколько сотен тысяч раз в секунду. Когда оно резонирует и вторгается в пространство-время какого-нибудь другого вида излучения, температура объекта, на который оно воздействует, поднимается. В этот процесс втягиваются все частицы, за исключением «защищенных» атомов. «Защита» осуществляется просто. Когда вы «сфотографированы», изображение остается здесь, в системе туб, посредством которых впоследствии воспринимается и фиксируется ваше местонахождение в пространстве. Это позволяет отыскать вас среди миллиардов других объектов с целью либо «защитить» вас, либо уничтожить. В настоящий момент скачкообразное излучение есть вокруг вас, меня и других людей на «Солнечной Звезде». Оно пронизывает все объекты на корабле, воспринимая или отторгая их со скоростью несколько сотен тысяч раз в секунду.

Сделав паузу, Клэйн перешел к главному:

— Перед вами одно из смертоноснейших орудий, изобретенных специально для уничтожения живых существ. Скажу откровенно: если бы я знал, что у Риссов есть такое на борту космолета, едва ли решился бы атаковать их. Люди, принимавшие участие в атаке на космических аппаратах, все погибли. В с е. Офицеры моего штаба и я спаслись только потому, что патрульная лодка Риссов, на которой мы летели, имела на борту «защитную» камеру и она автоматически «сфотографировала» нас. Очевидно, в этом и состоит назначение спасательных лодок — без помех доставлять на космолет необходимые образцы.

Так закончил он свой обзор. Долгая тишина, наступившая после этого, не слишком удивила его. Первым нарушил молчание Чиннар:

— Так вы говорите, это оружие действует избирательно — только против живой материи?

— Да, так оно устроено.

— Но пробовал ли кто-нибудь применить его против неживой материи? Вы ведь именно ее подразумевали под словом «объект»?

Клэйна в который уже раз поразила необыкновенная прозорливость вождя варваров. Ему пришлось согласиться с этой его догадкой.

— По правде говоря, я сам еще не вполне разобрался, насколько эффективно это оружие можно использовать против неорганической материи. Оно поднимает температуру в радиусе действия до шестидесяти градусов. Это смертельно для живых организмов, а вот, например, деревья выжили бы в таких термоусловиях.

— Но тогда можно ли утверждать, что это оружие способно целиком уничтожить нашу планету?

— Не вижу, каким образом это может произойти.

Чиннар кивнул.

— Именно это я и хотел знать.— Тон его голоса говорил о том, что он понял, зачем ему и его инженерам так подробно рассказали обо всем оборудовании контрольной рубки. В его глазах Клэйн заметил наемешку.

— Ты должен попробовать еще раз...— сказал командир космолета.— И ты убедишься, что у меня нет желания напугать тебя, все на самом деле так, как я говорю.

Он был недоволен собой: в споре с варваром из него получался плохой оппонент. И вообще, эта затея — посвятить Чиннара в святая святых — ничего хорошего не дала. Он хотел заговорить с инженерами, надеясь, что хоть они примут его сторону, но передумал. Молча устроился в одном из кресел и начал манипулировать с приборами, контролирующими оружие. Он был не прочь продолжить обсуждение и чувствовал, что Чиннар желает того же. Он принялся объяснять особенности необычного оружия.

Оружие действовало на молекулярном уровне и определенно не было радиоактивным. Оно вызывало у любого объекта поражения смятение молекул, в результате чего объект сгорал в бледно-голубой вспышке, мгновенно разлагаясь на газообразные компоненты. Оружие могло применяться и против органической, и против неорганической материи. Однако его эффективность была ограниченной, поскольку поражаемый объект надо было держать на прицеле. Клэйн еще не выяснил, автоматическое ли это оружие.

— Я успел только опробовать его,— сообщил он.— Не было времени хорошо изучить. А «защитник» изучил неплохо. Он по своим свойствам превосходит все устройства аналогичного назначения, которыми мы располагаем...

— А сфера нейтрализует его,— быстро сказал Чиннар.

Клэйн посмотрел на варвара долгим строгим взглядом, но тот не отвел глаз.

— Подумайте, ваша честь, что будет, если Чужие попытаются приземлиться... Сфера уничтожит каждого, кого встретит на своем пути. Они все погибнут...

— Но им тоже не много усилий потребуется.— Голос Клэйна звучал ровно, даже монотонно, будто он говорил нечто совершенно обычное.— Им достаточно низко пролететь над одним из наших городов со включенным «защитником», и все в городе будут мертвы. За определенное время сотня их кораблей может стереть человеческое население с лица Земли.

Чиннар по-прежнему смотрел ему прямо в лицо.

— Тогда почему они применили против городов атомные бомбы большой мощности?

Клэйн понял, что от него требовали обоснованного ответа.

— Полагаю, это то оружие, которое помогло им когда-то почти уничтожить человеческую цивилизацию. С тех пор они его значительно усовершенствовали. Они, конечно, не предполагали, что мы обнаружим его на их исследовательском корабле. Последствия его применения были бы еще страшнее, не будь эвакуации городского населения.

— Чиннар покачал головой.

— Ваш ответ логически не завершен. Непобедимое оружие не должно прятаться. Вы сказали, что опробовали его... Зная вашу скрупулезность, я не буду гадать, известен ли вам радиус его действия...

— Примерно две с половиной мили,— уверенно сказал Клэйн.

— Но при таком радиусе действия эффект поражения, без сомнения, выше на расстоянии одной мили, чем двух.

— Да,— подтвердил Клэйн,— чем ближе корабль, тем температура выше. Даже на расстоянии две с половиной мили излучение все еще гибельно, хотя смерть здесь наступает не сразу: человек агонизирует в течение нескольких часов.

— А если между излучением и жертвой устанавливается барьер?

— Люди на кораблях линнского флота были защищены металлической оболочкой в несколько дюймов, однако все погибли,— ответил Клэйн.

— Если бы защита была такова, как вы говорите,— стал доказывать Чиннар,— они должны были погибнуть, когда еще находились более чем в двух милях от космолета Чужих. А на самом деле они довольно близко подобрались к нему — чтобы пойти на таран. Если бы атакующие не были в зоне контроля — на расстоянии полных двух миль, то лишь немногие смогли бы достичь цели.

Клэйн снова пришел в раздражение.

— Хорошо, пойдем дальше. Предположим, что какая-то небольшая часть людей сумела вырваться из зоны действия их оружия. Тысяча или даже десять тысяч человек уцелели и могут продолжать драться. Но ведь одного этого мало, чтобы их задача была выполнена. Чужие, скорее, вообще проигнорируют столь малое количество противника.

Чиннар поднялся с кресла.

— Ваша честь,— сердито сказал он,— уже ясно — нам с вами не понять друг друга.

Клэйн видел его насквозь и не хотел уступать. Спор достиг критической точки.

Чиннар решил выложить свои доводы.

— Ваша честь, я прежде всего человек военный, тогда как вы — ученый. Вы опасаетесь, что будет убито много людей, а для меня это второстепенный фактор. Людей часто убивают, если не в войнах, то из-за вражды или еще из-за чего. А войны вспыхивают периодически, поэтому в далекое будущее пока нет смысла заглядывать...— Чиннар говорил теперь зловещим тоном.— То, что военный человек думает категориями потерь,— неудивительно, это часть его существа. На мой взгляд, только талантливые вожди должны быть надежно защищены. В войну гибель первоклассного военного стратега чревата карастрофой для всей расы людей. Она может привести к поражению и далее — к рабству всего населения, если не к полному его уничтожению.

Клэйна подмывало прервать варвара, но он заставил себя выслушать его до конца. Потом, молча поразмыслив, сухо сказал:

— А кто возьмет на себя смелость решать, значим или незначим человек для сражения? Не ты ли сам?.. Ладно, продолжай.

Чиннар сердито стрельнул в него глазами.

— В жестких правительственных структурах один человек может проиграть все сражения, но при этом сохранить свой пост. А смелый и решительный генерал при поддержке достаточного числа людей может взять под свой контроль все вооружения и добиться перевеса сил в свою пользу. Это я к тому говорю, что в Линне ситуация складывалась благоприятно для одного человека — для вас. А вы...— в голосе его звучало легкое презрение,— вы потеряли самообладание.

— Продолжай,— опять проговорил Клэйн.

— Цена такого лидера складывается из знания им приемов войны и твердости характера, благодаря которой он не допустит передачу захватчикам своих земель и капитуляцию, если только это не диктуется военной необходимостью и уверенностью в том, что без данных уступок невозможно в конечном счете одержать победу, причем противник сполна расплачивается за эти уступки.

— Даже если бы мы отдавали жизнь одного человека за двух Риссов,— сказал Клэйн,— мы, вероятно, целиком уничтожили бы в конце концов свою сообщность, тогда как у них прирост населения на одной или двух планетах восполнил бы все потери всего за год. По самым заниженным оценкам, мы рискуем потерять десять человек против одного их убитого воина.

— Это вы так считаете.— Чиннар с досадой махнул рукой.— Другим вы не сможете доказать, что риск настолько велик. И вы ошибаетесь, полагая, что я против миссии, о которой вы говорили. Мне только кажется, что мы опоздали с нею. Прежде всего нам необходимо обеспечить защиту Солнечной системы. Надо, чтобы Риссы поняли: ни в одном районе наших планет они не смогут высадиться нормально. Позднее, когда мы создадим оборонительные линии и будем знать, где и в какой обстановке придется драться с ними, когда население привыкнет к условиям развертывающихся сражений,— тогда и только тогда мы привлечем других людей к этой работе, из иных миров.

Для Клэйна ничего нового в предложениях Чиннара не было. Кроме того, он считал, что некоторые пункты его программы не вполне учитывают реальную ситуацию.

— Во-первых, я не допускаю, чтобы один или два человека были незаменимы для человеческой расы, даже если им с помощью политических уловок удастся убедить большое число доверчивых людей в том, что они могут встать у власти. Лично я не стараюсь быть незаменимым. Наоборот, всем рассказываю, как, на мой взгляд, должна вестись война с Риссами. Думаю, что при теперешнем кризисе джентльмены, которых ты имеешь в виду, откроют свои намерения.

— Слишком поздно! — воскликнул Чиннар.

— Войну между Риссами и людьми нельзя выиграть, победив лишь на одной планете... да даже и в пределах всей Сол-

нечной системы. И вообще, я не уверен, что нужно во что бы то ни стало добиваться победы. Это во-вторых...

— А я бы,— перебил собеседника Чиннар,— поставил ограниченную задачу и постарался выполнить ее при содействии противника, но так, чтобы он об этом не догадался.

— А в-третьих,— продолжал Клэйн, не реагируя на реплику варвара,— мы, конечно же, ни в коем случае не будем действовать, ставя под угрозу гибели половину или, тем более, три четверти населения. Командующий, допускающий такое истребление народа, преступно безответствен.

Чиннар хрипло рассмеялся.

— Хороший командующий сам определяет минимум жертв, без которого не обойтись. Если приходится выбирать между полной катастрофой и потерей трех четвертей населения либо даже большей его части, ясно, какое решение он должен принять.

— Я уверен,— сказал Клэйн,— что, следуя этим принципам, смогу привлечь на свою сторону даже Лилидель, только мне придется держать ее в определенных рамках... Есть и четвертый принцип. Прежде чем я о нем скажу, я хочу, чтобы ты узнал, как в этой части пульта осуществляется управление оружием.— Он указал на приборы, которых Чиннар еще не касался.

Лидер варваров устроился в кресле перед этими приборами. Едва он дотронулся до кнопок, как на большом стенном экране прямо перед ним появилось соответствующее изображение — космический пейзаж.

— Окно? — с сомнением спросил он, нахмурившись.

Клэйн, не ответив, бросил:

— Продолжай.

Чиннар стал быстро перебирать кнопки. Внезапно он весь напрягся: руки его коснулись приборов, которые демонстрировали происходящее внутри «Солнечной Звезды». В полной тишине щелкали переключатели, и после каждого переключения он видел на экране новую сцену, слушал разговоры, транслирующиеся через вмонтированные в приборы громкоговорители.

В каютах, в коридорах, в огромной корабельной кухне беседовали люди. Иные молча работали либо отдыхали. Никто из них не подозревал, что за ними наблюдают. Всевидящие камеры бесстрастно показывали всю жизнь людей на космолете Риссов. Здесь были и любовь, и дружба, и ненависть, и интриги... В штаб-квартире Чиннара, в той части лайнера, где размещались варвары, шли приготовления к мятежу. Камеры обнажали то, что до сих пор было скрыто от посторонних глаз.

Наконец Чиннар отключил приборы. С минуту он сидел не двигаясь, все так же спиной к Клэйну, задумчиво глядя перед собой. Потом повернулся к нему и как ни в чем не бывало спросил:

— Так что за четвертый принцип, о котором вы еще не сказали?

Клэйн неприязненно посмотрел на него. Опять их дискуссия возвращалась на уровень детского разговора. Он старался в

своем плане стать выше политики, отказывался от применения насилия, но не мог так объяснить свой замысел лидеру варваров, чтобы тот стал на его точку зрения. Разговор у них получался каким-то несерьезным, ничего хорошего не обещающим.

— Все очень просто: мы на пути к другой звезде. Момент ответственный, и я, как приверженец твердого руководства, позаботился о том, чтобы укрепить свои позиции. Пока я руковожу полетом сам, он будет проходить, как до сих пор. Но если я вдруг обнаружу, что кто-то рвется изменить курс «Солнечной Звезды», я, видимо, вынужден буду привести в действие «защитное» устройство — чтобы предотвратить вред, который могут нанести заговорщики. Ясно ли я говорю?

— Весьма,— ответил Чиннар и отвернулся.

На этом их спор закончился. Ни один из них не чувствовал себя победителем.

Прошел год и восемнадцать дней. Полет гигантского космолета приближался к концу.

Подобно двум огромным лунам, в космической бездне перед ним маячили две планеты-близнецы. По их размерам и расстоянию между ними можно было понять, что планеты вращаются одна вокруг другой и одновременно следуют по эксцентрической орбите вокруг жаркой голубой звезды — их солнца.

«Солнечная Звезда» приближалась к ним по линии, проходящей посередине межпланетной дистанции.

Технические руководители — и варваров, и линнцев — собрались в обзорном помещении, где были и Клэйн с Чиннаром. Шел оживленный обмен мнениями.

— Безусловно, и там и там есть атмосфера.

— Вполне различимы континенты и океаны...

— Смотрите, это, должно быть, гора! Видите — она отбрасывает тень!

Клэйн слушал молча. Он ждал, когда все поделятся своими впечатлениями, чтобы высказаться самому. А может, думал он, кто-нибудь до него скажет о том же? Он не ошибся.

— Вы заметили — между планетами был какой-то блеск? — сказал один из офицеров.— Несомненно, это летел корабль. Значит, между ними есть транспортное сообщение.

Другой дополнил его:

— В затемненных районах на правой стороне планет сейчас ночь. Я ничуть не удивлюсь, если увижу огни города.

Внезапно разговоры смолкли, и все повернулись к командиру космолета. Клэйн улыбнулся и взглянул на Чиннара.

— Они хотят, чтобы я подтвердил, что мы найдем там людей,— пробормотал он.

Чиннар с безразличным видом пожал плечами.

Клэйн оглядел свой пестрый по составу штаб, часть которого была все так же враждебно настроена по отношению к нему, как и раньше, год назад.

— Джентльмены,— обратился он к офицерам,— подумайте вот над чем. Города уязвимы и обычно не могут спастись от напа-

дения. Поэтому, полагаю, там нет никаких городов. Однако я не утверждаю, что между этими планетами нет регулярного транспортного сообщения.

Подойдя к пульту, Клэйн включил приборы вспомогательного рулевого управления. Космолет начал медленно разворачиваться по курсу. Все поняли, куда он взял курс — на планету, которая еще несколько минут назад была справа от него. Близнец Первый — так кто-то предложил назвать ее. На звездной карте Клэйна у каждой из планет было собственное название — Внешнемир и Внутримир, однако он не упомянул об этом.

Никто не стал обсуждать решение командира «Солнечной Звезды». Все понимали: благодаря быстроходности лайнера любой из двух планет можно было достигнуть всего за несколько дней.

Космолет на умеренной скорости вошел в атмосферу планеты. Потом снизился почти до уровня моря, и пока он летел на высоте трех миль над дикой холмистой местностью, перерезанной множеством водяных артерий, полет был ровным. Внизу темнели обширные лесные массивы, отливали изумрудом красивейшие долины.

Стоя у Чиннара за спиной, Клэйн грустно вглядывался в незнакомый ландшафт.

— Эту планету Чужие не обнаружили,— сказал варвар.— А могли бы захватить ее без борьбы.

Клэйн неожиданно для самого себя рассмеялся.

— Надо этому только радоваться, Чиннар. Если обитатели Близнеца Первого или Близнеца Второго не снабдят нас супероружием, Земля не сможет бороться с Чужими.

Чиннар не успел ничего сказать в ответ. Кто-то воскликнул:

— Селение!

Клэйн пересчитал широко разбросанные дома — их было девятнадцать. Затем увидел еще дома — эти отстояли друг от друга еще дальше. Около ста акров земли было занято ровными рядами деревьев, что наводило на мысль о садах, и зелеными полями, засаженными какой-то растительностью. Двигающихся точек он не заметил, как ни присматривался. Это вовсе не было удивительным: человеческие фигуры не могли быть видны с высоты.

Вскоре они уже летели дальше. Дома затерялись в туманной дымке, однако волнение, вызванное ими в обзорном зале, еще не улеглось.

Клэйн рассуждал вслух, глядя на лидера варваров:

— Предположим, на планете есть сельскохозяйственная община... Это не помеха для нас: высадившись здесь с нашими воинами, мы возьмем под контроль все пространство. Если же все-таки не удастся найти оружие, какое нам нужно, тогда поставим другую задачу — сохранить в этом регионе ядро цивилизации...

Чиннар и двое наблюдателей слушали его не перебивая, с кислым выражением на лицах.

— Все будет зависеть от того, что мы найдем там, внизу.

Возможно, что-то такое, чего вовсе не ждали.— И командир космолета перевел разговор на другое: — Как ты думаешь — стоит ли сейчас произвести посадку?

Они решили высадить своих людей близко от деревень, чтобы разместить их в сельских домах. Деревни были небольшие, в самой крупной насчитывалось двадцать восемь домов. Расчет был на то, что если явятся шпионы, то они, по всей вероятности, не смогут прятаться в столь малых селениях. Шпион хорошо себя чувствует в крупных городах, таких, как Линн, куда ежедневно прибывают иностранцы из различных частей Солнечной системы, а в такой деревне пришлый человек сразу привлекает внимание. Несомненно, возникнут языковые трудности, и это может помешать общению с местными жителями, без которого не получить нужной информации. И надо предусмотреть также возможное сопротивление или враждебность населения — не исключено, что придется применить силу.

— Приготовиться! — дал команду Клэйн.

В течение долгих месяцев полета отряды воинов тренировались, чтобы наконец осуществить эту экспедицию. Провожая десант — три патрульных лодки с линнцами и три с варварами,— Клэйн сказал:

— Я надеюсь, что через четыре часа мы все соберемся здесь, и у нас будет необходимая информация.

Клэйн вернулся в обзорное помещение за несколько минут до условленного времени. Когда он вошел, зал возбужденно гудел. Командиры патрульных лодок, за исключением одного, который еще не вернулся, тут же принялись докладывать, но как-то суетливо, перебивая друг друга, что ему не понравилось. Перекрывая шум голосов, он приказал резким тоном:

— Говорите по очереди.— И повернулся к Чиннару.— Первым пусть докладывает один из твоих.

— То, что мы обнаружили, есть в любой из наших небольших сельских общин,— начал рассказывать офицер.— Жители деревни — люди, похожие на нас. Как и положено по инструкции, мы не предпринимали никаких враждебных действий, вели себя дружелюбно. И мы без труда смогли объясниться с ними. Вначале больше мы говорили, и они быстро поняли, чего мы хотим. Один мужчина и одна женщина все нам показали. Дома у них деревянные, простейших конструкций, мебель лучше, чем мы ожидали. Никаких механизмов... И вот что мы узнали: планета называется Внешнемир, а та, другая — Внутримир. Одна из женщин сказала, что ее сестра живет на Внутримире и что она время от времени навещает ее. Однако мы не нашли то место, откуда взлетают космические корабли. Планеты очень похожи; люди там и там живут исключительно на фермах и в деревнях. Названия Земля, Линн, Солнечная система жителям планет совершенно незнакомы. Что еще сказать... Некоторые из нашей команды, те, что побойчее, заинтересовались местными женщинами. Ну, вы знаете, каковы наши парни.

Офицер сделал паузу.

Клэйн быстро оглянулся на Чиннара, чтобы посмотреть на его реакцию. Ему по душе была способность вождя варваров держать подчиненных под контролем, и было любопытно, как повели себя его люди в незнакомой обстановке. Чиннар с лукавой улыбкой подмигнул ему. На что он намекает? — подумал Клэйн. Обычно он не пользовался такими вульгарными приемами. Офицер, наблюдавший за ними, просветлел, голос его стал веселее.

— Рудж у нас, как все знают, парень своеобразный и поступил оригинально. Увидев женщину помоложе, он поволок ее в кусты. Женщина хихикала, шума не стала поднимать, поэтому я решил не вмешиваться.

— А что случилось потом?

— Я наблюдал за жителями деревни — они нисколько не обеспокоились. Я виноват: мне следовало знать, что могло случиться нехорошее. И минуты не прошло, как Рудж вернулся. Я видел, что он растерян, и подумал — девица сбежала от него. Но ничего не сказал, чтобы парни не стали смеяться над ним. Но этот полоумный не смог держать язык за зубами и сам себя подвел.

Чиннар слушал терпеливо.

— Дальше.

— Мы задали местным жителям множество вопросов. Я бы удивился, если бы вдруг выяснилось, что они ничего не знают о Риссах. И действительно, один из селян сказал: «А, вы имеете в виду Риссов». Оказалось, они торгуют с ними.

— Торгуют?! — поразился Клэйн.

Офицер взглянул на него, потом на Чиннара. Чиннар кивнул ему: мол, все в порядке.

— Так он сказал, ваша честь. И ошибиться мы не могли, потому что дали им точное описание Чужих.

Клэйн перестал вышагивать по залу и остановился перед офицером.

— Но это означает,— произнес он озадаченно,— что здешние жители нашли какой-то способ поладить с нашими врагами? Иначе почему Риссы их не трогают, в то время как отправляются на Солнечную систему и угрожают там людям истреблением, отказываясь даже установить контакт с ними? Нет, я не могу поверить, что у них нормальные взаимоотношения с монстрами. Людям едва ли удастся решить эту проблему на отдельно взятой планете... Однако продолжай,— сказал он командиру лодки.

— Я знал, что вы захотите опросить кого-то из жителей деревни лично, и предложил, чтобы один из мужчин и одна из женщин прибыли с нами на «Солнечную Звезду». Силу мне не хотелось применять — лучше действовать убеждением...

— Естественно.

— В общем, нашлись желающие... Я уверен, наши люди поступили бы точно так же.

— А дальше? — спросил Клэйн.

— Когда лодка набрала высоту, я случайно оглянулся и увидел, что мужчина из деревни прижимает женщину к борту.

Не успел я сообразить, что происходит, как он замахнулся на нее. Я бросился к ним, чтобы его одернуть, и вдруг вижу — ни его, ни ее. Все произошло мгновенно.

Клэйн испытующе смотрел на него.

— На какой высоте вы были?

— Мили две.

— А вы посмотрели за борт?

— Да, посмотрел. Я подумал, что они, возможно, спрыгнули.

— А их не столкнули?

— Я подумал об этом, зная, что наши люди слишком часто поддаются первому порыву.

Верно подмечено, подумал Клэйн. Именно такова была главная причина бойни, происшедшей во время полета «Солнечной Звезды», когда было убито тысяча двести девятнадцать человек. Судьи Чиннара приговорили каждого из убийц к сотне ударов плетью — по десять ежедневно в течение десяти дней. Вначале Клэйну казалось, что несколько казней через повешение подействовали бы сильнее, однако только трое из выпоротых вновь совершили правонарушения. Очевидно, наказание плетью глубоко проникало в сознание, и не только тех, кто его получал.

— Ну вот и все, ваша честь,— закончил офицер свое сообщение.— Да, еще я должен сказать — Рудж признался мне, что девушка, приглянувшаяся ему, исчезла в кустах точно таким же образом, как и мужчина с женщиной в нашей лодке.

Сообщения командиров других четырех лодок почти ничем не отличались от рассказанного первым офицером, если не считать мелких деталей. Все пытались доставить гостей на «Солнечную Звезду». В двух случаях приглашение было отвергнуто, и пришлось взять мужчину и женщину под стражу, но они потом «испарились». И с другой лодки исчезла пара Внешнемирян, когда лодка поднялась на высоту мили, словно устав от «игры», которую вели с нею. На одной из лодок парень, похожий нравом на Руджа, обидел женщину из деревни Внешнемира, после чего она пропала из виду. Лишь командир пятой лодки почти что преуспел в доставке Внешнемирян на космолет, однако в последний момент они тоже исчезли из поля зрения.

— Я думал, что они затерялись среди наших,— сокрушался он.— Мои солдаты и сейчас еще их ищут. Но я предполагаю, что они испугались нашего гудящего «улья» на космолете и вернулись домой. Интересно — как они это делают?..

Из этих сообщений Клэйн составил себе какое-то представление о жителях планеты и теперь хмуро размышлял над некоторыми деталями.

Вдруг в зал ворвался командир шестой группы десанта, бледный и возбужденный.

— Прочь с дороги! — крикнул он стражникам, стоящим у дверей.— У меня важные новости!

Освободился проход, и он быстро приблизился к Клэйну.

— Ваша честь! — задыхаясь, начал он докладывать.— Я опрашивал селян... и один из них, к моему удивлению, упомянул о корабле, похожем на «Солнечную Звезду»... Да, он так и ска-

зал: «похож на ваш». Только корабль этот — у второй планеты, за пределами ее атмосферы. Он называл ее — Внутримир.

Клэйн небрежно кивнул. В такие минуты, как эта, когда надо принимать решения, он лучше всего себя чувствовал. Подойдя к Чиннару, он сказал:

— Высадимся все, кроме боевых команд. Приземлимся на ночной стороне — там обширные необитаемые районы. После года полета так хорошо ступить на твердую почву...

— А как быть с кораблем Риссов? — спросил Чиннар.

— Будем бдительными, и надо стараться избегать столкновения.— Внезапно Клэйна охватило волнение.— Я предвижу трудности, Чиннар, много-много усилий придется приложить, если мы хотим изучить жизнь там, внизу, достаточно полно.

— Да,— согласился лидер варваров.— Только нам необходимо быть начеку. Вы не против, если часть моих офицеров останется здесь дежурить вместе с вашими? Вместе они будут лучше охранять «Солнечную Звезду»...

Волнение Клэйна уже улеглось, он внимательно слушал Чиннара. Его доводы казались ему разумными.

— Ты прав. Чтобы исключить попытку захвата, пусть они дежурят вместе.

Они улыбнулись друг другу — два человека, которые, несмотря ни на что, понимали друг друга.

Посадка прошла без происшествий. Клэйн шагнул на траву и остановился, глубоко дыша. Воздух пах настолько остро, что можно было предположить наличие в атмосфере незначительного количества хлора. Это было необычно, если учесть естественное свойство этого газа легко вступать в различные соединения, и наводило на мысль о существовании естественного процесса по выработке хлора. Видимо, именно содержанием хлора объяснялась и слабая зеленоватая дымка, окутывающая все вокруг. Рассмеявшись, Клэйн выбросил эти мысли из головы.

Первый деревенский дом стоял примерно в сотне ярдов от места посадки. Это было одноэтажное деревянное строение, по форме довольно вытянутое. Целый день Клэйн провел, сидя в складном кресле возле спасательного бота. Прямого внимания на Внешнемирян он не обращал, но, замечая отдельных людей или группу, непременно делал пометки в дневнике. Он определил координаты деревни с учетом сторон света и записывал время прибытия и ухода деревенских жителей. С приближением ночи воздух стал прохладнее, но Клэйн, завернувшись в плащ, остался наблюдать. В домах зажглись огни. Свет был слишком ярким, чтобы его давали свечи или масляные лампы, однако с такого расстояния нельзя было точно определить его источник.

С наступления темноты прошло примерно часа два. Огни гасли один за другим, и вскоре деревня погрузилась в абсолютный мрак. Клэйн записал: «Похоже, они не боятся. Не выставлены даже наблюдатели». Проверяя свое предположение, он в сопровождении двух рослых варваров два часа бродил между домами. Темнота была полной. Каких-либо звуков, кроме их

собственных мягких шагов да изредка ворчания солдат, не было слышно. Их передвижение, казалось, не нарушало покоя жителей: никто даже не вышел посмотреть, кто ходит.

Наконец Клэйн вернулся к боту и прошел в свою тесную каюту. Уже в постели он прочел заполненный днем дневник под смутно различимые голоса солдат, укладывающихся спать снаружи в спальные мешки. Затем наступила тишина, и он выключил свет. Спал он беспокойно, даже во сне напряженно размышляя о своей цели и отчаявшись предпринимать какие-то действия. Проснулся на заре, проглотил приготовленный на скорую руку завтрак и снова устроился наблюдать.

Вот мимо прошла какая-то женщина. Она флегматично посмотрела на собравшихся вокруг летательного аппарата мужчин, хихикнула, когда один из солдат восхищенно присвистнул при виде ее, а потом пропала из виду среди деревьев. Несколько человек, смеясь и переговариваясь, собирали фрукты в саду. Стоя на лестницах, они наполняли небольшие баки.

Клэйн принялся внимательно следить за ними и, заметив определенную непоследовательность в их действиях, к полудню покинул свое место рядом с лодкой и перебрался к ним поближе. К несчастью, появился он явно не ко времени. Стоило ему подойти, как сборщики фруктов, все как один, поставили свои баки на землю и отправились назад в деревню. На вопрос, что случилось, один из них ответил односложно:

— Ленч!

Дружелюбно кивнув Клэйну, они пошли дальше, оставив его одного в саду. Он приблизился к одному из бачков и обнаружил, что тот, как он в общем-то и подозревал, пуст. Пустыми оказались и все остальные баки... Огромное голубое солнце застыло прямо над головой. Воздух был приятным — теплым, но не жарким. Дул легкий ветерок, и окружающая умиротворенность навевала ощущение летнего безвременья. Но баки пусты, от этого никуда не денешься.

Почти сорок минут Клэйн потратил на обследование сада. Каких-либо других емкостей нигде не было видно, не было и места, куда сносились бы фрукты. Озадаченный, он вскарабкался на одну из лестниц и наполнил бачок. Он все время был настороже, хотя и не знал, чего следует ожидать. Ничего не случилось, и это его беспокоило. Походив немного по саду, он вернулся и заглянул в бачок — плоды по-прежнему лежали там.

Клэйн перенес бачок к спасательной лодке и приступил к тщательному изучению. Он не обнаружил ничего необычного — ни приспособлений, ни кнопок, ни рычагов, ни креплений. Похоже, бак представлял собой емкость из обыкновенного металла, и в данный момент в нем находились настоящие, не исчезающие фрукты. Клэйн достал один из желтых плодов и надкусил его. Он оказался приятным и сладким, но незнакомым. Клэйн задумчиво жевал мякоть плода, когда к баку подошел один из деревенских.

— Вы хотите фруктов? — спросил он, явно готовясь взяться за бачок.

Клэйн начал медленно, по одному, вынимать фрукты, в то же время изучающе поглядывая на мужчину. Тот был чисто выбрит и умыт, одет в грубые широкие штаны и рубашку с открытым воротом. На вид ему было лет примерно тридцать пять. Оторвавшись на минуту от своего занятия, Клэйн спросил:

— Как вас зовут?

— Марден,— ухмыльнулся мужчина.

— Хорошее имя,— сказал Клэйн.

Марден, похоже, был польщен.

— Я должен забрать бак,— проговорил он.— В саду еще много работы.

Клэйн достал очередной плод и нарочито медленно спросил:

— Для чего вы собираете фрукты?

Марден пожал плечами.

— Каждый должен выполнять свою часть работы.

— Почему?

Взглянув на пришельца, Марден нахмурился. У него был вид человека, неуверенного, правильно ли он расслышал.

— Это не самый умный вопрос,— произнес он наконец.

Клэйн с сожалением подумал, что теперь, возможно, пойдут слухи о том, как глупый человек с корабля задает дурацкие вопросы. Не следовало бы давать повод к подобным разговорам.

— Почему вы чувствуете,— настойчиво повторил он,— что должны работать? Почему не доверить работать другим, а самому поспать поблизости?

— И не выполнять моей доли работы? — В голосе Внешнемирянина, вне всякого сомнения, прозвучали нотки искреннего недоумения. Его защитная оболочка была пробита.— Но тогда у меня не было бы права на получение пищи.

— Кто-нибудь может запретить вам есть?

— Н-нет...

— Вас могут наказать?

— Наказать? — Марден был явно сбит с толку. Однако вскоре лицо его прояснилось.— Ты имеешь в виду, может ли кто-нибудь рассердиться на меня?

Клэйн был доволен: ему удалось расшевелить собеседника. Он приобщился к основам местной философии жизни, настолько укоренившейся, что люди, исповедующие ее, даже не имели представления о том, что может существовать какой-то иной порядок вещей. Клэйн решил продолжить игру.

— Посмотрите,— он показал на корабль, смутно видневшийся в небе,— я владею его частью.

— Ты там живешь? — поинтересовался Марден.

Клэйн проигнорировал вопрос.

— И посмотрите на меня,— продолжил он.— Я сижу целый день в кресле и ничего не делаю.

— Ты работаешь вот с этой вещью.— Крестьянин показал на дневник Клэйна, лежащий на земле.

— Это не работа. Я делаю это для своего развлечения.— Клэйн ощутил легкое замешательство и поспешно произнес: — Делаю ли я что-нибудь сам, когда голоден? Нет. Я заставляю

людей принести мне поесть. Разве это не намного лучше, чем делать это самому?

Марден возразил:

— Ты сам пошел в сад и сам сорвал свои фрукты.

— Я сорвал в а ш и фрукты.

— Но ты сорвал их собственными руками,— победно заявил Внешнемирянин.

Клэйн закусил губу.

— Я не должен был этого делать,— терпеливо объяснил он.— Мне просто было любопытно, что вы сделали с сорванными фруктами...— И притворно равнодушным тоном спросил: — Так что вы с ними сделали?

Марден призадумался, но наконец понимающе кивнул:

— Ты имеешь в виду плоды, которые мы собирали. Мы отправили их на Внутримир.— Он показал на крупную планету, только что поднявшуюся над восточным горизонтом.— У них плохой урожай в...— Название местности Клэйн не запомнил.

Крестьянин кивнул, словно спрашивая: «Это все, что ты хотел знать?»,— и взял бак.

— Фрукты оставить?

Клэйн отрицательно покачал головой. Марден жизнерадостно улыбнулся и с баком в руке весело зашагал вперед.

— Работать все-таки нужно,— бросил он через плечо.

Клэйн позволил ему отойти примерно на двадцать футов, а затем позвал:

— Подождите минутку!

Когда медленно идущий Марден обернулся, Клэйн вскочил на ноги и направился к нему. В том, как этот деревенский мужик раскачивал бак, было что-то такое, что... Приблизившись, он убедился, что не ошибся. На дне бака должно было остаться восемь плодов. Теперь они исчезли. Не проронив ни слова, Клэйн вернулся в кресло.

...День тянулся медленно. Клэйн взглянул в направлении расположенных на западе холмов, покрытых ярко-зеленым ковром с бесчисленными розовыми цветами. Пейзаж был идиллическим. но он уже потерял терпение, чтобы любоваться им. Он был человеком действия, бездеятельность угнетала его. Здесь крылась загадка, но он был убежден в том, что жители Внешнемира и Внутримира были препятствиями на пути к ее разгадке — такими же или даже бо́льшими, чем те, с какими он столкнулся в Линне.

Огорченный, Клэйн нагнулся и сорвал розовый цветок — один из множества, растущих вокруг. Не глядя, он порвал его на мелкие кусочки и с отсутствующим видом бросил их на землю. Слабый запах хлора раздражающе коснулся его ноздрей. Клэйн взглянул на лежащие под ногами обрывки цветка и понюхал пальцы, на которых остался выдавленный из цветочного стебля сок. Несомненно, хлор присутствовал. Возбужденный своим открытием, Клэйн сделал запись в дневнике. Потенциальные возможности этой планеты изумляли. Тем не менее... Он потряс головой. Это не было ответом.

Наступил вечер. Как только во всех домах зажглись огни, Клэйн поужинал, а затем в сопровождении двух варваров отправился по обычному круговому маршруту. В первом же окне, в которое он заглянул, он увидел девятерых людей, сидящих на кушетках и стульях и с явным оживлением беседующих друг с другом. Для такого дома подобное число обитателей было необычным. Клэйн предположил: «Визитеры с Внутримира?» Нет, это несерьезно, да и просто невозможно.

Со своего места Клэйну не был виден источник света в помещении. Он обошел дом и приблизился к окну на дальней стене. Реальность была фантастичнее всех его предположений. Свет просто свисал с потолка. Причем без шнура, без прозрачного плафона. Источник света не напоминал и лампы, имевшиеся на борту корабля Риссов. Он висел посреди комнаты и испускал животворные лучи. Клэйн подумал было, что источник этого света — атомная энергия. Но атомный свет, с которым он имел дело, нуждался в контейнере. Здесь же ничего подобного не было. Свет висел под потолком — крошечный сияющий шар диаметром примерно три дюйма.

Переходя от дома к дому, Клэйн заглядывал в окна. В одном из них увидел читающего мужчину: висящий шар светил из-за его плеч. В другом — овал огня парил над стирающей женщиной. Она вытащила одежду и встряхнула таз, словно что-то полоскала, и через какое-то мгновение сунула белье обратно, но на этот раз от воды поднимался пар. Клэйн не был уверен, но подозревал, что женщина выплеснула грязную воду из таза, наполнила его горячей водой — возможно, из горячего источника, находящегося где-то в другом месте,— причем все это в течение каких-то секунд, и возобновила свое занятие. Интересно, что она будет делать с бельем дальше. Пройдет ли развесить стираное туда, где светит солнце, чтобы утром, проснувшись, снять сухое белье? Скорей всего, именно так и будет. Но дожидаться Клэйн не стал: женщина явно не спешила.

Он двинулся дальше и наконец дошел до дома Мардена. Медленно приближаясь к двери, он думал: «Эти люди дружелюбны, им незнакомо вероломство. У них нет правительства, нет интриг. Именно здесь, если это вообще возможно, честный подход позволит нам найти то, что мы хотим». Однако даже когда он постучал в дверь, мысль о том, что в его рассуждениях имелся какой-то изъян, не покидала его. Ощущение это заставило Клэйна снова напрячься.

Марден открыл дверь сразу же, не колеблясь, что не оставляло сомнений в его добродушном характере. Он выглядел расслабленным, но двигался легко. Марден улыбнулся и дружелюбно пригласил:

— А, тот самый человек, который не работает! Входи.

В прозвучавшем замечании угадывался намек на терпеливое превосходство, однако Клэйн не обиделся. Остановившись в центре комнаты, он выжидательно осмотрелся вокруг. Заглядывая в окно, он видел здесь женщину, теперь же не было

даже намека на ее пребывание в доме. Заметив его реакцию, Марден за его спиной произнес:

— Когда моя жена услыщала твой стук, она отправилась в гости.

Клэйн повернулся.

— Она знала, что это я? — спросил он.

Марден кивнул.

— Естественно.— И добавил: — Она видела тебя в окно.

Эти слова были произнесены обыденным тоном, но с обезоруживающей искренностью. Клэйн на мгновение предположил, каким жители деревни видят его. Худой, странно одетый, подглядывающий, словно священник Том, который украдкой бродит вокруг домов глухой ночью и задает глупые вопросы. Картина не из приятных. Ему показалось, что лучшим ответом на открытость селян стала бы равноценная искренность. Он сказал:

— Ваши люди для нас загадка, Марден. Могу ли я присесть и поговорить с вами?

Марден молча показал на кресло. Клэйн опустился в него и какое-то время сидел, нахмурившись, приводя в порядок мысли. Наконец он поднял глаза.

— Мы с Земли. С планеты, откуда произошли все человеческие существа, включая ваш народ.

Внешнемирянин смотрел на него безразлично-вежливо. Взгляд его, казалось, говорил: «Если ты так говоришь, значит, так и должно быть. У меня нет оснований не верить тебе».

Клэйн тихо спросил:

— Вы верите этому?

Марден улыбнулся.

— Здесь никто не помнит о такой связи, но вполне возможно, все именно так, как ты говоришь.

— У вас есть письменная история?

Селянин несколько растерялся.

— Она начинается с периода примерно трехсотлетней давности. Все, что было раньше, покрыто мраком.

Клэйн продолжал:

— Мы оба принадлежим к человеческой расе. Мы говорим на одном языке. Это выглядит логично, не так ли?

— О, язык...— Марден засмеялся.

Озадаченный, Клэйн изучающе посмотрел на него. Он понял, что житель деревни не может воспринимать какую-либо абстрактную идею, не совпадающую с его представлениями о жизни. Поэтому Клэйн перевел разговор на другое:

— Скажите, а этот способ, с помощью которого вы передвигаетесь и перемещаете ваши товары с Внешнемира на Внутримир или на какую-нибудь другую планету... вы всегда пользовались им?

— Ну конечно. Это лучший вариант.

— Как вы это делаете?

— Ну, мы только...— Марден замешкался, странная тень набежала на его лицо. Он неуверенно закончил: — ...просто делаем это.

Именно это Клэйн и предполагал. Вслух он сказал:

— А я вот не могу этого делать, Марден, но мне тоже хотелось бы. Могли бы вы мне попроще объяснить?

Марден покачал головой.

— Это не то, что можно объяснить. Мы просто делаем это.

— Но когда вы научились? Сколько вам было лет, когда вы сделали это впервые?

— Приблизительно девять.

— Почему вы не могли делать этого раньше?

— Был слишком маленьким. У меня не было времени научиться.

— Кто учил вас?

— Мои родители.

— Как они вас учили?

— Это было не совсем обучение.— Марден выглядел огорченным.— Я делал то, что делали они. Это действительно очень просто.

Клэйн в этом не сомневался, поскольку они все могли делать это, совершенно очевидно, даже не задумываясь, каким образом. Он обеспокоенно поднял глаза на собеседника и осознал, что давит на этого мужчину сильнее, чем могло показаться на первый взгляд. Марден никогда не задумывался об этом раньше, и подобные мысли ему не нравились. Клэйн поспешил изменить предмет беседы. Существовал гораздо более животрепещущий вопрос, который давно следовало задать. И он задал его:

— Марден, почему Риссы не посещают Внешнемир и Внутримир?

Клэйн поведал о нападении Чужих на Землю, применении ими атомных бомб, отказе установить контакт, а также о вероятности угрозы в будущем. Рассказывая, он наблюдал за реакцией Мардена и с разочарованием видел, что тот неспособен охватить картину в целом. Он мысленно представил себе: а что если у этого народа есть ответ на угрозу Риссов? Предположим, что здесь, на этой спокойной планете, есть все необходимое людям Земли, чтобы выиграть смертельную схватку. Но этого нельзя получить, потому что...

Внешнемирянин прервал его размышления:

— Риссы не надоедают нам. Да и зачем им это?

— Должна быть причина, почему они не делают этого,— отозвался Клэйн и настойчиво продолжил: — Марден, мы должны найти эту причину. Что-то их сдерживает. До тех пор, пока вы не узнаете, что́ именно, вы никогда не сможете чувствовать себя в безопасности.

Марден пожал плечами. Он явно не желал говорить о том, что лежало за пределами его понимания. Наконец он произнес:

— Вы, люди Земли, поступаете не очень умно, задавая такие странные вопросы.

На этом беседа практически кончилась. То есть Клэйн задавал еще вопросы, но селянин больше не воспринимал его всерьез, его ответы были вежливы, но бессмысленны.

Да, они торговали с Риссами. Это естественно, в порядке вещей. Планеты-близнецы отдавали им излишки продуктов питания, а в обмен получали любой понравившийся им предмет из имеющихся на борту кораблей Чужих. На самом деле у Риссов было далеко не все из того, что хотелось Внешнемирянам и Внутримирянам. Но всегда находилось что-то любопытное. Небольшие вещицы — вроде этой. Марден поднялся и принес Клэйну изготовленное промышленным способом украшение — фигурку животного. Дешевая поделка, стоившая самое большее несколько сестерций. Клэйн в замешательстве осмотрел ее, пытаясь представить себе уровень развития жителей обеих планет, отдающих лишние продукты негуманоидам в обмен на бесполезные безделушки. Разумеется, это не помогло ему понять, почему Риссы не захватили эту систему, но он почти физически почувствовал, какое же презрение должны были испытывать Чужие к человеческим существам.

В конце концов Клэйн решил уйти, подозревая, что навредил себе беседой с Марденом. Следующий шаг он должен предпринять с помощью кого-нибудь другого. Он послал радиограмму Чиннару, потребовав от него спуститься на поверхность планеты. Ему не терпелось поговорить с лидером варваров, но он подавил в себе это чувство и осторожно намекнул, чтобы тот непременно дождался наступления сумерек.

В ту ночь Клэйн заснул легче, чем обычно, но на заре его разбудили. День он провел в складном кресле, продолжая анализировать полученную информацию. Это был один из самых длинных дней в его жизни. Чиннар с двумя своими секретарями прибыл незадолго до темноты. Он выслушал сообщение Клэйна, не перебивая. Прошло несколько минут, прежде чем мутант заметил ехидное выражение на лице лидера варваров. Чиннар спросил:

— Ваша честь, вы предлагаете, чтобы мы надули этих Внешнемирян?

Клэйн, все еще сосредоточенный на своих планах, стал медленно отвечать:

— Мы должны учитывать, во-первых, уже происшедшие события, во-вторых, простодушный характер Мар...

Он осекся и услышал слова Чиннара:

— Совершенно верно. Ваш анализ я одобряю. По-моему, идея отличная.

Клэйн едва заметно покачал головой, как бы отвергая циничные нотки в похвале собеседника. Он был взволнован. Почти сутки он обдумывал ход предстоящей ночной беседы. И не раз его пронзала мысль о том, что в намеченной игре он использует старые козыри — коварство и хитрость. Конечно, необходимо учитывать трудности установления контакта с Внешнемирянами и отсутствие времени на церемонии. Тут уж без лукавства не обойтись.

— Начинаем? — спросил Чиннар.

Клэйн молча показал ему дорогу. Он всегда считал, что идеалы очень важны для достижения успеха. Но попытки руко-

водствоваться ими в жизни неизменно оканчивались провалом. Сейчас он решил отбросить всякий стыд и не испытывать угрызений совести. В конце концов здесь он действовал в новой, необычной обстановке.

Марден принял их снисходительно. Его глаза слегка расширились, как только он услышал удивительный бархатный баритон Чиннара, и впоследствии, стоило вождю варваров заговорить, он прислушивался к нему с глубочайшим уважением. Такая реакция отвечала задумке Клэйна. Дело в том, что сам он был хрупкого телосложения и из-за определенных мутационных изменений организма вынужден был носить серовато-коричневое скрадывающее недостатки тела одеяние священника — служителя Атомных Богов. Его сила была в интеллекте, а это не производило впечатление на других, пока они не постигали его истинного значения. Но для этого требовалось время. Он помнил, как Марден в течение их предыдущего разговора намекал, что он задает глупые вопросы.

Чиннар начал с восхваления обеих планет и их жителей. Он назвал Внешнемир и Внутримир двумя образцами рая. Он пел дифирамбы их экономической системе, а уж здешний народ, по его словам,— удивительный, самый цивилизованный из всех, с кем ему приходилось когда-либо сталкиваться. Дела здесь делаются так, как должны делаться, а жизнь протекает так, как люди могут только мечтать. Интеллект обитателей планет представляет собой абсолютнейшую вершину мудрости.

Клэйн слушал с унылым видом, хотя и вынужден был признать, что все идет отлично. Чиннар разговаривал с жителем деревни так, словно тот был примитивным дикарем. А Марден своим поведением подтверждал это, с явным удовольствием принимая каждое слово похвалы.

Чиннар разливался соловьем:

— По сравнению с вами, Марден, мы подобны почтительным детям, жаждущим познаний. Мы только мечтаем вскарабкаться на вершину, где ваш народ живет в восхитительной гармонии. Мы понимаем, что путь этот долог и нашей жизни не хватит, чтобы достичь цели. Но мы надеемся, что наши дети сумеют разделить с вашими детьми это совершенство. Мы очень просим: уделите нам немного времени и расскажите хоть немного о ваших нравах, обычаях, о том, во что вы верите, чем дышите. Мы хотим знать, есть ли у вас национальный символ, флаг, герб?

Чиннар сделал паузу и неожиданно уселся на пол, жестом показав Клэйну и своим секретарям последовать его примеру. Это не было заранее оговорено, однако Клэйн, в соответствии с взятой им на себя ролью подчиненного, незамедлительно исполнил требуемое. Лидер варваров продолжал:

— Отдыхайте в кресле, Марден, а мы будем сидеть у ваших ног и с почтением внимать вашим словам.

Марден беспокойно заерзал в кресле, а затем, как будто внезапно придя к какому-то решению, откинулся на подушки. Он был немного смущен той богоподобной ролью, которая не-

ожиданно на него свалилась, однако, судя по всему, посчитал резонным ее принять.

— Раньше я не задумывался о преимуществах нашей жизни,— промолвил он наконец.— Но теперь вижу, что это правда.— Помолчав немного, Марден добавил: — Я совершенно не понимаю, что ты имеешь в виду под словами «флаг» или «герб» в качестве государственного символа. Я могу ухватить только часть этой мысли, но...— Он заколебался.

Чиннар спросил:

— У вас есть времена года?

— Да.

— Есть ли периоды, когда деревья и растения цветут и когда опадают листья?

— С некоторыми из них это случается.

— Бывает ли у вас сезон дождей?

— Да.

— Как вы его называете?

— Зима.

— Вы празднуете приход дождя?

В глазах Внешнемирянина мелькнуло понимание.

— О, нет. Только его окончание, но не начало. Мы отмечаем появление первых хлороделей в любом месте на планетах. Тогда мы танцуем и пируем.

Варвар небрежно кивнул и задал следующий вопрос:

— Это старый обычай или новый? — И добавил: — Все это может показаться вам неважным, но мы так страстно желаем постичь дух вашего идеального существования...

— Это очень старая традиция,— ответил Марден и с сожалением пожал плечами.— Однако у нас нет ничего такого, о чем ты упоминал. Никаких национальных символов.

Этот деревенский мужик, похоже, и не подозревал, что и в самом деле дает ценные сведения. Он воспринимал традиции как само собой разумеющееся, они были для него не символами, а просто способом существования — естественным и универсально практикуемым. Мысль о том, что другие люди могут иметь отличающиеся обычаи, у него просто не возникала.

Таким образом, мало-помалу Клэйн и Чиннар все-таки разузнали кое-что о планетах-близнецах. Оказывается, символом жизни Внешнемирян и Внутримирян является розовый цветок с запахом хлора — хлородель. Каждый год люди посещают подземные пещеры. Когда едят, они ставят на стол маленькую квадратную коробочку и постукивают по ней, если не хотят больше есть. Излишки продуктов питания всегда отдают Риссам. Одно показалось слушателям наиболее интересным: Марден сообщил, что на планетах есть старые засыпанные города, вернее, развалины городов. Уже очень давно там не делали каких-либо значительных находок.

Чиннар осторожно порасспрашивал об этом, а затем оглянулся на Клэйна, о чем они договаривались раньше. Мутант незаметно кивнул, вождь варваров вскочил на ноги и поклонился селянину.

— О, благородный житель Внешнемира, вы облагодетельствовали нас беседой с вами. Но у нас к вам еще одна просьба: не могли бы вы перенести нас вашим удивительным способом в один из таких городов в том полушарии планеты, где светит солнце?

— Сейчас? — спросил Марден. Судя по небрежному тону, он не имел ничего против этой идеи.

— Да. Долго мы там не задержимся. Мы хотели бы только посмотреть.

Марден встал и, задумчиво сощурившись, произнес:

— Дайте подумать... в какой город? О, я знаю... в тот, где корабль.

Клэйн напрягся, подготавливая себя к чему-то неизведанному. Он был лишь слегка обеспокоен, что даже раздражало его. И вдруг... Впоследствии он пытался проанализировать, как все произошло. Блеснула вспышка, захлестнуло круговое завихрение света. Все случилось так быстро, что он не успел ничего заметить. А потом все вокруг засверкало, как ярким днем. Почти над самой головой висело голубое солнце планет-близнецов.

Они стояли в центре дикой местности, заваленной развороченными каменными глыбами и кусками искореженного и погнутого металла. Кругом, насколько хватало глаз, буйно разрослись деревья и кустарник. Пока Клэйн разглядывал окружающую местность, Чиннар подошел к нагромождению бетона и пнул здоровенный обломок дерева, лежащий на земле. Удар тяжелого сапога глухо прозвучал в тишине. Однако дерево даже не дрогнуло: оно прочно вросло в почву. Чиннар вернулся к Мардену.

— Проводились ли в последнее время раскопки в этом или других городах!

Марден удивленно взглянул на него.

— Кому нужно копаться в таком хламе?

— Да, конечно,— быстро согласился варвар. Поколебавшись, он казалось, хотел что-то добавить, но внезапно как-то странно замер, резко запрокинув голову.

Клэйн проследил за его взглядом и поразился, увидев над головой... «Солнечную Звезду». На какое-то мгновение он действительно поверил в то, что это их собственный корабль. Но тут же, все поняв, воскликнул:

— Риссы?

Стоящий поблизости Внешнемирянин мягко отозвался:

— О да, я подумал, что вам, вероятно, будет интересно его увидеть, потому-то и перенес вас именно в этот город. Сами Риссы очень заинтересовались, когда мы рассказали им, что вы прилетели сюда на корабле, похожем на их. Они решили подлететь к Внешнемиру, чтобы взглянуть. Мне почему-то показалось, что вам захотелось бы первыми увидеть их корабль.

Возникла неловкая пауза, даже Клэйн замялся. Первым нарушил молчание Чиннар, спокойно повернувшись к Мардену:

— Мы согласны с вами: в этих руинах нет ничего интересного. Давайте вернемся к вам домой.

Клэйн бросил последний взгляд на боевой корабль, который погружался в дымку, нависшую над горизонтом. У него мелькнуло предположение, что звездолет определенно направляется к месту расположения «Солнечной Звезды».

Почувствовав, что путешествие к развалинам древнего внешнемирского города завершилось, Клэйн неосознанно сжался, готовя себя к обратной дороге. Снова вспыхнул крутящийся шар яркого света. На этот раз вспышка была даже короче, чем раньше. Они снова оказались в комнате Мардена. Уже в дверях Клэйн, покидавший дом последним, остановился и проговорил:

— Я любопытен, Марден. Почему вы рассказали Риссам, что мы здесь?

Внешнемирянин удивился, уже знакомое выражение вновь появилось на его лице. Еще один дурацкий вопрос — именно это он хотел сказать. Однако терпеливо ответил:

— Время от времени они спрашивают нас, происходит ли что-нибудь новое. Естественно, мы рассказываем.

— Они говорят на вашем языке,— спросил настырный инопланетянин,— или вы знаете тот, на котором говорят они?

Марден засмеялся.

— Ты все твердишь о языке.— Он пожал плечами.— Мы и Риссы понимаем друг друга, только и всего.

Клэйн задал новый вопрос:

— Как вы контактируете — вы отправляетесь на борт корабля Риссов или же они спускаются к вам?

Замерев, он ждал ответа. В его сознании уже сформировалась цель, достичь которой можно лишь при помощи коварства и хитрости. Но Клэйн был слишком зол, чтобы стыдиться собственного лукавства. То, что Внешнемиряне сообщили Чужим о присутствии здесь «Солнечной Звезды», шокировало его. И сейчас у него уже сложилась окончательная модель смертельного плана.

— Мы отправляемся на корабль,— ответил Марден.— У них там есть какая-то круглая штуковина, которую они наводят на нас, и посещение становится безопасным.

Клэйн неторопливо спросил:

— На какое количество ваших людей наводили эту штуковину?

— О, на несколько сотен.— Селянину, видно, не терпелось закончить разговор, и он стал прикрывать дверь.— Время спать.

Пришлось смириться с тем, что Марден фактически его выдворил. Клэйн вышел на улицу и почувствовал, что замерзает. Наверное, стоит подумать обо всем этом более основательно. Возможно, он судит об этих людях слишком поверхностно. Попытка нападения на вражеский корабль не привела бы ни к чему хорошему.

Через несколько минут Клэйн уже находился в спасательном

боте, направляющемся к его личной секции в «Солнечной Звезде». Вскоре гигантский корабль под острым углом возносился за затемненный конус ночной стороны Внешнемира.

Из штаб-квартиры Чиннара прибыл посыльный:

— Великий Чиннар просит об аудиенции.

Клэйн медленно ответил:

— Передай ему, что я хотел бы, чтобы он подготовил письменную интерпретацию того, что мы узнали от Мардена.

Некоторое время спустя, когда Клэйн уже готовился ко сну, с письменной просьбой прибыл второй посыльный.

«Дорогой лорд Клэйн!
Настало время обсудить наш следующий шаг.
Чиннар».

Беда заключалась в том, подумалось Клэйну, что у него не было планов. Во всем происходящем скрывалась какая-то тайна, и он еще не придумал способа разгадать ее. Человеческие существа планет-близнецов, по всей видимости, могли спасти расу. И вместе с тем он был убежден, что они не станут делать этого. Они не понимали существа реальных проблем, при чрезмерном давлении на них становились раздражительными, проявляя нервозную злость людей, чьи основные жизненные принципы подвергаются навязанной извне деформации. И ничто не могло заставить их вести себя по-иному. А их способ передвижения сводил на нет старинную тактику убеждения с помощью угроз и насилия. Оставалась только хитрость. Понимание этого вернуло Клэйна к первоначальной мысли: у него не было планов. Он написал:

«Дорогой Чиннар!
Я настоятельно прошу отложить дела до завтра.
Клэйн».

Запечатав письмо, он отпустил посыльного и отправился в постель. Сразу заснуть ему не удалось. Он беспокойно метался, ворочался и наконец задремал, но внезапно, судорожно дернувшись, проснулся. Мучила совесть. Если он не сумеет что-нибудь придумать, экспедицию постигнет неудача. Клэйн оказался перед непробиваемой каменной стеной. Ни Марден, ни его соотечественники не должны даже догадаться о том, что у него на уме. Это особенно раздражало, потому что, по всем признакам, они умели читать мысли. В конце концов он заснул. А наутро продиктовал записку для лидера варваров:

«Дорогой Чиннар!
Мое предложение заключается в том, что нам следует обменяться точками зрения и информацией, прежде чем мы встретимся для обсуждения планов на будущее.
Клэйн».

Ответ не заставил себя ждать:

«Дорогой лорд Клэйн!

У меня возникло ощущение, что Вы избегаете обсуждения, потому что у Вас нет планов. Тем не менее, поскольку мы уже предприняли столь долгое путешествие, давайте поразмышляем о наших потенциальных возможностях. Не будете ли Вы так любезны сообщить мне реальную информацию, которую, с Вашей точки зрения, мы получили?

Чиннар».

«Дорогой Чиннар!

Хлородель является «государственным» цветком, потому что выделяет газ, делающий воздух непригодным для дыхания Риссов.

Ссылка на постукивание по маленькой коробочке в центре стола, когда они не голодны, возможно, относится к периоду радиоактивного заражения после большой войны. Маленькая коробка — детектор, и, должно быть, они много голодали, поскольку прибор свидетельствовал о радиоактивности пищи.

Происхождение ежегодных посещений пещер относится к тому же периоду.

Они отдают Риссам излишки своих продуктов, не помня о том, что когда-то это было, скорее всего, некоей формой дани захватчикам. В этой связи я бы сказал, что только определенные продукты могли оказаться приемлемыми для питания Риссов из-за некоторых особенностей химического состава их организма.

Клэйн».

«Ваша честь!

Вы серьезно утверждаете, что хлородели могут создавать непригодную для дыхания Риссов атмосферу? В таком случае у нас уже есть нужный ответ, и нет необходимости в дальнейших поисках. Поспешим назад, в Солнечную систему, будем выращивать эти цветы, пока их запах не пропитает каждую молекулу воздуха на каждой обитаемой планете и ее спутниках.

Чиннар».

Прочитав это, Клэйн тяжело вздохнул. Вождю варваров, прагматику до мозга костей, не по силам решить эту трудную загадку. За завтраком он обдумывал ответ. Потом опустился к атмосферным слоям планеты и почти час провел, пытаясь обнаружить боевой корабль Риссов, но безуспешно. В это время от Чиннара пришла еще одна записка:

«Дорогой лорд Клэйн!

Вы оказались не в состоянии ответить на мое последнее письмо. Это свидетельствует о том, что Вы не согласны с выводами, вытекающими из Вашего открытия, связанного с хлороделью. Позвольте для начала встретиться и обсудить проблему в целом.

Чиннар».

Клэйн ответил:

«Дорогой Чиннар!

Извини, но вынужден заметить, что ты ухватился за идею, не имеющую значения в широком смысле. Противостояние между Риссами и человечеством не может быть снято путем применения какого-либо газа в качестве средства защиты. Если бы Риссы убедились в том, что для их сдерживания развернулась кампания по отравлению атмосферы планет, они, возможно, предприняли бы собственные контрмеры. Они могли бы использовать радиоактивное заражение в планетарных масштабах или применить какой-нибудь иной газ, столь же вредный для человека, каким, похоже, является для Чужих запах хлородели.

Вывод о том, что когда-то очень давно Внешнемир и Внутримир, будучи планетами-близнецами, защитили себя подобным образом, не является окончательным. Риссы вполне могли смириться с изолированной активностью. Это могло случиться, принимая во внимание неразбериху, царившую к концу войны между человечеством и Риссами. К тому времени они, проведя предварительный зондаж, обнаружили, какого уровня достигла цивилизация планет-близнецов. Судить об этом они могли уже по предпринятой акции с хлороделью. Соответственно, чужие могли применить настолько ужасную угрозу, что в результате было заключено соглашение о выплате дани.

Повторяю, это не является окончательным выводом. До него весьма далеко. Я искренне убежден, что обращение к хлородели могло бы стать сигналом для попытки уничтожить Солнечную систему.

Клэйн».

«Дорогой лорд Клэйн!

Я изумлен Вашим чисто умозрительным подходом ко всем проблемам. Мы защищаем наши планеты любыми имеющимися в нашем распоряжении средствами. Предлагаю немедленно встретиться, чтобы обсудить единственный путь, который сейчас открыт для нас: возвращение на Землю на корабле, загруженном ростками хлородели для пересадки.

Чиннар».

«Дорогой лорд Клэйн!

Я не получил никакого ответа на мою попытку установить связь, предпринятую три часа назад. Пожалуйста, позвольте мне узнать Ваш ответ.

Чиннар».

«Дорогой лорд Клэйн!

Поражен, что Вы не соблаговолили дать ответ на мои последние две записки. Разумеется, я сознаю, что у Вас нет ответа, потому что каким еще может быть наш следующий шаг, если не возвращение на Землю? Альтернативой могло бы стать продолжение нашего слепого поиска в открытом космосе других планет, населенных человеческими существами. Прав ли я в своем убеждении, что на звездной карте, которая привела нас на Внешнемир, нет указаний на какие-либо другие звезды, имеющие обитаемые планеты?

Чиннар».

«Дорогой лорд Клэйн!

Ситуация становится странной. Ваш отказ отвечать на мои записки является отражением наших взаимоотношений. Если Вы не ответите и на это послание, я откажусь от дальнейших контактов с Вами.

Чиннар».

Клэйн не видел ни этой, ни предыдущих записок. Он решил нанести еще один визит к Мардену. Однако место встречи было выбрано неудачно, и беседа не наладилась. Марден, сидя на дереве, собирал фрукты. Он посмотрел вниз на Клэйна, и в глазах его можно было прочесть явную нетерпимость по отношению к «глупцу», так долго ему надоедавшему. Он сказал:

— Корабль Риссов ждал примерно час. Потом полетел дальше. По-моему, вас это радует.

Так оно и было на самом деле. Клэйн серьезно ответил:

— Риссы принесли нам столько бед, что у нас нет желания встречаться с ними. Мы убеждены, что они могут напасть, как только увидят нас.

Внешнемирянин промолвил, не прерывая работы:

— У нас с Риссами никогда не было проблем.

— А почему они должны быть? — отозвался Клэйн.— Вы даете им все, что у вас есть.

Марден, судя по всему, уже немного поразмыслил над их предыдущими разговорами на эту тему и потому ответил довольно едким тоном:

— Мы не отказываем другим в том, что у нас в избытке.

Клэйн безмятежно произнес:

— Пока вы не увеличиваете население, ничего не знаете о науке и платите дань, вас всегда будут оставлять в покое. Причем, разумеется, при условии, что цветы хлородели не засохнут. Но когда все это произойдет, Риссы могут высадиться, и, вполне вероятно, тогда вы убедитесь, чего стоит их дружба.

Это было опасное заявление. Но Клэйн сделал его, поскольку считал, что настало время распространить среди этого народа подобные мысли. Однако после этого Клэйн быстро изменил предмет беседы:

— Почему вы не сказали нам, что умеете читать мысли?

— Вы не спрашивали,— ответил Марден.— Кроме того...

— Кроме того — что?

— С вами это не очень хорошо действует. Ваши люди не ясно думают.

— Вы имеете в виду, что мы думаем по-разному?

— Есть только один способ думать,— ответил Марден нетерпеливо.— Я обнаружил, что для общения с вами легче пользоваться разговорным языком, и изучал ваши мысли в поисках правильных слов, в противном случае я мог оказаться в затруднительном положении. Все, кто имел с вами дело, испытывали то же самое.

Похоже, он пришел к заключению, что дал исчерпывающий ответ. Но Клэйн продолжал допытываться:

— На самом деле вы не говорите на нашем языке? Вы изучаете его с помощью извлечения наших мыслей, когда мы разговариваем?

— Да.

Клэйн кивнул. Многие вещи прояснялись. Здесь существовала человеческая колония, которая поднялась на новую высоту научного развития, причем много времени спустя после того, как были прерваны контакты между Землей и Внешнемиром. Причины последующего упадка, по всей видимости, были различными: прекращение торговли с другими населенными людьми планетами, разрушение десятков сотен их собственных фабрик и заводов, невосполнимые пробелы, образовавшиеся в составе технических специалистов, смертоносный пресс постоянной угрозы Риссов... Весь этот комплекс неумолимо привел к нынешнему статичному состоянию государства.

— Имеет ли чтение мыслей,— поинтересовался Клэйн,— какое-нибудь отношение к вашему способу передвижения?

В голосе Мардена прозвучало удивление:

— Ну, разумеется. Им учатся одновременно, хотя времени на чтение мыслей требуется больше.

Он слез с дерева, держа в руках бачок.

— Все время, пока мы разговаривали, в твоем сознании на заднем плане присутствовал вопрос. Я не могу разобрать его, но если ты задашь его, я отвечу как можно лучше и смогу наконец пойти пообедать.

Клэйн вытащил звездную карту.

— Вы когда-нибудь видели что-либо подобное?

Марден улыбнулся.

— Ночью, когда я гляжу на небо, вижу все это.

— А кроме этого?

— Я видел отрывочные мысли, касающиеся таких карт, в сознании Риссов.

Клэйн протянул ему карту.

— Вот здесь ваше солнце,— показал он, а затем провел пальцем вниз.— А тут — наше. Сможете ли вы использовать мое знание об этих вещах, чтобы самому сориентироваться по карте и показать, какое из ближайших солнц принадлежит Риссам?

Наступила продолжительная тишина. Марден изучал карту.

— Трудно,— наконец вздохнул он.— Думаю, что одно из этих.

Клэйн пометил указанное место дрожащими пальцами, затем хрипло проговорил:

— Марден, не спешите с ответом, подумайте. Если вы ошибетесь и мы не туда отправимся, то мы потеряем полгода или даже больше. А за это время могут погибнуть миллионы людей.

— Или это, или вот это,— Марден показал на звезду, находящуюся примерно в дюйме от названной им ранее.

Клэйн покачал головой.

— До этого — сто световых лет, а до того — около двадцати.

— Значит, то, которое ближе. Я понятия не имел о том, что бывают такие огромные расстояния.

— Спасибо,— поблагодарил Клэйн.— Извините меня за назойливость.

Он повернулся и направился к спасательному боту.

Вернувшись на «Солнечную Звезду», Клэйн прочитал письма Чиннара с грустным предчувствием надвигающейся большой беды. Он пообедал, а затем заставил себя пригласить разъяренного варвара на совещание. В свое письмо он включил извинение, объяснил, где был, хотя о цели визита к Мардену и словом не обмолвился. Это сообщение он приберег до той поры, пока они с Чиннаром не останутся один на один. Когда Клэйн закончил рассказ, великий вождь европианских варваров долгое время сидел, не произнося ни слова. Казалось, он загнан в беспросветный тупик. Наконец он тихо выдавил из себя:

— Вы не верите в выращивание хлородели?

— Я рассматриваю ее,— ответил Клэйн,— как оружие, к которому следует обратиться в последнюю очередь. Мы не должны прибегать к нему до тех пор, пока не убедимся, что учли все возможные последствия, к которым может привести применение этого растения.

Чиннар вздохнул:

— Ваша идея о производстве хлородели в качестве средства защиты привела меня к выводу, что в конечном счете наше путешествие было небесполезным. А сейчас вы сами обесцениваете его, предлагая продлить экспедицию и добраться до планет следующей звезды.

Он поднял было руку в характерном жесте, чтобы придать своему протесту большее впечатление. Однако, осознав тщетность возражений, передумал и заговорил снова:

— Признаюсь, я в смятении. На что вы надеетесь, чего хотите добиться, отправляясь к планете Риссов?

Клэйн ответил честно:

— Если Марден прав, мы затратим три месяца. Звезда Риссов находится примерно на таком же расстоянии от Земли, как и солнце планет-близнецов.— Он помолчал. Страстно желая получить моральную поддержку для новой экспедиции, он подыскивал нужные слова.— Я искренне верю, что мы обязаны изучить все потенциальные возможности противодействия смертельному врагу человека. Войну нельзя выиграть, только обороняясь.

Чиннар, глядя прямо на него, воскликнул:

— «Если Марден прав!» Проклятая фраза! — Он потряс головой в непритворном отчаянии.— Я отказываюсь. Любой, кто будет командовать таким огромным кораблем, чтобы совершить перелет, полагаясь лишь на слова деревенского мужика о том, что он увидел в сознании Рисса...— Он не закончил мысль и после некоторой заминки продолжил более спокойным тоном: — Безусловно, где-то на борту «Солнечной Звезды» должны быть карты.

Клэйн заколебался. Мысль об этом занозой сидела в его мозгу. Он осторожно сказал:

— Во время захвата корабля у нас произошел несчастный случай. Каждый из нас был охвачен исследовательской лихорадкой, и один из людей набрел на помещение, где хранились карты. Ты можешь представить последствия?

— Они установили энергетические ловушки для любителей вмешиваться в чужие дела?

— Да, конечно, он был убит.— Клэйн вяло кивнул.— Для всех нас это стало уроком. Я обнаружил, что все главные контролирующие, управляющие и технологические секции «защищены» аналогичным образом. Для выполнения опасной работы мы использовали осужденных рабов, пообещав им свободу в случае успешных действий. Результат — только один подобный инцидент.

— Что это было? — спросил Чиннар.

— Межзвездный телевизионный коммуникатор,— ответил Клэйн.— Я сожалею так же, как и ты, но мы вынуждены сделать следующий шаг, полагаясь только на память Мардена.— Немного помедлив, он обратился к варвару с такими словами: — Чиннар, хотя я и пренебрегал твоим мнением относительно данной экспедиции, я по-прежнему отношусь к твоей точке зрения с глубоким уважением. По правде говоря, я считаю тебя сугубо практичным человеком. Ты слишком привязан к Солнечной системе. Возможно, ты не осознаешь, что много думаешь о ней как о доме, который должен защищать до последней капли крови, но это не беда. То, что я хочу сказать, основывается большей частью не на логике, а на том, есть между нами соглашение или нет. Я прошу твоей поддержки, во-первых, потому, что я командир этого корабля, неважно, плохой или хороший; во-вторых, если мы все-таки отправимся на планету Риссов, я планирую предпринять необычайно рискованные действия ... а это потребует твоего полнейшего доверия и соучастия; в-третьих, несмотря на все твои сомнения, ты и сам чувствуешь, что открытие хлороделевых плантаций лишь частично оправдывает экспедицию, предпринятую так далеко. Мне самому не нравится существующее положение дел, но хочу я или не хочу, главные тайны будут раскрыты за пределами здешнего мира. Это все, что я хотел сказать. Каков будет твой ответ?

Чиннар проговорил:

— В нашей переписке, так же как и в ходе настоящего обсуждения, ни вы, ни я не обращались к способу передвижения Внешнемирян. Почему вы даже не упомянули о нем? Вы не считаете, что он представляет какую-то ценность?

Клэйн ответил не сразу:

— Такой способ передвижения стал бы для нас огромным преимуществом, но сейчас об этом говорить не стоит, так как мы не можем овладеть им.

Он рассказал о предпринятых им усилиях, о невозможности добыть секрет у жителей планеты, а затем продолжил:

— У меня есть план относительно этого: оставим здесь

молодую пару, чьи дети родились во время полета. Они получат задание попытаться, чтобы их детишек обучили Внешнемиряне. На это понадобится девять лет.

— Знаю.— Чиннар хмуро уставился в пол, потом наконец поднялся.— Если возникнет какая-нибудь драка, когда мы прибудем на планету Риссов, и потребуется мое участие, позовите, и я приду. Это именно то, что вы имеете в виду под поддержкой?

Клэйн устало улыбнулся и тоже встал.

— Именно это я и предполагал,— произнес он,— именно это...

Расставшись с варваром, лорд Клэйн Линнский медленно прошел в помещение управления системами вооружений. Долгое время он просидел в одном из огромных кресел, лениво манипулируя обзорными приборами. Наконец он тряхнул головой. Сомнения Чиннара в правильности направления, указанного Марденом, передались ему, и это было неприятно. Тем не менее путешествие должно быть предпринято, но не на такой хрупкой основе. К несчастью, единственная оставшаяся у него идея была настолько дикой — и опасной,— что он до сих пор никому не обмолвился о ней. Даже Чиннар не предложил бы совершить нападение на боевой корабль Риссов.

Прошло шесть часов. А затем от вождя варваров поступило послание:

«Дорогой лорд Клэйн!

Корабль не набирает скорость. Что случилось? Если мы собираемся продолжить путешествие, мы должны быть в пути.

Чиннар».

Клэйн, склонившись над письмом, закусил губу. Он не дал на него ответа, но получение послания напомнило ему о настоятельной необходимости принять решение. «По крайней мере,— подумал он,— я могу спуститься вниз еще раз и увидеться с Марденом».

Было уже темно, когда Клэйн приземлился возле деревни. Марден неохотно открыл дверь. У него был вид человека, который наперед знал, что за посетитель стоит за дверью, и не был заинтересован во встрече с ним.

— Я думал, вы улетели,— холодно сказал он.

— С вашего позволения я хотел бы задать еще один вопрос,— попросил Клэйн.

Марден пристально смотрел в щель приоткрытой двери, по привычке сохраняя вежливость.

— Мы должны попытаться прийти к соглашению с Чужими,— заговорил Клэйн.— Как вы думаете, кто-нибудь из ваших людей — из тех, кому позволено бывать на кораблях Риссов,— смог бы помочь моим эмиссарам встретиться с ними?

Марден рассмеялся, словно услышал шутку.

— О да, Гайлан мог бы.

— Гайлан?

— Когда он узнал о существующей между вами и Риссами неприязни, он подумал, что нужно свести вас вместе.— Судя по интонации, Марден несколько упрощенно понимал подобные вещи.— Утром я скажу ему об этом.

Клэйн проявил настойчивость:

— Почему не сейчас? — Он с трудом сдерживал нетерпение.— Все это очень серьезно, Марден. Если наши два корабля встретятся, произойдет большое сражение. Пока еще не поздно это предотвратить. Не могли бы вы немедленно установить связь с Гайланом?

Клэйн старался скрыть волнение. Существовал только единственный шанс, что Марден мог догадаться о его подлинных намерениях. Он пытался запутать свои мысли, чтобы внести сумятицу в подозрения селянина, рассчитывая на механистические аспекты восприятия Внешнемирян. Он видел, что Марден продолжает сомневаться.

— Что-то такое есть в твоих целях...— начал Марден и покачал головой.— Да и потом, твои люди не умеют думать правильно, так ведь? — Казалось, он разговаривает сам с собой.— Этот ваш страх...— Ему опять не удалось закончить предложение.— Подожди минутку,— наконец сказал он и исчез в доме.

Прошла не одна, а несколько минут, прежде чем Марден вернулся к двери с высоким худощавым мужчиной с мягким выражением лица.

— Это Гайлан,— представил он и добавил, закрывая двери: — Спокойной ночи.

Сражение началось перед рассветом, когда истекали последние часы ночной темноты. Клэйн сидел в кресле в отсеке контроля и управления вооружениями, в задней части помещения. С этой выгодной для наблюдения позиции он мог видеть все обзорные приборы. Высоко на «переднем» экране был ясно виден боевой космолет Риссов. Его силуэт, похожий на чудовищных размеров торпеду, хорошо выделялся на фоне темного неба Внешнемира. Все экраны функционировали в инфракрасном диапазоне, и видимость была удивительно четкой.

Чья-то рука тронула Клэйна за локоть. Это был Гайлан.

— Настало время? — возбужденно спросил Внешнемирянин.

Клэйн еще не решился и, оглянувшись, посмотрел на тридцать добровольцев, толпящихся в ожидании в коридоре. В течение нескольких часов они тренировались, и теперь надо было дать выход слишком большому напряжению, накопившемуся за это время. Они уже получили инструкции. Все, что должен сделать командир,— это подать сигнал. Его колебания кончились.

— Хорошо, Гайлан,— сказал наконец Клэйн.

Не дожидаясь реакции на свои слова, он прикоснулся к кнопке, щелчок которой высветил человека, управлявшего молекулярным оружием. Офицер замер, склонившись над системой наведения и тщательно прицеливаясь, а затем высвободил огне-

вую цапфу. Вдоль всей длины вражеского боевого корабля стремительно проползла огненная линия. Эффект превзошел все ожидания Клэйна. Яростный язык пламени взметнулся высоко и ярко. Сверкающее неистовство этого колоссального огненного языка оживило ночной мрак. Темная земля внизу блеснула отраженным сиянием.

И тем не менее ответного огня не последовало. Клэйн украдкой посмотрел в коридор, где минуту назад в беспокойном ожидании толпились добровольцы. Теперь он был пуст. Чей-то крик заставил его снова обратить внимание на корабль Риссов.

— Он падает!

Один конец корабля медленно накренился вниз, а другой задрался вверх. В течение первых пяти миль падения он совершил полный кувырок, а затем начал раскручиваться со все убыстряющейся скоростью. Человек, управляющий экраном, на котором был виден несущийся вниз космолет, на несколько секунд выпустил его из пределов видимости. Когда он снова поймал его в фокус, корабль находился в десяти милях от поверхности планеты и по-прежнему неотвратимо падал. Он врезался в землю с причудливым эффектом. Почва в месте падения оказалась нетвердой и отреагировала, подобно отталкивающей плотной жидкости. Корабль погрузился в зыбкий грунт примерно на треть своей длины.

Офицеры, управлявшие оружием, с дикой радостью захлопали в ладоши. Клэйн ничего не сказал. Его била мелкая дрожь: массовый энтузиазм представлял собой нечто такое, к чему он органически не способен был присоединиться. Краем глаза он успел заметить какое-то движение и тут же развернулся. Это был Гайлан. На его лице застыло обиженное выражение.

— Вы поступили несправедливо,— заявил он.— Я думал, что под посещением подразумевается стремление продемонстрировать дружелюбие.

Казалось, настал момент ощутить вину, подумать об отвергнутых идеалах. Клэйн потряс головой, отгоняя подобные мысли. Он испытывал сожаление, однако извиняться перед Внешнемирянином не собирался.

— Мы вынуждены были подготовиться к нападению,— промолвил он.— Нельзя играть в глупые игры с существами, которые бомбили земные города.

— Но напали-то именно вы,— запротестовал Гайлан.— Когда я перебросил ваших людей на борт корабля Риссов, каждый из них подбегал к какому-нибудь прибору и что-то взорвал.

— У Риссов есть другие корабли,— дипломатично возразил Клэйн,— тысячи кораблей. А у нас только один. Чтобы заставить их разговаривать с нами, мы вынуждены ставить перед ними такие условия, от которых они не могут отказаться.

— Но все они мертвы,— угрюмо произнес Гайлан.— При падении погибли все, кто находился на борту.

Клэйн с трудом сдержал радость триумфатора.

— Да, корабль действительно весьма сильно ударился о

землю,— согласился он. Потом, осознав, что разговор уходит куда-то в сторону, добавил: — Послушайте, Гайлан, это дело смертельно опасно для всей человеческой расы, а вы смотрите на него с узкой точки зрения. Мы хотим установить контакт с Риссами. Но до сих пор они не позволяли нам этого. Если вы заглянете в мои мысли, то убедитесь, что это правда.

Через минуту Гайлан грустно заметил:

— Сомневаюсь, что все обстоит именно так. Однако я заранее не понял, что вы собираетесь сделать. Что-то такое есть в твоем сознании, но...

Клэйн отчасти понимал собеседника. Всю свою жизнь Гайлан воспринимал как должное, что ему открыто происходящее в мозгах остальных людей. Однако он никак не мог постичь, что тридцать человек осмелятся напасть на гигантский боевой корабль, на борту которого находятся десятки тысяч сильных существ. И что столь малочисленная группа людей сможет прорваться сквозь все ловушки для болванов, которые установили Риссы для защиты своих секретов на случай, если корабль попадет в руки врагов. Такое представление включало в себя механистическое понимание. Соответственно, случившееся было за пределами понимания Гайлана и его соплеменников. В такой ситуации при отсутствии знаний и сложных ассоциаций способность читать чужие мысли была для них бесполезной. Видя, что Внешнемирянин испытывает искреннее отчаяние, Клэйн быстро проговорил:

— Посмотрите, Гайлан, я хочу вам что-то показать.

Гайлан мрачно ответил:

— Думаю, мне лучше отправиться домой.

— Это очень важно.— Клэйн мягко потянул собеседника за рукав. Гайлан позволил подвести себя к приборам «защитника». Клэйн указал на главный переключатель.— Видели ли вы, как один из наших людей выключил устройство, надавив на эту штуку таким вот манером? — Он нажал на регулятор и глубоко утопил его в гнезде.

Гайлан покачал головой.

— Нет, не помню.

Клэйн серьезно произнес:

— Мы должны быть в этом уверены.— Он объяснил, как работает «защитник», а также то, что любой Внешнемирянин, который будет бродить вблизи космолета Риссов, может погибнуть.— Ты должен отправиться на борт упавшего корабля, Гайлан, и выключить его.

Гайлан удивленно спросил:

— Это то самое, с помощью чего они защищались от меня и остальных, кому было дозволено бывать на борту?

— Именно так. Оно убивает все живое в радиусе двух с половиной миль.

Гайлан нахмурился.

— Почему же оно не уничтожило людей, которых я доставил на корабль?

Клэйн с трудом проглотил слюну.

— Гайлан,— спросил он мягко,— ты когда-нибудь видел человека, похороненного живым?

— Я слышал о таком.

— Сразу ли он умирает?

— Нет. Он сходит с ума.

— Совершенно верно,— сурово заметил Клэйн.— Гайлан, тела тех добровольцев начали сгорать в тот самый момент, как только они оказались на борту. Но они умерли не сразу. Они рискнули добраться до машин и выключить их в нужное время.

Все это было не совсем так. Однако было слишком трудно объяснить, что происходит с человеческим организмом, когда температура каждой клетки тела поднимается до шестидесяти градусов.

Внешнемирянин беспокойно сказал:

— Мне лучше поспешить. Может быть, кто-то уже пострадал.

Он исчез. Клэйн даже подпрыгнул. Их способ передвижения в пространстве вызывал у него жутковатое ощущение. Внезапно Гайлан снова оказался рядом с ним.

— Все кончено,— проговорил он слабым голосом.

Клэйн протянул ему руку.

— Гайлан,— тепло произнес он,— я хочу поблагодарить вас.

Гайлан явно уже над чем-то поразмышлял.

— Нет,— сказал он,— все это несправедливо. Вы обошлись с Риссами бесчестно.— На его лице появилось упрямое выражение.— Никогда больше не просите меня помогать вам.

— Спасибо и на этом.

Расставшись с Внешнемирянином, Клэйн подумал: «Прежде всего нужно отправиться на борт, взять карты, а затем...» Он боролся с волнением, внезапно охватившим его. Перед завтраком он попытался представить себе послание, которое следовало направить Чиннару. Почувствовав, что не может больше сдерживать себя, он сел и дрожащей рукой набросал письмо:

«Дорогой Чиннар!

Ты будешь счастлив узнать, что мы успешно захватили вражеский военный корабль и уничтожили всех Риссов на его борту. Интересно отметить, что захваченные карты идентифицируют ближайшую звезду Риссов как одну из выбранных Марденом.

Клэйн».

Но когда доставили карты, оказалось, что последнее предложение нужно переписать, прежде чем послание будет передано адресату. Захваченные карты лишь подтвердили, что Марден не имеет ни малейшего представления о пространственных координатах и местонахождении звезд. Солнце Риссов находилось примерно в трех месяцах полета, но в совершенно противоположном районе Галактики.

На следующий вечер «Солнечная Звезда» была уже в пути.

Первый крик младенца слабо донесся до слуха Клэйна через толстые панели двери, ведущей в спальню. Этот звук наэлектризовал его. Он заранее приказал снизить ускорение до

одного G и сейчас направлялся в лабораторию, примыкающую к рубке управления, намереваясь поработать. Однако переутомление все-таки сказывалось. В первый раз он осознал, в каком напряжении находился в последнее время, как сильно устал. Он лег на кушетку и мгновенно погрузился в сон.

Когда он проснулся, было уже утро. Он направился в апартаменты, где жили он и Маделина, и по его просьбе ему показали сына. Клэйн тщательно осмотрел его, пытаясь обнаружить, какие его собственные мутационные особенности передались ребенку, однако не заметил ничего ненормального. Это сбило его с толку. Чисто физически сын ничуть не напоминал его самого, и это неприятно поразило Клэйна.

С другой стороны, он удивился бы, если обнаружилось сходство между нервной системой ребенка и его собственной, хотя втайне надеялся на это, поскольку не сомневался в своей исключительности. В течение всей жизни он был восприимчив, любознателен, стремился к расширению знаний; таких людей были единицы.

У Клэйна начали возникать подозрения, что признаки его мутации закрепились на нем и по наследству не передаются. Он должен понаблюдать за младенцем в поисках свидетельств, что оба они... разные. За исключением огорчившего его нормального физического строения, внешность ребенка доставила ему удовлетворение: он был почти так же уродлив, как и любой новорожденный, на которого он когда-либо имел несчастье смотреть. И его испугало, когда старшая няня восторженно промурлыкала:

— Какое красивое дитя!

Клэйн предполагал, что, возможно, сын когда-нибудь и станет таким, поскольку Маделина была очень красива. Он допускал, что кровь ее семьи могла доминировать в организме сына, и его физическая нормальность подтверждала это. Наблюдая, как ребенка укутывают после купания, он становился все печальнее. Его беспокоило, что мутационные изменения еще могут проявиться, и в то же время он был счастлив, что пока их не было заметно. Однако он уже сейчас мог себе представить, как мальчик будет стыдиться своего отца. Мысли об этом прервало появление няни, сообщившей, что Маделина проснулась и спрашивает о нем. Клэйн нашел ее жизнерадостной и полной планов.

— Ты знаешь,— промолвила она,— я раньше никогда не сознавала, какие удивительно внимательные люди живут рядом с нами. Эти женщины так чудесно отнеслись ко мне.

Клэйн задумчиво смотрел на нее. На протяжении всего долгого путешествия Маделина испытывала глубокие психологические изменения, приспосабливаясь к обстоятельствам. В самом начале полета обнаружилось, что на корабль каким-то образом пробрался наемный убийца, нанятый Лилидель. Скрывшись под личиной одного из солдат, он, видимо, и не предполагал, насколько бесполезной и бессмысленной была его цель:

при подходе к их апартаментам он пересек контрольную линию, и сразу же включился автоматический сигнал тревоги.

Клэйн намеренно пригласил Маделину присутствовать при казни. Отчаянное желание этого человека жить ужасно подействовало на нее. С того момента она прекратила разговоры о смерти как о чем-то ее не касающемся. Сейчас, счастливый от произошедших с ней перемен, он слушал, как она расхваливает всех слуг вместе и каждого в отдельности. Неожиданно Маделина сменила тему.

— О, чуть не забыла. Ты помнишь, мы никак не могли подобрать ему имя... ну, мне оно и пригрезилось — Браден. Ты только послушай: Б р а д е н Л и н н!

Клэйн согласился с именем после небольшого колебания. Первое имя ребенка должно быть сугубо индивидуальным, чтобы отличить его от других, принадлежащих к одной семейной ветви. Конечно, у сына должна быть целая вереница имен, которых удостаивались знаменитые люди обеих фамилий. Это был один из немногочисленных старинных обычаев, которые Клэйн одобрял: использование многих имен семьи. Это напоминало о родословной, порождало ощущение продолжения жизни, вызывало у гордого обладателя звучного имени чувство причастности к деяниям предков, желание поступать так же или даже лучше, чем его благородные родичи. Даже Клэйн, у которого было столько причин не испытывать такого ощущения, чувствовал пресс многочисленных имен, полученных в час крещения.

Полное имя, которое в конце концов было дано новорожденному, звучало так: Браден Деррин Харлан Джоквин Долд Коргэй Линн.

Минуло две недели после рождения мальчика, когда «Солнечная Звезда» добралась до второй цели своего полета в космическом пространстве.

Клэйн бодро вошел в конференц-зал. Теперь наконец-то не осталось причин для внутренних конфликтов. Вражеская планета стала уже достаточно яркой в сине-черном мраке, раскинувшем свои унылые всеохватывающие крылья впереди по курсу звездолета. Настало время подготовиться к действиям.

Клэйн выступил с подготовленной заранее речью, особо подчеркнув непреходящие ценные качества человеческой личности — храбрость и мужество. Его глаза внимательно изучали лица слушателей. На них не было признаков цинизма и скепсиса. Впрочем, он и не ожидал их найти. Перед ним сидели серьезные люди, знающие о суровой непредсказуемой реальности их миссии. Некоторые из сидящих в зале казались озадаченными эмоциональностью его выступления. Было время, когда он мог бы уступить нарастающему нетерпению, но сейчас этого не случилось. Приступая к осуществлению великой цели, руководитель должен прежде всего пробудить в людях эмоции, необходимые для достижения успеха. В прошлом он полагал, что солдаты воспринимают смелость как должное. Да, они именно так и поступали, но только если им напомнить. Но даже тогда

на уровне генеральского состава существовало молчаливое сопротивление со стороны отдельных личностей.

Завершив резкую речь критикой неоправданной храбрости, Клэйн принялся разъяснять свою цель. Он не успел зайти слишком далеко, как заметил реакцию слушателей. Офицеры — как варвары, так и линнцы,— выглядели одинаково вялыми и скучающими. Лишь Чиннар хмурился с неожиданно задумчивым видом.

— Однако, ваша честь,— подал голос один из линнцев,— перед нами планета Риссов. У них будут сотни кораблей против одного нашего.

Клэйн держался холодно. Опыт подсказывал ему, что никто, кроме него, не владеет ситуацией в целом. Он мягко произнес:

— Джентльмены, надеюсь, что все согласны с тем, что мы подвергаемся риску, конечно, в разумных пределах.

— Да, но это безумие.— Эти слова принадлежали генералу Мараку, нынешнему секретарю Клэйна. — Как только они нас обнаружат...— Он сделал паузу, как будто его осенила новая мысль, и продолжил: — Или вы ожидаете, что нас не обнаружат?

Клэйн улыбнулся.

— Будьте уверены, что нас обнаружат. Мой план заключается в том, чтобы высадить большую часть...— Он осекся и закусил губу: он чуть было не сказал «варварской»; затем продолжил: — армии с Европы и захватить плацдарм.

Лица офицеров армии варваров исказил страх, почти все были не в силах скрыть испуг, за исключением Чиннара. Клэйн заметил, что лидер варваров наблюдает за ним сверкающими глазами, в которых зарождается понимание. Клэйн поднялся.

— Джентльмены, успокойтесь,— недовольно сказал он,— не то вы запугаете солдат вашим слишком очевидным страхом. Наше решение основано на твердом расчете. Космические корабли *не уничтожаются* в пространстве. Они не могут поддерживать друг с другом контакты, даже если люди на борту одного космолета настроены дружески по отношению к экипажу другого и предпринимают всяческие усилия держаться вместе. Так что вы можете быть уверены, что Риссы не станут контактировать с нами, пока мы находимся в полете. Что касается высадки десанта, то создание плацдарма, который всегда может быть захвачен, и удерживание его в течение какого-то времени с древности практикуются в истории войн. И никто не представляет себе способа, как предотвратить высадку противника в каком-либо месте на планете.— Решив, что эта тема исчерпана, Клэйн резко заявил: — Но хватит аргументов. У нас есть цель. Теперь мы подходим к тому, что гораздо важнее,— к сложным деталям достижения этой цели.

Он разъяснил свои идеи и, прежде чем перейти к главной дискуссии, закончил речь такими словами:

— Во всех начинаниях мы должны следовать правилу, которое напоминает о расчетливом риске. Мы все время должны помнить, что жертвы будут обязательно. Но я считаю, что главное достоинство любого военного плана состоит в том, чтобы

он предполагал спасение как можно большего числа людей, занятых в операции.

Чиннар поднялся первым.

— В чем,— спросил он,— заключается основная цель высадки?

— Выяснить, какую реакцию это вызовет, насколько сильна будет эта реакция, как они контактируют, каким оружием владеют. Короче говоря, каков план Риссов по обороне планеты.

— Разве нельзя предположить,— задал Чиннар следующий вопрос,— что такая информация была известна древним людям, которые воевали в период великой войны между человечеством и Риссами?

— Возможно.— Клэйн колебался. Он не был уверен, настал ли момент высказать собственную оценку минувшей войны и того, как она велась. В конце концов он решил, что время еще не пришло, и сказал: — Я не нашел книг о самой войне, поэтому не могу ответить на твой вопрос.

В течение нескольких секунд вождь варваров смотрел прямо ему в глаза, после чего проговорил:

— Естественно, я за высадку. А вот мои предложения по вашему плану...

Дискуссия продолжилась по вопросам тактики. Дальчейших возражений против высадки больше не было.

Они опустились на высохшую неровную холмистую местность, которая когда-то, вероятно, была дном ныне мертвого моря. Каменистые образования покрывали эти неприятные и пустынные земли. Воздух был разреженный и по-утреннему холодный, но к полудню установилась дикая жара. Люди продолжали ворчать даже тогда, когда были установлены палатки. Медленно пролетая над ними на высоте нескольких футов, Клэйн ловил на себе множество хмурых взглядов. И не раз, когда его легкая лодка в тишине проплывала над скалами, прежде чем совершить очередной нырок в следующую долину, он слышал испуганные реплики рослых людей, на отвагу которых он должен был рассчитывать в будущем сражении.

Периодически Клэйн совершал посадки, чтобы проверить правильность размещения защитных устройств и энергетического оборудования, воздействующего на молекулярном уровне, которые установили по его приказу. Защитные устройства представляли собой те же самые приборы, уничтожившие костяк команд на борту линиских боевых кораблей во время атаки, которая когда-то дала ему возможность захватить «Солнечную Звезду». Молекулярное оружие прожгло огромные раны в корпусе второго корабля Риссов. Убедившись, что разрушительная мощь каждого вида оружия установлена на предельный радиус действия, Клэйн летел дальше.

Наконец они с Чиннаром остановились на вершине холма, вглядываясь в голый горизонт. Варвар молчал. Клэйн обернулся и отдал последние распоряжения:

— Отправьте рейдовые команды. Если захватите пленников, сообщите мне немедленно.

Чиннар потер подбородок.

— А что если они сбросят на нас атомные бомбы?

Клэйн ответил не сразу. С вершины холма ему были видны конусы палаток. Большинство из них было укрыто в полостях за горбатыми каменными глыбами. Однако то тут, то там он мог видеть их редкие прерывистые линии. Они достигали горизонта и терялись за его пределами — более чем на тридцать миль в любом направлении от того места, где стояли он и его товарищи.

Атомная бомба могла уничтожить любого в непосредственной близости. Титанический ветер мог сорвать любую палатку. Смертельная радиация могла отразиться от твердого блестящего камня и убить только нескольких человек, оказавшихся в радиусе излучения. Это если бомба будет взорвана на поверхности Земли. Если же она будет взорвана в воздухе или, к примеру, система автоматического контроля молекулярного оружия уничтожит ее на высоте двадцати миль, эффект будет подобен плотному нажатию пресса. Однако давление воздушного потока с двадцатимильной высоты могло оказаться и не смертельным, особенно для людей, которым велено зарыться в камень под палатками и которые имели *строжайший приказ,* предписывающий двум из четверых в каждой палатке всегда находиться в каменной норе. Двое других должны были проявлять максимальную осторожность. Предполагалось, что они сумеют быстро укрыться, если в воздухе появится корабль Риссов.

Примерно так Клэйн объяснил свое представление о последствиях атомной атаки и заключил:

— Если они сбросят на нас бомбу, ну что ж, тогда и мы сбросим одну-две на их города.— Его внешняя холодность не могла скрыть внутреннего ликования. Он мягко засмеялся и сказал: — Шучу, шучу, мой друг. Знаешь, я начинаю постигать суть взаимоотношений между двумя враждебными цивилизациями в этой обширной Вселенной. Никогда не было ничего похожего, прежде чем человечество не столкнулось с Риссами. Оказалось — ни одна планета не может быть защищена, все могут подвергнуться нападению, все уязвимы... И в данный момент здесь, на одной из их родных планет, мы потеряем только самый минимум.— Клэйн протянул руку.— Удачи тебе, великий Чиннар. Уверен, ты добросовестно выполнишь свою работу.

Несколько секунд Чиннар глядел на предложенную руку, а потом наконец пожал ее.

— Вы можете положиться на меня, сэр,— сказал он. Поколебавшись, он медленно добавил: — Извините меня за то, что я не отдал вам сферу.

Неожиданно откровенное признание потрясло Клэйна. Потеря сферы стала для него катастрофой, и только неукротимая сила воли лидера варваров удержала его в конечном счете от применения насилия. Тогда он осознал, насколько нуждается в таком человеке, как Чиннар. И теперь Клэйн не смог заставить

себя сказать, что это не имеет значения. Однако, поскольку признание подразумевало, что сфера могла быть оставлена на Земле, он ничего не сказал.

Вернувшись на «Солнечную Звезду», Клэйн повел корабль, отдавая команды из рубки управления системами вооружения. Дюжина мужчин взволнованно толпилась у него за спиной, наблюдая за различного размера экранами. Они были готовы привлечь его внимание к любому объекту, который он сам мог пропустить.

Линнцы отправились в полет над городами, большинство из которых располагалось в горных районах. Не много времени понадобилось, чтобы установить, что города спешно эвакуировались. Бесконечные потоки небольших аппаратов постоянно выливались из всех районов размещения метрополий, освобождались от груза беженцев, а затем возвращались за новыми партиями. Разыгрывавшийся внизу спектакль развеселил офицеров.

— Клянусь всеми Атомными Богами! — возликовал один из них.— Мы расшевелили этих вонючек.

Кто-то предложил:

— Давайте сбросим на них парочку бомб... и посмотрим, как они забегают!

Клэйн не откликнулся, покачал головой. Его не удивляла сила их ненависти. В течение двух последних дней он воочию наблюдал, как вспыхивает эта ненависть, видел ее приливы и отливы, но до сих пор не было признаков, что она идет на убыль. «Мне следовало бы пресечь эти проявления инстинктивной ненависти»,— сказал он себе. Но это, пожалуй, можно отложить на более поздний срок.

За эти два дня Клэйн регулярно получал от Чиннара сообщения по радио. *«Патрули направлены»* — эти два слова составляли первое послание. К тому времени, когда поступил второй доклад, примерно половина патрулей вернулась назад.

«Похоже,— информировал Чиннар,— *что вокруг нас активно концентрируются войска. Активность наблюдается на всех направлениях. Одна из наших патрульных лодок сбита огнем наземной артиллерии на высоте приблизительно восемнадцати миль. Все выглядит так, словно они пытаются замкнуть вокруг нас кольцо. До сих пор мои люди не захватили ни одного пленного».*

Третья радиограмма была короткой: *«В воздухе наблюдается повышение активности. Пленных нет. Не организовать ли нам вылазку в один из их лагерей?»*

В ответ Клэйн передал лишь одно слово: *«Нет!»*

Рассматриваемая с непостижимой пока высоты загадка планеты Риссов увлекла его. Было ясно, что столкновение неотвратимо. Принимая во внимание численность Риссов на планете, было трудно понять, почему ни один из них до сих пор не захвачен.

На третий день, пролетая над очередным городом, Клэйн увидел, что из него на открытую местность все еще выходят

колонны беженцев. Ему пришла в голову мысль: а что если послать вниз рейдерскую лодку, перехватить транспорт с беженцами, сжечь машину и захватить тех, кто находится на борту? После некоторых раздумий он отверг эту идею. Прежде всего потому, что аппараты Риссов четко придерживались одного маршрута. Подобная педантичность заставляла предполагать, что вдоль пути их следования размещалось оборудование «защитника». Ни одно человеческое существо не могло даже надеяться беспрепятственно проникнуть сквозь созданную линию смерти. Именно по этой причине Клэйн отверг предложение Чиннара направить рейдовые патрули для набегов на вражеские лагеря. Лагеря Чужих также могли оказаться защищенными.

Конечно, риск, которому подверглось бы несколько человек, не имел особого значения. Однако существовала еще одна причина, почему Клэйн решил не искушать судьбу и не пытался попробовать на вкус потенциальную опасность. Он ждал реакции Риссов. Именно они должны были первыми применить силу против совершивших вторжение, а уж по характеру такого удара и реакции можно определить, чего они боятся. В итоге его совет Чиннару, направленный на третий день, был осторожным: *«Ждите и действуйте в соответствии с планом»*.

Уходящая ночь не принесла неожиданностей. К утру Клэйн заметил, что поток машин с беженцами уменьшился до тонкой струйки. Он мог представить себе, какое громадное облегчение, должно быть, испытало местное население. Вполне вероятно, они поверили, что выиграли первую фазу сражения, или же сочли нападающих слишком глупыми для того, чтобы воспользоваться своими преимуществами. Пусть так и думают, если это доставляет им радость. Рассеявшись на обширной территории и тем самым обеспечив безопасность населения, сейчас они должны подготовиться ко второй, более активной фазе. Клэйн не ошибся в своих прогнозах. Вечером, незадолго до наступления темноты, Чиннар передал долго ожидаемые слова: *«Захвачен пленник. Когда вы будете внизу?»*

«Завтра!» — был ответ Клэйна.

Вечер и часть ночи он провел, размышляя над развитием событий. К полуночи его план окончательно сформировался. Именно в это время он обратился с весьма резкой и решительной речью к сотне полковников — командиров мобильных авиагрупп. Когда он закончил, люди побледнели, но страстно зааплодировали ему. Один из участников совещания спросил:

— Ваша честь, должны ли мы понимать так, что завтра вы планируете спуститься вниз?

Клэйн замялся, потом кивнул. Полковник серьезно произнес:

— Я уверен, что, обращаясь к вам, могу говорить от имени всех моих коллег: пересмотрите свое решение. На протяжении долгих месяцев полета мы неоднократно обсуждали эту тему между собой и пришли к общему мнению, что жизнь любого человека на борту корабля зависит от того, останетесь ли вы, ваша честь, в живых. Ни одна из предпринимаемых когда-либо

величайших экспедиций не зависела столь явно и всеобъемлюще от знаний и руководства одного человека!

Клэйн поклонился.

— Благодарю вас. Я постараюсь оправдать ваше доверие.— Он покачал головой.— Что касается вашего предложения, я должен от него отказаться. Мне необходимо самому допросить захваченного пленника. Почему? Потому что на Земле я анатомировал тело одного из этих существ, и я, вероятно, единственный человек, который знает о них достаточно, чтобы беседа имела какой-то смысл.

— Сэр,— не согласился полковник,— а как быть с Чиннаром? Мы немало слышали о его коварстве.

Клэйн мрачно улыбнулся.

— Боюсь, что Чиннар тоже будет присутствовать на допросе...— Он сменил тему.— Извините меня, джентльмены, этот спор надо прекратить. Командир обязан рисковать в такой же степени, как и любой из его солдат. Думаю, что многие нижние чины мечтают об этом.

Эти слова вызвали новый взрыв аплодисментов, и совещание завершилось. Каждый уходил в хорошем настроении, сохранив чувство юмора.

— Все это мне не нравится,— заявил Чиннар.

Клэйну это тоже не нравилось. Он сидел в кресле и разглядывал пленника.

— Давай немного поразмышляем,— произнес он медленно.

Рисс стоял гордо — по крайней мере такое впечатление он производил — перед своими тюремщиками; охранники топтались за его спиной. Клэйн неспешно разглядывал монстра, интуитивно чувствуя в нем скрытую силу. Рисс находился примерно в двенадцати футах от него. Он возвышался подобно гиганту даже над внушительного роста солдатами варваров и теоретически вполне мог прыгнуть вперед и разорвать на части любого, прежде чем тот сумеет оказать сопротивление. Это было всего лишь подозрение, не более, и все же необходимо быть готовым к любой неожиданности.

Незаметным движением Клэйн придвинул поближе энергетический жезл на случай, если вдруг придется защищаться. Чиннар сказал:

— Это слишком очевидно. Люди на маршруте, захватив его, ликовали, но я, естественно, детально опросил их. У меня нет сомнений, что он сознательно добивался, чтобы его схватили.

Клэйн согласился с таким выводом. Трезвая бдительность была одним из свойств блестящего ума лидера варваров. А кроме того, этот случай заставил его предпринять все мыслимые меры предосторожности, теоретически, быть может, и необязательные. Но даже если его беспокойство было оправданным, эти меры обеспечили бы лишь первую линию обороны.

Клэйн вынул блокнот и начал рисовать. Он не был художником, но очень скоро протянул одному из своих офицеров, рисовавшему профессионально, грубый набросок. Тот, изучив

рисунок, достал из патрульного бота небольшую доску для рисования и стал наносить на прикрепленный к ее гладкой поверхности лист быстрые уверенные штрихи. Когда рисунок был закончен, Клэйн движением руки приказал художнику отдать его Риссу.

Монстр взял лист бумаги, доску и все остальное. Он изучал их, проявляя все признаки волнения, затем завибрировал складками своей кожи. Наблюдая за ним, Клэйн не мог определить, выказывает ли пленник одобрение или же наоборот. Рисс еще долго изучал рисунок, потом наконец залез под одну из складок кожи и выволок из какого-то скрытого вместилища огромный предмет — по виду карандаш. Перевернул лист, использованный художником, и что-то изобразил на чистой стороне. Когда Рисс завершил работу, Чиннар подошел и забрал рисунок. Разумеется, у него и в мыслях не было разглядывать его — он отнес рисунок Клэйну, даже не взглянув на изображение. Передавая лист мутанту, он наклонился и, повернувшись спиной к пленнику, прошептал:

— Ваша честь, вы отдаете себе отчет в том, что здесь, на этом месте, оказались одновременно сразу оба лидера нашей экспедиции?

Клэйн кивнул.

Краем глаза Клэйн успел увидеть высоко в небе ослепительную вспышку света. Он быстро огляделся вокруг, пытаясь определить, заметил ли ее еще кто-нибудь. Один из офицеров варваров усердно тянул шею, но на его лице блуждало неуверенное выражение, словно он не был убежден, что увидел что-то действительно необычное. Клэйн, медленно откинувшись на спинку кресла, напряженно ждал следующей вспышки. Она блеснула внезапно, однако он все еще ничем не выдал себя. И на этот раз, похоже, никто не заметил яркого сполоха. В конце концов он ответил вопросом на вопрос Чиннара:

— Чего же ты ожидаешь?

Вождь варваров, по всей видимости, почувствовал в его голосе беспокойство. Он пристально посмотрел на Клэйна и размеренно произнес:

— Какой-то Рисс позволяет взять себя в плен. Он должен иметь цель. И цель эта вполне может опираться на его убеждение, что сила, которая за ним стоит, совершит нападение в конкретное время и в конкретном месте. Почему бы не в тот самый момент и не в том самом месте, где высшие руководители вражеской экспедиции допрашивают пленника?

— Значит, ты полагаешь,— неторопливо проговорил Клэйн,— что он способен оценить твое и мое положение?

В этот момент небосвод озарился третьей вспышкой.

— Он сумел свести нас тут,— ответил Чиннар, явно разозлившись. Ему казалось, что только он понимает происходящее.— Вспомните, что говорил Марден об установлении связи с Риссами. Судя по всему, они могут читать наши мысли. Кроме того...— в его голосе зазвучал сарказм,— впервые за время на-

шего союза вы прибыли сюда словно властелин, монарх. Вы здесь единственный, кто сидит. При публичном появлении это для вас необычно. Здесь все в военной форме, а вы, как всегда, облачились в одеяние священника линнских храмов. Чего вы хотите добиться? Заставить его признать, кто вы такой?

— Да,— мягко ответил Клэйн и, не сдержавшись, расхохотался.— Чиннар,— отсмеявшись, произнес он наконец спокойно и трезво,— это проверка кое-чего, что я заметил во время нападения на боевой корабль Чужих на Внешнемирье.

— Что вы заметили? — спросил варвар.

— Наше молекулярное оружие проявило себя гораздо более могущественным, чем я предполагал. В действительности же не оно помогло уничтожить корабль. Я использовал его просто для того, чтобы отвлечь их внимание. Однако оно более чем на фут выжгло внешнюю обшивку корпуса корабля в тех местах, где коснулось металла. Впоследствии я просчитал, что радиус его действия что-то около двадцати миль и что оно синхронизировано с автоматическими прицельными устройствами на борту корабля.— Обнажив в зловещей улыбке ровные белые зубы, Клэйн продолжил: — Чиннар, весь этот район защищен молекулярным оружием, которое с абсолютной точностью сожжет любую атомную бомбу еще в падении, на высоте приблизительно двадцати миль.

Мужественное лицо лидера варваров потемнело.

— Вы имеете в виду, что оно взорвет их так высоко?

— Нет. Оно сжигает их. Ядерных взрывов не происходит вовсе, только трансформация в газ на молекулярном уровне. Небольшая по размерам бомба полностью распыляется. Газ подхватывается перекрестными течениями воздуха, и его радиоактивность распространяется над сотнями квадратных миль территории.

Он ждал бурной реакции. И не ошибся.

— Лорд Клэйн,— Чиннар, едва справляясь с волнением, натужно выдавливал слова,— это ужасно. Все эти месяцы мы обладали столь замечательной оборонительной машиной и не знали о ней.— Он замолчал. Затем, уже медленнее, промолвил: — Не буду гадать, как в случае с хлородельо, о том, что здесь содержится ответ на многие вопросы, в том числе с учетом наших задач и действий. Большой космолет, подобный нашему, мог бы лететь, подвергаясь мощным ядерным ударам сверху. Возможно, он серьезно пострадал бы, но не был бы искалечен безвозвратно. И он мог бы идти на низкой высоте, с тем, чтобы его защитные резонаторы времени-пространства сжигали всех внизу. Как мы оборонялись бы в этом случае? Закопались бы в землю?

— И как можно быстрее,— подтвердил Клэйн.— Мы будем зарываться в индивидуальные пещеры, которые выкопали твои люди, и укрываться под несколькими ярдами камня.

Чиннар снова нахмурился.

— Все это не объясняет заигрывания с пленником. Вы пытаетесь спровоцировать их на нападение?

Клэйн невозмутимо проговорил:

— Нападение уже состоялось и продолжается примерно пять минут.

С этими словами он спокойно взял рисунок Рисса и сделал вид, что внимательно изучает его. Моментально возникшая вокруг него волна беспокойства быстро достигла пика. Эхо восклицаний покатилось дальше, когда стоявшие в стороне люди подхватили крик. Во время всей этой суматохи Клэйн, как казалось со стороны, демонстративно изучал рисунок. На самом же деле он с завидной целеустремленностью исподволь наблюдал за пленником.

Охранники забыли о Риссе-великане. Они, вытянув шеи, вглядывались в небо, где полыхало множество огненных вспышек. Клэйн одним-единственным словом мог напомнить им об их обязанностях. Однако решил ничего не говорить. Его интересовало, как отреагирует стоящее перед ним существо, когда наконец сообразит, что атомная атака потерпела полное фиаско. В течение нескольких секунд чудовище сохраняло спокойствие и держалось с прежней гордостью. Затем, запрокинув голову, недоуменно уставилось в небо и смотрело примерно полминуты. Потом Рисс опустил глаза и торопливо огляделся вокруг. На какое-то мгновение его быстрый взгляд уперся в Клэйна. Тот прищурился, но глаз не отвел.

Уловка сработала. Наклоненная голова Клэйна говорила о том, что он погружен в изучение наброска. Постоянно мигая, он отчасти сумел скрыть, что не спускает глаз с пленника. Рисс скользнул по нему взглядом и сделал первое целенаправленное движение — полез в одну из складок кожи и стал что-то доставать... но замер, когда Клэйн мягко и едва слышно прошептал:

— Не делай этого. Сохрани жизнь! Я знаю, что ты пришел сюда, чтобы пожертвовать собой, но сейчас это необязательно. Это не послужит полезной цели. Сохрани жизнь и послушай, что я скажу.

Клэйн не ожидал от своих слов слишком многого. Телепатические контакты между Чужими, которые были способны читать мысли, и человеческими существами, которые этого не могли, безусловно, должны быть весьма зыбки. Тем не менее он, хотя все еще не смотрел прямо на Рисса, заметил, что тот продолжает колебаться. Более твердо, но по-прежнему тихо, будто дышал, Клэйн промолвил:

— Вспомни рисунок. Я до сих пор не знаю твоей реакции на него... у меня не было времени на наблюдения... но я подозреваю, что она негативна. Подумай над этим. Первое суждение не обязательно самое лучшее. Пять тысячелетий назад человечество и Риссы почти уничтожили друг друга. А сегодня Риссы предприняли действия, которые дадут начало новой борьбе, новому уничтожению. До сих пор мы не сбросили ни одной бомбы, мы даже не применили резонатор. Это сделано умышленно, с целью показать, что в настоящее время человеческие

существа хотят договориться совсем о другом. Скажи своим соплеменникам, что мы пришли как друзья!

И все равно было трудно определить, какова была реакция Чужого. Он не изменил позы: одна «рука» по-прежнему пряталась в складках кожи. Клэйн не недооценивал противника. Анатомируя тело мертвого Рисса, он обнаружил кожистые карманы естественного происхождения, достаточно вместительные, чтобы спрятать энергетические стержни. Он предупреждал Чиннара быть наготове, но просил не обыскивать Чужого, чтобы тот чувствовал себя свободным в действиях. Чиннар за его спиной монотонно пробормотал:

— Ваша честь, думаю, наш пленник собрался с силами, чтобы предпринять что-нибудь решительное. Я наблюдаю за ним.

Итак, по крайней мере еще один человек не забыл об опасности. Прежде чем Клэйн ответил, Чиннар продолжил резким тоном:

— Ваша честь, я настаиваю на том, чтобы мы не испытывали судьбу. Убейте его, пока он не преподнес нам сюрприз.

— Нет,— ответил Клэйн. Его голос сохранял спокойную интонацию обычной беседы.— Я намерен дать ему патрульную лодку, если он примет ее, и позволить ему спастись. Выбор за ним.

С этими словами он впервые поднял голову и посмотрел прямо на Рисса. Огромные сверкающие глаза монстра снова обратились к нему. Можно было не сомневаться, что он догадывался, чего от него ждут. Ужасная борьба между желанием жить и верой, которая привела его сюда, чтобы принести свою жизнь на жертвенный алтарь, отражалась в его глазах. Рисс не двинулся с места — продолжал стоять на каменном выступе, глядя снизу вверх на Клэйна и Чиннара, находившихся чуть выше на бесплодной неровной почве холма. За спиной Чужого среди нагромождений камней местами маячили палатки варваров. Они были повсюду, и человеческий глаз не мог определить, где конец их рядам. Прошла минута. Клэйн слегка расслабился и обратился к Чиннару:

— Мне бы хотелось узнать, что он нарисовал в ответ на мой рисунок. Ты взгляни, а я понаблюдаю за ним. Но для начала тебе следует изучить мои, если ты надеешься понять его ответ.

Хотя он и не показал этого, но его интересовала реакция варвара. Не отводя взгляда от Рисса, Клэйн протянул доску для рисования Чиннару. Тот взял ее и немного погодя заговорил:

— На вашем рисунке показаны три планеты. Одна полностью закрашена. Другая совершенно белая, а на третьей заштрихованы горные районы, а предгорья и низменности — чистые. Прав ли я, что здесь изображены именно планеты?

— Да,— ответил Клэйн, с любопытством ожидая продолжения.

Спустя некоторое время Чиннар произнес:

— Набросок в нижней части листа изображает фигуру человеческого существа, напротив него незаштрихованный прямоугольник, тот внизу — Рисс, напротив него прямоугольник закрашен.

— Это разъяснительное изображение,— сказал Клэйн.

Наступила продолжительная пауза, она длилась даже дольше, чем можно было ожидать от человека со столь острым умом. И тем не менее Клэйна это не удивило. Это было вопросом позиции и убеждений, и процесс принятия радикального нового понятия был напряженным. Поэтому последовавшая в конце концов реакция ни в малейшей степени не стала для Клэйна неожиданной.

— Однако это любопытно,— рассерженно воскликнул Чиннар.— Вы и в самом деле намекаете, что Риссы и люди должны поделить между собой каждую третью планету во Вселенной?

— Это только предложение,— ответил Клэйн, не вдаваясь в дальнейшие объяснения. Пятьдесят веков назад цивилизация Риссов и человечество оказались не готовыми поделить Галактику. И похоже, что одной из причин, приведших к разрушительной войне, было их взаимное психологическое неприятие. Клэйн ждал. Варвар снова заговорил, и в его голосе звучало удовлетворение:

— Ваша честь, я изучаю его ответ. Он нарисовал три планеты и все заштриховал. Я бы сказал, что он отвергает ваше предложение о дележе.

Клэйн твердо произнес:

— У него было время передать мой план с помощью телепатии. Эта идея может распространиться весьма быстро. Это все, на что я могу надеяться в данный момент.

Действительно, нынешняя ситуация заметно отличалась от той, что была в древности. Сейчас люди, точно так же как и Риссы, могли оглянуться назад и оценить катастрофу, происшедшую с их предками, с современных позиций. В настоящее время только один-единственный человек верил в сотрудничество. Единственный человек, сидящий здесь, на далекой планете недругов, признал, что во многовековой вражде в одинаковой степени повинны и люди, и Риссы. Признал, понимая, что его будут считать глупцом, даже врагом своей расы. И тем не менее у него не было намерения отказываться от своей идеи.

На минуту он увидел себя воспарившим из вечности на вершину власти. За всю историю человечества такой момент, такая комбинация событий возникли впервые и, возможно, никогда больше не появятся. Через несколько лет его научные познания могли бы стать общим достоянием, будучи разделены между тысячами техников. Так должно быть, если человеческая раса надеется выжить в военном соперничестве или сотрудничестве с Риссами. Он уже обучил большое число офицеров. Неудобство заключалось лишь в том, что он обладал гораздо более выдающимися способностями и за время, требующееся им, чтобы постичь суть одного явления, он мог усвоить дюжину. С точки зрения совершенствования культуры, науки, индустрии это было плохо для человеческой расы. Но в политическом смысле давало шанс.

Никто не смог бы остановить его, никто не сумел бы отказать ему. Он был лордом Клэйном Линнским, потенциальным

лордом-правителем, командиром «Солнечной Звезды», единственным человеком, который что-то смыслил во всем оборудовании на борту звездолета. Он не болел в течение многих лет и никогда не ощущал большей жизнестойкости, большей остроты ума, чем теперь.

Его размышления прервал Чиннар с ноткой раздражения в голосе:

— Ваша честь, если бы ваши планы не срабатывали так хорошо, я бы назвал вас сумасшедшим. Нападение Риссов на нас в этом месте оказалось тактически и стратегически неверным, скверно спланированным, отвратительно проведенным. За несколько последних минут не было взрывов. Будь я на их месте, случившееся стало бы лишь началом главного штурма. Когда раса защищает свою планету, о количестве жертв не думают. Есть в этой атаке что-то такое, чего мы не видим, фактор, который они принимают во внимание, а мы нет. Что-то сдерживает их.— Он помолчал, а затем ироничным тоном продолжил: — Как насчет этого парня? Каким образом вы собираетесь решить проблему Риссов в галактическом масштабе, если вы даже не в состоянии убедить единственное существо?

Клэйн сохранял спокойствие.

— Все, что он должен сделать, чтобы добраться до патрульной лодки,— это вынуть руку, медленно и безобидно...

Он смолк. Потому что рука-лапа выходила наружу. Рисс на какое-то время замер, изучая Клэйна. Затем двинулся в направлении патрульного судна, на которое мысленно указал Клэйн. Люди молча наблюдали, как Чужой забрался в аппарат и взлетел. Когда бот исчез за базальтовыми скалами, Чиннар спросил:

— Ну, а что сейчас?

Лидер варваров имел привычку задавать именно такие, приводящие в замешательство, вопросы.

Клэйн вернулся на «Солнечную Звезду» и задумался. Каким должен быть следующий шаг? Отправиться домой? Нет, еще слишком рано.

Полчаса он провел, играя с сыном Браденом. Ребенок очаровывал его, и, глядя на него, он не раз думал, что именно в смене поколений заключается секрет прогресса. У Брадена еще не было ни собственных мыслей, ни позиций и убеждений, а только-только начинали формироваться привычки, связанные с кормлением, сном, купанием. Однако младенец уже понимал, каким тоном к нему обращаются — ласковым или суровым, и соответственно реагировал. Он ничего не знал о своем происхождении и не испытывал ненависти к Риссам. Если его воспитать вместе с юным Риссом, возможно, между двумя детьми могли бы даже установиться дружеские отношения... хотя это не могло решить проблему Риссы — человечество, так как ограничивалось бы узкими взаимосвязями.

Наконец, оставив младенца, Клэйн перешел в рубку управления и устроился в кресле перед пультом. И здесь он сказал себе: «Насколько я понимаю, главный вопрос — в интеграции».

Да, именно это важно. По сути дела, все необходимые факты, на которые он мог опереться, были у него в руках. Правда, одно нарушало стройность концепции — то, о чем говорил Чиннар,— нерезультативность атаки Риссов. Нахмурившись, Клэйн перебрал последовательность событий на планете Чужих. И решил, что лидер варваров прав. Его размышления прервал радист, принесший донесение:

«Дорогой лорд Клэйн!

Захвачено еще несколько пленных. Я настаиваю на том, чтобы вы немедленно спустились. Я нашел недостающий фактор.

Чиннар».

Клэйн совершил посадку вскоре после обеда. Стражники варваров выгнали толпу пленников из небольшого бункера, вырытого в каменистом холме. Они приближались — изможденные люди с лихорадочно блестевшими карими глазами. Чиннар ввел его в курс дела:

— Ваша честь, я хотел бы представить вам потомков человеческих существ, ранее населявших эту планету... до того, как пять тысяч лет назад ее захватили Риссы.

Клэйн, насторожившись, бросил один-единственный взгляд на поднимающихся наверх пленников. Этого было достаточно. Ему показалось, что он никогда не видел столь жалко выглядевших людей. Самый высокий из группы — в ней было восемь человек — ростом был не более пяти футов трех дюймов, самый низкорослый — высохший старичок — примерно четыре фута шесть дюймов.

Заговорил именно он:

— Слышал, вы пришли с Земли.

Он бормотал что-то еще, но его акцент настолько отличался от линнского, что слова звучали как тарабарщина и Клэйн больше ничего не сумел разобрать. Он взглянул на Чиннара. Тот, пожав плечами и улыбнувшись, произнес:

— Скажите — да.

Странно, но после этого в словах старика появился смысл и стала возможной пусть мучительно-тягучая, но беседа.

— Ты здесь главный парень? — прокудахтало худосочное существо.

Клэйн подумал и кивнул. Коротышка подошел ближе и хрипло сказал:

— А я главный парень этого п у ч к а.

Должно быть, это было чересчур громко сказано. Один из истощенных людей, стоявших рядом с ним, протестующе вскинулся и оскорбленно воскликнул:

— Неужели? Послушай-ка, Глукер, ты только болтаешь, а мы боремся. Если есть в нашем пучке какой-нибудь главный парень, так это я.

Глукер невозмутимо проигнорировал наглое вмешательство и пояснил Клэйну:

— Все время ничего, кроме интриг и недовольства. Во имя Святой сферы, с ними ничего нельзя поделать.

Клэйн вспомнил отчаянные политические и экономические интриги Линна и с улыбкой проговорил:

— Боюсь, что интриги — характерное свойство любого замкнутого общества...— Он внезапно осекся и, поборов волнение, выдавил: Во имя... ч е г о?

— Сферы. Знаешь, она крутится. Это одна из вещей, которая не меняется.

Клэйн был очень взволнован, но внешне этого не показывал.

— Знаю. Ты должен как-нибудь показать ее нам.— Он небрежно повернулся к Чиннару.— Ты узнал об этом что-нибудь?

Чиннар отрицательно покачал головой.

— Я говорил с ними целый час, однако они ни разу не упомянули о ней.

Клэйн поколебался, а затем отвел варвара в сторону.

— Вкратце расскажи мне обо всем.

Как выяснилось, в ходе длительной борьбы с Риссами люди ушли под землю, создав при помощи гигантских машин множество сообщающихся друг с другом пещер. Много времени спустя машины, выгрызающие пещеры, превратились в бесполезные проржавевшие остовы металла, катакомбы же остались.

— Но как же им удалось,— озадаченно спросил Клэйн,— сдержать Риссов? Просто укрыться в пещерах явно недостаточно.

Чиннар улыбнулся.

— Ваша честь,— сказал он,— мы обыскали все вокруг и обнаружили, что у них есть «защищающие» устройства.— Он махнул в сторону каменистой пустыни, которая достигала горизонта.

Клэйн изумился:

— Ты имеешь в виду, что они знают, как их делать? — Ему вспомнились собственные бесплодные усилия создать аналоги оборудования и сплавов Риссов.

— Для них это умение — часть существования,— ответил Чиннар.— Они знают, как изготавливать нужные сплавы, потому что это умение передается из поколения в поколение.

Клэйна охватило возбуждение. Снова та же история. В Линне космические корабли сосуществовали с луком и стрелами. Внешнемирянам, занимающимся примитивным сельским хозяйством, непостижимо развитая система перемещения и телепатия казались столь же естественными, как дыхание. И здесь, на планете Риссов, научные чудеса воспринимались как часть общепринятой, никого не удивляющей жизни.

Жители всех этих миров не придумывали ничего нового, а лишь использовали достижения своих далеких предков. Они сопротивлялись переменам, потому что для существования им не надо было прилагать умственных усилий. Внешнемиряне служили впечатляющим примером этого, впрочем, так же как и линнцы. Об этих обитателях пещер было трудно судить. Ясно одно: у них было мало возможностей для развития.

Прервав свои размышления, Клэйн обратился к Чиннару:

— Давайте посетим этих людей, посмотрим их жилища.

Местность, над которой они пролетали, была каменистой и бесплодной. Затем пустыню сменила зеленая долина с извивающейся между деревьями и густым подлеском рекой. Но признаки обитания Риссов по-прежнему отсутствовали. Клэйн обратил на это внимание Глукера. Тот кисло объяснил:

— Воздух слишком тяжел для них. Однако они не позволяют нам этим воспользоваться.

Мутант кивнул, но больше ничего не сказал.

Вход в пещеру удивил его. Это было огромное сооружение из бетона напротив косогора, четко видимое на расстоянии многих миль. Патрульное судно, в котором они летели, опустилось в стороне — за пределами радиуса действия резонаторов. Недавние пленники одни прошли вперед в «защищенный» район. Вернувшись, они «сфотографировали» гостей и повели их вниз по ярко освещенному подземному проходу.

Посмотреть на процессию чужаков высыпали из деревянных и каменных келий истощенные мужчины, женщины и жалкого вида детишки. Своими лихорадочными, нездоровыми глазами они рассматривали посетителей. Первым чувством Клэйна было восхищение, хотя картина, представшая перед ними, была словно заимствована из ночного кошмара. Ведь эти люди, почти карлики, доведенные до отчаяния условиями существования, сумели противостоять научной и военной мощи империи Риссов. Сотворив этот искусственный подземный мир, они лишились солнечного света, но выжили, и жили активно, как муравьи в муравейнике. Ссорились, боролись, интриговали. У них была собственная система каст, браки заключались согласно старинной традиции. Они жили, любили, плодились под сенью мрачных каменных потолков, несмотря на непосредственную угрозу Риссов. Средняя продолжительность их жизни составляла, как подсчитал Клэйн, приблизительно тридцать пять земных лет.

Процессия прошла в обширную пещеру, в которой находились несколько женщин, детей и только один мужчина — пухлый человечек с тонкими губами и твердым взглядом голубых глаз. Глукер заискивающим тоном представил его Клэйну как Хаддаха, «парня-босса». У мутанта был свой метод распознавать честолюбивых людей. Именно на этой слабости Хаддаха он и решил сыграть, чтобы попытаться поставить под контроль сферу, которую, по его мнению, эти маленькие человечки хранили где-то в лабиринтах пещер. Главное — узнать, где именно.

И лишь только он подумал об этом, как прямо у него над головой вспыхнул пылающий шар. И в то же мгновение раздались крики, в которых слились благоговение и страх.

На обратном пути Клэйн приказал Чиннару сворачивать лагерь варваров и собираться в полет.

— То, что мы нашли здесь этих людей,— размышлял он,— доказывает, что, обладая определенным оружием, человек может

отразить нападение Риссов. Мы возьмем с собой несколько «маленьких людей», разбирающихся в технике, чтобы начать на Земле строительство двух основных систем обороны. Обучив максимальное число человек, мы сможем рассчитывать на собственную оборонительную структуру. Разумеется,— добавил он,— это не вернет нам планеты. К несчастью, подобное оборонительное оружие в равной степени будет работать и на Риссов.

Клэйн взглянул на Чиннара, ожидая его реакции, но худощавое лицо лидера варваров осталось бесстрастным, и Клэйн продолжил:

— Мой план заключается в следующем: прежде чем улететь отсюда, мы размножим миллионы фотокопий моего рисунка, где предлагается решение проблемы вражды между Риссами и человечеством. Копии разбросаем над городами и горными массивами, чтобы каждому Риссу стала известна главная идея разделения сфер влияния.

Чиннар поперхнулся, словно хотел возразить, но мутант быстро заговорил снова:

— Не следует забывать, что у Чужих также есть проблемы. В отличие от человека они нуждаются в более разреженной атмосфере. Непродолжительное время они могут находиться в плотном воздухе немного выше уровня моря как на Земле, так и здесь. Однако повседневная их жизнь должна протекать в более высокогорных районах. Таким образом, далеко не любая среда подходит для их обитания.

Наконец Чиннару удалось вставить:

— Ну и что вы предлагаете?

Клэйн медленно ответил:

— Из дошедших до нас отчетов видно, что люди золотого века открыли способ, как высвобождать кислород из земной коры, поверхности пустынных планет или их спутников. Предположим, Риссы также знали, как этого достичь, однако оказались в невыгодном положении. Очевидно, что жители уцелевших планет сумели создать более плотную атмосферу, и Чужие не могли этому помешать.

Чиннар безжалостным тоном заявил:

— Чтобы выжить, любая раса будет бороться до конца. Это естественно.

Клэйн резко возразил:

— Все это хорошо для существ, мыслящих на уровне животных. Человек и Рисс должны возвыситься над этим. Ты понимаешь, что мы не допустим Риссов в Солнечную систему, но и человеческой расе не следует домогаться главной системы Чужих. Родные планеты не должны осквернятся.

— Как мы собираемся избавиться от них? — спросил Чиннар.

Клэйн не ответил.

Вернувшись на «Солнечную Звезду», Клэйн сказал, что им следует сделать остановку на Внешнемире. Чиннар выдвинул только одно существенное возражение:

— Что произойдет с обитателями Солнечной системы? — спросил он с тревогой.— Насколько нам известно, уже предпринято вторжение главными силами. Мы знаем также, что у человеческой расы нет ни резонаторов, ни энергетических лучей, чтобы защитить себя.

Клэйн был по-прежнему угрюм.

— Даже на то, чтобы захватить необитаемую планету, требуется время. Как раз на это я и рассчитываю. Если мы вернемся прямо сейчас, мы всего лишь сможем драться с Риссами на равных условиях. Для нас это кончилось бы плачевно, поскольку у них есть корабли, вооружение и очень много оборудования для производства еще большего их числа.

— А изменится ли ситуация, если мы сейчас отправимся на Внешнемир?

— У меня нет в этом уверенности,— честно признался Клэйн.

— Вижу. Но есть еще одна идея?

— Да.

Чиннар немного помолчал, затем в его глазах зажглись веселые огоньки, и он заявил:

— Я поддерживаю ее, даже не зная ее сути.— Он протянул мутанту руку и сказал серьезно: — Ваша честь, я — с вами. С этого момента — больше никаких заговоров, противодействия. Я приветствую будущего лорда-правителя Линна и заверяю, что буду вам верным союзником.

Неожиданная и полная капитуляция лидера варваров застала Клэйна врасплох. На мгновение он почувствовал себя раздавленным. Но, быстро овладев собой, он со слабой улыбкой проговорил:

— Я еще не лорд-правитель. Потребуется время, чтобы заставить влиятельных людей признать меня. Возможно, понадобятся трудные предварительные переговоры.

Необходимости развивать эту мысль не было. Искушенный в политике варвар кивнул, его губы растянулись в ухмылке.

— Сейчас у нас две сферы,— сказал Клэйн,— одна в резерве на Земле...— Его глаза встретились со взглядом Чиннара в поисках подтверждения, и тот согласился:

— Да, две. Вы сможете получить ее в Солнечной системе в любое время.

Клэйн продолжал окрепшим голосом:

— Насколько я понимаю, сфера — это примитивная версия системы передвижения, развитой на Внешнемире и Внутримире.

— Итак...

— Контроль над космосом.— Глаза мутанта заблестели от грандиозности мыслей, возникших в его мозгу.— Чиннар, ты когда-нибудь испытывал удивление по поводу того, как функционирует Вселенная?

Варвар ответил сардоническим тоном:

— Я родился, я живу, я умру. Вот моя функция. Возможно ли изменить шаблон?

Клэйн суховато улыбнулся.

— Ты берешь слишком глубоко, мой друг. Я только сейчас стал смутно осознавать, какие силы сокрыты во мне. Они гораздо более запутанны, чем физические науки, и разобраться в них мне трудно. Надо отложить это до лучших времен.— Он помолчал, нахмурившись.— Вероятно, здесь таится ошибка. Как может человек, который не понимает самого себя, отважиться урегулировать дела всей Вселенной?.. Поэтому я надеюсь, что Марден, с помощью сферы, сможет научить меня их системе.

Марден с любопытством отступил назад, пропуская в комнату людей, несущих сферу и контейнер. Как только они установили ее, Клэйн спросил:

— Вы когда-нибудь видели что-то похожее, Марден?

Внешнемирянин улыбнулся. Сфера поднялась из контейнера и засияла над его головой.

— Искусственная щель,— промолвил он.— Я слыщал о таких. Они были началом. Если б я знал, что у вас есть такая вещь, я показал бы вам, как она работает, когда он,— Марден указал на Клэйна,— впервые заговорил об этом.

Клейн спросил:

— Поможет ли она мне читать мысли?

Марден терпеливо объяснил:

— Для этого потребуется несколько лет. Остальное ты с помощью сферы можешь начать делать прямо сейчас.

Когда они покинули дом Внешнемирянина, Чиннар задал вопрос:

— Но как именно вы рассчитываете использовать сферу против Риссов? Вы когда-то говорили мне, что она не имела бы решающего значения.

Клэйн уклонился от ответа. Идея, возникшая у него в уме, была настолько сложной по своей научной концепции, настолько невообразимой по размаху, что он не рискнул облечь ее в слова. Кроме того, еще очень многое нужно было сделать...

Путь домой был долгим и утомительным. Несколько дюжин человек на борту космолета сошли с ума. Клэйн пытался изучить характер их умственных отклонений, чтобы попробовать исцелить несчастных, применив свои методы терапии. Но успеха его усилия не принесли.

Снова и снова занимался Клэйн сыном — его развитие вызывало у отца неослабевающий интерес. Ему казалось, что в младенце он может обнаружить зачатки нормальности и психической неполноценности взрослых. Ребенок без устали размахивал руками. Объекты, находящиеся на расстоянии более двух футов, его не интересовали. Но если предмет подносили поближе, он обычно — хотя и не всегда — тянулся к нему как левой, так и правой рукой. Цепляясь за чьи-нибудь руки или палку, Браден подтягивался на них и удерживал равновесие, проявляя немалую для его возраста силу. Одинаково часто он пользовался обеими руками, но не всеми, а только пальцами, при

этом его большой палец оставался бесполезным придатком.

Малыш боялся громкого шума и пугался, когда падал. Ничто другое не вызывало у него тревоги. Он не боялся животных или каких-нибудь предметов — ни больших, ни маленьких, как бы близко их ни подносили. Ему нравилось, когда его поглаживали под подбородком. Другие дети на корабле, которых подвергали подобным тестам, реагировали так же.

Клэйн не раз обдумывал свои наблюдения. «Странно,— удивлялся он,— что у в с е х детей, оказывается, такие же инстинктивные реакции, как у Брадена. Все они активно пользуются не только правой, но и левой рукой, не боятся темноты. Очевидно, младенцам известно о многих явлениях. Когда они узнали о них? При каких условиях? Почему один ребенок становится безответственным Кэлэджем, другой — безжалостным, блестящим Чиннаром, третий — крестьянином?»

Клэйн обнаружил один признак, отличающий Брадена от других детей его возраста: когда по его ступням проводили тупым предметом, все пальцы ножек сгибались в одном направлении. У любого другого ребенка в возрасте до года большой палец поднимался вверх, а остальные четыре поджимались вниз. Разграничительная линия, похоже, пролегала в возрасте одного года. Из девятнадцати старших детей, проверенных Клэйном, шестнадцать реагировали точно так же, как и Браден. Реакция остальных троих была, как у нормальных детей до года. Характерно, что у этих троих были явные отклонения в развитии.

Это заставило Клэйна предположить, что у четырехмесячного Брадена были реакции, свойственные более старшим детям. Было ли это доказательством, что его сын унаследовал сверхъестественную стабильность, которую он подозревал в себе самом?

Он все еще размышлял над этим феноменом, когда «Солнечная Звезда» вошла в атмосферу Земли. После ее отлета прошло двести семьдесят дней.

Перед посадкой Клэйн выслал вперед патрульный катер. Сообщения разведчиков обнадеживали. Его поместью не было нанесено ущерба, хотя неподалеку выросла огромная и шумная деревня беженцев. Согласно донесениям командиров патрулей, в Солнечной системе находилось приблизительно четыреста боевых кораблей Риссов. Они овладели большинством горных районов на различных планетах и их спутниках и теперь были заняты укреплением своих позиций.

Эффективного сопротивления Риссам никто не оказывал. Армейские соединения, получившие сигнал сражаться, были загнаны в угол и сметены. Гражданские, попавшиеся на глаза чужим или имевшие несчастье оказаться поблизости при посадке, были выжжены до единого человека. Сразу после прибытия захватчики немедленно предприняли тотальное нападение примерно на полсотни городов. Почти два миллиона людей сгорели в адском атомном пламени. Оставшиеся сумели добраться до сельских убежищ и укрылись в безопасности.

В течение года больше не упало ни одной бомбы. Но даже в первые дни смертельной опасности ни один из городов, расположенных в низменностях, не подвергся нападению. Риссы сосредоточили колоссальные бомбовые удары на городах у подножия гор и поселениях, находящихся на высоте менее трех с половиной тысяч футов над уровнем моря. Наиболее глупые и безрассудные среди беженцев, находя брешь в системе эвакуации, месяцами просачивались в неразрушенные центры. Необходимо было что-то немедленно предпринимать.

Клэйн потряс головой. До сих пор его действия ограничивали как люди, так и Риссы. А теперь...

— Прежде всего,— обратился Клэйн к Чиннару,— мы создадим вокруг поместья систему защиты. Потребуется почти неделя, чтобы установить резонаторы и молекулярное оружие, а также вырыть пещеры. За это время я попытаюсь собрать вредино мою разведывательную сеть.

Все требовало времени, размышлений и самых тщательных приготовлений.

В ночи парили подъемные шлюпки. Из темноты вынырнул небольшой летательный аппарат и устремился в направлении огней, расположенных в определенном порядке. Подобные встречи, как знал Клэйн по опыту, были традиционными, поэтому он воспринимал их спокойно. В течение многих лет он устраивал дела с помощью тайных агентов, выслушивал отчеты о происшествиях, которые наблюдали чужие глаза. Он обладал завидным умением из разрозненных сообщений создавать законченные картины, причем во многих случаях подмечал такие вещи, на какие шпионы не обращали внимания.

Встречи с агентами проходили по одному шаблону. Все задействованные в районе разведчики пребывали во мраке, далеко друг от друга. Рабы следили за тем, чтобы мужчины и женщины были накормлены, но еда подавалась через узкую щель в окне прямо в руки, протянутые из темноты. Человек, держащийся в тени и стоящий в очереди себе подобных, молча съедал пищу. И очень-очень редко люди заговаривали друг с другом.

Каждый агент, невидимый в темноте, докладывал трем офицерам, также скрытым во мраке. Если хотя бы один из тройки решал, что рассказ заслуживает внимания, шпиона направляли к Клэйну. И тут меры предосторожности ужесточались. Агента обыскивали: мужчину — мужчина, женщину — женщина. Большинство разведчиков давно уже участвовали в этой игре и поэтому не возражали, когда личная охрана Клэйна приводила их к хозяину, где они впервые за все время вынуждены были показывать лица.

Таким образом, к концу ночи перед Клэйном предстала полная картина последних двух с половиной лет. Наконец последний агент покинул место встречи, и слабое жужжание небольших летательных аппаратов прозвучало в плотной, опустившейся после ложной зари темноте не громче обычного шепота.

Клэйн вернулся на корабль и принялся обдумывать услышанное.

Итак, Лилидель и Кэлэдж знают о его возвращении — факт, свидетельствующий о том, насколько быстро действуют шпионы партии их сторонников. Информация об этом даже доставила Клэйну удовольствие: тайные агенты сумели распространить новость о его появлении гораздо быстрее, чем сумел бы это сделать он сам.

Он не удивился, узнав, что Лилидель считает более страшной угрозой его, а не Риссов. Ее личная власть целиком зависела от контроля над правительством. И то, что у нее не было собственных идей относительно дальнейших действий в обстановке надвигающейся национальной катастрофы, еще ничего не значило. Не оглядываясь на последствия, она намеревалась продолжить борьбу за власть. Для восстановления старых связей требовалось время, а за годы отсутствия Клэйна такое время у Лилидель появилось. И ей удалось кое-что предпринять.

Со свойственными ему тщательностью и педантичностью Клэйн приступил к устранению, насколько это было возможно, брешей в существующей системе обороны. Для начала он сконцентрировал внимание на деревне беженцев.

Управляющий поместьем, бывший раб, представил хозяину списки зарегистрированных в соответствии с законом о беженцах. Управляющий, когда-то занимавший официальный пост в марсианском правительстве, сообщил, что в период регистрации, состоявшейся больше года назад, он не заметил ничего необычного в том, как оформлялись бумаги. Нарисованная им картина суматохи, в которой работала спешно созданная канцелярская служба, была типичной и для других мест, где реализовывался этот закон, и доставила Клэйну определенное удовлетворение.

Исходя из размеров поместья Клэйну было предписано разместить три сотни семей — всего тысячу девяносто четыре человека. Поместье стало напоминать перенаселенную деревню. В день своего возвращения Клэйн спустился вниз взглянуть на беженцев, и ему показалось, что он никогда прежде не видел столь разношерстной толпы. Расспросив людей, он обнаружил, что у него расположились обитатели целого квартала одной из городских улиц. На первый взгляд, не было оснований искать какой-то подвох: все говорило о том, что в отношении его фермы поступили так же, как и с другими. Здесь можно было наблюдать пеструю смесь различных человеческих типов: рассудительных и глуповатых, спокойных и нервных, высоких и низкорослых, толстых и худых — обычная мешанина из обитателей какого угодно города.

Тем не менее Клэйн решил не выпускать подселенцев из своего поля зрения. Достаточно одного террориста, чтобы разжечь пожар. Такому человеку требовалась одна-единственная возможность — неважно, предоставлена ли она волей случая либо возникла по плану. Одно убийство потянуло бы за собой другое, и после такого бедствия никто не сумел бы уцелеть.

Клэйн приказал своим шпионам быть как можно более бдительными, но постепенно, по мере того, как проходили дни и поступали сообщения, осознал, что дал им невыполнимое задание. Он завел на каждую семью досье, куда специально обученные клерки вносили информацию, поступающую от отдельных членов семей. Вскоре стало очевидно, что о какой-то части жизни каждого из новых обитателей информация отсутствовала.

Решив восполнить пробел, Клэйн организовал издание газеты, полной сплетен и болтовни о поступках и теневых сторонах жизни членов группы переселенцев. Шпионы, под видом дружелюбных репортеров, могли брать интервью у любого взрослого и ребенка старше десяти лет, якобы для информационного бюллетеня. Некоторые из агентов считали возраст детей чересчур заниженным, однако лорд настоял на своем. В истории Линна, особенно в более древние времена, встречалось немало примеров мужества совсем юных людей в критических ситуациях.

Клэйн надеялся, что сумеет вычислить убийцу. Анализируя информацию, он искал колеблющихся или не желающих отвечать на вопросы и ждал, что неуверенный в себе беженец выдаст себя. В итоге в списки подозрительных агенты занесли семнадцать мужчин и девять женщин. Они были арестованы и высланы в отдаленные районы. Однако результаты не радовали Клэйна. Как-то он с горечью сказал Маделине:

— Я не отказываюсь от убеждения, что в периоды кризисов люди должны возвыситься над собой. Однако несколько враждебно настроенных людей могут вызвать катастрофу.

Маделина, нежно погладив руку мужа, спросила:

— За кого ты так беспокоишься?

Она снова стала изящной стройной девушкой с прекрасным, полным жизни лицом. Ее эмоциональность сохранилась, но сейчас все ее чувства сосредоточились на заботе о муже и сыне. Неожиданно она импульсивно обняла его.

— Бедный мой, любимый, ты должен думать сразу о многом, не правда ли?

Тот день прошел без инцидентов. Через своих шпионов Клэйн следил за проявлением человеческой активности. Сообщения из Голомба, где теперь размещалось правительство, подавляли раз и навсегда любое желание каким-то образом наладить сотрудничество с группой Лилидель.

Недоросль Кэлэдж вернулся к своим играм. Люди и животные снова умирали на аренах для развлечения придворных. Вечерами правительственные здания превращались в театры и танцевальные залы. Весельчаки часто забавлялись даже тогда, когда утром служащие возвращались в помещения, чтобы приступить к работе. Лорд-советник проявил неожиданный интерес к армии. Тысячи мужчин выстраивали так, чтобы из армейских рядов складывались фразы типа: *«Народ любит Кэлэджа»*.

Тем временем на горные вершины опустились космолеты второй экспедиции Риссов, сгрузившие тысячи монстров. Чиннар, известивший об их прибытии, обратился к Клэйну:

«Ваша честь!

Каким образом Вы собираетесь выдворить этих тварей из Солнечной системы, если Вы не контролируете даже Линн?

Прошу принять безотлагательные меры.

Чиннар».

В ответ Клэйн сообщил, что обучает чиновников для первой фазы захвата правительственной власти. Подчеркнул, что это — сложнейшая задача. «Любой руководитель,— написал он,— должен работать с людьми. Это ограничивает его действия и контролирует его судьбу. Ты должен знать лучше большинства других, что я пытался преодолеть эти препятствия. Я задумал подвигнуть людей выполнить свой долг перед расой и пренебрег тем, кто, к примеру, должен быть лидером, а кто обязан подчиняться. Я все еще надеюсь, что у нас будет возможность спонтанно продемонстрировать добровольное сотрудничество ради небывалого в истории дела.

В настоящий момент, несмотря на имеющийся риск, я делаю шаг вперед. Согласен с тобой, что весьма существенно, чтобы я контролировал государство в течение нескольких лет».

Клэйн не успел отправить письмо, когда одна из патрульных лодок его охраны совершила экстренную посадку в саду, и командир доложил, что большое количество линнских космолетов приближается к поместью. Он еще не кончил донесение, как темные тени огромных воздушных судов уже замаячили на горизонте.

Воздушные суда приблизились, выстроившись в четыре линии по пять кораблей в каждой, и опустились на землю в четырех с половиной милях от дома мутанта. Они сели таким образом, чтобы их бортовые шлюзы были повернуты в противоположную от поместья сторону. Там происходила какая-то активная деятельность, но Клэйн не мог видеть, что, собственно, делалось. Он лишь предположил, что разгружались люди, но сколько именно, определить было трудно. Во время космических перелетов эти большие машины обычно перевозили десант, насчитывавший две сотни солдат и офицеров. Однако во время более коротких, подобных нынешнему, перелетов корабли вмещали от пятисот до тысячи человек. Очень быстро выяснилось, что задействовано значительное число людей. Около часа сотни мобильных групп воинов копошились на холме, а затем начали перемещаться во всех направлениях, окружая поместье.

Клэйн с беспокойством наблюдал за маневрами через систему обзора Риссов. Одно дело обладать оборонительной системой, способной уничтожить любого приближающегося человека, и совсем другое — действительно убивать людей. То, что, вероятнее всего, он вынужден будет так поступить, вызвало у него приступ злости. Он угрюмо спросил себя, действительно ли человечество заслуживает вечности. Но, как и всегда, ответ был положительным. Похоже, не оставалось ничего другого, как предупредить приближающуюся армию.

И молекулярные лучи, и резонаторы были настроены на

демонстрацию своих ужасающих возможностей в радиусе двух миль по окружности, за пределами которой находились суда, чувствующие себя в безопасности. Клэйн один полетел туда, захватив с собой мегафон. Он вел спасательный бот Риссов, строго придерживаясь смертоносной линии и не выходя за ее пределы. Сотня ярдов не преграда для хорошего стрелка-лучника, однако металлическая обшивка машины обеспечивала достаточную защиту.

Сейчас ближайшие люди находились примерно в двух сотнях ярдов. Клэйн прогремел первое предупреждение. Чистым, с металлическим оттенком голосом, звучащим через громкоговоритель, он описал линию смерти, указав в качестве ориентиров деревья, кустарники и другие объекты на местности, которые и составляли периметр. Он потребовал, чтобы те, кто услышал предупреждение, передали его дальше, и закончил словами:

— Проверьте, так ли это! Заставьте животных пересечь линию и посмотрите, каков будет результат!

Он не стал ждать их реакции, а продолжил облет, чтобы убедиться, что предупреждение дошло до всех. Вернувшись к исходной точке, Клэйн увидел, что угроза остановила солдат в пятидесяти ярдах от отмеченной линии. Внизу совещались. От группы к группе сновали маленькие лодки с сообщениями. Удовлетворенный, Клэйн совершил посадку и стал ждать.

В боевых порядках возникло замешательство, активность поутихла, а затем небольшой патрульный корабль опустился в центре ближайшей многочисленной группы солдат. Из него выбрался Трагген с мегафоном в руке. Он двинулся было вперед, но, видимо, вняв предупреждению, остановился, преодолев менее десяти ярдов, поднял мегафон и прокричал:

— Лорд Кэлэдж, лично принявший командование над этими войсками, приказывает тебе немедленно капитулировать!

Клэйну стало любопытно, поскольку поблизости не было никого, хотя бы отдаленно напоминающего лорда-советника. Он ответил:

— Передай его высочеству лорду-советнику Кэлэджу, что его дядя хотел бы поговорить с ним.

Трагген пролаял:

— Его высочество не разговаривает с преступниками, объявленными вне закона!

Клэйн изумился:

— Я объявлен вне закона?

Трагген замешкался. Клэйн, не дожидаясь ответа, заявил:

— Прошу проинформировать его высочество лорда Кэлэджа, если он не выйдет поговорить со мной, я облечу периметр и расскажу солдатам всю правду.— Помедлив немного, он сухо улыбнулся.— Я забыл, ты не можешь передать ему это, не правда ли? Лучше сделай так: расскажи ему, что я угрожал пролететь по кругу и распространить среди солдат *лживую* информацию о нем.— И закончил следующими словами: — Я даю ему десять минут, так что стоит поторопиться.

Трагген постоял, затем повернулся и неуверенно отправился к своему аппарату. Корабль взлетел и рванулся в сторону горного кряжа, черневшего более чем в двух милях в стороне. Клэйн даже не удосужился проследить, как он приземлился. Он полетел, то снижаясь, то поднимаясь, вдоль фронта солдат, делая остановки перед каждым подразделением и отпуская грубоватые шуточки в свой собственный адрес. Анализируя во время войны с варварами причины популярности некоторых своих офицеров, он обнаружил, что любому командиру, чтобы завоевать любовь солдат, надо было играть роль своего в доску, даже если он таким и не был. В результате Клэйн отобрал несколько соленых острот, высмеивавших власти. Применив в беседе с солдатами две-три подобные шутки, он изменил отношение к себе большинства. Такого рода юмор был волшебным ключом к их добрым душам. Распространилось мнение, что он хороший, нормальный парень. Таковым он не был, но это ничего не значило.

Но станут ли эти люди, думал он, побывавшие вместе с Деррином на других планетах, знавшие либо очень мало, либо ничего о том, сколько сделал лорд Клэйн Линнский в войне с Чиннаром, и сейчас полагавшие, что взяли его в плен, смеяться над его шутками? Они действительно смеялись, почти все. Целые группы взрывались хохотом. Некоторые офицеры засуетились и попытались строго одернуть их, однако не сумели справиться с весело гогочущими рядовыми.

Через десять минут Клэйн вернулся к месту, откуда начал полет, удовлетворенный тем, что сумел склонить солдат на свою сторону. Вот только какую пользу можно из этого извлечь? Но это было не так уж и важно.

От этих мыслей Клэйна отвлекло приближение странной, повергающей в изумление процессии. Впереди двигалось множество ярко раскрашенных патрульных катеров. Они летели по спиралям, как в четко организованном пиротехническом шоу. Завершив финальный кувырок-бурлеск, они грациозно заняли позиции прямо перед Клэйном. Маневр был проведен умело, можно даже сказать, блестяще. Но только когда корабли замерли, до Клэйна дошло, что их новые порядки складывались в одно слово. Этим словом было: «КЭЛЭДЖ».

И в этот момент появилась самая поразительная из всех машина — огромный патрульный корабль с открытой палубой, напоминающий ярко расцвеченный бутон, пышно и бессмысленно увитый различными пестрыми цветами. Богато украшенный, хотя и несколько безвкусный, он как нельзя более подходил для своей цели. Клэйн предположил, что эта цель — самоутверждение лорда-советника.

Но если Кэлэдж и хотел выделиться, то ему это не удалось. Пышное цветочное великолепие затмевало даже его попугайский наряд. Красный плащ терялся на фоне алых гвоздик, роз и еще дюжин других цветов. Голубые с желтыми полосами брюки также подходили под цвет множества цветов, которыми были украшены палуба и борта корабля. Похоже, новый лорд-

советник уже достиг того опасного состояния, когда никто из его окружения уже не осмеливался что-либо ему советовать.

Пока Клэйн разглядывал палубу, раскрашенный корабль-чудище приземлился. Вокруг него заняли свои места другие суда. Вперед выступил Трагген с мегафоном и прогремел:

— Его высочество повелитель Кэлэдж лично приказывает тебе сдаться!

Фарс продолжался. Достаточно громко, чтобы услышал Кэлэдж, Клэйн ответил:

— Скажи этому мальчишке в цветочной корзине, что я хочу поговорить с ним.

Пока Трагген нерешительно разворачивался к разукрашенной машине, Кэлэдж схватил мегафон и визгливо скомандовал находящимся рядом солдатам двинуться вперед и схватить Клэйна.

— Не бойтесь,— неистовствовал Кэлэдж,— его сила только в гипнозе! Я захватил с собой клетку для него. Заприте его в ней и доставьте ко мне!

Клэйн угрюмо улыбнулся. Видно, племянник именно так объяснял себе причину своего раболепного поведения во время последней встречи с ним. Гипноз! Простейший способ скрыть свою слабость. Клэйн подождал реакции на приказ юнца. И солдаты, и их командиры, судя по всему, проявляли неуверенность. Не было ни демонстрации быстроты и натиска, ни желания ринуться вперед, дабы засвидетельствовать главнокомандующему готовность умереть за него. Офицеры с несчастным видом оглядывались на Трагтена, но напрасно рассчитывали на поддержку. Трагген снова схватил мегафон и проревел:

— Вы должны подчиниться приказу вашего лорда-советника или будете наказаны!

Эти слова вызвали движение в рядах. Дюжина солдат во главе с офицером бегом ринулись в направлении раскрашенного корабля и выволокли из него клетку. Стремительно подлетело патрульное судно, и клетка была загружена на борт. Воины перелезли через перила, и лодка помчалась к непокорному мутанту. Как только машина достигла линии смерти, местность осветила вспышка пламени. Там, где только что находилась лодка, на землю медленно оседали хлопья пепла, подернутые синеватой дымкой.

— Следующий! — неумолимо пригласил Клэйн.

На мгновение установилась тишина, а затем прозвучали злобные выкрики Кэлэджа.

— Гипноз! — вопил он, обращаясь к следующей группе солдат.— Не обращайте внимания. Вперед... схватите его!

Воины попятились назад, однако их командиры, по всей вероятности, поверившие курьезному объяснению Кэлэджа, безрассудно приказали солдатам занять места в патрульных катерах и, будучи истинными линнскими офицерами, влезли в машины сами. Какая бы слепота ни поразила их, храбрости им было не занимать. Вылетевшие вперед два судна мгновенно были уничтожены так же, как и первое. Опять воцарилась мертвая тишина, пока Клэйн не заговорил в мегафон:

— Трагген, Атомные Боги будут продолжать защищать меня против всех атак, которые ты организуешь! Если ты хочешь спасти свой легион, попытайся убедить его высочество, что я не могу контролировать эту трагедию. Я просто предупреждаю тебя, что Боги сами защитят меня от всего, что ты, он и остальные глупцы, вознесшие его на трон власти, предпримете против меня. Будь благоразумен!

Кэлэдж, скорее всего, тоже слышал эти слова, так как завизжал:

— Армия должна нанести удар объединенными силами одновременно. Мы сокрушим гипнотические уловки этого предателя!

Эта команда привела Клэйна в уныние. Он понадеялся, что этот недоросль осознает тщетность дальнейших атак. Но, очевидно, не стоило ожидать от него столь многого. Теперь настало время выбирать между Кэлэджем и армией. Если Клэйн вынужден будет уничтожить юнца, последствия будут непредсказуемы. Вполне возможно, его шансы серьезно понизятся и мероприятия, которые он сам запланировал для установления контроля над правительством, не увенчаются успехом.

Осталось опробовать последнюю возможность. Клэйн устроился за пультом управления системами оружия. Действуя с отточенными практикой проворством и ловкостью, он развернул и нацелил оружейные системы. Позади разукрашенного цветами корабля Кэлэджа вспучилась пенная, окаймленная голубым пламенем борозда. Клэйн насмешливо воскликнул:

— Неужели, ваше высочество, это похоже на гипноз на столь близком расстоянии?!

Трава пылала. Даже с того места, где сидел Клэйн, было видно, что почва оплавилась. Кэлэдж неторопливо прошел к корме своего цветочно-оранжерейного корабля, посмотрел вниз на пляшущее пламя. Затем поднял мегафон.

— Стоит только посмотреть на это пламя,— прокричал он,— как оно исчезает. Атакуйте предателя!

Это был явный блеф. Каким-то непостижимым образом мальчишке удалось скрыть охватившую его панику. Чисто внешне он держался уверенно, без чего не может обойтись ни один руководитель, если надеется повести за собой армию.

Клэйн осторожно установил прицел. Часть палубы, как раз напротив Кэлэджа, охватил прожорливый огонь, металл быстро чернел. Должно быть, пылающий жар был ужасен — два пилота вывалились из кресел и рухнули вниз, спикировав прямо перед лодкой. Их одежда дымилась. Кэлэдж съежился от страха, но не сдвинулся с места. Клэйн был подавлен. Его надежды на легкое решение рушились, а храбрость лорда-советника была очевидна всем. Если бы сейчас Кэлэдж был убит, его подняли бы на щит как героя.

Клэйн заколебался. Следующий шаг должен быть самым решительным. Если он сместит прицел хотя бы на несколько футов, племянник будет либо уничтожен, либо серьезно ранен. Он снова заговорил в микрофон:

— Кэлэдж, я предлагаю тебе сейчас согласиться с тем, что

это не гипноз, и объявить, что дальнейшие действия должны быть отложены до изучения обстановки.

Предложение это, к счастью, поступило своевременно. Цветы на передней палубе и по бортам горели, языки пламени лизали деревянное палубное покрытие. Кэлэджа скрыл едкий дым, и он, не выдержав, отступил на несколько футов назад и закашлялся. Достав платок и прикрыв им рот, он совершил очередную ошибку. И это, видимо, убедило его, что блеф не может больше продолжаться. С поразительным достоинством, торжественно Кэлэдж зашагал к свободному от огня месту и надменным жестом приказал Траггену подойти. Последовал короткий обмен репликами, после чего лорд-советник сел в один из сопровождавших его раскрашенных патрульных судов. Снявшись с места, машина взяла курс на линию ожидающих на расстоянии космических кораблей.

Трагген подозвал командиров ближайших групп и отдал им какие-то приказания. Офицеры вернулись к своим подразделениям, и армия начала отходить. Через полтора часа в пределах видимости не осталось ни одного человека. Тем не менее первый космолет поднялся в воздух лишь перед наступлением сумерек. За ним один за другим последовали остальные. В сгущающейся темноте было трудно определить, когда улетел последний корабль. Но было ясно одно — сражение выиграно!

Ну что ж, подумал Клэйн, с Лилидель и Кэлэджем на время покончено. Довольный этим, он поспешил домой. Однако там его ждала беда. Навстречу ему из холла выносили носилки. На них лежало тело Маделины...

Даже после смерти она выглядела совсем как юная девушка. Ее волосы слегка разметались, а руки безвольно охватывали голову, как бы убаюкивая. При взгляде на нее Клэйн понял: с ее потерей что-то внутри него ушло безвозвратно. Но его голос оставался ровным и твердым. Он спросил:

— Как это случилось?

— В селении беженцев, полчаса назад!

Лицо Клэйна приобрело угрюмое выражение. Прошло несколько секунд, прежде чем он задал следующий вопрос:

— Но что она там делала?

— Ей прислали приглашение посетить селение и посмотреть новорожденного.

— О! — только и сумел выдавить из себя Клэйн.

Вокруг звучали какие-то слова, раздавались сочувственные возгласы, но он был не способен что-либо воспринимать. С тоской он думал: «Да, они меня перехитрили — нанесли удар с той стороны, откуда я его не ожидал».

Маделина — мать, хозяйка поместья, щедрая госпожа — именно в этих ролях наиболее полно раскрылась ее эмоциональная натура. И проницательная Лилидель, через глаза и уши своих шпионов подсматривающая и подслушивающая, продумала свою тактику с учетом характера Маделины. Скорее всего, именно Лилидель разработала план фронтальной атаки, которую

предпринял Кэлэдж. Это должно было отвлечь внимание Клэйна от всего остального. А на случай, если атака не принесет результата, у Лилидель оставался в запасе один-единственный, но смертельный удар. Хотя, быть может, идея нападения принадлежала Кэлэджу, а его мать просто воспользовалась представившейся возможностью.

Сквозь горькие мысли Клэйна наконец пробился голос капитана охранников, продолжавшего донесение:

— Ваша честь, она настояла на том, чтобы побывать там. Мы предприняли все меры предосторожности. Солдаты охраны вошли в дом, где были женщина, ее муж и ребенок. Когда леди Маделина вошла в спальню, мать младенца возмутилась: «Солдатам нельзя находиться здесь!» Леди Маделина тут же вытолкала охранников в другую комнату и закрыла дверь. Должно быть, как раз в этот момент ей и вонзили в спину кинжал, потому что она даже не вскрикнула. Она умерла, не зная об этом.

— А убийцы? — бесцветным голосом спросил Клэйн.

— Меньше чем через минуту у нас возникло подозрение, что здесь дело нечисто. Одни солдаты выломали дверь, другие выскочили наружу. Но убийцы отлично подготовились. Муж выбежал за дом, где стояла патрульная лодка, женщина вылезла в окно. Прежде чем мы смогли вызвать другую лодку или добраться до другого нашего корабля, их уже и след простыл. Конечно, за ними отправились в погоню, однако я буду весьма удивлен, если она закончится удачей.

Клэйн также сомневался в успехе.

— Вы уже узнали, кто они?

— Нет еще. Но, судя по всему, беженцы, внедренные в деревню специально с этой целью.

Он сам вырыл могилу на том самом холме, где был похоронен его давно умерший наставник и друг Джоквин. На могильном камне выбили эпитафию:

МАДЕЛИНА КОРГЭЙ ЛИННСКАЯ
Любимая жена Клэйна
Мать Брадена.

После похорон Клэйн долго сидел на траве у изголовья могилы, совершенно утратив ощущение времени. Впервые со всей остротой он осознал свою ответственность за гибель жены. Ему следовало бы предпринять больше мер предосторожности. Но он быстро отогнал от себя эти навязчивые мысли, поскольку они были бесплодны. Один человек может сделать ровно столько, сколько может.

Окончательный план был простым. Ему нужно попасть в Линн, невзирая на таившиеся в столице опасности, угрожающие жизни интриги. Лилидель и Кэлэдж, успешно используя старые трюки, свели на нет его усилия и опыт. Точно так же они поступили по отношению к нему, когда он пытался подчинить себе правительство. Похоже, больше ничего не оставалось, как приступить к реализации намеченного плана.

Лорд Клэйн Линнский устроил штаб-квартиру в одной из деревень, находящейся в миле от предместий Голомба — города, в котором правительство создало эвакуационный лагерь. Свой офис он разместил в большом одноэтажном доме, удобно расположенном неподалеку от неширокой грунтовой дороги. Вокруг дома росли высокие деревья, и под их кронами быстро поднялись палатки. В гигантском сарае позади здания можно было спрятать довольно много небольших летательных машин. По другую сторону грунтовой дороги возвышалась многоэтажная гостиница, способная вместить более сотни людей, со столовой, где они могли питаться.

Было организовано круглосуточное патрулирование спасательных шлюпок с корабля Риссов. Обладая ужасающей огневой мощью, они контролировали все подходы к деревне. Дозоры охранников были выставлены на полях и дорогах. Начали прибывать служащие, и с каждым днем их становилось все больше и больше. В основном они прибывали из поместья Клэйна, однако некоторых нанимали на месте.

На второй день Клэйн организовал группу из сотни почтовых авиамашин и был готов приступить к работе. С самого начала он продумал все досконально и не допустил ни одной ошибки. Его огромный опыт помог ему: приступив к действиям, он почти автоматически делал все правильно, практически не задумываясь. Ум его был ясен и тверд, чего нельзя было сказать о теле: он все это время чувствовал усиливающуюся усталость. Не обращая на это внимания, он заставлял себя продолжать.

Клэйн написал письмо, снял с него сотни копий и разослал своим сторонникам. Дружеским, но твердым тоном он предложил всем, занимающим влиятельные посты в правительственных органах, предоставлять ему на рассмотрение доклады, которые они готовят для правительства, и переправлять в штаб все получаемые ими официальные приказы и документы. В письме не содержалось никаких прямых намеков на то, что он захватывает функции власти, однако в течение нескольких часов из ближайших провинций начали поступать ответные послания. Примерно три четверти ответивших заявили о безусловном союзе с ним. Остальные тоже поддержали его, но более осторожно.

В тот же день ближе к вечеру в штаб-квартиру прибыло более сотни влиятельных руководителей, чтобы поздравить его с началом конкретных действий и заверить в том, что они будут поддерживать его до самой смерти. Возбуждение и напряженность нарастали с каждым часом.

Поздним вечером Клэйн отправился на отдых и почти мгновенно заснул, но снились ему странные кошмарные сны из его детства. Всю долгую ночь он метался в постели, а утром проснулся с ощущением, будто совсем не отдыхал. Он вышел из спальни, чувствуя себя совершенно разбитым, несмотря на то, что день только начался.

Оказалось, что всю ночь поток посланий не ослабевал. Они поступали из более отдаленных районов. Почти каждый адресат

Клэйна дал соответствующие рекомендации дюжинам своих сторонников. К одиннадцати часам дня лавина посланий достигла таких размеров, что пришлось задействовать всех служащих, разместившихся в гостинице, и спешно вызвать из поместья дополнительное число клерков.

Клэйн завтракал, уже предчувствуя победу. Со своего места у окна в ресторане гостиницы он видел все прибывающих людей, парящие над деревьями патрульные машины. Тут и там спешным порядком возводились временные постройки: рьяные администраторы осуществляли свою часть намеченного плана.

Вскоре после ленча Клэйн разослал второе письмо, на сей раз адресованное губернаторам, правительственным чиновникам и авторитетным политикам, которые в прежние времена поддерживали его. В отличие от первого оно было составлено по-другому. Сжато и сдержанно он проинформировал получателей о местонахождении своей штаб-квартиры. Заканчивалось послание директивой: *«Прошу Вас в обязательном порядке посылать мне дубликаты всех документов, которые Вы направляете Кэлэджу. Надлежит также пересылать письма и документы, получаемые от правительства Кэлэджа, сразу же после снятия копий для местных нужд».*

Проницательный человек, надеялся Клэйн, поймет истинный смысл этого послания. Сотни осторожных людей учтут ситуацию и будут действовать в соответствии с личными интересами и убеждениями. Ответ не заставил себя ждать. Через два часа стали прибывать не только письма, но и сами люди. Члены Патроната, губернаторы, военачальники, штабные офицеры, правительственные чиновники — и все это в течение оставшегося дня и весь вечер. Небольшой штаб Клэйна оказался битком набит людьми, жаждущими лично продемонстрировать ему свою преданность.

Спать Клэйн отправился еще более измученным, чем когда бы то ни было после смерти Маделины. Однако проблемы, терзающие его разум на протяжении столь долгих лет, были решены, на вопросы найдены ответы. Ему удалось затронуть жизненно важные струны людских душ. И ему ответили так, как он надеялся. Время настало. Да, время пришло. Для человечества наступил час ожидания...

Спал Клэйн беспокойно и проснулся, пораженный тем, что у него еще есть силы заниматься десятками тысяч дел, которые ему предстояли. Все эти люди должны узнать, какую роль они выбирают себе в этой полной звезд Вселенной.

Как только забрезжил рассвет, его офис заполнился плотно сбитой толпой новоявленных союзников, и один из членов Патроната предложил, чтобы Клэйн перевел штаб-квартиру в Голомб, в подходящее по размерам правительственное здание.

— Будет гораздо легче работать там,— убеждал он.— Тем более там уже налажена связь между различными управлениями.

Клэйн согласился и объявил, что отправляется в Голомб

на следующий день. К полудню напряжение, цепко державшее его, немного спало. Высокопоставленные чиновники учредили отделы с единственной целью принимать новых визитеров и распределять между ними обязанности, то есть выполнять ту самую задачу, которую Клэйн до сих пор выполнял один.

К нему начали поступать доклады от окружения Лилидель о том, что из официальных резиденций исчезают люди. Было только непонятно, когда именно у Лилидель возникло первое подозрение о причине этих исчезновений. Клэйн был неприятно поражен, когда на пятое утро она внезапно явилась собственной персоной, причем менее чем за час до его отъезда в Голомб. Человек, объявивший о ее прибытии, громко, так, чтобы она слышала, произнес:

— Ваша честь, какая-то женщина, утверждающая, что она то ли ваша невестка, то ли свояченица, хочет увидеться с вами.

Это было довольно циничным замечанием, особенно учитывая то, что сделавший его человек сам лишь только вчера стал сторонником новой власти.

— Пусть войдет,— единственное, что сказал Клэйн.

В женщине, которая шатаясь подходила к нему, едва можно было узнать Лилидель. Лицо ее покрывали пятна, глаза были широко открыты, кожа вокруг них светилась, словно накануне она провела бессонную ночь. Она то бешено дергалась, то в ужасе замирала.

— Ты сумасшедший! — взвизгнула она.— Как ты посмел пытаться свергнуть законное правительство!

В последней фразе выражалась навязчивая идея Лилидель: она и Кэлэдж были «законным правительством». Это единственное, о чем она могла думать и говорить. И так продолжалось даже, когда ее уговорили сесть и она достаточно успокоилась для того, чтобы Клэйн развеял ее иллюзии на сей счет. Его слова она выслушала с неприкрытым страхом человека, приговоренного к смертной казни. Клэйн мягко объяснил, что в кризисной ситуации правительства теряют власть потому, что они не в состоянии сами помочь себе.

— Иногда даже,— подчеркнул он,— когда слабый правитель сам не правит, а более активно действуют его подчиненные, его правительство может уцелеть во время маленького шторма. Но в периоды бурь, создающих угрозу для нации, не адекватно реагирующее руководство разваливается, подобно карточному домику.

К концу его наставления Лилидель перестала слушать и снова начала кричать о том, какие кары она обрушит на головы предателей.

— Я приказала Траггену казнить их всех! — голос этой фурии дрожал от ярости.

Мутант покачал головой и тихо произнес:

— Утром я также направил Траггену приказ. Я приказал ему доставить сюда Кэлэджа — сегодня же и живым. Подождем, и посмотрим, какому приказу он подчинится.

Лилидель уставилась на него. Затем удивленно потрясла головой и пробурчала:

— Но мы же *законное правительство.*

Ее последующие действия наглядно показали, что она думает по поводу возможного выбора Траггена. Глаза ее закрылись, голова безвольно поникла. Медленно завалившись, она рухнула на пол у ног Клэйна.

Во второй половине дня был доставлен Кэлэдж. На лице его ясно читалась дерзость. Он уселся в кресло, откинулся назад и спросил:

— Дядя, любят ли меня до сих пор Боги?

Клэйн был зачарован. Ему уже приходилось наблюдать подобное однобокое развитие. Оно свидетельствовало, насколько человек способен приспособиться к новой окружающей среде. Почти три года Кэлэдж номинально был лордом-советником. Возможно, люди, которые привели его к власти, за исключением Лилидель, спланировали все, чтобы использовать наивного юнца в своих целях. Но как же отчаянно они ошиблись. Клэйн не стал терять время на юное чудовище. Он уже отправил Лилидель в предназначенный для отдыха дом, который он сохранил в отдаленной провинции. Теперь он отправил туда же Кэлэджа в сопровождении эскорта.

Казалось, что работе, которую еще предстояло сделать, не было конца. Поступающие доклады, из тех, что отбирались специально для Клэйна, требовали времени для прочтения и анализа. Усталость все больше и больше наваливалась на него, но тем не менее картина происходящего постепенно прояснялась. Из собранной отовсюду информации следовало, что первая фаза вторжения Риссов завершилась. Прибытие второй партии колонистов, Клэйн был убежден в этом, означало то, что вскоре должна начаться следующая фаза. Ее будет отличать беспощадность, безжалостность. Мишенью второго этапа станет любое большое поселение людей. Оснащенным резонаторами кораблям потребуется лишь низко пролететь над Землей, и люди будут гибнуть миллионами. Следовательно, остается одно — атаковать Риссов...

Однако он все-таки застудил грудь и, похоже, был не в состоянии изгнать из себя простуду. Чувствуя себя гораздо хуже, чем рисковал себе признаться, Клэйн отправился в поместье. Он решился на это, рассчитывая немного отдохнуть. Но это было худшее, что он мог предпринять. Он натужно кашлял, почти захлебывался легочной мокротой. Голова раскалывалась, он едва был в состоянии соображать. Временами перед его глазами все расплывалось настолько, что он мог видеть с величайшим трудом. Стало трудно употреблять твердую пищу. Он заставил себя перейти к только жидкой диете. Вечером второго дня, разбитый болезнью более чем когда-либо за свою жизнь, он отправился в постель. Он все еще был убежден: единственное, в чем он нуждался,— это отдых.

«Это,— сказал себе Клэйн нетвердо,— любопытно».

Любопытным ему казался тот факт, что он не мог подняться с постели. Через открытое окно до него доносились голоса мужчин, работающих в саду. Дважды в течение этих минут в спокойном сладковатом воздухе прозвенел мелодичный женский смех. Глаза болели, его бросало то в жар, то в холод. Он был жалок до такой степени, что совершенно не осознавал, что с ним произошло. У него возникло смутное ощущение, что он допустил ошибку, вернувшись в поместье: «Солнечная Звезда» могла стать гораздо лучшим убежищем, лучше оборудованным, с большим количеством грамотных фармацевтов. Возможно, там можно было что-то сделать для него.

Эта идея так и не выкристаллизовалась со всей четкостью. У него не было определенных планов. Все, что он мог сделать сейчас, чтобы избавиться от простуды, это пропотеть. То и дело его посещали такие мысли: «Беда в том, что раньше я никогда не болел. У меня нет закалки. Не думал я, что болезнь ослабляет разум». Лежа в ставшей неудобной кровати, Клэйн устал и шевельнулся. «Я взялся за дело хорошо,— убеждал он себя,— но я единственный, кто может увести Риссов с Земли. Если я умру...» Но он не решился думать об этом.

Скривившись, Клэйн подумал, а кто он, в сущности, такой? Презираемый всеми мутант, вознесшийся на вершину Линнской империи. И в час победы над смертельным врагом свалившийся в постель. Он оказался здесь, беспомощный, ослабленный болезнью внутри собственной оболочки гораздо сильнее, чем любой мощью и силой, которые он мог контролировать снаружи. И победа увядала, куда-то ускользала, испарялась. Встряхнув головой, совсем отчаявшись, Клэйн повернулся на бок и заснул.

...Ему снилось, что он четырехлетний мальчик и играет в садах Центрального Дворца в дни тогдашнего лорда-советника Линна. И чужие дети преследовали его. В этом ночном кошмаре он надеялся только на то, что сумеет поставить под контроль энергетическую сферу раньше, чем они его схватят. Сфера, символ изумительной силы, почти богоподобная сфера...

Даже во сне он знал, что обе сферы — та, которую вернул Чиннар, и взятая ими у «маленького народа» — находились далеко от поместья. Но тем не менее, задыхаясь от бега и ужаса, он пытался поставить сферу под свой контроль, но не мог вспомнить нужное для этого слово. Мальчишки приближались. Когда он оглянулся, то смог разглядеть их сверкающие глаза, язвительно перекошенные рты. Даже их дикие выкрики долетали до его слуха через все эти прошедшие годы и сильным эхом отдавались в его мозгу. Но именно в тот момент, когда их растопыренные пальцы уже хватали его, когда его полностью охватило отчаяние, он громко произнес необходимое для сферы слово.

Клэйн проснулся, покрывшись от страха испариной, но почти мгновенно заснул снова. И снова за ним гнались мальчишки. До него дошло, что он поступил неправильно, пытаясь произнести верное слово. Все, чего он действительно хотел, это

добраться до черного ящика, в котором хранилась сфера. Он достиг его и с восторгом начал влезать внутрь. Он знал — каким-то образом знал,— если он залезет, мальчишки не заметят его. Он глубоко вжался в ящик — тот оказался гораздо глубже, чем он думал,— и нырнул во тьму, где отсутствовали тени. И в этот момент он со всей остротой подумал: «Что я здесь делаю? Куда меня затягивает?»

Проснувшись, Клэйн долго пытался разгадать смысл сна. А потом очень медленно откинул покрывало и сел, покачиваясь от головокружения. Несмотря на слабость, он был настроен решительно. «Болен я или нет,— сказал он себе,— но я встаю».

Ему бы сейчас оказаться на борту «Солнечной Звезды». Во время долгих космических полетов он проводил много экспериментов в просторных химических лабораториях этого корабля. Он готовил различные лекарственные препараты по старинным рецептам. Сначала он опробовал их на умирающих, затем, очень осторожно, на больных. Некоторые из снадобий оказались весьма эффективными.

В комнату вошла сиделка. Клэйн видел ее словно сквозь густой туман.

— Мою одежду,— пробормотал он,— принесите одежду.

— Ваша честь,— возразила она,— вы не должны этого делать. Вы больны. Вам нужно вернуться в постель.

Не дожидаясь ответа, сиделка вышла. Через минуту вбежал физиотерапевт. Не встретив сопротивления больного, он уложил его и завернул в простыни. Клэйн пытался было протестовать:

— Доктор, я хочу получить одежду. Мне нужно отправиться на корабль...— шепот перешел в невнятное бормотание.

Голос врача доносился до него как будто издалека.

— На корабль?.. Что он собирается делать? Отправиться на битву?

Последовала пауза. Затем врач заговорил снова:

— Сестра, попросите приготовить для больного холодный душ. Думаю, ему нужен шок.

Все дальнейшее воспринималось Клэйном как в тумане. Но его не покидала мысль: «Меня заключили в клетку, я не могу из нее выбраться. Они денно и нощно следят за мной. Они прекрасно знают слабости любого больного. И в последние минуты жизни твой ранг не имеет никакого значения».

Он не мог вспомнить, когда его вновь уложили в постель, но внезапно снова ощутил себя плотно завернутым в простыни. Они казались Клэйну невыносимо тяжелыми, хотя сверху простыней лежало одно одеяло. Одна из медсестер сказала:

— Спит! Хорошо. Думаю, ему станет лучше, когда он проснется.

Клэйн спал, но не осознавал этого. Ему казалось, что он стоит на зеленой лужайке, а рядом с ним Маделина. Она улыбается и говорит: «Я буду добра с тобой. Я нужна тебе». Ее образ растаял, и он проводил ее слабой улыбкой. Внезапно появился Деррин. Клэйн сказал ему: «Боюсь, что звезда семьи Линнов закатывается, а это означает, что следующим лордом-прави-

телем будет Чиннар. Вся эта борьба бесполезна, бесцельна...» Издалека послышался чей-то голос: «Патронату сообщено. Для управления Империей создан Комитет Девяти...»

Он остался один. Прогуливался по лужайке, дыша свежим воздухом. Впереди темнел лес, деревья отбрасывали тени. От ствола к стволу летали чьи-то неясные силуэты. Ему почудилось в них что-то знакомое, но определить, кто это был, он не сумел. Он вышел на опушку леса, замешкался, а потом двинулся под тень деревьев. При этом он почему-то знал, что Маделина рядом...

Клэйн проснулся и открыл глаза. Он испытывал расслабленность и облегчение, фантастическая глубина позади него отступила. Он четко различал все предметы, в душе царили мир и покой. Клэйн повернул голову. В кресле за кроватью сидел Чиннар — изможденный, с впалыми щеками. Его вид потряс возвращающегося из беспамятства Клэйна. Он спросил:

— Сколько это продолжалось?

— Восемнадцать дней.— Варвар устало улыбнулся.— Мы вынуждены были бороться нашими собственными средствами. Узнав, что вы при смерти, я вызвал вашего доктора. Не получив ответа, я и трое обученных вами фармацевтов опустились туда. То же сделала армия. Поскольку все резонаторы с корабля были сняты, мы без проблем вошли.— Он сменил тему: — Как же получилось, что вас окружили невежды? После той медицинской работы, которую вы проделали на корабле, вернуться сюда...

Клэйн подумал: «Я и вправду совершенно забыл, что он где-то поблизости. Я был слишком занят тогда, когда мы вернулись. А кроме того, я был болен и мне не хватило здравомыслия». Он смотрел на Чиннара, будто впервые видел его. Перед ним сидел лидер, привыкший к кровавой тактике. И тем не менее он прибыл сюда, чтобы бескорыстно помочь своему сопернику в борьбе за власть в Солнечной системе. Чиннар, казалось, проник в его мысли:

— Ваша честь,— сказал он ухмыляясь,— все восемнадцать дней я не отходил от вашей постели, поскольку у меня нет лучшего решения проблемы Риссов по сравнению с остальными линнскими идиотами... за пределами этого помещения.— Он обвел рукой комнату и продолжил: — Кажется невероятным, но человеческую расу может спасти только один человек, но как он надеется совершить это, я не могу себе даже представить.

Он замолчал и посмотрел на Клэйна как-то странно и столь напряженно, что тот пришел в возбуждение. Варвар, уныло кивнув, промолвил:

— Ваши предположения оказались верными. Война с Риссами началась. Все планы, которые я когда-то строил относительно организации сопротивления Чужим, теперь кажутся мне не более чем плодом моего больного воображения.— Решив, что чересчур разнюнился, Чиннар продолжил более твердым тоном: — В течение шести дней сотни боевых кораблей Риссов атаковали человеческие поселения — и малые, и большие. Я даже не могу

дать вам оценку наших потерь. Мужчины, женщины и дети гибнут миллионами. Вне всякого сомнения, происходящее похоже на вторую и заключительную фазу их вторжения.— Его интонация еще раз изменилась.— Ваша честь,— хрипло сказал он,— мы обязаны уничтожить этих монстров до последнего существа.

— Нет! — ответил Клэйн.

Он медленно сел, ощущая болезненную слабость. Но его глаза твердо встретили налившийся кровью взгляд лидера варваров.

— Чиннар,— проговорил он,— завтра мы отправим изображенный на рисунках ультиматум, дающий Риссам месяц на то, чтобы убраться из Солнечной системы и принять предложение о разделении сфер влияния в качестве постоянной политики.

— Но если они откажутся...— в голосе варвара звучало неприкрытое сомнение.— Ваша честь, в течение месяца пятьдесят миллионов людей будут...

Клэйн продолжил, словно ничего не слышал:

— Примерно через двое суток мы приступим к уничтожению их сил и цивилизации повсюду. Точное время зависит от того, когда я поднимусь окончательно.— Он резко сказал Чиннару: — Не паникуй! Я никогда ранее не чувствовал себя в более здравом уме. Я готов и занял наконец твердую позицию. Говорю тебе, мой друг, я вижу то, что никогда еще не видел ни один человек. Все предварительные испытания проведены, проверка закончена, хотя мне еще необходимо сделать несколько специальных электронных снимков.

— И что тогда?

— По крайней мере откроется какая-то часть тайного смысла происходящего.

Клэйн вошел в зал и в течение минуты оставался незамеченным. Он воспользовался этим, чтобы оглядеть присутствующих. Здесь, в огромном зале физической лаборатории гигантского корабля Риссов, собралась весьма специфическая ассамблея. Здесь были ученые храмов в белоснежных мантиях, официальные лица из правительства, одетые на редкость добротно, что было неудивительно, ведь именно они осуществляли контроль над производством высококачественных тканей.

Из всех гостей наиболее поношенная одежда была на великих и благородных дворянах. Их поместья заполонили толпы беженцев, и в это кризисное время признаком хорошего тона среди дворян стало одеваться попроще, что должно было показать, что они разделяют страдания простого народа. Клэйну уже приходилось наблюдать нечто подобное в период нашествия варваров; по-видимому, это соответствовало представлениям небогатых и не очень умных людей о равенстве.

Внезапно присутствующие обратили на него взоры. Гул разговоров постепенно затих. Лорд Клэйн какое-то мгновение поколебался, а затем двинулся вперед по коридору, образованному солдатами, задачей которых была охрана оборудования

от любопытствующих визитеров. Он включил на полную мощность энергетический сканирующий фиксатор электронного микроскопа, энергетическую камеру, другие необходимые ему приборы. После этого он повернулся к гостям, последние из которых шумно устраивались в креслах.

Клэйн подал знак носильщикам вынести вперед контейнер со сферой. Когда контейнер был установлен в соответствующем месте, под одной из мерцающих машин, он нажал кнопку. Телевизионная камера вошла внутрь сферы, ритмично перемещаясь вперед и назад, абсолютно синхронно с сияющим шаром. Клэйн щелкнул переключателем. Зажглись огни, с потолка спустился огромный экран, и на нем мириадами звезд вспыхнула Вселенная. Лорд указал на слабо светящуюся справа от экрана, размеренно перекатывающуюся сферу и проговорил:

— Вы видите картину, которая находится внутри этого шара.

Видимо, эти слова были слишком необычны, и присутствующие не могли сразу переварить их смысл. Или, возможно, просто не поверили его объяснению. По крайней мере никто не выглядел изумленным, хотя это было ненормально.

Подождав, пока эта сверкающая масса звезд не стабилизировалась, Клэйн мысленным приказом привел всю эту массу в движение. Изображение через камеру проецировалось на экран. Поначалу движение казалось не столь заметным. Но потом на экране выросло сияющее солнце и стало быстро набегать на зрителей. Все ближе и ближе, ужасно близко. Края экрана коснулась какая-то планета и, вращаясь, стала величественно приближаться. На некотором отдалении от нее виднелся спутник.

— Наши Земля и Луна,— сказал Клэйн,— а перед этим было наше Солнце. Ну что, давайте внесем их в зал?

Он не ожидал, что его поймут. Он отключил камеру, дождался, когда погаснет экран, и на мгновение задумался. Присутствующие изумленно выдохнули. Перед их глазами вспыхнул сверкающий белый шар примерно трех дюймов в диаметре, который двинулся под линзы обозрения микроскопа. Помещение внезапно осветилось ярким, словно дневным, светом. В мертвой тишине Клэйн произнес:

— Хотя это и чрезвычайно трудно осознать, перед вами — наше Солнце. Здесь также все планеты, несмотря на то, что их трудно разглядеть невооруженным глазом,— Меркурий, Венера, Земля, Марс и так далее.

Чей-то натянутый, как струна, голос спросил:

— Но как это возможно? Ведь мы сидим здесь, в корабле, на высоте несколько миль над Землей!

Клэйн ничего не ответил. Здесь таился один из секретов пространства, изменяющегося во времени. Риссы выделили в своем «защитном» устройстве некий побочный продукт. Он моментально вторгался в любое пространственно-временное поле с помощью резонирующего энергетического потока. Но в сфере и в ее побочных продуктах должен быть заключен ответ, более близкий к реальности, чем любой другой.

Рациональная космология? Безусловно, впервые в истории

человечества люди постигали глубинный смысл происхождения материи. Что возникло сначала: идея Вселенной или сама Вселенная? Ответить на этот вопрос не мог ни один человек, ибо любой был лишь наблюдателем. Если бы он сумел понять четырехмерность Вселенной, то смог бы постичь ее всю целиком. Она сама служила бы себе эталоном размера и скорости.

— Ну а сейчас,— Клэйн повернулся к присутствующим,— мы видим Землю размером с пылинку, и то она достаточно велика. С помощью мощного энергетического микроскопа мы можем увеличить ее в сотни миллионов раз. Увеличение даст нам огромный шар для наблюдения, который мы сможем осмотреть только по отдельным сегментам.

Ощущая на себе взгляды множества зрителей, Клэйн наклонился над нужным прибором, проделал необходимые операции и сказал:

— Я оснастил этот механизм инфраиглой, которую мог бы описать только с помощью ряда не имеющих для вас смысла цифр. Риссы использовали инфраиглы для высверливания в объектах отверстий диаметром в одну десятимиллионную долю миллиметра. Я же использую ее как остро заточенный кинжал.

Сделав паузу, чтобы смысл его таинственных слов дошел до всех, Клэйн произнес:

— А теперь я переведу наше крошечное Солнце и окружающие его планеты в положение, чтобы ничего не помешало микроскопу сфокусироваться на Земле.

Он приник к окулярам увеличительного прибора и, не поднимая головы, промолвил:

— Я вижу внизу Землю. Не похоже, что она крутится в пространстве, но тем не менее скорость ее вращения должна составлять около двенадцати тысяч оборотов в секунду. Так, возможно, и есть, я не сделал расчетов, так что то, что я намерен совершить, зависит от автоматики. Существует неразрывная связь между той Землей и нашей. В течение секунды проходят тысячи суток, и соотношение времени будет точным. Вы можете спросить,— продолжил Клэйн,— каким образом я сумею разглядеть что-либо на объекте, вращающемся с такой безумной скоростью. Особенно если он совершает тридцать оборотов вокруг Солнца за секунду. Мой ответ — Риссы обеспечили нас всеми необходимыми для этого автоматическими устройствами. Проблема — в синхронизации, которая немыслима для человеческого мозга, но весьма проста для энергетических сетей. Вчера я успел немного попрактиковаться на Луне и убедился в логичности и правильности этой теории.

Клэйн распрямился, подхватил кипу фотографий и передал их человеку, сидящему поблизости:

— Пустите их по кругу.

Не обращая внимания на раздавшиеся охи и ахи, он повернулся к микроскопу и продолжил объяснение:

— Скорость вращения, когда работают эти реле, почти не имеет значения. Эта камера Риссов делает миллионы снимков в секунду. Изображения фиксируются не на фотопленке, а закла-

дываются в рулоне. И способ их использования основан на подобном принципе. Вчера, как вы, должно быть, помните, мы посетили города, расположенные в горах, и осматривали их один за другим с безопасного расстояния. Но никто из вас не знал, что я сфотографировал их и заложил в трубку. В настоящий момент камера делает изображения Земли всякий раз, когда она проходит внизу. Когда я надавливаю этот рычажок, камера фиксирует картины только одного района крошечного глобуса, соответствующего по своей структуре одной из фотографий, которые я вчера сделал, снимая контролируемый Риссами город.

Клэйн нажал рычажок. Между сверкающим, как алмаз, солнцем и аудиторией появился щит, затуманивший экран.

— Ага, по-моему, изображение не в фокусе,— заметил Клэйн.

Он подрегулировал приборы. Яркое пятно на экране приобрело резкость и превратилось в какой-то город, расположенный в горной местности. Чей-то бас прогудел:

— Да это же Денра!

— Надеюсь, всем видно,— сказал Клэйн.

По их лицам он видел, что они не имеют ни малейшего понятия о том, что происходит. И неудивительно. По сути, они стали свидетелями координации науки человечества и Риссов на высочайшем уровне. Но они оказались неподготовленными к такому грандиозному событию. Однако несмотря на это Клэйн продолжил:

— Следующий шаг — синхронизация нашей пронзающей инфраиглы. Прошу вас всех осознать тот факт, что при применении иглы против Земли размером с крошечную пылинку укол острия диаметром в одну десятимиллионную долю миллиметра может быть катастрофически разрушительным. Следовательно, инструмент должен быть отрегулирован только на нанесение поверхностного удара, а именно — таким вот образом...

В то же мгновение город Денра на экране растворился в облаке пыли. Часть горных вершин оказалась вдавленной в Землю на глубину почти в милю, словно под воздействием колоссального молота.

— Красота случившегося,— невозмутимо констатировал Клэйн, не испытывая никакого раскаяния,— заключается в том, что нет радиоактивности, к тому же исключается возможность ответного нападения. Ну а свои собственные города мы не собираемся уничтожать, если нас не вынудят. Несмотря даже на то, что в настоящее время они оккупированы Риссами. Думаю, нам следует дать захватчикам шанс поразмыслить над случившимся. Тем временем мы переключимся на другой город, на этот раз не на Земле, а на планете Чужих, которую посетила «Солнечная Звезда». Когда мы там были, я сделал нужные фотографии, поскольку уже в то время думал о подобном варианте.

Потребовалась почти минута, чтобы найти в сфере необходимую планету и поместить ее под мощный энергетический микроскоп. Клэйн продолжил:

— Как вы знаете, мы распространили ультиматум, используя серию рисованных изображений. Мы потребовали капитуляции и сдачи половины боевых звездолетов, вторгшихся в Солнечную систему, сотрудничества в соответствии с нашей мирной галактической программой. Она включает в себя совместное освоение всех новых открытых обитаемых планет и разделение множества миров необитаемых. Межзвездный телевизионный механизм, доставленный со второго захваченного нами корабля, находится на борту в рабочем состоянии. К сожалению, сам второй корабль все еще не отремонтирован. До сих пор мы не получили ответа на наш ультиматум. Поэтому возникла необходимость убедить упрямого врага уже на их территории сотрудничать с нами, в противном случае они погибнут.

Клэйн коснулся кнопки, и город Риссов, тускло мерцающий на экране, рассыпался, словно был выстроен из песка. Оказалось, что этот удар был гораздо сильнее предыдущего. Город был фактически раздавлен, гигантские горы в отдалении были разорваны на части, словно куски ветхой одежды.

— Теперь я регулирую более глубинный удар,— бесстрастно продолжал Клэйн.— Причина в том, что мы сфотографировали контролируемые Чужими города только на Земле и на их планете, которую мы посетили. Остальные удары, которые мы нанесем по другим планетам Риссов, отмеченным на захваченных звездных картах, должны быть произведены наудачу, без применения предварительно сделанной фотографии. Мы всегда можем бить по горным районам, и ошибки не будет. Но удары должны быть достаточно мощными, чтобы их эффект ощущался на расстоянии сотен миль...

Несмотря на желание лорда сохранять спокойствие, его голос дрогнул. В зале воцарилась мертвая тишина. Но наверняка никто из присутствующих, кроме него, не мог вообразить себе масштабы происходящего. Вселенная была покорена. Человек, вглядываясь в звезды, больше не чувствовал себя крошечным и ничтожным. Величие пространства-времени осталось таким же грандиозным, как и всегда, но завеса была поднята. Еще не настал тот день, когда все тайны будут открыты любознательному разуму. Однако отношение к мирозданию изменилось и никогда не будет прежним.

Клэйн пытался скрыть свои чувства, готовясь к следующему удару. Наконец он произнес:

— Предвижу, что Риссам потребуется время, чтобы осознать свое поражение. Нам же остается придерживаться тактики их наказания до тех пор, пока они не подадут нам сигнал о том, что готовы обсудить условия капитуляции.

Такой сигнал поступил через четыре часа...

ЭПИЛОГ

Прошел год.

Клэйн и Чиннар, беседуя, шагали по главной площади Линна. Мутант сказал:

— По мне, так она слишком уродлива.

Клэйн был в тускло-коричневой мантии, а Чиннар в форме рядового армии варваров — люди в таких мундирах стали характерной приметой города в эти дни. Они медленно поднимались к только что установленному монументу Победы.

Клэйн изучающим взглядом рассматривал это сооружение, возвышавшееся перед Центральным Дворцом. Проект памятника одобрил Патронат. Состоял он из огромных размеров куба, который венчала фигура человека в мантии храмового священника. Человек стоял на двух планетах, вытянувшись на носках, словно стремился куда-то вверх, а в руке он держал третью. Вокруг его ног были изображения других планет и звезд. Золотая мантия, совершенно не похожая ни на одно из одеяний Клэйна, блестела в полуденном солнечном свете. Лицо фигуры весьма напоминало лицо Клэйна, однако тело было совершенно невероятных размеров — гигант возвышался на постаменте, подобно башне.

Клэйн повернулся, чтобы заговорить с Чиннаром, но заметил, что тот наблюдает за парой, остановившейся в нескольких футах от памятника.

— Посмотри сюда,— обратился мужчина к женщине.— Здесь написано: «Спаситель расы». Что же напишут о следующем представителе правящей династии?

Женщина спросила:

— А ты уверен, что он из семьи правителей? О, да тут наверху есть и его имя.— Она прочла по слогам: — Клэйн Линнский... Интересно, который же из Линнов?

Пара свернула в сторону от Дворца.

— Вот что значит слава! — пробурчал Клэйн и вдруг заметил, что Чиннар улыбается. Непробиваемый сухарь улыбается!

— Мир велик,— сказал лидер варваров.— Почему они должны знать ваше имя или как вы выглядите? Они же не видели, как, собственно, вы спасли расу. Когда телевидение получит в Линне более широкое распространение, вас, возможно, станут узнавать в любом городском закоулке.

— Не спорю,— ответил Клэйн.— Много ли я сам размышлял о своих великих предках? Я разделю прошлое на десять отрезков и определю себе соответствующее место в зале Славы.— Помедлив немного, он добавил: — Хорошо, что люди забывают своих героев и богов. Если бы они не делали этого, жизнь нового поколения была бы тускло-коричневой.

— Прошу прощения,— произнес варвар,— за то, что я не смог присутствовать на открытии памятника. Давайте присядем на минуту.

Он указал Клэйну на одну из каменных скамеек. Вскоре

мимо них проскользнула стайка весело хохочущих девушек. Они даже не взглянули на монумент, а уж мужчин, сидящих у его подножия, просто не заметили. Потом подошли два молодых парня с этюдниками художников. Установив мольберты и достав палитры, они уселись на скамью на противоположной стороне аллеи напротив статуи и принялись рисовать.

— Что мне нравится в этом памятнике,— заговорил один из них,— так это его вид на фоне неба. Если мне удастся изобразить на переднем плане скульптуру на фоне облаков, думаю, получится потрясающая картина.

— Передний план, фон — все это никому, кроме живописцев, не нужные тонкости,— заметил второй.— Главное, что изображения статуи имеют устойчивый спрос на рынке. Когда появляется что-нибудь новенькое, главное — добраться до него первым. Если я сумею пристроить дюжину копий в лучшие магазины, у меня будут заказы на сотню.

Какое-то время художники молча работали. Потом второй юноша поднялся и приблизился к Клэйну и Чиннару.

— Я пытаюсь нарисовать эту статую,— сказал он,— и то, что вы сидите здесь, меня отвлекает, а главное — не добавляет ничего нового к общему колориту. Если не возражаете, я попросил бы вас встать и поднять правую руку так, словно вы отдаете дань уважения герою. Уверяю вас, мне не потребуется много времени. Работаю я быстро и за несколько минут сделаю набросок. Причем сходство гарантирую.

Должно быть, он правильно истолковал выражение лица Клэйна, так как, пожав плечами, поспешно добавил:

— Раз у вас нет желания позировать, я был бы признателен, если бы вы перешли вон к той скамье.

Чиннар с иронией посмотрел на лорда-правителя Линнского, затем поднялся.

— Сомневаюсь, что мой друг захочет позировать на фоне этого выдающегося монумента, но я буду счастлив проделать это и займу место, которое вы подскажете.

— Спасибо,— кивнул художник и вернулся к своему мольберту.

ПУТЕШЕСТВИЕ «КОСМИЧЕСКОЙ ГОНЧЕЙ»

Керл медленно продвигался вперед все дальше и дальше. Темная безлунная, почти беззвездная ночь, неохотно уступала место мрачному розоватому свету зари, разливающемуся по небу. Свет был тусклым и холодным. Он постепенно освещал ландшафт, похожий на ночной кошмар. Вокруг были черные зубчатые скалы и темная безлесая равнина. Над линией горизонта поднималось светло-красное солнце. Щупальца света неуверенно прокладывали себе дорогу среди теней. По-прежнему в окрестностях не было видно никаких следов и д о в. Вот уже почти сто дней Керл безуспешно искал их.

Внезапно он остановился, насторожившись. По его огромным лапам пробежала дрожь, острые, как лезвие бритвы, когти хищно изогнулись. Растущие из плеч толстые щупальца волнообразно зашевелились. Он повернул в одну, потом в другую сторону свою кошачью голову и тоненькие волоски усиков, которые заменяли ему уши, стали вибрировать, улавливая каждый шорох. Усики посылали сигналы наподобие эхолота. Но нервные окончания не улавливали ответную волну. Не было и намека на то, что где-то поблизости находятся ид-существа, его единственный источник питания на этой пустынной равнине. Керл безнадежно припал к земле. Его огромный силуэт вырисовывался на фоне красноватой линии неба. Он походил на темного тигра, приготовившегося к прыжку. Керла тревожила потеря контакта. У него был чуткий слух, который, когда все было в порядке, обнаруживал ид-существа за милю, а то и больше. По-видимому, что-то в его организме было нарушено. Невернувшийся к его антеннам сигнал говорил о том, что в организме его что-то расстроилось, появилась болезнь, о которой ему приходилось слышать раньше. Семь раз за последние сто лет он встречал керлов, до того слабых, что они уже не могли двигаться. Он без сомнений убивал их и забирал себе тех немногочисленных идов, что еще поддерживали их жизнь.

Вспомнив это, Керл вздрогнул. Потом он громко зарычал, и голос его откликнулся эхом в горах и существовал уже отдельно от него, выражая звериную волю к жизни. Однако, тут же он пришел в себя. Высоко над линией горизонта он заметил крошечную светящуюся точку. Она быстро приближалась, вырастая во все увеличивающийся металлический шар. Потом шар превратился в корабль. Огромный, сверкающий, как отполированное серебро, он заметно замедлял свой ход, просвистев над самой головой Керла. Затем корабль отлетел вправо за черную линию холмов, секунду повисел неподвижно и скрылся из виду.

Керл вышел из оцепенения. С тигриной быстротой он по-

несся вниз по склону. Его круглые черные глаза горели лихорадочным желанием. Усики-антенны, забыв о своей уменьшающейся активности, так сильно вибрировали, посылая сигналы, определяющие идов, что тело ответило острым приступом голодной боли.

Далекое солнце, теперь розоватое, висело высоко в пурпурно-черном небе, когда он припал к скале и уставился на открывшиеся внизу развалины домов. Серебряный корабль, несмотря на его размеры, казался совсем маленьким среди этого пустынного, лежащего в руинах города. В нем было столько энергии, угадывалась такая сила затаившегося движения, это был слиток жизни в мертвом пространстве. Корабль покоился во впадине, возникшей под действием его веса. И впадина тоже казалась живой среди мертвых линий вымершего города.

Керл не мигая смотрел на двуногие существа, вышедшие из корабля. Небольшими группками они стояли у лестницы, спустившейся из ослепительно-яркого отверстия, находящегося в сотне футов над землей. Его глотка сжалась. Его сознание помутнело от дикого желания броситься и смять эти, казавшиеся такими игрушечными, существа. Они излучали волны и это была та самая вибрация, которая шла от идов. Но память гасила инстинкт хищника. Мускулы не торопились наполнить гибкое тело энергией прыжка. Это было давнее воспоминание о прошлом его расы, о машинах, умеющих уничтожать, о силе, превосходящей всю мощь его собственного тела. Он успел заметить, что прилетевшие одеты в блестящие костюмы, сверкающие под лучами солнца.

Память перегрела каналы его схем. Только теперь Керл подумал о том, что это, должно быть, экспедиция с другой звезды. Ученые будут исследовать, а не разрушать. Если он не нападет, ученые не станут его убивать. Ученые тоже глупы на свой лад!

И все-таки осмелев от голода, он вышел на свободное пространство. Он увидел, что существа сразу его заметили и стали с опаской смотреть в его сторону. Трое находившихся к нему ближе других, медленно повернули к более удаленным группам. Самый маленький из них вытащил из футляра на боку металлический прут и держал его в руке.

Керла все это встревожило, но он продолжал двигаться вперед. Поворачивать было поздно.

Эллиот Гросвенф остался там, где стоял, возле трапа. Он уже привык держаться позади всех. Его не очень-то жаловали члены экспедиции на борту «Космической Гончей». Он был единственным нексиалистом в этой компании. И его работа да и сама личность не интересовали членов операции. Гросвенф давно думал заняться своей непосредственной работой, да все не представлялось случая.

Передатчик, вмонтированный в шлем его скафандра, ожил. Кто-то мягко рассмеялся и произнес:

— Что касается меня, то я не рискну встретиться с таким великаном.

Гросвенф узнал голос Грегори Кента, главы химического отдела. Слабый физически, Кент был сильной личностью. У него

было много друзей и людей, которые его поддерживали. Он уже выставил свою кандидатуру на пост директора экспедиции на предстоящих выборах. Их с нетерпением ожидали, ведь они вносили определенное возбуждение в монотонную жизнь корабля. Из всех, кто следил за приближающимся чудовищем, лишь Кент вытащил оружие. Теперь он стоял, держа его наготове.

Послышался другой голос. Он был более низким и спокойным. Гросвенф узнал Хэла Мортона, директора экспедиции.

— Это одна из целей вашего участия в экспедиции, Кент. Вы не оставляете места случайностям.

Замечание было дружеским. Оно не совмещалось с тем, что Кент претендовал на пост директора, который занимал сейчас Мортон. Конечно, его можно было рассматривать и как некую дипломатическую виртуозность, если считать, что таким образом наивные слушатели оповещались о том, что Мортон не питает злых чувств к сопернику. Гросвенф не сомневался в том, что директор способен на подобный ход. Он считал Мортона умным, честным и весьма проницательным человеком, который мог без труда управлять любой ситуацией.

Гросвенф заметил, что Мортон шагнул вперед, стараясь оказаться чуть впереди остальных. Его сильное тело казалось особенно крупным сквозь прозрачный металлический костюм.

Эллиот Гросвенф услышал, о чем говорят и остальные:

— Не хотелось бы мне повстречаться с этой малышкой в темноте один на один.

— Не будь дураком! Это явно высокоразвитое существо, возможно, из господствующей расы.

— Его физическое развитие,— произнес голос, принадлежавший психологу Сидлу,— указывает на свойственную животным адаптацию к окружающей среде. С другой стороны, направляясь к нам, зверь действует не как животное, а как разумное существо, знающее о нашем развитии. Вы заметили, что оно сковано в движениях? Это указывает на то, что оно понимает, что мы вооружены, и поэтому осторожничает. Я бы хотел как следует разглядеть концы щупалец, расположенных на его плечах. Если они суживаются в рукоподобные отростки или чашечки, то я, пожалуй, стану утверждать, что мы имеем дело с потомком жителей этого города.— Он смолк, но потом закончил: — Нам бы очень помогло, если бы мы смогли установить с ним связь, хотя пока я склонен предположить, что оно выродилось и вернулось в первобытное состояние.

Керл остановился, когда оказался в десяти футах от незнакомого существа. Потребность в идах была нестерпимо сильной. Его сознание готово было погрузиться в хаос, и ему стоило огромных усилий сдерживать себя. Тело великана жгло. Власть плоти требовала действий. Перед глазами возникла пелена.

Люди подошли к нему почти вплотную. Керл видел, что они изучают его с любопытством. Когда они говорили, их губы двигались под прозрачными шлемами. Форма их общения — он был уверен, что чувства его не обманывают,— была ему недоступна. Волны, излучаемые ими, были той частоты, принимать на кото-

рой он не мог. Все его сигналы оказались бесполезными. Силясь казаться дружелюбным, он передал по усикам свое имя, указывая на себя щупальцем.

Голос, который Гросвенф не узнал, протянул:

— Когда он шевелит этими волосами, Мортон, в моем приемнике возникает нечто вроде помех. Вы не думаете...

Спрашивающий назвал Мортона по фамилии, и это отличало его от остальных. Это был Гурлей — начальник отдела связи.

Гросвенф, записывающий разговор, был доволен. Эпизод со зверем мог помочь ему в записи голосов всех, имеющих вес на корабле. Он с самого начала пытался это сделать, но без особого успеха.

— Ага,— произнес психолог Сидл,— щупальца оканчиваются чашечками-присосками. Это указывает на достаточно сложную нервную систему. При соответствующей тренировке он мог бы управлять любой машиной.

— Думаю, нам следует подняться на корабль и позавтракать,— предложил директор Мортон.— Потом будет много работы. Мне бы хотелось получить сведения о развитии этой расы и, особенно, о причинах ее уничтожения. На Земле, в ранний период, одна культура за другой достигали вершин и затем разрушались. И на их обломках возникали новые. Что же случилось здесь? Каждому отделу будет поручена особая область для исследования.

— А как с котенком? — спросил кто-то.— Мне кажется, что он желает подняться к нам.

Мортон хмыкнул и серьезно сказал:

— Я бы хотел, чтобы мы взяли его с собой. Но как это сделать, не применяя силу? Кент, что вы можете сказать по этому поводу?

Маленький химик задумчиво покачал головой.

— Здешний воздух содержит больше хлора, чем кислорода, хотя и того и другого не так много. Наш кислород явился бы для его легких настоящим динамитом.

Гросвенфу было совершенно ясно, что кошкообразное существо не понимает грозящей ему опасности. Он наблюдал за тем, как чудовище последовало за первой группой людей вверх по лестнице к большой двери.

Все оглянулись на Мортона, но тот махнул рукой:

— Снимите второй замок и дайте ему вдохнуть кислорода. Это его излечит от излишнего любопытства.

Минутой позже в приемнике послышался удивленный возглас директора:

— Черт возьми! Он даже не заметил разницы! Это означает, что у него нет легких, или, что его легкие поглощают вовсе не хлор. Держу пари, что он может жить с нами! Для биологов он станет кладом, и достаточно безопасным, если мы проявим осторожность.

Скит был высоким, худым, костлявым человеком с длинным печальным лицом. Его голос, необычайно контрастирующий с наружностью, зазвучал в приемнике Гросвенфа:

— За всю свою космическую жизнь только дважды я встретил высшие формы жизни. Представители одной дышали хлором, другие кислородом — два элемента, поддерживающие горение. Я слышал весьма смутные отчеты о жизненных формах, живущих на фторе, но сам подобного примера не видел. Я готов поклясться, что ни один сложный организм не может приспособиться к использованию обоих газов одновременно. Мортон, если только возможно, мы не должны позволить этому существу нас покинуть.

Мортон довольно рассмеялся и рассудительно заметил:

— Кажется, и он озабочен лишь тем, как бы остаться.

Он уже поднялся по лестнице. Теперь он проходил сквозь замкнутое пространство вместе с Керлом и двумя другими учеными. Гросвенф заторопился, но он был одним из дюжины людей, вышедших на открытое пространство. Огромная дверь захлопнулась, и воздух со свистом хлынул в помещение. Гросвенф наблюдал за чудовищем с растущим чувством тревоги: у него возникли кое-какие предположения. Ему хотелось сообщить о них Мортону. Согласно правилам, действующим внутри корабля, всем начальникам отделения была доступна удобная и быстрая связь с директором. Ему бы тоже следовало предоставить такую возможность. Ведь как-никак он был глава некзиального отдела, хотя отдел этот состоял из единственного человека. Вмонтированный в его скафандр передатчик был устроен таким образом, что он мог разговаривать с Мортоном подобно главам других отделов. Однако, на самом деле, у него был лишь приемник. Это давало ему привилегию в слушании разговоров «руководителей», когда они занимались работой вне корабля. Если же он сам хотел с кем-нибудь поговорить или бы оказался в опасности, ему необходимо было щелкнуть переключателем, открывавшим выход в центральный канал связи.

Гросвенф не подвергал сомнению необходимость такой системы. Он был лишь одним из тысячи людей, находящихся на корабле, и было очевидным, что все они не могли болтать с Мортоном, когда им вздумается.

Наконец, отворилась внутренняя дверь. Гросвенф двинулся вперед вместе с остальными. Через несколько минут все уже стояли у основания лифтовой системы, ведущей к жилым отсекам корабля. Поговорив со Скитом, Мортон решил:

— Если животное полетит с нами, отправим его в верхний отсек.

Керл не выказал никаких возражений, но когда услышал, что дверца за ним захлопнулась и лифт пошел дальше наверх, он с рычанием развернулся. Его мысли хаотически заметались, и он ударил по двери. Под его весом металл прогнулся, отчаянная боль наполнила его безумием. Теперь он был пойман в ловушку. В нем проснулся зверь. Керл ударил когтями о сталь. Прочно пригнанные панели поддались под действием его толстых щупалец. Машина резко загудела, протестуя насилию. Но хотя выступающие части лифта скрипели по стенкам шахты, неумолимая сила продолжала тащить его наверх. В конце концов

лифт достиг места назначения и замер. Керл сорвал остатки двери и вывалился в коридор. Там его встретили люди с оружием наготове.

— Мы дураки! — сказал Мортон.— Нам следовало бы показать ему, как работает лифт. Он подумал, что мы его обманули.

Он решительно подошел к чудовищу. Гросвенф увидел, как дикий огонь исчез из угольно-черных глаз чудовища, когда Мортон несколько раз открыл и закрыл дверцу ближайшего лифта. Урок закончился, и Керл направился в примыкавшую к коридору огромную комнату. Там он разлегся на покрытом ковром полу и утихомирил электрическое напряжение нервов и мускулов. Керл был страшно зол на себя за выказанный им страх. Ему казалось, что спокойное и мирное поведение было бы ему выгоднее и дало бы ему преимущества. Его злобное поведение в лифте вероятно встревожило и обескуражило их не на шутку.

А это могло помешать задуманному им делу: а задумал Керл захватить корабль. На планете, с которой явились эти существа, наверняка было неограниченное количество идов.

Керл не моргая смотрел, как двое людей оттаскивают обломки валунов от металлической двери огромного старого здания. Эти существа снова надели скафандры и вышли с ним из корабля. Куда бы он не посмотрел, всюду были они. Керл решил, что люди изучают мертвый город. Его собственные интересы полностью сосредоточились на еде. Каждая клетка его огромного тела требовала идов. Это страшное желание отдавалось во всех его мышцах, а сознание затуманивалось одним — броситься за людьми, которые углубились в город. Один из них вообще ушел без спутников.

Во время ленча пришельцы предлагали ему поесть с ними, но их еда ему не подходила. Очевидно, они не могли догадаться, что он ест живых существ, мертвечина ему была отвратительна. Иды в основном были не субстанцией, а формой субстанции, и получить их можно было лишь из ткани, в которой еще теплился огонек жизни.

Шли минуты, проходили часы, а Керл по-прежнему сдерживал себя. Он лежал, наблюдая за действиями инопланетян, и прекрасно знал, что людям известно о том, что он наблюдает за ними. Они спустили с корабля машину и установили ее перед валуном, преградившим путь ко входу в здание. То напряженное состояние, в котором он находился, давало ему возможность отмечать все их движения. Хотя голод и был для него нескончаемой пыткой, он четко отмечал все их действия. Он отметил необычную машину и оценил простоту управления ею.

Он знал, что случится, когда пламя раскалит твердую глыбу, но сделал вид, что испугался, когда это произошло, и, отскочив в сторону, свирепо зарычал.

Гросвенф наблюдал за ним с борта маленького патрульного корабля. Он добровольно взялся следить за Керлом. Больше ему нечем было заняться. Никто не ощущал потребности в работе на борту «Космической Гончей» нексиалиста. Пока он

следил за зверем, путь к двери расчистили. К ней направились директор Мортон с еще одним членом экспедиции. Они вошли внутрь здания и исчезли. Их голоса сразу же зазвучали в приемнике Гросвенфа. Первым заговорил спутник директора:

— Все разбито... Вероятно, тут шла война. Но вот сохранились останки каких-то машин. Они выполнены из вторичного вещества. Хотел бы я знать, как они конструировались и управлялись!

— Мне не совсем ясно, что вы имеете в виду,— заметил Мортон.

— Дело в том, что все эти механизмы были они инструментами или орудиями, оснащены трансформаторами для получения энергии, ее преобразования и использования. А где силовая установка? Надеюсь, что в библиотеке мы найдем литературу, которая разъяснит нам эту загадку. Ясно одно — здесь существовала цивилизация. Многое я бы отдал, чтобы узнать, что сгубило ее.

В приемнике послышался голос психолога:

— Это Сидл... Я слышал о чем вы говорите, мистер Пеннос. По-моему эту планету могла сгубить страшная война. Не исключено также, что все население ее вымерло, оставшись без еды. Съели все съестные запасы, а новых не завезли.

Гросвенф обрадовался тому, что Сидл назвал спутника Мортона по фамилии — к его коллекции добавился еще один голос. Пеннос был главой инженерного отсека корабля.

— Однако, дорогой психолог,— проговорил Пеннос,— их наука должна была помочь им разрешить проблему питания, хотя бы для части населения. А если нет, то почему бы им не развивать область космических полетов с тем, чтобы отправиться в поисках пищи куда-то еще?

— Спросите у Гюнли Лестера,— послышался голос директора Мортона.— Мне говорили, что у него есть гипотеза относительно тех, кто заселял эти места.

Астроном отозвался после первого же вызова.

— Нужно еще как следует проверить все расчеты. Но один из них, думаю, вы со мной согласитесь, говорит сам за себя. Сей отдаленный мир состоит всего лишь из одной планеты, вращающейся вокруг этого несчастного солнца. И больше ничего: ни луны, ни даже планетоида. А ближайшая система находится на расстоянии девятиста световых лет. Так что перед господствующей расой этой планеты стояла ужасающе сложная проблема: здесь не могли быть первоначально межпланетные перелеты — сразу надо было совершать межзвездный полет. Вспомним для сравнения, каким медленным было у нас на Земле развитие в этой области. Вначале мы достигли Луны, потом начали полеты к планетам. Каждый успех вел к следующему, и после долгих лет был совершен длительный перелет к ближайшей звезде. И, наконец, человеку удалось изобрести антиускоритель, который позволил совершить межгалактический перелет. Я сомневаюсь, чтобы какой-то расе удалось сразу перескочить из одной звездной системы в другую, не накопив предварительного опыта.

Астроном продолжал говорить, но Гросвенф его уже не слы-

шал. Он смотрел туда, где только что видел огромного кота. Однако животное исчезло. Он тихо выругался, рассердившись на себя за то, что упустил его из виду, и стал метаться по суденышку, выглядывая в иллюминаторы. Но вокруг были развалины и, куда бы он не посмотрел, его взгляд упирался в стену. Он сошел и стал расспрашивать о коте возившихся у корабля техников. Они ответили, что видели кота минут двадцать назад. Обескураженный Гросвенф влез в свою спасательную шлюпку и полетел над городом.

Незадолго до этого Керл рыскал по городу в поисках укрытия. Он приблизился к группе людей — этот напряженный сгусток энергии, нервный и больной от голода. Подкатила маленькая машина, остановилась перед ним и зажужжала, делая его фотоснимки. Это была фотокамера. Гигантская дробильная машина нависла над каменистым холмом, готовая действовать. Сознание Керла отвлекали появившиеся неведомо откуда механизмы. Он осторожно наблюдал за ними. И вдруг он увидел человека, который шел по мертвому городу один. Керл устремился за ним.

Он внезапно потерял над собой контроль. Его пасть наполнилась зеленой слюной. Он метнулся за каменистую насыпь и помчался со всех ног. Керл несся огромными плавными скачками. Было забыто все, кроме одного единственного желания, как будто некая магическая щетка, стирающая память, прошлась по его сознанию. Он пролетел по пустынным улицам, срезая путь с помощью проломов в тронутых временем стенах. Затем он перешел на неторопливый бег — его усики-уши уловили вибрацию идов.

Наконец он остановился и стал пристально вглядываться из-за каменных глыб. Двуногое существо стояло возле проема, который раньше был окном, направляя в темноту луч фонарика. Фонарик щелкнул и погас. Сильный, приземистый человек мягко шагнул назад и тревожно посмотрел по сторонам. Керлу не понравилась его тревога. Он почувствовал, что пришелец ожидает опасность и готов встретить ее. Это осложняло его задачу.

Керл подождал, пока человек не исчез за углом, и вышел из своего укрытия. Как призрак, он скользнул по боковой улице мимо длинного квартала с разрушенными зданиями. Затем он свернул, перепрыгнул открытое пространство, лег на живот и вполз в сумрачное отверстие между домом и грудой развалин. Улица представляла собой неширокий проход между двумя рядами разбросанных камней. Керл достиг ее конца и остановился на секунду, обдумывая, что делать дальше.

Он стал недостаточно осторожным. Впереди был обрыв, и он увидел внизу человека. Керл испугался, когда от его ноги туда, где стоял человек, покатился по склону небольшой камень. Человек вздрогнул и взглянул наверх. На лице его появилась настороженность, он схватился за оружие. Керл метнулся вперед и ударил по светящемуся прозрачному колпаку. Послышался хруст разламываемого металла, и хлынула кровь. Человек наклонился, будто его согнули. Потом он рухнул. Лязгнул металл космического костюма.

Керл ринулся на свою жертву. Он уже создал поле, которое должно было помешать идам смешаться в потоке крови. Он

молниеносно раздробил металл скафандра. Хрустнули размалываемые кости. И крошечные чашечки-присоски начали вытягивать идов из клеток человеческой плоти. Забыв обо всем, зверь наслаждался трапезой, потом по его глазам пробежала тень. Насторожившись, он посмотрел вверх и заметил маленькую машину, летевшую к нему со стороны заходящего солнца. На мгновение Керл оцепенел, потом быстро скользнул под каменные обломки.

Когда он снова глянул вверх, крошечное суденышко лениво уплывало влево. Но оно летело кругами, и Керл понимал, что скоро оно вернется к нему. Доведенный почти до исступления тем, что его оторвали от пиршества, Керл все же бросил свою добычу и помчался обратно к кораблю. Он стремительно летел, и замедлил ход лишь тогда, когда обнаружил первую группу людей, занятых работами. Он осторожно приблизился к ним. Все они были заняты, и он смог проскользнуть мимо незамеченным.

Гросвенф уже и не надеялся разыскать чудовище. Город был велик. Руины мешали видеть далеко вперед. В конце концов он направился к кораблю и с облегчением вздохнул, обнаружив животное, удобно растянувшееся под солнцем на валуне. Гросвенф осторожно посадил машину на возвышение позади чудовища. А двадцать минут спустя группа людей наткнулась на истерзанное тело химика Денервея. Люди сообщили об этой трагедии на корабль.

Гросвенф сразу же полетел туда. По приемнику он услышал голос Мортона:

— Перенести останки на корабль.

Друзья Денервея были уже там и стояли вокруг в тревожной тишине.

Гросвенф посмотрел вниз на месиво человеческого мяса и окровавленный металл, ощутив, как сжалось его горло. Он слышал слова Кента:

— Черт побери, и нужно же ему было пойти одному!

Голос главы химического отдела звучал хрипло.

Гросвенф вспомнил о том, что Кент и его старший заместитель Денервей были добрыми друзьями. По всей вероятности, кто-то еще говорил, потому что Кент ответил:

— Да, будем делать вскрытие.

Гросвенф подумал, что надо настроиться на их волну. Он тронул за плечо стоящего рядом и попросил:

— Не возражаете, если я через вас послушаю химиков?

— Давайте.

Гросвенф слегка прижал пальцы к его руке и услышал, как дрожащий голос говорил:

— Хуже всего, что убийство выглядит совершенно бессмысленным. Тело просто раздробили.

В разговор вмешался биолог Скит. Его длинное лицо выглядело мрачно.

— Убийца напал на Денервея, чтобы его съесть, но потом

обнаружил, что мясо человека для него несъедобно. Не работа ли это кота-великана. Он достаточно велик и силен для того, чтобы совершить такое.

— Эта мысль пришла в голову многим из нас,— промолвил Мортон, слушавший разговор.— В конце концов, это единственное живое существо, которое мы тут нашли. Но мы не можем расправиться с ним по одному лишь подозрению.

— Кроме того,— заметил один из мужчин,— он был все время перед нами.

Прежде чем Гросвенф успел заговорить, послышался голос психолога Сидла:

— Мортон, я беседовал со многими людьми и вот что выяснил: их первое чувство таково, что зверь ни разу не исчезал из поля зрения, но, поразмыслив немного, все они пришли к выводу, что на несколько минут все-таки исчезал. У меня тоже сложилось впечатление, что он все время был поблизости. Но по-моему в какой-то момент он исчез. Да, да, это совершенно точно.

Гросвенф промолчал. Именно это он и хотел сказать, но опоздал.

Молчание нарушил Кент, который яростно крикнул:

— Я считаю, что нечего разводить пустые разговоры. Нужно прикончить чудовище, раз у нас есть подозрение. Сделать это нужно немедленно, пока оно не наделало еще больших бед.

— Корита, вы далеко? — осведомился Мортон.

— Возле тела, директор.

— Корита, вы изучали город вместе с Кранесси и Ван Хорном. Как вы считаете, может быть этот кот потомок тех, кто населял эту планету?

Высокий японец медленно и задумчиво проговорил:

— Директор Мортон, тут есть какая-то тайна. Посмотрите на эту удивительную линию небосвода. Обратите внимание на контуры архитектурных сооружений. Эти люди были близки к землянам. Здания не просто украшены, у них есть свой стиль. Есть эквиваленты греческой колонне, мы видели большой собор в готическом стиле, чтобы его создать нужно было быть верующим. Тот, кто здесь жил, любил эту планету. И определенно создания эти обладали высокой духовностью. Они знали секреты красоты. Их строения говорят об этом. Машины этого народа доказывают, что он был математиком, но прежде всего он был художником. В архитектуре он не пошел по пути холодной геометрии, хотя мог это сделать. В оформлении домов кроется непринужденность гения, глубокое, радостное восприятие мира, усиленное непоколебимой верой в божественное. Это не наша стареющая цивилизация, а культура юная и энергичная, уверенная в себе и сильная знанием своей конечной цели. А потом все внезапно кончилось, как будто на определенной стадии эта культура пережила великую битву и рухнула, как бывшая Мухаммедианская цивилизация. Возможно, миновав столетия процветания, она вступила в период борьбы. Как бы там ни было, у нас нет сведений ни об одной культуре во Вселенной, сделавшей такой

резкий скачок. Преобразования всегда происходят медленно. И первый этап на пути к распаду — подвержение безжалостному сомнению всего, что когда-то было свято. Должны были существовать внутренние противоречия. Бесспорные прежде убеждения подвергаются жестокой критике со стороны ученых и аналитиков. Скептики становятся главными людьми общества. Но эта культура, я бы сказал, прекратила свое существование внезапно, в цветущем возрасте. Социологической бомбой для подобной катастрофы должен был быть конец всей морали, взрыв жесточайшей преступности, разрушение всех идеалов. Должно было возникнуть полнейшее бессердечие. Если этот... кот — потомок подобной расы, тогда он может быть лукавой натурой, ночным врагом, хладнокровным убийцей, который ради одного зернышка может перерезать горло собственному брату.

— Довольно! — отрывисто прозвучал голос Кента.— Директор, я намерен действовать самым решительным способом.

Его резко прервал Скит:

— Я категорически возражаю! Послушайте, Мортон, мы не должны убивать кота, даже если он и виновен. Это биологическая находка, для нас она может оказаться счастливой, несмотря на несчастье.

Кент и Скит сердито уставились друг на друга.

— Дорогой мой Кент,— внушительно и веско проговорил Скит,— я буду доволен, если вы в своем химическом отделе будете иметь счастье сделать химический анализ крови этой зверюги. Но я должен, к сожалению, сообщить вам о том, что вы торопитесь с выводами. Нам, в биологическом отделе, он необходим живым, а не мертвым. И у меня есть такое предчувствие, что физики тоже захотят заняться им живым. Так что боюсь, что вы будете последним в списке. И примиритесь, пожалуйста, с этой мелочью. Вы сможете заняться им через год, но никак не раньше.

— Я смотрю на это дело не с научной точки зрения,— угрюмо возразил Кент.

— А следовало бы... Ведь Денервей мертв и для него ничего нельзя сделать.

— Я — человек, а уж потом ученый,— хрипло сказал Кент.

— И ради удовлетворения эмоций вы готовы уничтожить столь ценный экспонат?

— Я хочу прикончить это существо, потому что оно опасно. Мы не можем подвергать риску остальных.

Конец дискуссии положил Мортон, который задумчиво произнес:

— Корита, я готов принять вашу теорию в качестве рабочей гипотезы, но у меня есть вопрос. Возможно ли, чтобы культура на этой планете развилась позднее нашей.

— Такое не исключено,— сказал Корита.— Она может быть серединой десятой цивилизации этого мира, в то время, как наша, насколько нам это удалось выяснить, является концом восьмого скачка от Земли. Каждая из десяти, конечно, была построена на обломках предыдущей.

— В таком случае, скептицизм, разрушивший общество, здесь

дошел до крайности. И это чудовище знает о нем больше нас с вами.

— Нет, для него это было бы откровением.

Приемник донес угрюмый смешок Мортона, который заявил:

— Исполните свое желание, Скит. Мы отдадим вам кота живым. И если существует риск, теперь нам о нем известно, так что будем бдительными. Есть, конечно, вероятность того, что совершаем ошибку. У меня, как и у Сидла, сложилось впечатление, что существо все время находилось поблизости. Вполне возможно, что мы к нему несправедливы. На этой планете могут находиться и другие опасные обитатели. Кент, каковы ваши планы насчет Денервея?

Глава химического отдела с горечью произнес:

— Поспешных похорон не будет. Проклятый кот чего-то хотел от тела. Похоже на то, что все на месте, но что-то наверняка исчезло. Я собираюсь выяснить, что именно, и прижать этого убийцу к стенке, чтобы все убедились, что убийца именно он.

Вернувшись на корабль, Эллиот Гросвенф направился в свой отдел. Табличка на двери гласила: «Специалист по нексиализму». За ней находились пять комнат, а все помещение было размером сорок на восемьдесят футов. Большая часть машин и инструментов, о которых «Нексиальное объединение» просило правительство, было установлено. В результате, в комнатах было тесновато. Гросвенф был хозяином этого уголка на корабле.

Он поудобнее устроился за письменным столом и принялся составлять письменное сообщение Мортону. Сначала он описал физическое строение котообразного обитателя этой холодной и отдаленной планеты... Он указал на то, что такое развитое чудовище нельзя рассматривать только как биологическую ценность. Такое отношение к экзотическому тигру опасно. Оно может заставить людей забыть, что существо может иметь свои собственные планы, базирующиеся на нечеловеческом метаболизме.

— У нас теперь достаточно фактов,— стал диктовать он на магнитофон,— чтобы проделать то, что нексиалисты называют «утверждением направления».

Ему необходимо было изложить свою точку зрения. Он отнес свою записку в отдел стенографии и попросил немедленно ее обработать. Как глава отдела он пользовался привилегией обслуживания. Через два часа он доставил отчет в офис Мортона. Младший секретарь выдал ему расписку. Убежденный, что сделал все, что мог, Гросвенф отправился пообедать. Потом он осведомился у официанта, где кот?

Официант не был уверен, но полагал, что животное в главной библиотеке.

В течение часа Гросвенф сидел в библиотеке, наблюдая за Керлом. Все это время существо лежало, растянувшись на толстом ковре и ни разу не переменило положения. Через час одна из дверей открылась, и в комнату, таща огромную чашу,

вошли двое мужчин. За ними шел Кент. Глаза химика пылали лихорадочным огнем. Он остановился посреди комнаты и произнес усталым, но громким голосом:

— Я хочу, чтобы вы все это видели.

Хотя его слова подразумевали всех тех, кто находился в комнате, он, в основном, имел в виду группу ученых, сидевших в специально отведенной секции. Гросвенф встал и посмотрел, что находится в принесенной чаше. Там содержалось какое-то коричневое варево.

Биолог Скит тоже поднялся со своего места.

— Минутку, Кент. В другое время я не стал бы подвергать сомнению ваши действия. Но вы переутомились и у вас больной вид. Вы получили разрешение Мортона на эксперимент?

Кент не спеша повернулся к Скиту, и Гросвенф, снова занявший свое место, увидел, что слова Скита лишь частично отражали суть. Под глазами шефа химического отдела темнели синяки. Щеки его ввалились.

— Я просил директора прийти сюда,— сообщил Кент,— но он отказался присутствовать. Он считает, что, если это существо добровольно сделает то, что я хочу, это не принесет никакого вреда.

— Что у вас там? — поинтересовался Скит.— Что в чане?

— Я обнаружил исчезнувший элемент. Это калий. В теле Денервея осталось только две трети или три четверти от нормального количества калия. Вам известно, что калий во взаимодействии с большой молекулой протеина является основой для электрического заряда клетки. Это основа жизни. Обычно после смерти клетки высвобождают содержащийся в них калий в кровяной поток, отравляя его. Я доказал, что некоторое количество калия исчезло из клеток тела Денервея, но в кровь он не попал. Полная картина еще не ясна, но я намерен ее проявить.

— А при чем тут чан с едой? — прервал его кто-то.

Люди оставили книги, журналы и с интересом ожидали, что будет дальше.

— В еде живые клетки, содержащие калий. Как вам известно, мы можем создавать их искусственно. Может быть, именно из-за этого чудовище отвергало во время ленча нашу пищу. Его не устраивает форма входящего в нее калия. Моя идея такова, что он использует свое обоняние, или что-то там имеющееся у него вместо обоняния...

— Думаю, нечто связанное с вибрацией,— вмешался Гурлей.— Иногда, когда он покачивает этими усиками, мои приборы демонстрируют отдельную и очень мощную помеху, а потом снова ничего. Моя версия такова, что его движения направлены вверх и вниз по шкале колебаний. Похоже на то, что он излучает колебания по своей воле. И я думаю, что частоту колебаний создают не сами усики.

Кент с очевидным нетерпением дождался конца выступления Гурлея и заговорил сам:

— Отлично... Итак, его ощущения связаны с вибрацией. Мы сможем решить, что вызвало его реакцию на данную вибра-

цию, когда он начнет реагировать... А что вы думаете, Скит? — более мягко произнес химик.

— В вашем плане имеются три ошибки,— ответил биолог.— Во-первых, вы, кажется, забыли, что он мог объесться, пообедав Денервеем, если он это сделал. Кроме того, вы, наверное, думаете, что у него не возникнут подозрения. Вы считаете... Ладно, устанавливайте ваш чан. Может, его реакция на это что-нибудь нам подскажет.

Несмотря на все споры, эксперимент Кента обещал быть интересным. Существо уже доказало, что внезапные стимуляторы способны подтолкнуть его на самые решительные действия. Его реакцию на ограниченное пространство в лифте никак нельзя было списывать со счета. Так считал Гросвенф.

Керл уставился на людей, ставивших перед ним чан. Они быстро отошли, а Кент шагнул вперед. Керл узнал в нем человека, доставшего утром оружие. Несколько минут он наблюдал за этим двуногим существом, потом его внимание переключилось на чан. Его усики уловили волнующее излучение идов. Оно было слабым, таким слабым, что оставалось для него незамеченным, пока он полностью на нем не сосредоточился. Иды содержались в жидкости в такой концентрации, которая была для него неприемлемой. Но все же вибрация была достаточно сильной, чтобы указать на причину происходящего. Керл с рычанием поднялся. Он схватил чан чашечками-присосками, которые располагались на конце одного, изгибающегося дугой, шупальца и выплеснул его содержимое в лицо Кента, который с воплем отпрыгнул назад.

Яростно вытирая испачканное лицо, Кент схватился за оружие. Его дуло уставилось в массивную голову Керла и из него вырвался луч белого цвета.

Усики-уши Керла зашевелились, сводя на нет энергию оружия.

Гросвенф выкрикнул:

— Стойте! Мы все можем пожалеть о том, что ведем себя, как психи.

Кент опустил оружие и, обернувшись, посмотрел на Гросвенфа осуждающе. Керл лег, ненавидя человека, вынудившего его показать свою способность контролировать внешнюю энергию. Но делать было нечего, он мог лишь с тревогой ожидать последствий. Кент вновь посмотрел на Гросвенфа. На этот раз его глаза зло сузились.

— Какого черта вы тут распоряжаетесь?

Гросвенф промолчал. Он сказал уже все, что думает по этому поводу и достиг своей цели. Психологический кризис миновал.

То, что он сделал, не означало, что ему хотелось уберечь зверя от расправы. Он просто не хотел, чтобы судьбу Керла решал один человек, тем более, что человек этот находился в эмоциональном стрессе. Решение должны принять специалисты.

— Кент,— холодно сказал Сидл,— я не верю в то, что вы действительно потеряли над собой контроль. Вы намеренно пытались прикончить кота, зная, что директор приказал оставить

его живым. Я намерен составить рапорт и требовать, чтобы вас наказали. Вы знаете каким образом. Вы не имеете права заведовать отделом ни своим, ни каким-либо другим.

Мужчины, которые явно сочувствовали Кенту, заволновались. Один из них заявил:

— Оставьте эти глупости, Сидл.

Другой был более циничным.

— Не забудьте, что есть свидетельства не только против Кента, но и за него.

Кент обвел присутствующих угрюмым взглядом.

— Корита был прав, когда говорил о почтенном возрасте нашей цивилизации. Она явно клонится к упадку,— затем он продолжил с дрожью в голосе: — О боже, да неужели тут нет человека, который бы видел весь ужас происходящего? Денервей мертв всего несколько часов. А это существо, вину которого мы все знаем, лежит здесь, свободно, и планирует новое убийство. И жертва его, возможно, находится здесь, в этой комнате. Что же мы за люди? Дураки, циники или упыри? Или наша цивилизация уже дошла до того, что мы можем даже симпатизировать убийце? — Он перевел взгляд на Керла.— Мортон прав. Это не животное. Это дьявол, поднявшийся из глубины ада этой забытой богом планеты.

— Не пытайтесь делать из нас участников мелодрамы,— сухо сказал Сидл.— Ваши выводы лишены психологического анализа. Мы не упыри и не циники. Мы просто ученые, которые должны узнать об этом коте все. Теперь, когда он находится под нашим наблюдением, мы сомневаемся в его способности напасть на кого-нибудь из нас. Один против тысячи — слишком малая вероятность.— Он осмотрелся по сторонам.— Поскольку Мортона здесь нет, я предлагаю проголосовать. Говорил ли я от имени вас всех?

— Только не от моего, Сидл,— это был Скит. Отвечая на удивленный взгляд психолога, он продолжал: — Все произошло так молниеносно. Кент выстрелил из вибратора, луч угодил этому типу в самый центр головы и не причинил никакого вреда! Тут что-то не так.

Изумленный взгляд Сидла метнулся от Скита на Керла и снова на Скита.

— Вы уверены, что он в него попал? Как вы сказали, все произошло так внезапно... Я подумал, что кот остался невредимым, потому что Кент промахнулся.

— Я совершенно уверен, что он попал ему в морду,— заявил Скит.— Вибрационный пистолет, конечно, не может мгновенно убить, но причить вред он должен был. Кот не выказал ничего такого. Он даже не вздрогнул. Я не стану утверждать, что прав на сто процентов, но, принимая во внимание наши сомнения...

Сидл был явно смущен.

— Возможно, его кожа хорошо переносит тепловой удар.

— Возможно, но, в связи с нашими сомнениями, Мортон должен приказать запереть его в клетку.

Пока Сидл хмурился, вновь заговорил Кент:

— Вы, наверное, правы, Скит.

Сидл мгновенно подхватил:

— Так вы согласны, Кент, если мы поместим его в клетку?

Кент подумал и неохотно согласился:

— Да, если только слой стали в четыре дюйма сможет его удержать, можно сделать и так.

Гросвенф, державшийся на заднем плане, вновь промолчал. Он уже высказался по этому поводу в записке Мортону. Этот вариант он считал неподходящим. Нет замка, который не взломает эта сумасшедшая громадина.

Сидл подошел к встроенному в стену коммутатору, тихо с кем-то переговорил и вернулся.

— Директор сказал, что, если мы сможем водворить его в клетку, не применяя насилия, то все в порядке. В противном случае, нужно просто запереть его в любом помещении, куда удастся заманить зверя. Что вы на это скажете?

— В клетку! — заголосили все хором.

Гросвенф подождал, пока установится тишина, и заявил:

— На ночь его нужно выпустить. Он никуда не денется.

Большая часть присутствующих проигнорировала его замечание. Кент посмотрел на него и кисло спросил:

— Вы, кажется, переменили мнение, а? То вы спасаете ему жизнь, то признаете его опасным.

— Он сам спас свою жизнь,— проронил Гросвенф.

Кент отвернулся и пожал плечами.

— Мы поместим его в клетку. Как раз подходящее место для кровожадного убийцы.

— Вопрос решен, но как мы возьмемся за дело? — спросил Сидл.

— Вы твердо решили посадить его в клетку? — уточнил Гросвенф.

Он не ожидал ответа и он его не получил. Эллиот притронулся к кончику щупальца Керла. Щупальце слегка отдернулось, но Гросвенф был настроен решительно. Он снова взялся за щупальце и указал на дверь. Животное немного поколебалось, но потом медленно двинулось.

— Подготовьте помещение для кота,— произнес Гросвенф.

Керл послушно направился вслед за Гросвенфом. Он очутился в квадратной металлической комнате со второй дверью в противоположной стене. Кто-то как раз выходил из нее. Керл попытался было последовать за ним, но дверь захлопнулась перед самым его носом. А за его спиной послышался металлический лязг. Он повернулся и увидел, что входная дверь тоже закрыта. Струя энергии прошла по его телу. Керл все понял, но почувствовал, что не должен показывать это. Он успокоился, хотя сделать это было не просто, хотя бы потому, что зверь понимал разницу между его недолговременным заточением в лифте и этой ловушкой, в которую он попал. Сотни лет вся его энергия была направлена на поиски еды. Теперь в его мозгу ожили воспоминания прошлого. В теле зашевели-

лись давно уже невостребованные силы. Они были разбужены инстинктом, и сознание автоматически использовало их, применяя впустую. Он уселся на задние лапы и с помощью усиков-ушей исследовал энергию того, что его окружало.

Потом он лег. Глаза его выражали презрение. Дураки!

Прошел примерно час, когда он услышал, что человек — это был Скит — возится наверху клетки с каким-то механизмом. Керл насторожился и вскочил. Вначале он подумал, что недооценил этих людишек, и что они собираются его прикончить. Керл рассчитывал на то, что ему дадут время, и он сможет осуществить задуманное.

Опасность застала его врасплох. А когда он ощутил радиацию, источник которой находился гораздо ниже видимого уровня, он собрал все силы, чтобы предотвратить нападение. Прошло несколько секунд, прежде чем он понял происходящее. Кто-то снимал его на пленку. Через некоторое время люди ушли. Вскоре снова послышался шум. Керл терпеливо ждал, пока корабль не успокоится. Но вот на корабле наступил час отдыха. Давным-давно, еще до того, как Керлы достигли относительного бессмертия, они тоже спали по ночам. Наблюдая в библиотеке за дремлющими людьми, он вспомнил эту утраченную привычку.

Не замирал лишь один звук. Еще долго после того, как корабль погрузился в сон, он слышал шорох в отдаленном отсеке. Кто-то там ходил. Самым неприятным было то, что ходили два человека. И находились они в разных местах. Вначале слышались одни шаги, затем другие. Сторожей разделяли метров тридцать.

Керл позволил им прошагать так несколько раз, все время вычисляя, сколько времени у них это занимает. Наконец, все выяснил и дал людям возможность завершить еще один круг обхода. Как только он был закончен, зверь переключил свои чувства на вибрацию, создаваемую человеческими существами, к вибрации более высокого ранга. Пульсация мощного реактора в машинном отделении отдавалась в его нервной системе запинающейся речью. Электродинамомашины бойко забарабанили песню о своей силе. Керл чувствовал, как этот поток вливается в него сквозь вмонтированную в стене его клетки систему проводов и сквозь электрическое запирающее устройство в его двери. Он заставил свое вибрирующее тело застыть в напряженной неподвижности, пытаясь в то же время влиться в этот свистящий шквал энергии. Его усики завибрировали в лад с ним.

Раздался резкий металлический щелчок. Сильным движением одного из щупалец Керл толкнул дверь, и она сама отворилась. Он очутился в коридоре. Мгновение он испытывал вернувшееся чувство презрения и превосходства над этими существами. Глупые, как они могли осмелиться воевать с ним. Он вспомнил о том, что на этой планете существуют и другие керлы. Мысль была странной и необычной. Раньше он ненавидел и боролся с ними. Но теперь он ощутил эту маленькую исчезающую группу своим кланом. Если бы им был дан шанс к размножению, никто, а уж меньше всего эти людишки, не мог бы им противостоять.

Раздумывая об этой возможности, внезапно он ощутил, как давит на него одиночество, ограниченность вариантов. Нарождалась потребность в других керлах — он один против тысячи, а затем — вся Вселенная— Звездный мир будоражил его хищные, ненасытные устремления. Если он проиграет — другого случая не представится! В лишенном пищи мире для него не будет возможности разрешить тайну путешествий в пространстве. Даже Строители не смогли оторваться от своей планеты.

Керл пробежал через большой салон в отходящий от него коридор. Тут он очутился перед дверью в первую спальню. Она была заперта на электрический замок, но он бесшумно открыл ее. Он проскользнул внутрь и нанес точный удар по горлу спящего человека. Безжизненная голова отлетела прочь. Тело дернулось и полилась кровь. Излучения идов, испускаемые телом, едва не захватили его, но он заставил себя двинуться дальше.

Семь спален, семь трупов без головы. Потом он тихо вернулся в клетку и запер за собой дверь. Он выверил время с микроскопической точностью. Сейчас охрана, как и должно было быть, прошла мимо, заглянула в аудиоскоп и продолжала свой путь. Керл ринулся во второй набег и в течение нескольких минут опустошил еще четыре спальни. Он убивал мгновенно, все время помня о моменте, когда ему нужно было возвращаться в клетку. Но возможность уничтожить такое количество людей затуманило его сознание. Более чем тысячу лет он уничтожал все формы живого, которые мог уничтожить. Даже самые примитивные, которые могли дать ему не больше одного ида. И никогда он не чувствовал необходимости сдерживаться. Он прошел через комнату, как большой кот, тихий кот, несущий смерть. Пьяный от своей чудовищной охоты, он отрезвел только тогда, когда все спавшие в этой комнате оказались мертвы. Отрезвел и понял, что превысил свое время. Непоправимость ошибки он осознал слишком поздно. Он собирался поработать всю ночь, чтобы уничтожить всех спящих на корабле. Но каждый смертоносный рейс должен был заканчиваться так, чтобы он успевал вернуться в свою тюрьму и быть там, когда охранники будут смотреть на него, завершая очередной круг. Теперь же надежда овладеть этим кораблем-монстром за одну ночь была разрушена.

Керл потерял остатки разума. Не заботясь теперь ни о чем, он шумно промчался по салону и влетел в тот коридор, где стояла клетка. Тело его напряглось, ожидая энергии бластера, слишком сильной, чтобы он мог с нею справиться.

Двое охранников стояли рядом, бок о бок. Было очевидно, что они только сейчас обнаружили открытую дверь. Они одновременно подняли головы и застыли, парализованные кошмарным видением когтей и щупалец, чудовищной головы кота с горящими ненавистью глазами. Один из них схватился за бластер, но слишком поздно. Другой же был психологически сломлен неизбежностью смерти. Он испустил дикий вопль. Жуткий звук понесся по коридору, будя спящих людей. Звук перешел в холодящее душу всхлипывание, когда Керл одним неуловимым движением отправил

оба тела в противоположный конец коридора. Он не хотел, чтобы трупы были найдены возле клетки. Это была его единственная надежда.

В отчаянии, понимая свою ошибку, не способный связно думать, он ринулся в свою тюрьму. Дверь за ним мягко захлопнулась. Сильный поток энергии вновь хлынул в запирающее устройство. Керл скорчился на полу и, слыша топот многих ног и гул испуганных голосов, притворился спящим. Он почувствует, если кто-нибудь заглянет в аудиоскоп. Самый напряженный момент наступит, когда будут обнаружены остальные трупы.

Он приготовился к величайшей в его жизни битве.

— Нет больше Шивера! — услышал Гросвенф голос Мортона.— Что мы будем делать без Шивера? Без Бекендриша? Без Культора? О, ужас!

Коридор был забит людьми. Гросвенф, пришедший с опозданием, стоял за спинами других. Дважды он пытался пробиться поближе к центру, но был немедленно оттеснен. Ему преграждали путь, даже не заинтересовавшись, кто он такой. Гросвенф оставил бесплодные попытки. Директор обвел толпу мрачным взглядом. Его подбородок, казалось, выдавался больше обычного.

— Если у кого имеются соображения, выкладывайте! — заговорил Мортон снова.

— Космическое сумасшествие!

Это предположение подействовало на Гросвенфа раздражающе. Ничего не значащая фраза, все еще бывшая в ходу после многих лет космических путешествий. Тот факт, что человек заболевал в пространстве от одиночества, страха и напряжения, еще не говорил о специфическом заболевании. В длительном путешествии, подобном этому, возникали непредвиденные ситуации — и это была одна из причин его пребывания на борту. Были и массовые психические расстройства. В данном случае не болезнь людей стала причиной их смерти.

Мортон колебался. Видимо и ему подобный диагноз показался бредом шизофреника. Но время для споров было неподходящим. Эти люди были чрезвычайно напуганы. Они жаждали действий, они должны были быть уверенными, что приняты меры. Именно в такие моменты директоры экспедиций, командиры и завы теряют доверие своих подчиненных, если не действуют решительно. Гросвенфу показалось, что Мортон думает именно об этом, настолько осторожно он подбирал слова.

— Мы обсудим,— сказал директор.— Доктор Эгерт и его помощники, конечно же, всех осмотрят. А сейчас они осматривают трупы.

Звучный баритон сказал в самое ухо Гросвенфа:

— Я уже здесь, Мортон. А нельзя ли мне к вам пройти? Велите этим людям пропустить меня.

Гросвенф повернулся и узнал доктора Эгерта.

Люди уже сами расступались перед ним, и Эгерт нырнул вперед. Безо всяких колебаний за ним пошел Гросвенф. Как

он и ожидал, все решили, что он с доктором. Когда они очутились рядом с Мортоном, доктор Эгерт проговорил:

— Я слышал ваши слова, Мортон, и могу вам сразу заявить, что история с космическим сумасшествием не годится. Этим несчастным перерубили глотки чем-то таким, на что была нужна сила десятерых. У бедняг не было возможности даже вскрикнуть.— Эгерт помолчал, потом медленно произнес: — А где сейчас кот, Мортон?

Директор качнул головой.

— Киска в своей клетке, доктор, она расхаживает как ни в чем не бывало. Я бы хотел узнать мнение специалистов. Можем ли мы подозревать кота? Ведь клетка построена с таким расчетом, что может удержать четырех чудовищ в четыре раза больше, чем он. В его причастность ко всему этому трудно поверить, если только речь не идет о силе, превосходящей все наши представления.

Скит мрачно заявил:

— Мортон, у нас есть все необходимые свидетельства. Мне не хочется об этом говорить, вы ведь знаете, что я предпочел бы, чтобы кот остался в живых. Но я направил на него телекамеру и попытался сделать несколько снимков. Все они оказались пустыми. Вспомните, что сказал Гурлей. Это существо может, вероятно, посылать и получать колебания всех длин волн. Он справился с излучателем Кента, и это лишний раз подтверждает, что он обладает уникальной способностью управлять потоками энергии.

Кто-то недовольно проворчал:

— Какого черта мы с ним валандаемся? Ведь если он контролирует энергию и посылает волны любой длины, ему ничего не стоит убить всех нас.

— Но этого не произошло. А раз так — значит он не всемогущ.

Мортон направился к механизму, контролировавшему клетку.

— Вы не должны открывать дверь! — завопил Кент, хватаясь за бластер.

— Я и не открою. Но если я опущу рубильник, ток пойдет по металлическому полу и убьет все, что есть в клетке живое. Мы снабдили этим устройством все клетки из предосторожности.

Он отворил специальное устройство и опустил рубильник. Какое-то время прибор работал на полную мощность. Потом металл вспыхнул голубым светом. Предохранители над головой Мортона сделались черными. Мортон потянулся, вытянул один из патрона и, осмотрев, нахмурился.

— Странно, с ним ничего не должно было случиться! — он покачал головой.— Теперь мы не сможем заглянуть в клетку. Это вывело из строя даже радио.

— Если зверь управляет электричеством так, что может открыть дверь, запертую на электрозатвор, то он, вероятно, учел возможность токового удара и готов был противостоять этой опасности, когда вы опустили рубильник,— заметил Скит.

— По крайней мере, это доказывает, что кот не чувстви-

телен к нашей энергии,— мрачно заметил Мортон.— Ведь она прошла через него совершенно безболезненно. Хорошо, что он заперт за слоем плотнейшего металла в четыре дюйма толщиной. В случае чего, мы можем открыть дверь и испытать на нем действие бластеров. Но вначале нам следует попытаться послать ему электрические заряды, пропущенные через мощный телефлюарный кабель.

Его слова прервал донесшийся из клетки звук. Тяжелое тело ударилось о стену. За этим последовала серия таких оглушительных звуков, как будто на пол низвергнули целую кучу предметов. Гросвенф мысленно сравнил это с грохотом лавины.

— Он знает, что мы пытаемся сделать,— сказал Скит Мортону.— И, держу пари, это киске совсем не по душе. Кот свалял дурака, вернувшись в клетку, и теперь понял это!

Общее напряжение спало. Мортон нервно улыбнулся. Кто-то даже хмыкнул, почувствовав себя в безопасности. Гросвенф же насторожился. Ему не понравились звуки, которые он услышал. Слух — самый обманчивый из всех чувств. Невозможно проверить, что на самом деле происходит в клетке.

— Я бы очень хотел знать,— сказал главный инженер Пеннос,— почему показания телефлюарно-измерительной шкалы подскочили и заколебались на высшей цифре, когда кот стал шуметь? Шкала у меня перед глазами, и я силюсь понять, что там происходит?

И в клетке, и вне ее наступила тишина. Неожиданно за спиной Скита послышался шум, и появился капитан Лич с двумя офицерами в военной форме. Командир, жилистый пятидесятилетний мужчина, предложил:

— Думаю, мне следует поставить тут пост. Кажется, между учеными возник спор: убивать чудище или нет... это правда?

Мортон качнул головой.

— Спорить уже не о чем. Мы пришли к единому мнению, что кота следует уничтожить.

— Я собираюсь отдать приказ именно об этом,— кивнул Лич.— Я убежден в том, что безопасность корабля под угрозой, а это уже моя область.— Он возвысил голос: — Освободите место! Подайтесь назад!

Понадобилось несколько минут на то, чтобы оттеснить народ. Гросвенф был раздражен толпой и был рад, что людей попросили разойтись. Если бы чудовище неожиданно выскочило, в холле возникла бы паника, а это чревато самыми печальными последствиями. Такая опасность полностью не исчезла и сейчас, но все же заметно уменьшилась.

— Смешно! — раздался чей-то возглас.— Можно подумать, что корабль вот-вот взлетит.

Гросвенф ощутил то же самое. Большой корабль дрожал, как будто приходил в себя после долгой спячки.

— Пеннос, кто в аппаратной?! — резко спросил капитан Лич.

Главный инженер побледнел.

— Мой заместитель и его помощники. Но я не понимаю, как они...

Толчок! Корабль накренился, угрожая свалиться на бок. Жесткая сила швырнула Гросвенфа на пол. Он отключился, но опасность быстро вернула ему сознание. Вокруг него распластались все, кто был рядом. Люди стонали. Директор Мортон что-то приказывал, но Гросвенф ничего не слышал. Капитан Лич с трудом поднялся. Он ругался. Гросвенф услышал, как капитан в ярости завопил:

— Какая дрянь включила двигатели?

Ускорение продолжало нарастать. Величина его была уже не менее пяти-шести гравитонов. Страшная сила сотрясала корабль. Гросвенф с трудом поднялся. Кое-как он добрался до ближайшего коммуникатора и набрал номер аппаратной, не особенно надеясь на то, что связь действует. За его спиной кто-то кричал. Гросвенф изумленно оглянулся. Директор Мортон вцепился в его плечо и завопил:

— Это кот! Он в аппаратной! И мы взлетаем в космос!

Экран был пустым, а давление силы тяжести все не уменьшалось. Гросвенф с трудом добрался до двери салона и выбрался во второй коридор. Там, в кладовой, как он помнил, находились скафандры. Гросвенфа опередил капитан Лич, который уже пытался влезть в скафандр. Наконец, капитан справился с этим делом и теперь манипулировал с антигравитационным приспособлением. После этого он помог облачиться в скафандр Гросвенфу. Уже через минуту Гросвенф уменьшил гравитационность скафандра до одного гравитона и с облегчением вздохнул. Теперь их было двое, а вскоре стали подходить и другие. Понадобилось всего несколько минут на то, чтобы истощился запас скафандров в этой кладовой. Недостающие скафандры принесли с нижнего этажа. Их надевали на себя ученые и члены экипажа. Капитан Лич быстро куда-то исчез, и Гросвенф, гадая, какой же следующий шаг предпринять, заторопился к клетке, в которой раньше был заперт кот. Он нашел там ученых, сгрудившихся вокруг двери, которую только что открыли.

Гросвенф пробрался вперед и заглянул через плечи тех, кто находился ближе к двери. В задней стенке зияла дыра. Она была так велика, что в нее могли пролезть пять человек одновременно. Металл прогнулся и был испещрен по краям многочисленными зазубринами. Отверстие выходило в другой коридор.

— Я готов поклясться,— прошептал Пеннос сквозь незакрытый колпак скафандра,— что это невозможно. Один удар десятитонного механического молота сможет оставить на стене из микростали лишь зазубрину в четверть дюйма глубиной. А ведь мы слышали только один удар. Автоматическому дезинтегратору понадобится для такой работы не меньше минуты, но после этого вся территория была бы отравлена радиоактивными элементами, по крайней мере, на несколько недель. Мортон, это — с у п е р с у щ е с т в о!

Мортон ничего не ответил. Гросвенф заметил, что Скит изучает пролом в стене. Наконец, биолог поднял голову.

— Если бы Бекендриш был жив... Чтобы объяснить это, тут необходим специалист по металлургии. Смотрите!

Он тронул обломок металла. Кусок под его пальцами отвалился и, упав на пол, рассыпался в пыль.

Гросвенф подошел поближе и пробормотал:

— Я кое-что смыслю в металлургии.

Люди сразу дали ему дорогу, и он оказался рядом со Скитом. Биолог хмуро уставился на него и спросил подчеркнуто резко:

— Один из помощников Брека?

Гросвенф сделал вид, что не слышал вопроса. Он наклонился и потрогал груду обломков на полу, после чего быстро выпрямился.

— Никакого чуда тут нет,— заявил он.— Как вам известно, подобные клетки изготавливаются методом электро-магнитной отливки, и для них используется превосходный металлический порошок. Существо воспользовалось своей особой силой, чтобы разрушить молекулярную структуру металла. Это и послужило причиной тех изменений в телефлюарном кабеле, которые заметил мистер Пеннос. Существо, превратив свое тело в трансформатор, воспользовалось полученной им энергией, разбило стену, выскочило в коридор, а оттуда в аппаратную.

Он был удивлен тем, что ему позволили закончить этот торопливый анализ. Казалось, его определенно принимали за ассистента погибшего Бекендриша — естественная для огромного корабля неразбериха, когда у людей просто не было времени познакомиться друг с другом, узнать людей, занимающих второстепенные должности.

— Итак, директор,— спокойно проговорил Кент,— мы имеем на борту суперсущество. Оно контролирует корабль, полностью завладело аппаратной, обладает почти нелимитированной энергией, владеет главным отсеком машинного отделения.

Это был простой анализ фактов, и Гросвенф увидел, какое впечатление он оказал на присутствующих. На их лицах возникло волнение.

Один из офицеров возразил:

— Мистер Кент ошибается. Существо не полностью завладело аппаратной. Контрольная все еще в наших руках, и это дает нам возможность основного контроля над всеми машинами. Вы, как люди, занятые лишь проблемами науки, можете не знать о той механике управления, которой мы располагаем. Конечно, существо может взять над нами верх, но пока мы контролируем все рубильники аппаратной.

— Ради всего святого! — воскликнул кто-то.— Почему бы вам не перекрыть каналы энергии, вместо того, чтобы всех нас одевать в скафандры.

Офицер был непоколебим.

— Капитан Лич считает, что для нас безопаснее находиться в скафандрах. Вполне вероятно, что это существо никогда раньше не испытывало на себе воздействие ускорения в пять-шесть гравитонов. Было бы неразумно отказываться от этого и других преимуществ, повинуясь паническим настроениям.

— Какие же это у нас преимущества? — возмутился Мортон.— Ладно, разберемся после. Нам кое-что известно об этом существе. И сейчас я собираюсь предложить капитану Личу провести испытания.— Он повернулся к офицеру.— Вы не попросите командира присутствовать на маленьком эксперименте, который я хочу провести?

— Думаю, что вам лучше поговорить с ним самому, сэр. Можете связаться с ним по коммутатору, он в контрольной.

Мортон ушел и вернулся через несколько минут.

— Пеннос,— сказал он,— поскольку вы офицер и начальник аппаратной, капитан Лич хочет, чтобы этот опыт проходил при вас.

Гросвенфу показалось, что в тоне Мортона промелькнула нотка раздражения. Очевидно, командир корабля сказал, что экстремальная ситуация не позволяет ему оставлять пост. Это была старая песня о разделении власти. Каждый должен исполнять только свой долг. Официально так оно и было. Но на деле круг обязанностей одного офицера соприкасался с делами другого. Так было обычно. Но сейчас корабельные офицеры и вообще все военные несли службу, подчиняя себя общей цели небывалого полета. Опыт показал правительству, что военные по каким-то соображениям не слишком высоко ставили авторитет ученых. В моменты, подобные этому, скрытая враждебность выползала наружу. Пеннос энергично возразил:

— Директор, у нас нет времени на то, чтобы вы объясняли мне детали. Распоряжайтесь сами! Если я буду в чем-то с вами не согласен, мы это обговорим.

Это был вежливый отказ от привилегий, но Пеннос, как главный инженер, сам был в первую очередь ученым.

Мортон не стал терять времени и решительно заявил:

— Мистер Пеннос, назначьте по пять человек к каждому из четырех подходов к аппаратной. Я собираюсь возглавить одну из групп. Кент, вы поведете вторую. Скит — третью. А вы, мистер Пеннос, будете командовать четвертой. Будем действовать через большие двери переносными излучателями и бластерами. Все двери, как я заметил, закрыты: чудовище заперлось. Селенски, вы поднимитесь на контрольный пункт и выключите все, кроме моторов. Все приборы присоедините к главному рубильнику и выключите их одновременно по нашей команде. Хотя есть тут одна вещь... Надо включить ускоритель на полную мощность и не применять никаких антиускорителей! Ясно?

— Да, сэр! — козырнул пилот и ушел исполнять приказ.

— Сообщите мне по коммутатору,— крикнул ему вслед Мортон,— если какие-то машины возобновят работу!

Сопровождать выбранных вызвались многие. Гросвенф и еще несколько человек наблюдали за тем, что делается, довольно с большого расстояния. Когда были принесены передвижные излучатели и установлены переносные защитные экраны, он ощутил кислый привкус во рту. Он оценил силу и мощь предпринимавшейся атаки. Он даже подумал о том, что она может увенчаться успехом...

Но это будет случайный успех, а не закономерность, опирающаяся на науку. Теория, которую использовали ученые, уже устарела. Больше всего Гросвенфа угнетало то, что ему оставалась только роль критика, помочь он ничем не мог.

По главному коммутатору раздался голос Мортона:

— Как я уже сказал, это предварительная попытка. Наш пассажир пробыл в аппаратной недолго, он не успел ничего предпринять. Это дает нам возможность одолеть его сейчас, пока у него не было времени подготовиться к борьбе. Попробуем уничтожить его мгновенно. Если не удастся — у меня есть еще один план. Эти двери сконструированы таким образом, что способны противостоять мощному взрыву, и понадобится не менее пятнадцати минут на то, чтобы нагреватели смогли оказать на них воздействие. В течение этого периода существо не будет получать энергии. Селенски готов перекрыть каналы питания. Главный двигатель, конечно, будет включен, но он атомный, а я считаю, что это чудовище не сможет справиться с подобным механизмом. Через несколько минут вы увидите, что я имею в виду... на что надеюсь.

Его голос возвысился, когда он спросил:

— Вы готовы, Селенски?

— Да.

— Включайте главный рубильник!

Коридор и весь корабль, как понял Гросвенф, погрузились во тьму. Он щелкнул выключателем лампы, вмонтированной в скафандр. Это же проделали и другие. В отблеске лучей их лица казались бледными и напряженными.

— Заряд! — четко и резко скомандовал Мортон.

Передвижной излучатель запульсировал, распространив потоки тепла, обрушившиеся на тяжелую металлическую дверь. Гросвенф увидел, как по металлу побежали, сливаясь в ручейки, первые капли. За ними последовали другие, и вот уже под действием энергетического луча неохотно шевелилась дюжина потоков. Прозрачный экран замутился, и теперь уже было трудно видеть, что происходит с дверью. А потом, отражаясь в замутненном экране, дверь озарилась, накалившись докрасна. У огня был адский вид. Он активно пылал все ярче и ярче по мере того, как передвижные излучатели с медленной яростью плавили металл.

Время шло медленно. Наконец раздался голос Мортона:

— Селенски!

— Пока все безрезультатно, директор.

Мортон прошептал:

— Но ведь должен же он что-то делать. Не может он просто так сидеть, как загнанная в угол крыса, Селенски.

— Никаких изменений, директор...

Семь минут... десять... двенадцать...

— Директор! — это был Селенски. Его голос, как всегда, звучал официально.— Он заставил работать электродинамо!

Гросвенф глубоко вздохнул. В коммутаторе раздался голос Кента, обращавшегося к директору:

— Мортон, больше ничего не случится. Вы ожидали этого?

Гросвенф увидел, что Мортон внимательно смотрит на дверь через экран. Даже на расстоянии ему казалось, что металл не был таким раскаленным, как прежде. Дверь ощутимо покраснела, но затем стала темнеть.

Мортон вздохнул.

— Пока все. Расставьте людей в каждом коридоре! Излучатели на место! Начальники отделов, поднимитесь на контрольный пункт!

Испытание, как понял Гросвенф, было закончено.

На посту у входа в контрольный пункт Гросвенф предъявил удостоверение одному из охранников. Тот с сомнением взглянул на него.

— Пожалуй, все в порядке,— пробормотал он.— Но мне не приходилось еще пропускать ни одного человека моложе сорока. Вы будете первым.

— Я нахожусь на первом этаже новой науки,— усмехнулся Гросвенф.

Охранник снова заглянул в карточку и, возвращая, осведомился:

— Нек... некзиализм..., а что это такое?

— Нечто вроде «всеизма»,— проронил Гросвенф и шагнул через порог.

Оглянувшись, он увидел, что охранник улыбается, глядя ему вслед. Гросвенф тут же забыл о нем. Он оказался в контрольном пункте управления впервые и с любопытством озирался по сторонам, заинтересованный окружающим. Контрольный пост являл собой внушительное зрелище. Он состоял из ряда ярусов. Каждый металлический ярус был в двести футов длиной, и от одного яруса к другому вели ступени. Управлять ярусами можно было сидя в кресле, что свисало с потолка на подвижном устройстве.

За всеми этими ярусами находилась аудитория. Там было примерно сто удобных мест. Кресла были широкими, они были рассчитаны на то, что в них должны сидеть люди в скафандрах. Около двух дюжин людей, одетых именно таким образом, сидели в них. Гросвенф скромно устроился сбоку. Через минуту из личного капитанского офиса, вход в который открывался из контрольной комнаты, вышли Мортон и капитан Лич. Командир сел, а Мортон сразу заговорил:

— Нам известно, что из всех машин, находящихся в аппаратной, самой необходимой для чудовища является электродинамо. Видимо, чудище работало в дикой панике, стараясь максимально использовать ее заряды прежде, чем мы проникнем внутрь. Всем все ясно?

— Я бы хотел знать, что сделал кот для того, чтобы дверь стала непроницаемой? — спросил Пеннос.

— Известны электрические процессы,— ответил ему Грос-

венф,— в результате которых металлы могут делаться предельно стойкими к температуре, но я никогда не слышал о том, чтобы этого можно было достичь без нескольких тонн специального оборудования, которого, конечно же, на корабле нет.

Кент взглянул на Гросвенфа и раздраженно проговорил:

— Может кто-то знает, как это сделал зверь? Если мы не можем проникнуть сквозь стены с нашими атомными дезинтеграторами — это конец. Он сделает с кораблем все, что захочет его хвост.

Мортон задумчиво качнул головой.

— Мы должны выработать какой-то план — для этого мы тут и собрались... Селенски! — выкрикнул он.

Селенски ловко развернул кресло лицом к главному рубильнику и очень осторожно повернул уровень в нужное положение. Корабль потряс толчок, послышался гул, после чего в течение нескольких секунд дрожал пол. Корабль замер, машины успокоились и гудение перешло в слабую вибрацию.

— Я прошу специалистов отложить все свои работы и сосредоточить внимание на одном вопросе — на борьбе с так называемым котом,— произнес Мортон.— Нам необходимо, чтобы обменялись мнениями ученые, работающие в разных областях. Какими бы ни были их теоретические проработки, нам нужен в первую очередь практический подход.

А это, уныло подумал Гросвенф, как раз то, что в достаточной степени имеется в распоряжении Эллиота Гросвенфа, некзиалиста. Мортону необходимо было взаимодействие многих наук, затем и был послан в космос некзиалист. И тем не менее, он понимал, что не входит в число экспертов, чьим практическим советом заинтересуется Мортон. Его догадка оказалась правильной.

Через два часа директор расстроенно произнес:

— Полагаю, нам лучше прерваться на полчаса поесть и отдохнуть. Мы приближаемся к решающему моменту и должны собрать все, чем владеем.

Гросвенф направился в свой отдел. Его не интересовали ни еда, ни отдых. В тридцать один год он еще мог обойтись без еды и отдыха. Ему казалось, что достаточно полчаса, чтобы найти способ, как покончить с чудовищем, захватившим корабль. Беда заключалась в том, что согласованность ученых была неполной. Часть специалистов объединила свои знания на весьма поверхностном уровне. Каждый кратко обрисовал свою идею. Но соединить эти идеи в единую систему было некому. План нападения был лишен единства.

Гросвенф с тревогой думал о том, что он, молодой человек, является, возможно, единственным на борту, кто способен разглядеть слабости плана. Впервые за шесть месяцев пребывания на борту корабля, он внезапно понял, какую огромную ответственность возложило на него «Некзиалистское сбщество». Только сейчас он по-настоящему почувствовал, что системы обучения устарели, и это не являлось пустыми словами. Гросвенф не был виновен в том, что получил не соответствующее зада-

чам его работы образование. Он не создал ни одной системы. Но сейчас, когда общество послало его на «Космическую Гончую» со специальной целью, он должен был принять твердое решение, а потом использовать любую возможность, чтобы убедить в правильности своих действий ответственных лиц.

Сложность состояла в том, что он не получал необходимую ему информацию. Пришлось действовать единственным доступным ему способом, то есть подслушивать разговоры, которые велись на корабле. Шпионить в одиночку в интересах тех, за кем он шпионил. Но этого было мало, и он стал связываться с теми, кого подслушивал. Каждый раз, когда он представлялся начальником отдела, эффект получался значительным — занимающие более мелкие должности ученые соглашались с его правом задавать им вопросы. И были готовы помочь ему, хотя и не всегда.

— Мне нужно получить распоряжение от начальства,— заявил один ученый.

Глава отдела Скит разговаривал с ним охотно и предоставил нужную ему информацию. Другой зав был чрезвычайно вежлив и попросил позвонить ему, когда кота уничтожат. Гросвенф связался с химическим отделом и попросил к аппарату Кента. Он считал, что начальника не позовут и даже надеялся на это. Откажут, думал Гросвенф и тогда я попрошу, чтобы информацию выдал дежурный.

К досаде и изумлению, его немедленно соединили с Кентом. Шеф химического отдела слушал с плохо скрываемым раздражением, а в конце резко оборвал:

— Вы можете получить информацию нашего отдела по обычным каналам. А сведения, касающиеся кошачьей планеты, будут обработаны в течение нескольких месяцев. Мы должны проверить и перепроверить все данные.

Но Гросвенф продолжал настаивать:

— Мистер Кент, я самым серьезным образом прошу вас разрешить мне доступ к данным анализов кошачьей планеты. Это может иметь первостепенное значение для каждого из нас, а также повлиять на план, который рассматривался на сегодняшнем совещании. Сейчас слишком сложно объяснять все в деталях, но уверяю вас...

Кент насмешливо прервал его излияния:

— Послушайте, мальчик,— сейчас не время для теоретических дискуссий. Вы, кажется, не понимаете, что мы находимся в смертельной опасности. Если что-то будет не так, вас, меня и всех нас просто уничтожат. И это будет не упражнением интеллектуальной гимнастики. А теперь не отвлекайте и не беспокойте меня, пожалуйста, еще десяток лет.

Раздался щелчок — Кент прервал связь.

Несколько минут Гросвенф сидел, остывая. Потом, печально усмехнувшись, сделал еще один вызов. Он заглянул в таблицу, над которой работал. В ней были сведения об этой планете. Они показывали, что здесь высокое содержание вулканической пыли в атмосфере. Интерес представляла графа о жизни раз-

личных видов растений, полученные на основе изучения их семян. Была разработана и гипотеза о типе пищеварительного тракта у животных, которые могли бы питаться подобными растениями. Вошли сюда и предположения об экстраполяции структур и типов животных, могущих жить за счет организмов, питавшихся подобными растениями.

Гросвенф работал быстро, и поскольку он, главным образом, делал пометки в уже отпечатанной таблице, то составление графика заняло у него немного времени. Дело было простым. Конечно, не просто будет разъяснить все детали тому, кто несведущ в некзиализме, но для Гросвенфа картина была совершенно ясной. Она указывала путь, по которому должны идти ученые. Так казалось Гросвенфу.

Под заголовком «Основные рекомендации» он написал:

«При любом решении следует позаботиться о безопасности...»

Захватив четыре пачки схем, он направился в математический отдел. Там находилась охрана, что было весьма необычно. Для зашиты от кота явно были приняты меры. Когда его отказались пропустить к Мортону, Гросвенф потребовал хотя бы свидания с одним из секретарей директора. Наконец, появился младший секретарь. Изучив схемы, он сказал, что «постарается довести их до внимания Мортона».

Гросвенф мрачно заметил:

— Я уже слышал раньше нечто подобное. Если Мортон не захочет ознакомиться со схемами, я буду требовать комиссии. В связи с докладами, которые я посылал директору, и которые куда-то испаряются, я выражаю протест. Если это не прекратится, могут произойти большие неприятности.

Секретарь был на пять лет старше Гросвенфа. Он был холоден и, в общем, настроен очень враждебно. Поклонившись Гросвенфу, он слабо улыбнулся и сказал:

— Директор — очень занятой человек. Его внимания требуют многие отделы. Деятельность некоторых из них очень важна и их престиж дает им преимущество над более молодыми науками и...— он поколебался,— учеными. Но я передам ему о вашей просьбе изучить таблицы.

— Попросите его прочитать рекомендации. С этим нельзя больше тянуть.

— Я доведу это до его сведения,— сухо проронил секретарь.

Гросвенф решительно направился к штаб-квартире капитана Лича. Капитан сразу принял его и внимательно выслушал, после чего стал изучать таблицу. Читая ее, он качал головой.

— Военные,— официальным тоном сказал он,— подходят к этому делу немного по-другому. Понимая, что за хищник у нас на борту, мы тем не менее идем на сознательный риск. Ваше предложение о том, что было бы разумнее позволить чудовищу бежать — совершенно противоречит моей точке зрения. Это разумное существо, предпринимающее враждебные действия по отношению к военному кораблю. Такая ситуация не-

терпима. Я считаю, что он знает что делает и понимает последствия.— Капитан криво усмехнулся.— А последствия — смерть!

Гросвенф подумал, что конечным результатом может быть смерть людей, оказавшихся недостаточно гибкими в борьбе против необычайной опасности. Он уже было приготовился сказать, что вовсе не намерен дать коту возможность убежать, но раньше, чем он успел заговорить, капитан Лич встал.

— А теперь я вынужден попрощаться с вами,— произнес он. Лич повернулся к офицеру.— Проводите мистера Гросвенфа.

— Я знаю, где выход,— с горечью сказал Гросвенф.

Оказавшись в коридоре, он взглянул на часы. До начала действий оставалось пять минут. Чувствуя себя побежденным, он направился в контрольный пункт. Гросвенф вошел, когда большинство ученых уже сидели. Через минуту появились директор и капитан Лич. Совещание началось.

Видно было, что нервы у Мортона порядком сдали. Он даже сидеть не мог, а беспокойно ходил перед собравшимися. Лицо его было бледным, а выдвинутый вперед подбородок придавал ему агрессивность. Внезапно он замер. Его резкий голос мгновенно погасил гул в зале.

— Я хочу, чтобы все наши дальнейшие действия были полностью согласованы. Пусть выскажутся все. Первым выступит мистер Пеннос.

Пеннос встал. Он был среднего роста, но казался высоким благодаря осанке и уверенности, с которой говорил, ходил, сидел. Как и другие, он являлся узким специалистом, но по роду своих занятий нуждался в некзиализме гораздо меньше, чем кто-либо другой из присутствующих. Этот человек знал двигатели и историю двигателей. Согласно досье на него, изученному Гросвенфом, он изучал разнообразные двигатели на ста планетах. Не было ничего такого, чего бы он ни знал о практической механике. Он мог бы говорить, не переставая, несколько недель и то, наверное, только коснулся бы предмета своих знаний.

— В этой контрольной комнате у нас установлены переключатели, которые останавливают одновременно все двигатели. Расщепляющее устройство сработает в сотую долю секунды. И эффект создаст различного рода вибрации. Существует, конечно, вероятность того, что одна машина будет разрушена по закону, совпадающему с известным случаем, когда рота солдат идет по мосту в ногу. Вы слышали эту старую историю, но по моему мнению, реальной опасности разрушения нет. Наша главная цель заключается в том, чтобы сломить сопротивление существа и прорваться сквозь двери.

— Следующий — Гурлей,— объявил Мортон.

Гурлей лениво поднялся на ноги. У него был сонный вид, как будто все происходящее утомило его. Гросвенфу казалось, что он хотел бы, чтобы люди считали его мечтателем. Он был начальником отдела связи и его анкета говорила о том, что он стремился, как можно больше узнать в той области, в которой работал. Он имел ученую степень, а защите ее предшествовало

широкое образование. Заговорил он неторопливо, растягивая слова в своей обычной манере. Гросвенф отметил, что его нарочитая медлительность произвела на аудиторию успокаивающий эффект. Выражение обеспокоенности на лицах смягчилось, позы стали более непринужденными.

— Мы. состряпали вибрационные экраны, работающие на принципе отражения. Оказавшись внутри, мы используем их таким образом, чтобы большая часть того, что может послать кот, была бы отражена и вернулась к нему же. Вдобавок, мы получили дополнительное количество электроэнергии, которую мы и скормим ему с передвижных колец. Должен же быть предел его возможностям в задерживании энергии. И нервы у него тоже не стальные.

— Селенски,— спокойно произнес Мортон.

Главный пилот уже стоял возле Мортона. Все было проделано так стремительно, как будто он давно уже ждал зова директора. Гросвенф смотрел на него, как зачарованный. Селенски был худощав, с поразительно живыми голубыми глазами, и оказался он сильным и умным. Согласно своему послужному списку, он не получил особенного образования, но восполнил его крепостью нервов, молниеносной реакцией и способностью действовать с точностью часового механизма.

— Впечатление от плана таково, что он достаточно объемен. Как раз, когда существо думает, что больше ему не вынести, происходит еще нечто, что добавляет ему тревоги и беспокойства. Когда рев достигнет высшей точки, я включу анти-акселерацию. Директор и Гюнли Лестер думают, что этому существу об анти-акселерации ничего не известно, поскольку подобные знания связаны с наукой о межгалактических перелетах и другими путями не могут быть получены. Мы думаем, что когда существо ощутит на себе впервые эффекты от действия анти-акселерации — вы все помните то чувство опустошенности, которое оно вызывает, когда сталкиваешься с ним впервые, оно не будет знать, что думать и что делать.— Пилот сел.

— Следующий Корита...

— Я могу одобрить все, что сказано до меня,— заявил он.— Что могу добавить? Мне кажется, чудищу присущи все черты преступника ранних эпох цивилизации. Скит удивляется тому, что зверь знает гораздо больше, чем мы ждем от него. По его мнению, это может означать, что мы имеем дело с действительным обитателем этой планеты, причем являющимся потомком тех, кто жил в разрушенном городе. Подобное предположение предписывает нашему врагу фантастическое долголетие, фактически бессмертие, врожденные способности, о которых мы и не догадывались. Возьмем хотя бы его способность дышать и кислородом и хлором, или ни тем ни другим. Допустим, что его бессмертие уязвимо. Он пришел из определенного периода своей цивилизации, и уровень его мышления настолько низок, что он состоит, главным образом, из его воспоминаний об этом периоде. Несмотря на свою способность контролировать энергию, вы помните, он потерял голову в лифте, когда

впервые попал на корабль. Вы также не забыли, как он был озадачен, когда Кент предложил ему еду. Он настолько растерялся, что был вынужден пустить в ход против вибратора специальные силы. За несколько часов он совершил множество убийств. Как видите, все, что он делает, говорит о том, что у него примитивно-хитрая эгоистическая натура. Ему мало известно или он совсем ничего не знает о происходящих в его теле процессах. Он едва ли понимает сущность того, над чем берет власть. Кот похож на того германского солдата древности, который чувствовал превосходство над старым романским ученым, но последний все же являлся частью могущественной цивилизации, внушающей страх Германии тех дней. Таким образом, мы имеем дело с примитивом, и этот примитив полностью оторван от своей естественной среды. Я скажу так: — Мы пойдем на него и победим его!

Мортон поднялся и взглянул на аудиторию. Его тяжелое лицо хранило насмешливую улыбку.

— Мне кажется, наш план должен содержать в себе сомнения и уверенность. То, о чем говорит Корита, должно стать неотъемлемой частью нашей атаки. Тем не менее, я только что получил документ от молодого человека, который находится на борту этого корабля, представляя науку, о которой я очень мало знаю. То, что он находится на борту, требует от меня серьезного отношения к его мнению. Убежденный, что он держит в руках ключ к решению проблемы, он побывал не только в моем отделе, но и в штаб-квартире капитана Лича. Мы с командиром сошлись, что мистеру Гросвенфу следует дать несколько минут, чтобы он попробовал убедить нас в том, в чем сам, судя по всему, уверен.

Гросвенф робко встал и начал:

— В «Некзиалистской школе» нас учили, что должна существовать наука наук. Направление, которое связывает различные учения, различные, кажущиеся оторванными друг от друга, отрасли человеческих знаний. Это положение, конечно, известно давно, но есть разница между болтовней об узловой станции современных наук и применением координационного центра на практике. Мы в «школе» разработали технику его применения. В моем отделе имеется много таких замечательных машин, которые вам никогда не приходилось видеть. Не стану сейчас их описывать. Скажу только, каким образом человек, владеющий техникой работы с этими машинами, может разрешить проблему кота... Во-первых, предположения, выдвинутые здесь, достаточно поверхностны. Они удовлетворительны в своей области, но эта область не простирается достаточно далеко, диапазон ее узок. Сейчас мы располагаем достаточным количеством фактов, чтобы составить совершенно четкую картину исторического развития так называемого чудовища. Назову их... Примерно восемнадцать сотен лет назад выносливые растения этой планеты начали внезапно получать от солнца меньшее количество волн определенной длины. Это было связано с появлением в атмосфере огромного облака вулканической пыли.

Результатом той катастрофы стала еще одна трагедия. Почти моментально большая часть растений погибла. Вчера одна из наших разведывательных машин в районе примерно ста миль от мертвого города обнаружила несколько живых существ размером с земного оленя, но, вероятно, более умных. Они были так осторожны, что захватить их не представилось возможности. Пришлось убить бедных животных, чтобы отдел мистера Скита проделал ряд анализов. Мертвые тела содержали калий почти в тех же электрохимических соединениях, в каких он содержится в человеческом теле. Других животных встретить не удалось. Делаем вывод — это мог быть один из пищевых ресурсов кота. В желудках мертвых животных ученые обнаружили частицы растений на различной стадии усвоения. Вероятен следующий цикл: растения — травоядные — хищники. Давайте поразмышляем. Вероятнее всего, когда растения погибли, животные, чью пищу они составляли, в большинстве своем умерли. Таким образом, исчезла и пища для котов.

Гросвенф обвел аудиторию быстрым взглядом. За исключением одного человека, все слушали его внимательно. Исключение составлял Кент. На лице начальника химического отдела застыло раздраженное выражение. Его внимание, казалось, было приковано еще к чему-то. Эллиот быстро продолжил:

— В галактике существует много примеров зависимости жизненных форм от типа пищи. Но мы не встречали другого примера такой ограниченности съестных запасов у разумного существа. Похоже, что им даже в голову не приходила возможность выращивать для себя еду и, уж конечно, еду для своей еды. Невероятное отсутствие предусмотрительности, согласитесь. Изучая нашего врага, мы в первую очередь должны поинтересоваться его физиологией. Здесь берут начало его сильные и слабые стороны.

Гросвенф вновь сделал паузу, но лишь для того, чтобы перевести дыхание. Он не смотрел ни на кого из присутствующих. Он не доказывал, а рассказывал. Он не мог предъявить доказательств тому, о чем сообщал. Каждому отделу понадобились бы недели, чтобы проверить факты, используемые его наукой. Все, что он мог сделать, это дать конечное заключение. Ученый не осмелился сделать это в своей схеме или в разговоре с капитаном Личем. Но сейчас он был настроен решительно. И поэтому закончил так:

— Факты неотвратимы. Кот не является создателем этого города, как и не является потомком жителей его. Он и его племя пришло сюда после строителей города. Что произошло с самими строителями? Об этом мы можем только догадываться. Вероятно, они были уничтожены восемнадцать столетий назад в ходе атомной войны. Город похож на земные города. Неожиданное появление вулканической пыли в атмосфере в таких количествах, что она смогла на тысячи лет скрыть солнце — говорит о многом. Человек едва ли не совершил то же самое, так что мы не должны слишком сурово осуждать исчезнувшую расу. Но что было дальше? Дальше появились эти звери. Как?

Откуда? Это сейчас неважно. Важно, что мы имеем дело с животным, которое, хотя и обладает силой, не может разгадать наши планы. Мы, в настоящий момент, имеем дело с существом, не имеющим ясного представления о своей силе. Оказавшись в трудном положении, он мог обнаружить в себе способности еще неосознанные, уничтожить человеческие существа и контролировать работу машин. Мы должны дать ему возможность бежать. Очутившись вне корабля, он окажется в нашей власти. У меня все, и благодарю вас за то, что вы меня внимательно выслушали.

Мортон оглядел собравшихся и спросил:

— Итак, джентльмены, что вы по этому поводу думаете?

Кент сердито заявил:

— В жизни не слыхал подобной чуши. Все это предположения, фантазия. Если в этом и заключается некзиализм, то ему следует многое в себя вобрать, прежде чем я им заинтересуюсь.

— Не знаю, каким образом мы можем согласиться с подобным объяснением, не имея представления об анатомии кота,— мрачно проговорил Скит.

Следующим высказался глава физиков Ван Гроссен:

— Я сомневаюсь в том, что даже подобное исследование могло бы служить твердым доказательством того, что существо создано искусственно. Анализы мистера Гросвенфа весьма спорные, и такими они останутся.

— Дальнейшие раскопки города могли бы дать подтверждение теории мистера Гросвенфа,— Корита говорил очень осторожно.— Подобная точка зрения не опровергает полностью теорию цикличности, поскольку создание мыслящего существа может характеризовать силу ума и убеждения тех, кто его обучал.

С места поднялся глава инженерного отдела Пеннос.

— Один из наших летательных аппаратов сейчас находится в мастерской. Он частично демонтирован и занимает единственную доступную для нас внизу опору. Чтобы получить из него действующий аппарат, нам понадобилось бы не меньше усилий, чем на всю планируемую нами атаку. Конечно, если она потерпит неудачу, мы, может быть, решимся пожертвовать летательным аппаратом, хотя я по-прежнему не понимаю, как он сможет выбраться на нем из корабля. Внизу нет воздушных запоров.

Мортон повернулся к Гросвенфу.

— Что вы на это скажете?

— Воздушный запор имеется в конце коридора, соединяющегося с аппаратной. Мы могли бы предоставить ему возможность воспользоваться им.

Капитан Лич решительно поднялся и заявил:

— Как я уже сказал мистеру Гросвенфу, когда он ко мне приходил, военные в таких делах действуют смелее и решительнее. Нас не испугают случайности, мы к ним готовы. Пеннос выразил и мое мнение. Если нападение не удастся, обсудим

другие варианты. Благодарю вас, мистер Гросвенф, за ваши исследования. А теперь за работу!

Это был приказ. Все сразу направились к выходу.

Керл работал в ярко освещенной гигантской механической мастерской. К нему вернулись давние воспоминания, он вспомнил все, чему учили его Строители. Он снова мог управлять машинами, ориентироваться в сложных ситуациях. В одном из отсеков он обнаружил спасательную шлюпку, покоющуюся на опорах. Она была повреждена и частично демонтирована.

Он с жаром принялся за ремонт. Керл понимал, что надо бежать. Ни о чем другом думать он не мог. Только так он возвратится на свою планету к другим керлам. Если он научит их всему тому, что приобрел на чужбине, они станут непобедимыми. Они покорят весь космос дальний и ближний. Он решился на это с неохотой. Ему не хотелось покидать корабль. Он не был полностью убежден, что находится в опасности. После того, как он изучил энергетические ресурсы механической мастерской и снова обдумал все случившееся, у него сложилось впечатление, что у этих двуногих существ нет достаточного оборудования для того, чтобы победить его. Но все же сомнения были.

Эта неуверенность не беспокоила его во время работы. Затем он оторвался от дел, чтобы осмотреть судно. Он многое успел сделать на этом корабле. Ему уже ничего не стоило покинуть его. Он сложил в лодку инструменты и запчасти, которые хотел взять с собой. И все-таки еще сомневался — уходить или сражаться? Услышав шаги, он насторожился. Затем зверь ощутил изменение в громоподобном реве машин. Стук стал громче, резче, отчетливей. Но едва Керл привык к этому шуму, как пламя передвижного газомета зашипело у массивной двери аппаратной. И он замер размышляя — принять ли ему бой, а если принять, то с чего начинать: бороться с газометом или выравнять ритм разбушевавшихся моторов. Однако он тут же сообразил, что не сможет сделать все это одновременно.

Тогда Керл сосредоточил свое внимание на побеге. Каждый мускул его мощного тела был напряжен, когда он тащил груду запасных частей и инструментов и сбрасывал их на свободные площади спасательной шлюпки. Наконец, наступил заключительный акт. Он замер у дверей, понимая, что сейчас они рухнут. Полдюжины газометов, направленных на двери, медленно пожирали металл дюйм за дюймом. Керл заколебался, потом отвел от дверей направленную на них свою энергию и сконцентрировал ее на внешней стене корабля. Туда был направлен нос спасательной шлюпки. Все его тело съежилось от волн электричества, хлынувших на динамомашину. Его усики-уши завибрировали, направляя густейший поток энергии на стену. Он почувствовал жар огня, и его тело изогнулось дугой. Он понял, что катастрофически близок к пределу энергии, на которую способен. Но несмотря на его усилия, ничего не произошло — стена не поддалась. Он был крепок, этот металл, крепче всего,

с чем он когда-либо сталкивался. Он держал форму. Его молекулы были многоатомными, но их расположение было необычным — эффект особой прочности был достигнут без обычно сопутствующей ему высокой плотности.

В это время он услышал, как одна из дверей аппаратной рухнула, и до него долетели голоса людей. Газометы передвинулись вперед. Теперь их мощность уже не контролировалась. Керл услышал, как пол аппаратной протестующе зашипел, когда в металл ударили потоки энергии. Этот тревожный, угрожающий звук все приближался и приближался. Еще минута, и люди прорвались бы в мастерскую через непрочные двери, отделяющие ее от аппаратной.

Но за эту минуту Керл одержал победу. Он ощутил изменения в сопротивляющемся сплаве. Стена потеряла силу сцепления. Внешне все выглядело по-прежнему, но сомнений не было. Поток энергии с легкостью проходил через его тело. Еще несколько секунд он продолжал контролировать его, пока окончательно не ощутил, что добился желаемого. С диким ревом он вскочил в маленькое судно и задвинул за собой дверцу.

Он ухватился одним из щупалец за рычаг управления. Машина дернулась вперед, и он направил ее прямо на толстую стену. Нос судна коснулся ее, и стена растаяла в сверкающем облаке пыли. На какой-то миг металлическая пыль, облепившая судно, чуть замедлила ход. Но он прорвался через нее и вырвался в пространство.

Шли секунды. И Керл заметил, как удаляется от корабля. Корабль по-прежнему был почти рядом. Керл даже видел дыру в нем, через которую он бежал. За окружающей ее блестящей оболочкой виднелись силуэты людей в скафандрах. Они и корабль становились все меньше и меньше. Потом люди исчезли, и лишь корабль блестел тысячью иллюминаторов.

Керл быстро повернул прочь от него. Он сделал поворот на девяносто градусов и перевел рычаги ускорения на полную мощность. Таким образом, через минуту после побега, он уже лег на обратный курс.

Гигантский шар под ним быстро уменьшался, становясь почти невидимым. Прямо перед собой Керл увидел крошечный, тусклый круг света его собственного солнца. Он понял, что это его галактика. Там он может вместе с другими керлами построить космический корабль и улететь с необитаемой планеты к звездам. Это было настолько важно, что неожиданно он почувствовал испуг. Он отвернулся от тускло светящихся дисков, потом вдруг вновь взглянул на них. Шар покинутого им корабля был еще там, крошечная точка света в огромной темноте пространства. Внезапно он мигнул и исчез.

У Керла было странное ощущение. Ему казалось, что перед тем, как исчезнуть, корабль сделал гигантский скачок. Но все это было смутным и неясным. Он с тревогой спросил себя, не потушили ли они все огни и не преследуют ли его в темноте? Он понял, что не будет в безопасности до тех пор, пока не приземлится. Опять появилась эта неуверенность. Керл снова

перенес внимание на светящийся впереди диск, и почти сразу же ощутил новый страх. Тусклое солнце, на которое он держал курс, не становилось больше.

О н о я в н о у м е н ь ш а л о с ь ! В о т о н о с д е л а л о с ь р о з о в о й т о ч к о й в т е м н о т е ! И и с ч е з л о !

Страх ворвался в сердце Керла холодным ветром. Несколько секунд он напряженно всматривался вперед с безумной надеждой на то, что его путеводная звезда снова появится во тьме. Но там, куда он смотрел, блестели лишь далекие звезды, немигающие крапинки на черном бархатном фоне бездонной дали.

Но что это?! Одна из крапинок становится больше. Нервы Керла напряглись до предела. С ужасом следил он за тем, как крапинка превращается в точку. Вот она уже выросла в круглый шар света и все продолжала расти. Больше, больше, больше... Внезапно перед ним, сияя иллюминаторами, возник гигантский корабль, который он покинул несколько минут назад.

Керл почувствовал, что с ним происходит нечто необычное. Мысли закружились в его голове, будто в ней закрутили юлу, все быстрее и быстрее. Сознание разлетелось на миллионы осколков. Глаза вылезли из орбит, он бушевал в своем маленьком укрытии, как обезумевший. Его щупальца вцепились в рычаги управления и в ярости раздирали их на части. Когти вонзились в стены суденышка. В последней вспышке сознания он понял, что не сможет вынести огня дезинтегратора, который был направлен прямо на него. И он был бессилен.

Поток энергии разрушал каждую клеточку идов в его организме.

Губы зверя раздвинулись в последнем рычании. Волосики усиков сплелись. Он почувствовал смертельную усталость и упал, уже не думая о мести.

Смерть пришла спокойно после долгих часов насилия.

Капитан Лич действовал наверняка. Когда огонь исчез, и стало возможным приблизиться к тому, что осталось от спасательной шлюпки, исследователи обнаружили кусочки расплавленного металла и лишь кое-где остатки того, что было телом Керла.

— Бедный кот,— опечалился Мортон.— Интересно, что он подумал, когда обнаружил нас перед собой после того, как исчезло его собственное солнце. Ничего не понимая в антиакселераторах, он не знал, что мы можем сразу очутиться в том месте, добираться до которого он мог часами. Ему казалось, что он движется в направлении родной планеты, но на самом деле он отдалялся от нее все дальше и дальше. Он не мог знать того, что когда мы остановились, он промчался мимо нас, а нам только и оставалось, что последовать за ним и разыграть небольшую комедию — притвориться его солнцем, пока мы не приблизимся достаточно близко, чтобы уничтожить его. Вероятно, перед его взором весь космос перевернулся вверх дном!

Гросвенф слушал этот монолог со смешанным чувством.

Шло время. Инцидент уходил в прошлое, теряя подробности и обрастая легендами. С каждым днем детали становились в памяти людей все менее похожими на то, какими они были на самом деле. Угрожавшая им опасность казалась далекой.

— Какие тут могут быть симпатии? — услышал как-то Гросвенф голос Кента.— Это наша работа — убивать всех котов в этом несчастном месте.

— Это просто,— как-то сказал Корита,— воевать с котами. Они примитивны. Стоит нам сесть, и они к нам придут, считая, что смогут нас перехитрить.— Он повернулся к Гросвенфу.— Я все еще верю в то, что это так,— дружелюбно произнес он,— даже если теория нашего молодого друга подтвердится. Что вы думаете, мистер Гросвенф?

— Я бы пошел дальше,— начал Эллиот.— Не забывайте о том, что причиной нападения на нас была отчаянная необходимость в пище. Вполне возможно, что ресурсы этой планеты не могут больше поддерживать это вымирающее племя. Так почему бы не дать им умереть с голода?

«Некзиализм — это наука, соединяющая информацию одной области знаний с информацией другой области. Наука, находящаяся на стыке разных наук. Она предусматривает ряд технических приемов для ускорения процессов усвоения полученных знаний и самого эффективного их использования».

ПРИГЛАШАЮТСЯ ВСЕ ЖЕЛАЮЩИЕ.
ЛЕКТОР — ЭЛЛИОТ ГРОСВЕНФ.
МЕСТО ЛЕКЦИИ — НЕКЗИАЛЬНЫЙ ОТДЕЛ.
ВРЕМЯ — 15.00, 9/7/I.

Гросвенф прикрепил объявление к и так уже плотно заполненной доске объявлений. Затем он отступил назад и посмотрел, что у него получилось.

На корабле действовало так называемое «звездное время», основанное на стоминутном часе и двадцатичасовом дне. В неделе содержалось десять дней, в месяце — тридцать дней, в году — триста шестьдесят дней. Дни не имели названий, но были пронумерованы. Данный календарь вступал в действие с момента старта.

Его объявление висело среди извещений об еще восьми лекциях, трех кинофильмах, четырех учебных фильмах, девяти дискуссиях и нескольких спортивных соревнованиях. Так проводили свободное время ученые, члены команды корабля, рабочие различных секторов. Но были и такие, которые предпочитали читать у себя в каюте, собираться с друзьями в каюткомпании, задержаться в одном из баров или кафе.

Эллиот был уверен, что его объявление прочтут. Оно даже внешне отличалось от других сообщений. Написал его ученый на плотном листе. Шрифт был особый, буквы были вдавлены

и казалось, что они находились где-то внутри бумаги. Цветная пленка из гальванизированного материала изменяла цвет букв. Они становились то голубыми, то зелеными. Слова, словно были живыми, дышали и двигались. Поскольку частота испускаемых волн света была неопределенной и постоянно изменялась, цветовые сочетания никогда не повторялись.

Объявление пылало среди прочих, как неоновая реклама. Гросвенф знал, что его наверняка заметят.

В назначенный час он направился в обеденный салон. Когда он вошел, стоявший у двери человек сунул ему в руку карточку. Гросвенф с любопытством прочел:

«КЕНТ — НА ДОЛЖНОСТЬ ДИРЕКТОРА!»

Мистер Кент является главой одного из самых крупных на нашем корабле отделов. Он известен своим сотрудничеством с другими секторами. Кент — не только хороший ученый, но и чуткий человек, понимающий проблемы своих коллег. Не забывайте о том, что на борту нашего корабля, помимо 180 военных, находятся 804 ученых, возглавляемых администрацией, которая была выбрана весьма неохотно незначительным большинством. Такое положение должно быть исправлено. Мы имеем право на демократические выборы.

Предвыборное собрание — 9/7/I. Время — 15.00.

«Выбирайте директором КЕНТА!»

Гросвенф сунул карточку в карман и шагнул в ярко освещенную комнату. Он подумал о том, что такие, как Кент, вряд ли могут достигнуть успеха, разделяя людей на враждующие группы. Половина межзвездных экспедиций, отправленных за последние двести лет, не вернулось на Землю, и причиной этому, скорее всего, были разногласия на космическом судне. Отправляясь в путешествие, обычно, все были единомышленниками. Но в пути появлялись противоречия. И чем дольше длился полет, тем горячее разгорались споры, которые переходили в настоящую войну.

Выборы в подобных экспедициях были весьма частым событием. Разрешение на них давали, потому что люди не желали быть связанными подчинением однажды выбранным лицам. Корабль напоминал страну в миниатюре. И маленькая эта страна жила по всем законам общества, где были тайны, была борьба, была своя дипломатия. Гросвенф был озабочен тем, что время собрания совпадает с его лекцией. Но войдя в столовую, успокоился. Она была переполнена. Его трое друзей, младшие ученые из разных отделов, уже обедали. Только он подсел к ним, как один из них весело заметил:

— Итак, какие убийственные черты непредсказуемого женского характера будем сегодня обсуждать?

Гросвенф добродушно рассмеялся, он понимал, что замечание было шутливым лишь отчасти. Разговоры среди молодых людей тяготели к одной теме: женщина и секс. В этой полностью мужской экспедиции проблема секса была решена хи-

мически, путем введения в организм специальных препаратов. Это снимало физическую потребность, но в эмоциональном плане ничуть не удовлетворяло.

Шутке рассмеялись, но продолжать разговор на эту тему не стали. Карл Деннисон, молодой химик, повернулся к Гросвенфу.

— Как собираешься голосовать, Эл?

— Тайным голосованием. Давайте-ка лучше вспомним, что говорила о нас тем утром блондинка Эллисон.

— Ты ведь будешь голосовать за Кента? — не унимался Деннисон.

— Я еще не думал об этом,— усмехнулся Гросвенф.— До выборов еще пара месяцев. А что, собственно, мы должны иметь против Мортона?

— Он человек, выбранный правительством.

— И я тоже, и ты...

— Он — всего лишь математик, а не ученый в широком смысле слова.

— Это для меня новость. А я годами жил иллюзией, что математики тоже ученые.

— Так оно и есть. Это иллюзия. Математика — это искусство, а не наука. В основе ее условность.

Деннисон явно старался добиться успеха, демонстрируя собственную позицию. Это был серьезный, плотного сложения человек. Доказывая, он вытягивался вперед, словно шел в атаку.

— Ученым следует держаться вместе. Вы только представьте: нас тут целый корабль, и кто над нами стоит? Человек, имеющий дело с абстракциями. Разве он может решать практические проблемы?

— Смешно, но мне казалось, что он весьма преуспевает в сглаживании наших проблем.

— Мы сами в состоянии сглаживать свои проблемы! — раздраженно заявил Деннисон.

Гросвенф нажал на кнопку. Заказанная еда заскользила по вертикальному конвейеру, целясь в центр стола.

— Этот опилочный ростбиф прямо из химического отдела? — буркнул он.— Восхитительных размеров и непередаваемого запаха. Интересно, сколько усилий было затрачено на то, чтобы сделать опилки из деревьев покидаемой нами планеты питательными? — Он поднял голову.— Ладно, не отвечайте... Я не желаю быть разочарованным в деятельности отдела, возглавляемого мистером Кентом, хотя мне и не нравится его облик и поведение. Видите ли, я обратился к нему за помощью, а он велел мне позвонить ему через десять лет. Вероятно, он забыл о выборах. Кроме того, у него хватило наглости назначить собрание на то же время, когда я собрался прочитать лекцию о некзиализме.— Эллиот принялся за еду.— Ни одна лекция не важна так, как это собрание. Я собирался обсудить вопросы, касающиеся каждого из нас, и тебя в том числе.

Лицо Деннисона пылало, голос стал резким.

— Послушай, Эл, ты не можешь выступить против чело-

века, которого даже толком не знаешь. Кент из числа тех людей, которые не забывают своих друзей.

— Я бы сказал, что он обладает также способностью ставить на место тех людей, которых не любит,— проговорил Гросвенф и нетерпеливо пожал плечами.— По моему мнению, Кент несет в себе все черты, пагубные для нашей цивилизации. Согласно теории Кориты о цикличности истории, мы находимся на «зимней» стадии своей культуры. В один из ближайших дней я попрошу его разъяснить мне этот вопрос поподробнее. Но и не зная тонкостей, я уверен, что Кент, как кандидатура от демократов является полосой заморозков в этом суровом времени года.

Гросвенф хотел было добавить, что находится на борту именно для того, чтобы противостоять таким выскочкам, но промолчал, посчитав, что это уже будет перебор. Он понимал, что коллектив корабля вступил в стадию опасных споров, которые были причиной бедствий многих экспедиций.

Дальше, видимо, должен был начаться знакомый спектакль на базе социологических экспериментов: дебаты, выборы, раскол команды.

Деннисон зло улыбнулся.

— Вы только послушайте этого молодого философа,— сказал он и добавил, чуть ли не приказывая: — Голосуй за Кента, если понимаешь, что для тебя хорошо, а что плохо.

Чтобы дать ему остыть, Гросвенф перешел на шутливый тон:

— Что же он сделает, прийдя к власти? Съест мою долю опилок? А может, я сам желаю стать директором. Давайте голосовать за тех, кому нет тридцати пяти. В конце концов, мы превосходим пожилых в пропорции три или четыре к одному. Демократия требует, чтобы мы сотрудничали на основе пропорции.

Деннисон, казалось, пришел в себя.

— Ты совершаешь серьезную ошибку, Эл, и скоро в этом убедишься.

Обед завершили молча. На следующий день Гросвенф понял, что, скорее всего, его затея потерпит неудачу. Естественно, это его расстроило. Он понимал, что Кент, видимо, запретил своим последователям пойти на лекцию, которую читает человек, не поддерживающий его. Но хотя под контролем шефа химического отдела находилось большинство ученых, все-таки оставалось еще несколько сот человек, влияния на которых он не имел. Гросвенф не мог не вспомнить, что сказал ему директор института накануне отъезда:

— Работа, которую тебе предстоит вести на борту «Космической Гончей», будет тяжелой. Некзиализм — новый подход к познанию и взаимодействию наук. Пожилые будут бороться с ним, повинуясь лишь инстинкту. Молодые, если они освоили обычный метод, автоматически будут протестовать, отвергая то, что зачеркивает их знания и называет их подход старомодным. Тебе самому придется использовать на практике приемы, ко-

торые ты познал в теории. Твоя борьба за существование станет продолжением твоей учебы. Прежде всего помни, что человеку, который прав, в критических ситуациях бывает достаточно положиться на свои чувства.

В 16.00 Гросвенф прошел к доске объявлений и изменил время лекции на 17.00. В 17.00 он изменил его на 18.00, а еще позже на 19.00.

«Скоро они освободятся,— сказал он себе.— Политические собрания не должны длиться вечно».

За пять минут до 19.00 он услышал в коридоре шаги. Было тихо. Двое остановились возле открытой двери, ведущей в его отдел, и один из них сказал:

— Все верно, здесь.

Затем они рассмеялись без видимой причины и через минуту вошли. Поколебавшись, Гросвенф приветливо кивнул молодым людям. С первого дня путешествия он поставил перед собой задачу — научиться узнавать людей по голосам, лицам, именам, и узнать о них как можно больше. Людей было так много, что он еще не закончил эту работу, но этих двоих он помнил. Оба были из химического отдела.

Он наблюдал за тем, как они оглядывались и рассматривали выставленные машины-учителя. Они явно были удивлены, хотя и старались не подавать вида. Наконец, оба устроились в креслах, и один из них с несколько подчеркнутой вежливостью спросил:

— Когда начнется лекция, мистер Гросвенф?

Гросвенф взглянул на часы и сообщил:

— Через несколько минут.

За это время пришли еще восемь человек. Это приободрило Гросвенфа. Особенно он обрадовался тому, что одним из пришедших был Дональд Мак-Кен, глава отдела геологии. Его не беспокоило, что четверо из его слушателей были из химического отдела. Он углубился в лекцию об условных рефлексах и рассказывал о том, что было сделано в этой области, начиная от Павлова и кончая днями, когда был заложен первый камень некзиализма. Затем к нему подошел Мак-Кен и сказал:

— Я заметил, что у вас есть так называемые «машины сна», которые обучают человека во сне,— он усмехнулся.— Помню, один из моих старых профессоров указывал на то, что таким способом можно узнать все, что накоплено в разных областях науки, но затратить на это нужно тысячу лет. Вы не сказали ничего об этих трудностях.

Гросвенф чувствовал, как серые глаза собеседника наблюдают за ним с добродушным лукавством.

— Эти трудности,— улыбнулся он,— были продуктом старого метода использования машин без предварительной подготовки. В наши дни «Некзиальное общество» для того, чтобы преодолеть первоначальное сопротивление, использует гипноз и психотерапию. Например, мне при проверке сказали, что для меня является нормальным включение машины лишь на пять минут за два часа до сна.

— У вас очень низкая толерантность,— заметил Мак-Кен.— Моя была три минуты на полчаса.

— Но вы на нее согласились, не так ли?

— А что бы сделали вы?

Гросвенф улыбнулся.

— Сам я не сделал бы ничего. Меня обучали различными методами до тех пор, пока я не научился восьмичасовому сну при непрерывно работающей аппаратуре. Процесс поддерживался некоторыми другими приспособлениями.

Последнюю фразу геолог проигнорировал и удивленно воскликнул:

— Полных восемь часов?!

— Полных,— подтвердил Гросвенф.

Геолог, казалось, обдумывал услышанное.

— И все же,— сказал он, наконец,— это служит дополнением к первоначальному фактору. Есть много людей, которые даже при отсутствии специальных условий могут не просыпаясь забирать пять минут из каждой четверти часа.

Гросвенф ответил, внимательно наблюдая за реакцией Мак-Кена:

— Но информацию придется повторить много раз. Конечно, сэр, вам достаточно увидеть или услышать однажды, чтобы запомнить навсегда. Так вам кажется. Но все же, часто то, что оставило достаточно глубокий след, постепенно стирается в памяти, и по истечении времени даже невозможно вспомнить, где ты об этом слышал. Мы забываем, и происходит это не случайно, есть свои законы и у памяти. «Некзиальное общество» установило, в чем они заключаются.

Мак-Кен ничего не ответил. Он размышлял, сжав губы. Гросвенф посмотрел на четверку из химического отдела, которые стояли уже у дверей. Они о чем-то шептались. Он отвел от них взгляд и обратился к геологу:

— Было вначале время, когда я считал, что нагрузка для меня слишком велика. Я, как вы понимаете, говорю не о машинах сна. Напряжение их намного меньше их возможности.

Мак-Кен качнул головой.

— Все это ошеломило меня. Полагаю, что вы добились самых высоких показателей запоминания. Вам, видимо, достаточно, чтобы кадр фильма, прокрученный в мозгу, задержался на экране какую-то долю секунды.

— Мы смотрели эти фильмы по три часа в день, но они составляли лишь 45% от общего курса тренировки. Секрет кроется в скорости и в повторении.

— Вся наука за один присест! — изумился Мак-Кен.— Да, это единственное, что можно назвать полным обучением.

— Это лишь один из аспектов. Мы используем при обучении все органы чувств. В процессе усвоения у нас участвуют и пальцы, и уши, и глаза, даже запах и вкус имеют значение.

Мак-Кен снова замолчал, нахмурившись. Гросвенф заметил, что молодые люди вышли. Из коридора донесся приглушенный

смех. Это вывело Мак-Кена из оцепенения. Геолог протянул Гросвенфу руку и сказал:

— Я был бы счастлив, если бы вы посетили мой отдел. Думаю, нам удастся разработать метод, который совместит наши науки и будет применим практически. Мы сможем проверить его эффект, когда приземлимся на другой планете.

Вечером по дороге в спальню, Гросвенф тихо насвистывал. Он одержал свою первую победу, и сознавать это было очень приятно.

На следующее утро Гросвенф, подходя к своему отделу, еще издали с удивлением заметил, что дверь открыта. Яркий луч света бил из нее в более тускло освещенный коридор. Он ускорил шаг и застыл в дверях, пораженный.

Сразу же он увидел у себя в отделе химиков. Их было семеро. Двое из них посетили вчера его лекцию. В комнате было много приборов и целая система трубок для насыщения чанов химикалиями. Гросвенф вспомнил, как вели себя химики на его лекции. Он вошел в комнату, с опасением подумав о своем оборудовании. Первую комнату он использовал для общих целей. В ней, как правило, находилось несколько аппаратов, но в целом она была предназначена для того, чтобы давать групповой инструктаж.

В оставшихся четырех комнатах находилось особое оборудование. Сквозь открытую дверь, ведущую в его кино- и звуковую студию, Гросвенф обнаружил, что и вторая комната переполнена людьми. Он был настолько поражен, что не мог сказать и слова. Не обращая внимания на присутствующих, он зашел по очереди в каждую из четырех специальных секций. Три из них были заняты оккупантами-химиками. В четвертой секции с ее хитроумной техникой и кладовой пока никого не было. Из четвертой секции дверь вела в маленький коридор. Гросвенф мрачно подумал о том, что впредь она будет служить входом в его отдел.

Он не терял самообладания, хотя сдерживаться было нелегко. Мозг лихорадочно искал выхода из сложного положения, в котором он оказался. От него, конечно, ожидали, что он побежит к Мортону с протестом. Кент будет пытаться обернуть это на выборах в свою пользу. Пока Гросвенф не понимал, каким именно образом, но Кент, очевидно, считал, что произойдет именно так. Гросвенф медленно вернулся в первую комнату — свою аудиторию. Лишь теперь он заметил, что чаны были машинами для производства пищи. Умно... Дело обернули таким образом, как будто площадь, которая раньше не служила полезному делу, теперь отобрана, чтобы ему служить. Для человека неискушенного это казалось справедливым.

Кент, видимо, сразу невзлюбил его. А после того, как Гросвенф нелестно отозвался о нем и, конечно же, ему тут же передали, неприязнь перешла во вражду. Все на судне знали о мстительном характере шефа химического отдела. Гросвенф успокаивал себя тем, что если умело взяться за дело, все это

можно использовать против него. Должен сработать эффект бумеранга.

Ученый решил поступить таким образом, чтобы Кент ничего не выиграл от своего вторжения.

Он подошел к одному из химиков и сказал так, словно ничего не случилось.

— Я прошу вас обратить внимание своих товарищей на то, что я счастлив такому соседству и постараюсь продолжить образование штата химического отдела. Надеюсь никто из вас не будет против того, что мы будем расширять свой научный диапазон прямо во время работы.

И он сразу отошел, не дожидаясь ответа. Оглянувшись, он увидел, что химик во все глаза смотрит ему вслед. Гросвенф постарался скрыть улыбку. Заходя в комнату, заставленную техникой, он чувствовал себя спокойным. Теперь, по крайней мере, он был в такой ситуации, когда мог использовать методы, которые пока только изучал. В связи с тем, что передвижные шкафы, тумбы и другое оборудование были теперь придвинуты друг к другу, он не сразу нашел понадобившийся ему гипнотический газ. Он потратил почти полчаса, прилаживая глушитель к выпускному отверстию, чтобы вещество не издавало при выходе свистящего звука. Гросвенф отнес канистру во вторую комнату. Затем он отпер стенной шкаф с решетчатой дверью, поставил канистру внутрь, пустил газ и быстро запер дверцу.

Слабый запах газа смешался с идущим от чанов запахом химикалий. Тихонько насвистывая, Гросвенф прохаживался по отделу. Его грубо окликнул один из тех, которые вчера были на его лекции:

— Какого черта вы тут делаете?

Гросвенф улыбнулся нахалу.

— Через минуту вы вряд ли станете обращать на это внимание. Это часть моей образовательной программы для вашего штата.

— А кто это вас просил осчастливливать нас этой образовательной программой?

— Как, мистер Мэлден,— произнес Гросвенф, делая вид, что удивлен,— что же еще вы могли бы делать в моем отделе? — он рассмеялся.— А чтобы сочетать приятное с полезным, я включил дезодорант. Это еще нужно и затем, чтобы комнаты не пропахли посторонними запахами.

Гросвенф отошел, опять не дожидаясь ответа, и остановился у стены, наблюдая, как реагируют люди на газ. Их было пятнадцать. Он мог ожидать пять благоприятных результатов и пять частично благоприятных. Существовали способы, с помощью которых можно было определить реакцию каждого. После нескольких минут наблюдения, он подошел к одному из химиков и тихим, но твердым голосом сказал:

— Через пять минут приходите в ванную, я кое-что вам дам. Не забудьте!

Гросвенф вернулся к двери, которая вела в кинозал. Обернувшись, он увидел, что Мэлден стоит около человека, с кото-

рым он только что говорил и что-то у него спрашивает. Химик что-то отрицал, качая головой.

В голосе Мэлдена прозвучали ярость и недоумение.

— То есть как это не говорил? Я сам видел, что говорил.

Химик разозлился.

— Я ничего не слышал!

Спор продолжался, но Гросвенф уже наблюдал за другими. Краешком глаза он заметил, что один из молодых людей в соседней комнате уже начал поддаваться гипнозу, готов к контакту. Он как бы случайно подошел к нему и сказал то же самое, что и первому пациенту, но время назначил другое — на десять минут позже. Из всех химиков газ оказал действие на шестерых. Гросвенф считал, что этого достаточно для выполнения его плана. Оставалось еще девять человек. Трое из них, в том числе Мэлден, контакту не поддались. Гросвенф оставил их в покое. Сейчас ему рисковать нельзя было. Это был не опыт, а борьба за существование. Чуть позже он попробует применить и к неподдающимся уже другие методы. Он терпеливо ждал, когда первый объект его эксперимента войдет в ванную. Когда это произошло, он ему сказал, улыбнувшись:

— Вы видели когда-нибудь что-то подобное? — Эллиот протянул химику крошечный наушник.

Человек взял приспособление и удивленно покачал головой.

— Что это? — спросил он.

Гросвенф приказал:

— Повернитесь вот так, и я прикреплю его к вашему уху.— Поскольку испытуемый повиновался без дальнейших рассуждений, Гросвенф продолжал:

— Вы заметили, что внешняя часть имеет окраску тела? Если кто-то обратит на вас внимание, вы можете сказать, что это слуховой усилитель.— Он закончил работу и отошел в сторону.— Через минуту-другую вы даже не будете знать, что пользуетесь им. Вы не будете его ощущать.

Химик, казалось, заинтересовался.

— Сейчас я его едва чувствую. А что это?

— Это радио.— Гросвенф подчеркивал каждое слово.— Но вы не будете слышать ни одного из произнесенных по нему слов. Они будут направлены непосредственно в ваше сознание. Вы можете слышать то, что вам будут говорить другие люди. Вы сможете поддерживать разговор. Собственно, вы будете заниматься своими обычными делами, не думая о том, что с вами происходит нечто необычное. Вы просто об этом забудете.

— Нет, вы только представьте себе! — чему-то удивился химик и вышел, покачивая головой.

Через несколько минут появился второй человек, потом, каждый в свою очередь, явились оставшиеся четверо. И все они были под глубоким гипнозом. Гросвенф снабдил их всех аналогичными приборами.

Потихоньку напевая, он достал гипнотический газ другого действия, заключенный в канистру и спрятал его в одном из шкафов, приоткрыв крышку. На этот раз не устоял Мэлден

и четверо недавних скептиков. Они оказались под сильным воздействием нового газа. Из оставшихся двое выказывали слабую реакцию. К ним добавился третий, который выходил из состояния сна, в который ввел его первый газ. И был еще один — его ничего не брало.

Гросвенф решил, что одиннадцать из пятнадцати — это совсем не плохо. Он думал о том, что Кент, должно быть, не обрадуется, когда эти парни вернутся к нему с докладом. Шефа ожидает неприятный сюрприз. Но это еще не победа. Победить можно, только предприняв атаку против самого Кента.

Гросвенф приготовил магнитофонную запись для экспериментальной передачи по портативным приемникам. Включив ее, он принялся обходить людей, которые у него побывали, и наблюдать за их реакцией. Четверо из тех, кого он встретил, были чем-то обеспокоенными. Гросвенф подошел к одному из них. Он непрерывно тряс головой.

— В чем дело? — осведомился Эллиот.

— Я все время слышу голос. Смешно! — человек грустно рассмеялся.

— Громкий? — это был совсем не тот вопрос, который мог ожидать обеспокоенный человек, но Гросвенф задал именно его.

— Нет, далекий, он уходит, а потом...

— Он уйдет совсем,— успокаивающе сказал Гросвенф.— Вы не знаете, каким чувствительным бывает мозг. Я уверен, что сейчас, после того, что вы испытали все это и я поговорил с вами, голос исчезнет совсем.

Человек повертел головой, стал напряженно прислушиваться. Затем он удивленно взглянул на Гросвенфа.

— Исчез...— он выпрямился и с облегчением вздохнул.— Это заставило меня немного поволноваться.

Из остальной тройки двоих удалось успокоить сравнительно легко. Но последний, даже после дополнительного внушения, продолжал слышать голос. В конце концов, Гросвенф отвел его в сторону и незаметно вытащил крошечный приемник. Вероятно, этот человек нуждался в более тщательной подготовке.

С остальными Гросвенф обменялся несколькими короткими фразами. Удовлетворенный, он возвратился в комнату с аппаратурой и установил серию записей. Снова пройдя во вторую комнату, он осмотрелся. Все было в порядке. Он решил, что вполне может оставить этих людей наедине с их работой. И пошел к лифту. Через несколько минут он уже был в математическом отделе. Там он попросил пропустить его к Мортону. К удивлению Эллиота, его сразу же пропустили.

Мортон сидел в кресле за огромным столом. Математик указал ему на стул, и Гросвенф сел. Он впервые находился в кабинете Мортона и сейчас с любопытством рассматривал его. Комната была большой, и одну из ее стен занимал большой экран-телескоп. Он был направлен в пространство под таким углом, что огромная кружащаяся галактика, где Солнце было лишь крошечной пылинкой, виднелась целиком, будто находилась на гигантском блюде. Она была сильно увеличена и

можно было разглядеть множество звезд, будто они находятся недалеко. В то же время их было так много, что становилось ясно, как далеко они удалены от этого места.

В поле зрения находились также несколько созвездий, которые хотя и были за границей галактики, кружились вместе с ней в пространстве. И это напомнило Гросвенфу, что «Космическая Гончая» проходила сейчас рядом с одним из мелких созвездий, находясь на периферии галактики.

Когда ритуал обычных приветственных фраз был закончен, он спросил:

— Еще не решили, будем ли мы останавливаться у одного из этих созвездий?

— Решили — не будем. И я согласен с этим решением. Мы направляемся в другую галактику и пробудем там достаточно долго,— лениво директор взял со стола бумагу и неожиданно энергично спросил: — Я слышал, что вашу территорию оккупировали?

Гросвенф сухо улыбнулся. Он мог себе представить, какое удовольствие доставила эта весть некоторым членам экспедиции. Он достаточно заявил о себе на корабле, чтобы возможности некзиалиста внушили им тревогу. Кое-кто, особенно те, что поддерживают Кента, будут недовольны, если в это дело вмешается директор.

Отдавая себе в этом отчет, он все же пришел к нему, чтобы убедиться — понимает ли Мортон всю сложность ситуации. Гросвенф, стараясь быть кратким, описал происшедшее и закончил так:

— Мистер Мортон, я хочу, чтобы вы приказали Кенту освободить мою лабораторию.— Гросвенф старался говорить как можно спокойнее. Он не хотел обличать своего врага. Ему необходимо было знать, как Мортон смотрит на все это. Понимает ли он, какую опасность представляет из себя главный химик.

Директор в ответ холодно произнес:

— В конце концов у вас действительно большое помещение для одного человека. Почему бы вам не поделиться с другим отделом?

Ответ был слишком уклончивым. Гросвенфу ничего не оставалось, как усилить наступление. Он решительно заявил:

— Означает ли это, что глава любого отдела, находящегося на корабле, имеет право захватывать территорию другого отдела без разрешения властей?

Мортон ответил не сразу. На его лице мелькнула улыбка. Наконец, он сказал:

— Мне кажется, вы не совсем понимаете мое положение на «Гончей». Прежде чем я выношу какое-либо решение, касающееся главы отдела, я обязан посоветоваться с главами других отделов. Представьте себе, что я поставил ваш вопрос на повестку дня. Как можно решать то, что уже свершилось. Отдел занят и никто не пойдет против Кента, ну хотя бы потому, что не захотят испортить с ним отношения. Вы полу-

чите удовлетворение, если его решение будет оправдано. А вообще, я считаю, что вам лишняя площадь нужна,— мягко закончил он и улыбнулся.

Гросвенф, который добился, чего хотел, тоже улыбнулся.

— Я очень рад заручиться в этом деле вашей поддержкой. Значит, я могу рассчитывать на вас и не позволить Кенту выносить этот вопрос на широкое обсуждение.

Если Мортон и был удивлен переменой его позиции, то не подал вида.

— Широкое обсуждение,— с удовольствием произнес он,— один из вопросов, которые я обязан контролировать. Повестка дня составляется в моем офисе. И я при этом присутствую. Главы отделов могут проголосовать за то, чтобы поставить предложение Кента на повестку более позднего собрания, но не того, которое готовится сейчас. Так что широкое обсуждение в ближайшем будущем не грозит.

— Я так понимаю,— заметил Гросвенф,— что мистер Кент уже подал просьбу о том, чтобы занять четыре комнаты моего отдела?

Мортон кивнул. Он положил руку на бумагу, лежавшую на его столе, потом взял хронометр и задумчиво уставился на него.

— Собрание состоится через два дня, а следующее через неделю, потом опять неделю спустя, если только какое-нибудь из них не отложу. Думаю,— он говорил так, будто размышлял вслух,— что мне без труда удастся отложить одно запланированное собрание на двенадцать дней.— Он отложил хронометр и быстро поднялся.— Это даст вам время, чтобы подготовиться к защите. Целых двадцать два дня.

Гросвенф медленно поднялся. Он решил не обсуждать лимит времени. Его было больше, чем достаточно. Кроме того, стала понятна позиция главного шефа. Короче — все сейчас зависит от него самого. Или он вернет себе свои апартаменты до собрания или признает свое поражение.

И он сказал:

— Есть еще один вопрос, который я хотел бы обсудить с вами. Не находите ли вы, что я должен получить связь с главами других отделов, когда мы находимся в скафандрах.

Мортон улыбнулся.

— Вы ее не получили до сих пор по недоразумению. Положение будет исправлено.

Они пожали друг другу руки, и Гросвенф вышел. Вернулся в отдел он в хорошем расположении духа. Ему казалось, что некзиализм на корабле обретает под собой почву.

В первой комнате Гросвенф с удивлением увидел Сидла, который стоял в сторонке и наблюдал за работой химиков. Психолог направился к нему навстречу:

— Молодой человек,— начал он,— не кажется ли вам, что это немного неэтично?

Гросвенф понял, что Сидл знает о гипнотических опытах. Ему, действительно, стало несколько не по себе. Но виду он не подал. Придав голосу твердое звучание, он быстро сказал:

— Вы абсолютно правы, сэр. Я поступил скверно. А как поступили бы вы, если бы ваш отдел был занят в обход всех существующих правил.

«Зачем он пришел? — подумал про себя Гросвенф.— Неужели Кент послал его расследовать?»

Сидл потер подбородок. Это был плотный человек с живыми искрящимися глазами.

— Я имел в виду не это,— мрачно проронил он.— Но вы, я вижу, испытываете удовлетворение от содеянного.

Гросвенф изменил тактику.

— Вы возражаете против метода обучения, который я использовал на этих людях?

Сейчас он не чувствовал угрызений совести. Какие бы причины не привели сюда этих людей, он обязан был этим воспользоваться и показать им свое преимущество. Он надеялся посеять в душе психолога сомнения и сделать его нейтральным.

— Да, я пришел сюда по просьбе мистера Кента и осмотрел его подчиненных, которые, как он считал, действовали несколько странно. Теперь я обязан дать мистеру Кенту отчет о своем диагнозе.

— Почему? — спросил Гросвенф и заговорил более откровенно.— Мистер Сидл, мой отдел захвачен человеком, невзлюбившим меня за то, что я открыто высказался против его кандидатуры на предстоящих выборах. Поскольку он действовал в обход всех действующих на корабле законов, то я имею право защищать себя так, как умею. Тем не менее, я прошу вас оставаться нейтральным в этом чисто личном вопросе, касающемся меня и начальника химотдела.

— Вы не понимаете,— нахмурился Сидл,— я тут выступаю в качестве психолога. Я рассматриваю использование вами гипноза без согласия испытуемых. И нахожу, что поступок этот безнравственен. Я удивлен, что вы ждете от меня содействия. Нет уж, увольте.

— Уверяю вас, что мое отношение к этике так же серьезно, как и ваше. Гипнотизируя людей без их согласия, я совершенно воздержался от того, чтобы воспользоваться своим преимуществом, пристыдить их или ввести в замешательство хотя бы в малейшей степени. И при данных обстоятельствах я не вижу причин, по которым вам следовало бы занять сторону мистера Кента.

— Между вами и Кентом произошла ссора... это верно?

— Совершенно верно,— Гросвенф понимал, что за этим последует.

— И все же, вы загипнотизировали не Кента, а группу посторонних людей. В чем их вина?

Гросвенф вспомнил, как вели себя на его лекции четыре

техника из химического отдела. Это команда Кента. И, конечно же, все они заодно.

— Я не собираюсь спорить с вами по этому поводу, мистер Сидл. Могу лишь сказать, что специалисты, которые с самого начала подчинились лидерам, не вникая, какими интригами занимаются их начальники, должны отвечать за содеянное их шефами зло. Не буду глубоко вникать в этот вопрос, лучше задам свой.

— Да?

— Вы были в технической?

Сидл кивнул.

— Вы видели записи?

— Да.

— Вы обратили внимание, какая именно в них заложена информация?

— Все связано с химией.

— Именно ее я им преподаю и намерен не обрывать этого процесса. Я рассматриваю свой отдел, как отдел обучения. Люди, приходящие сюда, получают знания, хотят они этого или не хотят.

— Не понимаю, каким образом это вам поможет избавиться от них. Тем не менее, я рад сообщить мистеру Кенту о том, что вы делаете. Вряд ли он будет возражать против того, чтобы его люди углубили знания по химии.

Гросвенф промолчал. У него было собственное мнение насчет того, что скажет мистер Кент и обрадуется ли он тому, что его служащие будут знать не меньше, чем знает он сам. Он мрачно смотрел в спину уходящему Сидлу и знал наверняка, что психолог даст Кенту полный отчет, а это означает, что в действие вступит новый план. Гросвенф думал — для решительных действий время еще не настало. Кроме того он опасался, что, если применит тяжелую артиллерию, то вызовет ответные действия, которые трудно будет отразить. «Надо быть хитрее»,— решил Эллиот. И мысли его сосредоточились на другой области. Он думал о цикличности истории. О цивилизации, которая рождалась, росла и старела. Он сравнивал свою борьбу с эволюцией, с развитием, в процессе которого появляются коллизии. Это была область, которую хорошо знал Корита. И он решил посоветоваться с ним. Он нашел ученого в библиотеке, что располагалась на том же этаже, что и «Некзиальный отдел». Когда Эллиот вошел в библиотеку, Корита собирался уходить, так что они встретились в дверях, и молодой ученый без околичностей задал свои вопросы.

Корита ответил не сразу. Они прошли почти весь коридор, прежде чем он сказал:

— Друг мой... Я уверен, что вы понимаете, насколько трудно решить специфическую проблему. Это можно сделать только на базе общих правил. Вот практически все, что может предложить теория цикличности.

— Из того, что я читал по этому предмету, я понял, что

мы находимся в позднем «зимнем» периоде цивилизации. Иными словами, именно сейчас мы совершаем ошибки, ведущие к распаду. У меня есть кое-какие соображения на этот счет.

Корита пожал плечами.

— Я постараюсь быть кратким. Важнейшей «доминирующей» чертой «зимнего» периода цивилизации является растущее понимание миллионами людей того, в чем состоит суть происходящего. Люди становятся нетерпимыми к религии, ищут смысл во всевозможной чертовщине. Объясняют непонятное вмешательством сверхъестественных сил. С ростом знаний общество начинает многое понимать и отрицает наследственное превосходство меньшинства, отвергает его. Начинается борьба за власть... Именно эта обостряющаяся борьба является общей чертой «зимних» периодов для всех цивилизаций, увековеченных историей. К лучшему или к худшему, но борьба начинается обычно в легальных рамках, которые тяготеют к защите меньшинства. На общественной арене появляются личности, которых втягивает воронка борьбы. Начинается рукопашный бой интеллектов. Охваченные негодованием и страстным желанием люди следуют за такими же сбитыми с толку, как и они сами, вожаками. И повторяется одно и то же, беспорядок ведет по одной и той же дороге к конечному состоянию. Рано или поздно одна из групп завоевывает высоты. Оказавшись у вершин власти, лидеры насаждают «порядок», увлекая при этом миллионы в провал. Господствующая группа, чтобы удержаться, начинает тормозить любого рода деятельность. Права, свобода и прочие институты, необходимые всякому организованному обществу, превращаются в средство давления и монополизации. Борьба в такой ситуации становится трудной, а потом и невозможной. И тут мы наблюдаем быстрый переход к кастовой системе Древней Индии и другим, менее известным, но открыто жестоким обществам. Вспомните Рим после 300 года н.э. Личность не может возвыситься. Ну как, помогла вам эта краткая зарисовка?

Гросвенф задумчиво ответил:

— Да, очень похоже на то, что происходит у нас. Мне необходимо поставить на место мистера Кента, избежав при этом ситуации, свойственной «зимнему» периоду, описанному вами. Я хочу понять, могу ли я немедленно защищаться от него, не усугубив вражду и так уже имеющуюся на борту «Гончей».

Корита улыбнулся.

— Это будет небывалая победа, если она вам удастся. Что ж, желаю вам удачи, молодой человек!

В эту минуту все и решилось...

Они остановились у прозрачной стены в конце коридора. С внешней стороны стены была ниша. И, конечно же, прозрачный корпус не был стеклянным. Это был особый сплав прочного металла. За ним находился вакуум и беспредельность пространства.

Гросвенф заметил, что корабль оставил за собой маленькое созвездие, которое проходил недавно. Были видны лишь несколько из пяти тысяч солнц этой системы. Ученый хотел было попрощаться и сказать: «Я хотел бы еще раз поговорить с вами, мистер Корита, когда у вас будет свободное время».

Но не успел произнести и слова, как в стекле напротив него появилась женщина в шляпе с перьями. Она была как в тумане. Гросвенф пристально посмотрел на нее. На мгновение его сознание потухло, но затем на него обрушился шквал звуков, перед глазами замерцали световые блики и резкая боль пронзила тело. Гипнотические галлюцинации! Эта мысль была подобна разряду электрического тока. Однако она его и спасла. Он умел контролировать свою психику и смог мгновенно отвлечься от световых пятен. Резко повернувшись, он закричал в ближайший коммуникатор.

— Не смотреть на изображения! Это гипноз! На нас напали!

Отвернувшись от коммуникатора, Гросвенф шагнул и споткнулся о Кориту, который лежал на полу. Он опустился перед ним на колени.

— Корита! — произнес он.— Вы меня слышите?

— Да.

— Вы сможете исполнить, что я вам прикажу?

— Да.

— Вы расслабляетесь, все забываете. Ваше сознание спокойно. Действие образов слабеет. Теперь оно совсем прекратилось. Образы исчезли. Вам ясно? Совсем исчезли.

— Понимаю...

— Они не смогут на вас воздействовать. При виде их вы вспоминаете нечто приятное.

— Да.

— А теперь пробуждайтесь. Буду считать до трех. Раз... два... три... просыпайтесь!

Корита открыл глаза и озадаченно спросил:

— Что со мной случилось?

Гросвенф объяснил ситуацию и приказал:

— А теперь идемте, быстро! Несмотря на встречное внушение, цветовые пятна продолжают попадать в поле моего зрения.

Он потащил ошеломленного археолога к дверям «Некзиального отдела». За первым же поворотом он натолкнулся на человека, лежащего на полу.

Гросвенф пнул его ногой, причем, не слишком осторожно. Он хотел получить ответную реакцию.

— Вы меня слышите? — резко спросил он.

Человек шевельнулся.

— Да.

— Тогда слушайте. Световые изображения на вас больше не действуют. А теперь вставайте, вы проснулись.

Человек вскочил и, пошатываясь, ринулся на него. Грос-

венф отпрянул, и нападающий пронесся мимо. Гросвенф приказал ему остановиться, но тот, не оглядываясь, продолжал идти вперед. Эллиот схватил Кориту за руку.

— Кажется, мы нашли его поздно.

Корита изумленно покачал головой. Он посмотрел на стену, и из того, что он сказал, стало ясно, что Гросвенф не оказал на него полного действия. Ученый сомневался.

— Но что это такое? — спросил он.— Вы их не видите?

Не смотреть на видение было весьма сложно. Гросвенфу приходилось сильно зажмуриваться, чтобы излучения не попадали в глаза. Сначала ему казалось, что изображения рассеяны повсюду. Потом он заметил, что женские силуэты раздвоены. Они находились в прозрачных секциях. Таких секций было много, но все-таки они находились не всюду.

Затем им встретились еще несколько людей. Жертвы лежали далеко друг от друга. Дважды они наталкивались на людей, находящихся в сознании. Один из них стоял на их пути у стены, уставившись куда-то невидящим взглядом, и не двинулся с места, когда Гросвенф и Корита торопливо прошли мимо него.

Другой испустил вопль и, схватив вибратор, выпалил из него. Луч ударил в стену за спиной Гросвенфа. Ученый бросился на человека и свалил его на пол. Это был помощник Кента. Помощник злобно уставился на него и прохрипел:

— Чертов шпион! Мы еще доберемся до тебя!

Гросвенф не стал останавливаться и выяснять, в чем дело. Но подходя вслед за Коритой к двери «Некзиального отдела», он напрягся. Если тот химик мог так быстро поддаться чувству ненависти, что же стало с теми пятнадцатью, которые расположились в его комнатах.

Переступив порог, он увидел их всех лежащими на полу без сознания. Он торопливо достал две пары темных очков — одну для Кориты, другую для себя, потом включил все освещение, и потоки света залили стены, потолок и пол. Изображения были мгновенно поглощены ими. Гросвенф пошел в техническую комнату и стал командовать, надеясь, что сумеет освободить тех, кого он накануне загипнотизировал. Сквозь стеклянную дверь он наблюдал за двумя из них. Через пять минут они все еще не подавали признаков жизни. Он понял, что мозг загипнотизированных спал и любые слова были для них бесполезными. Гросвенф надеялся, что через некоторое время они очнутся и переключатся на него. Он и Корита перетащили их в ванную комнату и заперли дверь. Было очевидно: это был механически-визуальный гипноз такой силы, что он сам спасся лишь благодаря решительным действиям. Но случившееся не ограничивалось видением. Изображения проникали в сознание, они действовали на все органы чувств. Он был в курсе всего, что было сделано в этой области, и знал то, чего не знали нападающие. Контроль извне над нервной системой человека невозможен. Анализируя свое состояние, он понимал, что все были погружены в глубокий трансовый сон, или же их сознание

было помрачено галлюцинациями, и они не могли отвечать за свои действия.

Его первой задачей было проникнуть на контрольный пункт и включить энергоционный экран корабля. Неважно, откуда были нападающие — с другого корабля или с другой планеты — такая мера помогла бы отрезать путь любым лучам, посылаемым врагами.

С невероятной быстротой Гросвенф начал приводить в действие переносной световой агрегат. Ему нужен был хоть небольшой источник света, который мог бы помочь ему бороться с изображениями по пути к контрольному пункту. Он заканчивал последнее соединение, когда ощутил легкое головокружение, которое потом исчезло. Это было чувство, которое возникало при существенном изменении курса в результате анти-акселерации.

Действительно ли был изменен курс корабля? Это он проверит чуть позже.

— Мы будем сопротивляться. Это будет и борьба и научный эксперимент,— обратился он к Корите.— Останьтесь, пожалуйста, здесь.

Гросвенф вытащил собранное световое устройство в коридор и поместил его в задний отсек электротележки, перевозящей грузы. Потом сел в нее сам и поехал к лифту. Он прикинул, что с того времени, как впервые увидел изображение, прошло минут десять.

Гросвенф свернул в отсек, где находился лифт, на скорости двадцать пять миль в час. Быстрее в таких условиях двигаться нельзя было. В алькове напротив лифта двое боролись друг с другом не на жизнь, а на смерть. Они не обратили никакого внимания на Гросвенфа. Продолжали, ругаясь, извиваться и тискать друг друга. Дыхание их было учащенным и тяжелым. Гросвенф направил на них световую установку. Какого бы рода галлюцинации они не были подвержены, гипноз захватил их слишком глубоко. Гросвенфу не удалось рассеять его. Он направил машину к ближайшему лифту и спустился вниз. Ученый думал, что найдет контрольный пункт пустым.

Надежда исчезла, как только он въехал в центральный коридор. Там было полно людей. Громоздились баррикады, делались заслоны. В воздухе чувствовался запах озона. Тут и там вспыхивало пламя вибратора. Гросвенф осторожно выбрался из лифта, пытаясь понять, что происходит. Все были в панике. Два подхода к контрольной были блокированы перевернутыми транспортными тележками. За ними прятались люди в форме. Гросвенф узнал среди защитников капитана Лича, а на дальнем конце баррикады в одной из нападающих групп он разглядел доктора Мортона.

Ситуация была ясна. Открытием для него это не оказалось. Скрытая враждебность подстегнулась видениями. Ученые дрались с военными, которых всегда подсознательно ненавидели.

У военных, в свою очередь, выплеснулось наружу их чувство презрения и ярости по отношению к ученым.

Гросвенф понимал, что чувства эти сейчас утрированы и не отражают картину отношений, сложившихся между людьми. В нормальном состоянии человеческое сознание балансирует между многочисленными противоположными импульсами, так что средний индивидуум может прожить свою жизнь без того, чтобы одно какое-то чувство одержало верх над другими и стало преобладающим. Теперь это сложное равновесие было нарушено. Результат этого грозил уничтожить всю экспедицию, то есть обещал победу врагу, о целях которого можно было лишь догадываться.

Как бы там ни было, путь в контрольную был отрезан. Гросвенф в задумчивости вернулся в свой отдел.

У двери его встретил Корита.

— Посмотрите,— произнес он, указывая на экран настенного коммуникатора, настроенного на находящийся в носовой части корабля механизм управления. Расположенный там экран передачи был нацелен на цепочку звезд. Устройство выглядело более сложным, чем оно было на самом деле. Гросвенф посмотрел в окуляры и обнаружил, что корабль описывает плавную дугу — кривую, которая в верхней своей точке могла привести корабль прямо к яркой белой звезде. Вспомогательный механизм управления должен был давать периодические толчки, чтобы удерживать корабль по курсу.

— Могли это сделать враги? — осведомился Корита.

Гросвенф кивнул, более озадаченный, чем встревоженный. Он изменил положение окуляров и нацелил их на вспомогательный механизм. Спектральный класс звезды, ее величина и яркость показали, что она находится на расстоянии около четырех световых лет. Корабль летел со скоростью примерно световой год за каждые пять лет. Поскольку следовало еще принять во внимание ускорение, рассчитанная кривая должна была еще увеличиться. Он подсчитал, что корабль должен был достичь окрестностей солнца приблизительно через одиннадцать часов.

Гросвенф выключил коммуникатор. Он был поражен. Тот, кто поменял их курс, преследовал одну цель — уничтожить корабль. И на то, чтобы предотвратить это, было только десять часов.

У Гросвенфа еще не было определенного плана. Но даже сейчас он понимал, что есть связь между изменением курса и галлюцинациями.

Он стоял, размышляя. Следовало предпринять вторую попытку проникнуть в контрольный пункт. Ему нужен был аппарат, действующий непосредственно на клетки мозга. Таких было несколько. Большая их часть применялась лишь для сугубо медицинских целей. Исключение составлял прибор — энцефалорегулятор, который мог быть использован для перенесения импульсов из одного сознания в другое.

Даже с помощью Кориты Гросвенфу понадобилось несколь-

ко минут на сборку такого агрегата. Его проверка заняла еще некоторое время. Машина была хрупкой. Чтобы разместить ее на тележке, ему пришлось использовать рессорные подушки. В общем, приготовления заняли больше получаса.

Затем он попросил археолога его не сопровождать. И, в конце концов, Корита согласился остаться сторожить опорный пункт операции.

Непрочность груза заставила Гросвенфа уменьшить скорость. Это раздражало его, но в то же время давало возможность замечать перемены, происшедшие после первой атаки.

Людей, лежащих на полу, было теперь гораздо меньше. Гросвенф понял, что многие из тех, кто оказался погруженным в глубокий сон, теперь самопроизвольно вышли из него. Подобные пробуждения были обычными для гипноза явлениями. Теперь они подвергались другой стимуляции на той же основе. Это не было неожиданностью. Гросвенф подумал, что их действия находились под контролем глубоко скрытых импульсов. Люди, которые в обычном состоянии испытывали умеренную неприязнь, сейчас ненавидели друг друга.

Самым страшным было то, что самим им об этом не было известно. Новые отношения строились на старых. Казалось они обострились естественным путем, а не связаны с влиянием извне. В любом случае, каждый человек действовал так, как будто его новое «я» было столь же прочным, как и старое.

Гросвенф открыл дверцу лифта, находящуюся на уровне контрольного пункта, и тут же поспешно захлопнул ее. Нагревательная установка выбросила пламя, разливающееся по коридору. Металлические стены плавились с резким свистящим звуком. Гросвенф увидел три первые жертвы, испытавшие на себе смертельное пламя. Пока он выжидал, раздался громкий взрыв. Пламя исчезло. В воздухе повис голубой дым, и жара стала невыносимой. Но через несколько секунд и дым, и жара исчезли. Вентиляционная система работала надежно.

Гросвенф осторожно выбрался из лифта. Коридор казался пустым. Однако затем он увидел Мортона, прятавшегося за выступом стены. Директор заметил его и поманил к себе. Гросвенф заколебался, но решил все-таки рискнуть. Он отвел тележку от дверцы лифта и направил ее к тому месту, где стоял директор. Тот энергично приветствовал его.

— Именно вас я и хотел видеть,— заявил он.— Мы должны отобрать у капитана Лича контроль над кораблем, прежде чем Кент и его группа устроят нападение.

Взгляд Мортона был спокойным. Он знал, что борется за правое дело. Ему и в голову не приходило, что его слова требовали объяснений. Директор продолжал:

— Нам необходима ваша помощь именно теперь, когда Кент особенно опасен. Они использовали химический препарат, о котором я раньше не слышал. Пока мы одержали над ними верх, но они готовят новый удар. Наша главная задача — сокрушить капитана Лича, прежде чем Кент соберет свои силы.

Теперь нужно было выиграть время. Эллиот знал это.

— У меня есть план, сэр. Полагаю, он может быть эффективным в борьбе с противником.

Мортон посмотрел вниз и сказал:

— Вы принесли с собой аджустер? Он действует? Для чего он вам понадобился?

Гросвенф не знал, что отвечать. Он думал, что Мортон не знает, что такое аджустер. Но теперь было ясно — это не так. Его оружие переставало быть тайной. И он сказал:

— Да, я хочу использовать эту машину.

Поколебавшись, Мортон заметил:

— Передавать на расстояние мысленный сигнал. Да, это интересно...— он замолчал и его лицо зажглось интересом.— Так, хорошо... Если вы сможете на этот раз передать известие о том, что мы подверглись нападению чужаков...— Он замолчал, а затем продолжил.— Капитан Лич дважды пытался заключить со мной соглашение. Теперь мы сделаем вид, будто согласились, и вы придете к нам с вашей машиной. Вы понимаете, что я не собираюсь заключать соглашение ни с Кентом, ни с капитаном Личем. Мой маневр будет предпринят только для того, чтобы сохранить корабль. Надеюсь, что вы понимаете, о чем я говорю,— с достоинством закончил он.

Гросвенф нашел капитана Лича на контрольном пункте. Командир приветствовал его со сдержанным дружелюбием.

— Борьба против ученых,— честно признался он,— поставила военных в сложное положение. Мы обязаны защищать контрольный пункт и аппаратную, так что наш минимум обязанностей превратился в максимум.— Он серьезно качнул головой.— Конечно, нечего говорить о том, что кому-нибудь из нас удастся одержать победу. На крайний случай мы готовы пожертвовать собой, но не позволить ни одной из групп одержать верх.

То, что сказал капитан, было неожиданным. Гросвенф подумал — а не дело ли рук капитана Лича изменение курса корабля по направлению к белому солнцу. По крайней мере, теперь такая версия была возможной. Казалось, командиром двигала уверенность в том, что победа какой-нибудь группы, кроме военных, была немыслима. Если брать ее за исходную, то оставался лишь крошечный шаг к заключению о том, что необходимо уничтожить всю экспедицию. Незаметным движением Гросвенф направил передатчик аджустера на капитана Лича.

Мозговые волны, минутные пульсации, трансмиттированные от дендрита к эксону и от эксона к дендриту, всегда сопровождающиеся предварительно установленным путем зависимости от обратной связи, это и был процесс, идущий бесконечно между девяносто миллиардами нейронных клеток головного мозга человека и аппаратом. Каждая клетка была в своем собственном состоянии электроколлоидного баланса, сложного взаимодействия напряжения и импульса. Лишь постепенно за долгие годы были созданы машины, которые смогли с высокой точностью обнаружить значения энергетических потоков внутри мозга.

Ранние энцефало-аджустеры были косвенными потомками известного энцефалографа. Но его функции были диаметрально противоположными. Он производил искусственные мозговые волны требуемого образца. Используя их, опытный оператор мог стимулировать любую часть мозга и, таким образом, руководить эмоциями, вызывать воспоминания человека. Он не являлся сам по себе контролирующим прибором. Он лишь поддерживал собственное «я» испытуемого. Тем не менее, он мог передавать импульсы мозга от одного лица к другому. Поскольку импульсы варьировались согласно мыслям посылающего, реципиент стимулировался в высшей степени легко.

Не подозревающий о работе аджустера, капитан Лич не догадывался, что его мысли больше не принадлежат ему.

— Нападение ученых было вероломным. Мы ответили ударом на удар,— капитан Лич умолк и задумчиво произнес: — Вот мой план...

План включал в себя плавящие установки, акселератор мускульной напряженности и частичное обследование обеих групп ученых. Капитан Лич даже не упомянул о чужаках. Казалось, ему даже не приходило в голову, что он описывает свои намерения эмиссару тех, кого он считает своими врагами. Закончил он словами:

— Вы должны действовать, мистер Гросвенф. Как некзиалист, концентрирующий знания многих наук, вы можете сыграть решающую роль в борьбе против ученых...

Гросвенф был обескуражен. Хаос был слишком велик, чтобы с ним смог справиться один человек. Куда бы он ни посмотрел, везде были вооруженные люди. В общей сложности, он насчитал двадцать убитых. Тревожное перемирие между капитаном Личем и директором Мортоном в любой момент могло вылиться в новый взрыв. Даже сейчас он мог слышать ропот людей там, где Мортон сдерживал атаку Кента.

Тяжело вздохнув, он повернулся к капитану.

— Мне понадобится кое-какое оборудование из моей лаборатории. Переправьте меня на заднем лифте, и через пять минут я вернусь.

Когда через несколько минут Гросвенф вносил аппарат через черный ход своего отдела, он понял, что сомнений больше не должно быть. То, что вначале казалось ему невозможным, теперь было единственным вариантом. План действия должен исходить из этого. Он должен атаковать чужих через их миражные образы, причем их собственным гипнотическим оружием.

Гросвенф понимал, что Корита наблюдает за тем, как в горячке готовится новая машина. Археолог подошел поближе, глянул на великое множество деталей, но вопросов не задавал. Казалось, он полностью избавился от любопытства. Гросвенф не переставал вытирать с лица пот, хотя жары не было. Температура в помещении была нормальной. К тому времени, когда

предварительная работа закончилась, он попытался не искать причин своего беспокойства. Скорее всего, его тревожит то, что он почти ничего не знает о своих врагах.

Он только догадывался о их действиях, но этого было мало. Была какая-то тайна и в том, что они выглядят миловидно и что внешность у них женская. Для того, чтобы действовать, ему нужно было знать о них больше.

Он повернулся к Корите и спросил:

— На какой стадии развития культуры могли находиться эти существа, согласно данным теории цикличности?

Археолог ответил вопросом на вопрос:

— Что вы собираетесь делать?

Когда Гросвенф ответил ему, японец побледнел. Затем он раздраженно проговорил:

— Почему вы спасли меня и не разгипнотизировали остальных?

— Я отвлек вас сразу. Нервная система человека завоевывается повторением воздействий на нее. В случае с вами их образы не успели наложиться столько раз, сколько следовало.

— Был ли для нас какой-нибудь способ избежать это бедствие? — мрачно осведомился Корита.

Гросвенф печально улыбнулся.

— Это можно было сделать с помощью некзиального обучения, которое учит сопротивляться гипнотическому состоянию. Есть только одна действенная защита против гипноза и заключается она в тренировке... Мистер Корита, ответьте, пожалуйста, на мой вопрос. История циклична?

На лбу археолога выступили капельки пота.

— Друг мой,— вздохнул Корита,— вы никак не можете разобраться в нашей теперешней ситуации. Что нам известно об этих существах?

Гросвенф тоскливо вздохнул. Ему было не до дискуссии, ведь и так потеряно много времени. Он нерешительно сказал:

— Эти существа умеют использовать гипноз на расстоянии, стимулировать сознание друг друга, а это значит, что они находятся на довольно высокой ступени развития, и, по-видимому, телепатия — это их призвание, талант. Люди могут развить эти способности только с помощью энцефало-аджустера,— он подался вперед.— Скажите, Корита, как должна развиваться культура у существ, способных читать мысли без помощи приборов?

Археолог выпрямился.

— Ну, конечно же, ответить на этот вопрос можно. Умение читать чужие мысли должно уничтожить развитие любой расы на феллахинской стадии,— его глаза блестели, когда он смотрел на озадаченного Гросвенфа.— Неужели вы не понимаете? Способность читать чужие мысли вызовет у вас чувство уверенности в том, что вы все о всех знаете. На этой основе будет развиваться система абсолютной уверенности во всем. Как можно сомневаться, когда вы видите, о чем думают люди, окружающие вас? Подобные существа мгновенно пройдут через ранние пе-

риоды культуры и в кратчайшее время достигнут феллахинского периода.

Гросвенф сидел, нахмурившись. Корита быстро описал, как различные земные и галактические цивилизации истощали себя, а потом застывали в состоянии феллаха. Общество не становилось жестоким, скорее оно становилось равнодушным. Все делались равнодушными к страданиям всех.

Когда Корита кончил, Гросвенф предположил:

— Возможно им не понравились перемены. Такие культуры к ним нетерпимы. Вот они и напали на наш корабль?

Археолог был осторожен:

— Возможно.

Наступило молчание. Гросвенф подумал, что, пожалуй, Корита прав и действовать надо, исходя из его догадок. Других гипотез не было. Теперь надо было все-таки увидеть, что делается за пределами их маленького, летящего через пространство, мира.

Он посмотрел на хронометр и вздрогнул. Затем торопливо сфокусировал луч на энцефало-аджустере, установил экран так, чтобы маленькая стеклянная поверхность была погружена в тень, и получил от аджустера прерывистые лучи.

Сразу же появилось изображение. Это было одно из раздвоенных изображений и, благодаря энцефало-аджустеру, он мог изучить его совершенно не рискуя подвергнуться влиянию пришельцев. То, что он увидел, удивило его. Существа, парившие за иллюминатором, смутно напоминали гуманоидов. И все же стало ясно, почему вначале показалось, что все они женского пола. Частично скрытое, раздвоенное лицо было увенчано аккуратным пучком золотистых перьев. Но птичья голова, как это было ясно видно сейчас, имела некоторое сходство с человеческой. На лице, покрытом сеткой кровеносных или каких-то там других сосудов, перьев не было. Сходство с человеком было еще и оттого, что на лице было нечто похожее на щеки, нос. Вторая пара глаз и второй рот располагались примерно двумя дюймами выше первых. Были также две пары плеч, от которых отходили две пары рук, коротких и оканчивающихся восхитительно нежными и удивительно длинными пальцами. И это тоже говорило о том, что незнакомки — женщины. Гросвенф подумал, что, видимо, руки были вначале слиты, а разъединились в процессе эволюции. Партеногенез, подумал он — воспроизведение без пола. Отпочкование от родителей нового индивида.

Он всмотрелся в экран. Существа явно прошли долгий путь развития. Когда-то у них были крылья. На кистях рук угадывались перепонки. Завоеватели носили ярко-голубую тунику на удивительно прямом и в высшей степени похожем на человеческое теле. Возможно перья покрывали их грудь и спину, но они были закрыты одеждой. Ясно было одно, что эта птица не умела летать. Ее сюда принесли другие крылья.

Корита заговорил первым, голос его был печален.

— Не собираетесь ли вы попросить их, чтобы они вас загипнотизировали? Ради обмена информацией, хотя бы.

Гросвенф не стал отвечать. Он поднялся и нарисовал на доске себя. Через полчаса на доске уже было несколько десятков набросков: изображение птицы, города. Исчезало одно изображение и появлялось другое. Оно было небольшим, и с первого взгляда казалось, будто он смотрит на город с удобной для обозрения высокой точки. Он увидел очень высокие и узкие здания, так близко расположенные друг к другу, что все, находившееся внизу, должно было теряться во мраке. Рассматривая этот город, Гросвенф подумал: «А у них что-то напоминает наше средневековье». Он переключился на другое. Он не обращал внимание на индивидуальность каждого дома, его отличие от другого. Для него главным было охватить взглядом всю картину. Гросвенф хотел выяснить степень развития их машинной культуры, понять их коммуникацию, определить, жители ли этого города атаковали их корабль.

Он не увидел ни машин, ни самолетов, ни автомобилей. Не было также ничего, что можно было бы принять за корабли межзвездной связи. На Земле космические станции занимали несколько квадратных миль. Здесь ничего этого не было. Значит их нападение не связано с механизмами. Как только он об этом подумал, вид на экране изменился. Теперь он обнаружил себя не на холме, а в здании, в доме, расположенном в центре города. Это была яркая картина. Краски сменялись. Фокусное расстояние смещалось, и он переносился на большие расстояния мгновенно. Его захватило зрелище чужой жизни. Он успел подумать, что способ показа ему непонятен. Переход одной картины в другую происходил в мгновение ока. Только недавно его рисунок на доске дал понять пришельцам о его желании получить информацию. И вот он уже столько увидел.

Эта мысль, так же как и другие, была мгновенной вспышкой. Пока она проносилась в его мозгу, он жадно смотрел с высоты здания вниз. Расстояние, отделявшее его от соседнего строения, казалось не шире десяти футов. Но теперь он обнаружил нечто, чего не мог заметить с холма. На каждом уровне находилась дорожка в несколько дюймов шириной. По ним осуществлялось пешеходное движение птичьего города. Прямо под Гросвенфом два горожанина двигались навстречу друг другу по одной узкой дорожке. Они, казалось, не обращали внимание, что находятся на такой головокружительной высоте. Они шли свободно и легко. Грациозно обогнули друг друга и разошлись на узкой дорожке. На иных уровнях шагали другие существа. Они проделывали те же хитрые маневры и двигались так же непринужденно. Наблюдая за ними, Гросвенф догадался, что их кости были тонкими и полыми, и что строение их было тоже, видимо, как у птиц.

Картина вновь изменилась, а потом еще раз. Место действия перенеслось с одной улицы на другую. У одних из этих птицелюдей ноги и руки были как бы оторваны друг от друга. У других — слиты. Явно было то, что у этих существ одно тело

вырастает из другого. И даже можно было разглядеть, если присмотреться, где родитель, а где не оторвавшийся еще от него ребенок.

Гросвенф пытался увидеть, что находится внутри здания. Но изображения на стене стали исчезать. Через мгновение города уже не было. Пальцы на экране указывали на энцефало-аджустер. Пришельцы спрашивали, что это такое. Никаких сомнений не могло быть. Мы вам показали, что делается у нас. Теперь очередь за вами.

С их стороны было наивно ожидать, что он выполнит их просьбу, но беда была в том, что выполнять ее было необходимо. У него не оставалось иного выхода. Вызывая на откровенность, он должен был ответить тем же.

«Я спокоен, я расслаблен,— произнес голос Гросвенфа, записанный на магнитофон.— Мои мысли ясны. То, что я вижу, может быть бесполезно для объясняющих центров моего мозга. Но я видел их город таким, каким они его показали. Независимо от того, имеет ли смысл виденное и слышанное мною, я остаюсь спокойным, расслабленным и чувствую себя непринужденно...»

Гросвенф внимательно выслушал запись и повернулся к Корите.

— Все так,— сказал он.

Конечно же, могло случиться и так, что он не был бы в состоянии выслушать запись. Но она все равно не пропала бы даром, и его слова даже тверже бы запечатлелись в его памяти. Все еще слушая, он в последний раз осмотрел аджустер. Все было так, как он хотел.

Корите он объяснил:

— Я устанавливаю автоматическую отсечку на пять часов. Если вы опустите этот рубильник,— он указал на красную рукоятку,— то сможете освободить меня задолго до этого срока. Но воспользоваться им вы можете только в случае крайней необходимости.

— А что вы считаете случаем крайней необходимости?

— Возможность нападения на нас,— Гросвенф колебался. Ему бы хотелось назвать целый ряд подобных возможностей, но то, что он собирался делать, было не просто научным экспериментом. Это была игра не на жизнь, а на смерть. Готовый действовать, он положил руку на контрольный диск, но остановился.

Наступил решающий момент. В течение нескольких секунд совместный разум бесчисленного количества особей птичьего народа завладевает частью его нервной системы. Несомненно, они попытаются взять его под свой контроль, как взяли всех остальных людей на корабле, кроме Кориты. Он был уверен, что ему придется противостоять группе умов, работающих вместе. Он не видел ни машин, ни даже колесного транспорта — самого примитивного из механических приспособлений. Он считал само собой разумеющимся, что они пользуются камерами типа теле-

визионных и догадался, что видит город глазами его обитателей. В подобных вещах телепатия была сенсорным процессом, таким же острым, как и само видение. Нематериальная духовная сила миллионов птицеподобных обитателей планеты могла перескочить через барьер скорости света. Они не нуждались в машинах.

Слушая запись, Гросвенф манипулировал диском настройки, слегка изменяя ритм собственных мыслей. Он вынужден был делать это осторожно. Даже если бы он захотел, он не смог бы настроить чужую психику на нужный ему диапазон. В ритмических пульсациях лежит любое изменение психики. Он может изменить ритм и больной человек станет здоровым или здоровый душевнобольным. Ему приходилось ограничивать своего реципиента волнами, которые можно было бы зарегистрировать как психологический эквивалент здоровья.

Аджустер перенес эти волны на луч света, и он направил его на изображение. Результатов пока никаких не было. Да Гросвенф и не ожидал их. Так что и разочарован ни в чем не был. Он надеялся, что результат станет очевидным лишь когда будут заметны изменения в лучах, которые они на него направляют. А изменения эти он сумеет распознать.

Не просто было концентрировать свое внимание на изображении, но он заставил себя делать это. Энцефало-аджустер начал явственно вмешиваться в его видение. Но он все так же твердо продолжал смотреть на картину.

«Я спокоен, я расслаблен. Мои мысли ясны...» — только что эти слова громко звучали в его ушах. И вот уже они исчезли. Вместо них послышался рокочущий звук, похожий на отдаленный гром.

Шум медленно затихал. Он перешел в ясный шорох, похожий на шуршание крупных морских ракушек. Гросвенф увидел слабый свет. Он был далеким и тусклым, как будто пробивался сквозь слой плотного тумана.

«Я все еще контролирую себя. Я получаю ощущения через их нервные клетки. Они получают через мои».

Он мог ждать... Он мог сидеть и ждать, пока его мозг не начнет анализировать ощущения, что телепатируются их нервными системами. Он может сидеть здесь и ждать.

«Стоп! Сидеть! — подумал он.— Зачем они это делали?»

Тревога обострила его восприятие. Он услышал далекий голос, произносивший:

— Независимо от того, имеет ли смысл виденное и слышанное мною, я остаюсь спокойным...

Внезапно он ощутил зуд в носу.

«У них нет носов,— подумал он,— по крайней мере, я не видел ни у одного. Следовательно, это действительно мое чувство».

Он хотел поднять руку, чтобы почесать нос, но в это время у него сильно заболел живот. Если бы испытал такую боль раньше, он бы согнулся. Но согнуться он не мог. Он вообще

двигаться не мог, не мог почесать нос, не мог пошевелить пальцем.

И тогда Гросвенф понял, что источник зуда и источник боли в животе один и тот же и находится он вне его тела. И еще подумал Гросвенф, что совсем не обязательно, чтобы все это исходило от чужой нервной системы. Две высокоразвитые формы жизни посылают сигналы друг другу. Ему казалось, что они тоже получают его сигналы. И ни один из них пока невозможно объяснить. Его преимущество состояло в том, что он этого ожидал, а чужаки, если они находились в стадии феллаха, и если теория Кориты была верной, не ожидали и не могли ждать его сигнала. Да он бы и не мог послать его без своего приспособления. Видимо это привело их в большое замешательство.

Зуд исчез. Боль в животе переросла в чувство тяжести, как если бы он переел. Горячая игла вонзилась ему в спину, проникая в каждый позвонок. На полпути вниз она превратилась в лед, а потом этот лед растаял и ледяной поток побежал по спине.

Рука превратилась в кусок металла. Бицепсы сковало, будто их зажали тисками. Боль отдалась в его мозгу пронзительным криком: он едва не потерял сознание.

Когда боль исчезла, Гросвенф был страшно измучен. Все это было иллюзией. Нигде ничего не происходило, ни в его теле, ни в телах птицеобразных существ. Его мозг получил импульсы от зрительных нервов и неверно их истолковал. Расположенные рядом нервные окончания принимали не свою информацию. Боль могла возникнуть вместо чувства удовольствия и наоборот. Они не умеют управлять его психикой и ошибаются. Но ему нельзя думать об этом.

Он тут же забыл обо всем, потому что до его губ дотронулось нечто мягкое и студенистое. Голос сказал: «Я люблю...» — Гросвенф не поверил своему восприятию. Нет, нет, никто не говорил «люблю». Это был его собственный мозг, как он и полагал. Он все еще пытается осмыслить особенности чужой нервной системы. Реакция у них совершенно иная, чем человеческая. Сознательно он пытался отрицать услышанное, а потом опять позволил чувствам взять верх. В конце концов, он все еще не знал, что же такое это было, то, что он ощутил. Пробуждение не было неприятным, во рту был вкус, будто он только что съел что-то сладкое. В его сознание вошло изображение цветка. Он был красивым, красным, напоминал земной и никак не мог быть связан с мозгом Рим.

«Рим!» — подумал он.

Его мозг лихорадочно заработал. Пришло ли к нему это слово через пространство, через его бездну? По своей иррациональности, название казалось его вымыслом, но все же было подходящим. И все-таки, несмотря ни на что, сомнения не покидали его. Он не был уверен.

Вся заключительная серия ощущений была принята полностью. И все равно, он с беспокойством ждал следующего сеанса.

Свет оставался тусклым и туманным. Потом все вокруг расплылось, как сквозь толщу воды. Неожиданно он снова ощутил сильнейший зуд. Затем это чувство прошло. И появилось ощущение жары, он чувствовал давление воздуха и испытывал жажду.

«Это не так! — самым серьезным образом сказал он себе.— Ничего подобного не происходит».

Ощущения исчезли. Снова остался отчетливый шуршащий звук и неизменный блеск света. Это начинало его беспокоить. Вполне могло быть, что его метод верен, и что со временем, он сможет взять под контроль одного, а то и множество неприятелей. Главное сейчас не упустить момента. Каждая уходящая секунда приближала его к физическому уничтожению. В бесконечном пространстве, один из самых больших и дорогих кораблей, какой когда-либо был построен человеком, пожирал мили с бессмысленной поспешностью.

Он знал, какие части его мозга подвергались стимуляции. Гросвенф мог слышать шум лишь когда чувствительная область бокового участка коры головного мозга получала ощущения. Участок мозга над ухом при стимуляции воспроизводил мечты и старые воспоминания. Некоторым образом, каждая часть мозга давно была классифицированна. Точная локализация подвергающихся стимуляции областей претерпевала едва заметные изменения в зависимости от индивида, но основная структура — среди гуманоидов — всегда была одинаковой.

Нормальный человеческий глаз был прекрасным объективом. Хрусталик передавал изображение на сетчатку. Чтобы судить о картинах города так, как они были переданы народом Риим, он мог пользоваться объективной точностью глаз. Если бы он смог скоординировать свои визуальные центры с их глазами, он мог бы быть уверен, что видел то, что существует на самом деле.

Прошло еще некоторое время. Вконец огорчившись, Гросвенф подумал: «Может ли быть так, что я просижу пять полных часов, не вступив в полезный контакт?»

Впервые за то время, как он полностью углубился в это исследование, он постоянно обращался к здравому смыслу. Когда он попытался поднять руку над контрольным рычагом энцефалоаджустера, ничего у него не получилось. Просто нахлынуло множество неясных ощущений, и среди них отчетливо различимый запах горящей изоляции. Его глаза увлажнились. А потом резко и ясно возникло изображение. Потухло оно так же внезапно, как и вспыхнуло. Но для Гросвенфа, прошедшего обучение на самых современных психологических приборах, оно осталось в сознании так же ярко, как если бы он смотрел на него довольно долго.

Он увидел, что находится в одном из высоких узких зданий. Освещение было тусклым, как будто являлось лишь отражением света, проникающего в дверь. Окон не было. Вместо полов в помещении были подстилки. Несколько птицеобразных

существ сидело на этих подстилках. В стенах виднелись двери. По всей вероятности, это были шкафы или кладовки. Увиденное волновало и тревожило. Предположим, он установил связь с этими существами, кем бы они ни были. Может быть это только одному из них удалось стимулировать свою нервную систему с его. Предположим, он сам достиг того состояния, когда может видеть его глазами, слышать его ушами и чувствовать до некоторой степени то, что чувствует он. Но и в таком случае все эти ощущения остаются на уровне эмоций, являются чувственными впечатлениями.

Мог ли он надеяться перекинуть мост через пропасть и вызвать двигательный ответ в мускулах того существа? Мог ли он заставить его поворачивать голову, шевелить руками — в общем, заставить его двигаться так, словно управляет собственным телом? Нападение на корабль было произведено группой сообща действующих, вместе думающих существ. А что если взять под контроль одного из этой группы? А вдруг при помощи одного можно влиять на всех?

Его мгновенное видение передалось ему глазами одного из существ. То, что он испытывал до сих пор, не указывало на групповой контакт. Все это было похоже, будто человека поместили в темную комнату с отверстием в стене. Сквозь него и пробивался слабый свет. По случайно проникающим туманным изображениям он должен был судить о внешнем мире. Он мог быть вполне уверен в том, что картины верны. Но они не совмещались со звуками, проникающими через другое отверстие — или пол, или потолок.

Люди могут услышать звук, если его волна достигает частоты колебания до двадцати килогерц. Так устроено ухо. Так создана природа на уровне нервов. Под гипнозом человек может шумно веселиться в то время, как его мучают, и вопить от боли, когда его слегка пощекочат. Стимуляторы, означавшие боль для одной разумной расы, вообще ничего не значили для других.

Гросвенф мысленно сбросил с себя напряжение. Сейчас ему не оставалось ничего, как расслабиться и ждать... И он терпеливо ждал.

Теперь он думал о том, что возможно существует связь между его собственными мыслями и получаемыми им ощущениями. Эта картина помещения внутри дома — каковы были его мысли перед тем, как она появилась? Кажется, главным образом, он представлял себе структуру глаза. Связь была настолько очевидной, что его сознание, единственное, что от него осталось — волновалось. Было и еще одно обстоятельство, заставившее его удивиться. До сих пор он старался видеть и чувствовать, не включая свою нервную систему, а стараясь подключить ее к чужой. И все зависело от установления контакта и контроля над группой, напавшей на корабль.

Внезапно он увидел, что появилась опасность. Нужно было контролировать собственный мозг. Некоторые участки должны были быть эффективно блокированы и поддерживаться на мини-

мальном действующем уровне. Другие — должны были быть приведены в состояние особой чувствительности с тем, чтобы все поступающие ощущения могли достигать их с большей легкостью. Как хорошо натренированный психолог, причем аутогипнотический психолог, он мог выполнить обе задачи.

Главное, несомненно, зрение. Затем мускульный контроль. Надо быть начеку. Безусловно его ощущениями пытается руководить группа инопланетян.

Его размышления прервали разноцветные вспышки. Гросвенф лишний раз убедился, что он не ошибается, принимал решения. Он понял, что идет по верному следу. В это время изображение внезапно прояснилось и на этот раз осталось ясным.

Обстановка была прежней. Те, кто контролировал его, все еще сидели на насестах внутри высокого здания. Лихорадочно надеясь на то, что изображение не исчезнет, Гросвенф принялся концентрироваться на движениях мускулов Риим. Сложность состояла в том, что он даже приблизительно не мог объяснить, каким образом птице-человеки двигаются. Его хронозрительный образ не способен был включить в себя в деталях миллионы клеток, ответственных за движение одного пальца. Теперь он подумал о целой конечности, но ничего не произошло. Потрясенный, но полный решимости, Гросвенф попробовал гипнотизировать символами, используя ключевое слово, заключавшее в себя весь смысл процесса. Одна из рук медленно поднялась. Еще один ключ, и его контролер осторожно встал. Потом он заставил его повернуть голову. Он действовал на птицеобразного тем, что внушал ему — тот ящик, этот шкаф и этот чулан — «мои». Воспоминание едва задело уровень сознания. Существо знало, что ему принадлежит и соглашалось поступать согласно чужой воле, не сопротивляясь ей.

Нелегко было Гросвенфу справиться с волнением. Упорно и терпеливо он заставлял вставать и опять садиться, поднимать и опускать руки, расхаживать взад-вперед вдоль насеста. Наконец, он заставил инопланетянина сесть.

Вероятно, он достиг полной настройки, и его мозг полностью контролировал мельчайшее движение, потому что едва он начал сосредотачиваться на чужаке снова, как все его существо переполнило послание, процесс передачи воли захватил каждую клеточку, все его мысли и чувства. Более или менее автоматически Гросвенф перевел мучительные мысли в знакомые выражения.

«Клетки зовут, зовут. Клетки боятся. О, клетки знают боль! В мире Риим темнота. Далеко от существа — далеко от Риим... Тень, темнота, хаос... Клетки должны извергнуть его... Но они не могут. Они были правы, пытаясь быть дружелюбными к существу, которое вышло из великой темноты, потому что не знали, что он враг... Ночь сгущается. Все клетки уходят... Но они не могут...»

— Дружелюбными...— беспомощно пробормотал Гросвенф.

Это тоже подходило. Он понимал, что весь ужас происходящего мог быть объяснен тем или иным путем с одинаковой легкостью. Он с тревогой осознал серьезность ситуации. Если катастрофа, уже происшедшая на борту корабля, являлась неуклюжей попыткой установить связь, то какой кошмар наступит, если птицеобразные станут их врагами. Опасность будет намного больше для людей, чем для их противников. Если он прервет с ними связь, то они станут свободными. При существующих обстоятельствах, это может обернуться открытым нападением. Избавившись от него, они постараются уничтожить «Космическую Гончую».

У него не оставалось выбора. Он должен был выполнить, что наметил. Только так можно избежать катастрофы.

Сначала он сосредоточился на том, что казалось ему промежуточным звеном, то есть перенес внимание на другого представителя чужой расы. Выбор был не случайным.

«Меня любят,— сказал он себе, намеренно вызывая чувство, которое ранее смутило его.— Меня любит мое родительское тело, из которого я вырастаю. Я разделяю мысли моего родителя, но я уже вижу своими глазами и знаю, что я один из группы...»

Перемещение, как и ожидал Гросвенф, произошло довольно быстро. Существо шевельнуло более короткими дубликатными пальцами. Оно изогнуло слабые плечи. Но вскоре снова вернулось в первоначальное положение, совместившись с родительским телом. Эксперимент удовлетворил ученого, он почувствовал, что возможен скачок, который должен был ввести его в связь с нервной системой отдаленного живого существа. Гросвенф почувствовал себя стоящим на вершине заросшего холма. Прямо перед ним вился узкий поток. Оранжевое солнце плыло в темно-пурпурном небе, испещренном облаками, похожими на барашков. Гросвенф заставил новый объект переместиться. Он видел, что маленькое, похожее на курятник, здание прячется среди деревьев неподалеку от этого места. Это было единственное находящееся в поле зрения жилище. Он подошел к нему и заглянул внутрь. В полумраке он разглядел несколько насестов, на одном из которых сидели две птицы. Глаза у них были закрыты.

«Вполне возможно,— решил он,— что это они осуществляют групповое нападение на «Космическую Гончую».

Оттуда он перенесся на ту часть планеты, где стояла ночь. Ответная реакция оказалась на этот раз чересчур быстрой. Он находился в темном городе с призрачными зданиями и едва различимыми дорожками. Гросвенф быстро вошел в контакт с чужой нервной системой. Он не понимал, почему связь устанавливалась именно с тем Рииm, а не с другим. Скорее всего, на одного индивида стимуляция действовала чуть быстрее, чем на других. Было вполне вероятно, что эти индивиды были потомками или родственными телами его основного контролера.

Когда он вошел во взаимосвязь более чем с двумя дюжинами Рииm на всей этой планете, ему показалось, что он, наконец, начинает понимать мир телепатов в птичьем оперении.

Это был мир кирпича, камня и дерева, и психической общности, которой, возможно, никому никогда не удастся достичь. Таким образом, эта раса владела всеобъемлющим механизмом проникновения в секреты вещества и энергии. Он почувствовал, что теперь можно, не рискуя, предпринять следующий и последний шаг его атаки.

Гросвенф сосредоточился на изображении, которое должно было принадлежать одному из существ, передававших изображения на «Космическую Гончую». Он физически ощутил течение небольшого, но наполненного смыслом отрезка времени. А потом...

Он увидел летящий в звездном пространстве корабль. Его первым желанием было определить, сколько существ окружило корабль, что они делают и как выглядят. Но у него на это не было времени. Ему нельзя отвлекаться. Пришло время дирижировать действиями не одного неприятеля, а миллионами, атакующими затерянный космический челнок. Он должен был подействовать на них настолько мощно, чтобы они вынуждены были оставить «Космическую Гончую» и не имели бы другого выхода, как держаться от корабля подальше.

Он понимал, что они читают его мысли, но и он тоже научился понимать, о чем думает это коллективное существо. Если бы все это было иначе, связь его с миром этой мыслящей саранчи была бы невозможна.

Итак, он готов... Гросвенф направил свои мысли в темноту:

«Вы живете во Вселенной и внутри себя, вы создаете картину Вселенной такой, какой она вам представляется. Но об этой Вселенной вы не знаете ничего, и ничего не можете знать, кроме изображений. Но изображение Вселенной внутри вас не есть Вселенная... Как вы можете влиять на другое сознание? Изменяя его понятия. Как вы можете влиять на чужие действия? Изменяя основные верования существа, его эмоциональную склонность...»

Очень осторожно Гросвенф продолжал:

«И картины внутри вас не показывают вам Вселенной, поскольку имеется множество вещей, которые вы не можете узнать прямо, не обладая тонкими чувствами. Внутри Вселенной царит порядок. И если порядок картин внутри вас не есть порядок Вселенной, то вы ошибаетесь...»

Гросвенф знал, что мир, построенный на ложном восприятии, не прочен. Стоит разрушить его и погибает тот, кто несет в себе этот мир. Если доказать существу, связанному с коллективом единой нервной системой, что все воспринимаемое им фикция, цепь распадается и гибнут все, кто связан этой цепью.

Гросвенф знал, что правда на его стороне и действовал хладнокровно. Он ставил эксперимент на выживание. Ему каза-

лось, что Риим обречен, что он не сможет защищаться. Впервые за историю бесчисленных поколений они получат мысли извне. Он не сомневался в том, что их инертность чрезвычайно велика. Это была феллаханская цивилизация, укоренившаяся в своих представлениях, которые не претерпевали никаких изменений. Как и на Земле крошечное инородное тело могло оказать решающее влияние на будущее феллаханских рас. Гигантская старая Индия пала, когда на нее высадилось несколько тысяч англичан. Подобным же образом, все феллаханские народы древнего мира захватывались с легкостью и больше никогда не возрождались. Сердцевина их несгибаемых привычек разбилась вдребезги. И все это произошло потому, что основой их жизни были негибкие системы.

Риим был уязвим. Их метод коммуникации, хотя и уникальный, давал возможность влиять сразу на всех их. Снова и снова повторял Гросвенф свое послание, каждый раз добавляя по одному звену инструкции относительно действия с кораблем. Инструкция была такова:

«Измените изображения, которые вы использовали против находящихся на корабле, потом уберите их совсем. Измените изображения, чтобы те, на кого они направлены, могли расслабиться и заснуть... потом уберите их... Ваша дружеская акция стала причиной большого несчастья. Мы тоже настроены к вам дружественно, но ваш метод выражения дружбы причиняет нам зло».

У него было смутное представление о том, как долго его команды влияли на эту огромнейшую нервную систему. Ему казалось, что прошло часа два. Но сколько бы времени ни прошло, оно исчезло, как только выключатель энцефало-аджустера автоматически прервал связь между ним и изображением на стене его отдела.

Знакомые ощущения резко вошли в его сознание. Он взглянул туда, где должно было находиться изображение. Оно исчезло... Гросвенф посмотрел на Кориту. Археолог сидел на стуле, и сон его был глубоким.

Гросвенф вспомнил, что он сам ввел его в это состояние: расслабиться и уснуть — эта команда была для всех. Значит все люди на корабле спят. Немного подождав, он разбудил Кориту и вышел в коридор. Повсюду видел он людей. Они лежали в нелепых позах. Сон их настиг в самых неожиданных местах. По пути в контрольный пункт он не видел ни одного изображения.

Войдя в пункт, он осторожно приблизился к спящему капитану Личу, который валялся на полу у контрольной панели. Со вздохом облегчения он включил рубильник, питающий внешний экран корабля. Через секунду Эллиот Гросвенф находился в кресле пилота, меняя курс «Космической Гончей».

Прежде чем покинуть контрольную, он поставил временный замок на механизм управления и замкнул его на десять часов. Это было предосторожностью на случай, если кто-то, очнувшись,

начнет буйствовать. Затем он вернулся в коридор и начал оказывать помощь людям.

Все до одного были без сознания, так что об их состоянии он мог только догадываться. Тому, кто тяжело дышал, он давал кровяную плазму. Он вводил специальные наркотики, чтобы не так мучительно возвращались к жизни раненые, и накладывал быстродействующий целебный бальзам на раны и ожоги. Корита помогал ему поднимать мертвых на передвижные носилки и отправлять их в госпиталь для воскрешения. Четверых удалось воскресить. Но тридцать два человека вернуть с того света было уже невозможно.

Они все еще занимались ранеными, когда служащий из отдела геологии, лежащий неподалеку, проснулся, лениво зевнул и начал истошно кричать. Гросвенф догадался, что проснулась память, и он с тревогой следил за этим человеком. Служащий озадаченно перевел свой взгляд с Кориты на Гросвенфа и, взяв себя в руки, осведомился:

— Вам чем-нибудь помочь?

Вскоре им уже помогали двенадцать человек. Все они напряженно трудились, но достаточно было посмотреть на каждого, чтобы понять, что они знали о своем душевном помешательстве, явившимся причиной этой кошмарной картины смерти и разрушения.

Гросвенф не заметил, как появились капитан Лич и директор Мортон. Он увидел их уже разговаривающими с Коритой. Потом Корита отошел, а оба начальника направились к Гросвенфу и пригласили его поговорить на контрольный пункт. Мортон молча похлопал его по спине.

«Интересно, помнит ли он что-нибудь? — подумал Гросвенф.— Спонтанная амнезия была обычным явлением при гипнозе. Если они ничего не помнят, объяснить им все, что произошло, будет чрезвычайно сложно».

Он с облегчением вздохнул, когда капитан Лич сказал:

— Мистер Гросвенф, мы с господином Мортоном восторгаемся вами. Вы спасли нас от неминуемой гибели. Мистер Корита кое-что рассказал нам о ваших действиях. Надо бы рассказать всем о том, что произошло с нами и как мы избежали катастрофы. Так что добро пожаловать в контрольный пункт.

Гросвенф выступал больше часа. Когда он закончил, один из слушателей поинтересовался:

— Так все-таки это были враги или инопланетяне просто пытались выйти с нами на контакт?

Гросвенф ответил:

— Боюсь, что это именно так. Они были настроены по отношению к нам дружелюбно.

— И вы хотите сказать, что мы не имеем право полететь туда и разбомбить их всех к чертовой матери!?

— Это было бы бесполезно,— твердо заявил Гросвенф.— Мы могли бы заглянуть к ним и сами попробовать установить контакт.

— Это заняло бы слишком много времени,— возразил капитан Лич.— Нам надо лететь дальше. К тому же, похоже на то, что это довольно серая цивилизация.

Гросвенф заколебался, и, прежде чем он заговорил, Мортон быстро сказал:

— Что вы на это скажете, мистер Гросвенф?

— Я считаю, что можно было бы назвать их примитивным обществом, если учесть только то, что они не открыли ни одного механизма. Но возможно они специально не создавали машин. Еда и питье у них есть. Они знают, что такое дружба и даже любовь. Я склонен предположить, что этот птичий народ находит эмоциональную разрядку в общем мышлении и в размножении. Были времена, когда и человеку этого было достаточно. И все же мы называем этот период цивилизацией. В те времена тоже были великие люди.

— И все же,— язвительно произнес Ван Гроссен,— вы бы без колебаний изменили их образ жизни.

Гросвенф сохранял хладнокровие.

— Для птиц, как и для людей неразумно жить единым общежитием. Я сумел повлиять на их психику, разъединил стадо, то есть сделал то, что мне пока не удалось сделать на этом корабле.

Несколько человек рассмеялись, собрание начало разваливаться. Когда оно окончилось, Гросвенф видел, как Мортон разговаривает с Иеменсом, единственным, кто пришел сюда от химического отдела.

Химик хмуро качал головой. Наконец, он что-то сказал и пожал руку Мортону, после чего директор подошел к Гросвенфу и шепотом сообщил:

— Химический отдел вынесет оборудование из ваших помещений в течение двадцати четырех часов с условием, что об этом инциденте больше упоминать никто не будет. Мистер Иеменс...

Гросвенф перебил Мортона вопросом:

— Что думает об этом мистер Кент?

Мортон немного поколебался и, наконец, произнес:

— Он отравился газом, ему придется несколько месяцев проваляться в постели.

— Но ведь выборы должны быть раньше.

— Да, раньше. Ну что ж, придется мне и дальше руководить этим коллективом, претендентов-то больше нет.

Гросвенф молчал, обдумывая случившееся. Приятно было услышать, что Мортон не уйдет со своего поста. Но как будут вести себя недовольные, которые поддерживали Кента? Пока он раздумывал, Мортон продолжил:

— Я хочу просить вас, как о личном одолжении, мистер Гросвенф. Я убедил мистера Иеменса, что неразумно продолжать линию Кента и враждовать с вами. В интересах мира, я хотел бы, чтобы вы тоже уступили. Не предпринимайте попыток закрепить свою победу. Если вас начнут спрашивать, просто

скажите, что происшедшее было просто несчастным случаем, но сами таких разговоров не заводите. Вы обещаете мне это?

— Конечно... Но у меня есть тоже одно предложение.

— Какое?

— Почему бы вам не сделать хитрый маневр и не назвать своим преемником Кента?

Мортон удивленно взглянул на Гросвенфа, он был в замешательстве. Наконец, он сказал:

— Никак не ожидал от вас такого предложения. Я, очень низкого мнения о его моральном облике. Понимаю, что таким образом сниму напряженность, но не уверен, что надо идти на такие жертвы.

— Ваше мнение о Кенте, кажется, совпадает с моим,— продолжил Гросвенф.

Мортон мрачно улыбнулся.

— На борту есть люди, которые могли бы возглавить экипаж, но только не он. Однако, чтобы сохранить мир, я последую вашему совету.

После этого они расстались. Гросвенф ушел озадаченным. Конечно, в борьбе с Кентом, сегодня он победил. Химикам приходится ретироваться. Но это выиграна стычка, это еще далеко не победа. И все же, все же хорошо, что дело обернулось именно так. А ведь могло все кончиться куда хуже.

Икстль неподвижно распластался в кромешной темноте. Время в вечности тянулось медленно, а пространство было бездонно черным. Сквозь его необъятность холодно смотрели туманные пятнышки света. Каждое — он это знал — было скоплением ярких солнц, уменьшенных бесконечным расстоянием до размеров светящихся крапинок тумана.

Там была жизнь, распространившаяся на мириады планет, бесконечно вращающихся вокруг своих родительских солнц. Точно так же, жизнь зародилась когда-то из первобытного Хаоса старого Глора и текла, пока космический взрыв не уничтожил его собственную могущественную расу и не выбросил его тело в глубины интергалактики.

Он жил, и это была его личная победа. Пережив катаклизмы, его почти неуничтожаемое тело поддерживало себя с помощью световой энергии, проникающей сквозь пространство и время. Его мозг все пульсировал и пульсировал в той же старой цепи мыслей — один шанс на децилион за то, что он снова окажется в галактической системе, а тогда даже еще меньший шанс за то, что он попадет на планету и найдет ценный гуул.

Биллион биллионов раз его мозг перебирал бесчисленные варианты. Теперь это уже стало частью его самого. Это было похоже на бесконечную картину, крутившуюся перед его мысленным взором.

Вместе с тем отдаленным светом, долетающим в черную пучину, они создавали мир, в котором он существовал. Он почти забыл о том чувствительном поле, которое создавало его тело.

Века назад оно было более обширным, но теперь, когда его мощь испарилась, никаких сигналов не поступало к нему дальше, чем за несколько световых лет.

Он почти ни на что не надеялся, и тут его коснулись первые сигналы приближающегося корабля. Энергия, плотность, вещество! Смутное чувство восприятия вошло в его вялое сознание. Сама мысль об энергии и веществе отступила куда-то. Отдаленный краешек его сознания, еще не успевший остыть, наблюдал за их появлением, за тем, как тени давно забытого выступили из окутавшего его тумана, борясь с погруженным во мрак сознанием измученного эфемерностью существования.

Потом стало ощутимым более сильное и острое послание с отдаленной границы его поля. Его вытянутое тело выгнулось в конвульсии. Четыре руки разогнулись в стороны, четыре ноги задергались, в теле ощутилась дремавшая сила.

Его изумленно вытаращенные глаза перефокусировались. Почти пропавшая способность видеть возвращалась. Та часть его нервной системы, которая контролировала поле, предпринимала первые и еще несогласованные действия. Огромным усилием он перебросил ее волны через биллионы кубических миль, не подававших признаков жизни, пытаясь установить область стимулирования. Он переместился на большое расстояние. И тут он впервые подумал об «этом», как о корабле, летящем от одной галактики к другой. Его охватил страх. Он боялся, что корабль пройдет за границей его чувствительного поля, и контакт с ним будет потерян навсегда, прежде чем он сможет что-нибудь сделать.

Он позволил полю еще немного расшириться и почувствовал шок толчка. Ему стало легче, он понял, что это подтверждение присутствия незнакомого вещества и энергии. На этот раз он прильнул к ним. То, что было его полем, стало пучком всей энергии, которую только могло собрать его слабеющее тело.

Этот пучок связал его с мощью энергии, излучаемой кораблем. Энергии оказалось больше — во много миллионов раз, чем ему требовалось. Ему пришлось отклонить ее от себя, разрядить ее в пространство и темноту. Но подобно чудовищной пиявке, он протянулся на четыре... семь... десять световых лет и истощил огромную мощь корабля. После бесчисленных лет, когда он кое-как перебивался на скудных источниках световой энергии, он не осмелился даже попытаться справиться с этой колоссальной мощью. Тот заряд, который он получил, вернул его тело к жизни. Осознав свои возможности, он переполнился жестоким напряжением. В безумной поспешности он отрегулировал свою атомную структуру и понесся вдоль пучка. На далеком расстоянии от него корабль проплыл вдоль него и начал удаляться. Он удалился на целый световой год, потом на два, а потом и на три. В глубоком отчаянии Икстль понял, что корабль уходит, несмотря на все его усилия. И тут...

Корабль остановился. Одно мгновение он плыл со скоростью бесчисленного количества лет в день. А затем — завис в прост-

ранстве. Он все еще находился далеко от Икстля, но больше не удалялся. Икстль догадывался, что там случилось. Видимо те, кто управлял им, почувствовали утечку энергии и остановились, чтобы выяснить, что случилось. То, что они мгновенно сбросили скорость, указывало на чрезвычайно развитую науку, хотя Икстль и не мог решить, какой техникой ускорения они пользуются. Существует несколько способов тормозить мгновенно. Сам он намеревался остановиться, превратив свою огромную скорость в электронный механизм внутри своего тела. При этом процессе затрачивается весьма незначительное количество энергии. Электроны в каждом атоме будут слегка замедляться — совсем чуть-чуть — и движение преобразуется на микроскопическом уровне.

Он находился именно в этом состоянии, когда внезапно почувствовал близость корабля. А потом произошла целая вереница событий, следовавших одно за другим слишком быстро для того, чтобы их можно было успеть обдумать. На корабле включился непроницаемый для посторонней энергии экран. Концентрация такого огромного количества энергии автоматически отключила реле, которое он установил в своем теле. Это остановило его в долю микросекунды, он даже не успел осознать случившееся. Если считать в расстоянии, то это произошло чуть дальше тридцати миль от корабля.

Икстль видел корабль, он казался ему светящейся точкой, горевшей впереди в темноте. Его экраны все еще работали, и это означало, что те, которые находятся внутри корабля, не смогли его обнаружить. Сам он не мог достичь корабля. Что же они решили, почувствовав толчок. Видимо, чувствительный прибор, находящийся на борту, почувствовал его приближение и классифицировал его как летательный снаряд. Потому там и включили защитный экран. Икстль приблизился, насколько было возможно к невидимому барьеру. И оттуда, как лиса на виноград, с жадностью смотрел на корабль.

Он был от него меньше чем в пятидесяти ярдах. Отсюда космический вездеход напоминал чудовище с металлическим телом, усыпанным, как бриллиантами, бесконечными рядами сверкающих точек. Космический корабль плавал в бархатной черноте, огромный драгоценный камень, неподвижный, но живой, до краев наполненный жизнью. Он нес в себе ностальгию о тысяче далеких планет и неукротимую, бьющую через край жизнь, которая достигла звезд и рвалась дальше. Но несмотря на недосягаемость, он нес в себе и надежду.

До этого момента ему приходилось тратить столько усилий, что он весьма смутно представлял себе, что означает для него удача. Его сознание, пришедшее за века к полному отчаянию, билось, как в исполинских тисках. Ноги и руки сверкали, как языки живого огня, корчась и извиваясь в свете иллюминаторов. Его рот, напоминавший рану наподобие человеческой головы, пускал иней, который уплывал белым морозным туманом. Его надежда была так велика, что мысли о ней продолжали вращаться в

его сознании и пеленой застилали ему глаза. Несмотря на туман, он видел широкую струю света, бившую из круглой выпуклости на металлической поверхности корабля. Выпуклость превратилась в огромную дверь, которая открылась, отойдя в сторону.

Через некоторое время в поле его зрения появились двуногие существа. Их была дюжина. На них были надеты почти прозрачные скафандры и они тащили или вели за собой огромные плывущие машины. Машины быстро сгрудились вокруг маленькой площади на поверхности корабля. Вырвавшееся из них пламя казалось на расстоянии небольшим, но его ослепительный блеск указывал или на огромную температуру или на сильную радиацию. Было очевидно, что ремонтные работы ведутся на авральных скоростях.

С безумной быстротой Икстль обследовал экран, ища слабое место, но не нашел ничего. Сила была слишком полной, площадь ее действия — слишком большой. Он ничего не мог ей противопоставить и почувствовал это на расстоянии. Теперь он смотрел реальности в лицо. Работа — Икстль видел, что толстая секция внешней обшивки снята и заменена новой — закончилась почти так же быстро, как и началась. Шипящее пламя сварки исчезло в темноте. Машины были убраны в отверстие на поверхности. Двуногие существа исчезли вслед за ними. Обширная поверхность корабля стала внезапно такой же пустынной, как и окружающее пространство.

Ужас помутил разум Икстля. Он не мог позволить уйти им сейчас, когда вся Вселенная была почти раскрыта для него — всего лишь в нескольких ярдах. Его руки вытянулись, как будто могли удержать корабль. Разум устремился в черную безбрежную пучину отчаяния, но удержался на ее последней грани в последнее мгновение.

Большая дверь мягко повернулась. Сквозь кольцо света скользнуло одинокое существо и направилось к зоне, где только что происходил ремонт. Оно что-то подобрало и возвращалось к открытому шлюзу, уже почти достигло его, когда обнаружило Икстля.

Существо внезапно замерло. В свете иллюминаторов его лицо было ясно видно за прозрачным скафандром. Глаза были выпучены, а рот раскрыт. Потом оно, казалось, пришло в себя, и губы его быстро задвигались. Через минуту из шлюза выплыла группа существ, и все они уставились на Икстля. Вероятно, они о чем-то спорили, потому что губы их шевелились не одновременно, а сначала у одного, потом — у другого.

Затем через шлюз проплыла широкая клетка с металлическими прутьями. На ней сидели двое и у Икстля создалось впечатление, что клетка движется своим ходом. Икстль догадался, что сейчас его будут брать в плен. Любопытство было сильней страха. Он и не заметил, как его подняли. Он чувствовал себя, будто принял наркотики, навевающие сон. Он пытался бороться с надвигающимся оцепенением и понимал — надо

быть осторожным, надо выжить, хотя бы для того, чтобы его раса, обладающая богатством самых разнообразных знаний, смогла вновь возродиться.

— Как, черт возьми, что-то может жить в интергалактическом пространстве?

Это говорил Гросвенф. Он находился вместе с другими неподалеку от шлюза. Ему казалось, что этот вопрос заставил людей придвинуться друг к другу. Он слишком хорошо понимал ту неосязаемую и непостижимую тьму, что сомкнулась вокруг них, давя на каждого.

Почти впервые с начала путешествия безбрежность черноты поразила Гросвенфа. Он слишком часто смотрел на нее из корабля и привык к ней. Но сейчас он внезапно осознал, что самые далекие для человека звездные границы являются лишь хрупкими, как хрусталь, мостиками по сравнению с этой темнотой, что простирается во всех направлениях на биллионы световых лет.

Испуганное молчание нарушил голос директора Мортона:

— Вызывается Гюнли Лестер... Гюнли Лестер.

После короткой паузы послышался голос:

— Да, директор?

Гросвенф узнал голос главы астрономического отдела.

— Гюнли, есть задача для вашего астро-математического мозга. Не будете ли вы так добры сообщить коэффициент вероятности появления «Гончей» в той точке пространства, где плавала эта хренота? Постарайтесь решить за несколько часов. Для математика Мортона это было типичным — давать другим возможность проявить себя там, где он и сам был мастером...

Астроном рассмеялся и заявил:

— Мне не придется подсчитывать. Необходима новая система цифр, чтобы можно было выразить эту вероятность арифметически. С точки зрения математики, то, что случилось, просто не могло случиться. Но мы здесь — корабль с человеческими существами, остановившийся для ремонта на полпути между двумя галактиками, первый корабль, посланный за пределы острова нашей Вселенной. Итак, повторяю: мы здесь — крошечная точка, которая пересеклась с другой крошечной точкой. Это невозможно, если только пространство не кишит подобными существами.

Гросвенфу показалось, что это наиболее вероятное объяснение. Причина и следствие происходящего могли находиться в самой простой связи. Дыра, прожженная в стене аппаратной, потоки энергии, хлынувшие в пространство... Теперь они остановились для ремонта. Он уже открыл было рот, чтобы все это высказать, но тут же умолк. Существовала еще одна загадка. Какая сила должна была понадобиться для того, чтобы за несколько минут впитать мощность ядерного реактора? Он быстро подсчитал и покачал головой. Число было таким колоссальным, что все его предположения исключали друг друга. Окажись среди

них тысяча керлов, и они не смогли бы справиться с тем количеством энергии. А это означало, что дело тут было не в существах, а в механизмах.

— На эту дьявольщину следовало бы сразу направить передвижной нагреватель,— предложил кто-то.

Мортон был настроен менее воинственно. Он, как настоящий ученый, был прежде всего любопытным человеком. Да и злость была не его качеством.

— Сущий красный дьявол, выпрыгнувший из ночного кошмара, страшный, как смертный грех и, возможно, такой же безобидный, каким был наш прекрасный кот. Скит, что вы думаете?

— Это существо, насколько я могу отсюда судить, имеет руки и ноги, что указывает на чисто планетарную эволюцию. Если он обладает умственным потенциалом, он начнет выказывать реакцию на изменение среды вокруг него с того момента, как очутится внутри клетки. Он может оказаться древним мудрецом, размышляющим в тишине пространства, где никто и ничто не отвлекает. Возможно, это юный самоубийца, приговоренный к изгнанию, одержимый желанием вернуться домой и продолжить жизнь в своей цивилизации...

— Я бы хотел, чтобы к нам сюда вышел Корита,— произнес Пеннос, глава инженерного отдела.— Его исследования относительно кота на кошачьей планете позволили нам понять, с чем мы имеем дело, и...

— Говорит Корита, мистер Пеннос,— как обычно, голос японского археолога звучал в коммуникаторе ясно и четко.— Я давно уже вижу на экране все, что происходит за кораблем. Должен признаться — вид существа меня впечатляет. Но я опасаюсь, что в данном случае исследования на основе цикличности истории были бы опасны. Имея дело с котом, мы могли опираться на пустынную, почти лишенную еды планету, на которой он проживал. Не забудьте и об архитектуре разрушенного города. Но сейчас мы имеем дело с существом, живущем в пространстве, удаленном на четверть миллиона световых лет от ближайшей планеты. С существом, которое обходится, вероятно, без еды и питья. Он ни с кем не общается. Предлагаю экран не выключать. Когда существо окажется в клетке, изучайте каждое его движение, каждую реакцию, делайте снимки его внутренних органов. Он живет в вакууме. Нам все интересно. Узнайте о нем побольше, чтобы мы знали, что берем на борт. Нам необходимо избежать риска быть убитыми. Следует предпринять самые строгие меры предосторожности.

— Это имеет смысл,— вмешался Мортон.

И он начал действовать. Из корабля были выгружены разнообразные машины. Они были установлены на гладкой поверхности корабля, кроме массивной флюбритной камеры. Ее прикрепили к подвешенной клетке.

Гросвенф с тревогой следил, как директор отдавал последние распоряжения людям, руководившим установкой клетки.

— Откройте дверь как можно шире,— приказывал Мортон,—

и опустите на него клетку. Не позволяйте ему ухватиться руками за прутья.

Гросвенф подумал: «Теперь или никогда! Я должен высказаться сейчас».

Но говорить оказалось нечего. Он мог описать лишь свои смутные сомнения да повторить объяснение Гюнли Лестера, который сказал, что случившееся не было случайностью. Он даже мог предположить, что корабль красных чудовищ поджидает где-то поодаль, пока их товарища не подберут.

Были приняты все меры предосторожности. Если корабль этих дьяволов существует, то открывая защитный экран для того, чтобы пропустить клетку, они становятся целью. Может быть сожжена внешняя оболочка и убиты люди, находящиеся на ней, но сам корабль и те, кто внутри его, остаются в безопасности.

Враги должны знать, что их атака не принесет никакой пользы. Им будет противостоять великолепная армия и вооруженное судно, которое может выдержать самые жестокие битвы.

Подумав обо всем этом, Гросвенф не стал уговаривать директора отказаться от рискованного плана. Пока он придержит свои сомнения.

Вновь заговорил Мортон:

— У кого-нибудь есть предложения?

— Да! — этот голос принадлежал Ван Гроссену.— Я хочу исследовать это существо. Для этого мне понадобится не больше месяца.

— Вы хотите сказать,— проговорил Мортон,— что мы должны торчать в этой дыре, пока ваши эксперты изучат этого субъекта?

— Конечно,— подтвердил глава физического отдела.

Несколько секунд Мортон молчал, потом сказал:

— Мне придется обсудить этот вопрос с другими, мистер Ван Гроссен. Наша экспедиция действительно исследовательская. Но мы оснащены таким оборудованием, что берем образцы на борт. Как ученые, мы прошли суровую школу. И, конечно, отказываться от эксперимента не в наших правилах. Но я не уверен, что все согласны сидеть в проклятом богом пространстве по месяцу из-за того, что нам попался в пути зверек. Не лучше ли прихватить его с собой. А то ведь вместо пяти или десяти лет наше путешествие затянется на все пятьсот. Это возражение не мое лично, я говорю от имени коллектива. Конечно, все, что мы встречаем по пути, должно быть изучено, но...

— Я считаю,— твердо заявил Ван Гроссен,— что коллектив не против.

— Сейчас проверим.— Чувствовалось, что Мортону нравится предложение Гроссена.— Так что будем делать? Полетим дальше? — Все молчали и Мортон продолжил.— Отлично. Идите и поймайте его, ребята.

Икстль ждал... Его мысли продолжали вертеться в калейдоскопе воспоминаний обо всем, что он когда-то знал и о чем

размышлял. Перед ним возникло видение его родной, давно погибшей планеты. Оно принесло с собой гордость и презрение к этим двуногим существам, которые действительно надеялись захватить его в качестве трофея. Он помнил время, когда его раса могла контролировать через пространство всю систему своей звезды. Это было раньше, когда они обходились без космических путешествий и наслаждались спокойным существованием.

Икстль наблюдал за тем, как приближается к нему клетка. Она с успехом прошла через открывшееся и мгновенно за ней закрывшееся отверстие на экране. Процесс переноса прошел весьма гладко. Даже если бы он и захотел, ему не удалось бы открыть экран в короткий момент прохождения клетки. Но он не имел желания делать это. Он обязан быть осторожным и не показывать враждебность, пока не окажется внутри корабля. Сооружение из металлической решетки медленно поплыло к нему. Двое, руководивших его движением, были настороже. Один из них держал какое-то оружие. Икстль решил, что это разновидность атомной пушки. Это наполнило его почтительностью, хотя он тут же признал примитивность подобного оружия. Здесь оно еще могло быть использовано, но внутри корабля они не посмеют прибегнуть к такому мощному виду энергии.

Все яснее, все ярче вырисовывалась его цель. На борт корабля! Проникнуть внутрь!

Как будто для того, чтобы еще больше укрепить его решимость, над ним навис зев клетки. Металлическая дверь бесшумно захлопнулась. Икстль потянулся к ближайшей решетке, ухватился за нее и остался в таком положении. Он лежал, притворившись совершенно беспомощным и чувствовал себя в безопасности. Сознание его отдыхало. И тело набиралось сил. Свободные электроны высвобождались из хаотического переплетения находящейся внутри него атомной системы и в безумной поспешности искали союза с другими системами. Он был в безопасности после квадриллионов лет отчаяния. Неважно, что произойдет дальше. Вновь приобретенная способность контролировать энергетический источник клетки — двигателя, избавил его от недавней пассивности, от утраченного некогда умения управлять своими движениями. Никогда больше он не будет пассивен, никогда не столкнется с противодействием отдаленных галактик. Защищенный оболочкой, он сможет путешествовать в любом желаемом направлении, и все это давала ему одна только клетка.

Как только он зацепился за решетку, его клетка начала двигаться к поверхности корабля. Защитный экран, как только они к нему приблизились, разошелся и вновь за ними сомкнулся. Люди наверху казались очень маленькими. То, что они нуждались в скафандрах, указывало на неспособность приспосабливаться к окружающей среде, а это в корне отличало их от него и означало, что физически они находились на низкой стадии процесса эволюции. Тем не менее, было бы неразумным принижать их научные достижения. Они обладали мозгом, способным

создать и использовать могучие машины. И теперь они пользовались огромным количеством этих машин, очевидно изучая его. Машина могла раскрыть его намерения и показать, какую гениальную модель сотворила природа, создав его внутренние органы. Она могла раскрыть, по крайней мере, несколько из его жизненных процессов. Он не мог допустить, чтобы это исследование было проделано.

Икстль заметил, что разумные существа хорошо вооружены. Инструменты были убраны в кобуру, прикрепленную к каждому скафандру. Одним из видов оружия был атомный пистолет, с этим он уже сталкивался. Другое имело блестящую рукоятку. Он определил, что это вибрационный пистолет. У людей, находящихся на клетке, тоже был такой пистолет.

Когда клетка была установлена в наспех оборудованной лаборатории, сквозь узкое пространство между прутьями просунули камеру. Это было то, что нужно. Икстль без всякого усилия поднялся к потолку. Его зрение напряглось и стало чувствительным к самой короткой частоте. Источник мощности вибратора сделался ему виден ясно, как яркое пятно, находящееся в пределах досягаемости.

Одну из восьми рук с пальцами, похожими на перекрученную проволоку, он с неописуемой быстротой выбросил вперед и проник за металлическую клетку, и вот вибратор из кобуры существа, находящегося на клетке, уже у него. Он не стал менять атомную структуру, как он изменил структуру своей руки. Было важно, чтобы они не догадались, кто стрелял. Изо всех сил стараясь закрепить свое шаткое положение, он направил оружие на камеру и на людей, стоящих за ней, и нажал на спуск.

Одним движением Икстль разрядил вибратор, отдернул руку и, удовлетворенный, опустился на пол. Его мгновенный страх исчез. Чистая молекулярная энергия срезонировала в камеру и подействовала на приборы во временной лаборатории. Чувствительная пленка стала бесполезной, излучатель необходимо было устанавливать снова, все приборы проверять и перепроверять, каждую машину опробовать на всех режимах. Вероятно, даже возникла необходимость замены оборудования. Но больше всего его радовало то, что все случившееся, должно быть, восприняли, как несчастный случай.

Гросвенф услышал ругань в коммуникаторе. Он понял, что не он один испытывал острую боль от вибрации, лишь частично задержанной и ослабленной скафандром. Зрение медленно возвращалось к нему. Теперь он снова мог видеть резной металл, на котором стоял, а за ним короткий пустой гребень корабля и бесконечные мили пространства — темная, бездонная, немыслимая пропасть. В тени поодаль темнело пятно металлической клетки.

— Прошу прощения, директор,— произнес один из стоящих на клетке людей.— Вероятно, у меня из кобуры выпал и разрядился вибратор.

Гросвенф заметил:

— Этого произойти не могло. Здесь нет гравитации.

— Может, я выронил его раньше,— предположил человек.

Послышалось бормотание Скита. Биолог пробурчал нечто вроде: «рожистое воспаление... страбизмия... стамотогения...» Остальное Гросвенф не расслышал, но догадался, что это собственный набор ругательств биолога. Скит выпрямился и сказал:

— Минутку, я попытаюсь припомнить, что я видел. Я был здесь, на линии огня... да... здесь, когда мое тело начало пульсировать,— помолчав немного, он уверенно добавил: — Я не могу в этом поклясться, но сразу перед тем, как все это началось, существо шевельнулось. Мне показалось, что оно вскочило на потолок. Согласен с тем, что было слишком темно для того, чтобы разглядеть, но...— он так и не окончил фразу.

— Крибл, осветите клетку и давайте все вместе посмотрим, что там происходит,— попросил Мортон.

Как и все, Гросвенф видел луч света, осветивший Икстля, который свернулся на полу, будто ничего и не случилось. И тут он замер, пораженный. Почти красный металлический блеск цилиндрического тела чудовища, глаза, похожие на пылающие угли, удивительно напоминающие скрюченную проволоку пальцы на руках и ногах, и общая жуткая уродливость алого чудовища, испугали его.

Сидл едва слышно прошептал в коммуникатор:

— Возможно, он очень красивый, но для себя! Мы этого никогда не оценим.

Эта попытка сострить прервала паузу ужаса. Кто-то из ученых заметил:

— Если жизнь это развитие необходимых качеств, зачем здесь, в пустоте, ему понадобились такие развитые конечности? Интересно бы взглянуть, что за органы у него внутри. Но камера приведена в негодность. Вибрация наверняка испортила линзы. И пленка, конечно, засвечена. Нужно менять?

— Не-е-т! — Мортон был явно растерян, но продолжал он уже тверже: — На это уйдет много времени. Сейчас нужно воссоздать вакуум пространства внутри лабораторий корабля, и как можно быстрее сматываться отсюда.

— Я чувствую, что мое предложение не принимается всерьез? — это был физик Ван Гроссен.— Я настаиваю, чтобы мы здесь побыли хотя бы неделю. Как можно оставить такую находку? Или вы хотите взять его на борт, не зная, чем нам это грозит?

Мортон колебался, он спросил:

— Какие будут предложения?

— Я не знаю,— произнес Гросвенф,— стоит ли нам бросаться от крайности к крайности. То мы решаем принять чрезвычайные меры предосторожности, то не принимаем их вообще.

— Кто еще хочет высказаться? — осведомился Мортон, и поскольку никто не ответил, прибавил: — Скит?

— Очевидно,— сказал Скит,— рано или поздно придется взять его на борт. Мы не должны забывать о том, что существо,

обитающее в пространстве, является самым необычным из всех нами встреченных. Даже кот, который одинаково хорошо чувствовал себя и в хлорной, и в кислородной среде, нуждался в какого-то рода тепле, и отсутствие давления было для него смертельно. Если, как мы подозреваем, естественной средой обитания этого существа является не это пространство, то мы должны узнать, почему и как он очутился там, где мы его нашли.

Мортон нахмурился.

— Насколько я понимаю, нам придется проголосовать. Мы могли бы закрыть клетку металлом с отражающим экраном снаружи. Это вас устроит, Ван Гроссен?

— Теперь мы ближе к сути, хотя уверен, что мы еще поспорим, нужен ли защитный экран.

Мортон рассмеялся.

— Поскольку мы в целом заодно, вы можете обсуждать все доводы «за» и «против» до конца путешествия,— он снова стал серьезным.— У кого есть возражения? Гросвенф!

Гросвенф покачал головой.

— Экран представляется мне эффективной защитой, сэр.

— Прошу высказаться всех, кто против,— все снова промолчали, и директор приказал людям на клетке: — Двигайте эту штуку сюда, чтобы мы могли подготовить ее для экранизации.

Когда заработали моторы, Икстль ощутил вибрацию металла. Он видел, как дрожат решетки и испытывал приятное чувство дрожи. Ему казалось, что тело его активно, после веков бездействия это было невероятно приятно. И мозг его расслабился. Когда он снова мог размышлять, пол клетки висел над ним, а он лежал на твердой внешней оболочке корабля.

Икстль с рычанием вскочил на ноги, поняв все, что происходит. Он позабыл перестроить атомы своего тела после того, как разрядил вибратор. И теперь он прошел сквозь металлический пол клетки.

— Великий боже! — голос Мортона едва не оглушил Эллиота Гросвенфа.

Алая полоска вытянутого тела Икстля метнулась сквозь темное пространство непроницаемого металла внутренней системы корабля к воздушному шлюзу, и он нырнул в его ослепительную глубину. Затем Икстль заставил тело раствориться в двух внутренних дверях и оказался в конце длинного, слабо освещенного коридора. На мгновение он почувствовал безопасность. Итак, предстояла борьба между человеком и этим монстром за право быть главным на корабле. И кроме физического превосходства у пришельца было еще одно преимущество — никто из его противников не догадывался о его великой цели.

Прошло двадцать минут. Гросвенф сидел в кресле контрольного пункта и наблюдал, как в одном из ярусов, ведущих к главной секции, тихо совещаются Мортон и капитан Лич. Комната была полна народу. За исключением охраны, оставшейся в опор-

ных пунктах, всем было приказано быть неподалеку. Судовая команда и офицеры, главы отделов и их подчиненные, администраторы и различные работники, не принадлежащие к определенным отделам — все собрались здесь или были рядом в коридоре.

Прозвенел звонок. Шум разговоров стих. Снова прозвенел звонок, и вперед выступил капитан Лич.

— Джентльмены... Возникающие проблемы не дают нам скучать, не так ли? Я начинаю думать, что военные недостаточно верно оценивают ученых. Я думал, что они живут своей жизнью в лабораториях и далеки от опасности. Но мне начинает казаться, что ученые могут найти беду там, где ее и не было...— он немного поколебался, но все же продолжал сухо и насмешливо: — Мы с директором Мортоном сошлись на том, что теперешнее наше положение должно занимать не только военных. Поскольку существо, которое у нас в плену или у которого мы в плену, слишком велико, то им должны заняться все. Вооружайтесь, разбивайтесь на пары или на группы, чем больше их будет, тем лучше.— Он снова обежал взглядом аудиторию и мрачно заявил: — С вашей стороны было бы глупостью полагать, что сложившаяся ситуация не несет в себе опасности или даже смерти некоторым из нас. Может быть, мне... Может быть, вам... Настройте себя на это и согласитесь с такой возможностью. И если кому-то удастся вступить в контакт с опасным чудовищем, защищайтесь до последнего. Старайтесь забрать его на тот свет вместе с собой, не погибайте понапрасну. А теперь,— он повернулся к Мортону,— директор проведет обсуждение, касающееся применения против нашего врага самых выдающихся научных знаний, которыми мы располагаем на борту этого корабля. Мистер Мортон, прошу вас!

Мортон медленно вышел вперед. Его большое и сильное тело казалось меньше из-за гигантского щита за его спиной, но все равно выглядел он весьма внушительно. Серые глаза директора вопросительно оглядели ряды лиц, не задержавшись ни на одном. Вероятно, он просто пытался понять общий настрой людей. Начал он с того, что похвалил капитана Лича за его позицию, а потом проговорил:

— Я проанализировал случившееся и решил, что никого, даже меня, нельзя винить за то, что существо оказалось на борту. Как вы помните, было решено перенести его на борт корабля в окружении силового поля. Подобная предосторожность удовлетворила даже самых придирчивых, но, к несчастью, она не была принята вовремя. Существо проникло на корабль, и предусмотреть это было невозможно.— Он замолчал и взгляд его обежал собравшихся еще раз.

— Может быть, у кого-то, кто был против, был более веский аргумент, чем предчувствие. Кто мог все это предусмотреть, поднимите руку.

Гросвенф вытянул шею, чтобы лучше видеть, но поднятой

руки не было. Он был несколько ошеломлен, когда взгляд директора уперся именно в него.

— Мистер Гросвенф, была ли некзиальная наука в состоянии предсказать, что это существо способно переносить свое тело сквозь стены?

— Нет, не могла,— четко ответил Эллиот.

— Благодарю вас,— кивнул Мортон.

Казалось, он удовлетворился этим ответом, поскольку никого больше ни о чем не спрашивал. Гросвенф уже догадался, что директор пытается оправдать собственную оплошность. И это было печально. Старик оправдывался. Не упустил Гросвенф, что в трудный момент директор обращался именно к нему, к некзиалисту, как к высшей инстанции.

— Сидл,— снова заговорил Мортон,— дайте нам психологическую оценку случившегося.

Глава психологического отдела поднялся и сказал:

— Начиная охоту на чудовище, мы должны прежде всего уяснить его суть. У него есть руки и ноги, но он плавает в пространстве и остается, находясь в вакууме, живым. Он позволил нам заманить себя в клетку, зная, что может в любой момент выйти из нее. Затем он выскальзывает через дно клетки, что очень глупо с его стороны, если только он не хотел, чтобы мы знали об этих его способностях. Наверное есть причина, если разумное существо делает ошибку, веская причина, которая может предоставить нам возможность для остроумной догадки, откуда он происходит и, конечно же, анализа его пребывания здесь. Скит, проанализируйте его биологическую сущность.

Поднялся мрачный и долговязый Скит.

— Мы уже обсуждали планетное происхождение его рук и ног. Способность жить в пространстве, если это вообще имеет отношение к эволюции, сама по себе — замечательное явление. Я предполагаю, что мы имеем дело с представителем расы, разрешившей конечные тайны биологического начала. Если бы я знал, как браться за поиски этого существа, которое может исчезать непонятным образом, даже просачиваться сквозь стены, мой совет был бы таким: выгоните его и убейте.

— Э-э-э...— промямлил социолог Келли. Это был высокоголовый сорокапятилетний человек с большими умными глазами.— Э-э-э... любое существо, могущее жить в безвоздушном пространстве, должно было бы стать богом Вселенной. Такое существо может жить на огромных, беспредельных просторах Вселенной, на любой планете и добираться до любой галактики. Но нам было неизвестно, что его раса населяет территорию нашей галактики. Парадокс, который стоит исследовать.

— Я не совсем понимаю, Келли, что вы имеете в виду,— произнес Мортон.

— Просто... э... раса, которая разрешила конечную проблему биологии, должна была появиться на миллионы лет раньше людей. Представляете, как непросто было адаптироваться в любой окружающей среде. Согласно закону жизненной дина-

мики, эта форма жизни должна была стремиться к дальним пределам Вселенной точно так же, как это делаем мы.

— Да, но тут имеется противоречие,— заявил Мортон,— и оно, кажется, доказывает, что это не форма жизни... Корита, какова ваша точка зрения?

Японец учтиво поклонился, встал и сказал:

— Боюсь, что не смогу оказать сообществу большой помощи. Вам ведь знакома превалирующая теория — жизнь развивается по вертикали. А что имеется в виду под понятием «вертикаль». Имеется серия циклов... Каждый цикл начинается с крестьянина, обрабатывающего свой участок земли. Крестьянин идет на рынок, и место рынка медленно преобразуется в город. Город утрачивает связь с землей. Потом мы сталкиваемся с перерастанием города в нацию, и, наконец, все это переходит в борьбу за власть, серию разрушительных войн, переносящих людей в феллаханскую эпоху и снова к примитивизму, в новую эру развития крестьянства.

— Но он уже совершил ошибку! — угрюмо выпалил Ван Гроссен.— Он самым глупым образом провалился сквозь пол клетки. Это не того рода ошибка, какую бы мог сделать тот, кто прошел все стадии развития.

— А если предположить, что он находится на повторяющейся примитивной стадии развития? — предположил Мортон.

— Тогда,— ответил Корита,— его основные импульсы были бы гораздо проще. На первое место выступало бы желание воспользоваться активным размножением, иметь сына и знать, что его кровь будет продолжать жизнь в потомках. При наличии огромных умственных способностей, этот импульс мог бы у суперсущества принять форму фантастического стремления к расовому превосходству. Это все, что я хотел сказать.

Мортон стоял на ярусе контрольного мостика и смотрел на собрание специалистов. Его взгляд опять остановился на Гросвенфе и директор сказал:

— Я прихожу к выводу, что некзиализм, как наука, может нести в себе новый подход к решению проблем. Поскольку это всеобъемлющий подход, основанный на совокупности знаний, он может помочь нам принять быстрое решение в обстановке, когда быстрота решения особенно важна. Гросвенф, сообщите нам, пожалуйста, вашу точку зрения на существо вопроса.

Гросвенф быстро встал и обратился к присутствующим:

— Я могу дать вам заключение, базирующееся на моих наблюдениях. Я мог бы предоставить вам маленькую собственную теорию относительно того, как мы вошли в контакт с чудовищем — каким образом реактор, подчеркиваю — атомный реактор, оказался лишенным энергии, в результате чего нам пришлось чинить внешнюю стенку аппаратной. Но вместо того, чтобы развивать эти основные положения, я расскажу вам о том, как нам следует прикончить чудовище...

Неожиданно его прервали. Полдюжины людей протиснулись сквозь толпу у дверей. Гросвенф умолк и посмотрел на

Мортона, который, в свою очередь, посмотрел на капитана Лича. Капитан направился навстречу прибывшим, и Гросвенф увидел, что одним из них был Пеннос, глава инженерного отдела.

— Кончено, мистер Пеннос? — осведомился капитан Лич.

— Да, сэр,— кивнул тот и добавил: — Необходимо, чтобы каждый человек был одет в прорезиненные костюм, перчатки и обувь.

Капитан Лич обратился к присутствующим и объяснил:

— Мы пропустили ток через стены, окружающие спальни. Чудовище поймать не так-то просто, неизвестно, когда это произойдет, а мы хотели бы исключить возможность быть убитыми в постелях... Мы...— запнулся он и быстро спросил: — Что это, мистер Пеннос?

Пеннос посмотрел на маленький прибор, который был у него в руке и спросил:

— Здесь все, капитан?

— Да, кроме охраны в моторной части и в аппаратном отсеке.

— Тогда... в камере с заряженными стенами что-то поймано. Быстро! Мы должны его окружить!

Для Икстля, вернувшегося на верхние этажи после обследования нижних, удар оказался неожиданным и опасным. Он только что думал о металлических стенах трюма корабля, где можно спрятать свои гуулы, как был захвачен яростно искрившимся экраном энергии.

Агония помутила его разум. Масса электронов из его тела вырвалась на свободу. Они перелетали от системы к системе, нарушая свое единство, с силой сталкивались с атомными системами, упорно остающимися устойчивыми. В течение этих бесконечных роковых мгновений, удивительно уравновешенная, податливая его структура почти распалась. Его спасло то, что даже эта опасность, в конечном счете, была предусмотрена выдающимся гением его расы. Производя искусственную эволюцию в его и своем теле он не забыл о возможности внезапного проникновения жесткой радиации. С быстротой молнии его тело вывернулось-перевернулось, и каждая вновь возникшая комбинация клеток проделывала непостижимую работу в мельчайшие доли секунды. А потом он резко оттолкнулся от стены и оказался вне опасности.

Затем Икстль сконцентрировал свой разум на мгновенных возможностях. Защитная силовая стена должна иметь связанную с ней систему тревоги. Это означало, что люди оцепили все ближайшие коридоры и предпримут попытку загнать его в угол. Глаза Икстля вспыхнули, как чаши с огнем, когда он понял, что это возможно. Надо раскидать их в разные стороны и схватить одного для того, чтобы исследовать. Потом можно будет использовать его для создания первого гуула.

Нельзя было терять времени. Он нырнул в ближайшую незаряженную стену в облицовке большого яркого неуклюжего

существа. Не останавливаясь, он пронесся по комнатам, строго придерживаясь направления параллельного оси главного коридора. По пути его чувствительные глаза следили за неясными очертаниями человеческих фигур. В этом коридоре он насчитал — одна... третья... пятая. Пятый стоял в стороне от других. Это давало ему небольшой шанс, но Икстль и не нуждался в другом.

Как бесплотный дух, он скользнул через стену и выскочил прямо перед последним человеком, послав вперед сильный заряд. Он ужасно устал, но все равно выглядел страшным чудовищем с горящими глазами и оскаленной пастью. Икстль протянул вперед четыре руки и с огромной силой сжал человека. Тот рванулся в последнем усилии и упал поверженным. Он лежал на спине, и Икстль видел, как открывался и закрывался его рот, как билось в конвульсии тело. Всякий раз, когда рот открывался, Икстль ощущал пощипывание в ногах. Определить природу этого пощипывания было нетрудно. Это был зов клеток о помощи. Икстль с ревом рванулся вперед и ударил одной рукой по рту человека. Тот мгновенно обмяк, но все еще жил и был в сознании, и тогда Икстль запустил в него руки.

Это доканало человека, и он перестал сопротивляться. Широко раскрытыми глазами смотрел он, как длинные тонкие руки чудовища исчезли под его рубашкой и скрылись в груди. Затем он в ужасе уставился на склонившееся над ним кроваво-красное чудище. Плоть внутри человека оказалась весьма прочной. Икстлю необходимо было найти открытое пространство, или пространство с сильным давлением, но таким, чтобы оно не убило его жертву. Ибо для того, что он задумал, нужна была живая плоть.

Скорее, скорее! Его ноги отметили вибрацию шагов. Они доносились из одного коридора и быстро приближались. Он мгновенно перевел свои пальцы в полутвердое состояние, и в это мгновение нащупал сердце. Человек конвульсивно дернулся, застыл и умер. Мгновением позже пальцы Икстля нащупали желудок и кишечник. Он откинулся назад, яростно кляня себя. Здесь было то, в чем он нуждался, а он так бессмысленно все утратил. Икстль медленно выпрямился. Его злоба и раздражение улетучились, ведь он не представлял себе, что эти умные существа так легко умирают. Это в корне меняло дело и все упрощало. Они были в его власти, а не он в их. И воюя с ними ему нужны лишь минимальные меры предосторожности.

Из-за ближайшего угла выбежали двое людей с вибраторами и... замерли при виде призрака, который ощерился на них рядом с убитым им их товарищем. Едва они оправились от изумления, как Икстль вошел в ближайшую стену. В одно мгновение он превратился в алое пятно на фоне яркого света в коридоре, и вот он уже исчез, как будто его никогда и не было. Икстль ощутил слабую вибрацию от оружия, когда бесполезный поток энергии ударил ему вслед и пришелся на стену. Теперь он знал, что должен делать. Он захватит полдюжины людей и

сделает из них гуулов. Потом он сможет убить остальных, поскольку они не будут ему нужны. Сделав это, он сможет лететь в галактику, все равно в какую, в ту, куда направляется этот корабль, и взять под контроль первую же обитаемую планету. После того, как он приберет к рукам все достижимые места Вселенной, можно будет и успокоиться. Все это будет вопросом времени.

Гросвенф стоял у стенного коммуникатора и наблюдал за изображением. На экране были видны люди, которые собрались около погибшего техника. Он хотел бы находиться у места происшествия, но, чтобы туда добраться, потребовалось бы несколько минут. На это время он оказался бы оторванным от действия. Гросвенф предпочитал наблюдать отсюда, чтобы ничего не упустить и в любую минуту вмешаться.

Мортон был тоже здесь, он находился в трех футах от того места, где доктор Эгерт склонился над телом мертвого техника. Вид у него был жалким, напряженным, по лицу ходили желваки. Когда он заговорил, его голос был чуть громче шепота. И все же его слова врезались в молчание, как удар хлыста.

— Итак, Эгерт?

Доктор, склоненный над трупом, выпрямился и повернулся к Мортону. Это движение заставило его оказаться лицом к экрану. Гросвенф увидел его хмурое лицо.

— Разрыв сердца,— буркнул он.

— Разрыв сердца?

— Да, да! — доктор поднял руки, как будто защищаясь.— Я знаю, что его зубы были такими, будто ввинтили в череп. Я много раз осматривал его и сердце у него было превосходным. Тем не менее, факт налицо — разрыв сердца.

— Я могу в это поверить,— мрачно произнес один из людей.— Когда я выбежал из-за угла и увидел эту тварь, у меня самого чуть не случился разрыв сердца.

— Мы зря теряем время,— Гросвенф узнал голос Ван Гроссена раньше, чем увидел его между двумя людьми по другую сторону от Мортона. Физик продолжал: — Мы можем справиться с этим чудовищем, но не только болтая о нем и теряясь каждый раз, как он шевельнется. Если я окажусь следующим в списке его жертв, то мое посмертное желание таково — лучше бы мои товарищи, которые являются соцветием гениальных ученых, пораскинули бы мозгами и придумали, как отомстить за мою смерть этому кровососу, а не рыдали над моим трупом, ожидая, кто следующий.

— Вы правы,— торопливо проговорил Скит.— Беда в том, что мы чувствуем себя глупее его. Вурдалак пробыл на корабле меньше часа, но я чувствую, что многим из нас предстоит стать его жертвами. Давайте готовиться все вместе к кровавой битве.

— Мистер Пеннос,— проговорил Мортон,— есть еще одна трудность. Мы располагаем двумя квадратными милями пола на наших тридцати уровнях. Сколько времени займет энергизация каждого дюйма?

Гросвенф не видел шефа инженерного отдела, тот не находился в поле зрения системы изогнутых линз. Но о выражении его лица можно было судить по голосу. Когда он заговорил, в его голосе звучал ужас.

— Я мог бы прочесать весь корабль и разрушить его в течение часа, но не буду вдаваться в детали. Неконтролируемая энергия убьет все живое на нашем корабле.

Мортон стоял вполоборота к коммуникатору, передающему изображения людей, совещавшихся у тела убитого Икстлем человека. Немного подумав, он задал Пенносу новый вопрос:

— Но вы ведь могли бы насытить энергией эти стены, не так ли, мистер Пеннос?

— Нет,— продолжал упорствовать инженер.— Стены этого не выдержат, они просто расплавятся.

— Стены этого не выдержат! — подхватил кто-то один, Гросвенф не мог определить кто.— Сэр, вы понимаете, кем является этот субъект?

Наступила тяжелая пауза. Угрожающее молчание нарушил Корита:

— Директор, я наблюдаю за вами по коммуникатору из контрольного пункта. У меня несколько слов. Прежде всего хочу сказать, что мы, безусловно, имеем дело со сверхсуществом. Он грубо попался в силовой экран. Я намеренно использовал слово «грубо». Его действия еще раз доказывают, что он совершает ошибки.

— Это похоже на то,— сказал Мортон,— что говорили вы раньше о психологических характеристиках, которые должны ожидаться на различных циклических стадиях. Давайте предположим, что он низшее существо своего цикла.

Ответ Кориты был решителен для человека, который обычно осторожничал.

— Невозможно представить себе всю силу его устройства. Он будет думать при всех обстоятельствах, что для захвата корабля ему необходимо уничтожить всех находящихся на нем людей. Инстинктивно он будет тяготеть к тому, чтобы не учитывать то, что мы являемся частью огромной галактической цивилизации. Создание мыслящего существа даже низшей ступени — процесс, рассчитанный на появление индивидуума. Его желание воспроизводиться является формой эгоизма, им движет стремление к собственной плоти и крови. То существо — если оно находится на первой стадии развития — возможно, захочет иметь рядом кого-то себе подобного. Ему необходимо в борьбе за существование кому-то помогать. Ему нравится общество, но он не хочет вмешательства в свою жизнь. Любое организованное общество доминирует над личностью, потому что его члены обязательно сформируют свободный союз против посторонних.

— Свободного союза этих пожирателей огня вполне достаточно! — с горечью бросил один из техников.— Я... а... а... а-а-а!

Его слова перешли в вопль, нижняя челюсть отвалилась.

Глаза, едва видимые Гросвенфу, вытаращились. Люди, которых Гросвенф видел на экране, отступили на несколько шагов.

В центре изображения возник Икстль.

Он стоял, и жуткий алый огонь светился в его тревожных глазах, хотя он больше не тревожился. Он мерил взглядом этих жалких существ, сознавая, что может нырнуть в любую стену, прежде чем хотя бы один из них направит на него вибратор.

Икстль пришел за первым гуулом. Для того, чтобы выхватить его из этой группы, ему нужно было загипнотизировать всех. Гросвенфу, который наблюдал за всем со стороны, показалось, что его обволакивает туман нереальности. Всего несколько человек оставалось в поле его зрения. Ван Гроссен и два техника находились к Икстлю ближе остальных. Мортон стоял далеко за Ван Гроссеном, а часть головы и туловища Скита виднелись возле одного из техников. Они казались беспомощными и слабыми рядом с цилиндрическим чудовищем, возвышающимся над ними.

Зловещее молчание нарушил Мортон. Он убрал руку со светящейся рукоятки вибратора и твердым голосом сказал:

— Не пытайтесь в него стрелять. Он двигается быстро, как молния. Я думаю, он никогда бы не появился здесь, если бы не был так уверен в своем превосходстве. Кроме того, мы не можем рисковать. Возможно, это наш единственный шанс,— он смолк, но затем продолжил уже более уверенным голосом: — Все, кто видит и слушает нас, окружите этот коридор. Прихватите тяжелые огнеметы, расплавьте стены. Отрежьте путь к этому месту и возьмите его на прицел! Действуйте!

— Вы абсолютно правы, директор! — На экране возникло лицо капитана Лича, заслонив на мгновение изображение Икстля и остальных.— Если вы сможете задержать это чудовище на три минуты, мы придем к вам на помощь.— Его физиономия исчезла так же быстро, как и появилась.

Гросвенф оставил свой наблюдательный пункт. Он считал, что находится слишком далеко, чтобы вести наблюдения и действовать. Он не был членом экипажа, так что должен был присоединиться к Мортону и его людям, которые находились в самом опасном месте.

Он миновал коммуникаторы и услышал, как Корита советует, находясь где-то в укромном месте.

— Мортон, воспользуйтесь этим шансом, но на успех не рассчитывайте. Скорее всего он появится снова прежде, чем мы сможем действовать. Положение у нас отчаянное. У нас нет времени на то, чтобы предпринять что-то серьезное. Мы вынуждены решать все в спешке, на ходу. Поэтому наши действия случайны и необдуманны.

Гросвенф уже спускался в лифте. Дверца распахнулась, и он выбежал наружу.

— ... я убежден,— доносился голос Кориты из коммутатора,—

что огромные возможности корабля способны обеспечить победу над чудовищем. Я имею в виду не этого монстра, а обычное чудовище, о котором мы имели представление на Земле.

Корита продолжал говорить, но Гросвенф его не слышал. Он обогнул угол коридора. Впереди находились люди, а за ними Икстль. Гросвенф увидел, как Ван Гроссен шагнул вперед и протянул Икстлю листок. Какое-то мгновение зверь колебался, но затем взял листок, положил его на пол и отступил с рычанием.

— Какого дьявола вы делаете? — закричал Мортон.

Ван Гроссен напряженно улыбался.

— Я просто показал ему, как мы можем его уничтожить,— мягко проговорил он.— Я...

Он не окончил фразу. Гросвенф все еще был в стороне, все, что произошло, он только наблюдал.

Мортон понял, что должно сейчас случиться. Он шагнул вперед, как будто пытаясь заслонить своим большим телом Ван Гроссена. Рука с длинными проволокообразными пальцами отпихнула директора на стоящих за ним людей. Он упал, увлекая за собой тех, кто пытался его задержать. Поднявшись, он схватился за вибратор, но так и замер с рукой на рукояти.

Как сквозь искажающее стекло, Гросвенф увидел, что существо держит Ван Гроссена в двух огненного цвета руках. Двухсотдвадцатифунтовый физик вырывался, но тщетно. Тонкие, твердые руки держали его стальной хваткой.

Гросвенф не воспользовался своим вибратором, понимая, что если он попадет в чудовище, то заденет и физика. Вибратором человека не убьешь, но его луч способен вызвать безумие. И какую-то секунду Гросвенф рассуждал — должен ли он воспользоваться оружием, или сейчас необходимо узнать, что имел в виду Ван Гроссен, сказав свою странную, незаконченную фразу.

Гросвенф отчаянно крикнул:

— Ван Гроссен, что вы ему показали? Как мы можем его уничтожить?

Ван Гроссен его услышал. Он посмотрел на Гросвенфа. Но это было последним, что он успел сделать. В следующий момент случилось нечто немыслимое. Существо сделало скачок и исчезло в стене, унося с собой физика. Гросвенфу показалось, что его зрение сыграло с ним шутку. Но перед ним была только твердая, гладкая, блестящая стена и одиннадцать растерянных людей, семь из них с поднятыми вибраторами, из которых они безо всякой пользы выпустили заряды.

— Мы пропали! — прошептал один из них.— Если он может изменять наши атомные структуры и проносить нас с собой через твердые тела, то бороться с ним бесполезно.

Гросвенф заметил, что Мортону не нравятся такие рассуждения. Он пытался сохранить присутствие духа даже в чрезвычайных обстоятельствах. Он сердито воскликнул:

— Пока мы живы, мы будем с ним бороться! — Подойдя

ближе к коммуникатору, он спросил: — Капитан Лич, каково положение?

После некоторой паузы на экране возникла голова и плечи командира.

— Ничего хорошего,— коротко бросил он.— Лейтенант Клей видел, как что-то алое провалилось сквозь пол и полетело вниз. — Он сморщился и добавил: — Мы можем временно прекратить поиски в нижней части корабля. И вот что еще — мы как раз выставляли аппаратуру, когда это случилось. Но у нас было слишком мало времени на атаку.

— Мы пока не знаем, что нам делать,— мрачно проронил Мортон.

Слушавшему это Гросвенфу показалось, что все не совсем так. Ван Гроссен уже попытался действовать, он показал план боевых действий, которые приведут людей к победе. Это не принесло никакой пользы. Более того, он подтвердил верность теории Гросвенфа о том, что односторонние действия, которые не связаны, приводят к провалу. За тем, что совершил Ван Гроссен, стояла привычка тысячелетней давности. Она была хороша в ранние периоды научных поисков. Но теперь, когда каждое открытие требовало знаний и взаимодействий множества наук, подобный поступок не имел никакой ценности.

Гросвенф спрашивал себя, действительно ли Ван Гроссен придумал способ борьбы с Икстлем, и ограничивается ли эта техника борьбы действиями в пределах одной науки? Любой созданный Ван Гроссеном план должен быть сужен знаниями одной только физики.

Эллиот оставил свои раздумья, когда Мортон произнес:

— Хотел бы я знать, что было написано на листке бумаги, который Ван Гроссен показал красному дьяволу.

Гросвенф ждал, чтобы хоть кто-то ответил Мортону, но ответа не последовало и он сказал:

— Я могу предположить, что там было, директор.

— Выкладывайте, мы слушаем,— проронил директор.

— Единственной возможностью привлечь внимание пришельца было бы показать ему какой-то общий для всей Вселенной символ. Поскольку Ван Гроссен физик, то символ, которым он воспользовался, говорит сам за себя.

Он намеренно замолчал, чтобы заинтриговать присутствующих, и огляделся. Эллиот чувствовал, что играет, но это было неизбежно. Несмотря на дружелюбное отношение Мортона, он еще не был авторитетом на борту корабля, поэтому было бы лучше, если б ответ пришел в головы людей спонтанно.

Молчание нарушил Мортон:

— Давайте, давайте, молодой человек, не держите нас в неведении. Мы слушаем...

— Атом...— сказал Гросвенф.

Но никто ничего не понял.

— Это бессмысленно,— удивился Скит.— Зачем Ван Гроссену было показывать ему атом?

— Конечно, это был не просто атом. Я думаю, что Ван Гроссен нарисовал структуру атома металла, который составляет внешнюю оболочку корабля.

— Все верно! — подхватил Мортон.

— Одну минуту,— произнес капитан Лич.— Очень сожалею, но я не физик и хотел бы знать, о чем идет речь.

Мортон начал объяснять:

— Это очень просто. Гросвенф имел в виду, что две части корабля состоят из материала невероятной плотности: внешняя оболочка и аппаратная. Если бы вы были с нами, когда мы ловили пришельца за пределами корабля, вы бы заметили, что когда оно провалилось сквозь дно клетки, то сразу же было остановлено оболочкой корабля. Ясно, что через такой металл оно проникнуть не может. Об этом говорит и то, что ему пришлось воспользоваться шлюзом, чтобы проникнуть внутрь корабля. Удивительно, как мы все упустили это.

— Мистер Ван Гроссен хотел показать природу нашей защиты. Скорее всего он рисовал энергетические экраны, которые мы разместили в пространстве? — предположил капитан Лич.— Разве это не является таким же возможным, как атомная энергия, точнее, атомная версия?

Мортон вопросительно посмотрел на Гросвенфа, который уверенно проговорил:

— Существо уже познакомилось с энергетическим экраном и перенесло его действие. Ван Гроссен наверняка постарался придумать нечто новое. Показать на бумаге силовое поле можно, для этого нужно написать уравнение математических сил.

— Весьма резонное объяснение,— заметил капитан Лич.— По крайней мере, у нас на борту имеется одно место, в котором мы можем чувствовать себя в безопасности. Это аппаратная. Немного меньше защищен квартал спален. Я могу понять, в чем мистер Ван Гроссен находил наше преимущество. С этого момента всему персоналу корабля надлежит находиться именно в этих зонах, кроме тех случаев, когда кто-то получает специальное задание.

Он повернулся к ближайшему коммуникатору и повторил приказ, после чего добавил следующее:

— Внимание... главам отделов. Вы должны быть готовы к ответам на вопросы, связанные с вашей специальностью. Необходимые работы будут проводиться отрядами специального назначения. Мистер Гросвенф, прошу вас возглавить этот отряд. Доктор Эгерт, используйте, в случае необходимости, противосонные таблетки. Никто не должен спать, пока эта тварь не будет уничтожена.

— Хорошая работа, капитан,— тепло сказал Мортон.

Капитан Лич кивнул и исчез с экрана коммуникатора.

— А как насчет Ван Гроссена? — осведомился один из техников.

— Единственное, чем мы можем ему помочь, это уничтожить того, кто его захватил! — сурово заявил Мортон.

В этой гигантской комнате с огромными машинами люди казались карликами среди великанов. Гроссенф непроизвольно щурился на каждую вспышку неземного голубого цвета, который искрился и сверкал под вогнутым сияющим сводом потолка. И был еще звук, который так же раздражающе действовал на нервы, как и вспышки света. Он был заключен в самом воздухе, гул мощнейших машин, глухой рокот, похожий на отдаленный гром, дрожащая реверберация невообразимого потока энергии.

Полет продолжался. Корабль, увеличивая скорость, еще быстрее несся в черной бездне, отдаляющей спиральную галактику, в которой Земля была лишь крошечной, мельчайшей частицей от другой галактики почти такого же размера. Это была основа той решительной борьбы, разворачивающейся на борту «Космической Гончей». Самая большая, самая представительная исследовательская экспедиция, когда-либо осуществлявшаяся в Солнечной системе, находилась сейчас в величайшей опасности.

Гроссенф знал это наверняка. Это был не Керл, чье сверхстимулированное тело унаследовало несущую убийства войну от мертвой расы, проводившей биологические эксперименты над животными кошачьей породы. Это нельзя было сравнивать с опасностью, которую нес народ Рийм. После их первого, неверно понятого усилия установить контакт, он контролировал последующее, и вовремя понял, что здесь ничто иное, как борьба между одним человеком и расой.

Алый дьявол явно и бесспорно принадлежал к высшему классу.

Капитан Лич поднялся по металлической лестнице, ведущей к балкону Через несколько секунд к нему присоединился Мортон. Он держал в руке пачку заметок, разделенных на две части заложенным в них указательным пальцем. Оба они внимательно изучили заметки, и Мортон сказал:

— Это первая короткая передышка, полученная с тех пор, как существо прорвалось на корабль. Может показаться невероятным, но с тех пор прошло менее двух часов. Мы прочитали с капитаном ваши рекомендации, поданные нам главами отделов. Эти рекомендации мы разделили приблизительно на две части. Одну часть, ввиду ее теоретической природы, мы оставили на потом. Другую, которая касается действий, планов борьбы с врагом, мы, естественно, рассмотрели сразу же. Прежде всего расскажу о том, как мы намерены искать мистера Ван Гроссена. По этому поводу выступит мистер Зеллер.

Зеллер шагнул вперед. Молодому шустрому человеку лет тридцати семи-восьми удалось стать главой отдела металлургии после гибели Бекендриша, который стал жертвой Керла.

— Очень важно, что мы нащупали ахиллесову пяту этого чудовища. Если нам известно, что есть сплавы, через которые он не может просочиться, значит мы знаем, какой материал должен пойти на новый скафандр. Мой заместитель уже готовит для нас доспехи. Скафандр будет готов через час. Ну хорошо, до-

пустим, через три часа. Для исследования мы используем флюоритовую камеру. У кого есть еще предложения?

Последовал вопрос:

— Почему бы не сделать несколько скафандров?

Зеллер махнул рукой.

— У нас нет столько сплава. Мы, конечно, могли бы его сделать, но для этого нужно применить трансмутацию, что займет много времени. Кроме того, наш отдел невелик. Дай бог подготовить хотя бы один скафандр.

Больше вопросов не было. Зеллер исчез в мастерской, которая находилась рядом с аппаратной.

Мортон поднял руку. Опять воцарилась тишина, он сказал:

— Мне стало легче, когда появилась эта идея со скафандром. Теперь мы, наверняка, отыщем Ван Гроссена.

— Откуда вы знаете, что он жив? — спросил кто-то.

— Эта мерзость прихватила с собой живого человека, хотя рядом были убитые. Чудовищу необходим был живой. Скит кое-что написал здесь о нашем пленнике. Неизвестно, кто к кому попал в плен. Так вот, прочитав его записки, я многое понял. Мы еще обсудим заметки Скита. А сейчас о другом. Двое ученых физического отдела разработали тактический план борьбы с чудовищем. Их методы несколько отличаются от того, что предложил нам Эллиот Гросвенф. Мы с капитаном Личем обсудили эти планы, кстати, в обсуждении участвовали и другие специалисты, и глава инженерного отдела Пеннос. Мы решили, что идея мистера Гросвенфа слишком опасна, так что мы отложили его план, как запасной вариант. Другой план мы начнем разрабатывать немедленно, если вы его одобрите. Высказывались еще предложения — все они были объединены. Поскольку в наших правилах предоставлять каждому желающему возможность изложить свою точку зрения, я думаю, мы сэкономим время, если я вкратце обрисую план в том виде, в каком он был одобрен специалистами. Два физика,— Мортон бросил взгляд на бумагу,— Ломас и Хиндли, считают, что успех зависит от того, насколько быстро мы сумеем сделать энергетические соединения. И не помешает ли нам наш незванный гость. В какой-то мере их дальнейшие прогнозы строятся на теории мистера Кориты о цикличности истории, на положении о том, что «крестьянин» настолько связан с целью, подсказанной ему его кровью, что тяготеет к игнорированию возможности организованной оппозиции. Основываясь на этом положении, по несколько видоизмененному плану Ломаса и Хиндли, мы должны насытить энергией пол седьмого и девятого уровня. Только пол, а не стены. До сих пор существо не пыталось убить никого из нас просто так, из спортивного интереса. Мистер Корита утверждает, что находясь на низшей ступени развития оно не осознало, что может уничтожить нас, или что мы можем уничтожить его. Тем не менее, оно рано или поздно поймет, что должно прикончить нас. Если нам удастся выиграть время, мы загоним его в ловушку на восьмом уровне между двумя энергизированными

этажами. Но прежде всего надо помешать ему перемещаться по кораблю вниз и вверх. Как понимает мистер Гросвенф, этот план значительно менее рискован, чем его собственный, поэтому нам следует использовать его первым.

Гросвенф глубоко вздохнул и невесело сказал:

— Если мы не хотим рисковать, то почему бы нам не собраться здесь, в аппаратной и не ждать, пока он попытается добраться до нас? — он продолжал: — Не думайте, что считаю свой план неуязвимым. Но сам я...— он подумал и решительно добавил: — Я думаю, что предложенный вами план беспомощен.

Мортон нахмурился:

— Не слишком ли резко вы высказываетесь?

— Какое это имеет значение. Важно сейчас — что мы говорим, а не как. Может быть вы знаете, как вам удастся загнать его в ловушку.

— Ломас и Хиндли рекомендуют насытить энергией четыре уровня — седьмой, восьмой, девятый и десятый.

Гросвенф понял, что сделать это будет невозможно. Но спорить бесполезно. В любой момент, если он их прижмет, на него просто перестанут обращать внимание. В конце концов, он заявил:

— Это уже что-то.

Его прервал капитан Лич.

— Мистер Пеннос, объясните собравшимся, пожалуйста, что мы можем энергизировать только два уровня.

Глава инженерного отдела выступил вперед:

— Да. Два уровня можно насытить быстро. Третий потребует несколько часов работы. А у нас на счету каждая секунда. Если не принимать в расчет время, то было бы много лучше насытить весь корабль контролируемыми системами, включая и стены, и пол. Тогда он не смог бы от нас убежать. Но на это понадобилось бы около пятидесяти часов. Такая энергетизация равносильна самоубийству. За это время он перебьет всех нас по одному. В течение многих часов, которые понадобятся на подготовку и проведение измененного плана, мы будем беспомощны перед ним, если не считать передвижных вибраторов и нагревательных установок. Естественно, каждый из нас надеется на то. что сможет защитить себя с помощью собственного вибратора. Но все это не серьезно. Вообще, пора заканчивать с болтовней! Давайте браться за дело!

Капитан Лич недовольно заметил:

— Не так быстро. Я хочу услышать, что еще скажет мистер Гросвенф.

Один из техников с раздражением выпалил:

— Не вижу прока в этих спорах! Если существо и не застрянет между двумя уровнями, то все равно ему конец. Мы же знаем, что через энергетический заслон чудовище не пройдет.

— Ничего такого мы не знаем,— твердо возразил Эллиот.— Все, что мы знаем, так это, что он угодил в силовую стену и убежал. Допустим, что она ему пришлась не по вкусу. Это еще

ни о чем не говорит. Когда понадобится, он вернется, хотя и путь этот не удобен для него. К сожалению, мы не можем использовать против него полный силовой экран. Как сказал мистер Пеннос, стены расплавятся. Мне кажется, не мы его прогнали, а он сам ушел, чтобы еще вернуться. Поэтому не гнать его надо, а думать, как встретить.

— Джентльмены,— проворчал капитан Лич,— что же это мы затыкаем рот Гросвенфу?

— Я предлагал обсудить его план при нем,— защищался Мортон,— но меня не слушали, возражали, что любой человек, чей план рассматривается, присутствовать при этом не имеет права. По этой причине не были приглашены и физики.

Сидл кашлянул, оглядел присутствующих и сказал:

— Мистер Гросвенф только что разрушил стереотип мышления. Все мы были уверены, что энергетический экран корабля — одно из величайших научных достижений человечества. Лично мне это давало чувство уверенности и безопасности. Он же утверждает, что существо может проникнуть и через него.

— Не совсем так, мистер Сидл,— произнес Гросвенф.— Действительно, есть повод полагать, что враг не смог и впредь не сможет проникнуть сквозь экран. Красный дьявол находится за ним и ждет, пока мы не отключим его. Но не хочет проникнуть и не может — две разные вещи. Прижатый в угол он начнет действовать.

— Разумно следующее,— сказал психолог,— если эта энергизация будет неэффективной, то мы пропали! Тем более, надо побеспокоиться, чтобы она была эффективной.

В дискуссию вступил Скит:

— Возможно, нам лучше послушать и обсудить план мистера Гросвенфа.

Капитан Лич бросил взгляд на Мортона, который после некоторого раздумья сказал:

— Он предлагает, чтобы мы разделились на столько групп, сколько на борту атомных нагревателей...

Реакция была мгновенной. Один из физиков потрясенно воскликнул:

— Атомная энергия внутри корабля!

Поднявшийся гул длился больше минуты. Когда он стих, Мортон, как ни в чем не бывало, продолжал:

— У нас есть сорок одна такая установка. Если мы согласимся на план Гросвенфа, то каждая группа будет укомплектована из военных, в то время, как остальные останутся в качестве приманки. Команда, управляющая нагревателем, должна по приказу привести его в действие, даже если кто-то из людей окажется на линии огня.— Мортон слегка покачал головой.— Вероятно, это предложение эффективнее первого. Тем не менее, его жестокость поразила меня. Идея жертвенности не нова, но, когда дело касается тебя или твоего приятеля — это ошеломляет. Вы подумали об этом, мистер Гросвенф. Справедливости ради хочу добавить, что был еще один повод, заставивший

ученых отвергнуть этот план. Капитан Лич поставил условие, чтобы те, кто окажется приманкой, были без оружия. Большинству из нас показалось, что это уж слишком. Каждый человек имеет право на самозащиту.— Директор вновь пожал плечами.— Поскольку у нас был еще один план, то мы проголосовали за него. Мне больше нравится идея мистера Гросвенфа, но я возражаю против поправки капитана Лича.

При первом же упоминании о предложении командира Гросвенф круто повернулся и уставился на него. У капитана Лича вновь был решительный и суровый вид.

— Я полагаю, вам следовало бы пойти на компромисс, капитан,— громко произнес Гросвенф.

Командир ответил на его слова кивком.

— Хорошо, я снимаю свою поправку.

Гросвенф заметил, что Мортон был озадачен мгновенной переменой ситуации. Директор посмотрел на него, потом на капитана, потом снова на Гросвенфа. В глазах Мортона появился испуг. Он спустился по узким металлическим ступеням, подошел к Гросвенфу и тихо сказал:

— Как вы думаете, почему он хотел обезоружить всех нас. Он боялся, что в критический момент начнутся самоубийства, или боится, что мы перестреляем друг друга.

Гросвенф успокаивающе посмотрел на директора.

— Думаю, теперь наш капитан понимает, что допустил ошибку, заведя этот разговор.

Мортон сказал:

— По тому, как вы подошли к этому вопросу, я полагаю, что он прав. Инстинктивное желание выжить может затмить все остальное. И все же,— он снова нахмурился,— нам лучше об этом не говорить. Я думаю, ученые почувствуют себя обиженными, а на корабле и так хватает плохих отношений.— Он обернулся, оглядывая группу.— Я полагаю, джентльмены, план мистера Гросвенфа достаточно ясен. Все, кто поддерживает его, прошу поднять руки.

К великому огорчению Гросвенфа, поднялось лишь около пятидесяти рук. Поколебавшись, Мортон продолжил голосование.

— Поднимите руки, кто против.

На этот раз было поднято немногим более дюжины рук. Мортон посмотрел на человека в первом ряду и осведомился:

— Вы не голосовали ни разу. В чем дело?

Человек пожал плечами.

— Я соблюдал нейтралитет. Я недостаточно в этом разбираюсь.

— А вы? — спросил Мортон другого человека.

— Как будут обстоять дела со вторичной радиацией? — ответил тот вопросом на вопрос.— Кто нам может это сказать?

Ответил капитан Лич:

— Ее мы блокируем. Мы изолируем все зоны,— затем он заговорил о другом.— Директор, я не понимаю, почему все эти

отсрочки. Голосование было пятьдесят на четырнадцать в пользу мистера Гросвенфа. Поскольку мои полномочия по отношению к ученым ограничены, я рассматриваю это голосование как решающее.

Мортон был явно озадачен.

— Но,— запротестовал он,— воздержались около одной второй находящихся здесь.

Лич стал официален.

— Это их право. Люди не всегда тверды в своих решениях. Они боятся ошибиться. Сама идея демократии базируется на этом. Учитывая все, я приказываю начать операцию немедленно!

Поколебавшись, Мортон нерешительно проговорил:

— Хорошо! Джентльмены, я тоже даю свое согласие. Думаю, что нам пора вплотную подойти к делу. Установка атомных газометов займет некоторое время, так что давайте пока энергизуем седьмой и девятый этажи. И насколько я понимаю, мы можем успешно объединить два плана и отказаться потом от любого из них в зависимости от того, как будут развиваться события.

— А вот это,— с явным облегчением заявил один из присутствующих,— имеет смысл.

Предложение поддержало большинство. С лиц быстро исчезло выражение напряженности. Кто-то рассмеялся, и все зашевелились и заговорили. Гросвенф повернулся к Мортону и улыбнулся.

— Вы замечательно вели собрание. Ограниченность энергизации весьма смущала меня, и я не подумал о возможном компромиссе.

— Я держал это в резерве,— заявил директор.— Имея дело с людьми, я заметил, что обычно речь идет не только о разрешении проблемы, но и о снятии напряженности,— он пожал плечами.— Есть опасность, есть тяжелая работа — нужна разрядка в любой мыслимой форме. Что ж, молодой человек, желаю удачи. Надеюсь, все у нас получится.

Они пожали друг другу руки, и Гросвенф поинтересовался:

— Сколько времени займет установка атомных реакторов?

— Около часа, возможно, немногим больше. Тем временем мы подготовим большие вибраторы для своей защиты...

Приближение людей заставило Икстля подняться к седьмому уровню. Какое-то время он был в состоянии, позволявшем ему проходить сквозь стены и полы. Дважды его замечали и направляли на него лучи, которые отличались от пистолетов, уже знакомых ему. Один из лучей задел его ногу. Горячая волна, вызванная молекулярным смещением, заставила его споткнуться. Ощущение неловкости прошло уже через секунду, но он понял, что и его тело чувствительно к энергии этих мощных переносных установок.

И все-таки его это не пугало. Быстрота, хитрость, осторожность и способность появиться и исчезнуть где захочет

и когда захочет — все это сделает беспомощным новое оружие. И все-таки он был озабочен тем, что делали люди. Он знал, что они заперлись в аппаратной, догадывался, о чем там идет разговор. И когда они начали действовать, Икстль следил за каждым их шагом. Он видел многое и кое-что понимал.

В каждом коридоре люди трудились над приземистыми механизмами из темного металла. В верхней части аппарата было отверстие и оттуда бил ослепительно яркий свет. Икстль видел, что когда луч вырывается, люди щурятся. На них были новые скафандры. Он понял, что не напрасно они поменяли свою прежнюю прозрачную одежду. Он догадался, что одежда на них светонепроницаемая. Однако ни один металлический панцирь не мог дать полной защиты от этого луча. Из установок вились длинные, тусклые полоски материи. Как только полоска появлялась, она захватывалась станком машины, обрабатывалась, обрезалась и шлепалась на металлический пол. Ни один дюйм пола не остался без этой нашлепки. Икстль это сразу же заметил. В тот момент, когда горячий листок металла падал вниз, над ним нависал массивный охладитель и вбирал в себя его жар.

Работа продолжалась без перерывов. Вначале Икстль не понимал, что происходит. Ему казалось это какой-то странной игрой. Перед людьми нависла смертельная угроза, а они занялись ремонтом своего дома. Наконец, он понял что происходит на самом деле. Люди пытаются насытить энергией два этажа. Убедившись позже, что ловушка, которую они строят, вовсе и не ловушка, они, возможно, попробуют другие методы. Икстль не был уверен, что защитная система людей так уж безопасна для него. Но и преувеличивать опасность нечего. Как только он увидит, что его теснят, он ослабит энергетические связи на корабле.

Икстль решил об этом больше не думать. Люди пока только помогали ему, добывать гуулы в таких условиях гораздо легче, а он все еще сильно нуждался в них. Он тщательно подбирал жертву. Изучив человека, которого он нечаянно убил, Икстль обнаружил, что для его целей вполне подходят желудок и кишечный тракт. Поэтому в его список автоматически входили мужчины с большим животом. Совершив предварительный осмотр, он ринулся вперед. Прежде, чем к нему успели повернуть луч вибратора, он исчез со скорчившимся, извивающимся телом. Было совсем просто перестроить его атомную структуру в момент, когда они проходили потолок, так, чтобы уменьшилась сила падения на пол нижнего этажа. Он быстро растворился и в этой преграде, а затем и в следующем перекрытии. Он опустился на пол в громадном трюме корабля. Икстль вынужден был действовать как можно быстрее, но при этом следовало быть очень осторожным, чтобы не повредить человеческое тело.

Теперь трюм был для него знакомым местом, так что он уверенно ступал по металлическому полу, шлепая своими длинными ступнями. Он заметил это место еще когда осматривал корабль. Похитив Ван Гроссена, он уже знал, куда его нести.

Сейчас он уверенно двигался в плохо освещенном помещении, направляясь к дальней стене. Огромные закрытые ящики возвышались до самого потолка. Пройдя сквозь них, он очутился в огромной трубе. Диаметр ее был достаточно большим. Он мог внутри трубы стоять. Это была часть системы кондиционирования воздуха.

Обычный глаз здесь ничего бы не увидел, но для его инфракрасночувствительного зрения освещение было вполне достаточным. Он увидел тело Ван Гроссена и положил рядом с ним свою новую жертву. Потом, чрезвычайно осторожно он запустил одну из проволокообразных рук в собственную грудь, вытащил драгоценное яйцо и поместил его в желудок человека.

Человек сопротивлялся, но Икстль ожидал этого, так как знал, что должно произойти дальше. Тело человека начало медленно отвердевать. Мускулы становились все более неподвижными. Человек в ужасе крикнул и дернулся, осознав, очевидно, что его парализовало, но ничего не мог поделать. Икстль держал его до тех пор, пока не закончилась химическая реакция. Человек лежал неподвижно, с окаменевшими мышцами. Глаза его были открыты и пристально глядели вперед, а на лице блестели капельки пота.

Через несколько часов яйца должны были вылупиться в желудке человека. Крошечные дубликаты его самого должны были быстро распрямиться до полного размера. Удовлетворенный, Икстль покинул трюм и направился наверх. Ему нужны были новые инкубаторы для яиц, новые гуулы.

Люди уже работали на пятом этаже. Коридор был объят пламенем, стены дышали жаром. Запах был адский. Даже холодильные установки пропускали внутрь тепло. Люди обливались потом под скафандрами. Изнуренные жарой, ослепленные резкими вспышками, они работали механически.

Человек рядом с Гросвенфом прохрипел:

— Ну, вот и он.

Гросвенф посмотрел, куда он указывал, и, как завороженный, замер. Машина, катившаяся своим ходом, была невелика. Она походила на шар с оболочкой из вольфрамированного карбида. От шара отходил рычажок. Все это сооружение было насажено на общее основание, которое покоилось на четырех резиновых колесиках.

Все, находящиеся вокруг Гросвенфа, бросили работу. Остолбенев, они смотрели на металлическое чудовище. Один из людей подошел к Гросвенфу и сердито сказал:

— Черт бы тебя побрал, Грос! Это все ты. Если эта, или какая-нибудь подобная хреновина облучит меня, то я разнесу ее, а заодно и тебя.

— Я тоже буду здесь,— твердо заявил Гросвенф.— Если погибнешь ты, то эта же участь ждет и меня.

Эти слова немного утихомирили человека, но в голосе его еще звучали металлические нотки, когда он добавил:

— Все это чушь! Неужели больше ничего нельзя было придумать, чем делать приманку из живых людей.

— У нас есть еще один выход.

— Какой?

— Самоубийство! — спокойно сказал Гросвенф.

Человек посмотрел на него, резко повернулся и ушел, бормоча что-то насчет грубых шуток и слабоумных шутников. Гросвенф печально улыбнулся и вернулся к работе. Напряжение нарастало. Настроение одного передалось всем.

Каждый был под прицелом. Страх изменил людей. Все они хотели выжить. И это естественно. Инстинкт самосохранения работал в полную силу. Человек организованный, капитан Лич внешне оставался спокойным, но за невозмутимой маской пульсировало скрытое напряжение. Эллиот Гросвенф казался мрачным, он был полон решимости, убежден в необходимости действий и, не ропща, принимал свой жребий.

— Внимание! Всем, всем, всем!

Гросвенф, как и другие, подскочил, услыхав голос, доносившийся из ближайшего коммуникатора. Прошло несколько томительных секунд, прежде чем он понял, что это говорит командир корабля.

Капитан Лич продолжал:

— Газометы находятся на этажах семь, восемь и девять. Мы продумали действия каждого, кто находится на корабле. Приказываем следующее — в том случае, если неподалеку от вас покажется чудовище, не поддавайтесь панике, а немедленно ложитесь на пол. Всем орудийным командам установить прицел на 0:1,5. Это дает вам защитное пространство в полтора фута. Такая мера не защитит вас от вторичной радиации, но думаю, мы можем честно сказать, что если вы броситесь на пол, конечно, вовремя, то доктор Эгерт и его персонал, расположившиеся в аппаратной, спасут ваши жизни. В заключение,— теперь голос капитана казался менее напряженным, ведь его главная задача была выполнена,— позвольте мне уверить всех рядовых членов команды в том, что никаких привилегий не существует. За исключением доктора и трех больных, каждый подвергается такой же опасности, что и вы. Я и мои офицеры сосредоточились и находятся вместе со всеми в опасных местах. Директор Мортон — на седьмом этаже, мистер Гросвенф, автор этого проекта — на девятом и так далее. Желаю удачи, джентльмены!

Несколько мгновений все молчали, потом командир орудия, стоящего неподалеку, добродушно сказал:

— Эй, парни! Мы закончили все приготовления. Если сможете шлепнуться на пол ничком — будете в безопасности.

— Спасибо, друзья,— отозвался Гросвенф.

После этого напряжение мгновенно спало. Служащий из математико-биологического отдела попросил:

— Подмажь его еще немножко приятными словечками, Эл.

— Я всегда любил военных,— сказал другой. Его хриплый

голос звучал так, что его услышала вся команда орудия.— Еще бы попридержать его лишнюю секунду.

Гросвенф не слышал, о чем говорят вокруг.

Он думал о людях. Успеют ли они лечь раньше, чем выстрелит эта адская пушка. В одно мгновение сработает критическая масса, образуя в реакторе без взрыва колоссальную энергию. Из дула вырвется трассирующий свет. На своем пути он распространит невидимую радиацию. Когда все будет кончено, выжившие известят по личному коммуникатору капитана Лича о том, что им повезло. И только через какое-то время оставшиеся в живых узнают, сколько их уцелело.

— Мистер Гросвенф!

Услыхав свое имя, Гросвенф инстинктивно нырнул на пол, и довольно сильно ушибся. Узнав голос капитана Лича, он сразу же вскочил.

Другие тоже мрачно поднимались на ноги. Один из них пробормотал:

— Разве можно так пугать, черт побери!

Гросвенф подошел к коммуникатору.

— Да, капитан.

— Спуститесь немедленно на седьмой этаж в центральный коридор.

— Да, сэр.

Спускался Гросвенф с чувством тревоги. В голосе капитана прозвучала какая-то странная нотка. Что-то было не так...

Зрелище, которое он увидал, было кошмарным. Еще издали он заметил, что одна из атомных пушек лежит на боку. Возле нее мертвые, обгоревшие до неузнаваемости, лежали останки трех или четырех военных — орудийная команда. Неподалеку от них без сознания лежал еще один. Все они были поражены зарядом вибратора.

Еще дальше, мертвые или без сознания, лежали человек двадцать и среди них директор Мортон.

Санитары в защитных костюмах подбирали трупы и раненых и относили их на тележку. Спасательные работы, вероятно, велись уже несколько минут. Гросвенф остановился около барьера, поставленного возле поворота коридора. Там находился и сам капитан Лич. Командир был бледен, но спокоен. Гросвенфа ввели в курс дела.

— Снова появился Икстль... Молодой техник,— капитан Лич не назвал его,— забыл в панике о том, что в целях безопасности следует кинуться на пол. Когда нос пушки неумолимо направился на него, истеричный юнец выстрелил в команду из вибратора, оглушив военных. Прийдя в себя, они не решились выстрелить, увидев техника на линии огня. В следующее мгновение каждый член команды внес свою лепту в происшедшую катастрофу. Трое из них упали возле пушки, инстинктивно держась за установку, и перевернули ее. Она откатилась от них, таща за собой четвертого. Этот четвертый держал палец на

активаторе и сам, не желая того, нажал на кнопку. При этом его товарищи оказались прямо на линии огня. Сгорели они мгновенно, а пушка продолжала падать, распыляя стену. Мортон и его группа, хотя и не находились под прямой наводкой, попали в зону вторичной радиации. Пока нельзя определить, насколько серьезно они пострадали. Но как бы там ни было, дела их плохи. Мы действовали слишком медленно,— заключил капитан Лич.— Это произошло через несколько секунд после того, как я закончил говорить, я услышал как упала пушка, и спустился сюда.— Он тяжело вздохнул.— Даже в самом страшном сне я не ожидал гибели целой группы.

Гросвенф промолчал. Он знал, что капитан Лич хотел разоружить ученых. В кризисном состоянии человек защищает свою жизнь. Подобно глупому животному он слепо борется до конца и не может удержаться от применения оружия. Гросвенф старался не думать о Мортоне, который не хотел разоружать своих коллег.

— Зачем вы меня позвали? — осведомился Эллиот.

— Я считаю, что случившееся несчастье может повлиять на выполнение вашего плана. А вы как думаете?

— Эффект неожиданности пропал,— неохотно кивнул Гросвенф.— Он, вероятно, появлялся, не подозревая, что его ждет, но теперь он будет настороже.

Гросвенф представил, как чудовище высунуло голову из стены, осмотрело коридор, а потом, мгновенно выпрыгнуло за пушкой и схватило стреляющего. Теперь необходимо было поставить второе орудие для прикрытия первого. Но это было невыполнимо — на всем корабле имелось только сорок одно орудие.

— Он унес с собой человека? — спросил Гросвенф после паузы.

— Нет,— буркнул капитан Лич.

Гросвенф снова умолк. Так же, как и другие, он мог лишь догадываться о том, для чего нужны существу живые люди. Одна из этих догадок была основана на теории Кориты о том, что существо находится на низшей стадии и ощущает острую потребность в воспроизведении. Если это так, налеты повторятся.

— Если не ошибаюсь, он опять наверху,— предположил капитан Лич.— Я думаю, нам следует оставить пушки там, где они находятся, и закончить энергизацию трех этажей. С седьмым покончено, девятый почти готов, так что мы с успехом можем перейти на восьмой. Это будут три этажа нашего плацдарма. В плену у чудовища сейчас находятся четыре человека. Каждый раз он хватал людей и направлялся вниз. Надо наполнить энергией три этажа и ждать его на девятом. Когда он выйдет на охоту, мы включим рубильник и, создав силовое поле, отрежем ему путь к отступлению. Мистер Пеннос, вы отвечаете за это. Итак чудовище, к примеру, находится на восьмом этаже. Мы этаж энергизируем. Предположим, оно попыталось пройти сквозь

него. И здесь его ждет силовое поле. Оно ринется наверх — и девятый этаж в том же состоянии. В любом случае мы вынудим его войти в контакт с двумя энергизированными этажами.— Командир помолчал, внимательно взглянул на некзиалиста и сказал: — Я знаю, вы считаете, что контакт с одним этажом его не убьет. Что касается двух — вы были не так уверены,— он замолчал и вопросительно посмотрел на Гросвенфа.

Гросвенф ответил ему после минутного раздумья.

— Я принимаю ваше предложение. Замечу только, мы не знаем, как отреагирует существо на энергию. Может быть, оно будет приятно удивлено.

Сам Гросвенф в этот план не верил. Но у него по поводу того, как и о чем спорить, были свои убеждения. Он считал, что только события способны изменить сознание людей. Когда убеждения человека переделаны реальностью, тогда и только тогда — он будет эмоционально готов к решительным действиям.

Гросвенфу казалось, что он медленно, но уверенно учится искусству влиять на людей. Недостаточно владеть знаниями и информацией, недостаточно быть правым. Человек должен быть последовательным и уметь убеждать. Иногда такой процесс занимает много времени, больше, чем это позволяет ситуация. Иногда он недостижим вообще. И тогда гибнут цивилизации, проигрываются битвы и разрушаются корабли. Все это происходит потому, что человеку или группе людей, несущим идеи спасения, не удается пробиться сквозь давно устоявшуюся убежденность остальных.

Если Гросвенфу удастся то, что он задумал — здесь такого произойти не должно.

— Мы можем оставить атомные нагреватели на месте, пока не закончим энергизацию этажей,— заговорил капитан Лич.— Затем нам придется их просто убрать. Энергизация несовместима с реакторами, они могут взорваться от нагревания.

Таким образом план Гросвенфа был окончательно вытеснен.

За четыре часа, которые потребовались для работы на восьмом этаже, Икстль появлялся дважды. У него было еще шесть яиц, и он намеревался обеспечить гуулами четыре из них. Его раздражало, что на это дело приходится терять много времени. А для защиты от него принимались новые меры. Его охоту затрудняли атомные пушки. И все-таки он был спокоен. Перед ним была цель, и он медленно двигался к ней. Нужно было прежде всего покончить с размещением яиц, а уж потом он займется людьми.

Когда работы на восьмом этаже были закончены, пушки перенесены, и все перебрались на девятый этаж, Гросвенф услышал голос Лича. Капитан спрашивал:

— Мистер Пеннос, можно включать рубильник?

— Да, сэр! И надо это делать как можно быстрее. Пятерых из нас уже нет. Нам пока везет, но на очереди шестой. Этим шестым может быть каждый.

— Вы слышали, джентльмены? Одному из нас придется исчезнуть. Еще один из нас будет жертвой, хочет он этого или нет.— Это говорил Грегори Кент...— И мне очень жаль, что приходится вещать из убежища аппаратной. Доктор Эгерт утверждает, что мне валяться в постели еще неделю. Я сейчас с вами говорю, потому что капитан Лич передал мне бумаги директора Мортона, и я бы хотел, чтобы Келли исследовал его заметки, находящиеся у меня. Я кое-что могу разъяснить. Мы должны четко представлять себе, что нас ожидает, даже если ждет нас трагедия и шансов на спасение нет.

— Э-э-э..— зазвучал в коммуникаторе надтреснутый голос социолога.— Вот мои доводы. Мы обнаружили существо, которое плавало в четверти миллиона световых лет от ближайшей солнечной системы, не имея, очевидно, специальных средств передвижения. Вообразите себе это ужасающее расстояние, а потом спросите себя — какова была вероятность встретиться с ним. Лестер дал мне цифры, поэтому я бы хотел, чтобы он сообщил вам то, что уже знаю я.

— Говорит Лестер! — голос астронома звучал на удивление тихо.— Вы, безусловно, знаете, что представляет из себя теория о начале существующей Вселенной. Есть основания предполагать, что возникла она в результате гибели предыдущей несколько миллионов лет назад. В наши дни полагают, что через миллионы миллионов лет наша Вселенная закончит свой цикл и исчезнет в катаклизмическом взрыве. О природе такого взрыва можно только догадываться. Что касается вопроса, который задал Келли, то я могу лишь предложить вам свою точку зрения. Я предполагаю, что алое чудовище было выброшено за все мыслимые пределы потрясающим взрывом. Оно оказалось в интергалактическом пространстве насильно и не могло ничего предпринять, чтобы изменить своего положения. Отдаленное от ближайшей звезды более чем на четверть миллиона световых лет, чудовище могло бы находиться там вечность. Вы хотели это услышать, Келли?

— Да, именно это. А теперь вот еще что я хочу сказать. Понаблюдав за повадками этого сверхсущества, я подумал, что имея такие возможности при особых условиях можно было бы покорить себе всю Вселенную. Видимо, так оно и было. Его раса держала ее под контролем. Но это, как вы догадываетесь, была Вселенная, которая исчезла, не наша, а предыдущая Вселенная. Естественно, существо, подталкиваемое генетической памятью, попытается сейчас завладеть мирами и подчинить себе нашу галактику.

Кент произнес:

— Я уверен в том, что все находящиеся на борту ученые понимают, что мы поставлены перед задачей задач. Скорее всего, предположение о том, что мы столкнулись с наследниками высшей расы галактики, вполне верно. Возможно он один из многих, кого забросила на задворки космоса минувшая катастрофа. Будем надеяться, что больше никто не окажется по-

близости от подобного существа. Биологически эта раса может находиться впереди нас на биллионы лет. Их возрождение — это наша гибель, гибель нашей цивилизации. Поэтому мы должны не пожалеть и жизни, если понадобится, чтобы избавить все живое от рабства и вымирания.

Неожиданно раздался душераздирающий крик:

— Помогите! Он напал на меня! Рвет мой скафандр! — Дальше разобрать было уже невозможно. Слышалось только мычание.

Гросвенф узнал голос:

— Это Дак, заместитель начальника отдела геологии,— он произнес это не раздумывая. Профессиональная привычка сработала автоматически.

А в коммуникаторе события комментировал уже другой голос:

— Он идет вниз! Я видел, как он спускался!

— Подать энергию! — приказал капитан Лич.

Гросвенф поймал себя на том, что с любопытством смотрит себе под ноги. Там мерцал переливающийся, яркий свет. Красивые языки пламени шевелились в нескольких дюймах от его прорезиненного скафандра, как будто невидимая сила защищала его скафандр, заставляла их держаться подальше. Наступила гнетущая тишина. Почти ничего не соображая, он глядел в даль коридора, где полыхал сейчас неземной огонь. На какое-то мгновение ему показалось, что он смотрит на него из-за стены корабля. Потом сознание вернулось и он, как зачарованный, наблюдал за голубой стихией, пытающейся дотянуться до него, проникнув сквозь защитный костюм.

Снова заговорил Пеннос — на этот раз почему-то шепотом:

— Если наши усилия не напрасны, то теперь мы держим дьявола на седьмом или восьмом этаже.

Капитан Лич отдал команду:

— Всем людям, чьи фамилии начинаются с буквы «А» и до буквы «Л», следовать за мной на седьмой! Группе от «М» до «Ч» за мистером Пенносом — на восьмой! Орудийные команды остаются на своих местах. Команда, занимающаяся покрытием, продолжает действовать согласно приказу.

Те, кто бежал впереди Гросвенфа, неожиданно остановились, как вкопанные. Это было на седьмом этаже неподалеку от лифта. Гросвенф догнал их и тоже замер. На полу лежал человек. Блестящие огненные пальцы как будто прижимали его к металлу. Молчание нарушил капитан Лич:

— Освободите его!

Из толпы осторожно вышли двое и наклонились над человеком. Голубое пламя устремилось к ним, как будто пытаясь напасть на них. Они отпрыгнули, вырвав у пламени тело пострадавшего. Они отнесли его в лифт и подняли на неэнергизированный этаж. Гросвенф пошел за ними. Он видел, как дергался

бедняга, когда его положили на пол. Это уходили разряды энергии из мертвого тела.

— Куда девалось само чудовище? — Это спрашивал капитан Лич.

После секундного замешательства заговорил Пеннос:

— Люди расставлены на трех этажах. Это предусмотрено планом. Они все время снимали показания флюоритными камерами. Если существо где-то поблизости, они его увидят. Думаю все прояснится минут через тридцать.

Через двадцать минут последовало новое сообщение:

— К сожалению никто ничего не увидел,— голос Пенноса выдал его разочарование.— Командир, должно быть, чудовище благополучно смоталось.

В открытой сети коммуникатора кто-то беспомощно произнес:

— Что же теперь делать?

Гросвенфу показалось, что это прозвучал голос сомнения и беспокойства каждого члена экипажа на борту «Космической Гончей»...

Долго длилось молчание. Начальники отделов и служб корабля, обычно такие активные, теперь, казалось, все разом онемели.

Гросвенф отвлекся от своих мыслей. Вместе со всеми он смотрел в лицо реальности. Сейчас он тоже молчал — говорить первым должен был не он.

Затянувшееся молчание нарушил Кент.

— Оказывается, наш враг проходит сквозь энергизированную стенку так же легко, как и через обычную. Нам кажется, будто чудовище не заботится о приобретении опыта, но его регенерация происходит настолько стремительно, что организм мгновенно приспосабливается к любому испытанию, словно срабатывает какой-то мистический механизм бессмертия.

— Я бы хотел поговорить с мистером Зеллером,— заявил капитан Лич.— Где вы находитесь, сэр?

— Говорит Зеллер,— в коммуникаторе зазвучал голос начальника отдела металлургии.— Я уже закончил работу над защитным скафандром и начал поиски в трюме корабля.

— Сколько времени понадобится, чтобы сделать такие скафандры для каждого члена экипажа?

Зеллер ответил не сразу.

— Сейчас у нас появился опыт, и мы шьем их довольно быстро. Но нам нужен материал, а это процесс трудоемкий, нужны инструменты, при помощи которых скафандры можно делать в нужном количестве из любого металла. Одновременно нам следует начать работу с атомным реактором для создания сопротивляемого материала. Как вы, возможно, понимаете, он останется радиоактивным длительное время. Я полагаю, что такой костюм сойдет с конвейера примерно через двести часов.

Гросвенф понимал, что металлурга не поторопишь, здесь

никакая штурмовщина не поможет. После его слов задумался и капитан Лич.

— В таком случае это нам не подходит! — печально прозвучал голос биолога Скита.— Поскольку полная энергизация также займет очень много времени, если ее вообще можно будет проделать, то мы попали в безвыходное положение. Мы промахнулись, у нас не осталось никаких шансов на победу.

Обычно ленивый голос Гурлея, специалиста по коммуникации, прозвучал весьма энергично и сердито:

— А я не понимаю, почему следует исключать эти пути! Мы еще живы. Я предлагаю серьезно взяться за работу и сделать столько, сколько мы сможем.

— А почему вы думаете,— возразил Скит,— что существо не способно разбить металл высокой сопротивляемости? Если оно высшее существо, то его знания физики, вероятно, намного превосходят наши. Чудовище может довольно легко создать луч, который уничтожит все, чем мы располагаем. Вспомните кота. Он распылял металл высокой сопротивляемости.

— Вы что, предлагаете сдаться в плен? — мрачно проронил Гурлей.

— Нет! — сказал биолог.— Я хочу, чтобы мы рассуждали здраво, а не просто тратили силы на решение невыполнимых задач.

В разговор вмешался Корита, который пытался поставить точку в этой словесной дуэли.

— Я согласен со Скитом. Добавлю только, что мы имеем дело с существом, которое быстро поймет, что нам нельзя давать время, что мы все время что-то придумываем. И конечно же существо захочет вмешаться, если мы попытаемся подготовить корабль к полной энергизации.

Капитан Лич все еще размышлял.

В аппаратной снова заговорил Кент:

— И что, по-вашему, оно будет делать, когда поймет, что время работает на нас?

— Чудовище начнет убивать. И мы ничего не сможем ему противопоставить, кроме как закрыться в аппаратной. Однако, я согласен со Скитом, что со временем существо сможет проникнуть и туда.

— Что вы предлагаете? — наконец прервал молчание капитан Лич.

Корита колебался.

— Откровенно говоря, ничего. Что бы мы не предприняли, надо помнить — перед нами существо, находящееся на начальной стадии развития. Для него его род, собственность и кровь священны. Существо будет слепо бороться против вторжения в эти области. Как всякий аграрий, существо привязывает себя к куску собственности и там строит свой кров и вскармливает потомство. Но все это общие рассуждения, джентльмены. Сейчас я не представляю себе, как нам следует использовать его слабости.

— Я тоже не понимаю, как все это может нам помочь,—

заявил капитан Лич.— Могут ли главы отделов отправиться на консультацию со своими помощниками? Если у кого-нибудь возникнут новые соображения, жду сообщений через пять минут.

Гросвенф, не имеющий в своем отделе никаких помощников, проговорил:

— Нельзя ли мне задать несколько вопросов мистеру Корите, пока будет проходить обсуждение по отделам?

— Если никто не возражает, пожалуйста,— кивнул капитан Лич.

Так как возражений не последовало, Гросвенф спросил:

— Мистер Корита, вы свободны?

— А кто спрашивает?

— Гросвенф.

— А-а-а, мистер Гросвенф! Теперь я узнал ваш голос. Прошу вас, повторите вопросы.

— Вы упомянули о том, что крестьянин с почти бессмысленным упорством цепляется за свой клочок земли. Но если это существо находится на крестьянской стадии цивилизации, то может ли оно представить себе с нашей стороны иное отношение к собственности?

— Уверен, что нет.

— Существо будет строить свои планы, связывая их с тем, что мы не можем от него убежать, поскольку привязаны к кораблю?

— По его мнению это совершенно верное утверждение. Мы не можем покинуть корабль и тем спастись.

— Но сами мы находимся на такой стадии,— настаивал Гросвенф,— когда любая собственность не очень-то и привязывает нас. Мы ведь не припаяны к ней намертво?

— Я думаю,— твердо проговорил капитан Лич,— что начинаю понимать, к чему клонятся ваши рассуждения. Вы собираетесь предложить нам новый план?

— Да...— против желания голос Гросвенфа слегка дрогнул.

— Мистер Гросвенф,— проговорил капитан Лич.— Я понимаю, что за вашим решением стоят смелость и воображение. Но тем не менее прошу вас уложиться в те пять минут, по истечении которых мы должны собраться.

После короткой паузы снова послышался голос Кориты:

— Мистер Гросвенф, вы совершенно правы. Мы можем принести эту жертву без раскаянья. И это — единственное решение!

Минутой позже Гросвенф предоставил свой анализ обстановки всему составу экспедиции. Когда он кончил, Скит сказал:

— Гросвенф, вы нас убедили! Согласившись с вами, мы принесем в жертву Ван Гроссена и остальных похищенных. Приняв ваш план, мы принесем в жертву каждого из нас. Но тем не менее, вы тысячу раз правы. Собственность для нас не важна. Что же касается Ван Гроссена и еще четверых пленников чудовища,— его голос обрел суровость и твердость,— то не надо бояться их смерти. Я докладывал Мортону, но он

скрыл от вас мою докладную. Он не сообщил о ней, потому что все, случившееся с ними, настолько ужасно, что я думаю, немедленная смерть будет для этих людей избавлением от мучений. Их съедают изнутри. Помните на Земле — оса и яблоко.

— Оса! — крикнул кто-то.— Вы правы, Скит, чем скорее они умрут, тем будет лучше для нас и хуже для чудовища.

— В аппаратную! — приказал капитан Лич.— Мы...

Его прервал быстрый взволнованный голос, ворвавшийся в аппаратную. Прошла томительная секунда, прежде чем Гросвенф осознал, что это металлург Зеллер.

— Капитан! Быстро присылайте в трюм людей и газометы! Я обнаружил их в трубе кондиционера. Существо тоже здесь, и я сдерживаю его вибратором. Это не приносит ему особого вреда, так что поторопитесь!

Капитан Лич отдавал приказы со скоростью машины, в то время как люди бросились к лифтам.

— Все начальники отделов со своими сотрудниками должны быть у шлюза. Военным занять лифты и следовать за мной. Возможно, мы не сумеем загнать его в угол или прикончить в трюме. Но, джентльмены...— голос его стал жестким.— Мы должны избавиться от чудовища и сделаем это, чего бы нам это ни стоило. И мы больше не можем считаться со своими личными интересами. Вселенная в опасности.

Когда человек увидел гуулов, Икстль отступил с большой неохотой. Впервые страх проник в его сознание, как тьма, сомкнувшаяся за стенами корабля. Первым его желанием было ринуться в гущу людей и сокрушить их, но, вспомнив уродливые, сверкающие орудия, он подавил в себе это желание. И отступил с чувством опустошения, потеряв инициативу. Теперь люди обнаружат его яйца и уничтожат их. Они сокрушат его надежду вновь возродиться, снова жить среди себе подобных.

Теперь у него оставалась одна цель. С этого момента он должен убивать и только убивать. Сейчас его даже удивляло, как это он думал прежде всего о воспроизведении, а все остальное оставлял на потом. Он решил про себя, что зря потратил столь ценное время. Но, чтобы убивать, ему необходимо оружие. После недолгих размышлений он устремился в ближайшую лабораторию. Никогда еще он так не спешил, как сейчас.

Когда он работал, согнув свое вытянутое туловище над сверкающим металлом, его чувствительные ноги ощутили вибрацию, а затем резкий спад в симфонии колебаний. И тут он понял, в чем дело. Двигатель замолчал. Огромный космический корабль остановил свой безудержный бег и вскоре неподвижно застыл в черных глубинах безбрежности космоса. Икстля обуяло безотчетное чувство тревоги. Его длинные черные проволокообразные пальцы метались подобно молниям, когда он с сумасшедшей быстротой проделывал сложнейшие соединительные операции.

Внезапно он снова застыл. Еще не отдавая себе отчета в том, что произошло, он безошибочно почувствовал — что-то слу-

чилось. И он тут же понял, что именно. Он не ощущал больше вибрации людей.

О н и п о к и н у л и к о р а б л ь!

Икстль пнул уже почти сделанное оружие и нырнул в ближайшую стену. Он был уверен, что знает, что должен делать и что его освобождение в темноте бесконечного пространства.

Икстль, алое чудовище с древнего Глора, рвался сквозь пустынные комнаты и коридоры. Сверкающие стены, казалось, насмехались над ним. Весь мир огромного корабля, так много обещавший, теперь стал местом, где каждую секунду мог вырваться на свободу энергетический ад. С явным облегчением он заметил впереди шлюз. Он пролетел через первую секцию, вторую, третью — и вот он уже в космосе. Икстль решил, что люди ожидают его появления, и поэтому сразу оттолкнулся от корабля с огромной силой. У него появилось чувство увеличивающейся легкости, когда его тело отлетело от борта корабля и метнулось во тьму.

Огни иллюминатора за ним потухли и снова вспыхнули неземным голубым светом. Каждый дюйм обшивки корабля лучился голубизной. Затем медленно, будто неохотно, голубой свет исчез. Но прежде, чем он исчез полностью, возник мощный энергетический экран, навсегда преградивший ему путь на корабль.

Икстль, уже удалившись было на несколько миль, подобрался ближе, но сделал это осторожно. Теперь, когда он находился в пространстве, люди могли испытать на нем действие атомной пушки и уничтожить его без всякой опасности для себя. Он подкрался к экрану и, притаившись в темноте, увидел, как первая шлюпка вынырнула внутри экрана и проскользнула в отверстие, зияющее в боковой стене корабля. За ней последовали другие, чьи тени неясно вырисовывались на фоне пространства. Их едва можно было разглядеть в свете, который опять бил из ярких иллюминаторов.

Наконец, отверстие закрылось, и без всякого предупреждения корабль исчез. Только что он был здесь — огромная темная металлическая сфера. И вот он уже звездочка, летящая к яркому, неправильной формы пятну — галактике, плавающей в бездне протяженностью в миллион световых лет.

Время мрачно потекло в вечность. Икстль неподвижно и обреченно распростерся в кромешной темноте. Он не мог не думать о маленьких Икстлях, которые никогда уже не родятся, и о Вселенной, потерянной из-за его ошибки и хитрости этих существ...

Гросвенф умело настроил установку и теперь наблюдал за ловкими пальцами хирурга, в то время, как электрический нож врезался в желудок четвертого человека. Последнее яйцо было опущено на дно высокого чана из высокопрочного металла. Яйца были круглые, сероватые, а одно из них слегка надтреснутое.

Несколько человек стояли с бластерами наготове и следили

за тем, как ширится трещина в яйце. Уродливая головка, алая, с круглыми, как бусинки, глазами и узенькой хищной полоской рта высунулась наружу. Голова лениво повернулась на короткой шее, и на людей с неописуемой злобой уставились глаза. С поразившей всех уверенностью существо высвободилось от оболочки и попыталось выкарабкаться из чана, но гладкие стены не позволили ему этого сделать. Икстленок скользнул вниз и растворился в охватившем его пламени.

— А что, если бы чертенок выбрался и растворился в ближайшей стене? — поинтересовался Скит.

Никто ему не ответил. Люди смотрели в чан. Яйца неохотно растворялись под действием жара бластеров и, наконец, вспыхнули голубым пламенем.

— Так-так,— подал голос доктор Эгерт, и все посмотрели на него и на Ван Гроссена, над которым он склонился.— Его мышцы начинают расслабляться, а глаза открыты, глаза живут. Я думаю, он понимает, что происходит. Это была некая форма паралича, вызванная какими-то ферментами самого яйца, а теперь, когда оно извлечено, паралич постепенно проходит. Никаких серьезных повреждений нет. Скоро он будет в полном порядке. А что с чудовищем?

В разговор вступил капитан Лич.

— Ученые, находившиеся в спасательных шлюпках, видели красную вспышку, вырвавшуюся из главного шлюза как раз тогда, когда мы подвергли корабль бесконтрольной энергизации. Вероятно, это был наш милый друг, поскольку мы не обнаружили его на корабле. Тем не менее, Пеннос и его помощники собираются обойти корабль с флюоритными камерами. И наверняка мы все узнаем через несколько часов. А вот как раз и инженер. Итак, что нового, мистер Пеннос?

Инженер подошел к столу и выложил на него нечто металлическое и бесформенное.

— Пока ничего определенного... но вот что я обнаружил в главной физической лаборатории. Как вы думаете, что это такое?

Главы отделов подошли к столу, чтобы рассмотреть предмет поближе, но затем расступились, пропуская Гросвенфа. Он осторожно склонился над хрупкой штуковиной, сделанной из неизвестного сплава. Три его трубки могли быть дулами, внутри них были маленькие шарики, излучающие серебряный свет. Он проник в стол, делая его прозрачным, как стекло. И что самое странное, шарики поглощали тепло, как термическая губка. Гросвенф потянулся к ближайшему шарику и ощутил, как его руку обдало жаром. Он быстро отдернул ее назад.

Пеннос почему-то кивнул, но промолчал.

— Вероятно, существо мастерило этот механизм,— предположил Скит,— но не успело закончить, что-то произошло. То, что случилось, заставило его покинуть корабль немедленно. Это, по-моему, не совсем согласуется с вашей теорией, Корита?

Вы же сказали, что как истинный крестьянин, он даже представить себе не может, что мы собираемся делать.

На побледневшем от усталости лице японского археолога появилась улыбка.

— Мистер Скит,— вежливо произнес Корита,— нет ничего удивительного в том, что это существо смогло все понять и оценить ситуацию. Не так однозначны социальные явления. И понятие крестьянин разнообразно даже в бытовом, не то, что в философском смысле. Кроме того, чудовище было самым высокоразвитым представителем этой категории. Такого в земных условиях нам встречать не приходилось.

— Хотел бы я,— проворчал Пеннос,— чтобы мы пореже сталкивались с такими крестьянами. Вам известно, что после трех минут бесконтрольной энергизации мне понадобится на ремонт двигателей не менее трех месяцев? Я даже боюсь, что...— он замолчал, не решаясь договорить.

Капитан Лич мрачно улыбнулся и продолжил:

— Я закончу за вас, мистер Пеннос. Вы опасались, что корабль будет полностью уничтожен. Думаю, большинство из нас понимало, на какой риск мы идем, когда согласились на последнее предложение мистера Гросвенфа. Мы знаем, что наши спасательные суденышки могут дать лишь частичную анти-акселерацию. Так что мы могли оказаться беспомощными в четверти миллиона световых лет от дома.

Кто-то добавил:

— Я понимаю так: если бы эта тварь действительно захватила корабль, она бы отправилась дальше, чтобы завоевать галактику. В конце концов, человек хорошо в ней устроился... и достаточно к ней привязан...

Скит кивнул.

— Однажды этот дьявол над ней уже властвовал и мог бы завоевать ее вторично. Вы уверены в том, что человек — это образец справедливости? А разве можно сбросить со счетов то, что у него была долгая и кровавая история. Он убивал других животных не только ради еды, но и удовлетворяя инстинкт жестокости. Он угонял в рабство близких и дальних соседей, убивал своих соотечественников и противников, испытывая наслаждение от мук своих жертв. Я не удивлюсь, если мы во время нашего дальнейшего путешествия встретим разумные существа, которые более достойны управлять Вселенной, чем человек.

— Ради всего святого,— заметил техник,— больше ни одного гостя, каким бы кротким он не казался, в корабль не пускайте. Мои нервы на пределе, и я уже совсем не тот, каким впервые ступил на борт «Космической Гончей».

— Вы говорите от имени всех нас! — раздался из коммуникатора голос исполняющего обязанности директора — Кента.

Кто-то шепнул Гросвенфу на ухо, но так тихо, что он не смог разобрать ни слова. Перед шепотом он уловил еле слышный вибрирующий звук, непонятно кем издаваемый. Оглядев-

шись, он никого не увидел. В кинозале его отдела было пусто. Гросвенф подошел к двери, ведущей в аудиторию, но и там никого не оказалось. Он вернулся к работе, хмуро размышляя над тем, не направил ли на него кто-нибудь энцефало-аджустер. Это было единственно возможное объяснение шепота невидимки. Но аджустеры были здесь ни при чем. Они действуют только с близкого расстояния. И он хорошо знал об этом. А главное, его отдел был защищен от воздействия вибрации. Гросвенф был знаком с процессом вовлечения психики в иллюзию. Он понимал серьезность всего происходящего.

Гросвенф тщательно осмотрел все пять комнат и проверил аджустеры в техническом отделе. Они были отключены и стояли, как обычно. Эллиот молча вернулся в кинокабинет, думая о гипнотическо-световой вибрации, развитой им из изображений, использованных Риим против корабля.

Ученый не на шутку испугался. Снова раздался шепот, такой же тихий, как и раньше, но теперь он был довольно сердитым и непонятно враждебным. Он ошеломленно застыл. Все-таки, вероятно, это был энцефало-аджустер. Кто-то стимулировал его мозг на расстоянии настолько мощным аппаратом, что защитный экран его комнаты оказался бессильным. Он лихорадочно размышлял, кто бы это мог быть, и в конце концов пришел к выводу, что след ведет в психологический отдел. Ему ответил Сидл, и Гросвенф решительно принялся ему разъяснять, что произошло, но психолог его быстро прервал:

— Я как раз собирался с вами связаться, чтобы предупредить вас, что за последствия придется отвечать вам.

— Вы хотите сказать, что кто-то еще был подвергнут такому же воздействию? — недоверчиво осведомился Гросвенф, пытаясь осмыслить происходящее.

— Я удивлен, что ему подверглись и вы в специально оборудованной комнате. Ко мне уже давно обращаются за помощью. А специальные приборы еще до этого показали движение волн непонятной природы.

— Какие приборы?

— Мозго-волновой генератор-детектор, нервно-импульсный регистратор и более чувствительные электрические детекторы. Кстати, Кент собирается созвать еще одно совещание на контрольном пункте, так что там увидимся.

Но Гросвенф не отпустил его так быстро.

— Выходит, какое-то обсуждение уже было?

— Мы... э... мы сделали кое-какие предположения.

— О чем?

— Мы скоро будем проходить огромную галактику М-33. Есть мнение, что это исходит оттуда.

Гросвенф мрачно улыбнулся.

— Это явный гипноз. Здесь надо поразмыслить. Хорошо, до встречи.

— Да. Приготовьтесь к сюрпризам, когда покинете свой отдел. Давление увеличивается. Звуки, световые пятна, образы,

эмоционально действующий шум — мы под прицелом мощной психологической пушки.

Гросвенф кивнул и прервал связь. Извещение Кента о совещании передавалось по корабельному коммуникатору. Через минуту, открыв дверь в коридор, Гросвенф понял, что имел ввиду Сидл. Он даже остановился, поскольку смесь возбудителей сразу же начала на него действовать. Встревоженный Эллиот направился к контрольному пункту.

Началось заседание. Бесконечная космическая ночь, прижавшись к пролетавшему сквозь нее кораблю, нашептывала ему страшную тайну. Капризная и беспощадная, она заманивала и предупреждала. Она вибрировала, и в этом звуке смешивались наслаждение и безумие, страх и тоска. Она умирала, билась в агонии и снова возрождалась к жизни. И все время во всех ее звуках и цветах чувствовались предупреждение и угроза.

— Мне кажется,— произнес кто-то за спиной Гросвенфа,— что нам пора возвращаться домой.

Никто не прореагировал на эти слова. Все сидели в глубокой задумчивости. Лишь директор Кент что-то выискивал в ночном пространстве, не отрываясь от глазка телескопа.

Гросвенф поворачивал встроенный в кресло манипулятор коммуникатора, и теперь тоже наблюдал размытое пятно, привлекающее внимание Кента и Гюнли Лестера. Постепенно он забыл о соседях и весь ушел в экран, где царствовала космическая ночь. Корабль находился вблизи границ целой галактической системы. И все же ближайшие звезды были еще так далеко, что телескоп едва мог показать мириады блестящих точек, оставляющих спиральную туманность М-33 Андромеды.

Гросвенф отвел взгляд от экрана одновременно с Лестером.

— То, что мы сейчас наблюдали, кажется невероятным,— заявил астроном.— Вибрация, которую мы ощущаем, распространяется от галактики с биллионами солнц.— Немного помолчав, он прибавил: — Директор, я думаю, что решение этой проблемы не в сфере астрономии.

Кент оторвался от глазка телескопа и заметил:

— Все, что случается в галактике, подходит под категорию астрономического явления, или вы можете назвать другую науку, которая этим займется?

Поколебавшись, Лестер медленно ответил:

— Показание шкалы просто фантастическое. Я не думаю, что нам следует пользоваться галактическим телескопом. Этот барьер может рассеиваться от луча, сконцентрированного на нашем корабле.

Кент повернулся к ученым, не сводившим глаз с контрольной панели.

— Что вы по этому поводу думаете?

Гросвенф оглянулся, надеясь отыскать того человека, что предложил возвращаться домой. Может быть он сейчас разъяснит свое неожиданное предложение.

Несомненно, люди уже не осмеливались выступать так свободно, как при Мортоне, когда тот вел собрание. Так или иначе, Кент весьма ясно давал понять, что считается только с мнением тех, кто возглавляет отдел. Было также очевидно, что нексиальный отдел у него на правах пасынка. Вот уже несколько месяцев он и Гросвенф вежливы друг с другом, но стараются видеться как можно реже. Всякий раз, когда есть возможность, Кент выпячивает работу своего отдела, внедряет свои методы, стараясь замолчать удачи ученых других отраслей.

Соревноваться Гросвенф мог только с другим нексиалистом. Его работа была так индивидуальна, и так отличалась от того, что делали другие, что важность его открытий никто не мог по достоинству оценить. Он не собирался протестовать, хотя и понимал, что успехи других умалчиваются и, больше того, деятельность других ограничивается.

Из контрольной первым отозвался на слова Кента биолог Скит. Он сухо заметил:

— Я вижу, что мистер Гросвенф вертится на своем стуле. Может быть, он вежливо ждет, пока выскажутся более старшие? Мистер Гросвенф, что у вас на уме?

Гросвенф подождал, пока его коллеги перестанут хихикать. Кент смотрел на него раздраженно и поторопил:

— Мы вас слушаем, мистер Гросвенф...

— Несколько минут назад кто-то предложил нам повернуть домой. Я бы хотел, чтобы этот человек мотивировал свое предложение.

Ответа не последовало. Гросвенф видел, что Кент нахмурился. Действительно, казалось странным, что есть человек, не желающий подтвердить свое мнение, в какой бы форме оно не было высказано. Все с удивлением переглядывались.

В конце концов снова заговорил Скит:

— Когда было сделано это предложение? Я не слышал его.

— И я! — эхом отозвались несколько голосов.

Глаза Кента блеснули. Гросвенф решил, что сейчас он ринется в спор, как человек, жаждущий личной победы.

— Позвольте мне прояснить этот вопрос,— нахмурился Кент.— Было такое утверждение или нет? Кто еще его слышал? Прошу поднять руки.

Все руки остались опущенными.

— Мистер Гросвенф, уточните, что вы слышали? — злобно процедил Кент.

Гросвенф четко произнес:

— Насколько я помню, слова были следующие: «Мне кажется, что нам пора возвращаться домой»,— он умолк. Наступила тишина. А Эллиот продолжил: — Вполне возможно это галлюцинация. Я мог услышать это в двух случаях. Или это было сказано. Но тогда услышали бы и вы. Или кто-то стимулирует слуховые центры моего мозга. Кто-то испытывает сильнейшее желание отправить нас домой, и я уловил биотоки, направленные на наш корабль. Я, конечно, не претендую на то,

что это истина в последней инстанции. Но голос был, и я готов поклясться, что слышал его.

Кент недовольно заметил:

— Интересно было бы узнать — почему это именно вы, мистер Гросвенф, а не кто другой, уловил желание каких-то духов.

И снова Гросвенф не обратил внимания на то, как грубо с ним разговаривают.

— Я и сам об этом думаю.— Спокойно сказал он.— И вот что мне кажется. Помните, когда мы имели дело с культурой Риим, именно мою нервную систему особенно тщательно подвергали стимуляции. Вполне возможно, что теперь я более чувствителен к подобным связям.— Тут ему пришло в голову, что потому он и услышал шепот в своих изолированных экранами комнатах. Но говорить об этом не стал.

Гросвенфа не удивило то, что Кент в который раз брезгливо нахмурился. Химик показывал таким образом, что не желает вести разговоры о птичьем народе и о том, что его представители проделали с коллективным сознанием членов экспедиции. Итак, Кент нахмурился и холодно сказал:

— Я уже имел удовольствие слышать рассказы о вашем участии в том инциденте. Если не ошибаюсь, вы утверждали, что выиграли психологическую войну с Риим потому, что члену одной расы трудно контролировать нервную систему представителя другой формы жизни, совершенно ему незнакомой. Как же вы тогда объясните то, что чья-то мысль догнала наш корабль, проникла в ваше сознание и стимулирует с удивительной точностью те участки вашего мозга, которые восприняли слова, только что повторенные вами.

Гросвенфу показалось, что тон Кента, его самодовольство, произвели на всех неприятное впечатление.

— Директор, а не кажется ли вам, что пославший сигнал знает, как войти в контакт с нервной системой пришельца. Я не хочу сказать, что он говорит на нашем языке. На уровне подсознания язык неважен. Однако сейчас не это главное. Почему голос услышал только я? Все это второстепенно. Мы должны обсуждать не то, почему информацию получил я, а не, скажем, вы. Нас сейчас должно интересовать, каким путем я ее получил? Кто ее послал?

Глава отдела геологии Дональд Мак-Кен откашлялся и сказал:

— Гросвенф прав. Я полагаю, джентльмены, нам следует подумать вот о чем — видимо, мы вторглись на чью-то территорию. И этот кто-то — высокоразвитое существо.

Кент поджал губы, собираясь заговорить, но передумал. Немного помолчав, он все же высказался:

— Я считаю, нам следует быть осторожными и не спешить с выводами. Фактов для того, чтобы что-то предпринимать, пока что недостаточно. Если Гросвенф окажется прав, а я в этом пока что очень сомневаюсь — перед нами интеллект, во много раз

превышающий человеческий. Передавать мысль целенаправленно, выборочно на огромное расстояние, облекать ее в форму слова неизвестного языка — с таким мы еще не сталкивались. Однако думаю все это не так серьезно. Мы устали. Нам может кое-что и почудиться. Не будем же из-за этого комкать программу полета. А кроме того, нас никто не выгоняет. С нами ищут общение, что ж, это не плохо.

На контрольном пункте установилась тишина. Гросвенф заметил, что люди приободрились. Их губы сжались тверже, глаза смотрели уверенней.

Социолог Келли мягко произнес:

— Я рад... э... тому, что никто не выказывает желания повернуть назад. Отлично! Мы служим нашему правительству и нашей расе, и наш долг — исследовать возможности новой галактики, особенно сейчас, когда доминирующая здесь форма жизни знает о нашем существовании. Заметьте, пожалуйста, что я одобряю предложение директора Кента и говорю так, как если бы мы действительно вынуждены были вступить в контакт с существами на высшей стадии развития. Их способность воздействовать на наш мозг и стимулировать его означает то, что они наблюдают за нами и многое о нас знают. Мы не можем позволить себе, чтобы эти знания были односторонними.

Кент заговорил снова. Он был уже спокоен.

— Мистер Келли, что вы думаете по поводу мира, в который мы направляемся?

Лысоголовый социолог поправил очки.

— Он... э... велик, директор. Этот шепот мог быть ничем иным, как перекрещивающимися радиоволнами, подобными тем, какие есть в нашей галактике. Они... э... могут быть просто внешними сигналами, идущими из пустынных мест в зону развития,— он умолк, но не слыша ничьих замечаний, продолжил: — Вспомните, ведь человек тоже оставил вечные следы в собственной галактике. Планеты сошли со своих орбит. Мертвые миры покрылись живой зеленью. Океаны появились там, где безжизненные пустыни лежали под солнцем и были горячей солнца. Наше присутствие здесь, на этом огромном корабле, является проявлением мощи человека, способного проникать дальше, чем все существующие шепоты.

Следующим выступил Гурлей из отдела коммуникации.

— Следы человека едва ли можно назвать величественными, когда речь идет о космосе. Мы песчинка в этом пространстве. Я не понимаю, как вы можете говорить о наших достижениях теми же словами, что и о явлении, с которым мы столкнулись. Эти пульсации настолько всепроникающи, что пространство вокруг кипит. Это жизнь так бурно проявляется, что мы даже не представляем себе ее масштабы. Это не кот, не алый дьявол, не феллахская раса, ограничивающаяся одной системой. Здесь, по всей вероятности, умы, которым нет числа, общаются между собой через мили и годы, пространства и времена. Это цивилизация всей галактики, и если говорящие от ее имени предупреж-

дают нас...— Гурлей замолчал, задохнувшись, и поднял руку, как бы защищаясь.

Он был не единственным, кто сделал это. По всей комнате люди пригибались и прятались за кресла, так как Кент судорожным движением выхватил вибратор и направил его на аудиторию. Гросвенф мгновенно пригнулся и посмотрел вверх. Луч проходил выше его головы. За его спиной раздался дикий вопль, затем звук удара, от которого содрогнулся пол.

Гросвенф обернулся. Это же сделали все, кто был с ним рядом. С ужасом они увидели нового гостя своего корабля. За последним рядом на полу извивалась тридцатифутовая громадина. В следующее мгновение в воздухе появилась красноглазая копия первого чудовища и с грохотом приземлилась в дюжине футов от первого. Вслед за вторым чудовищем возник третий, дьявольского вида монстр, перевернулся несколько раз и вскочил, рыча.

Через секунду из воздуха их материализовалось не менее дюжины.

Гросвенф также выхватил вибратор и разрядил его. Чудовищный вой усилился. Металлические лапы скребли по металлическим стенам и полам. Стальные когти грохотали, стучали тяжелые ноги. Теперь все люди вокруг Гросвенфа стреляли из вибраторов, но твари продолжали появляться. Гросвенф повернулся, вскочил на второй ряд и прыгнул на второй ярус приборного щита. Когда он добрался до яруса, на котором находился Кент, тот перестал стрелять и злобно зашипел:

— Ты что это делаешь, скотина!?

Его вибратор повернулся, и Гросвенф выбил его из рук директора. От ярости тот ничего не мог произнести. Добравшись до следующего яруса, Гросвенф увидел, что Кент тянется за вибратором. Он не сомневался в том, что директор собирается выстрелить в него. Со вздохом облегчения он добрался, наконец, до рубильника, управляющего созданием огромного мультиэнергетического экрана корабля, включил его на полную мощность и кинулся на пол, как раз вовремя. Трассирующий луч вибратора Кента впился в металл контрольной панели как раз над головой Гросвенфа. Потом луч пропал. Кент вскочил на ноги и крикнул наверх:

— Я не понял, что вы собираетесь делать!

Гросвенф не ответил человеку, только что хотевшему его убить. Исполняющий обязанности директора теперь, видимо, представит это дело так, что стрелял в труса, бежавшего с поля боя. Эллиот проскочил мимо химика, не желая вступать в разговор. Он уже давно не выносил Кента, но теперь убедился, что враг, коварный и мстительный, к тому же человек опасный, особенно на таком посту. Впереди предстояло сложное время, и личная неприязнь Кента могла сыграть роль триггера, способного уничтожить корабль.

Спустившись на нижний ярус, Гросвенф добавил энергию своего вибратора к той, что излучали вибраторы других. Уголком

глаза он заметил, что три человека устанавливают огнемет. К тому времени, когда он выбросил свое всепожирающее пламя все твари находились без сознания от молекулярной энергии, и уничтожить их было делом нетрудным.

Опасность миновала, и у Гросвенфа появилось время поразмыслить над тем, как эти чудовища были перенесены на корабль через световые столетия. Это походило на сон, и было слишком фантастично, подобное вообще невозможно было себе вообразить.

Но запах горящей плоти был достаточно реальным, как и струившаяся голубовато-серая кровь. Это не было миражем — на полу валялась дюжина бронированных, чешуйчатых тел.

Когда через несколько минут Гросвенф вновь увидел Кента, исполняющий обязанности директора был сдержан и активно отдавал приказы по коммуникатору. Вплыли подъемники, чтобы убрать тела. Коммуникаторы гудели от перекрестных посланий. Картина быстро прояснилась.

Существа объявились только в контрольном пункте. Корабельный радар не зарегистрировал ничего похожего на вражеский корабль. В любом направлении расстояние до ближайшей звезды равнялось тысяче и более световых лет. При этих сообщениях аудитория загудела, обмениваясь мнениями.

— Десять световых столетий! — изумился штурман Селенски.— Без ретрансляции мы даже сообщения не можем передавать на такие расстояния.

Вперед торопливо вышел капитан Лич. Он коротко переговорил с несколькими учеными и созвал военный совет.

— Думаю, не надо говорить о риске, которому мы подвергаемся,— начал он свою речь.— Похоже на то, что наш корабль противостоит враждебной галактической цивилизации. Сейчас мы в безопасности за защитным экраном. Природа угрозы требует от нас ограниченности действий. Мы должны узнать, почему нас предупреждают. Мы должны определить, какова опасность и какой разум нам угрожает. Я вижу, что наш биолог Скит все еще исследует останки наших последних врагов. Мистер Скит, что они из себя представляют?

Скит отвернулся от поверженного чудовища и сообщил:

— Земля могла произвести нечто подобное во времена динозавров. Судя по размерам того, что должно быть черепной коробкой, их интеллект должен быть чрезвычайно низким.

— Мистер Гурлей,— произнес Кент,— мне говорят, что твари могли проникнуть сквозь гиперпространство. Хотелось бы узнать ваше мнение по этому поводу.

— Мистер Гурлей, ваша очередь,— подхватил капитан Лич.

Специалист по коммуникациям начал выступление в своей обычной, спокойной манере.

— Это лишь теория, и притом весьма новая. Согласно ей, Вселенная уподобляется вытянутому шару. Когда вы прокалываете оболочку, шар мгновенно становится плоским и одновре

менно начинает залечивать прокол. И если какой-либо предмет проникает под оболочку, он уже не может возвратиться в ту точку, откуда прибыл. Предположим, что некто знает какой-то метод контроля над явлением и может использовать его, как форму телепортаци... Да, звучит причудливо, но вспомните, что это в равной мере можно сказать и о случившемся.

— Трудно поверить в то, что кто-то может быть более ловким, чем мы,— кисло заметил Кент.— Вероятно, это какие-то очень простые решения проблемы гиперпространства, которые просмотрели наши ученые. Может быть, нам удастся их узнать? — он помолчал, потом продолжил: — Корита, вы все молчите. Не скажете ли, что противостоит нам?

Археолог встал и в замешательстве развел руками.

— Не могу предложить даже догадки. Нам придется побольше узнать тех, кто стоит за этим странным вторжением, а уж потом можно будет делать сравнения на базе цикличности истории. Например, если целью их был захват корабля, то нападение на нас в том виде, в каком оно совершено — было ошибкой. Если же они намеревались просто напугать нас, то атака оказалась на редкость успешной.

Когда Корита сел, раздался взрыв смеха, но Гросвенф отметил, что капитан Лич остался мрачным и задумчивым.

— И все-таки, кто на нас напал? — спросил он.— Мне в голову пришла одна неприятная версия, и мы должны быть к ней готовы. Предположим, этот одаренный интеллект, или кто он там, захотел узнать, откуда мы прилетели? — он сделал паузу, и судя по установившейся тишине было ясно — его слова задели чувствительную струну.— Давайте посмотрим на это... с его... точки зрения. Приближается корабль... В том направлении, откуда он летит, в радиусе десяти миллионов световых лет имеется значительное число галактик, звездных скоплений и туманностей. Какая из них послала корабль?

В зале стало совсем тихо. Лич повернулся к Кенту.

— Директор, если вы не против, прервемся, чтобы изучить несколько планетных систем этой галактики.

— Не возражаю,— буркнул Кент.— Но теперь, если кто-нибудь еще...

Гросвенф поднял руку, и тогда Кент, как бы не замечая, сказал:

— Начнем совещание... чуть позже. Это же собрание объ--являю...

Гросвенф встал и громко произнес:

— Мистер Кент!

— ... закрытым! — закончил Кент.

Все оставались на своих местах. Кенту ничего не оставалось, как повернуться к Эллиоту и недовольно сказать:

— Прошу прощения, мистер Гросвенф, предоставляю вам слово.

— Трудно себе вообразить,— уверенно проговорил Грос-

венф,— что эти существа смогут расшифровать наши понятия, но я все же предлагаю уничтожить наши звездные карты.

— Я собирался предложить то же самое,— взволнованно заговорил Ван Гроссен.— Продолжайте, Гросвенф.

Под одобрительный шепот присутствующих, он продолжал:

— Все мы убеждены, что наш главный защитный экран может нас уберечь от неприятностей. У нас, естественно, нет иной альтернативы. Мы поступаем так, как вынуждены, хотя не всегда знаем, правильно ли ведем себя. Но, когда мы, наконец, приземлимся, нам понадобятся несколько больших энцефало-аджустеров. Мы сможем при их помощи создать защитные мозговые волны, которые помешают чужому интеллекту читать наши мысли.

И снова аудитория одобрительно зашумела.

Кент равнодушно спросил:

— Хотите сказать еще что-нибудь, мистер Гросвенф?

— Да. Одно общее замечание. Главам отделов необходимо просмотреть материалы, находящиеся в их распоряжении, чтобы уничтожить все, что могло подвергнуть опасности нашу расу в случае захвата «Гончей».

Шло время и становилось ясно — неизвестный интеллект намеренно воздерживается от дальнейших действий, а возможно работа экрана достаточно хорошо обеспечивала защиту. Во всяком случае никаких новых инцидентов не произошло.

На большом расстоянии друг от друга находились солнца в этой отдаленной области галактики. Первое солнце вынырнуло из пространства — светящийся сгусток жара, яростно пылающий в чернильной тьме. Лестер и его штат определили местонахождение пяти планет, вращающихся довольно близко от светила. Несомненно, необходимо было их обследовать. Приблизившись поочередно к каждой, они уяснили, что одна из них обитаема. Это был шар мглы, джунглей и гигантских тварей. Корабль обогнул его, пролетев над линией морских берегов, над огромным континентом, заболоченном и заросшим густой растительностью. Никаких следов цивилизации не было.

«Космическая Гончая» пролетела триста световых лет и оказалась у маленького солнца с двумя планетами, жмущимися к теплу красно-вишневого шара. Одна из двух планет была обитаема, и это тоже был мир мглы и джунглей с ящероподобными тварями. Они оставили его неисследованным, пролетев над огромным морем и покрытым буйной растительностью материком.

Теперь звезд стало больше. Они усеивали черноту следующих ста пятидесяти световых лет. Большое голубоватое солнце, в орбите которого вращалось не менее пятидесяти планет, привлекло внимание Кента, и корабль быстро устремился к нему. В непосредственной близости к солнцу располагалось семь планет, и они были пылающим адом без всякой надежды на зарождение жизни. Корабль совершил спираль над тремя близко расположенными друг к другу планетами, которые были обитае-

лыми, и устремился в межзвездную пустоту исследовать другие системы. За ними находились три насыщенные испарениями планеты-джунгли, вращающиеся по своим орбитам вокруг солнца.

Тем временем Кент собрал на борту корабля совещание глав отделов и их заместителей. Обсуждение он начал без обиняков:

— Лично я не вижу смысла в поиске определенных свидетельств, но Лестер предложил мне срочно вас созвать,— он пожал плечами.— Возможно, он что-то знает, чего не знаем мы.

Гросвенф был озадачен уверенностью, излучаемой всей фигурой маленького химика.

«В чем тут дело?» — подумал он.

Казалось странным, что исполняющий обязанности директора Кент заранее отрекается от всего, что будет обсуждаться на этом совещании.

Вновь заговорил Кент, и тон его был дружелюбным:

— Гюнли, может быть, вы начнете?

Астроном поднялся на нижний ярус. Он был таким же высоким и худым, как и Скит. На его бесстрастном лице блестели ярко-голубые глаза. Когда он заговорил, голос его звучал уверенно.

— Джентльмены, три обитаемые планеты последней системы были совершенно одинаковы, я считаю, что это искусственные планеты. Я не в курсе, многие ли из вас знакомы с современной теорией образования планетных систем. Те же из вас, которые с ней не знакомы, возможно, не поймут важность моих слов. Дело в том, что распределение массы в системе, которую мы только что покинули, невозможно динамически. Мне могут возразить, что две из трех обитаемых планет этого солнца были перемещены в их настоящее положение насильственно. По моему мнению, нам следует вернуться и убедиться в этом. Похоже на то, что кто-то создал первобытные планеты. Вы спросите — зачем? На этот вопрос я отвечать не буду.

Он замолчал и недружелюбно посмотрел на Кента. Тот повернулся к ученым.

— Гюнли потребовал, чтобы я приказал вернуться на одну из планет-джунглей. Поэтому я и созвал совещание. Теперь проведем голосование.

«Так вот в чем дело!» — Гросвенф теперь только понял, почему так уверенно вел себя Кент. Исполняющий обязанности директора не попытался сколотить оппозицию. Он был уверен, что большинство не поддержит план астронома. Но, созывая совещание, когда его собственная точка зрения должна была восторжествовать, он доказывал, что рассматривает себя как объект демократической процедуры. Это был ловкий ход, демагогическая мера по поддержанию доброй воли среди его сторонников.

И в самом деле, предложение Лестера встретило активные

возражения. Когда же с дискуссией было покончено, Гросвенф встал и заявил:

— Я бы хотел поддержать точку зрения мистера Кента в этом важном вопросе.

— Однако, мистер Гросвенф,— холодно проговорил Кент, отношение всех, кажется, в достаточной мере ясно, судя по краткости дискуссии, и отнимать наше ценное время...— тут он внезапно умолк. Вероятно, до него дошел истинный смысл слов Гросвенфа. Лицо его потемнело. Поскольку никто ничего не сказал, он опустил руку и проговорил: — Вам слово, мистер Гросвенф.

Мистер Кент прав: решение слишком поспешное,— твердо начал Эллиот.— Пока мы посетили лишь три планетные системы, а необходимо посетить не менее тридцати, выбрав их наугад. Это минимальное число, учитывая размеры наших исследований, по которому мы можем прийти к каким-нибудь выводам. Я буду рад обратиться со своими цифрами в математический отдел для подтверждения. Помимо этого, приземлившись, мы должны были бы выйти из-под защиты экрана. Мы должны были бы подготовиться к отражению самой невероятной атаки со стороны интеллекта, который может мгновенно использовать для доставки своих сил среду гиперпространства. Я представляю себе картину того, как биллион тонн вещества обрушится на нас, в то время, как мы беспомощно будем сидеть на этой планете. Джентльмены, насколько я понимаю, впереди у нас есть месяц-другой для детального изучения вопроса. В течение этого времени мы, естественно, должны посетить возможно большее количество солнц. Если их обитаемые планеты тоже окажутся исключительно примитивными, тогда мы будем иметь весомое подтверждение предположения мистера Лестера об их искусственном положении.— Помолчав, Гросвенф закончил: — Мистер Кент, я верно выразил ваше мнение?

Кент уже успел полностью овладеть собой.

— Почти, мистер Гросвенф,— он оглядел собравшихся.— Если новых предложений больше не будет, я предлагаю проголосовать предложение Гюнли Лестера.

— Я отклоняю его,— встал астроном.— Признаюсь, что не продумал некоторые аспекты поспешного приземления.

После некоторых колебаний, Кент произнес:

— Если кто-нибудь желает поддержать предложение Гюнли...— поскольку никто не собирался высказываться, Кент уверенно продолжил: — Я бы хотел, чтобы кто-нибудь высказал свое мнение, но раз никто не желает сделать этого, то я прошу начальников отделов приготовить мне детальный отчет по вопросу о том, какие меры нам следует предпринять для успешного приземления, которое нам неизбежно придется совершить. У меня все, джентльмены.

В коридоре, при выходе из контрольного пункта, Гросвенф почувствовал чью-то руку на своем плече. Обернувшись, он увидел Мак-Кена, который сказал:

— Последние несколько месяцев я был чрезвычайно занят работами, связанными с ремонтом и не имел возможности пригласить вас в свой отдел. Я предчувствую, что когда мы, наконец, приземлимся, оборудование геологического отдела будет использовано не совсем по назначению. Некзиализм мог бы нам очень пригодиться.

Гросвенф обдумал его слова, после чего кивнул в знак согласия.

— Я буду у вас завтра утром. Хочу приготовить рекомендации для импозантного мистера Кента, исполняющего обязанности директора.

Мак-Кен кинул на него быстрый взгляд и нехотя спросил:

— Вы полагаете, что он ими не заинтересуется, не так ли?

Значит, остальные тоже заметили неприязнь к нему Кента.

— Что, по вашему, является основой популярности Кента, как лидера? — уточнил Эллиот.

После некоторых размышлений Мак-Кен ответил:

— Он человечен. У него есть приязни и неприязни. Он способен волноваться от происходящего. Он вспыльчив... Когда он делает ошибки, то пытается сделать вид, что так и надо. Он жаждет быть директором. После возвращения корабля на Землю, директора экспедиции ждет мировая известность. Во всех нас есть что-то от Кента. Он... э... он человек.

— Насколько я заметил, вы ничего не сказали о его способности к работе.

— Это не является жизненно важным вопросом. Он может получить совет у специалистов по любой проблеме,— Мак-Кен облизал губы.— Трудно выразить в словах притязательность Кента, но думаю, ученые постоянно опасаются ущемления своих потенциальных возможностей и поэтому хотят, чтобы впереди них находился человек эмоциональный, но в то же время такой, чья квалификация не вызывала бы сомнений.

Гросвенф качнул головой.

— Я не согласен с вами относительно того, что работа директора якобы не важна. Все зависит от личности и от ее умения использовать благоприятные возможности.

Мак-Кен внимательно выслушал Гросвенфа и через некоторое время произнес:

— Человеку, рассуждающему строго логично, подобно вам, всегда очень трудно понять влияние на людей подобных кентов. И в политике такие люди имеют мало шансов.

Гросвенф мрачно заявил:

— Побеждает не преданность научным методам. Дело в их прямоте. Средних знаний человек часто понимает, что тактика, используемая против него, лучше, чем лицо, которое ее использует, но не может решиться на контрудар, не ощущая себя при этом опороченным.

Мак-Кен нахмурился.

— Громко сказано! А у вас не бывает таких приступов малодушия?

Гросвенф молчал.

Мак-Кен настаивал:

— Предположим, вы решите, что Кента следует оттеснить. Что вы станете делать?

— В настоящий момент мои намерения вполне миролюбивы,— осторожно заметил Гросвенф и с удивлением увидел удовлетворенное выражение на лице Мак-Кена. Он с жаром пожал руку Гросвенфа.

— Рад слышать о том, что ваши намерения легальны,— искренне произнес Мак-Кен.— С тех пор, как я побывал на вашей лекции, я понял то, что никто другой еще не осознал: потенциально — вы самый опасный человек на этом корабле. Совокупность ваших знаний, подкрепленная решительностью и знанием цели, может быть куда большей бедой, чем любое нападение.

Придя в себя после мгновенного удивления, Гросвенф покачал головой.

— Невероятное предположение,— сказал он.— Одного человека слишком легко убить.

— Я заметил,— произнес Мак-Кен,— что вы не отрицаете того, что владеете знаниями.

Гросвенф протянул руку, прощаясь.

— Благодарю за ваше высокое мнение обо мне. Хотя оно значительно преувеличено, но психологически стимулирует.

Тридцать первая по счету звезда, на которой они побывали, была размером с Солнце, и почти такого же типа. На трех ее планетах была жизнь, похожая на жизнь соседних миров, которые они исследовали. Здесь раскинулись во все стороны джунгли, окутанные обильными испарениями и носились зеленые волны по первобытным морям.

«Космическая Гончая» пролетела сквозь газообразную оболочку из воздуха и водяных паров, а затем заскользила над поверхностью планеты, напоминая огромный металлический шар, заброшенный в фантастические края.

В геологической лаборатории Гросвенф наблюдал за приборами, отмечавшими природу почвы внизу. Это была сложная работа, требовавшая пристального внимания. Постоянный поток сверхзвуковых и коротковолновых сигналов должен был быть направлен в строго определенную ячейку соответствующего вычислительного устройства в точно определенный отрезок времени для сравнительного анализа. К стандартной, знакомой Мак-Кену технике, Гросвенф добавил некоторые усовершенствования, подсказанные методикой некзиализма, и в таблицах и в диаграммах оказалась отраженной удивительно точная картина внешней поверхности планеты.

Гросвенф сидел там уже целый час, глубоко погрузившись в процесс работы. Факты давали расхождение в деталях, но молекулярная структура, устройство и распределение различных элементов указывали на некое геологическое постоянство: ил, песчаник, глина, гранит, органические следы — возможные мес-

торождения угля, силикаты в форме покрывающего скалы песка, вода...

Несколько стрелок на шкалах перед ним резко повернулись и застыли. Их реакция косвенно указывала на присутствие металлической руды в больших количествах, со следами углерода, молибдена...

Сталь! Гросвенф схватился за рычаги, которые ускоряли выдачу серии результатов. Зазвенел звонок, и тут же подошел Мак-Кен. Корабль остановился. А через минуту Мак-Кен уже докладывал Кенту:

Да, директор, сталь, а не просто железо,— он не назвал имени Гросвенфа и продолжил: Мы установили нашу аппаратуру максимум на сто футов. Это может быть город, похороненный или скрытый в джунглях.

— Через несколько дней будет известно,— сказал Кент, будто все зависит только от него.

Корабль был осторожно посажен на планету, и через временное отверстие в защитном экране ученые спускали необходимое оборудование. Затем они установили гигантские экскаваторы, краны, подвижные контейнеры с дополнительными устройствами. Все было так тщательно отрепетировано, что уже через полчаса после того, как корабль начал разгружаться, он вновь взмыл в пространство.

Все работы по раскопкам проводились с дистанционным управлением. Рабочие раскопали землю на двести пятьдесят футов в глубину и на восемьдесят в ширину. Был обнаружен не город, под землей нашли древние развалины того, что раньше было городом.

Здания выглядели так, будто были раздавлены огромной тяжестью. Улицы располагались глубоко под землей. Камни домов рассыпались под рукою. Неожиданно рабочие наткнулись на груду костей. Был отдан приказ прекратить раскопки, и несколько спасательных шлюпок устремились сквозь мглистую атмосферу. Гросвенф вместе с Мак-Кеном и другими специалистами кинулись к этому месту, и вскоре, действительно, убедились, что перед ними разрозненные кости скелета.

— Нехорошие повреждения,— нахмурился Скит.— Но постараюсь его собрать.— Его умелые пальцы укладывали кости в определенном порядке.— Четыре ноги,— сообщил он. Поднеся к одной конечности флюороскоп, он буркнул: — Похоже на то, что он мертв уже лет двадцать пять.

Гросвенф отошел в сторону. Разбросанные повсюду останки могли раскрыть секрет исчезнувшей расы. Но вряд ли эти скелеты расскажут о тех, кто принес сюда смерть, кто уничтожил эту четырехногую расу. Хотя уже можно было догадаться, что перед учеными останки жертв, а не завоевателей и разрушителей.

Гросвенф подошел к Мак-Кену, который изучал почву, поднятую из-под стены древней улицы. Геолог повернулся к нему и сказал:

— Я думаю, нам станет кое-что ясно, когда мы сделаем стратиграфический анализ глубоких слоев.

Тут же рядом работала буровая команда. В течение нескольких часов, пока машины прокладывали себе путь среди камней и глины, Гросвенф был очень занят. Перед его глазами мелькали твердые комья земли или обломки камня. Некоторые из них он брал на исследование. Когда спасательные шлюпки направились к кораблю, Мак-Кен докладывал Кенту. Гросвенф видел все на экране коммуникатора.

— Директор, меня просили проверить, возможно ли, что джунгли на этой планете были созданы искусственно. Я думаю — так оно и было. Слои, залегающие ниже болота, похоже принадлежали более старой и менее примитивной планете. Трудно себе вообразить, что напластования джунглей могли быть сняты с какой-то отдаленной планеты и перенесены сюда, но очевидность указывает на то, что это вполне возможно.

— А как насчет самого города? — поинтересовался Кент.— Как он был разрушен?

— Мы проделали несколько вычислений и теперь можем утверждать, что причиной катастрофы было какое-то стихийное бедствие, принесшее сюда камни, глину, воду.

— Вы нашли хоть какие-нибудь данные, указывающие на время этой катастрофы?

— Мы располагаем небольшими геоморфологическими данными. В нескольких осмотренных нами местах новая поверхность образовала впадины на старой, указывая на то, что добавочный вес смял более мягкие участки. Произошла идентификация типа сдвига почвы, которая должна была прогнуться при подобных обстоятельствах. Мы получили несколько цифр и намереваемся запустить их в компьютер. Компетентный математик,— он имел в виду Гросвенфа,— сравнивая прямое давление веса вышележащих пород и промежутки времени, подсчитал, что разрушение произошло меньше, чем сто лет назад. Поскольку геология имеет дело с событиями тысяче- и миллионолетней давности, все, что могут сделать наши машины — это проверить вычисления людей. А это не даст нам более точных результатов.

Наступила пауза, после которой Кент сказал:

— Благодарю вас. Я чувствую, что вы и ваш штат проделали огромную работу. Еще один вопрос: не обнаружили ли вы в ваших вычислениях чего-нибудь такого, что могло бы послужить ключом к определению природы интеллекта, который мог произвести подобные катаклизмические разрушения?

— Я не успел поговорить по этому поводу с помощниками, но мне кажется, это исключено.

«Хорошо,— подумал Гросвенф,— что Мак-Кен так осторожен в своих ответах. Для геолога обследование этой планеты — только начало поиска, и незачем говорить, что перед тобой враг, когда ты еще и следа его не видел».

Нельзя заранее делать выводы, тем более придавать их ог-

ласке. Ученый и сам помалкивал, хотя давно уже догадывался, какое страшное чудовище обитает в этой галактике. И смутно, но все-таки представлял себе, чем может обернуться встреча двух интеллектов. Неторопливо он обдумывал, что надо предпринять в будущем.

Перед ним не было вопроса — быть или не быть. Он знал, что в жизни есть ситуации, когда невозможен компромисс. Ему было совершенно ясно, что те, кто не видит проблемы в совокупности, те, кому открыта область одной или даже двух наук, не могут себе представить размеры опасности, которая нависла над вселенной.

Четко понимая природу предстоящей борьбы, он был убежден, что его тактика должна быть тщательно продумана и отступать нельзя, довольно соглашательства, он должен быть решителен. Слишком велика ставка.

Приготовившись к действиям, Гросвенф написал Кенту письмо:

«Исполняющему обязанности директора.
Административный отдел.
Исследовательский корабль
«Космическая Гончая».

Дорогой мистер Кент! Я должен сделать важное сообщение главам отделов. Сообщение касается всех обитателей галактики. Я располагаю фактами, важность которых трудно преувеличить.

Не будете ли вы так любезны созвать совещание с тем, чтобы я мог изложить свои выводы?

Искренне ваш Эллиот Гросвенф»

Он думал о том, как прореагирует Кент, услыхав его неопровержимые доказательства. Ожидая ответа он перенес кое-какие личные вещи из своей каюты в некзиалистский отдел. Это было последним звеном его плана защиты, который включал в себя возможность осады.

Ответ пришел на следующее утро.

«Дорогой мистер Гросвенф! Я связался с мистером Кентом вчера днем по поводу вашего меморандума. Он предложил вам сделать закрытый доклад по форме А-16-4 и выразил удивление по поводу того, что вы не обратились к нему лично. Мы получаем разные предположения и версии по интересующему вас вопросу. Ваша версия будет изучена наряду с другими.

Будьте любезны, как можно скорее прислать тщательно заполненный образец формы А-16-4.

Искренне ваш, Джон Фонрем за мистера Кента».

Гросвенф мрачно прочел ответ. Кент вынужден был отвечать вежливо. Научный этикет обязывал. Хотя, видимо, резервуар ненависти уже кипел в этом человеке. Если Корита прав, то кризис приближается. Это был «зимний» период настоящей человеческой цивилизации, и вся культура могла разбиться вдре-

безги под действием вспышек эгоизма отдельных индивидуумов.

Хотя Гросвенф и не намеревался предлагать фактическую информацию, он решил заполнить присланную ему секретную форму. Составив перечень фактов, он не стал ни рассматривать их, ни предлагать решение. В графе «Рекомендации» он написал:

«Заключение будет понятно каждому, обладающему необходимой квалификацией человеку».

Это был вызов. Он откровенно не хотел раскрывать тему своего выступления. Его наблюдений и выводов ждали на борту «Космической Гончей». О них говорили, и все эти данные давно должны были лежать на столе Кента. Но их там не было.

Гросвенф сам отнес форму. Он не ожидал немедленного ответа, но все же остался в своем отделе. Даже еду ему присылали туда. Прошло два двадцатичасовых периода, прежде чем он получил записку Кента.

«Дорогой мистер Гросвенф! Рассмотрев форму А-16-4, которую вы предоставили на рассмотрение совета, я отметил, что вы не указали своих рекомендаций... Поскольку мы получили другие рекомендации по этому вопросу и намерены соединить лучшие черты каждой, создав обширный план, мы были бы признательны вам за передачу детальных рекомендаций.

Будете ли вы так добры уделить этому вопросу решительное внимание?

Грегори Кент. Исполняющий обязанности директора».

Гросвенф воспринял личную подпись Кента, как прямой намек на то, что скоро он начнет действовать.

Он принял лекарства, которые вызывали недомогание, напоминающее грипп. В ожидании реакции организма, он написал Кенту еще одно послание, на этот раз о том, что он болен, и, к сожалению, не может подготовить рекомендации, в которых давно возникла необходимость, поскольку они должны были включать в себя значительное количество весомых доказательств, опирающихся на факты. Он написал также о том, что он считает разумным немедленно начать предварительную пропаганду среди членов экспедиции о необходимости провести в пространстве пять добавочных лет. Опустив письмо в почтовый желоб, Гросвенф позвонил в офис доктора Эгерта. Все произошло даже быстрее, чем рассчитывал Эллиот. Через десять минут вошел доктор Эгерт и поставил на пол свой чемоданчик. Когда он выпрямился, в коридоре зазвучали шаги. Несколькими секундами позже появился Кент с двумя крепкими работниками химического отдела.

— Хэлло, Грег,— произнес он своим звучным голосом и посмотрел на Гросвенфа.— Итак, нам известно, что у вас появились переносящие вирус насекомые, друг мой. Забавно! Какое бы внимание вы не оказывали защите корабля при этих приземлениях, не-

которые бактерии все же проникают внутрь. Я забираю вас в изолятор.

— Я предпочитаю остаться здесь.

Доктор Эгерт нахмурился и пожал плечами.

— Что ж, заболевание у вас не серьезное,— он собрал свои инструменты.— Я пришлю присматривать за вами своего служащего. Нельзя рисковать, когда дело имеешь с бациллами, которые на земле неизвестны.

Кент хмыкнул. Гросвенф, поглядывающий на него с нарочитым смущением, при этих словах поднял на него вопросительный взгляд.

— А в чем, собственно, дело, доктор? — раздраженно проговорил Кент.

— Сейчас я не могу этого точно сказать. Посмотрим, что дадут лабораторные исследования,— он нахмурился.— Я взял пробы почти с каждой части его тела. Пока все симптомы указывают на лихорадку и жидкость в легких. Боюсь, что сегодня я не могу позволить вам беседовать с ним, Грег. Опасаюсь, что его заболевание может быть весьма серьезным.

Кент резко заявил:

— Придется позволить. Мистер Гросвенф владеет ценной информацией и...— он говорил подчеркнуто строго,— ... я уверен, он еще достаточно силен, чтобы сообщить ее нам.

Доктор Эгерт взглянул на Гросвенфа и осведомился:

— Как вы себя чувствуете?

— Я еще могу говорить,— слабым голосом прошептал Гросвенф.

Его лицо пылало, глаза болели. Он все верно рассчитал. Он знал, что если он не сможет пойти к исполняющему обязанности директора и причина будет достаточно серьезной, исполняющий сам к нему придет. Так оно и получилось.

Другая причина, заставившая его заболеть, заключалась в том, что он не хотел идти на совещание ученых, которое собирал Кент. Здесь, в своем отделе, и только здесь, он мог защитить себя от враждебных действий.

Доктор взглянул на часы.

— Прошу вас,— обратился он к Кенту, а косвенно и к Гросвенфу.— Я пришлю санитара. Разговор должен закончиться к тому времени, как он придет, договорились?

— Прекрасно! — с фальшивой сердечностью ответил Кент.

Гросвенф молча кивнул.

Уже от двери доктор Эгерт еще раз напомнил:

— Мистер Рондер будет тут примерно через двадцать минут.

Когда он ушел, Кент медленно опустился в кресло и взглянул на Гросвенфа. Он долго молчал, потом произнес намеренно холодно, выразив этим свое отношение к собеседнику:

— Я не понимаю, чего вы добиваетесь. Почему вы не предоставляете нам информацию, которой владеете?

— Мистер Кент, вы действительно удивлены?

Снова воцарилось молчание. Гросвенфу казалось, что Кент очень сердит и лишь с большим трудом сдерживает себя. На-

конец, он прервал молчание и проговорил низким, напряженным голосом:

— Я — директор экспедиции. Я требую, чтобы вы немедленно выдали свои рекомендации.

Гросвенф медленно покачал головой. Внезапно он ощутил жар и тяжесть.

— Я не знаю, что... собственно на это ответить. Ваши действия, мистер Кент, предсказуемы. Видите ли, я ожидал, что вы обойдетесь с моими письмами именно так, как вы это сделали. Я ожидал от вас, что вы придете сюда с...— он обвел глазами двух помощников Кента,— ... парой герольдов. При создавшихся обстоятельствах я думаю, что имею право настаивать на совещании глав отделов с тем, чтобы лично сообщить им свои рекомендации...

Будь у него время, он бы выставил руку и защитил себя. Слишком поздно он увидел, что Кент разъярен более, чем он это подозревал.

— Ловко, а! — в ярости бросил химик.

Его рука поднялась. Раскрытой ладонью он ударил Гросвенфа по лицу и снова заговорил сквозь сжатые зубы:

— Так вы больны, да? Люди со странными болезнями иногда оказываются не в своем уме и за ними требуется строгий надзор, потому что в состоянии помешательства они способны напасть на любимых друзей.

Гросвенф уставился на него затуманенным взглядом. Он поднес руку к лицу. Из-за лихорадки и слабости он слабо соображал. С некоторым трудом он сунул в рот таблетку противоядия. При этом он делал вид, будто держится за щеку в том месте, по которому его ударил Кент. Проглотив таблетку, он произнес дрожащим голосом:

— Пусть так, моя психика не в порядке, так что?

Если Кент и был удивлен его реакцией, то не выразил это словами. Он коротко спросил:

— Чего вы собственно добиваетесь?

Несколько мгновений Гросвенф боролся с тошнотой. Когда это чувство прошло, он ответил:

— Я хочу, чтобы вы подготовили всех к тому, что членам экипажа, ученым и рабочим необходимо сознательно принять решение о продолжении экспедиции еще на пять лет. Мы не можем бежать, встретившись с враждебным интеллектом. Вот пока все. Когда вы сделаете это, я расскажу вам то, что вы пожелаете узнать.

Он почувствовал улучшение — противоядие начало действовать. Лихорадка прошла. Он был доволен собой, он высказался. Его план двигался в нужном направлении. На любой стадии Кент, или позже вся группа, могли принять его предложение, и это было бы концом его стратегической борьбы.

Кент дважды разжал губы, как будто намереваясь заговорить, и каждый раз снова закрывал рот. Наконец, он произнес с глубоким изумлением:

— Это все, что вы хотите пока предложить?

Палец Гросвенфа лежал под одеялом, на кнопке, вделанной в боковую часть его кровати, готовый нажать на нее.

— Клянусь, вы получите то, что хотите!

Кент резко возразил:

— Об этом не может быть и речи. Я не могу позволить себе подобного безумия. Люди не вынесут и одного добавочного года.

— Ваш приход ко мне говорит о том, что вы не считаете мое решение безумным.

Кент напряг кулаки, потом разжал их.

— Это невозможно! Как я мог бы объяснить такое главам отделов и их помощникам?

Наблюдая за этим маленьким человеком, Гросвенф понял, что кризис близок.

— Вам не придется им это объяснять. Все, что вам придется сделать, это дать информацию.

Один из его герольдов, наблюдавший за лицом Кента, заговорил:

— Послушайте, шеф, этот человек, кажется, не понимает, что разговаривает с директором. Как насчет того, чтобы ему это объяснили?

Кент, собиравшийся сказать что-то еще, осекся. Он отступил, облизывая губы и злобно кивнул.

— Вы правы, Бродер. Я не понимаю, зачем вообще я ввязался в этот спор. Подождите минутку, я закрою дверь, а потом...

Гросвенф угрожающе предостерег Кента:

— На вашем месте я бы не стал ее запирать. Я подниму по тревоге весь корабль.

Кент, уже дотянувшийся до двери, остановился и оглянулся. На его физиономии застыла жестокая ухмылка.

— Так, так, так...— злобно ощерил он длинные зубы.— Мы доберемся до вас и при открытых дверях. Начинайте разговор, мой друг...

Двое служащих шагнули вперед.

— Бродер, вы слышали когда-нибудь о репферальном электростатическом заряде? — спросил Эллиот. Верзилы остановились, а он продолжил: — Только дотроньтесь до меня, и сразу увидите. Ваши руки покроются волдырями, а лицо...

Оба помощника выпрямились и отшатнулись. Блондин Бродер тревожно взглянул на Кента, который сердито сказал:

— Количество находящегося в человеческом теле электричества не убьет и мухи!

Гросвенф покачал головой.

— Вы, мистер Кент, кажется, немного не в себе. Электричество не в моем теле, но оно будет в вашем, если вы дотронетесь до меня.

Кент вытащил вибратор и подчеркнуто стал его настраивать.

— Назад! — скомандовал он помощникам.— Я хочу дать

ему порцию в одну десятую секунды. От этого он не лишится сознания, но все молекулы его тела придут в движение.

Гросвенф, спокойно улыбаясь, предупредил:

— Я его не получу, Кент, в этом вы ошибаетесь.

Тот либо не слышал его, либо был слишком зол, чтобы обращать внимание на его предупреждение. В глаза Гросвенфу ударил блеск вспышки. Послышалось шипение, треск и крик Кента. Вспышка исчезла, и Гросвенф увидел, как Кент пытается отбросить оружие, но оно не хочет отлипать от его руки. В конце концов, вибратор упал на пол с металлическим лязгом. Оглушенный Кент стоял, вцепившись в поврежденную руку.

Гросвенф осведомился:

— Почему вы не послушались? Эти странные экраны содержат высокий энергетический потенциал, а поскольку вибратор ионизировал воздух, вы получили электрический удар, который уничтожил энергию вашего заряда прямо в стволе. Надеюсь, вы не слишком обожглись?

Кент взял себя в руки. Он был бледен, напряжен, но спокоен.

— Это дорого вам обойдется,— зловеще прошипел он.— Когда все узнают о том, что один человек пытался силой заставить их...— Он оборвал себя и нетерпеливо махнул помощникам.— Идемте, мы и так потеряли здесь много времени.

Через десять минут после них пришел Рондер. Гросвенфу пришлось несколько раз терпеливо объяснять, что он уже не болен. Еще более долгим было объяснение с доктором Эгертом, которого вызвал санитар. Гросвенфа не беспокоило возможное разоблачение. Для того, чтобы обнаружить принятый им наркотик, нужно было тщательно обследовать его. В конце концов, они оставили Гросвенфа в покое, приказав не выходить из отдела не меньше суток. Гросвенф уверил их в том, что будет следовать советам; и он действительно намеревался сидеть на месте. Во время предстоящих тяжелых дней, пексиальный отдел должен был стать его крепостью. Он не знал в точности, что могло быть против него использовано, но был готов ко всему.

Примерно через час после ухода доктора в металлическом почтовом желобе послышалось звяканье. Это было извещение от Кента о созыве совещания согласно просьбе Эллиота Гросвенфа. Послание заканчивалось таким образом:

«Дорогой мистер Гросвенф. Ввиду вашей болезни я попросил штат мистера Гурлея о том, чтобы он связал ваш коммуникатор с контрольным пунктом, так что вы можете решать вопросы и присутствовать, не сходя с кровати. В других отношениях встреча сохранит все привилегии секретности».

В назначенный час Эллиот настроился на контрольный пункт. Когда появилось изображение, он обнаружил, что все помещение видно ему как на ладони, и что передающий экран —

это большой коммуникатор, находящийся над массивным контрольным щитом. Его лицо на экране занимало десять футов, и он сразу же не преминул обыграть это.

— Да,— пробормотал Гросвенф,— впервые изображение делает мое присутствие на совете столь заметным.

Он осмотрел зал. Большая часть глав отделов уже заняла свои места. Как раз под экраном Кент разговаривал с капитаном Личем. Вероятно, это был конец разговора, потому что он посмотрел на Гросвенфа, криво улыбнулся и повернулся к небольшой аудитории. Гросвенф заметил повязку на левой руке Кента.

— Джентльмены,— начал совещание Кент.— Без предварительного вступления я хочу сразу передать слово мистеру Гросвенфу.— Он снова взглянул на экран коммуникатора и на его физиономии появилась все та же свирепая улыбка.— Мистер Гросвенф, вам слово.

— Джентльмены, около недели назад я получил достаточно сведений для того, чтобы утверждать, что наш корабль подвергается воздействию со стороны чужого интеллекта, принадлежащего этой галактике. Это может звучать чересчур громко, но это всего лишь горький факт, который я могу предложить вам в своей интерпретации на основе доступных мне средств. Я не могу доказать никому из присутствующих, что такие существа действительно есть. Некоторые из вас согласятся с моими доводами, другие, не имеющие знаний в специальных областях, решат, что мое заключение голословно. Я изучил проблему, но устал думать о том, как убедить вас, что мое решение — это единственный шанс спастись. Я не стану вас уговаривать, пусть это сделает мое сообщение об экспериментах, которые я проделал.

Он не стал рассказывать, на что пошел, чтобы его сейчас вообще выслушали. Несмотря на все случившееся, он не хотел показывать свою враждебность к Кенту более, чем это было необходимо.

— Теперь я хочу связаться с мистером Гурлеем,— продолжил он.— Я уверен, что вы не будете слишком удивлены, когда я скажу вам, что речь идет об автоматическом устройстве С-9. Я бы хотел знать, сообщили ли вы об этом устройстве своим коллегам?

Начальник отдела связи взглянул на Кента, который небрежно кивнул.

— Невозможно сказать точно, когда С-9 вступит в действие. Тем, кто о нем не слышал, сообщаю, что С-9 является малым экраном, который автоматически вводится в действие, когда пыль в окружающем пространстве достигает плотности, опасной для движения корабля. Притом, чем выше скорость, тем больше плотность пыли, независимо от ее объема. Хочу еще добавить — незадолго до того, как ящеры возникли в контрольном пункте, ученые моего отдела определили, что количества активной пыли

космоса достаточно, чтобы ввести в действие С-9.— Гурлей откинулся на спинку кресла и буркнул: — У меня все!

— Мистер Ван Гроссен,— спросил Гросвенф,— что можете сказать вы о пыли этой галактики?

Тучный Ван Гроссен выпрямился, сидя на стуле, и, не вставая, произнес:

— Ничего такого, что мы могли бы рассматривать как удивительное или необычное. Она несколько плотнее, чем в нашей собственной галактике. Мы собрали небольшое количество пыли на ионизированных пластинках и сняли осадок. Вещество оказалось довольно простым: в нем присутствуют несколько обычных элементов и есть следы многих известных соединений, которые могли бы быть найденными в момент конденсации, а также небольшое количество свободного газа, главным образом водорода. Все, что мы получили, очень мало похоже на пыль в том виде, в каком она пребывает обычно в пространстве. Но мы никогда не узнаем, какова природа ее возникновения. Ясно, что процесс этот требует огромных изменений на молекулярном уровне. Мы можем лишь догадываться о том, как она функционирует в пространстве.— Физик беспомощно развел руками.— Это все, что я могу пока сообщить.

Гросвенф не стал упускать инициативу и продолжил:

— Я мог бы еще спрашивать глав различных отделов о том, что им удалось узнать. Но я уверен, что могу суммировать изложенные и неизложенные открытия, не будучи к кому-либо несправедливым. И отдел мистера Скита, и отдел мистера Кента занимаются почти той же проблемой, что и мистер Ван Гроссен. Я уверен, что мистер Скит различными способами насытил атмосферу клетки пылью. Животные, которых он запускал в клетку, вели себя нормально, не выказывали признаков какого-либо заболевания. И тогда ученый провел испытание на себе. Мистер Скит, можете ли вы к этому что-нибудь добавить?

Скит качнул головой.

— Даже если пыль является особой формой жизни, то вы мне этого доказать не сможете. Я допускаю, что в самый тесный контакт с этим веществом мы вошли в тот момент, когда сели в спасательную шлюпку. Открыли двери, потом закрыли их, впустив воздух в шлюпку. В химическом составе воздуха возникли небольшие изменения. Ну и что? Ничего особенного не произошло.

— Достаточно для фактических данных. Я тоже проделал эксперимент. Вывел спасательную шлюпку и впустил в нее пыль из пространства через открытые двери. Вот чем я интересовался... Если это живое существо, то чем оно питается? Впустив воздух, я сделал его анализ. Затем я убил несколько небольших животных и вновь сделал анализ атмосферы. Я послал образцы первой и второй пробы мистеру Кенту, мистеру Скиту и мистеру Ван Гроссену. Наблюдалось несколько сиюминутных химических изменений. Дело могло заключаться в аналитической ошиб-

ке. Но мне бы хотелось попросить мистера Ван Гроссена рассказать вам, что он обнаружил.

Ван Гроссен мигнул и выпрямился.

— Разве это доказательство? — спросил он с удивлением. Потом он развернулся на сидении и оглядел, нахмурившись, своих коллег.— Я не вижу и не придаю этому особого значения, но молекулы воздуха в пробе под номером «2» несут в себе более высокий электрический заряд.

Это был решающий момент. Гросвенф видел, что ответа ждут от него, однако не торопился. Люди были озадачены. Наконец, один из них проговорил:

— Я полагаю, от нас ожидают, что мы придем к заключению, что имеем дело с туманно-пылевой формой жизни и разума. Для меня это слишком. Подобного мне не переварить.

Гросвенф ничего не сказал. Умственное усилие, которого он от них ожидал, оказалось таким несостоятельным. Чувство разочарования крепло.

Он решил сделать следующий шаг.

— Давайте, давайте, мистер Гросвенф! — резко сказал Кент.— Объясняйтесь, может мы и переменим свое отношение к вам.

Гросвенф неохотно начал:

— Джентльмены, меня чрезвычайно беспокоит ваша неспособность рассуждать здраво. Я в затруднительном положении. Только что вы услышали, что рассеянная туманность — это враждебный нам интеллект. Я описал вам эксперимент, который провел. Несомненно, многое еще не ясно. Имеются противоречия. И все же, если я прав, а я убежден в этом, отказ от продуманных мною действий приведет к гибели человеческой расы и всей остальной жизни во Вселенной. Вот ведь в чем сложность. Если я рассказываю вам обо всем, значит делаю и вас ответственными за все, что случится с нашей цивилизацией завтра. Решать будет большинство, и насколько я это себе представляю, решение не дает никакой возможности избежать то, что должно произойти.

Он замолчал, давая собравшимся возможность обдумать сказанное.

В зале хмурились, переглядывались.

— Подождите,— проговорил Кент,— мне уже приходилось стучаться в непробиваемую стену эгоизма этого человека.

Это был первый выпад директора на этом совещании. Гросвенф бросил на Кента быстрый взгляд и, отвернувшись от него, продолжил:

— Мне, джентльмены, выпал трудный жребий. Я должен проинформировать вас о том, что при сложившихся безумных обстоятельствах, рассматриваемая нами проблема перестает быть научной и становится политической. Учитывая это, я должен настаивать на принятии моего решения. В чем его суть? В том, что мы должны понять сами и объяснить другим, что «Космической Гончей» никак нельзя сейчас возвращаться домой. За

нами потянется длинный хвост враждебной нам высокоорганизованной жизни. Мы таким образом предадим человечество. Не менее пяти лет понадобится нам пробыть здесь, чтобы подчинить себе врага или погибнуть, но не стать проводниками всеобщей гибели. Опасность, насколько я ее вижу, является такой всеобъемлющей, что любая происшедшая между нами стычка, даже самая мелкая, была бы роковой, если учитывать время, на которое мы отдалимся от решения проблемы.— Он коротко изложил им, в чем заключается опасность. Потом, не обращая внимания на их реакцию, он обрисовал свой метод борьбы таким, каким его видел.— Прежде всего нам придется найти планеты, содержащие железо, и наладить производство автоматических торпед. Затем, как я себе представляю, нам придется затратить около года, бороздя галактику наугад и наугад посылая в его глубины торпеды. Когда мы создадим в этом космосе невыносимые условия для их существования, мы улетим, предложив им следовать за нами как раз тогда, когда у них не останется другого выхода, кроме как следовать за нашим кораблем, надеясь, что мы приведем их к другому источнику существования. Большую часть времени мы проведем в полете, стараясь как можно дальше отвести их от нашей галактики. Итак, джентльмены, теперь вы все знаете. Но по вашим лицам я вижу — реакция будет различной.

Эллиот замолчал. Наступила гнетущая тишина, потом один из ученых проронил:

— Пять лет...

Это был почти вздох, и он подействовал, как сигнал. Всех охватила тревога.

Гросвенф напомнил:

— Земных лет!

Он умышленно подчеркивал это обстоятельство. Он намеренно выбрал время, которое в сравнении со звездным тянется не так долго. Это было психологическое давление. Приспособившись к длинному дню, люди забывали, что на самом деле проходило гораздо больше времени согласно их прежнему восприятию.

Сказав это, он рассчитывал, что люди ощутят облегчение, вспомнив, что время, о котором он говорил, укладывается на самом деле в три звездных года.

— У кого будут замечания? — осведомился Кент.

— Я не могу согласиться с анализом мистера Гросвенфа,— с горечью сказал Ван Гроссен.— Я питаю к нему огромное уважение и не забываю его прошлых заслуг. Но он просит нас принять на веру то, что мы могли бы понять, если бы у него действительно были неоспоримые доказательства. Я отклоняю положение о том, что лишь некзиалист играет важную роль в интеграции науки, что лишь индивидуальное обучение его методам может нести в себе надежду на более глубокое проникновение в природу.

— Неужели вы можете отрицать, и притом весьма агрессивно, то, что никогда не побеспокоились изучить!? — возмутился Гросвенф.

— Возможно и не сумею и не захочу суметь,— пожал плечами Ван Гроссен.

— Насколько я понял,— вступил в дискуссию Зеллер,— суть сказанного состоит в том, что мы должны потратить много лет и усилий, причем ни разу не получим твердого доказательства, а будем довольствоваться неопределенными свидетельствами того, что план срабатывает.

После некоторых колебаний Гросвенф решил, что другого выхода нет, и решил перейти в лобовую атаку. Предмет дискуссии был слишком важным. Он не мог считаться с их чувствами.

Он негромко, но твердо заявил:

— Я у з н а ю, а если кто-нибудь из вас придет в нексиальный отдел и выучится кое-чему из нашей технологии, то и он поймет, когда придет время.

— Мистер Гросвенф всегда твердит одно и то же,— мрачно сказал Скит.— Он постоянно предлагает нам учиться, чтобы мы могли достичь его уровня.

— Есть еще замечания? — это опять был Кент. Его голос звучал торжественно, он чувствовал триумф и не хотел скрывать свои чувства.

Кое-кто и рад был бы выступить, да не решался.

Кент торжествующе продолжал:

— Чем зря терять время, нам, я думаю, следовало бы проголосовать по поводу сообщения мистера Гросвенфа. Я думаю, что в основном, все мы испытываем одинаковые чувства.

Он медленно пошел между рядами. Гросвенф не мог видеть его лица, но по реакции зала можно было догадаться, что изображало лицо директора.

— Давайте приступим к голосованию,— настаивал Кент.— Прошу поднять руки всех, кто одобряет методы мистера Гросвенфа, ведущие за собой пять дополнительных лет в космосе.

Ни одной руки не поднялось вверх.

Кто-то проворчал:

— Может быть надо было сначала обдумать, а потом обсуждать все это.

Кент не стал спешить с ответом, и после некоторых размышлений сказал:

— Нам нужно получить сиюминутный ответ. Для всех важно знать, что думают главы отделов корабля. Теперь поднимите руки те, кто твердо против.

Все, кроме троих, подняли руки. Гросвенф разглядел, что это были Корита, Мак-Кен и Ван Гроссен. И тут же обнаружил, что капитан Лич, стоявший возле Кориты, тоже воздержался.

Гросвенф обратился к капитану:

— Капитан Лич, сейчас как раз тот момент, когда вы, опи-

раясь на конституционные права, можете требовать контроля над кораблем. Опасность очевидна.

— Мистер Гросвенф,— медленно ответил Лич,— это было бы возможно, если бы враг был конкретен. При существующем же положении дел я могу действовать только руководствуясь советом ученых специалистов.

— Такой специалист на корабле только один,— холодно проронил Гросвенф.— Остальные лишь любители, барахтающиеся на поверхности фактов.

Замечание, казалось, ошеломило большинство присутствующих. Несколько человек заговорили одновременно, но сразу же осеклись и зло посмотрели на Эллиота.

Наконец капитан спокойно произнес:

— Мистер Гросвенф, я не могу согласиться с вашим голословным утверждением.

— Что ж, джентльмены, наконец-то мы знаем истинное мнение о нас мистера Гросвенфа,— язвительно заметил Кент.

Самого его, казалось, фраза Гросвенфа ничем не затронула. Все его поведение было проникнуто иронической насмешкой. Он забыл, что в функции исполняющего обязанности директора входит поддержание атмосферы вежливости и доброжелательности.

Очень рассердился словам Эллиота Мердер, глава отдела ботаники.

— Мистер Кент, я не понимаю, как вы можете оставлять без внимания подобное наглое заявление?

— Вот это верно,— поддержал ботаника Гросвенф.— Боритесь за свои права. Вся Вселенная подвергается смертельной опасности, но для вас главное — поддержать свое достоинство.

Первый раз с тревогой в голосе заговорил Мак-Кен:

— Корита, если может существовать форма жизни, подобная той, которую описал Гросвенф, то как это смыкается с цикличностью истории?

Археолог печально покачал головой.

— Боюсь, что очень незначительно. Примитивную форму жизни мы можем принимать без доказательств. Свидетельства цикличности истории проявляются больше на нашем корабле, а не за его пределами. Я вижу их в удовольствии нанести поражение человеку, который заставляет нас думать, тревожиться тому, что многие из нас невежественны. Но вижу их и во внезапно развившейся эгомании этого человека,— он с упреком посмотрел на Гросвенфа.— Мистер Гросвенф, заявление, сделанное вами, глубоко меня разочаровало.

— Мистер Корита,— мрачно заявил Гросвенф.— Если бы я выбрал для себя другую линию поведения, то уверяю вас, я был бы лишен привилегии выступать перед этими высокочтимыми джентльменами, многими из которых я восхищаюсь, как выдающимися учеными.

— Уверен в том,— сказал Корита,— что члены экспедиции сделали бы все необходимое, невзирая на трудности, если была бы в этом нужда.

— В это трудно поверить,— возразил Гросвенф.— Я чувствую, что многие из них думают, что мой план потребует пяти добавочных лет, проведенных в пространстве. Я настаиваю на том, что это жестокая необходимость, и уверяю вас — выбора нет! По правде говоря, я ожидал, что будет так, как произошло и готовился к этому.— Теперь он обращался ко всем.— Джентльмены, вы вынудили меня на действия, о которых, уверяю вас, я сожалею больше, чем могу это выразить словами. Выслушайте меня внимательно. Это мой ультиматум!

— Ультиматум!? — это спросил Кент, с лица которого, уже празднующего победу, сошла улыбка.

Гросвенф не обратил на него никакого внимания.

— Если к десяти часам завтрашнего дня мой план не будет одобрен, я захвачу корабль. Каждый, находящийся на корабле, будет делать то, что я ему прикажу, нравится ему это или нет. Я, естественно, ожидаю, что находящиеся на борту ученые приложат все свои знания к тому, чтобы предотвратить мою попытку захвата корабля. Тем не менее, сопротивление будет бесполезно.

Начавшийся вслед за этими словами пустопорожний ропот все еще продолжался, когда Гросвенф прервал связь между своим коммуникатором и контрольным пунктом...

Прошел час после окончания совещания. Мак-Кен вызвал по коммуникатору Гросвенфа.

— Я бы хотел зайти,— сказал геолог.

— Давайте,— весело отозвался Гросвенф.

Лицо Мак-Кена было озадачено.

— Я уверен, что у вас в коридоре ловушка.

— Ну... называйте ее так,— согласился Гросвенф.— Однако вам вреда она не причинит.

— Вы так просто впускаете к себе? А что, если я хочу прикончить вас?

— Здесь, в моей резиденции,— заявил Гросвенф твердо,— вы не смогли бы убить меня даже дубинкой.

— Хорошо. Я иду! — и прервал связь.

Вероятно, он находился совсем рядом, так как прошло не больше минуты, и спрятанный в коридоре детектор возвестил о его приближении. И тут же голова и плечи Мак-Кена показались на экране коммуникатора. Реле замкнулось в необходимом положении.

Поскольку это была часть процесса автоматической защиты, Гросвенф прервал его действие вручную.

Через несколько секунд в открытую дверь вошел Мак-Кен. Он потоптался у порога и шагнул вперед.

— Я волнуюсь,— заявил он.— Несмотря на ваше уверение, у меня было такое чувство, будто на меня направлены батареи орудий,— он внимательно посмотрел на Гросвенфа.— Вы каким-то образом влияете на психику. Вы запугиваете?

— Я и сам обеспокоен. Док, вы потрясли меня своей пря-

мотой. Честно говоря, я не ожидал, что вы придете сюда с бомбой.

У Мак-Кена был озадаченный вид.

— Но это не так... Если ваши приборы показали что-нибудь подобное...— он замолчал, снял пиджак и стал шарить по одежде. Его лицо побледнело, когда он вытащил тонкий серый предмет двухдюймовой длины.— Первый раз вижу. Что это такое? — совсем растерялся он.

— Устойчивый сплав плутония.

— Радиоактивный?

— Нет, нет, вовсе не радиоактивный. Но он может быть превращен в радиоактивный газ лучом трасмиттера высокой частоты. От него и у меня и у вас были бы радиоактивные ожоги.

— Грос, я клянусь, что ничего об этом не знал!

— Вы говорили кому-нибудь о том, что собираетесь ко мне?

— Естественно... Вся эта часть корабля блокирована.

— Иными словами, вам пришлось просить разрешение?

— Да, у Кента.

— Я хочу, чтобы вы как следует подумали о случившемся. Было ли во время разговора с Кентом вам жарко?

— Э... э... да. У меня было такое чувство, что я вот-вот задохнусь.

— Сколько это длилось?

— Секунду или чуть больше.

— Это означает, что вы были без сознания десять минут. Выходит, эта сволочь воздействовала на вас наркотиком. Возможно, я смогу узнать, какую точно дозу вы получили. Нужен анализ крови.

— Я не возражаю, если вы его сделаете. Это означает...

Гросвенф кивнул.

— Это означает только то, что вы были в состоянии опьянения, но не докажет, что вы пошли на него непреднамеренно. Для меня гораздо убедительнее здравый смысл — ни один человек, если он не сумасшедший, не позволит, чтобы в его присутствии был испарен сплав Руа-72. Согласно моему автоматическому аннулирователю, они уже целую минуту пытаются его разжижить.

Мак-Кен мгновенно побелел.

— Грос, я прекращаю всякие отношения с этим хищником. Я не поддерживал вас и был готов рассказать ему о нашем разговоре. Но я честно хотел предупредить вас, что сделаю это.

Гросвенф добродушно улыбнулся.

— Все в порядке, док. Я вам верю. Садитесь.

— А что с этим? — Мак-Кен протянул ему «бомбу».

Гросвенф взял ее и понес к непроницаемому сейфу для радиоактивных материалов, который стоял в его отделе. Вернувшись, он сел и сказал:

— Думаю, на нас попытаются напасть. Единственный для

Кента способ доказать свою непричастность к убийству — это броситься спасать нас, когда мы будем погибать от радиоактивных ожогов. Мы можем вести наблюдение с помощью этого экрана.

Прежде всего нападение было отмечено несколькими электронными детекторами и электронным газом. На приборном щитке заиграли слабые световые сигналы, зазвенел звонок. Потом на большом экране, находящемся над аппаратурой, появились сами нападающие. Около дюжины мужчин в скафандрах шли к отделу Гросвенфа по коридору. Эллиот узнал Ван Гроссена и двух его помощников из физического отдела, четырех химиков, двое из которых были из биохимического сектора, троих специалистов из отдела Гурлея и двух офицеров.

Трое солдат тащили передвижной вибратор и тепловую пушку с диспенсор-бомбой.

— Отсюда есть еще какой-нибудь выход? — с тревогой осведомился Мак-Кен.

Гросвенф кивнул.

— Он тоже охраняется.

— А что под полом и наверху, над потолком?

— Наверху цейхгауз, внизу кинозал. Оба помещения находятся под контролем.

Они помолчали. Потом, когда люди остановились в коридоре, Мак-Кен заговорил вновь:

— Я удивлен, что с ними Ван Гроссен. Я считал, что он ваш союзник.

— Я обидел его, назвав их всех любителями. Он хочет убедиться, каковы мои возможности.

Нападающие остановились посоветоваться. Гросвенф спросил Мак-Кена:

А что, собственно, привело вас ко мне?

Мак-Кен отвечал, не отрываясь от экрана:

Я хотел, чтобы вы знали, что вы не один. Кроме того, несколько человек просили меня передать вам, что они с вами, — он помолчал, потом продолжил.— Не стоит об этом сейчас, пока все это происходит. У нас еще будет достаточно времени поговорить.

— Сейчас такое же подходящее время, как любое другое.

Мак-Кен, казалось, не слышал.

— Не понимаю, как вы собираетесь их остановить? — забеспокоился он.— Их безобидное оружие запросто уничтожит стены вашего отдела.

Гросвенф ничего не ответил. Мак-Кен продолжал:

— Буду с вами откровенен. Мое положение сейчас двойственно. Я чувствую, что вы правы. Но ваши действия мне кажутся не очень нравственны,— он на какое-то время перестал наблюдать за экраном.

Есть только одно действие, приемлемое для меня, и оно состоит в том, чтобы прокатить на выборах Кента. Поскольку он всего лишь исполняющий обязанности директора и директо-

ром никогда выбран не был. Дайте мне месяц, и я устрою так, чтобы директором выбран был действительно серьезный ученый.

— Почему же вы не пошли по этому пути?

— Потому что,— ответил Гросвенф,— я боюсь. Я боюсь, потому что знаю, что жизнь, притаившаяся за пределами нашего корабля, истощена до предела. А это означает, что в любой момент она может попытаться захватить другую галактику, и этой галактикой вполне вероятно окажется наша. Мы не можем ждать месяц.

— И все же,— нахмурился Мак-Кен,— вы настаиваете на том, чтобы мы целый год летели в пределах этой галактики, вырываясь из нее.

— Вы когда-нибудь пытались отобрать еду у хищника? Он ведь будет пытаться удержать ее, не так ли? Моя идея основана на том, что за нами будут гнаться, думая, что мы удираем, и гнаться до тех пор, пока хватит сил.

— Ваша идея не понравится большинству,— кивнул Мак-Кен.— Если вы ее изложите, лично вас никогда не выберут директором. Вам нужно с этим смириться.

Гросвенф покачал головой.

— Я бы сумел победить на выборах, если бы захотел. Вы можете не поверить, но то, что люди, подверженные влиянию желаний, волнений или амбиций, легко поддаются убеждению, является непреложным фактом. Я ничего не открываю. Эта истина известна давно. Просто раньше пропаганда велась вслепую, практика была оторвана от теории. Теперь же, когда найдена связь психиатрии с психологией, появилась прекрасная теоретическая база. Нексиальное обучение привело к разработке определенных технических процессов.

Мак-Кен долго обдумывал услышанное и, наконец, спросил:

— Какова же наука будущего? Вы считаете, что все эти биологии, химии, математики отомрут и будет существовать только нексиализм?

— На борту корабля это необходимо уже сейчас. Для всей же цивилизации — не настало время интеграции наук. Тем не менее, если смотреть в будущее, мне кажется, каждому ученому надо готовиться к нему и ломать узкие рамки отдельных направлений. Знания необходимо впитывать самые различные. Зачем прятаться в крошечный панцирь своей отрасли и с умным видом пытаться решить проблемы жизни, повинуясь тем, кто нас дурачит? Погибшая цивилизация нашей античности — прекрасное свидетельство тому, что случается с человеком, когда он слепо реагирует на ситуацию или полностью зависит от авторитарных доктрин, оторванных одна от другой. Мы должны сделать человека скептиком. Крестьянин с острым, хотя и неразвитым умом, который живет, опираясь на опыт жизни, является прообразом ученого. На каждом витке развития общества скептик частично возмещает отсутствие специфических знаний требованием: «По-

кажи мне! Я готов принять новое, но то, что ты говоришь, не может убедить меня само по себе».

Мак-Кен задумался.

— Вы, неэвиалисты, стараетесь разбить цикличность истории. Ведь это главная ваша цель?

— Признаюсь, что до встречи с Коритой, я не думал об этом,— признался Гросвенф.— Он произвел на меня огромное впечатление. Насколько я себе представляю, теория не становится менее значительной от повторений. Такие слова, как «раса» и «кровь», совершенно бессмысленны. Человечество рвет перегородки в социальной жизни, должно оно их порвать и в науке.

Мак-Кен вновь перенес свое внимание на нападающих. Он озадаченно заметил:

— Мне кажется, что они довольно долго совещаются, пора бы и начать. А ведь я было подумал, что они все продумали, прежде чем решились приблизиться к нам.

Гросвенф ничего не ответил, и Мак-Кен вопросительно посмотрел на него.

— Скажите,— спросил он,— они ведь не могут пройти сквозь вашу защиту, не так ли?

Гросвенф опять не ответил, Мак-Кен поднялся и подошел к экрану почти вплотную. Он внимательно смотрел на ставших на колени двух людей.

— Что они делают? — удивился он.— Ничего не понимаю!

Гросвенф нерешительно объяснил:

— Они пытаются удержаться и не провалиться сквозь пол,— несмотря на желание казаться спокойным, голос его заметно дрожал.

Мак-Кен не знал, что Гросвенф испытывал свой новый аппарат. Он давно уже создал его. Но на практике применил впервые. Нигде, никогда, никто не мог даже и догадаться, что такое возможно. Гросвенф использовал явления, изучаемые многими науками, приспособив их для ситуации, в которую он попал.

Все шло так, как он и ожидал. Его теоретическая подготовка не оставляла места для ошибки. Но реальность происходящего все же поразила его.

Мак-Кен взволнованно спросил:

— Пол сейчас должен рухнуть?

— Вы не поняли. Пол останется таким же, но они в него погружаются. Если они углубятся дальше, то пройдут его насквозь,— он рассмеялся, происходящее веселило его.— Хотелось бы мне видеть физиономию Гурлея, когда его помощники сообщат о случившемся. Это его конец — телепортация, понятие гиперпространства с проявлением эффекта на нефтяной геологии и растительной химии.

— Причем тут геология? — воскликнул Мак-Кен.— Вы имеете в виду старый способ получения нефти без бурения. Мы лишь создаем условия, при которых вся нефть поднимается на поверхность.— Он нахмурился.— Погодите, ведь имеется фактор...

— Есть дюжина факторов, мой друг,— улыбнулся Гросвенф и спокойно продолжил: — Повторяю, это комбинированный процесс. Многие элементы действуют в тесной взаимосвязи.

— Почему же вы тогда не использовали этот трюк против кота и алого дьявола?

— Я тогда еще не был готов. Я потратил немало времени, налаживая оборудование. Воюя с пришельцами, я не мог сосредоточиться на опытах. Кроме того, мне мешали. Поверьте, если бы я осуществил контроль над кораблем, мы бы не потеряли столько жизней ни в одном из инцидентов.

— Почему на Земле вам и вашей науке не предоставили такой контроль?

— Мои коллеги не успели. Кроме того, корабль был построен за несколько лет до возникновения «Некзиального общества». Нам вообще повезло, что мы получили отдел на этом корабле.

— Но я не понимаю, как вы собираетесь захватить завтра корабль, для этого нужно хотя бы покинуть вашу лабораторию.— Он замолчал, взглянул на экран и еле слышно произнес: — Они принесли дегравитатор и собираются поднять ваш пол.

Гросвенф ничего не ответил: он уже заметил это.

Дегравитаторы действовали по тому же принципу, что и анти-акселераторы. Реакцию, происходящую в предмете в момент исчезновения силы инерции, определили при исследованиях молекулярного процесса. Структура вещества коренным образом менялась. Анти-акселерация изменяла орбиты электронов. Это, в свою очередь, создавало молекулярное напряжение, вызывая существенную, но общую перестройку. Измененная таким образом материя вела себя освобожденной от естественных процессов ускорения или торможения. Корабль, подвергнутый действию анти-акселерации, мог моментально остановиться во время полета, даже если скорость его достигала миллионов миль в секунду.

Люди, нападающие на отдел Гросвенфа, поднимали свои оружейные устройства, установив их на узких балках. Неподалеку от отдела они настроили их на создание подходящего поля напряженности. Потом, используя магнитное тяготение, они двинулись к открытой двери, которая была в двухстах футах от них.

Они приблизились на пятьдесят футов, затем их движение замедлилось, а после они и вовсе остановились. Они попятились назад, но и туда двигаться не могли.

Гросвенф покинул свои приборы и сел напротив озадаченного Мак-Кена.

— Что вы делаете? — поинтересовался геолог.

— Как видите, они передвигаются при помощи направленных магнитов. Я создал отталкивающее поле. О нем физики знают давно. Но этот его вариант связан с температурным

процессом. Природа его напоминает процесс теплообмена, происходящий в живых организмах. Теперь им придется использовать реактивное движение, обычный винт или даже,— он рассмеялся,— весла.

Мак-Кен, который не отрывался от экрана, мрачно заметил:

— Похоже, что они спокойны. Они собираются усилить мощность нагревателя. Может лучше закрыть двери?

— Не торопитесь!

Мак-Кен не унимался:

— Но жар хлынет сюда и спалит нас.

Гросвенф покачал головой.

— Да, я еще не успел сказать вам главного. Все это для нас не опасно. Высокая температура будет поглощаться корпусом. Металл принимает жар, переводит его в энергию, энергия превращается в холод. Получается холодильник, пекло становится стужей. Вот, смотрите. Он включил нагреватель, и тот моментально раскалился докрасна, но тут же стал белеть. Мак-Кен был поражен:

— Иней?.. При такой температуре?..

На их глазах стены и полы покрылись льдом. Отблески огня играли на их гладкой поверхности, в дверь пахнуло холодом.

— Вот это да...— пробормотал Мак-Кен.— Настоящая зима.

Гросвенф поднялся.

— Полагаю, что им пора оставить нас в покое. В конце концов, я не хочу, чтобы с ними что-то случилось.

Он подошел к одному из аппаратов и сел на стул перед компактной шкалой управления. На ней были маленькие и разноцветные кнопки. В каждом ряду их было двадцать пять, столько же было и рядов.

Мак-Кен следовал за ним.

— Что это? Не помню, чтобы мне приходилось видеть такое раньше.

Быстро, будто печатая на пишущей машинке, Гросвенф нажал на семь кнопок, потом обернулся и включил главный рубильник.

Послышался металлический звук. Он был слышен несколько часов, потом постепенно исчез.

Гросвенф поднял голову и спросил:

— Какие ассоциации он у вас вызвал?

На лице Мак-Кена застыло странное выражение.

— Я слышал играющий в церкви орган. Потом картина изменилась, и вот уже я нахожусь на политическом митинге, где кандидат дирижирует оркестром, звучит бравурная музыка, которая должна сделать всех счастливыми.— Он замолчал, затем тихо добавил: — Так вот как вы хотите победить на выборах!

— Это только один из способов.

Мак-Кен был взволнован.

— Боже, какая сила в ваших руках!

— Не преувеличивайте.

— Но вы управляете психикой. Вы можете подчинить себе все человечество. Вы контролируете наши чувства.

— Младенцу вручается этот контроль, когда он учится ходить, двигать руками, разговаривать. Почему же не распространить контроль на гипнотизм, химические реакции, эффекты, даваемые пищеварением? Это было возможным и сотни лет назад. Это предохранило бы от множества болезней, сердечной боли, тех катастроф, которые возникают из-за непонимания собственного тела и разума.

Мак-Кен снова повернулся к аппарату, который по форме напоминал веретено.

— Как он работает?

— Это набор кристаллов и электроцепь. Вы знаете, как может искажать электричество некоторые кристаллы? При возникновении какого-либо изменения, образуется ультразвуковая вибрация, проникающая через органы слуха в мозг и стимулируя головной мозг. Я могу играть на этом приборе, как музыкант играет на своем инструменте, создавая определенный эмоциональный настрой, слишком сильный для того, чтобы человек мог ему сопротивляться.

Мак-Кен сел в кресло. Он был совершенно растерян.

— Вы меня напугали,— тихо сказал он.— Все это кажется мне насилием. Вмешиваться во внутренний мир человека — безнравственно. Это мое убеждение. Ничего не могу поделать.

Гросвенф некоторое время смотрел на него, затем склонился и что-то изменил в приборе, нажав на кнопку. На этот раз звук был печальным и нежным. В нем была инерция, как будто вибрация воздуха продолжалась, а сам звук давно исчез.

— Что вы пережили на этот раз? — спросил Эллиот.

— Я думал о своей матери. Мне вдруг страшно захотелось домой. Я захотел...

— Это не то,— нахмурился Гросвенф.— Если я усилю это внушение, люди захотят возвратиться на Землю.— Он еще раз что-то перенастроил.— А если так?

Он вновь нажал на кнопку пуска. Раздался звук, похожий на колокольный звон, и эхо отозвалось дальним звоном.

— Я был ребенком,— сказал Мак-Кен,— меня укладывали спать. Но я не хочу спать.— Он не заметил, что перешел на настоящее время. Затем он непроизвольно зевнул.

Гросвенф открыл ящик стола и достал два резиновых шлема, один из которых он протянул геологу.

— Наденьте, на всякий случай.

Другой он надел сам после того, как Мак-Кен с неохотой пролез в шлем, больно прижавший уши.

— Думаю, из меня не получится Макиавелли,— заметил Мак-Кен.— Я полагаю, что вы попытаетесь доказать мне, что бессмысленные звуки использовались и раньше, чтобы разбудить эмоции и повлиять на поведение людей.

Гросвенф в это время настраивал прибор и ответил не сразу. Откинувшись на спинку кресла после окончания настройки аппарата, он сказал:

— Люди считают один поступок нравственным, другой безнравственным в зависимости от ассоциаций, возникающих в эту минуту. Это вовсе не означает, что ни одна из этических систем не имеет ценности. Сам я склоняюсь к тому мнению, что нашим этическим мерилом может быть то, что приносит пользу подавляющему большинству, при условии, что это не сопряжено с унижением или ограничением прав личности, которая не смогла приспособиться к морали общества. Общество должно учиться спасать больных и невежественных своих членов,— теперь в его голосе звучала настойчивость.— Заметьте, пожалуйста, что никогда ранее я не использовал этого изобретения. Я никогда не использовал гипноза, не считая того случая, когда Кент захватил мой отдел, но сейчас я намерен применить этот аппарат. Сразу же после старта я мог руководить поступками людей, стимулируя их дюжиной различных способов. Почему я этого не делал? Потому что деятельность «Некзиального общества» базируется на своде этических норм, которые надо соблюдать всем его членам. Эти нормы и входят в мою систему. Я могу обойти их стороной, но это не просто.

— Вы и сейчас их обходите?

— Нет.

— Тогда вся ваша этика не имеет четких критериев. Вы сами назначаете правила игры.

— Совершенно верно. Сейчас, как никогда, я твердо убежден в том, что мои действия справедливы, и никаких спорных вопросов не возникает,— так как Мак-Кен молчал, то Гросвенф продолжил: — Думаю, вы создали в своем воображении образ диктатора, силой устанавливающего демократию, то есть мой образ. Но это неверно, потому что управление летящим кораблем можно осуществить только квази-демократическими методами. И самой большой трудностью является то, что в конце путешествия я должен вернуться на исходные рубежи.

— Наверное, вы правы,— вздохнул Мак-Кен и посмотрел на экран.

Гросвенф проследил направление его взгляда и увидел, что люди в скафандрах пытаются идти, отталкиваясь от стены. Их руки с усилием упирались в стену, они испытывали сопротивление и результаты их действий были ничтожны.

— Что вы теперь собираетесь делать? — снова заговорил геолог.

— Собираюсь заставить их спать... вот так,— он чуть тронул рубильник.

Раздавшийся звук, казалось, был не громче прежнего, но люди, находившиеся в коридоре, повалились на пол.

Гросвенф встал.

— Звук будет повторяться через каждые десять минут, а

резонаторы, расставленные мной по кораблю, подхватят и передадут сигнал. Идемте.

— Куда?

— Я хочу установить рубильник главной электроосветительной системы корабля.

Он установил рубильник в кинозале и направился в коридор. Повсюду на их пути попадались спящие люди. Вначале Мак-Кен удивлялся, потом замолчал и с тревогой озирался по сторонам.

— До чего же трудно себе представить, что люди могут быть такими беспомощными! — наконец сказал он.

— Дело обстоит хуже, чем вы думаете,— заметил Эллиот.

Теперь они находились в аппаратной. Он поднялся на нижний ярус электрической системы управления. Через десять минут он установил рубильник. Потом он сошел, не объясняя Мак-Кену, что делает и будет делать дальше.

— Ничего им не говорите,— сказал он Мак-Кену.— Если они узнают правду, мне придется все начинать сначала или попробовать другой вариант.

— Вы собираетесь их сейчас разбудить?

— Да, как только вернусь к себе. Но вначале я бы хотел, чтобы вы помогли мне перетащить Ван Гроссена и других в их спальни. Я хочу, чтобы он возмутился тем, что я делаю, правда, я не знаю, что из этого выйдет.

— Вы думаете они сдадутся?

— Нет.

— Вы уверены в этом?

— Уверен.

Его утверждение оказалось верным. И тогда, ровно в десять на следующий день, он повернул рубильник, который был в его отделе и изменил таким образом направление тока, проходящего через установленный в цепи выключатель.

Постоянно горящие на корабле лампы замерцали слабым светом — некзиальный вариант изображений Рим. И мгновенно, даже не догадываясь об этом, все люди на борту корабля были подвергнуты сильному гипнозу.

Гросвенф начал игру на своем аппарате, изменяющем психику людей. Он сконцентрировал свое внимание на таких понятиях, как смелость и самоотверженность, долг перед человечеством, он представил себе опасность и собрал в кулак волю. Он развил даже комплексный эмоциональный образ, суть которого заключалась в том, что время движется вдвое, а то и втрое быстрей, чем это происходит на самом деле.

Подготовив таким образом почву, он привел в действие «Центральный вызов» коммуникатора корабля и отдал соответствующие команды. Передав главные инструкции, он сказал, что отныне каждый человек будет мгновенно отзываться на пароль, не зная, из каких слов он состоит или вспоминая их после произнесения.

Потом он заставил всех поверить, что это не гипноз. Он

спустился в аппаратную и снял поставленный им выключатель. Вернувшись в свой отдел, он разбудил всех и вызвал по коммуникатору Кента, которому сказал:

— Я отказываюсь от своего ультиматума и готов сдаться. Я неожиданно понял, что не могу противопоставлять себя воле членов экспедиции. Я бы хотел, чтобы было созвано новое совещание, на котором я буду присутствовать лично. Естественно, что я буду настаивать на том, что нам предстоит вынести жесточайшую войну с неизвестной нам формой жизни в этой галактике.

Гросвенф не был удивлен, когда правление корабля, странно изменившееся в своих взглядах, согласилось после обсуждения, что опасность налицо, и борьба с неизвестной цивилизацией неизбежна.

Исполняющий обязанности директора Кент отдал распоряжение о безжалостном преследовании врага, не считаясь с нуждами членов экспедиции.

Гросвенф, не вмешивающийся в индивидуальные черты каждой личности, весело посмеивался, наблюдая, с какой неохотой согласился Кент на принятие этих мер.

Великая битва между человеком и чуждым ему разумом вот-вот должна была начаться.

Анабис существовало в состоянии бесформенной массы, растянутой на огромное пространство во всей галактике. Оно слегка колебалось, слабо взаимодействуя биллионами частиц своего тела, автоматически сокращаясь там, где на него действовала разрушающая жара и радиация одного из двухсот биллионов пылающих солнц. Но оно притягивалось к мириадам планет и с лихорадочным ненасытным голодом сжималось вокруг квадриллионов трепещущих мест, где умирали живые организмы, давая ему жизнь.

Но этого не было достаточно. Постоянный страх перед все усиливающимся голодом просачивался в самые отдаленные уголки его тела. Все бесчисленно мельчайшие клетки его тела посылали сигналы с близких и дальних расстояний, сигналы о недостатке еды.

Клеткам давно уже приходилось довольствоваться тем малым, что мог захватить этот громадный организм.

Анабис медленно приходило к мысли о том, что оно слишком большое и в то же время слишком ничтожное существо. Бесконтрольный рост в ранние времена был его роковой ошибкой. В те годы будущее казалось беспредельным. Галактическое пространство, где оно развивалось, казалось бесконечным. Оно развивалось с безмятежной надеждой величия, с жаждой занять как можно больший объем, вместить в себя необъятные пространства.

Оно было низшим по рождению. В тусклом начале оно было газом, возникшим в туманно-болотистом скоплении. Оно

не имело ни запаха, ни вкуса, но обладало удачной динамической комбинацией.

И в нем была жизнь.

Вначале не было ничего, кроме струи невидимого тумана. Он уверенно прошел стадию, когда был растворен в теплой, темной воде, которая расширила его. Непрестанно извиваясь, ныряя и раздвигаясь, набирая живость, собирая себя по частям и борясь за существование, он выжил, хотя все вокруг него вымерло.

И смерть других была его жизнью.

Это был сложный процесс, сначала связанный с химической реакцией, затем с примитивной биологией и, наконец, с космогорией. Эта эволюция происходила весело, ее двигал инстинкт удовольствия, а не тяга к интеллекту. Оно было счастливо, когда поглощало насекомых. Какое это было наслаждение — обволочь живую точку и ждать, дрожа каждой газообразной частицей, пока жизненная сила перейдет из одного организма в другой, в его собственные пллюорные элементы.

Потом был длительный период, когда жизнь была бесконечным поиском еды. Его средой обитания было болото, серое окружение, где оно вело свое удовлетворенное, идиллическое, почти бездумное существование. Но даже в этом мире оно безудержно росло. Оно нуждалось в большом количестве еды, а не в таком, какую могли ему дать случайно найденные умирающие насекомые. И в нем начали быстро развиваться те частички, которые собирали память, опыт, знания, что можно было применить в этом бесконечном болоте. Оно узнало, какие насекомые охотились друг за другом, а какие были жертвой. Оно узнало часы охоты каждого насекомого, места, в которых лежали они в ожидании, эти крошечные нелетающие монстры. Летающие были больше и поймать их было труднее. У них, и Анабис это знало, были свои правила охоты. Оно научилось извлекать пользу из своей парообразной формы. Оно ловило порыв ветра, несущий жертву к гибели. В какой-то период оно научилось находить столько еды, сколько требовалось ему для дальнейшего роста. Но оно росло и вновь стало испытывать голод. Необходимость дала ему знание того, что жизнь существует и за пределами болота. А однажды, поднявшись выше, чем обычно, оно захватило двух гигантских чудовищ в панцирях. Это была борьба не на жизнь, а на смерть. Сильная дрожь, возникшая, когда в его клетки влилась жизненная сила пораженного чудовища, значительное количество полученной им при этом энергии вызвало настолько сильный экстаз, что ничего подобного ему раньше испытывать не приходилось. За несколько часов Анабис выросло в десять раз.

Это был эволюционный скачок.

На следующий день весь влажный мир джунглей оказался окутанным расширяющимся существом. Анабис обволокло все океаны, все континенты и потянулось туда, где летучие облака закрывали солнечные лучи. Позже, в период интеллектуального

скачка, оно смогло проанализировать случившееся. Куда бы оно не проникало, увеличиваясь в размерах, оно адсорбировало газы из окружающей атмосферы. Для осуществления этого нужны были два условия. Необходима была еда, которую надо было всегда искать. И нужна была энергия солнца. До болота, находящегося ниже предела досягаемости ультрафиолетовых лучей, доходило лишь ничтожное количество нужного света. Поэтому и результаты были ничтожными. Оно могло распространяться лишь в пределах одной планеты.

Выбравшись из тумана, оно сразу попало в зону действия ультрафиолета. Начавшийся вслед за этим этап динамического развития не мог быть остановлен эрами. Поднявшись над облаками, оно вышло в космос, и сразу же достигло ближайшей планеты.

В короткое время оно расширилось и потянулось к другим солнечным системам. Но здесь оно было побеждено пространством, которое было пока еще больше растекающегося по нему существа.

Добывая еду, оно существовало, в нем клокотала мысль и оно осознавало, что мышление — это его функция, а не свойство всей окружавшей его природы. Уничтожая все вокруг, оно поняло, что такое смерть. Анабис изучало мир. Оно знало, как борются за существование животные, на которых оно охотилось. Оно научилось вступать в контакт с другим интеллектом на других планетах. Оно впитывало в себя, как и еду, чужие знания, чужую науку. Оно узнало от других, что кроме всего прочего, сконцентрировав свои элементы, оно может делать дыры в космосе, проходить сквозь них и выныривать в отдаленные галактики. Анабис научилось переносить таким образом вещество. Оно начало джунглинизировать планеты, потому что примитивные миры давали больше жизненной силы. Оно переносило через гиперпространство огромные части миров, поросших густой растительностью. Оно перемещало холодные планеты поближе к солнцам.

Но и этого было недостаточно!

Дни его власти были сочтены. Становясь могущественнее, оно обрекало себя на гибель. Оно быстро росло. Несмотря на свой интеллект, оно никогда не умело сбалансировать этот процесс. Оно с диким страхом предвидело, что через незначительный промежуток времени его ждет смерть.

Приближение корабля вселило надежду. Растянувшись в одном направлении тонкой пленкой, оно будет преследовать корабль, куда бы он не летел. Начнется отчаянная борьба за то, чтобы уцелеть, прыгая от галактики к галактике, и все более углубляясь в эту огромную ночь. Все эти годы в нем росла надежда на то, что оно сможет покрыть джунглями новые планеты, и что пространству нет конца...

Людям тьма космической ночи не мешала. Они работали в гигантской долине, добывая металл. Иллюминаторы ярко све-

тили. Огромные прожектора добавляли света. Ряды машин бурили дыры в этом мире металла. Сначала железо скармливалось машинам, потом переработанный металл превращался производственными машинами в космические торпеды, которые тут же посылались в пространство.

Прямо здесь из добытого металла люди на специальных станках делали новые машины. И вскоре уже не одна, а сотни, а потом и тысячи машин производили смертоносные торпеды. Они устремлялись в звездное пространство, насыщая радиоактивностью каждый дюйм живой субстанции. Эти торпеды были рассчитаны на то, чтобы распространять свои разрушающие атомы в течение тридцати тысяч лет. Они должны были оставаться внутри гравитационного поля галактики, но никогда не падать на планету или солнце.

Прошел еще день и еще ночь.

С наступлением утра инженер Пеннос сообщил по «Главному вызову»:

— Теперь мы производим по десять тысяч торпед в секунду, и я думаю, машины можно больше не собирать. Я установил вокруг планеты частичный экран, чтобы избежать проникновения. Еще сотня железных миров надежно блокирована, и наш гигантский друг начинает испытывать, что внутри его тела появляется зона пустоты. Нам пора в путь.

И вот прошел еще месяц. Пролетев огромное расстояние, «Космическая Гончая» решила сделать привал на туманности НГС-СО:467.

Астроном Гюнли Лестер подробно объяснил причину такого выбора.

— Именно эта галактика отстоит отсюда на девятьсот миллионов световых лет. Если раненый газообразный разум следует за нами, он заблудится в этой вечной ночи, которой нет конца и края.

После посадки собрали небольшое совещание и слово взял Гросвенф.

— Я уверен, что все мы понимаем, что никто не собирается лететь в эту отдаленную звездную систему. Такой путь занял бы у нас столетия, а возможно и тысячелетия. Все, что мы хотим — это завести враждебную форму жизни туда, где она умрет от голода и откуда нет возврата. Кроме того, таким образом мы сможем определить, преследует она нас или нет. Здесь мы должны услышать пульсацию ее мыслей. Если пульсацию не обнаружим, значит она мертва.

И вот галактика тьмы затаилась за бортом «Космической Гончей». Все приборы были настроены и прощупывали абсолютную тишину. Враждебная цивилизация не давала о себе знать. Значит в бесконечном пространстве осталась мертвая туманность.

Умер газ, который знал о смерти только потому, что приносил ее другим.

Шло время. Гросвенф вошел в аудиторию и обнаружил, что

его класс полон народа. Были заняты все стулья, и из соседнего отдела принесли еще несколько. Немного помолчав, он начал вечернюю лекцию.

— Проблемы, перед лицом которых стоит некзиализм, являются всеобщими проблемами. Человек разделил жизнь и материю на различные отрасли знания и бытия. И хотя человек признает цельность природы, он все же ставит себя отдельно от нее. Технические приемы, которые мы будем сегодня обсуждать...

Он замолчал. Еще раз посмотрел в зал и остановил свой взгляд на человеке, который был ему хорошо знаком. Пауза длилась недолго.

Гросвенф продолжал:

— ... расскажут вам о том, как можно преодолеть это несоответствие между поведением человека и объективной действительностью.

Он продолжал подробно и доходчиво описывать технические приемы и видел, как в среднем ряду Грегори Кент делал первые заметки по некзиализму.

А «Космическая Гончая», неся в себе маленький островок человеческой цивилизации, со все увеличивающейся скоростью неслась сквозь ночь, у которой нет конца и начала... Конца и начала .

ЧУДОВИЩЕ

На высоте четверти мили огромный звездолет повис над одним из городов. Внизу все носило следы космического опустошения. Медленно опускаясь в энергетической гондолосфере, Инэш заметил, что здания уже начинали разваливаться от времени.

— Никаких следов военных действий. Никаких следов... — ежеминутно повторял бесплотный механический голос.

Инэш перевел настройку.

Достигнув поверхности, он отключил поле своей гондолы и оказался на окруженном стенами заросшем участке. Несколько скелетов лежало в высокой траве перед зданием с обтекаемыми стремительными линиями. Это были скелеты длинных двуруких и двуногих созданий; череп каждого держался на верхнем конце тонкого спинного хребта. Все костяки явно принадлежали взрослым особям и казались прекрасно сохранившимися, но, когда Инэш нагнулся и тронул один из них, целый сустав рассыпался в прах. Выпрямившись, он увидел, как Йоал приземляется поблизости. Подождав, пока историк выберется из своей энергетической сферы, Инэш спросил:

— Как по-вашему, стоит попробовать наш метод оживления?

Йоал казался озабоченным.

— Я расспрашивал всех, кто уже спускался сюда в звездолете,— ответил он.— Что-то здесь не так. На этой планете не осталось живых существ, не осталось даже насекомых. Прежде чем начинать какую-либо колонизацию, мы должны выяснить, что здесь произошло.

Инэш промолчал. Подул слабый ветерок, зашелестел листвой в кронах рощицы неподалеку от них. Инэш взглянул на деревья.

Йоал кивнул.

— Да, растительность не пострадала, однако растения, как правило, реагируют совсем иначе, чем активные формы жизни.

Их прервали. Из приемника Йоала прозвучал голос:

— Примерно в центре города обнаружен музей. На его крыше — красный маяк.

— Я пойду с вами, Йоал,— сказал Инэш.— Там, возможно, сохранились скелеты животных и разумных существ на различных

стадиях эволюции. Кстати, вы не ответили мне. Собираетесь ли вы оживлять эти существа?

— Я представлю вопрос на обсуждение совета,— медленно проговорил Йоал,— но, мне кажется, ответ не вызывает сомнений. Мы обязаны знать причину этой катастрофы.— Он описал неопределенный полукруг одним из своих щупалец и как бы про себя добавил:— Разумеется, действовать надо осторожно, начиная с самых ранних ступеней эволюции. Отсутствие детских скелетов указывает, что эти существа, по-видимому, достигли индивидуального бессмертия.

Совет собрался для осмотра экспонатов. Инэш знал — это пустая формальность. Решение принято — они будут оживлять. Помимо всего прочего, они были заинтригованы. Вселенная безгранична, полеты сквозь космос долги и тоскливы, поэтому, спускаясь на неведомые планеты, они всегда с волнением ожидали встречи с новыми формами жизни, которые можно увидеть своими глазами, изучить.

Музей походил на все музеи. Высокие сводчатые потолки, обширные залы. Пластмассовые фигуры странных зверей, множество предметов — их было слишком много, чтобы все осмотреть и понять за столь короткое время. Эволюция неведомой расы была представлена последовательными группами реликвий. Инэш вместе со всеми прошел по залам. Он облегченно вздохнул, когда они наконец добрались до ряда скелетов и мумий. Укрывшись за силовым экраном, наблюдал, как специалисты-биологи извлекают мумию из каменного саркофага. Тело мумии было перебинтовано полосами материи в несколько слоев, но биологи не стали разворачивать истлевшую ткань. Раздвинув пелены, они, как обычно делалось в таких случаях, взяли пинцетом только обломок черепной коробки. Для оживления годится любая часть скелета, однако лучшие результаты, наиболее совершенную реконструкцию дают некоторые участки черепа.

Главный биолог Хамар объяснил, почему они выбрали именно эту мумию:

— Для сохранения тела они применили химические вещества, которые свидетельствуют о зачаточном состоянии химии. Резьба же на саркофаге говорит о примитивной цивилизации, незнакомой с машинами. На этой стадии потенциальные возможности нервной системы вряд ли были особенно развитыми. Наши специалисты по языкам проанализировали записи говорящих машин, установленных во всех разделах музея, и, хотя языков оказалось очень много — здесь есть запись разговорной речи даже той эпохи, когда это существо было живо,— они без труда расшифровали все понятия. Сейчас универсальный переводчик настроен ими так, что переведет любой наш вопрос на язык оживленного существа. То же самое, разумеется, и с обратным переводом. Но, простите, я вижу, первое тело уже подготовлено!

Инэш вместе с остальными членами совета пристально следил за биологами: те закрепили зажимами крышку воскресителя, и процесс пластического восстановления начался. Он

почувствовал, как все внутри него напряглось. Он знал, что сей час произойдет. Знал наверняка. Пройдет несколько минут, и древний обитатель этой планеты поднимется из воскресителя и встанет перед ними лицом к лицу. Научный метод воскрешения прост и безотказен.

Жизнь возникает из тьмы бесконечно малых величин, на грани, где все начинается и все кончается, на грани жизни и не жизни, в той сумеречной области, где вибрирующая материя легко переходит из старого состояния в новое, из органической в неорганическую и обратно. Электроны не бывают живыми или неживыми, атомы ничего не знают об одушевленности или неодушевленности. Но когда атомы соединяются в молекулы, на этой стадии достаточно одного шага, ничтожно малого шага к жизни, если только жизни суждено зародиться. Один шаг, а за ним темнота. Или жизнь.

Камень или живая клетка. Крупица золота или травинка. Морской песок или столь же бесчисленные крохотные живые существа, населяющие бездонные глубины рыбьего царства. Разница между ними возникает в сумеречной области зарождения материи. Там каждая живая клетка обретает присущую ей форму. Если у краба оторвать ногу, вместо нее вырастет такая же новая. Червь вытягивается и вскоре разделяется на двух червей, на две одинаковые желудочные системы, такие же прожорливые, совершенные и ничуть не поврежденные этим разделением. Каждая клетка может превратиться в целое существо. Каждая клетка «помнит» это целое в таких мельчайших и сложных подробностях, что для их описания просто не хватит сил.

Но вот что парадоксально — нельзя считать память органической! Обыкновенный восковой валик запоминает звуки. Магнитная лента легко воспроизводит голоса, умолкшие столетия назад. Память — это филологический отпечаток, следы, оставленные на материи, изменившие строение молекул; и, если ее пробудить, молекулы воспроизведут те же образы в том же ритме.

Квадрильоны и квинтильоны пробужденных образов-форм устремились из черепа мумии в воскреситель. Память, как всегда, не подвела.

Ресницы воскрешенного дрогнули, и он открыл глаза.

— Значит, это правда,— сказал он громко, и машина сразу же перевела его слова на язык гэнейцев.— Значит, смерть — только переход в иной мир. Но где же все мои приближенные?

Последнюю фразу он произнес растерянным, жалобным тоном.

Воскрешенный сел, потом выбрался из аппарата, крышка которого автоматически поднялась, когда он ожил. Увидев гэнейцев, он задрожал, но это длилось какой-то миг. Воскрешенный был горд и обладал своеобразным высокомерным мужеством, которое сейчас ему пригодилось. Неохотно опустился он на колени, простерся ниц, но тут сомнения одолели его.

— Вы боги Египта? — спросил он и снова встал.— Что за уроды! Я не поклоняюсь неведомым демонам.

— Убейте его! — сказал капитан Горсид.

Двуногое чудовище судорожно дернулось и растаяло в пламени лучевого ружья.

Второй воскрешенный поднялся, дрожа и бледнея от ужаса.

— Господи боже мой, чтобы я еще когда-нибудь прикоснулся к проклятому зелью! Подумать только, допился до розовых слонов...

— Это что за «зелье», о котором ты упомянул, воскрешенный? — с любопытством спросил Йоал.

— Первач, сивуха, отрава во фляжке из заднего кармана, молоко от бешеной коровки,— чем только не поят в этом притоне, о господи боже мой!

Капитан Горсид вопросительно посмотрел на Йоала.

— Стоит ли продолжать?

Йоал, помедлив, ответил:

— Подождите, это любопытно.

Потом снова обратился к воскрешенному:

— Как бы ты реагировал, если бы я тебе сказал, что мы прилетели с другой звезды?

Человек уставился на него. Он был явно заинтересован, но страх оказался сильнее.

— Послушайте,— сказал он.— Я ехал по своим делам. Положим, я опрокинул пару лишних рюмок, но во всем виновата эта пакость, которой сейчас торгуют. Клянусь, я не видел другой машины, и, если это новый способ наказывать тех, кто пьет за рулем, я сдаюсь. Ваша взяла. Клянусь, до конца своих дней больше не выпью ни капли, только отпустите меня.

— Он водит «машину», но он о ней совершенно не думает,— проговорил Йоал.— Никаких таких «машин» мы не видели. Они не позаботились сохранить их в своем музее.

Инэш заметил, что все ждут, когда кто-нибудь еще задаст вопрос. Почувствовал, что, если он сам не заговорит, круг молчания замкнется. Инэш сказал:

— Попросите его описать «машину». Как она действует?

— Вот это другое дело! — обрадовался человек.— Скажите, куда вы клоните, и я отвечу на любой вопрос. Я могу накачаться так, что в глазах задвоится, но все равно машину поведу. Как она действует? Просто. Включаешь стартер и даешь газ...

— Газ,— вмешался техник-лейтенант Виид.— Мотор внутреннего сгорания. Все ясно.

Капитан Горсид подал знак стражу с лучевым ружьем.

Третий человек сел и некоторое время внимательно смотрел на них.

— Со звезд? — наконец спросил он.— У вас есть система, или вы попали к нам по чистой случайности?

Гэнейские советники, собравшиеся под куполом зала, неловко заерзали в своих гнутых креслах. Инэш встретился глазами с Йоалом. Историк был потрясен, и это встревожило метеоролога. Он подумал: «Двуногое чудовище обладает ненормально быстрой приспособляемостью к новым условиям и слишком острым чувством действительности. Ни один гэнеец не может сравниться с ним по быстроте реакции».

— Быстрота мысли не всегда является признаком превосходства,— проговорил главный биолог Хамар.— Существа с медленным, обстоятельным мышлением занимают в ряду мыслящих особей почетные места.

«Дело не в скорости,— невольно подумал Инэш,— а в правильности и точности мысли». Он попробовал представить себя на месте воскрешенного. Сумел бы он вот так же сразу понять, что вокруг него чужие существа с далеких звезд? Вряд ли.

Все это мгновенно вылетело у него из головы, когда человек встал. Инэш и остальные советники не спускали с него глаз. Человек быстро подошел к окну, выглянул наружу. Один короткий взгляд, и он повернулся к ним.

— Везде то же самое?

Снова гэнейцев поразила быстрота, с которой он все понял.

Наконец Йоал решился ответить:

— Да. Опустошение. Смерть. Развалины. Вы знаете, что здесь произошло?

Человек подошел и остановился перед силовым экраном, за которым сидели гэнейцы.

— Могу я осмотреть музей? Я должен прикинуть, в какой я эпохе. Когда я был жив, мы обладали некоторыми средствами разрушения. Какое из них было применено — зависит от количества истекшего времени.

Советники смотрели на капитана Горсида. Тот замялся, потом приказал стражу с лучевым ружьем:

— Следи за ним!

Потом взглянул человеку в глаза.

— Нам ясны ваши намерения. Вам хочется воспользоваться положением и обеспечить свою безопасность. Хочу вас предупредить: ни одного лишнего движения, и тогда все кончится для вас хорошо.

Неизвестно, поверил человек в эту ложь или нет. Ни единым взглядом, ни единым жестом не показал он, что заметил оплавленный пол там, где лучевое ружье сожгло и обратило в ничто двух его предшественников. С любопытством приблизился он к ближайшей двери, внимательно взглянул на следившего за ним второго стража и быстро направился дальше. Следом прошел страж, за ним двинулся силовой экран и, наконец, все советники один за другим.

Инэш переступил порог третьим. В этом зале были выставлены модели животных. Следующий представлял эпоху, которую Инэш для простоты назвал про себя «цивилизованной». Здесь хранилось множество аппаратов одного периода. Все они говорили о довольно высоком уровне развития. Когда гэнейцы проходили здесь в первый раз, Инэш подумал: «Атомная энергия». Это же поняли и другие. Капитан Горсид из-за его спины обратился к человеку:

— Ничего не трогать. Один ложный шаг — и страж сожжет вас.

Человек спокойно остановился посреди зала. Несмотря на

чувство тревожного любопытства, Инэш залюбовался его самообладанием. Он должен был понимать, какая судьба его ожидает, и все-таки он стоит перед ними, о чем-то глубоко задумавшись... Наконец человек уверенно заговорил:

— Дальше идти незачем. Может быть, вам удастся определить точней, какой промежуток времени лежит между днем моего рождения и вот этими машинами. Вот аппарат, который, если судить по таблице, считает взрывающиеся атомы. Когда их число достигает предела, автоматически выделяется определенное количество энергии. Периоды рассчитаны так, чтобы предотвратить цепную реакцию. В мое время существовали тысячи грубых приспособлений для замедления атомной реакции, но для того, чтобы создать такой аппарат, понадобилось две тысячи лет с начала атомной эры. Вы можете сделать сравнительный расчет?

Советники выжидательно смотрели на Виида. Инженер был в растерянности. Наконец он решился и заговорил:

— Девять тысяч лет назад мы знали множество способов предотвращать атомные взрывы. Но,— прибавил он уже медленнее,— я никогда не слышал о приборе, который отсчитывает для этого атомы.

— И все же они погибли,— пробормотал чуть слышно астроном Шюри.

Воцарилось молчание. Его прервал капитан Горсид:

— Убей чудовище! — приказал он ближайшему стражу.

В то же мгновение объятый пламенем страж рухнул на пол. И не страж, а стражи! Все одновременно были сметены и поглощены голубым вихрем. Пламя лизнуло силовой экран, отпрянуло, рванулось еще яростней и снова отпрянуло, разгораясь все ярче. Сквозь огненную завесу Инэш увидел, как человек отступил к дальней двери. Аппарат, считающий атомы, светился от напряжения, окутанный синими молниями.

— Закрыть все выходы! — пролаял в микрофон капитан Горсид.— Поставить охрану с лучевыми ружьями! Подвести боевые ракеты ближе и расстрелять чудовище из тяжелых орудий!

Кто-то сказал:

— Мысленный контроль. Какая-то система управления мыслью на расстоянии. Зачем только мы в это впутались!

Они отступали. Синее пламя полыхало до потолка, пытаясь пробиться сквозь силовой экран. Инэш последний раз взглянул на аппарат. Должно быть, он все еще продолжал отсчитывать атомы, потому что вокруг него клубились адские синие вихри.

Вместе с остальными советниками Инэш добрался до зала, где стоял воскреситель. Здесь их укрыл второй силовой экран. С облегчением спрятались они в индивидуальные гондолы, вылетели наружу и поспешно поднялись в звездолет. Когда огромный корабль взмыл ввысь, от него отделилась атомная бомба. Огненная бездна разверзлась внизу над музеем и над всем городом.

— А ведь мы так и не узнали, отчего погибла раса этих существ,— прошептал Йоал на ухо Инэшу, когда раскаты взрыва замерли в отдалении.

Бледно-желтое солнце поднялось над горизонтом на третье утро после взрыва бомбы. Пошел восьмой день их пребывания на этой планете. Инэш вместе с остальными спустился в новый город. Он решил воспротивиться любой попытке производить воскрешения.

— Как метеоролог,— сказал он,— я объявлю, что эта планета вполне безопасна и пригодна для гэнейской колонизации. Не вижу никакой необходимости еще раз подвергаться риску. Эти существа проникли в тайны своей нервной системы, и мы не можем допустить...

Его прервали. Биолог Хамар насмешливо сказал:

— Если они знали так много, почему же не переселились на другую звездную систему и не спаслись?

— Полагаю,— ответил Инэш,— они не открыли наш метод определения звезд с планетами.

Он обвел хмурым взглядом круг друзей.

— Мы все знаем, что это было уникальное, случайное открытие. Дело тут не в мудрости — нам просто повезло.

По выражению лиц он понял: они мысленно отвергают его довод. Инэш чувствовал свое бессилие предотвратить неизбежную катастрофу. Он представил себе, как эта великая раса встретила смерть. Должно быть, она наступила быстро, но не столь быстро, чтобы они не успели понять. Слишком много скелетов лежало на открытых местах, в садах великолепных домов. Казалось, мужья вышли с женами наружу, чтобы встретить гибель своего народа под открытым небом. Инэш пытался описать советникам их последний день много-много лет назад, когда эти существа спокойно глядели в лицо смерти. Однако вызванные им зрительные образы не достигли сознания его соплеменников. Советники нетерпеливо задвигались в креслах за несколькими рядами защитных силовых экранов, а капитан Горсид спросил:

— Объясните, Инэш, что именно вызвало у вас такую эмоциональную реакцию?

Вопрос заставил Инэша умолкнуть. Он не думал, что это была эмоция. Он не отдавал себе отчета в природе наваждения — так незаметно оно овладевало им. И только теперь он вдруг понял.

— Что именно? — медленно проговорил он.— Знаю. Это был третий воскрешенный. Я видел его сквозь завесу энергетического пламени. Он стоял там, у дальней двери, и смотрел на нас, пока мы не обратились в бегство. Смотрел с любопытством. Его мужество, спокойствие, ловкость, с которой он нас одурачил,— в этом все дело...

— И все это привело его к гибели,— сказал Хамар.

Все захохотали.

— Послушай, Инэш! — добродушно обратился к нему Мэйард, помощник капитана.— Не станете же вы утверждать, что эти существа храбрее нас с вами или что даже теперь, приняв все меры предосторожности, нам всем следует опасаться одного воскрешенного нами чудовища?

Инэш промолчал. Он чувствовал себя глупо. Его совершенно

убило открытие, что у него могут быть эмоции. К тому же не хотелось выглядеть упрямцем. Тем не менее он сделал последнюю попытку.

— Я хочу сказать только одно,— сердито пробурчал он.— Стремление выяснить, что случилось с погибшей расой, кажется мне не таким уж обязательным.

Капитан Горсид подал знак биологу.

— Приступайте к оживлению! — приказал он.

И, обращаясь к Инэшу, проговорил:

— Разве мы можем вот так, не закончив всего, вернуться на Гэйну и посоветовать массовое переселение? Представьте себе, что мы чего-то не выяснили здесь до конца. Нет, мой друг, это невозможно.

Довод был старый, но сейчас Инэш почему-то с ним сразу согласился. Он хотел что-то добавить, но забыл обо всем, ибо четвертый человек поднялся в воскресителе.

Он сел и исчез.

Наступила мертвая тишина, полная ужаса и изумления. Капитан Горсид хрипло проговорил:

— Он не мог отсюда уйти. Мы это знаем. Он где-то здесь.

Гэнейцы вокруг Инэша, привстав с кресел, всматривались в пустоту под энергическим колпаком. Стражи стояли, безвольно опустив щупальца с лучевыми ружьями. Боковым зрением Инэш увидел, как один из техников, обслуживавших защитные экраны, что-то шепнул Виду, который сразу последовал за ним. Вернулся он, заметно помрачнев.

— Мне сказали,— проговорил Виид,— что, когда воскрешенный исчез, стрелки приборов прыгнули на десять делений. Это уровень внутриядерных процессов.

— Во имя первого гэнейца! — прошептал Шюри.— Это то, чего мы всегда боялись.

— Уничтожить все локаторы на звездолете! — кричал капитан Горсид в микрофон.— Уничтожить все, вы слышите?

Он повернулся, сверкая глазами, к астроному.

— Шюри, они, кажется, меня не поняли. Прикажите своим подчиненным действовать! Все локаторы и воскресители должны быть немедленно уничтожены.

— Скорее, скорее! — жалобно подтвердил Шюри.

Когда это было сделано, они перевели дух. На лицах появились угрюмые усмешки. Все чувствовали мрачное удовлетворение. Помощник капитана Мэйард проговорил:

— Во всяком случае, теперь он не найдет нашу Гэйну. Великая система определения звезд с планетами останется нашей тайной. Мы можем не опасаться возмездия...

Он остановился и уже медленно закончил:

— О чем это я говорю?.. Мы ничего не сделали. Разве мы виноваты в том, что случилось с жителями этой планеты?

Но Инэш знал, о чем он подумал. Чувство вины всегда возникало у них в подобные моменты. Призраки всех истребленных гэнейцами рас: беспощадная воля, которая вдохновляла их, когда

они впервые приземлились; решимость уничтожить здесь все, что им помешает; темные бездны безмолвного ужаса и ненависти, разверзающиеся за ними повсюду; дни страшного суда, когда они безжалостно облучали ничего не подозревавших обитателей мирных планет смертоносной радиацией,— вот что скрывалось за словами Мэйарда.

— Я все же не верю, что он мог сбежать,— заговорил капитан Горсид.— Он здесь, в здании, он ждет, когда мы снимем защитные экраны, и тогда он сумеет уйти. Пусть ждет. Мы этого не сделаем.

Снова воцарилось молчание. Они выжидательно смотрели на пустой купол энергетической защиты. Только сверкающий воскреситель стоял там на своих металлических подставках. Кроме этого аппарата, там не было ничего — ни одного постороннего блика, ни одной тени. Желтые солнечные лучи проникали всюду, освещая площадку с такой яркостью, что укрыться на ней было просто немыслимо.

— Стража! — приказал капитан Горсид.— Уничтожьте воскреситель. Я думаю, он вернется, чтобы его осмотреть, поэтому не следует рисковать.

Аппарат исчез в волнах белого пламени. Вместе с ним исчезла и последняя надежда Инэша, который все еще верил, что смертоносная энергия заставит двуногое чудовище появиться. Надеяться больше было не на что.

— Но куда он мог деться? — спросил Йоал.

Инэш повернулся к историку, собираясь обсудить с ним этот вопрос. Уже заканчивая полуоборот, он увидел — чудовище стоит чуть поодаль под деревом и внимательно их разглядывает. Должно быть, оно появилось именно в этот миг, потому что все советники одновременно открыли рты и отпрянули. Один из техников, проявляя величайшую находчивость, мгновенно установил между гэнейцами и чудовищем силовой экран. Существо медленно приближалось, оно было хрупким и несло голову, слегка откинув назад. Глаза его сияли, будто освещенные внутренним огнем.

Подойдя к экрану, человек вытянул руку и коснулся его пальцами. Экран ослепительно вспыхнул, потом затуманился переливами красок. Волна красок перешла на человека: цвета стали ярче и в мгновение разлились по всему его телу, с головы до ног. Радужный туман рассеялся. Очертания стали незримы. Еще миг — и человек прошел сквозь экран.

Он засмеялся — звук был странно мягким — и сразу посерьезнел.

— Когда я пробудился, ситуация меня позабавила,— сказал он.— Я подумал: «Что мне теперь с вами делать?»

Для Инэша его слова прозвучали в утреннем воздухе мертвой планеты приговором судьбы. Молчание нарушил голос, настолько сдавленный и неестественный голос, что Инэшу понадобилось время, чтобы узнать голос капитана Горсида.

— Убейте его!

Когда взрывы пламени опали обессиленные, неуязвимое существо по-прежнему стояло перед ними. Оно медленно двинулось вперед и остановилось шагах в шести от ближайшего гэнейца. Инэш оказался позади всех. Человек неторопливо заговорил:

— Напрашиваются два решения: одно — основанное на благодарности за мое воскрешение, второе — на действительном положении вещей. Я знаю, кто вы и что вам нужно. Да, я вас знаю — в этом ваше несчастье. Тут трудно быть милосердным. Но попробую. Предположим,— продолжал он,— вы откроете тайну локатора. Теперь, поскольку система существует, мы больше никогда не попадемся так глупо, как в тот раз.

Инэш весь напрягся. Его мозг работал так лихорадочно, пытаясь охватить возможные последствия катастрофы, что, казалось, в нем не осталось места ни для чего другого. И тем не менее какая-то часть сознания была отвлечена.

— Что же произошло? — спросил он.

Человек потемнел. Воспоминания о том далеком дне сделали его голос хриплым.

— Атомная буря,— проговорил он.— Она пришла из иного, звездного мира, захватив весь этот край нашей галактики. Атомный циклон достигал в диаметре около девяноста световых лет, гораздо больше того, что нам было доступно. Спасения не было. Мы не нуждались до этого в звездолетах и ничего не успели построить. К тому же Кастор, единственная известная нам звезда с планетами, тоже был задет бурей.

Он умолк. Затем вернулся к прерванной мысли.

— Итак, секрет локатора... В чем он?

Советники вокруг Инэша вздохнули с облегчением. Теперь они не боялись, что их раса будет уничтожена. Инэш с гордостью отметил, что, когда самое страшное осталось позади, никто из гэнейцев даже не подумал о себе.

— Значит, вы не знаете тайны? — вкрадчиво проговорил Йоал.— Вы достигли очень высокого развития, однако завоевать галактику сможем только мы.

С заговорщицкой улыбкой он обвел глазами всех остальных и добавил:

— Господа, мы можем по праву гордиться великими открытиями гэнейцев. Предлагаю вернуться на звездолет. На этой планете нам больше нечего делать.

Еще какой-то момент, пока они не скрылись в своих сферических гондолах, Инэш с тревогой думал, что двуногое существо попытается их задержать. Но, оглянувшись, он увидел, что человек повернулся к ним спиной и неторопливо идет вдоль улицы.

Этот образ остался в памяти Инэша, когда звездолет начал набирать высоту. И еще одно он запомнил: атомные бомбы, сброшенные на город одна за другой, не взорвались.

— Так просто мы не откажемся от этой планеты,— сказал капитан Горсид.— Я предлагаю еще раз переговорить с чудовищем.

Они решили снова спуститься в город — Инэш, Йоал, Виид и командир корабля. Голос капитана Горсида прозвучал в их приемниках:

— Мне кажется... — Взгляд Инэша улавливал сквозь утренний туман блеск прозрачных гондол, которые опускались вокруг него.— Мне кажется, мы принимаем это создание совсем не за то, что оно собой представляет в действительности. Вспомните, например — оно пробудилось и сразу исчезло. А почему?.. Потому что испугалось. Ну конечно же! Оно не было хозяином положения. Оно само не считает себя всесильным.

Это звучало убедительно. Инэшу доводы капитана пришлись по душе. И ему вдруг показалось непонятным, чего это он так легко поддался панике! Теперь опасность предстала перед ним в ином свете. На всей планете всего один человек. Если они действительно решатся, можно будет начать переселение колонистов, словно его вообще нет. Он вспомнил, так уже делалось в прошлом неоднократно. На многих планетах небольшие группки исконных обитателей избежали действия смертоносной радиации и укрылись в отдаленных областях. Почти всюду колонисты постепенно выловили их и уничтожили. Однако в двух случаях, насколько он помнит, туземцы еще удерживали за собой небольшие части своих планет. В обоих случаях было решено не истреблять их радиацией — это могло повредить самим гэнейцам. Там колонисты примирились с уцелевшими автохтонами. А тут и подавно — всего один обитатель, он не займет много места!

Когда они его отыскали, человек деловито подметал нижний этаж небольшого особняка. Он отложил веник и вышел к ним на террасу. На нем были теперь сандалии и свободная развевающаяся туника из какой-то ослепительно сверкающей материи. Он лениво посмотрел на них и не сказал ни слова.

Переговоры начал капитан Горсид. Инэш только диву давался, слушая, что тот говорит механическому переводчику. Командир звездолета был предельно откровенен: так решили заранее. Он подчеркнул, что гэнейцы не собираются оживлять других мертвецов этой планеты. Подобный альтруизм был бы противоестествен, ибо все возрастающие орды гэнейцев постоянно нуждаются в новых мирах. И каждое новое значительное увеличение населения выдвигало одну и ту же проблему, которую можно разрешить только одним путем. Но в данном случае колонисты добровольно обязуются не посягать на права единственного уцелевшего обитателя планеты.

В этом месте человек прервал капитана Горсида:

— Какова же была цель такой бесконечной экспансии?

Казалось, он был искренне заинтересован.

— Предположим, вы заселите все планеты нашей галактики. А что дальше?

Капитан Горсид обменялся недоуменным взглядом с Йоалом, затем с Инэшем и Виидом. Инэш отрицательно покачал туловищем из стороны в сторону. Он почувствовал жалость к этому созданию. Человек не понимал и, наверное, никогда не поймет.

Старая история! Две расы, жизнеспособная и угасающая, держались противоположных точек зрения: одна стремилась к звездам, а другая склонялась перед неотвратимостью судьбы.

— Почему бы вам не установить контроль над своими инкубаторами? — настаивал человек.

— И вызвать падение правительства? — сыронизировал Йоал.

Он проговорил это снисходительно, и Инэш увидел, как все остальные тоже улыбаются наивности человека. Он почувствовал, как интеллектуальная пропасть между ними становится все шире. Это существо не понимало природы жизненных сил, управляющих миром.

— Хорошо,— снова заговорил человек.— Если вы не способны ограничить свое размножение, это сделаем за вас мы.

Наступило молчание.

Гэнейцы начали окостеневать от ярости. Инэш чувствовал это сам и видел те же признаки у других. Его взгляд переходил с лица на лицо и возвращался к двуногому созданию, по-прежнему стоявшему в дверях. Уже не в первый раз Инэш подумал, что их противник выглядит совершенно беззащитным.

«Сейчас,— подумал он,— я могу обхватить его щупальцами и раздавить!»

Умственный контроль над внутриядерными процессами и гравитационными полями, сочетается ли он со способностью отражать чисто механическое, макрокосмическое нападение? Инэш думал, что сочетается. Сила, проявление которой они видели два часа назад, конечно, должна была иметь какие-то пределы. Но они этих пределов не знали. И тем не менее все это теперь не имело значения. Сильнее они или слабее — неважно. Роковые слова были произнесены: «Если вы не способны ограничить, это сделаем за вас мы!»

Эти слова еще звучали в ушах Инэша, и, по мере того, как их смысл все глубже проникал в его сознание, он чувствовал себя все менее изолированным и отчужденным. До сих пор он считал себя только зрителем. Даже протестуя против дальнейших воскрешений, Инэш действовал как незаинтересованное лицо, наблюдающее за драмой со стороны, но не участвующее в ней. Только сейчас он с предельной ясностью понял, почему он всегда уступал и в конечном счете соглашался с другими. Возвращаясь в прошлое, к самым отдаленным дням, теперь он видел, что никогда по-настоящему не считал себя участником захвата новых планет и уничтожения чуждых рас. Он просто присутствовал при сем, размышлял, рассуждал о жизни, не имевшей для него значения. Теперь это понятие конкретизировалось. Он больше не мог, не хотел противиться могучей волне страстей, которые его захлестнули. Сейчас он мыслил и чувствовал заодно с необъятной массой гэнейцев. Все силы и все желания расы бушевали в его крови.

— Слушай, двуногий! — прорычал он.— Если ты надеешься оживить свое мертвое племя — оставь эту надежду!

Человек посмотрел на него, но промолчал.

— Если бы ты мог нас всех уничтожить,— продолжал

Инэш,— то давно уничтожил бы. Но все дело в том, что у тебя не хватит сил. Наш корабль построен так, что на нем невозможна никакая цепная реакция. Любой частице потенциально активной материи противостоит античастица, не допускающая образования критических масс. Ты можешь произвести взрывы в наших двигателях, но эти взрывы останутся тоже изолированными, а их энергия будет обращена на то, для чего двигатели предназначены,— превратится в движение.

Инэш почувствовал прикосновение Йоала.

— Поостерегись! — шепнул историк.— В запальчивости ты можешь выболтать один из наших секретов.

Инэш стряхнул его щупальце и сердито огрызнулся:

— Хватит наивничать! Этому чудовищу достаточно было взглянуть на наши тела, чтобы разгадать почти все тайны нашей расы. Нужно быть дураком, чтобы воображать, будто оно еще не взвесило свои и наши возможности в данной ситуации.

— Инэш! — рявкнул капитан Горсид.

Услышав металлические нотки в его голосе, Инэш отступил:

— Слушаюсь.

Его ярость остыла так же быстро, как вспыхнула.

— Мне кажется,— продолжал капитан Горсид,— я догадываюсь, что вы намеревались сказать. Я целиком с вами согласен, но в качестве высшего представителя властей Гэйны считаю своим долгом предъявить ультиматум.

Он повернулся. Его рогатое тело нависло над человеком.

— Ты осмелился произнести слова, которым нет прощения. Ты сказал, что вы попытаетесь ограничить движение великого духа Гэйны.

— Не духа,— прервал его человек. Он тихонько рассмеялся.— Вовсе не духа!

Капитан Горсид пренебрег его словами.

— Поэтому,— продолжал он,— у нас нет выбора. Мы полагаем, что со временем, собрав необходимые материалы и изготовив соответствующие инструменты, ты сумеешь построить воскреситель. По нашим расчетам, на это понадобится самое меньшее два года, даже е с л и т ы з н а е ш ь в с е. Это необычайно сложный аппарат и собрать его единственному представителю расы, которая отказалась от машин за тысячелетие до того, как была уничтожена, будет очень и очень не просто.

Ты не успеешь построить звездолет. И мы не дадим тебе времени собрать воскреситель. Возможно, ты сумеешь предотвратить взрывы на каком-то расстоянии вокруг себя. Тогда мы полетим к другим материкам. Если ты помешаешь и там, значит, нам понадобится помощь. Через шесть месяцев полета с наивысшим ускорением мы достигнем точки, откуда ближайшие колонизированные гэнейцами планеты услышат наш призыв. Они пошлют огромный флот: ему не смогут противостоять все твои силы. Сбрасывая по сотне или по тысяче бомб в минуту, мы уничтожим все города, так что от скелетов твоего народа не останется даже праха.

Таков наш план. И так оно и будет. А теперь делай с нами что хочешь — мы в твоей власти.

Человек покачал головой.

— Пока я ничего не стану делать,— сказал он и подчеркнул: — Пока ничего.

Помолчав, добавил задумчиво:

— Вы рассуждаете логично. Очень. Разумеется, я не всемогущ, но, мне кажется, вы забыли одну маленькую деталь. Какую, не скажу. А теперь прощайте. Возвращайтесь на свой корабль и летите, куда хотите. У меня еще много дел.

Инэш стоял неподвижно, чувствуя, как ярость снова разгорается в нем. Потом, зашипев, он прыгнул, растопырив щупальца. Они уже почти касались нежного тела, как вдруг что-то отшвырнуло его...

Очнулся Инэш на звездолете.

Он не помнил, как очутился в нем, он не был ранен, не испытывал никакого потрясения. Он беспокоился только о капитане Горсиде, Виде, Йоале, но все трое стояли рядом с ним такие же изумленные. Инэш лежал неподвижно и думал о том, что сказал человек: «Вы забыли одну маленькую деталь...» Забыли? Значит, они ее знали! Что же это такое? Он все еще раздумывал над этим, когда Йоал сказал:

— Глупо надеяться, что наши бомбы хоть что-нибудь сделают!

Он оказался прав.

Когда звездолет удалился от Земли на сорок световых лет, Инэша вызвали в зал совета. Вместо приветствия Йоал уныло сказал:

— Чудовище на корабле.

Его слова как громом поразили Инэша, но вместе с их раскатами на него снизошло внезапное озарение.

— Так вот о чем мы забыли! — удивленно и громко проговорил он наконец.— Мы забыли, что он при желании может передвигаться в космическом пространстве в пределах... — как это он сказал?.. в пределах девяноста световых лет.

Инэш понял. Гэнейцы, которым приходилось пользоваться звездолетами, разумеется, не вспомнили о такой возможности. И удивляться тут было нечему. Постепенно действительность начала утрачивать для него значение. Теперь, когда все свершилось, он снова почувствовал себя измученным и старым, он снова был отчаянно одинок.

Для того, чтобы ввести его в курс дела, понадобилось всего несколько минут. Один из физиков-ассистентов по дороге в кладовую заметил человека в нижнем коридоре. Странно только, что никто из многочисленной команды звездолета не обнаружил чудовища раньше.

«Но мы ведь, в конце концов, не собираемся спускаться или приближаться к нашим планетам,— подумал Инэш.— Таким образом, он сможет нами воспользоваться, только если мы включим видео?..»

Инэш остановился. Ну, конечно, в этом все дело! Им придется включить направленный видеолуч, и, едва контакт будет установлен, человек сможет определить нужное направление.

Решение Инэш прочел в глазах своих соплеменников — единственное возможное в данных условиях решение. И все же ему казалось, что они что-то упустили, что-то очень важное. Он медленно подошел к большому видеоэкрану, установленному в конце зала. Картина, изображенная на нем, была так ярка, так величественна и прекрасна, что непривычный разум содрогался перед ней, как от вспышки молнии. Даже Инэша, хотя он видел это неоднократно, охватывало оцепенение перед немыслимой, невообразимой бездной космоса. Это было изображение части Млечного Пути. Четыреста миллионов звезд сияли, словно в окуляре гигантского телескопа, способного улавливать даже мерцание красных карликов, удаленных на расстояние в тридцать тысяч световых лет. Видеоэкран был диаметром в двадцать пять ярдов — таких телескопов просто не существовало нигде, и к тому же в других галактиках не было столько звезд.

И только одна из каждых двухсот тысяч сияющих звезд имела пригодные для заселения планеты.

Именно этот факт колоссального значения заставил их принять роковое решение. Инэш устало обвел всех глазами. Когда он заговорил, голос его был спокоен:

— Чудовище рассчитало прекрасно. Если мы полетим дальше, оно полетит вместе с нами, овладеет воскресителем и вернется доступным ему способом на свою планету. Если мы воспользуемся направленным лучом, оно устремится вдоль луча, захватит воскреситель и тоже вернется к себе раньше нас. В любом случае, прежде чем наши корабли долетят до планеты, двуногий успеет оживить достаточное количество своих соплеменников, и тогда мы будем бессильны.

Он содрогнулся всем телом. Рассуждал он правильно, и все же ему казалось, что где-то в его мыслях есть пробел. Инэш медленно продолжал:

— Сейчас у нас только одно преимущество. Какое бы решение мы ни приняли, без машины-переводчика он его не узнает. Мы можем выработать план, который останется для него тайной. Он знает, что ни мы, ни он не можем взорвать корабль. Нам остается единственный выход. Единственный.

Капитан Горсид прервал наступившую тишину:

— Итак, я вижу, вы знаете все. Мы включим двигатели, взорвем приборы управления и погибнем вместе с чудовищем.

Они обменялись взглядами, и в глазах у всех была гордость за свою расу. Инэш по очереди коснулся щупальцами каждого.

Час спустя, когда температура в звездолете ощутимо поднялась, Инэшу пришла в голову мысль, которая заставила его устремиться к микрофону и вызвать астронома Шюри.

— Шюри! — крикнул он.— Вспомни, Шюри, когда чудовище пробудилось и исчезло... Ты помнишь? Капитан Горсид не мог сразу заставить твоих помощников уничтожить локаторы. Мы так

и не спросили их, почему они медлили. Спроси их! Спроси сейчас!..

Последовало молчание, потом голос Шюри слабо донесся сквозь грохот помех:

— Они... не могли... проникнуть... отсек... Дверь... была заперта.

Инэш мешком осел на пол. Вот оно! Значит, они упустили не только одну деталь! Человек очнулся, все понял, стал невидимым и сразу устремился на звездолет. Он открыл тайну локатора и тайну воскресителя, если только не осмотрел его в первую очередь. Когда он появился снова, он уже взял от них все, что хотел. А все остальное понадобилось чудовищу только для того, чтобы толкнуть их на этот акт отчаяния, на самоубийство.

Сейчас, через несколько мгновений он покинет корабль в твердой уверенности, что вскоре ни одно чужое существо не будет знать о его планете, и в такой же твердой уверенности, что его раса возродится, будет жить снова и отныне уже никогда не погибнет.

Потрясенный Инэш зашатался, цепляясь за рычащий приемник, и начал выкрикивать в микрофон последнее, что он понял. Ответа не было. Все заглушал рев невероятной, уже неуправляемой энергии. Жар начал размягчать его бронированный панцирь, когда Инэш, запинаясь, попробовал дотащиться до силового регулятора. Навстречу ему рванулось багровое пламя. Визжа и всхлипывая, он бросился обратно к передатчику.

Несколько минут спустя он все еще что-то пищал в микрофон, когда могучий звездолет нырнул в чудовищное горнило бело-синего солнца.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА ПТА 3

ИМПЕРИЯ АТОМА 122

ВОЛШЕБНИК АТОМНОЙ ИМПЕРИИ . . 225

ПУТЕШЕСТВИЕ «КОСМИЧЕСКОЙ ГОНЧЕЙ» . . 369

ЧУДОВИЩЕ 527

Зарубежная фантастика

ВЫПУСК 27

Альфред Элтон Ван-Вогт

ПУТЕШЕСТВИЕ «КОСМИЧЕСКОЙ ГОНЧЕЙ»

Ответственный за выпуск
В. П. Кирчев

Редакторы
Юнко А., Ольшевский Р.

Корректоры
Рожкова О., Трякина Е.

Технические редакторы
Цыплакова О., Синицкая Р.

Дата в печать 24.03.93. Уч.-изд. л. 39,95. Усл. печ. л. 28,56.
Тираж 52 000. Заказ № 1671.

Издательство «ЭЯ», г. Кишинев

Издательско-полиграфическая фирма «Центральная типография»,
277068, Кишинев, ул. Флорилор, 1

Государственный Департамент
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли